Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://herzenalexander.ru/ Приятного чтения!

Полное собрание сочинений. Том 24. Письма 1847-1850 годов. Александр Иванович Герцен

1847

Carissimi1[1], по-нашему 6 февраля приехали мы в почтовой Карете в Берлин. — Все здоровы, все забыли о дороге, все едут слушать Виардо... Ну, а что касается до дороги от Кенигсберга до Берлина, то, примерно так сказать, с похвалою об ней нельзя отнестись. Мы выехали из Кенигсберга в мамонтовской величины карете на полозках, нарицаемой Passagier-Post-Wagen, и до Эльбинга доехали довольно хорошо, в Эльбинге майор объявил, что двух вещей нет: во-первых, — снегу, а во-вторых, большой кареты, да и маленьких бейшезов нету для всех (нас ехало с бейшезами 32 человека), — что делать? Нас рассадили по бейшезам, и притом не но числу мест, а по числу вместимости. С Марьей Федоровной и Наташей поместился жид, который молился и имел какой-то специфический запах вроде бараньего тулупа, я попросил его променяться со мною местом, — он показал мне 3 № над головой и 3 № на билете, — и стал опять молиться, так он их проводил до Кюстрина, где его потащили в Франкфурт, От Эльбинга милях на 30 на каждой станции меняли бейшезы. Представьте досаду наших дам, когда в 15 минут надобно было напиться кофею, накормить детей, выгрузить пожитки и уложить их, долее 15 минут оставаться нельзя — почтальон трубит, кондуктор сердится, почтовый экспедитор ругается, зачем кондуктор ждет, а тот все трубит, и так скверно, что поневоле торопишься, а тут подушки летят в грязь, саки бросаются из кареты в карету так, как у нас льдом погреба набивают, да часто еще Коля кричит,

8

Саша вертится между лошадями, Луиза Ивановна в полнейшей десперации, не может найти своих вещей, в это время кондуктор, в утешение, бросает нас всех по мостам, уверяя, что на той станции всё найдется, — а там ночь, та же сцена, но с освещением фонарями. Всё это шло так быстро, что я едва заметил удивительный замок гроссмейстеров в Мариенбурге да мрачные, суровые крепостные стены Кюстрина. Вислу мы проехали по льду, но Одер уже очищается ото льда. Я ехал в кабриолете, и всё было бы хорошо, если б не дождь и снег с вьюгой, которые меня донимали часов 40. И повторяю: при всем этом дети были здоровы. Лица, ехавшие с нами, — более всего купцы, отправлявшиеся в Франкфурт. Что за ограниченность, что за филистерство, что за низкая узкость взгляда и требований!

2[2] «Лицом он несколько напоминает кюре»... (нем.). — Ред. Еще сказал: «Ein schöner Корь «Красивая голова». — нем..

Действие Берлина на первый взгляд поразительно, что-то широкое и сильное говорит с вами с высоты огромных домов, часто серьезной и чистой архитектуры, вам чувствуется, что это одно из больших соустий всемирного кровообращения. — Живем мы чудесно, только страшно дорого: комнаты стоят с отопленьем и постелями 8 талеров в сутки, зато вино и обед дешев, обед превосходный по 25 Silbergroschen с лица, а херес в талер и бургонское Beau^ 1—20 Silbergroscben превосходны. — На другой день я отправился к Мюллеру и Щепкину. Щепкин гелертер, занимается много и, кажется, дельно, но такой германский ученый, что чудо! Мюллер кланяется Огареву и Сатину, славный человек, мы с ним в полчаса подружились, отправились в Café Stehely, где всегда бывает Ауэрбах и разные литераторы, — нашли, впрочем, одного Тургенева, который здесь представляет какого-то грустью задавленного романтика. Вчера оба обедали у нас. Мюллер меня спрашивал о Грановском, и когда я ему показал его портрет, он сказал: «Er hat etwas vom curé im Gesichte»2[2]. Он очень интересуется русской литературой и многое понимает так ясно и широко, что просто весело слушать. Редкину скажите, что об нем меня спрашивал старик Эйхель, который теперь смотрителем какого-то музея, он спрашивал еще о Крюкове и Крылове, я сделал что мог, чтоб упрочить здесь хорошее мнение о друге моем Никите Ивановиче . Редкину же честь имею донести, что мы взяли в Кенигсберге юную германку 16 лет, с талией и глазами (это ему сообщите только не в воскресенье, тут он нем для красоты и глух в своем лазаретном форшмаке). А Сатину по дороге сообщаю, чтоб он ехал как можно скорее в Берлин, здесь под Линдами продает одна

mamsel сигары такой действительно поразительной красоты, что я пришел к ней купить сигары и купил трость, чтоб опереться, — ну, уж это того, не чета «столечным» божеям. — Тургенев собирается перевести статью Кавелина и напечатать ее с помощью Варнгагена где-то, вероятно, в новом издании Бетховеновых сонат. Мюллер ее знает очень хорошо, между прочим, он, вроде Константина Сергеевича, ужасно любит Иоанна Грозного и вообще знает многое из русской истории.

Хочу пригласить Диффенбаха и Крамера, что-то они решат относительно Коли; если

найдут нужным, я поживу здесь, а нет — так поеду после 1 марта в Лейпциг и оттуда в Дрезден, где я намерен немного пожить, чтоб потешиться весною — и дать Наташе и детям окрепнуть и оправиться. — Здесь я, чтоб потешить Марью Федоровну, посылал к Мендельсону за вашими письмами, не получил их, вы догадываетесь почему? Потому, что вы не писали ни строки. Письма мои хочу я постоянно адресовать к Коршу, сообщите их Мельгунову, Боткину — Мельгунова еще раз благодарю за записку, он весьма одолжил меня ею. Его комиссии исполнены. Кавелину жму руку, я ему писал из Пскова; сегодня я был в Берлинском университете, самое здание превосходно, так, как оно теперь отделано Шинкелем, и невольно что-то задвигалось в душе, когда я смотрел на сени, по которым ходили и Фихте и Гегель, — но время его пущей славы прошло; мне в Кенигсберге сказал один купец о Берлинском университете: «Das ist so ein Herculanum der Wissenschaft»3[3]. Я посмотрел на доску — бездна теологических преподаваний, много философских, имена мало известные, Вердера имя попалось: «logicen et metaphysicam»4[4] читает. Здесь всё и вся понимает, что естествоведение и история — единственные реальные, kernhafte5[5] занятия; и действительно, это сознание начало оживлять массы сухих знаний, с трудом накопленных и оставшихся мертвой массой для собирателей. — Это всего заметнее в живом направлении филологии, таков Бопп и др. А ргоро: о Леонтьеве здесь отзываются с большой похвалой. — Хлопочут здесь еще о теологических вопросах сильно, и притом не о догматических, а, так сказать, о административно-государственных вопросах чисто лютеранского интереса, почти недоступного для нас.

3[3] «Это — Геркуланум науки» (нем.). 4[4] «логику и метафизику» (лат.).

9/21.

Ну, кажется, не мало. — Вчера был в театре «Севильский цирюльник». Виардо была удивительно мила Розиной, — потом видел возникающую славу, танцовщицу Cerito, которая здесь производит фурор, И муж ее, Signor Черито, тоже

10

танцор, и, по-моему, первый изящный, которого я видел; она мила, бесконечно мила в венгерских национальных плясках, маленькая, живая, грациозная, — но вряд станет ли она или прыгнет ли она так высоко, как Тальони или Эльснер. — Познакомился там с Ауэрбахом, которого повести в большой моде, помните «Tolpatz»а?

Дамам рукожатия, приветы. Больше ни слова, а впрочем — и здесь скучно!

Адресы наши: или Ценкеру просто отослать, или сюда прислать на имя Мендельсона, или до нового назначения — в Дрезден, Confié aux soins de Mr Michel Kaskel.

2. Е. Б. ГРАНОВСКОЙ

3 марта (19 февраля) 1847 г. Берлин.

Рукой Н. А. Герцен:

Берлин, 1847, марта 3-е по-нашему, а по-вашему не6[6]...

Давеча получила твое письмо, Лиза, и была ему ужасно рада, другой месяц мы из Москвы, и это первый голос ко мне оттуда... Если вы получили все наши письма, так уже ты многое знаешь о нашем путешествии; признаюсь, иногда оно было трудно, особенно после того, как мы расстались с Татьяной, Таташа обратила всю свою нежность ко мне, вследствие чего физические силы иногда изменяли мне; Мавониню (так называет она Марью Федоровну) она очень полюбила и в отсутствии моем любезна с ней и послушна, а при мне сладу нет, хотя мне кажется, что я ее не балую, но, может, это только кажется. — В Берлине мне хорошо, мы гуляем, бываем в театре, в котором выше Виардо я ничего не видала и не слыхала; в Музее, где не много замечательных картин, но много древних статуй, я восхищалась и наслаждалась, и это только начало, Лиза, а сколько ожидает впереди... Дмитрий Михайлович Щепкин сопровождает нас туда, толкует и объясняет нам, да, сверх того, прислал нам на дом груду чудеснейших картин и гравюр. Кстати об нем несколько слов. Видя его прежде издали, я никак не думала найти в нем то, что он есть: какое умное, широко и глубоко понимающее существо, и как многосторонне развитое, — для меня встреча с такими людьми большое счастие; Александр уже и здесь еще много ошибался в нем, причина этому та, что чем ближе к поверхности, тем менее в них родного, и, как мне кажется, гордость одного и скорость другого мешает заглянуть поглубже. Он бывает у нас всякий день, и я с каждым разом уважаю его все более и более. — Еще бывает у нас часто Мюллер, знакомый Огарева, тоже чудеснейший человек, только глядя на него можно полюбить его от всей души, до того в его наружности выражается все прекрасное его души, но с ним мне трудно объясняться, потому что он говорит только по-немецки. Иногда бывает Тургенев, да по нескольку раз в один час прибегает Сальников, предобрый и пресмешной человек, как будто в нем все действует паровой машиной: бежит на лекцию, бежит в концерт, в театр, к нам, бежит ко всем и всюду, говорит о музыке и философии, об

11

рыльском купце и его работнике, в нескольких разом влюблен, в том числе и в M-me

Herzen7[7], в восторге и в отчаянии в одно время, и представь — нельзя спастись от него, стучится в дверь, не знаешь кто, отворишь — он, опять он, и опять он. Ты скоро от него лично узнаешь подробности берлинской нашей жизни, потому что он, верно, ворвется к вам. Завтра утром он ведет нас в Египетский музей, вечером будем слушать «Гугенотов», тем, кажется, и закончится здешнее наше поприще; опять в путь и поскорей до места; будут там ждать твоего письма. Маменька, Марья Каспаровна и Коля два дни тому назад отправились в Штутгарт, через три месяца мы съедемся на Рейне. Из Александрова письма, общего, ты увидишь все, что касается до Коли, мне говорить и писать об этом трудно, это разлагает меня до тла.
Жаль мне, жалел и Александр о том, что вы не договорились в Черной Грязи. Впрочем, в ваших отношениях я не вижу ничего туманного, кроме того, что Александр, опять-таки по своей скорости (это самый главный и по мне единственный важный недостаток в нем), не понимал тебя вполне чему, впрочем, лежит причина и в тебе самой; стоит только вам обоим сделать над собой небольшое усилие, и вы свободно и тепло протянете друг другу руку. — Более чем жаль бывало мне то, что мы с тобою, Лиза, не поговорили... но дверь, в которую я вышла из юности, для меня уже затворена и воротиться нельзя. Насмотревшись на картины, выражусь так: художник тот же и содержанье то же, но школа другая, другое освещение, другая метода... трудно, да и не нужно, мне кажется, разбирать, что лучше и что хуже? Бывает время, в которое все кажется хуже, бывает время, в которое все кажется лучше. Признаюсь тебе, Лиза, мне больно голыми руками дотрогиваться до того, что в прошедшем так много принесло мне страданий... но дело в том, что страдания прошли и многое прошло, не прошло и не пройдет только то, что я написала перед отъездом в твоем портфеле?. Прощай, обнимаю тебя и Грановского. Жаль будет бедного Кетчера, если он лишится места, ни внутри нет убежища, ни головы приклонить некуда, мне ужасно его жаль, а личность Силеньки как-то все бледнее становится для меня, — может, это и дурно, но что ж делать — думая о тяжелом состоянии Кетчера, невольный упрек вырывается и ей. — Сатин возмутителен. Кавелина мне жаль от всей души, и про Антонину Федоровну ты пишешь, что я говорила, что я не замечала в ней того, что о ней говорили все.
Скажи, пожалуйста, Боткину, что я ему кланяюсь и крепко жму руку.
Да ведь и вы, Madame, не поняли, что я вам говорил на Черной Грязи, — времени не было окончить — но я готов продолжать начатой разговор.
Да что вы это Сатина не уймете?
3. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН
8 марта (24 февраля) 1847 г. Брауншвейг.
Bruxelles.
Liebe Mutter! Da sind wir am Ende des Anfangs — in Braunschweig, heute werden wir in Hannover sein; morgen reisen wir von dort nach Minden und werden Ihnen aus Köln Nachricht geben.
12
Ich glaube, daß Sie schon jahrelang in Stuttgart sind8[8].
Марья Каспаровна, почтенье! Железная дорога, скоро ехать, вагон, Ганновер, таможня, все осматривать, пеленки пломбировать. Наташа в крайности — сак взят. Пломбу — король называется Эрнст и шутит.
4. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
12 — 19 марта (28 февраля — 7 марта) 1847 г. Кёльн — Брюссель.
Belle vue. 12 марта/28 февраля 1847, Кёльн.
Снег, cari amici9[9], падает хлопьями, ветер свищет, — но вищет по Рейну, теперь вечер, бесконечные огни мелькают по другому берегу, и темная масса Кёльнского собора перед глазами. — Что за удивительное местоположение Кёльна, ничего подобного я еще не встречал в моем длинном пути. Мы приехали сегодня утром, четвертый день холод и страшное ненастье, тем более чувствительное, что перед этим
8[8] Милая маменька! Вот мы и у конца начала — в Брауншвейге, сегодня будем в Ганновере; завтра выедем оттуда в Минден, а из Кельна дадим вам весточку о себе. У меня такое чувство, словно вы уже годы в Штутгарте (нем.).
погода была изрядная. Из Берлина мы выехали 7-го, по Магдебургской дороге, целую ночь спали в Магдебурге и к вечеру успели в Ганновер. Езда по железным дорогам имеет какое-то величие и притом сладострастие, после этого вихря, несущего вас с быстротою стрелы, почтовые кареты и дилижансы делаются противны; я теперь с большим удовольствием готов встретить разбойника, нежели флегму почтаря, который, пользуясь «весенней распутицей», едет по дороге, гладкой как стол, час милю. Из Ганновера до Эльберфельда мы тащились гнуснейшим образом, к счастью, еще почти везде гостиницы устроены роскошно и удобно, хотя и очень холодные. В Эльберфельде мы сели сегодня утром в 10 часов в вагон, полчаса пробыли в Дюссельдорфе, и в три четверти первого до обеда явились в Кёльн. Комнаты у нас удивительные, прямо на Рейн, и я уже успел потаскаться и побывать в гостях.

Вообще надобно заметить, что с выезда из Вестфалии Германия принимает совсем другой характер: во-первых, не та земля, не те виды, во-вторых, в городах кипит деятельность; что такое Эльберфельд с предместьями, где фабрики, — это пусть вам расскажет Мельгувов. — Общего отчета о пути не ждите, у меня в голове ярмарка, дайте всему улечься, все разложить по местам, и тогда требуйте диссертаций. —
13
Скажу, впрочем, что из всего виденного мною доселе можно все не видеть, кроме Кенигсберга, Берлина и Кёльна. В Германии есть какой-то характер благоразумной середины и добросовестного порядка, который чрезвычайно противен; что за лица, что за дети; так вот биографию каждого, впорочем, очень почтенного семьянина и бюргера, невольно прочтешь при первом взгляде; женщины пропорционально лучше, т. е. собою (я, разумеется, сужу по лучшим представительницам, т. е. по Stubenmädchen10[10] и по прислужницам в биркнейпах etc.). С Рейна начинается страшная дороговизна — хороший признак — и несколько более приличная для человека кухня; я три недели приучал себя в Берлине к еде, которую давали в Hôtel de Rome, и не ног воспитать свой вкус ни к селедкам и визиге, подаваемой середь обеда с сладкой приправой, ни к двадцати тарелочкам соусов из всякой дряни: из чернослива, шафрана, ребарбара, капусты, солодкового корня, гулярдовой воды и пр. и пр., ни к жареному с апельсинами (ей-богу!). Чего же ждать от людей, которые так мерзко едят, кроме золотухи и трактатов о метафизике! От такой пищи происходит то, что в Берлине дают Мюльнера «Die Schuld» и публика слез унять не может; так жаль Иерту и Эльвиру — я имел смелость просидеть все пять действий; и эту пьесу
когда-то хвалили. Вот нелепость-то; зато актеры поняли автора, они так же неестественно играли и декламировали, как он. — A propos, в Ганновере есть грязный театр, и в нем премиленькая труппа, особенно одна актриса, напомнила мне даже M¬lle Allan. Как истинный турист, я лазил с лонлакеем в Брауншвейге на тамошнего Ивана Великого, видел оттуда в уменьшенном виде прескверные крыши, крытые черепицей, и верст десять пустого места, — это очень трогательно. Однако хочется спать. Прощайте. А Рейн-то — широкий, зеленоватый, притом сверкает. — Жаль, что вас нет здесь. — Да жаль еще, что листа нет на деревьях.
13 марта.
Храброму майору считаю обязанностию сказать, что Марья Федоровна получила тоже пристрастие к железным дорогам, как и мы. — Это такая победа, которую не ценить и бояться позволительно только Коробочке. Завтра или послезавтра мы едем.
14 марта.
Я вижу отсюда вашу радость при начале моего письма. Снег, хлопья, вьюга... опустите паруса... окошко открыто, солнце светит, толпа немцев пьет кофей внизу, под окнами,
14
музыка гремит, фу, как хорошо. Рейн-то, Рейн и Dom11[11], и весь город, и наш Belle vue, поглощающей страшно les taller's12[12], хорош! Здесь действительность
11[11] Собор (нем.).
победила ожидание! Я просто влюблен в Кёльн, Colonia Agrippina, sancta Colonia. Один из редакторов здешней газеты мне говорил с энтузиазмом о рейнских провинциях и об Кёльне. «Кёльн, — сказал он, — как Москва в России, die heilige Stadt»13[13]. И как века накипели тут: церкви времен Римских, стены, воздвигнутые Константином Великим, место, где сидел претор, и Dom, и иезуитское рококо, и дом тамплиеров — целый курс зодчества, и около этих вековых памятников, где на каждом угле легенда — или об мальчике, который всякий день встречал Спасителя и предлагал ему яблоки, или об вдовце, у которого, в доказательство, что жена воскресла, лошади взъехали на чердак и теперь стоят в окне мраморные головы, наконец, где колокольный звон напоминает Москву, — около кипит деятельное и живое население. Я сейчас пил рейнвейн Муссё в общей зале... это не Крольсгартен в Берлине, — шум, гам, крик — ну и Константину Сергеевичу скажите, что я bien merite14[14] национальности, я во всех встречах такой гордый русс, что он бы утопил меня в слезах, если б не раздавил прежде в объятиях. И ведь немцы понимают ширь нашей натуры н гульдигуют ей, когда ее энергически выскажешь и поставишь.
16/4 марта. Брюссель.
Вчера вечером паровоз доставил нас в несколько часов из Кёльна сюда. В Вервье, пока осматривали чемоданы, мы сидели в ресторации, и в толпе путешественников сидел один с чрезвычайно знакомым лицом; я долго не доверял глазам своим, наконец подошел и заговорил по-русски, это был наш умный, образованный и любезный посланник Титов; мы отправились с ним в одном поезде в Брюссель, потом в одном обнимусе отправились в Hôtel de Flandre, где не нашли места. Оттуда в Hôtel de l'Europe и там заняли по два нумера; сегодня Титов в 4 после обеда отправился в Лондон, а я остался, он просил меня передать весть о нем и поклон

Мельгунову, Свербеевым и всем московским знакомым, он мне показался в этой приятной встрече отличным человеком, через месяц мы с ним увидимся. — Изящество Брюсселя превосходит всякое описание, город невелик, но в нем все превосходно и все изящно, и что за благородное племя обитает его, какие лица, женские и мужские, какой комфорт в отелях, даже переходя к предметам более суетным. Как здесь кормят (дороговизна большая,
13[13] святой город (нем.).
15
впрочем), и устрицы 75 сантимов дюжина, за обедом подают по омару на человека, всё с кайенским перцем и соями etc. etc. Мои письма имеют столько же кулинарных отметок, как Гомеровы песнопения, а потому к другому. Я ничего колоссальнее не знаю дороги от Кельна до Люттиха, — вот памятники XIX века, великие по результатам, по пользе, по смелости замысла и исполнения. Вся дорога попеременно состоит из виадуктов и туннелей, из проломанных скал и из высеченных в каменистой породе полотн. Длиннейший туннель между Кёльном и Ахеном, — невольно сжимается сердце, когда полнейший мрак скрывает даже близость стены, сырой и тяжелый воздух, треск машины, искры... и несколько минут, — может две, три, — все тот же мрак. Нынче вагоны освещают прекрасными матовыми лампами, которые горят во всю дорогу. В одном из туннелей возле нас пронесся обратный цуг, страшное щемление овладевает невольно сердцем — огонь, невыносимый треск, дым, потом мелькающие лица в тускло освещенных вагонах. Дорога от Вервье до Люттиха один пейзаж, и опять в другом роде, нежели прирейнские места; Бельгия и бельги с первой версты резко отличаются от Германии и немцев, — сравнение, кажется, не в пользу последних.
19.
Всё еще в Брюсселе. Да, признаться, я так разохотился смотреть старое и новое в здешнем краю, что отправляюсь отсюда в Антверпен. Там оставляем мы на сутки Марью Федоровну и Тату и отправляемся в Брюж в Останд — посмотреть на море и на приморских. Титов советовал мне внимательно поглядеть на новую больницу; сегодня я был там, это под пару туннелям и виадуктам — удивительная колоссальность, порядок и ум устройства. Паровая машина во флигеле отапливает всё здание, проводит всюду воду, мелет на больницу муку и пр. и пр. Что за чистота, какой воздух, для каждой отрасли болезней особое отделение, окруженное террасами, при каждом отделении зала для выздоравливающих, уставленная деревьями и цветами, о медицинских пособиях и говорить нечего. Больных от 300 до 400, из них majontë15[15] даром, потом ничтожная плата, но есть отделение для богатых, 6 и 4 франка в сутки, каждому большая комната, прекрасно отделанная. За больными ходят монашенки. В Palais de Justice16[16] две чудные картины: Карл V, отрекающийся от престола, и протест Оранского и Эгмонта, от обеих нельзя оторваться; суровый старик Альба наклонил голову, и слеза скатилась по щеке, и слеза так нейдет к этой щеке, что становится страшно, — все кругом поражено
16
какой-то непонятной ни для кого мистерией; Карл V, худой и с видом идиосинкразии, надевает корону.. Но ведь это надобно видеть! — Вчера Скриб сам ставил здесь новую оперу «Ne touchez pas à la reine». Несмотря на превосходную постановку, на отличную здешнюю труппу, пьеса не произвела действия, да и поделом, такая нелепость может только взойти в голову du grand fournisseur17[17]; еще давали новый его же водевиль «La protégée», там есть роля для Михаила Семеновича, но у нас вряд пойдет ли она. В балете здесь отличается Грань, балет вообще хуже московского и петербургского, зато как идут водевили! Я как-то в прошлом письме похвалил ганноверских актеров, это с дороги, немцы, кажется, заговелись Деврианом. — Мельгунову обязываюсь донести, что у Розика, au magasin Espagnol18[18], сигар купил. Он с большим удивлением услышал, что я дней в семь приехал из Берлина сюда, и значительно сказал своей жене: «Comprenez-vous, de Berlin, de Deuschlan»19[19], мне это ужасно понравилось, тем паче что из Deuschlan приходят сюда ежедневно пять поездов по железной дороге. — Сигары действительно превзошли ожидание. Корш, верно, помнит длинные и худые сигары у Денре, называемые плантаторскими, — они здесь 30 франков сотня. Но зато не могу зажечь, чтоб не вспомнить Корша (чему свидетельница Марья Федоровна). — Довольно, кажется, с вас. Хотя мои письма и сбивают на Рейхарда «Guide des voyageurs», но будьте снисходительны (все, кроме Боткина, писавшего в «Письмах из Испании» о покорении оной маврами и последние новости о Филиппе II) и вспомните, что молчание никогда не было отличительным достоинством моим, несмотря на то что я всегда много говорил.
16[16] Дворце правосудия (франц.). — Ред.
17[17] главного поставщика (франц.).
18[18] в испанском магазине (франц.).
Наталья Александровна бб Возлестрочное примечание:

№ 1 кланяется. бб Наташа говорит, что сама бы приписала и что ей очень хочется, но Наталья Александровна спать еще более хочется.
№ 2 называет паровоз «каретой с самоваром»
5. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
13/1 марта 1841. Кёльн.
Отложивши такую большую долю нашего пути, почтеннейший Григорий Иванович, я, наконец, исполняю давнишнее желание и пишу к вам, хотя, впрочем, я несколько раз сообщал
17
вам о нашем пути через Егора Ивановича. В Берлине пробыл я три недели, советовался там с докторами насчет жены и насчет Коли, ей советуют морские ванны и, главное, пожить в здоровой полосе не очень южной, но теплой; что касается до Коли, почти не имею надежды, чтоб он излечился, разве сама природа переработает впоследствии, я буду еще в двух местах советоваться — но это в очистку совести. — Из Берлина мы перенеслись в Ганновер по железной дороге в несколько часов, — потом тащились шагом до Эльберфельда, от Эльберфельда в два часа езды приехали в вагоне сюда. Нельзя ездить удобнее и покойнее, как по железным дорогам, порядок удивительный, вагоны отделаны с роскошью, обширны, светлы и так высоки, что в них ходить можно. Мы брали везде целое куне (6 мест) и были очень довольны. Я нанял себе расторопного и хорошего камердинера в Кенигсберге, и там же горничную, которую маменька увезла с собой в Штутгарт, она отправилась еще прежде нас из Берлина по железной дороге, и представьте, что мы имели от нее письмо через день из Веймара. Вот все касающееся до нас. Теперь пойдут расспросы, на которые надеюсь получить ответ через Ценкера и Турнейсена. Когда возвратился к вам Зонненберг, который был, впрочем, совершенно бесполезен на дороге, а с ним Татьяна — кормилица, — если она в Москве и у нас в доме, поручите ей от Наташи 1¬ой и 2-ой, а равно и от меня поклониться. Отдан ли дом внаймы, кому и как? — И вообще примите на себя труд обо всем меня известить. Дмитрию Павловичу не забудьте передать мое почтение и скажите, что я сижу теперь в Belle vue, перед самым Рейном и перед Кёльнским собором.
Егору Ивановичу я сегодня не пишу и, вероятно, отсюда писать не буду, сообщите ему при случае, что дети и мы совершенно здоровы и во де Колоне нужды не терпим. Прошу вас поклониться от меня Прасковье Андреевне и Вере Артамоновне, а потом и всем, да кстати напишите, как себя ведут живущие в доме. Я во всем надеюсь на вас, как на каменную стену, Григорий Иванович. — Как идут денежные получении, т. е. что Дмитрий Павлович оставил у себя 10 т. или нет?
Жена моя усердно вам кланяется.
Прощайте, будьте здоровы, мы, вероятно, 15/2 марта будем опять в дороге.
Весь ваш А. Герцен.
6. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Я письма не франкирую, где это можно, потому что нефранкированные письма вернее доходят, а то трактирные слуги и комиссионеры забывают отправлять, когда им даешь деньги при письме.
Вчера получил ваше письмо, почтеннейший Григорий Иванович, от 19 февраля, оно пришло поздно, потому что я пробыл несколько лишних дней в Бельгии.
Теперь позвольте сказать поскорее о делах. 1е. Всех денег с процентами до марта, принадлежащих костромским крестьянам, — 3060 руб. асс.; они имеют полнейшее право на них, но я об одном попрошу вас: отдавая им эти деньги, принять меры, чтоб они достигли своей цели, и обязать Шульца строгой ответственностью, особенно сына, —он отвечает своим лицом; не мешало бы иметь от них мирской приговор, что они доверяют это дело Шульцову сыну с кем-нибудь еще, — если Егор Иванович не отдаст теперь этих денег, то попросите их у Дмитрия Павловича в счет будущих процентов; наконец, ежели в случае надобности вы истратите свои деньги, я с благодарностью возвращу их немедленно.
2е. Неужели Огарев до сих пор не высылал вам доверенности на получение 6 или 7 т. асс. в Казенной палате? И неужели г. Корш не требовал по огаревскому делу для Петербурга 2500 асс.? Мне никто ничего не пишет. Вы пишете, что у вас остается 701 руб. сер., поберегите эти деньги до объяснения по этому, а я вместе с этим напишу к Огареву и к Коршу, и, если и тут случится добавить до 2500, я вас попрошу — с тем вместе я напишу к Огареву, чтоб прислать к вам деньги на мой расход, — но для этого я подожду вестей от вас.
1. Я всем людям от Таурогена выдал особо награждение и каждому на руки деньги на харчи, я им дал так много, что не ожидал новых требований, тем паче явного обмана, а поэтому полнейший отказ.
2. Солдата отпустите, Кузьму оставьте, впрочем, в этих делах, сделайте одолжение, поступайте как вы лучшим найдете.
3. Хотя я верно и не знаю, но по мелкости требования попрошу вас отдать

Андрею и Панкрату, а с тем вместе Андрея и отпустить.
4. Татьяны паспорт тогда же остался в ордонансгаузе и был заменен дозволением ехать на три месяца — у меня его нет, да нельзя ли ей подать просьбу, что потеряла, во всяком случае помогите ей. Пусть она еще поживет у нас, дайте ей 5 асс. от имени Наташи — которая здорова, а была и больна в Гентс. Я слышал, что она что-то не ладит с Прасковьей Андреевной — охота им, — а впрочем, я ею остался весьма доволен, — а потому она заслуживает снисхождения.
5. Относительно дома, хоть я и удивляюсь, что его так обижают, но прошу уменьшить цену, если за этим дело, насколько
19
вам покажется справедливым. А то я рассержусь и уступлю его Егору Ивановичу с руками и ногами.
6. Уведомьте меня, отдал ли Кувишинников остальные деньги, а если он не отдал, то сообщите ему, что его поступок весьма странен, буде же в этом виноват Захар Серебряков, то я попрошу вас постращать их хоть властию Дмитрия Павловича над их землею.
Засим прощайте. Все мои кланяются вам, я кланяюсь Карлу Ивановичу — он пишет, что я ему должен 131 р. 9 к. асс., а Егор Иванович пишет, что отдал ему 100 руб., стало, за мной 31 р. 9 к. — вручите ему. — Далее ни Данила, ни Гаврила, ни кто другой не имеют никаких прав ни на что, жалованье за месяц вперед я им отдал сам.
Простите за все хлопоты, доставляемые вам, Григорий Иванович.
Весь ваш А. Герцен.
Я полагаю, что осенью буду просить Дмитрия Павловича о уплате 10 т.; напишите, пожалуйста, можно ли надеяться.
7. М. С. ЩЕПКИНУ
Париж. 23/11 апреля 1847.
Знаете ли, Михаил Семенович, уж кутить — так кутить, писать — так писать в целый лист, не писать — так совсем не писать (как за лучшее считают все наши общие друзья, кроме Кавелина, — друзья наши, друзья истины, но более друзья лени). Я давно собирался говорить с вами — вы догадываетесь о чем — о здешних театрах и о главных представителях. — Нигде театр не сочленен так с городом, как здесь; город этот всякий вечер сидит в двадцати двух театрах по шести часов сряду, все театры полны, если не придешь за четверть часа, то не найдешь места и, сверх того, должен франка два заплатить лишних. Сцена служит ответом, пополнением толпе зрителей, вы можете смело определить по пьесам господствующий класс в Париже, и наоборот. Господствующее большинство принадлежит здесь — мещанству, и мещанство ярко отражается во всей подробной пошлости своей в уличных романах и по крайней мере в 15 театрах. Скриб — гений своего времени, его пьесы обращаются на интересах мещанства; даже тогда, когда он берет сюжеты выше или ниже — он всё в уровень с мещанами. Мещанин любит с хор смотреть на пышный бал, на королевскую прогулку — Скриб ему именно и подает высшие сословия, рассматриваемые с его точки. Но это роскошь. Мещанин — хочет себя, и себя в идеале — и вот ему толпа
20
пьес без истинных страстей, но с движением, с хитро завязанным узлом, в них апотеоза самой пошлой, благочинной жизни; всегда наказан благородством мужа, собственника — пылкий артист, юноша — н нигде ни малейшего сочувствия ни к мощному колебанию волн кругом и внизу, нн к современным вопросам, от которых бледнеют лица и выпадают волосы в 30 лет. Но мещанин не всегда любит мораль, он мораль любит, собственно, для жены, для семьи, а сам страшный охотник до дешевого волокитства, до половинного развратика, любит вклеить в разговор двусмысленную неблагопристойность и включительно любит порок до тех параграфов кодекса, по которым сажают в тюрьму. И вот толпа водевилистов на 15 сценах угощают мещан водевилями с сальными движениями, с сальными куплетами — в которых кипит острота, каламбуры такие, что Языков бы повесился бы — и ни искры художественного достоинства. Представление здесь продолжается страшно долго, иногда до часу; вообразите пять водевилей, один пошлее другого, в один вечер. Я часто выходил из театра с Анненковым, подавленный грустью, и печальпо брел с ним с горя выпить бутылочку фрапе. Не говорю уж о жалкой толпе, которая может ежедневно смотреть всю эту дербедень, — а вот что страшно: какие таланты поглощены, испорчены, разменены на мелочь, какие сильные таланты, удовлетворяя жажде одного смеха, сделались гаерами, прибегают к средствам, от которых внутренно отрекаются. Во главе их Левассор (Пале-Рояль); Арналь (Варьете) больше выдержал художественного комизма; но Левассор — этот протей, которого не узнаешь в двух ролях, этот актер по превосходству французский, веселый, острый, необузданный, живой, шалун и везде талант — и он прибегает к гаерству, но у него как-то и в дурачествах и в натяжках есть что-то увлекательное, у

талантов меньшего разбора — голый эффект и расчет на самые мелкие и грязные средства. Есть, например, пьесы, которые держатся на плечах — там выходит хорошенькая актриса в одной юбке с совершенно голыми плечами и придерживает на груди рубашку, так ловко, что все видно, что она прячет. И тут я узнаю опять моего мещанина — он тонет в старчески-сластолюбивом восторге от этих штук, какой-то стон пробегает по партеру, а предложите этим почтенным заседателям сталей20[20] идти смотреть голых женщин, он возмутится, он боится разврата, т. е. идти смотреть открыто и прямо, а если можно в щелочку, это другое дело. Он придет домой из театра и скажет своей жене: «Мамур, какие мерзости представляют на театре», — и вздохнет о том, что у Мамур нет таких плечей.
21
Было время, когда бойкий партер, с этой невероятной быстротой пониманья, которой одарен француз, — умел ловко встрепенуться от политического намека, от сарказма — отяжелевший от сытости мещанин отупел, его восторги так пошлы или его хладнокровие так отвратительно, что досада берет. Например. В одной опере поют: «Нет, англичанину не царить во Франции!», а публика начинает реветь: ne régnera... ne règnera21[21], как будто перед Парижем стоит неприятельское войско; это очень похоже на то, если б человек себе в похвалу стал петь: «Меня... меня... меня не съездит в рыло. Никто... Никто... Никто...»
«Так вот у вас как, славны бубны за горами!»... Нет-с, не так. Я вам представил большинство, я вам представил материальную силу, силу сегодняшнего дня — мещанина, но около этого живота со всех сторон более благородные органы — но, по привычке к злословию, я вам о лицевой стороне говорить не буду, разве только в отношении театра. Низший класс в эти театры редко ходит, цены мест дороги, а если идет, то идет или во «Французскую революцию» в цирк, или смотреть «Королеву Марго» в Théâtre historique, или неестественную драму в Porte St. Martin — и все это, разумеется, несравненно лучше смотреть для бедняка, нежели 1001 водевиль. Кто хочет знать, сколько шагов Франция сделала вперед в последнее время, тому не мешает посмотреть на работников и даже на прислугу — какие смехи, чем беднее здесь человек, тем он далее от мещанина в хорошую сторону; я думаю, что этим путем когда- нибудь уврие столкнется затылком с аристократом С.-Жерменского предместья... но не об этом речь.
Истинное искусство, и как предание прежней славы французской трагедии, славы Расина и Корнеля, славы Тальмы, и как серьезное, величавое исполнение истинного служения искусству, сохраняется aux Français. Эта труппа сгруппировалась около гениального артиста, около одного из тех явлений, которые сторицей вознаграждают за пошлость, — вы догадываетесь, что я говорю о Рашели. Она играет в расиновских трагедиях — я не понимал доселе возможности увлекаться Расином, мы всё еще, как блаженной памяти Н. А. Полевой, рассуждаем: «Трагедии-де эти классические — след. отвратительные». А когда дают пьесу романтическую — Гюго с компанией — еще отвратительнее. В трагедиях Расина глубокое знание сцены и широкое поле пластическому таланту, античному; это всего понятнее там, где живет предание о том, как понимал, как создал роль Тальма. Актеры — как все трагические во Франции — несколько натянуты, т. е. важны, но оно
не мешает сюжету; это те важные позы на греческих барельефах, в которых вам хотят представить жизнь с ее стороны торжественной, религиозной. Надобно слышать превосходную дикцию, видеть покойную грацию поступи, движенья, это уменье дать какую-то осязаемую выпуклость речи. Такова рама, обстановка Рашели. Середи строгого чина, царящего на сцене, — взбегает женщина среднего роста, худощавая, небрежно одетая, — и все актеры исчезли, лицо у нее горит страстью, ее губы трепещут, а взгляд не позволяет вам дышать, и сколько в этом взгляде презренья, гордости... и нежности любви; сколько мужских, грубых нот в этом голосе — и сколько девственных, свято-мягких. В Аталии — Рашель, необузданная, восточная царица, довела меня до того, что я от души желал, чтоб она победила Иоаса, — то ли было повиноваться этой страстной кошке, по которой пробегает какая-то дрожь от властолюбия и от сознания своей силы. — Ну, думаете вы, наконец-то конец-то. А я беру другой лист.
2-й лист.
Здравствуйте, Михаил Семенович, во втором листе! Как ваше здоровье, не прикажете ли сигарку парижскую, она не более как в пять раз дороже как у нас, зато втрое хуже. А клико здесь совсем нет — вдова Клико изволила на сей год все продать в Англию, Голландию и Россию; кроме сих трех стран, два года нигде клико не будет — с чем вас и поздравляю. — Так на чем же я остановился? — Да, на Рашели. — Театр всегда полон, эту публику составляют, во- первых, все старики, которых лет шестьдесят тому назад вместо молока кормили Расином, во- вторых, толпа англичан с неподвижными мускулами в лице от твердости характера — они в антрактах покупают текст и пресурьезно читают во время представления — «то ли, мол, скажет, что пропечатано». Наконец, тут артисты, литераторы, порядочные люди.

В следующем письме напишу вам о Буфе и о Фредерике Леметре.
NB. Из всех небольших пьес, виденных мною здесь, самая лучшая, без сомнения, «Le docteur en herbe». Это торжество Левассора, но ее у нас не дадут с успехом; роль Левассора, т. е. самого будущего доктора, требует страшного таланта и молодости. Да еще есть пьеса недурная: «Ce que femme veut». Тут роль Арналя так для вас и писана, он играет Шампинье — роль совершенно в вашем роде. Полагаю, что обе пьесы можно получить у Урбена или Готье.
23
Да еще забыл вам сказать о Дежазе, она состарилась и, несмотря на блестящий талант, не сильно подействовала на меня. Она очень любит22[22] штаны и все является в мужских ролях.
Смесь. Ответа, если не хочется писать, я не прошу, но желал бы знать, получите ли вы письмо это, потому что адрес помню шатко.
Скажите Кавелину, что его статья в «Современнике» не только в Берлине, но здесь нашла читателей, разумеется, между занимающимися, как дельная, ученая вещь, — ну вот и замарал письмо, потому что очень пустился в комплименты.
Я сегодня обедаю у Николая Петровича.
«Современник» получает Анненков, я — нет, нельзя ли через немецкую книжную лавку или по почте присылать?
Засим всем поклоны — и вашему семейству (скажите Николаю Михайловичу, чтоб он не думал, что я не прочел в «Инвалиде» о его отставке), и всем друзьям, приятелям. Ко мне писать можно и через Турнейсена и прямо Avenue Marigny, № 9, au premier, Faubourg S. Honoré23[23].
Жена моя и Марья Федоровна крепко жмут руку вашу, а жертва вашего грандисонства, Марья Каспаровна, которая на днях приехала сюда, сидит теперь дома, потому что обрезала себе на ноге палец, и ее лечит Piorry — приятель Сатина.
Прощайте.
Да еще нельзя ли мне прислать, когда выйдет Соловьева новая книга.
8. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ
3 мая (21 апреля) 1847 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
22[22] Рукопись повреждена.
Дай-ка мне твою руку, Таня, сядь сюда поближе, побеседуем. Ну что делается у вас? Здорова ли ты, грустна иль весела? Скажи мне все, друг (какое это смешное слово! как неопределенно его значение, ну да ты определи его по-своему, так и будет хорошо), и я все пойму, более чем пойму — вот те Христос! А ты думала, что уж я и по-русски разучилась, — нет, видно свой своему поневоле друг, иногда так живо вспомнится, что дрогнешь, как от электрического удара. Особенно твой образ (надеюсь, что не примешь за комплимент) как-то ярче других является передо мною; оно ведь, может, и неудивительно, может, твоя симпатия, — или нет, вздор, симпатии не существует, пустое слово, — твоя привязанность
24
(это посущественнее!) во мне крепче других... должно быть, так, а может, и нет, — дело в том, что иной раз, перебирая прошедшее в голове, — с отрадой, с доверием, нет — мало, с уверенностью, приостановишься на тебе — да уж не будет ли об этом?.. Тебе, верно, хочется нового, а это все старое... так нового?.. Новое, друг мой, такой широкой волной хлынуло в грудь, и такая в нем смесь, такое разнообразие, такая бездна впечатлений, что я не могу найтись. Погоди, дай пожить побольше; не смею говорить так скоро, еще мало видела. Шум, движение (не могу назвать это жизнью, даже деятельностью) невообразимые, на каждой точке города будто средоточие жизни (матерьяльной), остановиться да посмотреть — в голове закружится. Учтивость — бесконечная, для вас все сделают из учтивости; пожалуй, и обманут и украдут из учтивости, ну, право, кажется, здесь умирают и родятся из учтивости; нам не по натуре что-то эта учтивость, мы люди дикие, простые, хотя и у нас ее довольно, да уж все не до такой возмутительной степени. А что касается до чувства... у... тронь поглубже, так ужаснешься, какая пустота, какая пустота! — Но только, Таня, не забывай, что я месяц в Париже, что я только в двух театрах была, а их двадцать, и каждый особенно выражает особенную сторону Парижа, каждый день они битком набиты, от 6 часов до 12, а иногда и до часу, можно изучить потребности публики; была я в Национальном театре, там вот уж несколько месяцев кряду представляют французскую революцию, которая продолжается 7 часов кряду. Театр полон ремесленниками, работниками в блузах, женщины бывают там даже с грудными детьми, говорят, хохочут, кричат, тут берет за живое — и тут хорошо. Другой театр — тут общество повыше достоинством (или недостоинством?), одеты уж все приличнее, и, не отводя глаз, смотрят и восхищаются всеми сальностями и двусмысленностями, которые происходят на сцене: смеешься, потому что в самом деле смешно, и грусть берет, и слезы навертываются — им мало еще тех пошлостей и гадостей, которыми полна их ежедневная жизнь, — семь часов кряду, не

сходя с места, они восхищаются ими в театре! — Это страшно — пойду во все театры, хочу все видеть, все знать, на той точке знакомства, на которой я теперь с Парижем, — безотрадно. Ты идешь по улице и ничего не видишь, кроме страшной роскоши, все нижние этажи домов без исключения заняты магазейнами, и все это битком набито не только необходимыми вещами, а еще, кажется, больше предметами роскоши, а возле, тут же на ступеньке — бедная женщина с ребенком падает в судорогах от голода — фунт хлеба 30 сантимов стоит, сантим здесь то же, что у нас копейка, потому что деньги здесь дороже; фунт мяса меньше нет, как 80 сантимов; дрова продаются на вес, 600 фунтов хорошего дерева — 21 франк. Можешь себе представить, в каком положении низшие классы и что с ними зимою, — а зима здесь, должно быть, препорядочная, потому что до сих пор я не иначе хожу, как в ватном платье и в ватной мантилье, а дома так просто не согреешься, печей нет, камин греет только тогда, пока сидишь перед ним. — Я думаю, неделю спустя пишу тебе опять, теперь я как-то более в мирном расположении; где причина, во мне иль в городе — право не знаю, да об этом после, верно, тебя на сию минуту более интересует то, что до меня касается — а будто Париж, Вольтер и т. д. не равно тебе интересны будто — да об них найдется кому порассказать, а обо мне-то уж никто не скажет. А не правда ли, подчас так страшно становится, Таня, как подумаешь, что никакою силою нельзя тебе узнать, что делается в настоящее время с близким человеком, ни об нем узнать, ни о себе дать вести... тяжелый камень ложится на грудь. Ну, а мы поживаем хорошо! Я хожу без устали, видаемся часто с знакомыми, все такие хорошие люди, наслажденье! (как говорит Анненков).
Да, Таня, то бывает привязанность, это незаменимая, неотъемлемая собственность, и какое счастие, бесконечное счастие с полною уверенностию
25
сказать: это мое! Бывает другого рода наслажденье — это когда можешь, не вводя в расчет своей личности, подойти к человеку просто и свободно протянуть ему руку с уваженьем и доверием. Я познакомилась здесь с Боткиной, она очень хорошая и добрая женщина. — Видаемся с Полуденскими, они, мне кажется, стали лучше здесь. Елизавета Ивановна вспоминает о тебе, огорчается, что ты ей не отвечаешь. Коля, Маша и Луиза Ивановна приехали уж недели полторы сюда и поселились возле нас. Маша скучает, потому что у нее все еще нога болит, так жаль ее, бедную. Колю смотрят доктора, но еще не решили, есть ли возможность возбудить нерв; он становится с каждым днем милее, умен поразительно. Детям здесь раздолье; наша квартера на Елисейских Полях, возле дома бульвар и роща, но погода все еще не установится. Напиши хоть ты, Таня, что делается с нашими друзьями, что Грановский? Пожми ему от меня руку, и скажи, да нет — ничего не говори... а меня удивляет, как ни в ком нет потребности хоть слово сказать в ответ на несколько писем Александра . Непостижимо!
Марья Федоровна жмет тебе и Сергею Ивановичу руку. Машенька просила написать от нее много поклонов и приветствий.
Мне так хочется знать о тебе, о всех вас, милые, молчаливые друзья! Пиши, Таня. Сергею Ивановичу жму крепко, крепко руку.
Напиши пожалуйста, что Щепкин, Николай Михайлович? Бабст, что Редкин, не слышно об нем, что Кавелин? Поспокойнее ли Кетчер?.. Поклонись от меня тем, кому ты думаешь, что это может быть приятно, а я всех помню и люблю... Ах, Таня, Таня... прощай, обнимаю тебя крепко, крепко... будь хоть ты ответом на все, что я посылаю России.
Что же мне остается прибавить, господа Астраковы, к такому полному отчету? Пишите-ка о Москве и знакомых, иной раз хочется смертельно сквозь шум и гам услышать издали знакомый голос. — Адрес к нам на имя Турнейсена, отдайте Ценкеру, он доставит, я не франкирую своих писем оттого, что франкировать и затруднительно и не так верно, а потому и вас покорно прошу не франкировать. Прощайте.
1847. Париж.
24 апреля
9. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ
Конец мая 1847 г. Париж.
Скажите Михаилу Семеновичу, что я потому не писал ему 2-го письма, что намерен о театрах здешних написать для печати. Да хочет ли он, чтоб я ему переделал «Chiffonier» Piat, — и возможно ли у нас ее поставить — она растянута, — но я составил план, как, не искажая, сделать пьесу и короче и лучше. Книжку, я думаю, можно достать, здесь их везде продают по франку. Скажите ему, что Фредерик Леметр удивителен. Доселе Париж всякий день ходит смотреть его в этой пьесе. Mlle Schopping здесь. — Целую и обнимаю и здравия желаю.
26
Рукой Саши Герцена:
Таня, целую тебя и скажи Сергею, что я приду точить кубарь через два года, тоесь

я через два года выеду, а приеду в два года с половиной. Я приеду и прощай.
Вы, пожалуйста, не огорчайтесь такой долгой разлукой, это Саша все выдумал, я полагаю, что в будущую весну мы будем дома.
Рукой Н. А. Герцен:
Машенька благодарит тебя и Сергея Ивановича за вашу память, поручила написать вам много поклонов, тебя благодарит за то, что написала о Елене, ее это встревожило и возмутило ее. Вероятно, Машенька напишет тебе о их житье-бытье, так уж я лучше напишу о чем-нибудь другом. Как мы превосходно провели, душка, 8 мая: с утра приходили, обедали иные, вечером сошлись к нам все здешние друзья. Рейхель — милейший человек и прекрасный музыкант — играл всю ночь на фортепиано, вот и три, и четыре часа утра, солнце встало, вот и шесть, и семь... в 8 все пошли в Тюльери, и воротились домой уж в 10 — чудная ночь! Первый тост был Кетчера, потом твой вместе с воспоминаньем о Николае, потом за всех участвующих в устройстве нашего счастья; пили за Грановских, их помолвка в этот день, и, бывало, мы всегда проводили вместе его и вырезывали это число на наших браслетах; нынешний год не будет вырезано, оттого что мы не вместе праздновали. Я отдыхала от этой оргии дней пять.
Здесь дают новую пьесу: «Парижский тряпичник», т. е. человек, который только тем и живет, что выбирает по ночам из выметенных со дворов груд сора и нечистот тряпочки, бумажки и все, что только можно употребить хоть в какое-нибудь дело, — я думаю, что здесь тысячи людей живут так и подобным промыслом, которые света божьего не видали, зелени, не имели средств на то, чтобы любить кого-нибудь... с рожденья и до смерти пресмыкались... сердце кровью обливается от картины на сцене, а когда вспомнишь, что вряд ли есть хоть один дом в Париже, в уголке которого не влачил бы кто- нибудь несчастный подобную жизнь. — Что ж мне делать, что я не могу забыть все это и предаться одному наслажденью?
Я хочу прожить здесь еще зиму и чувствую, что с радостию полечу в Швейцарию, там больше природы, стало, меньше преступленья.
10. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
5 июня (24 мая) 1847 г. Париж.
5 июня 1847. Париж.
Почтеннейший Григорий Иванович!
Письмо ваше, вложенное в письмо Егора Ивановича, я имел удовольствие получить — и снова должен много и много благодарить вас за ваше участие и помощь в моих делах. Из письма Егора Ивановича я заметил, что оно писано в каком-то состоянии меланхолии и раздражения, а потому не счел нужным на него отвечать. Итак, скончалась и княгиня Мария
27
Алексеевна — нет теперь ни одного представителя старейшин, встретивших нашу жизнь, — грозное напоминовение нам.
Пишу к вам теперь именно с целью. Я просил вас вручить 200 руб. ассигн. Сергею Ивановичу Астракову, но ныне попрошу вас, буде ему нужно, вручить ему до 1000 руб. асс., т. е. 800 р. сверх прежних. Этим вы меня премного обяжете.
Если вы находитесь в сношених с Николаем Платоновичем, то сообщите ему, что я отдал Марье Каспаровне проценты за 2000 сер. от апреля за год и за полгода от сентября за билет в 3000 сер. Он может вам прислать эти деньги, если они у него под рукой.
Мы живем здесь тихо и хорошо. Жена моя опять было сильно расхворалась, простудившись в Сен-Дени. Теперь ей лучше, однако я собираюсь в октябре переехать в Палерму, а оттуда к карнавалу в Рим. Маменька и Марья Каспаровна в Лондоне.
Примите на себя труд передать от меня и от моей жены усердный поклон Дмитрию Павловичу и Надежде Владимировне — что б им прогуляться сюда, пространств нынче почти не существует. Маменька вечером поехала отсюда в Лондон, ночевала в Абевиле и утром на другой день была в Лондоне.
От Зонненберга получил грамотку, за которую благодарю, — что-то он очень напугал бездной перестроек, построек, переделок и приделок. Впрочем, если все делается с вашего благословения, так лучше и не надо. Когда будете в наших краях, поклонитесь Вере Артамоновне — да напишите мне, что ее здоровье, я твердо жду, что она меня встретит при возвращении. Говорят, Кузьма очень хорошо себя ведет, за что ему очень благодарен. Про Панкратовы деньги должен был знать Лаврентий Журавлев. Я знаю, что часть денег ему отдана, но какая? В этом случае лучше в другой раз отдать.
За сим еще и еще дружески и усердно благодарю вас, остаюсь душевно и искренно преданный
А. Герцен.
Я, может быть, съезжу один в Мадрид в августе месяце на недельку — письма постоянно буду просить до зимы адресовать на Турнейсена.

Что Серебряков и украденные им 500 руб.? Для меня этот вопрос не столько денежный, как нравственный, если я кому-нибудь в жизни сделал добро, так это его семье, и такой гадкий поступок, хоть бы он для очистки себя старался уплатить.
На обороте: Его высокоблагородию Григорию Ивановичу Ключареву.
В Москве. Пятницкой части, III квартала собственный дом № 258.
28
11. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
10–12 июня (29–31 мая) 1847 г. Париж.
29 мая/10 или 11 июня, потому что ночь, 1847, Париж.
Я шел теперь из театра и все думал об вас, Татьяна Алексеевна, а думал потому, что нахожусь под влиянием вашего письма, за которое просто дружески целую и не токмо руку, но вас – редко удается в совершеннолетии читать более симпатические строчки; да, ваше письмо я прочел с жадностью, несмотря на китовую величину его. Пришел я домой, на улице дождь, темнота, высокие домы так страшно черны – дома спят, Наташа опять все хворает – я посидел-посидел, взял было книгу – не хочется, налил коньячку – хочется, отрезал честеру – ничего, налил бургонского – хочется, взял перо писать к вам – хочется. Вот вам история, предшествовавшая рождению этого письма.
Много раз в Москве я говорил вам, что у вас бездна действительных, жизненных элементов в душе; чем более вы сосредоточиваетесь, чем более вы зрелеете (это не зависит от лет), тем ярче обнаруживается именно это – жизненная, здоровая натура. – Я помню ваши письма, когда вас поразило страшное несчастие, – ваши письмы были писаны со стоном и слезами, но это был стон груди, полной силы, и не сбивался на хныканье романтизма – которое есть уже утешение. Тогда-то я понял вас, – последнее письмо каждой строкой подтверждает это, даже замечанием о грубой привязанности к материальным удобствам мужчин и о Сашином воспитании – причем образцами зла и порчи вы поставили меня и Корша – да это, ей-богу, бесконечно мило. Но ведь я здесь стал умнее, здесь жизнь иначе устроена. Итак, дайте вашу руку или, лучше, ухо – чтоб слушать мою болтовню.
Во-первых, ни слова о всем здешнем. На это у меня другие письма, вы их скоро прочтете в «Современнике» – два готовы, а третье пишется. Я хочу говорить только об вас и об нас. – Учтивость заставляет сначала говорить об вас. Скажите Грановскому, что я получил статьи его о Хомякове и ужасно рад, что он начал печататься, статьи написаны прекрасно – преблагородно, и я не знаю, как Мельгунов мог найти в них что-нибудь слишком резкое. Но признаться надобно и в том, что эта полемика много теряет, будучи читаема в Париже, – здесь ужасно быстро привыкаешь к журнальной перестрелке иными зарядами; во всяком случае душевное спасибо за присылку, так весело и отрадно получить выписки и статейки – кстати, Павлова письма длинны и вялы. С особенным удовольствием мы здесь читаем в «Современнике» статьи Мельгунова – их очень живой предмет и стремление перенести
в печать творящееся около очень хорошо. Кавелина целую, хотя бы он был и в Давыдкове; может, Сергей Иванович изобретет после проводников звука проводники поцелуев, и вдруг эдак, сидя на Девичьем Поле, поцелует андалузские губки Лолы Монтес – а что, ведь сам перепугается? – Его – т. е. Кавелина – статьи при дамах читать нельзя, всё ругательные слова, да еще казацкие, – а храбро он разбивает отрыжку нашей старой историей в испорченных желудках. Что Антонина Федоровна – ее я часто вспоминаю, глядя на француженок, в ней даже черты лица французские, а уж о живости и говорить нечего, поклонитесь ей да спросите, что она, по-прежнему за галстух закладывает или нет; поклонитесь Любовь Федоровне – она все больна, точно ее судьба носилась у меня перед глазами, когда я писал о женщине в «Капризах и раздумье» – гораздо до событья. Женщина везде еще прижата – здесь для того, чтоб веселиться и пользоваться жизнью, надобно не быть замужем.
Коршу передайте мою радость, что по разным вестям я более и более вижу, что в «Московских ведомостях» и полемика и раздолье такое, что чудо, что некогда писать. – О неписанье я раз навсегда отпускаю всем и каждому: лень писать, говорю об этом по моей привычке говорить обо всем – и боюсь как огня одного – что именно в силу этих упреков и замечаний принудят себя писать – что будет и глупо и ненужно. Достоинство вашего письма и кавелинского именно в том, что вам труднее было бы не писать, нежели писать. – А Василий Петрович не понял, что Наташе могло быть грустно в первом разгроме парижской жизни и во время голода здесь? Так он, пожалуй, и на меня в гневе за мое письмо о буржуази к Михаилу Семеновичу – о Гюльем Пьер Собрано-Пантарыльев – а вышел все- таки с архикостромским окончанием. – Сильно грустно бывает минутами.
Теперь к нам. Марья Каспаровна не говорит иначе, как по-итальянски, Марья Федоровна – как по-парижски. Им в этом способствует необычайно первый – мой камердинер Эмиль из Кенигсберга, а второй – наш повар Constantino Gregorio из Bagni di Lucca. – Саша начал говорить разом на общем европейском языке – мечта

Лейбница сбылась, это служит мне залогом, что он не выучится ни на одном; зато будет акробатом – я его посылаю в гимнастическую залу (а в самом-то деле надобно заметить, что он сделал невероятные успехи во французском языке). Но что касается до языков, самое лучшее – это разговор Эмиля с поваром, у них нет ни одного общего слова и потому один скажет «Ком са, ком са24[24], мсьё» – и итальянец отвечает «Capisco, capisco25[25], мсьё» – и несет воду, когда надобно огня, молока, когда надобно вина (я бы ни слова не сказал, если б было обратно). Еще есть у нас горничная Mlle Elise – слишком хороша собой, до того, что мне совестно.
Кстати к Элизе – пожалуйста, напишите, что Матрена – у Корша ли, я не могу себе представить, чтоб, воротившись я не нашел ее под окошком в первой комнате. – Разумеется, вам нет никакой необходимости говорить об этом Редкину.
Письма ни под каким видом не франкировать, а то вы свяжете меня здесь. – Ну, прощайте, пойду к Сергей Ивановичу. – Вот еще что: по общему суду дам и девиц борода ко мне очень пристала.
Ну что, почтенный кондуктор дилижанса на луну? Я как-то на днях ездил в Сен-Жермен по атмосферической дороге – ехать хорошо, но устройство стоило необъятной суммы. – Не слушайся Кавелина, в чисто ученой статье до слогу дела нет, ведь ее не станут же читать дамы, – пиши, или пусть он вместе с тобой поправляет. Жаль, смерть жаль, что твои усилия не имеют достодолжного круга, это не то, что бодливой корове бог рог не дает, у тебя рога механики отличные – да бодать некого. Но мой совет – занимайся, пока есть какая-нибудь возможность; да неужели ты не можешь встретиться хоть с фабрикантами – которые, чего нет другого, и не в обиду Кавелину буди сказано, поймут разницу воду подымать более нежели на 32 фута – с тем, например, чтобы носить ее по лестнице на Ивана Великого в ведре. Ах, ты эдакой-такой Константин Дмитриев – что мне с тобой, с К. Д., делать? Впрочем, ведь и Астраков в свою очередь не смыслит ничего в истории правоведения – даже не знает о царе Душане и о вине-те. – А не один бы грош дал, чтоб вас здесь увидеть, истинно дорого бы дал – да и вы бы не очень плакали провести здесь день-другой. Этот городок – ничего себе, так, как следует.
Прощайте.
12
июня.
1
А. Герцен.
Целую Федю – помнит ли он Селцена, и крестника – и жму руку их мамаше.
Жду сюда Белинского, он, говорят, – так Фролов пишет – очень плох. Анненков поехал к нему.
Коршу скажите, что я, может, съезжу в Лондон с Иваном Павловичем – который всем кланяется.
31
Полуденских почти не видаю. Но их брат действительно замечательный человек, на него много лгали, я вижу его житье и всякий день видаюсь – он в конце июля увидится с вами.
12. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
21 (9) июня 1847 г. Париж.
Париж. 21 (9) июня.
Не хочу запечатать это письмо, чтоб не сказать вам «здравствуйте», и не хочу ничего сказать, кроме «здравствуйте». «Современника» не получаю, и это нахожу очень справедливым, потому что вы не посылаете. Почти ничего не делаю, в редкие минуты покоя пописываю. Иногда на душе и хорошо, и полно... иногда щемят воспоминания, хочется видеть и того и другого, но дело Теста и Алкивиада буржуази Э. Жирардена развлекает, – я после этих представлений перестал ходить в театр. А ты не выписывай из «Дебатов»: там все переврано, – это здешняя «Пчелка», – уж лучше из «Монитера», да и «Пресса» разыгралась, такая удалая себе...
Еду через месяц в Бретань на неделю – куда уехал Георг с женой (скажи Сатину, что мы с ними очень познакомились). А в сентябре с Николаем Петровичем и с Георгом в Мадрид на месяц – оттуда, кроме Боткина и Редкина, ни к кому писать не буду. – Кастаньеты! «А, А, А, а, а, а!..» Елекламация Василия Петровича. – Кланяйся всем...
Вашу руку, Софья Карловна, – Феде – Саше.
Вашу руку, Любовь Федоровна!
Кавелин и Грановский, чай, не в Москве?
Будьте здоровы.
А иногда, изредка не мешает вспомнить меня, ведь я хороший человек, хорошего человека хорошо и вспомнить.

Отошлите мои № № «Современника», от 6 начиная, к Панаеву, — это, кажется, проще, я писал к нему.
13. Т. А. АСТРАКОВОЙ
4 июля (22 июня) 1847 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
Здравствуй, моя Таня, здравствуй, мой милый, добрый друг! Скверная вещь, письмо. Раздумаешься, захочется увидеть, захочется поговорить — думаешь: ну вот писать, писать — а перо возьмешь, опять раздумаешься и не хочется писать. А получать письма ужасно как весело особенно такие письма, как твои; Александр каждый раз от них в восторге. —
32
В прошлом письме я забыла тебе написать, что в то самое время, как ты потеряла мой браслет, я потеряла твой лорнет, мне было ужасно, ужасно его жаль, и твоя потеря несколько утешила меня. Мне так досадно, что я не хочу себе покупать другого.
Недели три мне все что-то не по себе, опять страшная усталь, расслабление, началась и простуда, — едва ли мы останемся здесь зиму, я думаю, мое существование здесь в холод будет жалко, потому, что домы устроены для жару. Доктор мой советует ехать в Ниццу в начале октября, но там, говорят, скучно очень будет для Александра, и я думаю, мы поедем в Палермо, я рада буду уехать отсюда на зиму. — На днях проводили мы Галахова26[26] в Бокард, он будет там лечиться холодной водою; чем более узнаю его жену, тем более она мне нравится, она нехороша и немолода, ровесница нам с тобой, но существо недюжинное. Анненков уехал к Белинскому и пишет, что нашел его не в отчаянном положении, обещает притащить его сюда, я буду ужасно рада им; теперь мы что-то сиротливо здесь живем. А должна тебе сказать правду, Таня: бесконечно уважаю ум Сазонова, всегда слушаю его с большим удовольствием, но задушевного-то нет...
Сегодня Саше минуло восемь лет; как хочешь, а право, моя жизнь все более и более поглощается ихнею жизнью, и мне недурно.
3 июля/июня 22.
Давеча утром получила твое письмо от 9/22 июня, а теперь. Только что принялась вчера писать тебе, пришли, помешали. Во-первых, благодарю тебя за это письмо как наисильнейшее доказательство твоей дружбы, Таня! Досадно, что тебе-то не так сладко доказывать дружбу таким образом, очень досадно — взял бы иногда весь земной шар да и истолок бы его в ступке, — что ж это, наука-то, на что
26[26] В последнее время я сблизилась с ним еще более — чистый, благородный, симпатичный и нежный человек, грустно было расставаться с ним, может, до России не увидимся.
же она, до сих пор химики не умеют сболтать масла с водою, масло все масло и поверху плавает, а вода все вода... Ну, да дело в том, что Александр взял на себя обделать это, сидит и пишет теперь в Москву. Один упрек сделаю тебе: зачем такое длинное предисловие ты написала?
Об красках все узнаю, живописца знакомого нет, спрошу в магазейне.
За что это ты Александра-то разбранила, я думаю, тебе совестно после этого было читать его письмо?
«Потеплее ли у нас? Повеселее ли я?..» Лето уж верно у нас началось прежде вашего. А на последний вопрос, прежде чем ответить, я бы спросила тебя, что такое ты называешь весельем. Но случилось так, что я отвечала27[27] прежде, чем ты спросила. С каждым днем мне здесь становится ловчее, кажется бы съездил туда и сюда, и опять бы воротился в Париж, и на Александра мне досадно, что он мало пользуется им, почти ни с кем не знакомится, до 4 часов с утра работает, потом сходит погулять — не по годам, а по часам делается домоседом и семейным человеком, так что уж я имею маленькую надежду привезти вам почтенного старца. — Продолжаем осматривать Париж, да я думаю, полжизни проживешь и все будешь осматривать. Внутреннею моею жизнью я все более и более довольна: теперь время идет еще скорее, я тоже учусь с Сашей по-французски, потому что мы сравнялись с ним в знании, а уж отставать-то мне не хочется. Я чувствую постепенное возрождение себя; это не возвращение к юности, мечтательной, в розовом платье из дымки, с крылышками бабочки, нет, это сила, твердость, сознание, ясность зрелости. Веселиться ж я не могу, я думаю, нигде и никогда, да и кто из нас может веселиться
33
теперь?.. На каждом шагу видишь — с одной стороны богач, который умирает от объядения, с другой голодная смерть... и до последней струны жизни подобная дисгармония, веселись кто может!
Марье Федоровне передала твой поцелуй, а Машеньке не могла потому, что они еще не возвращались из Лондона, куда поехали около двух недель тому назад; на это время Коля переселился к нам, и ты не можешь себе представить, что это за чудный

ребенок, поразительный ум, грация и доброта, я не надеюсь, чтоб он стал слышать, мне кажется, все это ему дано в замену. Дети вообще здесь все здоровы и веселы. Спасибо за извещение о друзьях, пиши всегда. Кланяйся всем. Иногда так хочется взглянуть на иных, в особенности тебя и Грановского (разбор не по достоинству, а по положению вашему ко мне).
Сергею Ивановичу, как видишь, поклон вверх ногами; если он не сочтет неприличным принять его в таком виде, так повергни его к его стопам, я бы послала, пожалуй, и поцелуй, да ведь знаю наперед, что не примет.
27[27] в прошлом письме
Ваша несправедливость ко мне — меня не удивила, потому что неуверенность в тех, которых вы любите (а я уверен, что любите и меня), — периодическая болезнь ваша. Об деньгах много толковать не стану — вот записка к Григорию Ивановичу.
Сергею Ивановичу скажите, что если найду 3 том Лакруа, то пришлю его с доктором Гро, который едет на днях отсюда и в августе будет в Москве.
Скажите Кавелину, что ему-то грех так долго не писать. — Как, в самом деле, нелепа ваша приписка ко мне — она похожа на то, если б кто-нибудь поставил мне в вину, зачем у меня голубые волосы — а не русые, несмотря на то, что они русые. Во мне память и дружба сохраняются так, как ненадобно в совершеннолетии, так, как это идет только к юношам. И вот теперь, написавши строку к Кавелину — все так живо, так ясно стоят передо мной... О том, что я сижу дома — все пустяки, я по утрам не люблю ходить (особенно в июльских жарах) — все равно в Париже или в Перми. Зато с обеда шляюсь. Да и утром ходил смотреть на разные травли Эмиля Жирардена и Дюшателя — делавшиеся к великому порадованию.
Прощайте. На днях едет Елизавета Ивановна — радуюсь за вас.
Будьте же здоровы.
А. Герцен.
О получении письма уведомьте.
Кто вам это натолковал, что мы здесь скучаем?
14. М. К. ЭРН
Июнь — начало июля 1847 г. Париж.
Полчаса тому назад я сделал то же, что Madame Herzen, т. е. получил ваше письмо и собираюсь на него ответить со всеми тонкостями английского выговора.
34
— Здры, Кол. превсдно вдт, от меня не отходт и не шлит. — Маменьке сделайте напоминовение о напоминовении Боткину при просьбе о пальто-макинтоше, — здесь показались чудесные, но чтоб он выбрал элегантный и широкий.
Всем кланяюсь и очень благодарю за письма.
15. Н. П. ОГАРЕВУ
3 августа (22 июля) 1847 г. Париж.
3 августа 1847. Париж.
Получил твое письмо от 8 июля, благодарю, очень благодарю, ты теперь более, нежели когда-нибудь, знаешь цену письмам; насчет твоих экономических теорий я не стану говорить, потому что я плохо знаю предмет, в них мне всего более нравится яркое доказательство твоей живой и реальной натуры. — Быть своевременным, уместным, взять именно ту сторону среды, в которой возможен труд, и сделать этот труд существенным — в этом весь характер практического человека. И с этой стороны ты совершенно прав, нападая на Бельтова; ошибка в том, что цель не Бельтов, а необходимость подобного воздействия не на из рук вон сильного человека — но на прекрасного и способного человека. Для того чтоб убедиться в этом, достаточно вспомнить биографии всех знакомых да и наши несколько. При начальных шагах жизни что представлялось на выбор? Доктринерство, всяческий романтизм, — я сделался отчасти доктринером и, может, был бы sehr ausgezeichnet in meinem Fache28[28], если б не необходимость уехать в провинцию. Там я сделался романтиком. В действительную жизнь, в действительное спасение вышел я женитьбой, — да ведь и ты женился, однако для тебя это имело совсем иную воспитательную силу. Наконец, литературная (практическая, и очень) деятельность сделалась пока единственной возможной, — дело пошло довольно успешно, хотя я собственно на нее попал 30 лет. Могло совсем иначе быть; да и, без хвастовства, у нас довольно много силы, даже своего рода perseverance29[29] и — юркость, да, прошу не смеяться над этим словом, юркость — важная помощь в жизни, да еще способность понимать, страдать — и утешаться. — Но вот здешний ex-Гегель, вот тебе пример противуположный, а долею и Сазонов — sui generis30[30] романтик — плодовитая бесплодность! К моей второй характеристике знакомых не прибавлю ни йоты, — она верна. — С Георгом я в последнее время очень познакомился, — отчего ты мне никогда не говорил о его жене? Она замечательная женщина.
28[28] весьма выдающимся человеком в своей области (нем.). 29[29] настойчивость (франц.).
35

Они уехали в Бретань, куда и мы на недельку поедем, на берег моря. Георг сделал превосходное замечание насчет твоего protégé (которого я очень уважаю и люблю, насколько такую эгоистически раздражительную натуру любить можно) — что ему отроду в голову не приходило быть человеком и чем-нибудь — он только думал об этом «чём-нибудь» — а оно-то и не удалось. — Я передал очень коротко, а это было лучше и полнее.
Приехал сюда Белинский, в чахотке, он лечился сначала в Зальцбрунне, теперь в maison de santé31[31] в Пасси. Худ, слаб, однако доктор подает большую надежду, — Париж его поразил, он говорит, что в первый раз действительность превзошла ожидание, но в maison de santé ему очень скучно, — несмотря на почетное соседство Теста — арестанта из министров. Вероятно, и ты сколько-нибудь следишь за здешними сплетнями и делами — Жирарден, Кюбьер и пр., только в «Journal des Débats» все переврано, читай хоть «Presse» или «Allgemeine Zeitung», что ли. Галахов уехал в Бокар, больной, повредил себе глупым лечением холодной водой и уехал лечиться куда-то в Германию, оттуда он прямо домой, т. е. в Москву. — Жена его очень почтенная особа. Я не помню, писал ли я тебе прошлый раз или нет, что у меня живет повар, который тебя знает — Constantino Gregorio из Bagni di Lucca, где он жил у М-ше Кене, — эта встреча стоит встречи Белинского с Тестом.
Ты все хочешь, чтоб мы тебе писали о наших впечатлениях и пр., т. е. именно о том, о чем я не напишу, да, между прочим, все это очень легко догадаться, гораздо легче, нежели о твоих впечатлениях и о твоем житье-бытье хозяино-помещичьем. Для того, впрочем, чтоб сколько- нибудь удовлетворить, я пошлю в «Современник» письма три или четыре. Там по крайней мере смешная сторона впечатлений.
Московскими я всеми недоволен: есть предел всему, и если их молчание не просто холодное невнимание, то по крайней мере уродство. Распущенность и распущенность (в которой нас так усердно обвиняли), т. е. то самое свойство, которое заставило или, лучше, не остановило Грановского снова сыграть патетическую сцену с Шевыревым и Хомяковым, что, хотя было и в мае месяце, но я теперь только что услышал.
Прощай. Из последнего письма я вижу, что ты глубже и вернее понял Алексея Алексеевича, я жду его и буду рад, хотя тоже смотрю как на... как на Бельтова в своем роде, сломившегося, и оправдываю вполне, — и все же должен это неразвитие принять за факт — за факт, который ставит навеки преграду.
36
Будь здоров.
Огарев, что бы тебе завести переписку и даже выписать к себе на время Астракова, он отличный агроном и, сверх того, агроном-прогрессист, он мог бы много сделать пользы — даже и заводу, ибо механик велий; подумай об этом.
Рукой Н. А. Герцен:
Твои письма имеют такое действие, как будто, сидя долго в душной мрачной комнате, вдруг отворишь окно — светло, чистый воздух, живо, да, живо в самом деле, а не так, как плелося в мыслях, пока лежал в креслах, в лени, в полудремоте; выглянув в окно — хочется умыться, одеться и идти — куда не знаю, только идти! идти!.. и верится, что будет хорошо, больше чем хорошо, что будешь делать — и силы расправляются, как крылья у птицы, когда она хочет лететь. Да, друг, нам жить тяжело. И хорошо жить нам, друг! Я бы тебе написала многое, что я чувствую и думаю, если б это не было написано в твоем письме ко мне, мне смешно иногда читать, как можно до такой степени сходно понимать и ощущать иное. Я уж, кажется, раз просила тебя не обижаться этим, — надеюсь, ты исполнишь мою просьбу?
В хозяйстве твоем я ничего не понимаю, а верю, что должно быть хорошо. А что же, школа будет у тебя в деревне? Тогда мы привезем наших детей туда учить, и учителей, и я сама буду учить чему умею, и Марью Федоровну привезем, потому что, верно, и Федя будет в этой школе? — Саша учится здесь гимнастике, а тогда уж не надо будет — возле лес и река есть? Заводи же поскорей школу, а я здесь научуся поскорей, да мы выпишем туда и Грановского преподавать историю, твоего и нашего состояния вместе достанет, чтоб учредить все и содержать всех хорошо, только вина не будем выписывать много, да вино и заниматься будет мешать. Составь выбор книг, мы запасемся здесь чем нужно... и вырастет юное поколенье, и будет жить, мы состаримся, умрем и будем жить в них. А похоронят нас в твоей деревне. Большие люди — как дети, которые заиграются до того куклой, что воображают ее живою, а она из тряпочек; да только моя кукла не из тряпочек, а не жива она оттого, что холодно.
Рукой М. Ф. Корш:
Благодарю, благодарю и благодарю, и скоро напишу; а покуда жму крепко вашу руку. М. К.
16. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН

Первая половина августа 1847 г. Париж.
Ich schicke jetzt Ihren Wechsel und werde diese Tage, liebe Mutter, Ihre Sachen abschicken. Jetzt bleibt noch vom allen Gelde 2500 fr.; aber ich werde Grigorii Iwanowitsch schreiben, daß er zum neuen Jahre nach Rom uns Geld schickt.
Sascha ist viel besser. Zum 15 glauben wir die Möglichkeit zu haben, ganz fertig zur Reise zu sein.
Ich warte auf Ihre Antwort32[32].
Мария Каспаровна, расприпоцелуйте Колю.
37
17. Т. А. АСТРАКОВОЙ
20 (8) августа 1847 г. Гавр.
Я хочу для того с вами поздороваться — чтоб проститься, — сижу, с позволенья сказать, на берегу морском в Гавре и нахожу, что море недурно — и что я все-таки вас и люблю и кланяюсь вам и Сергею Ивановичу. — Я, кажется, писал ему, что книга, которую он хотел, III том Лакруа, отдельно нет, а вместе 100 франков.
На обороте: Татьяне Алексеевне Астраковой.
18. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
26 (14) августа 1847 г. Гавр де Грас.
32[32] Я посылаю теперь ваш вексель и на днях, милая маменька, отошлю ваши вещи. Теперь осталось всех денег 2500 фр.; но я напишу Григорию Ивановичу, чтобы он прислал вам к Новому году денег в Рим.
Саше много лучше. Мы надеемся к 15-му быть вполне готовыми к отъезду.
Гавр де Грас. 26 август 1847.
Давно я не писал к вам, почтеннейший Григорий Иванович, и давно не имел вестей от вас прямо, хотя имел косвенную от Астракова. Усердно благодарю за исполнение моей просьбы.
Мы теперь все в рассыпной. Маменька, Марья Каспаровна и Коля в Берне, Наташа маленькая в Париже, жена, я и Саша на берегу моря. Здоровье Саши заставило меня отложить прежде предположенные поездки, жене моей советовали морские ванны, действительно ей здесь было удалось, — но как назло Саша занемог сначала лихорадкой, потом она заменилась воспалением в кишках, и мы наше пребывание на чрезвычайно живописных берегах Нормандии провели самым печальным образом, — теперь Саше гораздо лучше, и я полагаю, что в конце недели или к 1 сентябрю уедем отсюда. Сюда мы приехали на том самом пароходе («Норманди»), на котором везли от Гавра до Руана Наполеоново тело. — Из писем Огарева я вижу, что он сильно и действительно принялся за хозяйство — с чем от души его поздравляю, он часто беспокоит и вас, позвольте и мне с своей стороны поблагодарить вас за одолжения ему, могу вас уверить, что это человек благороднейший и заслуживающий истинного уважения. — «Я ему писал, что он мне задолжал тысячи около четыре асс., и напоминал о долге Софье Федоровне Каппель, если она требует уплаты, то потрудитесь сообщить мне, я готов перевести вексель на себя и сбавить в пользу Огарева 2 процента. Марье
38
Каспаровне я здесь отдал проценты; что, ее билет все еще в залоге? Если у вас к Новому году не будет большой суммы, то я все же попрошу перевести тогда всю на дом Турнейсена, мне до февраля (здешнего), вероятно, хватит, но маменьке будет нужно, может быть. Впрочем, мелкие билеты, тысяч в пять я могу через здешнего банкира в случае нужды разменять.
Что касается до меня, я, как всегда, здоров, больше занимаюсь глазами, т. е. смотрю, однако иногда занимаюсь и пером. Полагаю, что в октябрьской книжке «Современника» вы прочтете письма отсюда.
Передайте усердное почтение Дмитрию Павловичу и Надежде Владимировне.
От Егора Ивановича я тоже давно не получал — передайте ему дружеский поклон. Он, кажется, пишет к нам только тогда, когда в дурном расположении духа.
Что делается в доме под бдительным глазом Карла Ивановича? Прасковье Андреевне кланяюсь. Здесь носились слухи о том, что Елена Ал., отданная Алек. Ал., очень дурно содержана и что даже Вера Артамоновна не пользуется всеми удобствами, которые она, без сомнения, заслужила. Я вполовину верю только — но тем не менее счел нужным сообщить вам об этом. Вере Артамоновне поклон.
Желаю от всей души, чтоб письмо это вас застало и всех ваших близких здоровыми, и в заключение, как всегда, дружески благодарю за все хлопоты и безмерные одолжения.
А. Герцен.
Наталья Александровна кланяется вам и Саша.
Григорий Иванович, сделайте одолжение, записывайте в расход цену за письма, ибо я их никогда не франкирую из удобства отсылки, но не хочу никого вводить в траты. Также и ко мне не франкируйте.
Р. Б. Я сейчас, прогуливаясь по Гавру, нашел в лавке чашки и миски деревянные,

раскрашенные; спрашиваю, откуда, купец мне говорит, что это отличная посуда «архангельская», самая маленькая стоит 50 сантимов. Вот вам и редкость здесь. А зато мы едим здесь удивительные устрицы по 40 сантимов дюжина, в Москве таких вовсе нет, а если б были, то, верно, стоили 4 р. сер. — Если б не болезнь Саши, было бы очень хорошо здесь, перед глазами Ла Манш, сотни кораблей и пароходов, отсюда теперь отправляются пароходы в 12 дней до Нью-Йорка. Железная дорога оживила край — только очень страшные туннели, минуты четыре несешься в полнейшем мраке — под горой или даже под городом, именно под Руаном. — Так думать страшно, а едешь — ничего. Удобства удивительные, везде отели отличные, и, словом, при не очень
39
больших деньгах — можно не заметить, что в дороге. Лето было очень переменчивое, но вообще до сих пор погода мягкая, я купаюсь в море всякий день.
19. Т. А. АСТРАКОВОЙ
1 сентября (20 августа) 1847 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
1 сентября 1847, Париж.
Третьего дня воротились мы из Гавра и получили твое письмо, неизменное копье! Саше гораздо лучше, еду сегодня в деревню. Да, ты права, Таня, величайшее счастие дети! И оно растет с каждым днем... Что такое Наташа — да, впрочем, все — каждый в своем роде. Саша менее интересен с первого взгляда, его надо узнать (кому-нибудь другому побоялась бы написать, станут смеяться), один недостаток — слишком нежен и душой как телом, но я надеюсь — со временем окрепнет, а может, нет, потому что много зависит от организации, с каждым днем развиваются, в Саше уж много человеческого, он становятся мне другом. Наташа — Александр в малом виде, Коля истинно необыкновенный ребенок, при этом недостатке — столько прелести в нем. Пожалуйста, не рассказывай этого никому, я хочу делиться с тобой моим счастьем, а не профанировать его. — Зачем ты все придумываешь разные беды, что все рассеемся и пр., да еще ты, может, приедешь навестить нас, может, мы приедем за тобой и ты прогуляешься на чистом воздухе так же, как Марья Федоровна, которая тебя благодарит за обещание портрета; она поручила тебе сказать, что от тебя ей приятнее это будет, чем от кого другого, потому что это по твоей части. Не описываю тебе моря, его уж столько описывали — мне хорошо было, когда я сидела там на берегу одна-одинехонька, а оно-то колыхается, бьется о берега и пенится — а как долго смотришь в серую погоду, жаль его становится и тяжело на груди — мученик, сколько тысяч лет работает, и ни одной мысли, ни одного теплого вздоха, все бури напрасны...
Пиши мне подробнее о Кетчере; несмотря на все, люблю этого человека, люблю от всей души и желала бы одного — чтоб воскресла его вера в нашу дружбу. Неужели он не опомнится? Почему ты не поговоришь с ним об нас? Мне иногда так хочется к нему написать, но ведь он не верит ничему, — что он и как он?
Может быть, скоро вы будете иметь об нас очень верные и подробные известия. Ты восхищаешься Грановским, Кетчером — я уж давно не разбираю тех, кого люблю, а люблю просто, т. е. разбираю, да это не действует на любовь.
Бедная Марья Ивановна все нездорова и грустна; признаться, нечему позавидовать в ее положении, мало утешительного и в Николае для нее. Обнимаю тебя всеми руками моего семейства и целую всеми устами.
Твоя Н. Г.
Из них, т. е. из рук всего семейства, две мои, и очень жаль, что одна из них — левая, но делать нечего, такая привычка. — Сергею Ивановичу было бы что посмотреть в Нормандии; туннели без конца, и работы по взморью в Гавре колоссальные, должно быть, хороши — я ничего не понял.
На обороте: Татьяне Алексеевне Астраковой.
40
20. Т. А. АСТРАКОВОЩ1]
21 (9) сентября 1847 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
19 сентября 1847. Париж.
Сейчас получила твое письмо, Таня, и сейчас же, прочитав его, бросилась писать тебе, мой друг, мне так стало тебя жаль, так стало досадно на себя и совестно перед тобой, что у меня слезы навернулись и я готова на коленях просить у тебя прощенья в том, что долго не писала, — но какая же польза от этого раскаянья? Оно не придет к тебе прежде двух недель. Так живо представилось твое одиночество и твоя капризность... так и полетела б тебя расцеловать и сказать тебе, что я люблю тебя, моя Таня, — о чем же ты горюешь? Это не ирония; а в самом деле я уверена, что сознание быть любимым мною как бы то ни было должно служить большим утешеньем.
Весть об удалении Никиты ужасно нас всех обрадовала, впрочем, я была твердо

уверена, что наши восторжествуют, и меня это дело не тревожило слишком, ведь есть же предел нелепостям! Вот плохо- то то, что ты и все вы, наши милые друзья, нет-нет, да похвораете, вообще отрадного ни о ком ничего ты не сказала, что ж это жизнь, куда деваться, в каком этаже искать квартеры?.. Там холодно, погреби под полом, там кухней пахнет и нечисто, должно быть, люди живут.., бельэтаж дорог... под крышей жарко! — Нелепо и нелепо!!!..
Не могу тебя довольно возблагодарить, Таня, за твои письма, они для всех нас неоценимы тем, что ты обо всех пишешь, сию же минуту перенесешься к вам и будто видишь вас всех... Спасибо тебе, вот как спасибо! — Боткин Николай Петрович собирался ехать в Москву, нам жаль его было, и рада я была, что вы всё узнали бы о нас подробно и верно. Словам Елизаветы Ивановны верить нечего, потому что она, во-первых, не знает о нас ничего, а если б что и знала — так может передать неверно, потому не знает нас. Так-то то, Боткин хотел ехать, да получил письмо из Москвы, что это не нужно, и остался. Белинский на днях уезжает. Это путешествие, кажется, не принесло ему большой пользы. — Да, в Гавре мы были, и, кажется, я тебе писала о нашем путешествии; у Саши тоже ведь было что-то вроде холеры, он, бедняжка, до сих пор не может оправиться, вял, тих и худ, при малейшей неосторожности, т. е. пахнет ветер, или съест что-нибудь, сейчас возвращается, да только не в такой сильной степени. Коля в Швейцарии, карабкается по горам, мы скоро съедемся с ними где-нибудь, я думаю, в Париже не останемся зимовать, говорят, пренеприятная погода, ехать в Италию на зиму — тоже страшно, жилища, говорят, устроены еще хуже здешнего, полы каменные, печей и даже каминов нет, отсюда доктор советует ехать для меня и для Саши, ума не приложишь, я уже просила Александра решить это без меня; Боткин и Анненков проводят зиму здесь и там, пусть решат все вместе. А, видно, зима-то всего лучше наша, русская, весело вспомнить, как иногда катывались в санях по заветным улицам. Пока я беру ванны из бульона с солью да пью какую-то дрянь, я не больна, а силы мало прибавляются, мне пребольно видеть, что Саша одну участь терпит со мной, уж даже и ванны-то одинакие! А как бы хотелось, чтоб не во всем был похож. То ли дело Наташа: как соловей весела, распевает, какая сильная, крепкая... ну, да что будет, то будет. Без нас, т. е. пока мы были в Гавре, Наташа очень подружилась с Марьей Федоровной, я ужасно этому рада, это хорошо для них обеих. Все эти дни сидела дома; ничего во имею сообщить нового. Обнимаю тебя, моя Таня. Благодарю Сергея Ивановича за намерение писать, жму ему крепко и прекрепко руку. Ну поклонись же ты всем, — да что, это
41
глупо — кланяться, вот кабы можно было тебе показать, как бы я желала, чтоб ты поцеловала их за меня... Прощай!
Твоя Н.
Я не поняла о Сатине, ты пишешь прежде, что он уехал в Петербург, потом — что Кетчер нанял с ним квартеру?
Рукой Саши Герцена:
Целую тебя, Таня, что вы точите, Владимир Иванович.
21 сентября.
Сообщаю вам выписку из протокола, который ждала Наташа. После первого октября мы садимся в дилижанс и едем в Шалон, там садимся на пароход и едем в Марсель, там пересаживаемся в перепароход и едем в Геную — Ливорно — Флоренцию, где примемся думать о зимних квартерах; до приказа от меня пишите все так же, как писали, к Турнейсену. Николай Петрович с нами.
Засим прощайте, кланяйтесь всем, кроме Елизаветы Ивановны — сплетня, старая розга, невзначай попавшаяся в брачный букет.
Разные приложения от Марии Федоровны.
Желал бы еще знать никитские подробности. Скажите Грановскому, что, узнав сие, я того же дня, числа, месяца, года, столетия отправился в Palais Royal в ресторацию Corazzo и заказал
Soupe en tortue
Filet de Bœuf sauté au madère Sole à la Normande Poulet à la Marengo
etc., etc.33[33]
33[33] Суп из черепах и чуть не сгубил Белинского ядовитым обедом в честь двух приятных новостей, из которых одна — неприятность Крылову.
Кавелина целую, — а если позволите, и вас, а Сергей Ивановича и без позволенья. Я здесь рассказывал, к великой радости французов, проект о луне и машине туда ездить.
[Получил ли Грановский письмо из Гавра?] получил
Да и к Кавелину писал, кажется, 2 сентября.
Сейчас читал письмо от Василия Петровича к Анненкову, подробности о крыловской истории и прочее. Тем не менее прощайте. Скажите, что в «Révue» глупости пишет какая-то ракалья и дурак — предосадно.

42
21. Т. А. АСТРАКОВОЙ
15 (3) октября 1847 г. Париж.
Октябрей пятнадцатых.
Я не слыхивал, да и вряд ли после потопу был пример таких чудовищных писем, а если до потопа писали – так именно за то несчастие и посетило такой мокротой земной шар. Поэтому, Татьяна Алексеевна, я не хочу усугублять дело и ничего не пишу. Посылаю вам два портрета – маленько почище Горбунова; один Астракову, другой вам. – Лакруа так дорог, оттого что вышел. – Право, не могу писать, ночь не спал всю, Николая Петровича провожал – на дворе такая жара, как в июне, а мы сдуру едем в Италию, где еще теплее.
Можете писать и на Турнейсена, даже это лучше до получения от меня письма, – он перешлет, а впрочем, до 15 декабря можете писать и так: à Nice (Italie) 1 нрзб ^nfiée aux soins de Messieurs Avigdor l'ainé et fils, а с декабря: à Rome (Italie), Confiée aux soins de Mr Torlonia.
Говяжье филе в мадере Камбалу по-нормандски Цыпленка а ля Маренго и пр. и пр. (франц.). – Ред.
Из этого вы можете заключить, что Турнейсен по-итальянски значит Торлониа, но заключение будет ложное.
Целую вас – Сергей Иванович и Константин Митрич.
Поклоны справьте всем и всем, впрочем, я на днях писал к Тимофею Николаевичу.
22. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
15–16 (3–4) октября 1847 г. Париж.
15 октября 1847. Париж.
Письмо ваше от 11 сентября, почтеннейший Григорий Иванович, я получил давно, благодарю вас за него и поздравляю от души с орденом, тем более поздравляю, что глубоко уверен в истинной и благородной пользе, которую вы приносите вашими занятиями, – и это не фраза.
Я совершенно готов к отъезду в Италию. Доктора никак не советовали ни Наталье Александровне, ни Саше, который был очень болен в Гавре, – я просто уверен, что у него была холера, – долее здесь оставаться. Мы едем сначала в Ниццу, потом в Рим – так как по этой дороге дилижансы скверные, то я купил коляску подержанную, но со всеми дорожными принадлежностями, и у кого же – у испанского министра Нарваеза, – смешное столкновение одного с севера, другого с юга придает коляске интерес.
Вы пипшите, что у вас собралось денег до 6400 руб.; если вы еще не распорядились с ними, то их можно положить на имя
43
маменьки в Опекунский совет; вы знаете, что она дала свои деньги для перевода Ценкеру, – если положено на мое, и то не беда. Уезжая в Италию, я боялся остаться там без денег и без знакомых банкиров; а потому отдал Турнейсену билет Московской сохранной казны в 5000 руб. и взял за него кредитив на имя Торлониа в Рим – стало быть, посылать денег теперь не нужно; у меня остается от прежних тысячи две серебр., а потому до лета будет довольно, жизнь же в Италии дешевле.
Сегодня едет отсюда почтенный и преблагородный негоциант наш Николай Петрович Боткин, я просил его свезти вам два портрета – из коих один позвольте поднести вам, а другой попрошу вас вручить Егору Ивановичу, – это не чета прежнему портрету, который бросьте в печку. Если вам угодно будет заехать за ними, то он остановится в собственном доме на Маросейке, через двадцать дней от нынешнего числа он приедет. Сверх того, он вручит вам 1500 франков, взятые им у меня, – вы их примите труд приобщить к прочим. Я очень благодарен Дмитрию Павловичу за уплату; вероятно, и проценты по прежним векселям он присылает вам с той истинно удивительной точностью, с которой мне присылал. Кажется, еще и за Егором Ивановичем была недоимочка. Я очень рад, что дом нанял Аксаков, – семейство препочтенное и преблагородное.
Вероятно, с тех пор вы уже имели случай послать что-нибудь Петруше.
Прощайте, Григорий Иванович, от души желаю, чтоб письмо мое вас нашло здоровым.
– Поклонитесь Егору Ивановичу – я, уезжая, отошлю ящик с моими портретами в Петербург, и оттуда попрошу контору Языкова переслать к Егору Ивановичу, а его попрошу их покаместь поберечь у себя, – впрочем, предоставляю 10 экземпляров в распоряжение Егора Ивановича сверх того, который ему доставит Боткин. Карлу Ивановичу усердно кланяюсь, Вере Артамоновне также.
До 15 ноября ст. ст. вы можете продолжать адресовать письма к Турнейсену, он перешлет в Ниццу. Но с 15 ноября лучше писать такому-то à Rome (Italie). Confiée aux soins de Monsieur Torlonia.
Я еду 20 – сегодня 16, до Буржа по железной дороге, потом в Лион, Авиньон и Ниццу. Сообщите адрес и Егору Ивановичу.
Осень здесь стоит удивительная, теперь по-вашему 4 октября, а погода точно в

июле, теплые ночи и ясные дни.
Что, как идет домостроительство Егора Ивановича?
Жена моя кланяется вам, к Егору Ивановичу напишем, как только приедем в Италию.
44
23. Е. Б. и Т. Н. ГРАНОВСКИМ
Около 15 ноября 1847 г. Ницца.
Лизавета Богдановна, вашу руку.
Несчастие, бывшее с тобой, Грановский, сильно встревожило всех нас, несмотря на то что весть об нем была вместе с тем и успокоением. Гнусная, отвратительная случайность... и как скверно положение тех, которые узнают через месяц, как мы. Мне написал Егор Иванович как слух, потом я писал к Боткину. Давайте весть о себе как можно полнее, ах если б сбылась мечта Боткина и вы приехали бы! — Только в Италию и надобно съездить, а это недорого, можно даже из Одессы ехать в Триест Мы теперь отправляемся морем в Геную — мы бы выехали вас встречать и чудно провели бы время. Обнимаю тебя от души и не хочу задерживать письма.
Галахов кланяется.
24. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
20 (8) ноября 1847 г. Ницца.
20 ноября 1847. Ницца.
В то время, как я писал к Егору Ивановичу, принесли мне ваше письмо от 2-го ноября, оно несколько опоздало оттого, что съездило прежде в Париж. Весьма благодарен вам, почтеннейший Григорий Иванович, за все сообщения. 1-е. Что касается до билета Марии Каспаровны, то потрудитесь его взять из казенной палаты, этот билет вовсе не зависит от 2000 серебр., взятых Н. П. Огаревым у нее, след., взявши его, записка Огарева останется у вас. — 2-е. Билет перекладывать не стоит; я отмечу долг на Огарева в 480 сер. в дополнение к другим. 3-е. Когда проценты от Дмитрия Павловича вы получите, то из них на 10 т. серебр. от 1 февраля 1847 до уплаты принадлежат маменьке; я просил Егора Ивановича отдать из моих Вере Артамоновне, да еще следует дрова и Карлу Ивановичу, также маменька желает из этих денег поземельные за свой дом отдать и все траты по дому, небольшой подарок к Новому году Якову, Егору и пр. 4-е. Я попрошу вас, Григорий Иванович, принять на себя труд некоторой ревизии Зонненберга, он не совсем надежен в денежных делах, и я опасаюсь его сильного желания переправок. По крайней мере чтоб он вам доставлял все счеты. — Я надеюсь, что костромские крестьяне не изменят своей аккуратности и вышлют в срок свой оброк, если же нет, вы примите на себя труд им подтвердить, деньги эти я попрошу также положить в Опекунский совет
45
хоть (на имя маменьки]34[34], или на неизнестного, как лучше найдете. — Проценты, когда вы получите от Дмитрия Павловича и буде вам напишет из Шацка Аксинья Ивановна насчет выдачи замуж ее дочери, то я вас попрошу препроводить ей 3000 р. ассигнац., которые Наталья Александровна назначила ей в приданое. Вероятно, послать придется через того
34[34] В автографе над зачеркнутым «на имя маменьки» Герценом написано: «она не желает». — Ред.
же Протопопова. — Буде же письмо от них придет до получения от Дмитрия Павловича, то вы возьмите у него тогда. — Дело их задерживать я бы не хотел. Я, кажется, вам писал, что вместо присылки денег я предпочел отдать билет Сохранной казны г. Турнейсену в 5000 сер. — этого мне еще станет на несколько месяцев и с маменькой.
Дмитрия Павловича поздравьте с дочерью Натальей, нашего полку прибыло, у меня все Натальи да Александры. — Дети здоровы, но Наталья Александровна — которая усердно вам кланяется — была здесь все время больна, несмотря на то что климат удивительный, — теперь цветут на воздухе розы, оливы и алоэ совершенно зелены, одни каштаны начинают желтеть.
Мы едем отсюда 22-го, — если хорошо будет, т. е. не бурно море, то мы поедем на пароходе в Геную, где пробудем дней 5, оттуда в Ливурно, откуда по железной дороге через Пизу во Флоренцию — оттуда или сухим путем в Рим или морем в Чивиту-Веккию. В Риме, вероятно, останемся до июня.
Пишите, пожалуйста, о новостях, обо всем, все нам интересно, особенно что касается до вас. Я продолжаю время от времени напоминать себя моим приятелям и через печать. Скажите Дмитрию Павловичу, что я здесь написал небольшую шутку под заглавием «На пароходе» и помянул в ней Бычка, — полагаю, что «его не возмущу я праха» этим итальянским воспоминанием.
А уж как здесь климат хорош — этого сказать нельзя. Вчера была гроза, сегодня посвежее.
Маменька и Марья Каспаровна вам свидетельствуют свое почтение.
Весь ваш А. Герцен.

Потрудитесь переслать прилагаемую записку по адресу — по почте.
К вашему Новому году мы в Риме.
Пишите на имя Con^e aux soins de Monsieur Torlonia. Только вы меня искренно обяжете не франкируя письма и
платя за мои из расхода — иначе я буду писать на имя Егора Ивановича. —
Вероятно, Боткин уж вручил портреты.
На обороте: Его высокоблагородию Григорию Ивановичу Ключареву.
Неизвестной рукой: На Кузнецкой улице, что за Москвою-рекой, позади Пятницкого частного дома, в собственном доме.
25. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Около 20 ноября 1847 г. Ницца.
Рукой Н. А. Герцен:
Пишу тебе, Таня, только для того, чтоб дать весть о себе, знаю, как тяжело долго быть в неизвестности, вот ты меня избаловала твоими письмами, и как долго нет — все думается, что с тобой? Большого письма не расположена писать, ты получишь ее по городской почте, я вложу ее в маменькино письмо к Егору Ивановичу. — На днях мы получили от всех письма, от тебя нет, что же ты не пишешь? Пиши теперь в Рим, poste restante. Известие о Грановском потрясло нас до основания; не могу воротиться в прежнее русло, разрывается вся внутренность. Пиши мне все, что знаешь о них, и со всевозможною подробностью. Что бы дал и что бы сделал для того, чтоб уладить жизнь — я не говорю людей необходимых для нас, — людей, необходимых для человечества, — да ничто не поможет ничто, ничто! Давно не было такого толчка. — Пиши. Обнимаю тебя.
Мы в Ницце уж три недели, первую я наслаждалась здешним климатом, а остальное время все хворала, через два дня едем в Рим. Будь здорова, пуще всего.
Твоя Н. Герцен.
Рукой М. К. Эрн:
Обнимаю и целую вас крепко, милая Татьяна Алексеевна, в этом маленьком уголочке; здоровы ли вы — теперь это важный вопрос в Москве где так гуляет холера. Что это с Грановским сделалось — вздумать страшно; из Москвы много писем и во всех об нем. Теперь прощайте, верно, и от вас будет скоро весточка, да что-то уж и ждать страшно. Сергею Ивановичу кланяюсь.
Ваша М. Э р н.
Мне и приписать Наташа не дала — бог ей судья.
А. Г.
На обороте рукой Н. А. Герцен: Татьяне Алексеевне Астраковой.
В собственном доме, близ Девичьего Поля. В приходе Воскресенья на Вражках.
26. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
2 декабря (20 ноября) 1847 г. Рим.
Рим, 2 декабря 1847.
Это не письмо, — а записочка, — записочка наскоро и с корыстной целью. —
Последнее письмо ваше получено в Ницце, с тех пор мы сделали длинный переезд на пароходе и наконец водворились
47
здесь. На первый случай неудачно — несмотря на прекрасную погоду, несколько дождевых дней простудили всех и одесную лежит Mme Herzen и Саша, а ошую Тата, Коля и Марья Каспаровна в катаральной лихорадке, со рвотой, болью в горле. — Доктор полагал, что у Коли круп, однако или его не было, или он предупредил его рвотным. — Далее предоставляю Наталье Александровне, когда она отходится, описывать, теперь к делу.
Одно место в вашем письме сначала удивило, ошеломило нас, — а потом глубоко оскорбило. Я серьезно прошу вас основательно ответить мне на мой вопрос.
По какому случаю Марья Федоровна просила денег у Корша, и каких денег? — Она даже свое наследство оставила им, — случай этот чрезвычайно важен, я вас попрошу написать мне, в чем дело. Марья Федоровна постоянно отказывалась от денег, отзываясь, что когда
нужно будет, она спросит. Все нужды ее до мелочей от большого предупреждены. Что же это значит?
Странно, впрочем, как вы могли подумать, что у нас до того мало денег, что она должна адресоваться к брату. Это или слишком просто или слишком замысловато. Да вы слыхали, что мы получаем более 25 т. доходу — как же это возможно?
И сколько искусства было употреблено, чтоб уверить нас, что ей не нужны деньги — и для чего, для того, чтоб взять у брата, у которого нет, покрыть грязным подозрением людей, ничем не заслуживших этого. — Я много толковал в Москве об аристократии бедности, у ней есть сверх того свое жестокосердие, своя скрытность — а впрочем, я жду подтверждения. Если это так — полуправда, слух, — я истинно буду рад. Надеюсь, что вы напишете правду — я оставляю это на вашу совесть.
Удивляюсь, как могут зависеть отношения людей от цифры их доходов, удивляюсь —

но прямо скажу, что лучшая роля не всегда принадлежит неимущему, если он, пользуясь своим несчастием, теснит ближнего и обманывает его в ту минуту, как он отдается со всею откровенностью.
Сергей Иванович, не правда ли?
До сих пор об этом никому не известно.
Наташа будет писать на днях.
Я вас прошу, чтоб об этом письме как можно менее узнали — разве одна Софья Карловна35[35], ибо она одна может сказать, в чем дело. — А впрочем, вы писали, так вам и надобно знать.
Прощайте.
48
27. А. А. ИВАНОВУ
4 декабря (22 ноября) 1847 г. Рим.
Препровождая к вам, милостивый государь, письмо от искреннейшего приятеля вашего, Ивана Павловича Галахова, я считаю долгом сказать, что я сегодня был уже у вас на Piazza Apollinaria, там мне сказали, что вы уехали с г. Моллером за город. Если вы назначите
35[35] Вы можете ей сказать, что мы слышали от посторонних.
свободный час, я попрошу позволения прийти к вам; что касается до меня, у меня все часы свободны. Corso № 18 secondo piano36[36].
Истинно уважающий вас
А. Герцен.
4 декабря 1847.
На обороте: Monsieur
Monsieur A. Iwanoff. De lapart d'A. Herzen.
28. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
4 декабря (22 ноября) 1847 г. Рим.
Рим, 4 декабря 1847.
Вот мы и в Риме. Несколько дней провели в Генуе, оттуда на пароходе отправились в Ливурну, там мы пробыли несколько часов, я успел съездить в это время в Пизу по железной дороге и вечером поплыли в Чивиту-Веккию. Погода была превосходная, теплые летние ночи; в Рим мы приехали 28 ноября, иа дороге из Чивиты-Веккии застал сильный дождь — результатом этого было то, что на другой день после нашего приезда у нас сделался лазарет, все дети больны, а у Наташи лихорадка. В Ницце я имел от вас письмо — и тогда же отвечал на него через Егора Ивановича. Это письмо вам доставит Н. П. Огарев. Он просит меня дать ему взаймы 25 т. серебр. по 8 процентов на два года для оборота — и под залог пензенского имения. Я нахожу это дело выгодным, лично вполне и безусловно верю Огареву, и для того намерен просить вас принять на себя труд и получить от меня доверенность на размену главного билета моего от 17 июня 1846 № 18034 серия 388 в сто т. Остальные деньги я попрошу переложить на десятитысячные билеты, даже полагаю лучшим на имя неизвестного. Это удобнее, а № вы сообщите искренно уважаемому мною Данилу Даниловичу Шумахеру, которому при свиданье сожмите и за меня покрепче руку. Так как дело такой важности требует
49
все гарантии, то я попрошу вас все акты составить с соблюдением всех форм, расходы все падают на Огарева.
Если даже он не захочет денег, то я попрошу все же разменять билет на десятитысячные, — и в всяком случае вы примите на себя труд остальные билеты переслать мне, например, через Ценкера к Торлониа, я здесь пробуду до вашего 15 апреля — отсюда поеду во Флоренцию. Адрес мой: Confiée aux soins de monsieur Torlonia à Rome или еще проще: Via del Gorso 18. Secundo piano.
Я доверенность пришлю на ваш адрес, а билет через Ценкера, если найду это нужным. Во всяком случае попрошу вас тотчас меня уведомить в получении.
Все вам кланяются.
Что Дмитрий Павлович, не собирается ли платить капитал — или проценты? Да кстати и с 10 т. следуют проценты, из которых 6 заплочены.
Засим от всей души вам кланяюсь и желаю весело встретить Новый год. — Здесь лето вполне — прелесть да и только.
На обороте: М. Г. Григорию Ивановичу Ключареву. От Герцена.
29. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
11 декабря (29 ноября) 1847 г. Рим.
Рим, 11 декабря 1847.
Вероятно, вы уже получили, почтеннейший Григорий Иванович, письмецо мое, вложенное в письмо г. Огарева. С тех пор я передумал разменивать большой билет и посылаю два в десять тысяч сер. каждый, вместе с доверенностью. Огарев занимает, кажется, для покупки фабрики, предоставляю совершенно вашим распоряжениям все насчет закладной, пусть она останется у вас. — Снова и снова прошу вас не

досадовать на хлопоты, которые я вам доставляю, — может в продолжение времени судьба позволит мне чем-нибудь доказать вам истинную признательность.
Еслл Огарев непременно будет просить пополнить сумму до 25 т., то вы потрудитесь додать ему из положенных вами в Воспитательный дом 5000; но если можно обойтись без этого, то я попрошу вас перевести сюда 3000 р. серебр. через Ценкера для маменьки, вы можете перевести их на дом Torlonia и вексель на мое имя переслать ко мне; Torlonia берет
дорого, хорошо, если б Ценкер там взял деньги за пересылку или если по расчету выйдет, что три месяца от вручения денег падут не далее, как в конце марта старого стиля, тогда за перевод они бы
50
взяли проценты; сверх того, если он переведет на скуди, то опасно, чтоб не надули там, а на франки — надуют здесь. А потому все это предоставляю тоже вашему решению. — Я в предпрошлом письме писал к вам насчет 3000 ассигнац. для невесты в Шацк; если потребуют их, потрудитесь послать. — Вам еще придется получить оброк костромской, остальные проценты с Дмитрия Павловича я прошлые проценты с Огарева — стало, на всякий случай запас будет, сверх того Аксаков. Сделайте одолжение, известите меня поскорее о получении билетов, я предупредил Шумахера, но все для спокойствия лучше знать.
Адрес мой: Roma (Italia) такому-то и всего вернее: Confiée aux soins de Messieurs Torlonia.
Семья моя вся без исключения подвергалась здесь гриппу, кроме меня; жена (которая дружески напоминает вам о себе) была очень больна и теперь нездорова лихорадкой, которая здесь поддерживается климатом. Доселе, т. е. 29 ноября вашего стиля, здесь настоящее лето, иногда протапливается камин вечером, но днем дамы гуляют в соломенных шляпах и кисейных платьях. Говорят, что в феврале полная весна — когда же зима?
Не нужно ли на прежних огаревских закладных сделать надписи по миновании года? Они у меня здесь.
Кланяйтесь Егору Ивановичу; скажите, чтоб через Париж не писал, письма опаздывают пятнадцатью днями. — Получили ли мой портрет и довольны ли им? Маменька и Марья Каспаровна кланяются. Что Вера Артамоновна и все наши домашние? Прощайте.
NB. Сделайте одолжение, портовые деньги за это письмо не платите из своих, оно огромно и притом с документами. — Расходы по закладной падают на Огарева.
30. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
20 (8) декабря 1847 г. Рим.
Так как Наталья Александровна меня не пустила в письмо, то позвольте здесь в сенях с вами поздороваться, как Татьяна Алексеевна, так и Сергей Иванович, — ну что, батюшка, чай, через шубу шарф в две сажени, три раза обвивши около шеи, да сапоги на медведях, да картуз с континутрием — так что вас отрывать надобно заступом и топором, как помпейские древности — для того, чтоб пожать руку и сказать «прощайте».
51
31. В. П. БОТКИНУ
31 (19) декабря 1847 г. Рим.
31 декабря 1847. Рим.
Да и твое письмо, любезный Боткин, шло ровно 20 дней, в Италии все делается с точки зрения вечности и нет особой торопливости. Спасибо за письмо, да с каким же скотом ты посылаешь на почту письма, что они пропадают; это скверно и обидно. Итак, Грановский собирается с Елизаветой Богдановной — что ты так сильно останавливаешься на финансах. Не бог знает что надобно: имея людей близких с деньгами, нельзя затрудниться, — в этом отношении с моей стороны есть пленипотенциарий, агроном и заводчик Огарев. Но зачем же в Эмс? — вот чего я не понимаю, да, вероятно, и доктора; разве сам Грановский не знает, что Пиза сделала из M-me Кене? Кене здорова до того, что поехала в Дрезден, чтоб опять занемочь, и пишет оттуда, что страдает от скверного климата. Скажи, пожалуйста, Грановскому, что может ли быть что-нибудь полезнее и лучше, как ехать весной во Флоренцию и провести осень в Пизе. Мы провели бы тогда время вместе, а тут и bagni di Lucca37[37], и климат не немецкий. Пожалуйста, обдумайте все сообща. Толкуют об итальянской зиме, ну да, правду сказать, иной раз в комнате холодно, и третью неделю идет летний дождь, третьего дня была гроза, и вообще воздух просто тепел; когда термометр показывает менее 5 градусов тепла, то солдатам в Ватикане ставят калдины, чтоб они не замерзли — et cela s'appele38[38] sima? Во Флоренции я приготовил бы Грановским всё, я был же в Соколове Печкиным, здесь еще более усовершился в ведении отели.
Скажи, пожалуйста, за что вы так осерчали на письма из Avenue Marigny? Истинно не из авторского самолюбия защищаю их (да и твои замечания всегда носят в себе

столько хвалы и дружеского тона, что даже и самолюбие самое упорное было бы довольно). — Я, во-первых,
37[37] Лукканские ванные заведения (итал.).
начинаю думать, что они не так напечатаны, как я послал. Хотя я особенно просил Панаева кладеных писем не печатать; для этого мне необходим «Современник» (наконец, пишет Анненков, он получил сентябрь и октябрь). Но, предполагая, что они не вовсе искажены, я должен откровенно сказать, что я чувствую настолько в себе самобытности, что даже ваше суждение (без увеличения очень важное и самое влиятельнейшее) не может меня потрясти, и я признаю за этими письмами кой-какие достоинства. Как дорого бы, как много бы я дал за один вечер, проведенный
52
с вами, как мы их проводили с Георгом, тогда бы я поговорил и указал бы; не думай, что я «j'ai tout dit»39[39], как Лаплас в письмах, они гораздо легче, нежели вы их приняли, а мне хотелось им дать именно совершенно летучую форму. Вы ужасно многого не знаете, 47 год, который мы сегодня с Алексеем Алексеевичем провожаем на тот свет, чрезвычайно важен в резком обнаружении, например, нравственного состояния Франции. Живши в Европе, вы могли бы, разумеется, его предвидеть, но у пристрастия глаза завешены, — пристрастия, прекрасного по источнику, но все же пристрастия. Я не виноват, что попал в такую минуту, когда уж и достоинства нет догадываться; Анненков сначала поспорил; Белинский, с тем удивительным тактом, с которым он некогда умел, по рассказу Станкевича, понять внутренний дух германского воззрения, понял задачу в минуту; и показал бы я тебе не более и не менее как три письма Анненкова, полученные мною здесь. В защиту внутреннего смысла писем я ставлю целый ряд убеждений и фактов, это перчатка, которую я бросаю, это тема, которую я берусь защищать, я нисколько не переменил своего взгляда. Отсюда его менять? Теперь? Право, вы не знаете, стало быть, что такое Италия и какой здесь взгляд можно получить о Франции; слово «французский» здесь стало немножко похоже на е. м. — я, разумеется, и с этим не согласен, хотя источник явен. В защиту формы я ничего не приведу, это значит просто, что они не вытанцевались, тут бейте как хотите — повинен молчать. Тем не менее я написал 1-ое письмо с Via del Corso, и доволен им (что значит в твоем переводе, что оно скверное). Статейку «На пароходе» не могу писать, я ее поправлял, поправлял да и испортил, а сначала было очень смешно, да и черновую имел глупость бросить в Ницце. Может, и налажу; я читал исправленное Алексею Алексеевичу, он смеется крепко. Первая часть, или пролог, новой повести совсем готов, не знаю, мерзок ли он, — но я, особенно началом, очень доволен. — Отошлю, как только получу «Современник».
Спроси Огарева, получил ли он письма и получил ли Григорий Иванович мою доверенность и билеты, пусть тотчас напишет, это дело важное, билеты посланы мною отсюда в страховом письме от 11 декабря нового стиля, след. должны прийти в самый Новый год, с
каковым и поздравляю. — А ргороэ, Сазонов опять в Клиши, — что это за бочка данаид. Вдова, которая ходила к твоему брату в Медон надоедать, не помню фамилью, и говорила: «Люби и верь», испытала, по несчастию, на своих плечах, и очень горько, что я не совсем
53
ошибался в взгляде «Avenue Marigny». 2-еà propos, скажи Мельгунову непременно, что я получил: аЯфа) 1942 фр. на его комиссии и тотчас отослал часть их в лавку, о которой пишет; мною затраченные вычитать не хочу и вперед прошу меня не обходить комиссиями, они же очень легки, другая часть осталась еще у меня, такая уплата, мне показалось, будет полезнее и выгоднее; (Зрта) потом я получил от Мельгунова письмо с известием о том, что какой-то волчий сын меня хочет печатать в переводе на германском диалекте с присовокуплением нотты биографической. — Мериме я просил доставить «Кто виноват?», — а не пошлет ли Мельгунов «Крупова» Вольфсону, благо его хвалят. Поклонись ему от души.
NB. Скажи Николай Петровичу, что Анненков пишет мне, что он получил 1500 фр., назначенные мне, — след. это равняется тому, если б и я их получил. Охота была посылать; отдали бы просто Григорию Ивановичу. — Кланяюсь Николаю Петровичу. Слышали, чай, какая беда со вдовой-то? А всё спорят со мной!
Получил ли Кавелин мое письмо из Ниццы? — Он дурно делает, что перестал ко мне писать. — Что Антонина Федоровна? Мне страшно было жаль, что она так страдала, выздоровела ли? Я ее люблю вспоминать, как она с нами дурачилась и варила жженку, она оставила во мне память чего-то грациозного, детского и капризного. Пожми ей руку. В прошлом году, если помнишь, мы встречали Новый год у меня — как-то вы его встретили теперь? — Прощайте.
Рукой Н. А. Герцен:
Хорошо здесь, Боткин, очень хорошо. Собираемся в Неаполь. Ждем сюда Анненкова, с ним будет еще лучше, потому что он по преимуществу эстетик и объясняет все с

необыкновенною любовью. Я люблю, чтоб мне объясняли, тут избегаешь много механического труда, который я ненавижу, но и без объяснений наслаждений бездна; на улице грязь по колена, кажется, что бы за неволя выйти из дома и чего смотреть... но только стоит выйти — и старик в лохмотьях, и фонтан, всё, всё вас завлекает идти далее по грязной улице. Об остальном уж я не говорю. — Поклонитесь Николаю Петровичу и всем, всем друзьям; если б они знали, как тяжело не иметь от них известий, верно б написали хоть строчку. Уж хоть вы подробнее рассказывайте нам о них. Вашу руку.
Марья Федоровна вам кланяется, она ждет от Екатерины Николаевны письма, в котором она обещала ей описать о семействе Евгения Федоровича. Попросите ее и от меня, чтоб она это сделала, потому что Марья Федоровна измучилась, похудела и страшно грустит, что ни от кого ни слова не имеет, даже на ее письма.
Последние слова Наташи мне напомнили твой удивительный упрек в письме к Анненкову за то, что я когда-то ополчился на татарскую манеру не писать, — и в доказательство говоришь,
54
как много меня помнят. Caro, отроду не приходило в голову, что ты или кто-либо забыл, — да, впрочем, мне ли тебе толковать, что такое письмо, — ты переписываешься со многими и я отчасти твоим письмам к Анненкову обязан всем, что знаю об вас.
Прощай еще.
Огареву скажи, что на днях буду писать. Тучковы всякий день у нас. Они писали к нему на адрес Марии Алексеевны. В Неаполь мы едем на две недели вместе — к началу февраля опять здесь. Письма для этого нечего останавливать.
На обороте: Russia (a Mosca) Monsieur B. Botkine.
М. Г. Василью Петровичу Боткину.
В Москве. На Маросейке, в собственном доме.
55
1848
32. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Вероятно, вы тотчас по отправлении письма получили мою записку, на которую ожидаю ответа. Отчего у Кавелина нет портрета — это вина не моя, — вероятно, Николай Петрович забыл; да у Корша должны быть лишние, т. е. посланные на всякий случай, — подарите от меня Антонине Федоровне — и пожмите ей руку; скоро год, как были проводы на Черной Грязи. — Вести ваши о знакомых мрачны, я боюсь поверить, что всем надобно оставить университет из-за подлого Крылова, — напишите подробнее, только, пожалуйста, как можно достовернее, что и как. Здесь недурно. Теперь некогда писать, буду скоро писать опять. Прощайте, жму руку Сергею Ивановичу, ему бы здесь раздолье — еще холоду больше 4¬х градусов тепла не было.
Адрес до 1 апреля или до 20 марта по-вашему:
A Mr H. Via del Corso, 18. Secundo piano.
На обороте: Russia (a Mosca). Alla Signora Astracoff.
В Москве: Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой. Близ Девичьего Поля и Плющихи, в приходе Воздвижения на Овражках, в собственном доме.
33. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
30— 31 (18 — 19) января 1848 г. Рим.
1848 г. 30 января. Roma.
Коршу и Грановскому, Кавелину — que40[40].
Письмы ваши, и особенно твое, Грановский, как-то тряхнули меня до такой степени сильно, что я было сразу написал длинный ответ, но нашел лучшим бросить его в камин. Весть о выходе вашем из университета, о страшном толчке, который этот выход должен внести в ваши финансовые отношения, сильный ретроградный шаг университета, — который с юношества остался для меня святыней и который так было поднялся в последнее время, — все это меня сильно огорчило и доказало снова и снова ту живую, близкую связь между нами, которая делает равно невозможным ни личное счастие, ни личное несчастие, — все падает на несколько грудей разом: близко ли, далеко ли — все равно. Так бы, кажется, и поскакал к вам на все эти передряги. Когда минуется кризис, — лишь бы вы не падали с дрожек, и холера бы не падала на вас, — а в будущее я верю! Да, Грановский, именно так надобно идти и в таком расположении, как ты мне писал письмо, против ударов случайности. Мне смертельно понравилось, что ты при этом сослался на античный мир и взял из него этот гордый принцип личности, носящей свою судьбу в себе, — здесь я еще выше оценил ту силу, то презрение к внешним обстоятельствам, которое наполняет грудь человека, знающего, что omni casu41[41] — победит он; что делать событьям против человека, бросающего им defi42[42]; не с хохотом и плачем, а с светлым челом и уваженьем к своей воле надобно встречать врага, — в твоей мысли не токмо нет пренебрежения к жизни и отчаяния, но именно дорогая оценка жизни — кто же из

понимающих станет свое лучшее благо таскать в грязи, отдавать на поруганье, — лучше его сжечь. Жду с нетерпением твоего приезда, — я в апреле перееду во Флоренцию, может, подвинусь и еще поближе, ты тотчас напиши — я через неделю по отправке письма явлюсь перед тобой. Поселись в Бонне — и Рейн и немцы тут почище и ненемцы близки. Кабы можно было устроить небольшую прогулку тебе в Италию — поверь, Грановский, что одна и есть в Европе страна, которая может освежить, успокоить, заставить пролить слезу наслаждения, а не негодованья и грусти, — это Италия, и то в известных пределах. Ты соскучишься с немцами — ведь не все же будешь сидеть над книгой, ты взгрустнешь в Париже, — но здесь что-нибудь одно: или с ума сойдешь от отчаяния (к осени-то), или поюнеешь; я не знаю, отчего у меня в памяти какими-то светлыми точками, дорогими для меня, остались Генуя, Ливорно, Пиза. От Рима я ждал больше, об нем в три тысячи лет так накричали; но Италия не в одном Риме, она в каждом городишке на свои лад — и, черт знает что такое, никакого комфорту, никаких образованных удобств, грязь, нечистота... а хорошо, удивительно хорошо. — Грановский, ведь мы, брат, не знали Италии, мы
57
в ней столько же ошибались по минусу, сколько во Франции по плюсу. Мы все-таки судили всегда по форме, а не по содержанию. В «Современнике» объявлена статья Боткина об Италии, — трудно ему будет написать ее удобно! Формы Италии были против нее, — по крайней мере были до 47 года; но знаете ли вы, какая муниципальная жизнь внедрилась во всех городах? Город — личность, город распоряжается своим добром, его теснят, с ним ссорятся (как, например, с Генуей Пиэмонт до реформ), но его так и принимают за persona
41 [41] во всяком случае (лат.). 42[42] вызов (франц.). — Ред.
moralis43[43]. Франция, во всем любящая централизацию, Франция — Париж, Италию не уловишь такими простыми определениями. A propos, крепко оттузили вы меня за «Письма из Avenue Marigny», — позвольте речь держать. — Во-первых, вы им придали важность, которой в них не было, это шалость à 1a «Reisebilder» Гейне, это болтовня à 1a Диккенсовой «Италии», я не думал им придать смысл «отчета об Европе». Вместе с письмом я получил «Современник» и там три первые письма, в третьем немного есть искажений, остальные почти целы — я их перечитал добросовестно, имея в виду ваше мнение, и вывел, во-первых, что вы правы относительно бедности содержания, — я хотел потом писать о многом, но, не видавши, что напечатано, это невозможно; но, во-вторых, я полагаю, что для такого легкого произведения достаточно то, что сказано о domesticité44[44] и частной прислуге, общие места о России в первом и о Франции в четвертом, чтоб его простить. — Конечно, они имеют некоторую бледность, оттого что, ограниченный в одну сторону, я ограничивался сам в другую; мне кажется, что Боткин нападает по предилекции к Франции, но я не могу согласиться ни с ним, ни с Анненковым, который в последнем письме радуется, что французы — милые дети; это, право, похоже, если б мы в похвалу старику Мюльгаузену сказали, что он дитя, Беттина исчерпала пошлость этой роли. А потому-то, что это бессмысленные дети великих отцов, я хожу с непокрытой головой по кладбищу Père Lachaise и не хочу кланяться с шевалью без таланта, без энергии, без правил, называемою французами, — есть у них печальный и заслуживающий сострадания bas peup1e45[45], но он по образованию не ушел еще за пределы XVI столетия. Остальных можно не токмо au jour d/aujourd/hui46[46] не любить, но презирать: что за пустое сердце, что за слабая голова — живут себе на двух-трех нравственных сентенциях и на profession de foi du Vicaire Savoyard, не замечая, что после Руссо прошли столетия. Ведь нельзя же
58
ни прошедшим, ни будущим задвигать настоящего. О, как Францию понимал Наполеон и как ее понял на сию минуту Гизо — сей сенский Меттерних. Напрасно Боткин думает, что трудность понимать европейскую жизнь происходит от конкретной сложности и полноты, — нет, при простом отношении к предмету можно-таки понять, в чем дело. Так, как вообще Европа не может подняться на высоту своей цивилизации и последняя остается отвлеченной идеей и идеалом, вряд ли исполнимым (история вместо исполнения римского идеала исполнила лангобардское королевство и христианство), так Франция ниже своего прошедшего.
43[43] индивидуальность в моральном смысле (лат.). 44[44] челяди (франц.).
45[45] простонародье (франц.).
Я написал письмо об Италии — ваша требовательность меня остановила. Написал еще небольшой разговор о современности и подумаю еще, посылать или нет. Первый отдел повести я послал. Читал в кавелинской статье отрывки из Самарина статьи — хорош гусь с «принижением» личности и с самоотвержением при переносе на общую личность своих прав: во-первых, это не ново, ибо так Гегель объясняет восточный деспотизм, а во-вторых, Кавелин слишком серьезно возражал; его следовало бы истерзать колкостями, — вот, Кавелин, ты и мало изыгольничался. — Вот вам сплетня. Один русский рассказывал мне, что, проезжая по Тульской губернии, его

везли ямщики Хомякова (он держит почту), которые ему сказывали, что у него для бережи лошадей придуман патриархальный способ — он отдает в солдаты ямщика, у которого как бы то ни было падет или испортится лошадь. Вот они, народолюбы, православные славянофилишки... Не могу более писать... под окнами страшный крик: Lumi! Lumi!47[47] Корсо покрыт сплошной массой народа и сотнями факел — это значит, что король неаполитанский согласился на требования... три часа тому назад прискакал курьер из Чивиты- Веккии... Как они проворно изготовляют, по милости Чичероваккио, детские праздники.
31 января.
Сегодня, говорят (рукой Н. А. Герцен: «я говорю»), ровно год нашему отъезду, память Черно ...48[48] трак тире меня проводит до тех пор, пока из меня сделается черная грязь. Все эти тройки и сани у меня перед глазами, вот Михаил Семенович в своей шапке — что он, как его бенефис? Здравствуйте, Михаил Семенович! По вашей части рапортую, что здесь театры прескверные и вы про каждую актрису можете добросовестно спеть: «За Марусю пятака, бо Маруся не така», — а актеры хуже их, а певцы хуже самих себя — вообше, нынче
59
больше в театре представляет здесь публика, нежели актеры. Пьесы дают всё сентиментальные — «Прочида» Никколини, «Виргиния» Альфиери, даже в известной оперетке Донизетти «Полковая дочь» умели в конце вклеить «Viva l'Italia» (на тот самый голос, который Кавелин так любил, а Огарев так играл за четвертой или пятой редыркой). — Публика вся поет, шляпы летят вверх, дамы машут платками, — «ну, оно и лестно», как выражался Языков. Отчего никто не пишет о Редкине? Что он, и отчего бы ему, кажется, не черкнуть строчки? — обнимаю его.
Мельгунова надеюсь скоро увидеть, поклонитесь двум — двум Foscari думаете вы? — mit nichten49[49] — двум Боткиным, — я Николая Петровича ужасно полюбил в Париже, я любил просто смотреть на его кроткое выражение лица, да и, сверх того, скажи Боткину
47[47] Света! Света! (итал.).
48[48] автограф поврежден. — Ред.
Бепюг'у, что он имеет перед ним страшный шаг тем, что не приглашал останавливаться у себя Краевского, не возился с ним, не подрывал (как вы все) «Современника», — вы думаете, что не пишете мне, так я ничего не знаю, — екскузе.
Извещаю всех, что я обучился говорить, хотя и прескверно, по-итальянски.
Сатина благодарю за письмо, я как услышал, что Диффенбах умер, так и подумал: «Кому он теперь закажет ноги?» Пусть уж бережет берлинскую пару. А что, Кетчер, давно ли ты умер?
Рукой Н. А. Герцен:
Лиза, как бы мне хотелось пожить с вами в Париже, там является непреодолимое желание двигаться, гулять, веселиться, там везде точно дома, так и тянет в Тюльери, в Palais Royal, в restaurant, мы раз с Александром вдвоем не удержались, зашли в Maison d'Or, ели устрицы и пили шампанское, вспоминали, разумеется, всех вас.
31- е, в обед.
Сейчас получил 3 № «Современника», за которые с меня содрали 5 скуди 8 паоли, — и прочел IV «Письмо из Avenue Marigny», — конечно, это не бог знает что, однако не понимаю, чем вас возмутило? — Я печатью доволен (кроме бессмысленных ошибок) — «Письма с Via del Corso» отправлю на днях.
На обороте: М. Г. Евгению Федоровичу Корш.
В редакцию «Московских ведомостей» — близ Дмитровки и Петровки — на Страстном бульваре.
60
34. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
31 (19) января 1848 г. Рим.
Письмо ваше, почтеннейший Григорий Иванович, от 23 декабря я получил, оно мне доставило искреннейшее удовольствие не подробным отчетом о делах, за который дружески и много благодарю вас, а каким-то теплым чувством участия, которое я очень дорого ценю в людях, которых привык уважать, — впрочем, я дурно выразился, привычка ничего, — а которых я хочу уважать, потому что знаю за что. Я вам очень благодарен за последнее письмо. — Новость о назначении Дмитрия Павловича попечителем я узнал прежде, мне захотелось по этому поводу написать к нему письмо — может, я это и исполню со временем. Поздравлять ли с этим или нет, не знаю, место это бойкое, на нем труднее составить имя, нежели потерять, — есть общественное мнение, которого прежде не было, образовались нравы, которых оскорблять нельзя. Я уверен не токмо в полнейшей благонамеренности, но и в способности Дмитрия Павловича — но не уверен, что он попадет на верный тон, а от тону все зависит. Может, нигде формализм не бывает так вреден, как в деле

ученом, — Дмиттрий Павлович приобрел уважение многих, любви ни от кого, знаете ли вы, сколько копий я переломал за него, — но в иных случаях нечего было делать, что, например, за цензурный комитет в Москве. — Графа мне ужасно жаль, быть его преемником усложняет еще более затруднительное положение — наконец, истинное несчастие, что многие хотят идти в отставку, чтоб не служить с Крыловым. Дай бог, чтоб Дмитрий Павлович нашелся, — представьте себе одно издание «Московских ведомостей» такое, как было при Шаликове, — в то время как теперь вся Россия привыкла читать грамотную газету; представьте какую-нибудь отвратительную тварь на месте Платона Степановича — этого достаточно будет, чтоб нанесть страшный удар репутации Дмиттрия Павловича. Егор Иванович подает в отставку — наконец-то, — любопытно посмотреть, как он отделал свой дворец, — что, кстати, исправил он свою бумагу, положенную в Опекунский совет?
Проценты я с маменькой разочту, — в вашем счете я одного не понял. В приходе записано, что от Огарева получено 328 р. 60 к. сер. А в расходе — что за него истрачено 496 р. 43 к. сер. — следует ли вычитать эти 328 или нет из 496?
Рейхель мне должен ровно 5000 ассигн. — возьмите их поскорее, Григорий Иванович, с Эрна, — потому что они могут у него испариться на треть или половину. Если же он не будет отдавать, то я попрошу сказать об этом Прасковье Андреевне да, сверх того, Боткину — который знаком с Ройхелем
61
и может ему написать. Вы видите, я не хочу требовать денег с Рейхеля, — но если он сам отдает, то не вижу причины, чтоб их задержал Гавриил Каспарович.
Зонненберг сильно не нужен — потрудитесь при свиданье сказать Егору Ивановичу, что я не намерен долее платить ему с своей стороны 100 сер., — не желает ли он что дать, а Карлу Ивановичу как ни больно — а могу только предложить от 1 марта 1848 — от меня 50 руб. сер. в год и от маменьки 50 сер.; если ему угодно на этом основании остаться — я хоть не рад, но рад, — если же нет, что делать! Впрочем, я уверен, что; Егор Иванович согласится — за что же он ничего не будет ему платить?
Пошлите, сделайте одолжение, 50 руб. сер. Петру Александровичу в подарок от меня к празднику, зачем он ничего не пишет, я просил ему в Петербург доставить 50 сер. — до конца марта он может писать ко мне в Рим — пожалуй, так: Via del Corso, 18 — или ^niiée aux soins de Monsieur Torlonia. — Душевно рад, что вам Боткин понравился, это отличнейший человек и пречестнейший.
Я попрошу вас влагаемое письмо принять на себя труд и отослать поскорее, и с верным человеком даже, по адресу; попрошу также, как это письмо очень вальяжно, записать портовые деньги в расход — вы меня этим обяжете. Об огаревском деле — жду с часа на час от него письма. — Еще и еще раз благодарю вас за тысячу и тысячу одолжений, я без вас был бы как без рук. Моя жена (которая здесь постоянно больна) кланяется вам, а равно маменька. Будьте здоровы и не ленитесь иной раз взять перо в руки, чтоб дать нам вести из Москвы. — Сегодня ровно год, как мы поехали — начнем через несколько месяцев подумывать о возвращении.
Совершенно независимо от всех прочих расчетов, если Огарев, на мои поручения, попросит у вас денег, то я попрошу — вручите ему полученные от Эрна — хоть все, если нужно. Это вовсе не для него. Если получу еще от вас письмо — тотчас буду отвечать.
Прощайте.
Всем домашним поклон. Вере Артамоновне — два.
Векселя я получил, оно хоть и не совсем ладно со стороны Ценкера, да я привык к банкирским проделкам. Один Турнейсен в Париже поступил без прижимок. Во-первых, он деньги перевел на Париж, а не на Рим (хорошо, что Торлониа аксептирует на Турнейсена, но тоже не без магарыча, да и два раза промен — раз с рублей на франки, да раз о франков на скуди) — а во-вторых, когда векселя дают для получения через три месяца, тогда они ничего не берут за перевод, кроме процента. Впрочем, Ценкер в прошедшем году обсчитал меня на курсе,
62
как я после убедился в Париже. — Если Огареву будет особенно нужно на ...50[50] комиссии, — то, буде Эрн не отдаст, я попрошу дать сколько случится моих денег, сверх имеющих особое назначение.
На обороте: Russia Mosca. Al Signor G. di Klutzareff.
Его высокоблагородию Григорию Ивановичу Ключареву.
35. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
12 февраля (31 января) 1848 г. Неаполь.
Неаполь, 12 февраля 1848.
Обращаюсь к вам, почтеннейший Григорий Иванович, с новыми хлопотами, и чрезвычайно важными. У меня пропал портфель со всеми моими документами и документами Луизы
Ивановны, — обронил ли я его или украли — все равно, его нет,

в нем были билеты и
векселя. — Вместе с письмом я отправляю объявление в Опекунский совет, а вас прошу, пожалуйста, дайте знать Шумахеру и помогите предупредить всякого рода фальшивую надпись — надписей на билетах решительно нет.
Вот №№, числа и суммы.
Мои: 1) 1846 июня 17 № 18 034 в 100 000.
2) 1847 января 14 № 25 000 в 10 000.
3) — — № 25 001 в 10 000.
4) Заемные письма Дмитрия Павловича — два заемных письма от 10 мая 1840, каждый в 15 000.
5) Заемное письмо НиколаяПлатоновича Огарева в 10 000 от 12 августа 1846.
6) Его же 28 октября 1846 в 5000.
Луизы Ивановны:
1828 августа 1. Московской сохранной казны № 75986 на имя Ивана Алексеевича Яковлева — 60 000 ассигнац.
1846 июня 17 — № 18031 именной, положенный Григорием Ивановичем в 106 000.
Но всего важнее векселя и кредитив; так как кредитив из Парижа, то это я беру на себя. Векселя же от Ценкера:
1) Присланные вами два в 11 760 на имя Турнейсена.
2) Присланный Ценкером, помнится, в октябре — на имя же Турнейсена в 1940 франк., посланный г. Мельгуновым.
К Турнейсену я сейчас напишу, но мне необходимы секунды.
Наконец, при всем этом я могу, пока дело приведется в ясность, остаться совершенно без гроша, а потому попрошу вас, как только получите это письмо, переслать из моих денег
63
12 000 ассигнац. — переведя их на Торлониа в Рим. Да, бога ради, тотчас напишите о получении письма и о том, как в Воспитательном доме. — Сегодня 12 февраля, т. е. 1-е, почта ходит дней двадцать пять, да 21 день назад — около 28 марта я попрошу вас писать ко мне в Рим, опять на имя Торлониа, и для верности застраховать. Пожалуйста, потрудитесь как можно скорее дать ход этому делу.
Я посылаю теперь объявление в Сохранную казну, а вслед за тем пришлю доверенность на получение билетов. — Если, хотя я не жду, документы отыщет полиция здесь, я тотчас напишу.
Письмо ваше я получил в Риме — но отвечать на него, право, теперь не могу, голова идет кругом, еду сейчас к префекту полиции.
Весь ваш Ал. Герцен.
В Рим поеду отсюда дней через десять. Я вам пришлю доверенность на получение билетов. Сделайте одолжение справьтесь, получен ли мой пакет в Воспитательный дом и предупредите Шумахера и Лазарева. Жду ответа. Ценкер пусть пришлет вторые на все три векселя.
Нумерация билетов Л. И. Гаак.
1. Завещательный билет в 60 000 асс. Московской сохранной казны 1828 августа 1го. № 75 986.
2. Именной июля 12го. 1846 серебр. 17 500 № 18 976.
3. » » июня 17 — 106 000 р. сер. № 18 031.
4. (Веры Артамоновны) Неизвестной в 200 р. сер. 1846 июля 12го. № 41 262.
На обороте: Russie à Moscou. Monsieur de Klutzareff.
Его высокоблагородию Григорию Ивановичу Ключареву.
36. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
14 (2) февраля 1848 г. Неаполь.
14 февраля 1848. Неаполь.
Я писал к вам, почтеннейший Григорий Иванович, третьего дня о том, что у меня пропали все важные документы, бывшие со мною, как мои, так и маменькины билеты, кредитив и векселя от Ценкера на Турнейсена: 1) в 1940 от октября 1847, посланный Мельгуновым, 2) в 5000 и 3) в 6760, присланные вами.
Я отправил объявление в Воспитательный дом, это важнейшее дело, предупредите, пожалуйста, Григорий Иванович, что я никаких надписей не делал, — если нужно, публикуйте
64
в газетах, я, как обдосужусь только, пришлю доверенность на получение новых билетов, да нельзя ли мой капитал весь разбить на десятитысячные билеты?
Векселя Дмитрия Павловичаи Огарева тоже пропали — а вместе с ними и вексель Рейхеля, не следует ли написать новые — что для этого нужно? Я напечатал в здешней и в римской газете о потере, предупредив разных банкиров — объявил награду и пр., но не думаю, чтоб было возможно найти. — Пожалуйста, сообщите тотчас в Рим, куда я еду дней через десять. Адресуйте на Торлониа. Если будут какие-нибудь сильные затруднения, я готов приехать сам. Да дело, впрочем,

простое, лишь бы Воспитательный дом ни в каком случае не выдавал по билетам моим и Луизы Ивановны.
Засим прощайте, письмо это назначено только для того, чтоб сообщить вам в случае потери первого письма о несчастном случае и попросить узнать, получено ли мое объявление в Сохранную казну и, буде нет, нельзя ли вам сообщить.
Жду ответа с нетерпением.
Еще попрошу съездить к Ценкеру и сказать ему о векселях и о публикации; вы мне пришлете вторые векселя — и в всяком случае пришлите тысяч пятнадцать или двенадцать франков, ибо я совершенно без денег.
Меня этот случай расстроил и раздосадовал — а то здесь было бы превосходно, погода удивительная.
Прощайте, Григорий Иванович, — отдал ли Эру 5000 за Рейхеля?
Душевно преданный А. Герцен.
Пожалуйста, портовые деньги записывайте в мой расход.
37. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
19 (7) февраля 1848 г. Неаполь.
19 февраля 1848. Неаполь.
Спешу уведомить вас, почтеннейший Григорий Иванович, что вчера лаццарони принес мои билеты Московской сохранной казны в нашу миссию для получения объявленной мною награды, но так как они надеялись получить деньги по иностранным документам — то их не возвратили, — я постращал лаццарони, поехал опять к префекту графу Тофано (порядок у них теперь учредился прекрасный), — и мне доставили в тот же день три векселя Ценкера на Турнейсена — стало быть, недостает одного кредитива, да и его надеюсь получить. — Гора с плеч долой. А вам доставил я хлопоты — даром и по-пустому,
65
право, надобно иметь всю снисходительность вашу, чтоб терять столько времени, при всех ваших занятиях, — я могу только сказать, что истинно и глубоко благодарен за вашу помощь. — Прилагаю при сем объявление в Сохранную казну, мне кажется оно необходимо. Если вы перевели деньги, беды нет, надобно же когда-нибудь было опять потребовать. Жду теперь, что скажет Торлониа насчет кредитива, кажется, я успел предупредить всех банкиров вовремя.
В прошлом письме вы спрашивали меня насчет того, посылать ли Петруше деньги и в Шацк — я прошу вас об этом, и очень, даже если б случилось нужно послать и несколько побольше — я вполне буду согласен со всеми вашими распоряжениями.
Все и ли здоровы, на дворе тепло, и теперь я пишу к вам перед открытым балконом, под ногами море, вдали Везувий. Мы всходили на него, и притом во время небольшого извержения.
Со мною в одном отеле стоит Алексей Алексеевич Тучков; узнав о потере билетов, он тотчас отправил письмо к своему родственнику г. Михайлову, служащему в Воспитательном доме директором; когда вы будете в Сохранной казне, куда препровождаю бумагу, потрудитесь ему дать знать о прекращении действия по делу о потерянных билетах.
Никакому сомнению не подлежит, что бумаги не потерялись, а были украдены — но если б я здесь стал отыскивать их как украденные, никогда бы не нашел. — Не могу, впрочем, довольно нахвалиться содействием всех, к кому я обращался с просьбою.
Прощайте, Григорий Иванович, весь ваш
А. Герцен.
Егору Ивановичу поклон.
Заемные письма Дмитрия Павловича, Огарева и Рейхеля тоже найдены.
38. П. В. АННЕНКОВУ
5— 6 марта (22—23 февраля) 1848 г. Рим.
5 марта 1848. Рим.
Наконец-то старуха проснулась и пошла писать. Жду от тебя вестей, вероятно, ни ты, ни Гервег никуда не поедете, вероятно также, что к осени переберусь и я. Революции меняют ежедневно вид Европы и мои планы путешествия, теперь я собираюсь опять в апреле в Неаполь, оттуда в Палерму и оттуда в Марсель, когда будет жарко. — Новости из Парижа
66
здесь были приняты френетически, вчера в театре Apollo была горячая демонстрация: «Viva la Francia liberata, viva Parigi, viva il nuovo governo francese»...51[51] доселе Франция была исключена из всех демонстраций.
51[51] «Да здравствует освобожденная Франция, да здравствует Париж, да здравствует новое французское правительство»... (итал.).
Рукой Н. А. Герцен: Поздравляю, поздравляю!
Разумеется, с предстоящим праздником Светлого воскресенья.
Твое письмо я нашел здесь. Я писал к тебе из Неаполя о потере портфеля; по

милости того, что теперь там нет полиции, я его отыскал, пропал только кредитив, но Торлониа уверил, что никто не займет по нем. А потому это дело в сторону. — Скажи Гервегу, что я хорошо знаком с редактором «Italirn» Spini, но ни он, ни другой редактор Pinto не слыхивали о кландестинном журнале «Ibis» и говорят, что, вероятно, этот журнал издавался в Тоскане, а не здесь. — Теперь к общим делам.
Я в Неаполе пробыл 25 дней. Представь себе, что из этого рая сделали еще новые события. Один вечер останется у меня в памяти. Я приехал до конституции, народ сомневался, публика была мрачна, проходит день, назначенный королем, — конституции нет; все становится беспокойнее, вести из Сицилии мрачны, в театре поют гимн — и все молчит. 11-го в три часа подписал король конституцию, в пять площадь перед Francesco di Paolo покрылась народом — хотели знать подтверждения. Король явился на балконе — и «Viva il re costituzionale»52[52] было вопросом, он снял шляпу и поклонился в пояс, а la lettre53[53] в пояс — тогда какой-то энтузиазм охватил весь город, еще не совсем смерклось, когда все явилось с зажженными факелами. Незнакомые люди жали мне руку, на улицах обнимались, люди с раскрасневшимся лицом, другие, обливаясь слезами, кричали: «Viva la liberta!» — Остальные дни были официально торжественны, но энтузиазма не было.
Вообще характер неаполитанцев какой-то растленный, я сравниваю Неаполь с куртизанкой, а Рим — с матроной, оттого-то в Риме все величественнее и скучнее. Неаполитанцы до того изъярились, что песню о Masaniello поют на голос «Jo ben ti voglio assai»54[54]. Симпатии к Сицилии у них нет; а между тем это народ героев — и что за твердость! Руджеро Сеттимо — государственный человек, не поддался Фердинанду ни на одну уловку. Как временное правительство поставило вопрос, не
67
уступает ни йоты — отдельный парламент, в общих вопросах решать равным числом сицилийцев и неаполитанцев, не держать солдат-неаполитанцев на острове, вице¬короля, совершенно отдельное управление.
52[52] «Да здравствует король, давший конституцию!» (итал.). 53[53] буквально (франц.).
Минто в Неаполе и сэр Паркер с тремя чудовищными линейными кораблями стоит перед носом у короля, каждую зорю напоминая о себе пушкой. Я видел в Неаполе Ромео. A propos, 5 февраля были выпущены все арестанты из S.-Elmo и Castel del Ovo (политические), им давали спландидный обед в Café Europa, потом водили по Толеде, потом в S. Carlo, где им приготовили места. Remue menage55[55], да и только. Здесь в редакции «Italico» был один неаполитапец — réfugié, который едва жив и которого прежний префект хотел выслать из Рима за либерализм, но Чичероваккио пошел к префекту и сказал ему, что если он вышлет его, то он, Чичероваккио, приведет его назад, а что в антракте префекта народ уведет вон из Рима; тот перепугался и оставил. Сей господин приехал за день до меня в Неаполь (à propos, дилижансы объявили, что они даром доставляют всех réfugiés). Король предложил ему тотчас место губернатора в Калабрии — но он сказал, что имеет в виду лучшее — место депутата в оппозиции.
Министерство в Неаполе слабое и вялое, оно уже пало. A propos — здесь теперь министром полиции граф Gaëtano Tea^ — президент политического клуба Circolo Romano, молодой человек и литератор! Вследствие всего сего полиции вовсе нет. Одушевление здесь серьезнее. Ждут послезавтра манифест о конституции, на улицах уже кричат: «Viva la costituzione che sara data, viva la costituzione di Pio Nono!»56[56] Здесь дают ежедневно балет, в котором является австрийский император на сцене, и это сигнал крику, свисту: «Corragio, Lombardia! A basso, tedeschi»57[57], и императора заставляют кланяться папской бандиере в землю при страшных воциферациях: «Giu! Giu!»58[58] Представь, как это больно для моих нервов, привыкнувших к порядку.
Итальянцы — славные люди и не так отталкивают иностранцев, как французы 47 года, de l'ancien régime59[59] т. е. — ибо 48-х мы не знаем. A propos, Чичероваккио меня спрашивал, сколько дней надобно ехать от Константинополя до Сибири? — Его возили здесь в колеснице с Корсини и Боргезе. Он завел свой клуб, более демократический, нежели Circolo Romano. Я ничего не делаю — в душе какое-то беспокойство и радость с тоской.
68
Ты, я думаю, знаешь, что наши москвичи подали в отставку Дело это хуже, нежели началось, я наконец узнал, что Уваров сообщил графу Сгрогонову бумагу, в каком духе желают
55[55] Все вверх дном (франц.).
56[56] «Да здравствует конституция, которая будет дана, да здравствует конституция Пия Девятого!» (итал.).
57[57] «Смелей, Ломбардия! Долой немцев» (итал.).
58[58] «Долой, долой!» (итал.).

изменить преподавание в Московском университете. Граф Строгонов ее положил под сукно, и его отставили за это. Голохвастов публиковал сию милую бумагу. — О Костроме знаю, но об агентах, кажется, пуф. Увидим реакцию всего бывшего. 30 000 войск ваших отправились (говорят здесь наверное) занимать Галицию, пока австрийцы будут заниматься в Ломбардии.
Скажи Гервегу, что стыдно ездить в Андалузию теперь, — совсем напротив, всего лучше оставаться на месте или приехать в Палерму и вместе отправиться в Париж. — Что-то Пруссия?
Даже есть датская конституция. Чудеса! Наш век на половине хочет доказать, что и в нем не черт ум съел.
6 марта.
Вчера огромная демонстрация на улицах в пользу fratellanza60[60] с Францией. Чудесно устроивают римляне этого рода праздники. Во всем величавость, торжественность и сила. Между прочим, несли адрес папе, в котором было сказано, что великие события во Франции не дозволяют медлить ни минуты, что пора объявить свободные учреждения, достойные народа. Говорят, завтра или послезавтра, т. е. в первый постный день, объявится.
Итальянцы ужасно близки к республике, и тосканцы с римлянами впереди. Здесь республика будет иная, никакой централизации федералистско-муниципальной и демократической. Рим — нравственный узел, но не столица, он даже по отсутствию торговли, жизненности, по положению не может быть столицей, Генуя, Палермо, Болонья, Неаполь, Ливурно и Флоренция — великие граждане, но у них слишком много местничества, им надобно почетного старейшину, и этот старейшина — Рим.
Сейчас услышал, что в Неаполе король заперт во дворце. — Каждая минута приносит что- либо новое.
Напиши скорее о себе; спроси у Боке, где его убили, — напиши как насчет русских, что посольство, как паспорты, — все это мне очень важно.
39. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
Пиши Confié aux soins de M-r Torlonia, потому что если я уеду, он перешлет, я полагаю остаться здесь не долее 1-го апреля. Смотря по обстоятельствам — или в Питер или к вам.
Есть мера на всё, Татьяна Алексеевна, и даже на письма; к вам столько написала словоохотная, хотя и малоглаголивая Наталья Александровна, что я решился писать только по сторонкам, робко прибавляя мои приветы и рукожатья. Мне было очень отрадно прочитать в вашем письме, как вспоминает обо мне Антонина Федоровна — теплое и симпатическое отношение к ближнему никогда не пропадает; я смотрел на нее действительно без малейшего духа критики, мне нравилась ее живая, хоть еще неустоявшаяся натура, мне бывало с ней весело. — И пожмите ей руку за память и вдвое более за ее слова — да зачем же она беспрерывно больна. Кавелину буду, вероятно, скоро сам писать — я уверен, что темная година для всех наших пройдет скоро, я никогда не верил более в жизнь, как теперь, — твердость и упованье. Вчера был дождь, слякоть, холод в Риме — а сегодня небо сине, тепло, широко — и да здравствует жизнь!
Мы оставляем Рим 1-го апреля, если кто писал — не беда, Торлониа перешлет. Я поеду в Тоскану и вообще будем шляться по Италии и возле. Скажите Грановскому, чтоб он как можно подробнее известил меня о выезде и где именно будет, но так как я решительно намерен скитаться, то пусть он напишет к М. Ф. Корш, адресуя на Турнейсена; так как с ним есть денежные дела, то он и перешлет. Так же могут делать и другие желающие писать.
Петра Редкина поздравляю с наступающим вступлением в законный брак; что Сергей Иванович — не этот Сергей Иванович, а другой Сергей Иванович — останется при нем?
А вы, этот первый Сергей Иванович — дайте руку, прелентяйнейший лентяй, у вас сила деятельности х меньше косности ¡.
17 марта 1848. Рим.
40. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
6 апреля (25 марта) 1848 г. Рим.
6 апреля 1848. Рим.
Почтеннейший Григорий Иванович,
ваше письмо от 4/16 марта я получил вчера. Прежде еще получил от Колли и Редлиха векселя на 13 320 фр., но вашего письма от 26 февраля я не получал, — если в нем было что- либо важного, примите на себя труд еще раз сообщить; да недурно и в почтамте справиться. Впрочем, оно и здесь
могло затеряться — мы были десять дней отрезаны от всякого сухопутного сообщения с Европой войною в Ломбардии. — Много и дружески благодарю за все хлопоты по пустой тревоге насчет портфеля. Деньги, вами присланные, истинное благодеяние, — их, т. е. векселя, принял Торлониа — а то представьте забавное положение: у меня на кредитиве 8500 фр. и на векселе от декабря месяца 5600 фр.; в обыкновенное

время Торлониа, не говоря ни слова, выплатил бы и взял с Турнейсена деньги. Но теперь банкиры, сконфуженные революцией и упадком кредита, не секонтируют иначе, как по билетам или векселям, которых срок так долог, что они могут быть возвращены к пославшему (т. е. к Колли), — я вступил поэтому в сношения с Турнейсеном и жду его ответа, как дождусь, уеду отсюда (между 20 и 25 апрелем). Поеду сначала во Флоренцию, а там, смотря по обстоятельствам, через Милан или через Сардинию, в Германию. Подождите нового адреса, но если будет что-нибудь нужное для сообщения, то я попрошу послать письмо все же на имя Торлониа, прибавляя en priant de faire parvenir61[61] à M-r Herzen. — Если Аксаковы желают нанять дом еще на год, пожалуйста, отдайте — или отдайте кому-нибудь другому; возвращение мое я еще так определенно назначить не могу, впрочем, думаю, если не будет особых причин, то все же до конца года я пробуду где-нибудь в умеренном климате. Здоровье жены начало несколько поправляться, очень важно дать ей еще более окрепнуть.
Мне жаль, что Карл Иванович не согласился сам в справедливости уменьшения жалованья, тем более имея еще от Егора Ивановича — и не имея особенно важного занятия. — Когда будете в нашей стороне, поклонитесь от меня Прасковье Андреевне — да кстати, что же Гавриил Каспарович и 5000 от Рейхеля? Право, их не мешало взять, благо тот отдает. — Да, вот что бы мне хотелось еще: нельзя ли узнать, что поступил ли в университет сын нашего власьевского священника, молодой человек, очень талантливый; если будет случай, передайте ему мой поклон и искренное желание, чтоб он твердым шагом продолжал избранный путь.
Вы, наверное, позволите вам прислать небольшой римский гостинец: здесь гостинцы, как и всё, из камня — я приобрел мозаику храма св. Петра работы Кав. Барбери, крышкою табатерки. Явится она к стопам вашим — при первом случае. Вы ее примите как дружеское внимание от меня и маменьки.
Говорят, что Погодин назначен помощником попечителя. Жаль, ужасно жаль университет — да жаль и Дмитрия Павловича. Поклонитесь ему от меня. А что 4000 оставшихся по сохраненной записке? Да хорошо, если б Дмитрий Павлович и капитал большого долга начал уплачивать. Если Огарев адресуется за 5000 асс., я попрошу вас ему их выдать.
Прощайте. Сегодня мне 36 лет. Старость не радость. При свиданье поклонитесь Егору Ивановичу — говорят, он переходит в чертоги свои.
Весь ваш А. Герцен.
Маменька и жена много и много кланяются, равно и Марья Каспаровна.
Сейчас получил от Егора Ивановича письмо от 3/15 марта с подробной оппсью всех умерших в Москве — за письмо я его благодарю, хотя некрологические списки и лишены для меня особого интереса. Он пишет, между прочим, о земле при доме, насчет сего скажите Егору Ивановичу при свидании: все, что ему угодно и кажется удобно, я с своей стороны — совершенно согласен, пусть он межует, ставит столбы и разводит сады. Если бы он хотел купить самый дом, я ему бы охотно продал со всею мебелью и со всеми агрементами за 11000 сер., и купчая его. — Вероятно, и маменька не постоит за свой. — Спросите его, при каких он мыслях насчет чухломского именья — при тех ли, при каких был, т. е. даст ли 50 т., например, серебр.
Прасковья Андреевна пишет о каком-то женихе Елены Ал. — если это что-нибудь путное, мы готовы помочь несколько. Что, Протопопов просил у вас деньги для шацкой невесты?
Вере Артамоновне поклон.
На обороте: Russia — Mosca. Al Signor Gr. di Klutschareff.
Его высокоблашродию Григорию Ивановичу Ключареву.
В Москве. Пятницкой части, III квартал, собственный дом — № 258.
41. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
25 (13) апреля 1848 г. Рим.
25 апреля 1848. Рим.
Вот я опять с хлопотами, почтеннейший Григорий Иванович, право, и совестно и досадно, да делать нечего. Смутные дела во всей Европе поставили меня в прекурьезное положение относительно денег. 1-е. Вексель в 5760 франков, данный Ценкером и Колли на Турнейсена, возвращен мне от Ротшильда с известием, что Турнейсен лопнул, между тем, пока посылали,
вексель просрочился. Торлониа говорит, что Ценкер и Колли, наверное, не воспользуются таким случаем и поступят, как простая честность говорит, т. е. заплотят деньги — которых я не получил. Так как на векселе написано, что деньги посланы вами, то вы имеете полное право требовать возвращения денег.
72
Я посылаю не токмо вексель с надписями, но и официальный акт, присланный из Парижа; отдавая его Колли, я посоветую, буде он затруднится в уплате, взять с него записку в получении обоих документов. Если же он согласится (на что, я

думаю есть и закон) заплатить, то через него же надобно будет снова перевести деньги — но об этом после. 2-е. Торлониа принял один из трех векселей, посланных Редлихом и Колли, но два остались на Фульда. Фульд не плотит, я пошлю к нему векселя и, буде он не заплатит, я их возвращу Колли, срок им далеко не пришел. 3-е, О 8500 фр., находившихся на кредитивном письме Турнейсен пишет мне, что он не отрекается их заплатить — но не теперь, а по приведению к концу всех дел, т. е., может быть, через год. — Результат всего этого, что я при деньгах без денег. — Послезавтра оставляю я Рим и еду во Флоренцию, откуда собираюсь в Турин; маменька собирается через свою родину — Штутгарт — в Париж, там она по доверенности моей будет хлопотать о получении денег. Торлониа дает от себя письмо, но при всем этом и она и я — мы можем остаться без денег, а потому я вот о чем попрошу вас. Если Ценкер и Колли возвратят 5760 фр. по векселю, то потрудитесь к ним прибавить еще от 6 до 7000 франков, как будет возможно (кстати, может, Дмитрий Павлович отдал остальное по сохранной записке и проценты, а может, и Эрн внес Рейхелев долг, я писал вам, что не получил одного из ваших писем). Деньги эти я попрошу вас переслать, во-первых, на ответственность Колли и Редлиха, всего лучше на имя одного из главных лондонских банкиров или как они знают. Отправьте их в письме, адресуя его на имя маменьки в Париж: A Мтв Louise Haag de Würtemberg à Paris — Confiée aux soins de Mrs Rotschild et Cnie —а всего лучше пусть Колли и пошлет по этому адресу, — а вам даст секунду. Письмо мое придет к вам около 15/3 мая, стало быть, полагая дней пять на всякие потери, маменька получит ответ в Париже около 2 июня / 20 мая — я в это время буду где- нибудь в Пиэмонте, куда посылают доктора Наташу и куда я стремлюсь сам отдохнуть от души. Все, что вам угодно сообщить мне, пишите к маменьке — она мне сообщит письмо. А как я где-нибудь оснуюсь, так напишу еще письмо с адресом, но для перевода денег не ожидайте, пожалуйста, ничего, а то мы попадем на Антониеву пищу. Если вы поручите переслать векселя Колли, то для большей достоверности я попрошу принять труд и сообщить особым письмом, и упомяните, на кого векселя и число, на имя же маменьки — просто à Paris — Poste restante. Простите, простите и дайте вашу руку — что делать, такие обстоятельства в сто лет не случаются.

В первый праздник видел я, как Пий Девятый благословлял народ с балкона в храмt Петра, а потом удивительную иллюминацию —

которая делается до сих пор по чертежу и плану Бонарроти. Сегодня должна быть знаменитая Жирандоль с крепости Св. Ангела, но за дождем отменена. — Итальянская жизнь мне ужасно нравится, лето началось еще в марте, теперь настоящий рай. Жду бездну новых наслаждений во Флоренции, но в жары советуют приблизиться к Альпам, — на нас, северных жителей, жары лета действуют, говорят, плохо, особенно при здоровье Наташи и Саши.

Все кланяются вам. При свиданье передайте поклон Егору Ивановичу — вот ему доказательство, что домы отстроивать легче, нежели путешествовать и переводить деньги.

Засим много и много кланяюсь вам и жму вашу руку крепко и усердно.

А. Герцен.

P. Б. Понравилась ли вам моя «Сорока-воровка»?

Не была ли послана «секунда» векселя в 5760 в письме, которое пропало? — Впрочем, и по ней нельзя получить, ибо теперь на Турнейсена никто платить не будет, да и виноват окажется тот банкир, который отдаст.

Я переменил адрес и прошу послать письмо на имя Ротшильда в Париж.

На обороте: Russia — (Mosca). Al Signor Gr. di Klutzareff.

Его высокоблашродию Григорию Ивановичу Ключареву.

В Москве. Пятницкой части, III квартала, в собственном доме за № 258.

42. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ

29 (17) апреля 1848 г. Ливорно.

Ливурно 1848. Апреля 29.

Почтеннейший Григорий Иванович, сейчас маменька садится на пароход, а я с детьми на паровоз и едем в две разные стороны: она прямо в Марсель — а я поезжу по Тоскане, а потом отправлюсь в Шамбери, где снова съедемся с маменькой. — Я писал к вам на днях — но, боясь неаккуратности почт в Ломбардии, пишу здесь и отдам письмо маменьке, чтоб она его отправила из Марселя. В прошлом письме я послал к вам вексель от Колли на Турнейсена в 5760 франков, который Ротшильд воротил из Парижа с протом, засвидетельствованным нотариусом. Если Колли порядочный человек, он понимает, что ему нельзя не заплатить вам по векселю, а, впрочем, если следует на него жаловаться и пр., то все сие вполне поручаю вам. Торлониа взял с меня прегнусную расписку, что я отвечаю в случае остановки платежа у Колли даже за те векселя, по которым

74

он прежде мне выдал. Без этого он не хотел меня снабдить 5000 по одному

фульдовскому векселю. — Получили ли вы мое письмо — оно было застраховано и послано дней пять тому назад из Рима. — Вашего письма, о котором вы писали, я все-таки не получал.
Теперь у меня на кредитиве 8500 фр.
На двух векселях Колли на Фульда 8300
16 800.
Если к ним прибавить тысячи две наличных денег да вексель, посланный к вам, этого было бы довольно на окончание путешествия и возвращение в Москву, но, в сущности, я имею только 2000 фр., ибо Фульд в ликвидации, по его векселям ни плотят. Торлониа адресовал в Париж к какому-то знакомому. Я уговорил маменьку отправиться за деньгами, не заезжали в Штутгарт — ибо под конец мы пришли бы к совершенно затруднительному состоянию. Думаю, что с Турнейсена сантимов 70 или 75 за франк получу по кредитиву.
Если вы не получали, Григорий Иванович, моего прошлого письма, с векселем, то примите на себя труд известить об этом дом Колли — который и без векселя имеет все средства убедиться в том, что дом Турнейсена в фальите и что я по векселю не получал от других банкиров, иначе бы ему прислали вексель с надписью — он дан им от (нашего, кажется) 23 февраля. А потому, если он хочет, я ему вышлю копию с прота через Ротшильда. Сверх того, я попрошу вас ему сказать, что, как только фульд откажется платить (Марья Каспаровна отошлет вам векселя) — я с него потребую деньги, ибо тут и срок не прошел: 26 февраля / 9 марта на три месяца. Если есть возможность с совершенной верностью и на страх Колли и Редлиха перевести 3000 сер., вы меня обяжете. Ибо при нынешних обстоятельствах я не могу надеяться даже на Ротшильда — и если мне по векселям не заплотят, я насижусь без гроша. Все же Ротшильд парижский или кто-нибудь из лондонских банкиров верен — вексель пришлите, как я вам писал в прошлом письме, на имя маменьки — Madame Louise Haag de Wurtemberg. — Confiée aux soins de Mrs Rotschild à Paris. Это гораздо вернее, нежели посылать в Шамбери, и же буду делать разные экскурции. Марья Каспаровна тотчас известит вас о получении письма — а мне его доставит. Засим прощайте, Григорий Иванович. Простите за хлопоты, доставляемые вам в таком обилии. Мы все здоровы, насколько кто может, Наташа была сильно больна морской болезнью при переезде из Чивиты-Веккии в Ливурву, ветер был ужасный, мы ехали на большом
сардинском пароходе, и, несмотря на его величину, его бросало на стороны как маленький челнок.
75
Все желающие ко мне писать пусть пишут — т. е. теперь, ибо через несколько времени я пришлю настоящий адрес — на адреса маменьки и Ротшильда. Пусть Зонненберг съездит сказать об этом кому-нибудь из моих близких знакомых. Мне бы очень хотелось знать, когда бедный Грановский повезет свою жену, которая так страдает, в Германию и куда именно ее посылают доктора; я думаю, любезнейший пастушок Зонненберг все это обделает.
Все наши много кланяются вам. — Прощайте еще раз. — С дороги что-то нескладно пишется, до сих пор все еще кажется, что качает на пароходе.
Весь ваш А. Герцен.
На обороте: Russie, à Moscou. Monsieur de Klutschareff.
Его высокоблагородию Григорию Ивановичу Ключареву.
Пятницкой части, третьего квартала, собственный дом, за № 258, в Москве.
43. Ю. Б. МЮЛЬГАУЗЕН (приписка)
Декабрь 1847 — апрель 1848 г.
Вот позвольте мне послать вам поклон в раме. А. Герцен.
44. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Рукой Н. А. Герцен:
Наконец-то я могу тебе написать, что мы живы, здоровы и в Париже моя Таня. А ты не пишешь мне бог весть сколько времени, на последние два письма нет даже ответа — разве теряются письма, — может, это случается, а может, и наша кочующая жизнь тому причиной; ну, да какая б ни была причина, дело в том, что смерть подчас грустно и жутко не иметь так долго известия от вас. Если просьба может помочь — то прошу тебя, Таня, пиши как можно скорее, сейчас по получении этого письма. Вот и лето настало, воображаю тебя на твоем дворике, перед жаровней, сахар, ягоды кругом... да еще здорова ли ты?.. Фу, право, как глуп и жалок человек в своем бессилии. Что Грановские, они, кажется, переменили направление своего путешествия и едут в Крым вместо чужих краев? Что здоровье Елизаветы Богдановны? Что делают все Корши, все — т. е. начиная с Евгения Федоровича и кончая Енюшей? Что Кетчер? Кавелины? и все, все... Меня эти вопросы так занимают, что не хочется писать о себе, все кажется не так интересно. А что около нас происходит, вы, я думаю, отчасти знаете — брожение, даже движение, и иногда кажется, что-то может выйти из этого — но до сих пор все это похоже на борьбу стихий, душно,

тяжко, страшное волнение в крови — и соберется туча, и разразится громом, молнией, — но воздух не прочищается, но солнце не проглядывает; не успеешь и вздохнуть свободно, снова замолаживает...
76
я могу желала б ошибаться, но говорю тебе откровенно, так, как действует на меня. Ребенок голоден, просит у кормилицы или у матери груди — а она гремит ему под глазами ожерельем, он кричит, она гремушкой хочет заглушить крик (не знаю, хочет ли утешить), подносит его к окну, пестует, стучит пальцами по стеклу, ребенок пуще плачет, мамка трясет и хлопает его с досады, — напрасно, ребенок не может замолчать, наконец выбившись из сил, забывается, дремлет и мамка — но не надолго тишина в детской...
Что ж мне о себе тебе сказать? Живем мы в Champs Elysées62[62], летом тут превосходно для детей, они веселы, милы, Саша поправляется, здоровеет, начинает понемножку учиться между прочим и рисованью и музыке, гимнастике, скоро начнет верхом ездить, — мне бы хотелось развить в них все, все, что в них есть в зародыше или в возможности. Время так быстро проходит, что я не вижу его. — Пиши же, Таня. Обнимаю тебя, обними за меня друзей. Что Огарев — хоть бы он написал. Сергею Ивановичу жму крепко руку.
Марья Федоровна шлет тебе и Сергею Ивановичу рукожатье.
Адрес.
A Madame Louise Haag de Würtemberg à Paris. Confiée aux soins de Messieurs de Rotschild.
И больше ничего. — Потому что мы, может, и не будем здесь, но нам маменька перешлет письмо.
Поклоны и прочее как следует.
Июня 8. 1848.
На обороте: Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой.
В Москве. Близ Девичьего Поля и Плющихи, в приходе Воздвиженья на Овражках, в собственном доме.
45. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
8 июня (27 мая) 1848 г. Париж.
Париж, 1848. Июня 8.
Денежные хлопоты и переговоры с Турнейсеном и с фульдом заставили меня, вопреки моему плану, возвратиться сюда, где я и получил письма ваши, адресованные к маменьке, посланное же от 27 мая получено вчера. Ваш отчет снова заставляет меня самым искренним, самым душевным образом вас благодарить — я очень понимаю, что это больше, нежели я заслуживаю, но думаю, что вы не сомневаетесь в том, что я понимаю и ценю вашу дружескую готовность одолжать всех нас — и что я это говорю и повторяю не потому, что ваша помощь мне теперь необходима — а потому, что я так понимаю умом и сердцем. Теперь и я с своей стороны дам вам отчет. 1-е. фульд отдал мне по двум векселям Колли и Редлиха 8000 фр. 2-е. Вексель, присланный домом Колли через Петербург на 280 фунтов стерлингов на Лондон, Ротшильд послал к акцептированию.
77
3-е. Вексель на сумму 5700 фр. возвратил от Турнейсена с протестом. Я еще не получал. А по вашему письму я было взял в копию о протеста. — 4. Что касается до 8500 оставшихся на Турнейсене, — это дело затянулось, он хотя и уверяет меня, что отдаст по расчету, но не знаю, получу ли с него всё, в конце июля он должен платить или объявить себя банкротом; я продавал мое право за 7000 фр. — но у меня не купили, это мне не подает больших надежд. — Колли и Редлих поступили как благородные и честные люди. Турнейсен на словах не позволяет сомневаться — я буду дожидаться назначенного ему срока.
Доверенность я еще не написал. Но это более дело формы. Скажите Егору Ивановичу, что дом его, деньги пусть он отдаст, когда я пришлю доверенность. Потрудитесь их положить в Опекунский совет на два билета на неизвестного. — Когда я возвращусь, буду себе искать дом в гористых частях города, например, на Маросейке, на Покровке и притом такой, который бы давал доход. Егора Ивановича с покупкой поздравляю. Вы пишете, что он посылает письмо — ни маменька, ни я письма не получали.
Что касается до костромского именья — время терпит, можем в Москве на досуге переговорить, если же придумаю что-нибудь, то напишу Егору Ивановичу.
Табатерки вы потому не получили, что она у меня в шкапе, я не хотел рискнуть ею при теперешних делах — ее вам доставит один мой знакомый в конце августа. — Мне очень хотелось бы знать, отдал или нет Рейхель деньги; дело в том, что я у него не просил и не торопил его, зная его дела, на нем я могу и подождать — но если он их передал Эрну, то поступок последнего был бы из рук вон странен. Вероятно, Прасковья Андреевна знает. — Кстати, прошу ей и всем домашним передать поклоны. Пожалуйста, относительно прислуги, если кого надобно поощрить или наградить,

распоряжайтесь, как только вам заблагорассудится. – Засим мне остается пожать вашу руку – так как письма ваши дошли очень исправно, то и не для чего менять адрес. В газетах пишут, что в Москве снова холера – дай бог, чтоб она миновала вас всех.
Окончивши дела с Турнейсеном, я отправлюсь в Лондон и оттуда уже начну обратный путь – хотя определенно времени назначить не могу. Будьте здоровы и прощайте.
Я полагаю, что еще получим письмо Егора Ивановича, тогда я и маменька будем писать к нему особо.
Потрудитесь приложенную записку доставить по адресу, хоть через Кузьму или Зонненберга.
На обороте: Moscou (Russie). Monsieur de Klutzareff.
Его высокоблагородию Григорию Ивановичу Ключареву.
В Москве. Пятницкой части, III квартал, собственный дом за № 258.
78
46. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Только что послала тебе письмо – получила твое, моя Таня, моя хорошая Таня! Хоть многое в нем давно писано, но я все-таки читала и перечитала его с большой любовью. Люблю тебя, Таня, хорошее ты существо, несмотря на все недостатки и претензии твои, да, претензии! Не сердись, оно так. Претензии не от бедности натуры, не от пошлости, а оттого, что жизнь не вселила доверия к себе; лучше сказать не претензия, а требовательность, – она и законна так, так справедлива, но не хотелось бы ее иногда, оттого что не хотелось бы, чтоб ты страдала, а не страдала б ты – была бы бедная натура! Так лучше оставайся так, как есть.
Рукой Н. А. Герцен:
Когда мы увидимся, не знаю. Из Италии ты велела уехать – а и здесь я не здоровее, напротив, скучно быть больной, унизительно, досадно, особенно теперь, никогда не нужно мне было так здоровье, как теперь... жизнь так хороша, хотелось бы жить и для себя, и для других. Принялась серьезно лечиться, авось либо будет лучше. – Саша пока здоров, понемножку всем занимается, доктора говорят,что до 18 лет необходимо бесконечное внимание и попечительность для его деликатного сложения в ученье, в игре, в содержанье, словом беспрерывная осторожность – ты поймешь, стало, Таня, как бы я желала быть здоровой! – Коля и Наташа милы и здоровы, растут, умнеют. – Потом, Таня, ты знаешь, как Александр тревожится всегда о моем здоровье, и это всесильней и сильней в нем становится.
От вас вести хорошие: Елизавета Богдановна вне опасности, и Корш и Кавелин имеют места в Петербурге – легче стало на душе. Милые, посмотреть бы на всех вас – Пиши мне, Таня, все, все, обо всех.
Хорошо, что ты занимаешься. Ты увидишь, как при малейшем успехе тебя будет все более и более утягивать в изучение чего б то ни было. Есть люди, которых довольно увидеть мимоходом, чтоб узнать, что в них есть много или будет много хорошего, – к этим людям принадлежит Валентин Федорович Корш – я его вовсе не знаю, ничего не слыхала о нем, видела раз и уверена, что хороший человек, хоть, может, и будет много ломки и переработки.
Как страшно за Огарева, пиши мне о нем подробнее. На днях мы узнали о смерти Белинского – бесконечно жаль! Чудный был человек. Какая нелепая и глупая вещь смерть!
Жаль мне вот что, Таня: ты ждешь нас так, как будто мы сейчас приедем, а я не знаю, когда мы поедем. Нет ничего хуже, как такая ошибка. Перенес бы тебя как-нибудь сюда.
В августе или сентябре ты увидишь Тучковых, ведь ты дикарка – не бойся, я тебя заранее познакомила, т. е. с двумя девушками Hélène и Natalie, каждая в своем роде хороша, встреча с ними дорога мне, она принесла много юности, свежести, наслажденья в мою душу, уж не говоря ни о чем другом – великое счастье любить так, как я их люблю. Хорош мой внутренний мир, Таня, так полон, полон – я не говорю одного светлого, но я бы не отдала ни одной капли и того горького, что в нем.
Писать не хочется, а побеседовала бы я с тобой. Итак, вы останетесь с Кетчером старожилами Москвы, – как тебе плохо будет, Таня, с твоей живой и симпатичной натурой это одиночество. Ну, прощай пока. – Мне советуют и Саше ездить верхом – сегодня отправляемся. Скоро начну его купать. Здоровье его заметно поправляется. Вожу его в Гимнастику. И знаешь мою радость, я воображала, что у него нет ни слуха,
ни способности к музыке – напротив, ему дает уроки хороший музыкант и говорит, что если Саша будет продолжать так учиться, так через год порядочно будет играть. Мне кажется иногда, что я снова переживаю жизнь...
29 июня.
На слове жизнь я была прервана пушечными выстрелами, которые продолжались – день и ночь! – четыре дня, город до сих пор en état de siège63[63], убитых, говорят,

8000. Вот все, подробностей недостает духа описывать. Как мы живы, удивляюсь, но живы только физически. Таня, были минуты, в которые я желала быть уничтожена со всей семьей. Не знаю, оживем ли настолько, чтоб что-нибудь в жизни еще вызвало искреннюю улыбку. — Кланяйся всем.
Давно писано это письмо, но все-таки посылаю его тебе, оно тебе даст понятие о нашем житье-бытье.
Марья Федоровна жмет тебе руку. Марья Каспаровна сама пишет.
30 июня.
Что мы видели, что мы слышали эти дни — мы все стали зеленые, похудели, у всех с утра какой-то жар... Преступление четырех дней совершилось возле нас — около нас. — Домы упали от ядер, площади не могли обсохнуть от крови. Теперь кончились ядры и картечи — началась мелкая охота по блузникам. Свирепость Национальной гвардии и Собранья — превышает все, что вы когда-нибудь слыхали. Я полагаю, что Василий Петрович перестанет спорить о буржуази.
Если б не Каваньяк, то пленных расстреляли бы всех.
На обороте: Татьяне Алексеевне Астраковой.
На Девичьем Поле, в собственном доме, в приходе Рождества на Овражках.
47. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Полтора года не было такого случая писать к вам, и что же? Я сижу над пером и думаю, — и думаю... что же в самом деле писать. — О, cari miei64[64], как много отдал бы я за то, чтоб отдохнуть недельку с вами, потом опять взял бы посох и пошел бы на место отчаянной борьбы, на место пораженья всего святого, всего человеческого, никогда, ни в какое время мне вы не были нужнее. Иногда я мечтаю о возвращении, мечтаю о бедной природе нашей, о деревне, о наших крестьянах, о соколовской жизни — и мне хочется броситься к вам, как блудный сын, лишившись всего, утративши все упования. — Я страшно люблю
2—8 августа (21—27 июля) 1848 г. Париж.
80
Россию и русских — только они и имеют широкую натуру, ту широкую натуру, которую во всем блеске и величии я видел в французском работнике. — Это два народа будущего (т. е. не французы, а работники), оттого-то я не могу оторваться и от Парижа. Вот этих-то людей и расстреливали десятками, — найдется ли новый мартиролог, который спасет их память? Июньские дни ничего не имеют подобного в предшествовавших революциях — тут вопрос, громко поставленный 15 мая, вырос в борьбу между гнилой, отжившей, бесчеловечной цивилизацией и новым социализмом. Мещане победили, 8000 трупов и 10 000 арестантов — их трофеи; разбежавшихся инсургентов травят, как зверей, по лесам, морят голодом. Надолго ли победа, не знаю. Может, на целые годы. Безнравственная дисциплина армии и дикая кровожадность Национальной гвардии — придавила, уничтожила, заставила взойти внутрь все хорошее. Никто не смеет говорить — Ж, Санд хотели посадить в тюрьму, другие разбежались. Террор гадкий, мелкий, — поймите, террор ретроградный — со всею тупостью французской буржуази, самой глупой части европейского населения, для которой какой- нибудь Каваньяк — гений, оттого что не остановился перед бойней, и Тьер — гений, оттого что в его душе отроду не было чувства чести. — Все защитники буржуази, как вы, хлопнулись в грязь. Теперь нет транзакции, нет перемирья — читайте Прудонову речь в Ассамблее (я посылаю вам ее), читайте Ламенне, последний № «Peuple Constituant». Революция 24 февраля была coup de main65[65], журналисты вздумали сесть на трон. Василий Андреевич Ламартин — и Андрей Александрович Марраст. Ха-ха! Люди фразы, люди интриг — украли корону у народа, буржуа сели царями... черт ли в их благонамеренности, они сгубили республику. Когда Ламартин отверг красное знамя, он продал свою душу буржуази. Разве трехцветное знамя годно юной республике, — знамя, которое 17 лет осеняло кок Людвига- Филиппа, — знамя, которое солдат таскал по крови всех народов? Разве это знамя братства? 26 февраля пошла республика назад... но, наконец, в начале мая народ увидел, что его
64[64] дорогие мои (итал.). — Ред.
оцепили, как дикого зверя, он протестовал так, как он умеет; сто тысяч человек наводнили этот кабак, называемый Ассамблеей, где 800 дураков ковали цепи Франции и пять изменников не смели прямо сказать слов. Отчего же народ не победил — оттого что и тут половина начальников движения, спасая себя, изменила. Кто был честен 15 мая, тот в тюрьме или бежал. — Это рыцарь Барбес, это старик Курте. Восстание 23 июня было серьезнее. 24 вечером Каваньяк был в отчаянии,
81
но все было задавлено массой войска. Победа их — победа страшная. Франция как государство становится снова на сторону дряхлого начала консерватизма. — Два месяца etat de siège66[66]. Слыхали вы когда-нибудь что-нибудь подобное? Проклятье ж, господа, буржуази, да не ошибитесь: это почти вся Франция — французские крестьяне и буржуа заодно. — Человек без земли, без капитала,

работник спасет Францию, или... или дай бог, чтоб русские взяли Париж, — пора окончить эту тупую Европу, пора в ней же расчистить место новому миру. Итак, милости просим! — Горько, больно, я так еще не страдал никогда — страшно заставили нас поплатиться за этот упоительный сон, который продолжался от 12 января до 15 мая. Правда, пожили мы, да, пожили... теперь поднимается грудь, как вспомнишь... и пасть так позорно! На сию минуту ночь, надежд нет — но одно остается за нами: везде, на всякой точке шельмовать старое начало, клеймить — не делом, так словом.

Ну, довольно с вас.

Перехожу к более личным делам. — Алексей Алексеевич для вас будет кладезем подробностей, он много видел, и хорошо видел, Июньские дни отожгли и у него последнее дикое мясо, т. е. буржуазологии, — он гораздо вернее оценил и 15 мая. Наш друг, Поль, который написал вам хронику целую о всех происшествиях с 24 февраля, не может никак стать обеими ногами на революционной terrain67[67]. Вечером 15 мая, посмотревши все, что было, я говорил Боке68[68] и Полю, что республика кончена, — они восстали против меня. Боке на другой день сидел уже в Консьержери — а Полю следовало посмотреть на ужасы июня, чтоб согласиться. А посему я советую, читая его историю, быть осторожными. — Я, с своей стороны, тоже начал историю, гораздо короче по плану, — я ее бы окончил, но у меня бумаги были захвачены, и только три дня тому назад его светлость Каваньяк мне их отдал. A propos, всю сию забавную историю вам расскажет Марья Федоровна, во-первых, как меня с Полем 24 числа схватили и под прикрытием десяти солдат отправили туда и сюда, мы тут подвергались маленькой неприятности быть расстрелянными при первом сопротивлении. Как потом меня выпустили — а бумаги захватили. Как сначала меня приняли за русского агента — а потом за анархиста... (здесь теперь это вовсе не забавно, ибо шпионство и arbitraire69[69] величайший).

66[66] осадного положения (франц.).

67[67] почве (франц.). — Ред.

68[68] Об нем спросите Марью; Федоровну.

Но — все имеют здесь храбрость своего мнения, и я требовал только от них, чтоб они смыли с меня обвинение в дипломатических добродетелях, что они и сделали, отдав мне

портфель не отпирая его и оставляя за мной титул красного республиканца (друзьям предоставляется прибавить пре). Разучился даже каламбуры делать.

Алексей Алексеевич и его семейство едет, Марья Федоровна едет, и Поль к концу месяца едет70[70], останусь я один с Георгом, да, правда, еще Тургенев Иван Сергеевич, он очень болен, кажется, у него образуется камень, но нравственно он чрезвычайно развился, и я им доволен с своей стороны. Георг — после своей несчастной попытки (вы, разумеется, не поверили всем глупостям «Allgemeine Zeitung») — в каком-то беспрерывном озлоблении, с которым я симпатизирую вполне. Его попытка была также одно из тех светлых мечтаний, которые в марте казались так сбыточны — а в августе имеют вид безумия.

О Сазонове я ничего не могу сказать, — это какой-то ходячий оптический обман, громко, premier Paris71[71] и — и ничего. Эта декорация, прикрывающая лень и бездействие, очень теперь не под лад крутой и упругой деятельности. — Георгова жена называет его omnivore civilise72[72]. Марья Федоровна обещала мне писать часто, я узнаю, наконец, все то, что не знаю теперь и о чем едва долетают слухи. Какие у кого планы, что вы делаете? А страшно подумать, какая у вас должна быть духота, — духота, temperee73[73] холерой, и университет, попекаемый Дмитрий Павловичем.

Останусь ли я здесь еще несколько месяцев или уеду — это решат обстоятельства: если реакция и буржуази окончательно утвердят деспотическое управление Каваньяка и пошлой Камеры, то честь иностранца, заявившего свое мнение, требует покинуть Париж. Проедусь по Швейцарии, поеду в Италию, куда-нибудь в маленький город, может, в Сицилию, — и то, если Италия не сделается до тех пор Австрией. — Я ужасно люблю итальянцев, удивительный народ. Не удастся это, поживу где-нибудь на Рейне... Каково положение, никуда не зовет, отовсюду толкает, так тяжело, как бывает после похорон. Если не будет ничего особенного, то, может, к будущему лету мы возвратимся. — А может, и нет. — Я посылаю к тебе, Корш, две статьи для печати, посылаю к тебе, чтоб ты просмотрел, сообразны ли они с нынешней цензурой. 1) Два письма об Италии — и прибавление к ним, — прибавление, вероятно, нельзя напечатать. 2) Статейку «Перед грозой» я не вижу никаких препятствий напечатать, — она мне

69[69] произвол (франц.). — Ред.

70[70] Одно меня утешает, что и гнусный Мишель едет. 71[71] передовица (франц.). 72[72] всеядное животное в культурном обличье (франц.). 73[73] умеряемая (франц.). — Ред.

очень дорога. Я желал бы, чтоб Огарев и Грановский ее прочли. 3) У Натальи Алексеевны Тучковой
83
спросите небольшую статейку до поводу Июньских дней. 4) Если успею привесть в порядок, пришлю хоть начало моей истории реакции. — Что к печати, отошли в «Современник», выпусти, что покажется невозможным. За все сие посылаю тебе медаль.
Посылаю вам несколько карикатур и чрезвычайно замечательные №№ журналов. У Алексея Алексеевича есть запас, советую и у него почитать. — Доставьте все это прочесть и посмотреть, вместе с моими статьями, Мельгунову, которому жму крепко и крепко руку. — Ну, что, скажите, как старый монтаньяр, как Кетчер, как ему кажется здешнее? За кого он? Кричит... Сердит... Он, я думаю, здесь сошелся бы с Косидьером, — он тоже кричит и росту сажени две (au reste74[74], он очень замечательный человек, один из всех всплывших после 24 февраля, ибо люди, как Барбес, Бланки и Прудон, были и прежде известны).
А ведь Кетчер-то был прав: Мара свое дело знал, и без него плохо. Народу нужен такой пестун, который был бы весь его, за него подозрителен, за него неутомим. Какие великие комментарии всему, бывшему тогда, — теперь.
5 августа.
Истории своей решительно не пошлю. А потому, думаю, вам не бесполезно будет сообщить нечто вроде оглавления ее для пониманья всего, что здесь было. — 24 февраля было неожиданно удавшееся coup de main, знаменитый залп возле министерства был вызван клубистами и монтаньярами, Лагранжем, которого портрет при сем, боявшимися, что движение остановится на реформе. Камера депутатов не думала о республике, в заседании 24 Мари предложил провизуарное правление «для обуздания анархии». В Камере республику хотел и гнул к ней один Ледрю-Роллен. Пока тут рассуждали, два правительства, даже три, уже составились — одно в редакции «Насионалэ», другое в редакции «Реформы». Гарнье-Пажес захватил Hôtel de Ville75[75], т. е. сел на стул и стал распоряжаться. Но в другой зале составлялось правительство чисто республиканское и демократическое. Народ взял дворец — и запировал. «Насионалэ» — фонс интриг и мелких проделок соединился с «Реформой», более усердной и чистой, нежели умной. Они заставили выкликать в Камере известные имена. Ламартина приняли в главу для того, чтоб никому не было обидно. Большинство было все- таки со стороны «Насионалэ»: Араго, Мари, Гарнье-Пажес, Марраст, даже Ламартин были из «Насионалэ», да почти все второстепенные места; Ледрю-Роллен и глупый Флокон явились представлять
74[74] впрочем (франц.).
«Реформу». Это правленье, вызванное толпой в Камере, отправилось в Hôtel de Ville. Там они всеми силами убедили правленье, составлявшееся из народа и которое уже провозгласило республику на баррикадах, уступить им. Почему? Где их права? Один Ледрю имел кой-какие. Для того чтоб потешить народ, они взяли Альбера и Луи Блана. Итак, революция в самом начале была украдена у народа, его ласкали, ему обещали все на свете — он верил. Династия «Насионалэ» захватила все места — только почту занял Этьен Араго, да префектуру — Косидьер. Косидьер принадлежит к тинам революционеров. Его отец, его брат были убиты на баррикадах, он сам — силач, демократ, с грозным видом и несколько пьяным — настоящий трибун толпы. Ему сказали несколько членов «Реформы», чтобы он занял префектуру, пока «Насионалэ» не посадил кого-нибудь. Косидьер, запачканный порохом (он дрался на баррикадах), взял свое ружье на плечо и отправился пешком один в префектуру. Делессер уже бежал. Он взошел в главный кабинет. Поставил ружье в угол. Сел на креслы, позвал секретаря и объявил ему, что au nom du peuple français76[76] он префект. Секретарь поклонился, Косидьер стал распоряжаться, — никто через день не сомневался, что он префект, и так осталось до 15 мая. Он чудеса сделал. Он создал республиканскую полицию. Он, как сам сказал, создал порядок в беспорядке 26 февраля знаменитая история со знаменем. Первые дни красное знамя развевалось везде. Тут Ламартин, чтоб не отрезаться от буржуа, принял их цвета. Работник, рассказывавший мне эту сцену в Hôtel de Ville, сказал со слезами на глазах: «Я три ночи не спал, я почти не ел ничего, с вечера 23 февраля я все время дрался, был у Hôtel de Ville — мне казалось, что победа наша, — но когда я увидел Ламартина с трехцветным знаменем, я бросил ружье и сказал, возвращаясь, жене: „Nous sommes encore une fois f...77[77]"» И это работник мне рассказывал 15 мая перед Ассамблеей. — Отсюда ошибка за ошибкой; неспособность правительства становилась очевидна, они играли в веревочку, которую тянули в две разные стороны. Ламартин всё уелеивал и сочинял фразы, скучный и пустой доктринер Араго мешал всему, Марраст мошенничал, Луи Блана и Альбера услали на Люксембург. Делом занимался один Кремье. Ледрю, опираясь на Косидьера, хотел, чтоб республика была не одно пустое слово, но что же они могли сделать против большинства? Отсюда нелепость за нелепостью. Знаменитые циркуляры Ледрю писала Ж. Санд. Млекодушный

Ламартин писал любовные цидулки дворам и послам, в то
85
время когда их надобно было испугать; мелкой политикой своей, продолжением гизотовщины, он сгубил движение в Бельгии, в Германии, в Польше и поставил на край гибели
76[76] Именем французского народа (франц.).
Италию, особенно Неаполь. Народ, наконец, стал понимать, что дела идут как-то плохо. Отсюда манифестация 17 марта — двести пятьдесят тысяч работников с знаменами и с «Марсельезой» прошлись по главным улицам Парижа, все было в их власти — они ограничились благородным, мирным изъявлением своего желания. Если б Временное правительство умело с этого дня стать на ту высоту, на которую непрошенное забралось, республика была б спасена. Вспомните, что Косидьер создал республиканскую гвардию и монтаньяров, вспомните, что в кадры Национальной гвардии взошли работники и пролетарии. Манифестация была в пользу правительства, народ прокричал ему, что вынесет его. Правительство ничего не сделало. Но буржуази поняла тут только, 17 марта, что республика не шутка, — она начала деятельно готовить реакцию, 27 апреля сделала она свою манифестацию, все национальные гвардейцы богатые — стали в явную оппозицию народу и движенью. Буржуази употребила все связи, все старания, чтоб сгубить suffrage universel
78[78] и заставить выбрать одних ретроградных людей. От мошеннического счета голосов до проделок писаря у исправника, о котором так превосходно рассказывал Михаил Семенович. Например, здесь, в Париже, они считали следующим образом, когда речь шла о радикальных кандидатах:
E. Savary, положим, 5000
Savary — ouvrier79[79] — 2000
Savary — cordonnier80[80] — 1000
Понимаете? Это просто значит 8000 голосов одному и тому же — они их делят на два, на три, пользуясь тем, что в разных электоральных собраниях разно назвали. Когда вы вспомните количество кандидатов и избирателей, где же тут проследить? Разумеется, это делалось с людьми, не имеющими имени. — Ледрю-Роллен противудействовал сколько мог — но уже правительство шло далее и далее в реакцию. Электоральные гадости окончились резней в Руане и возмущением в Лиможе. Руанское дело имеет чрезвычайную важность. Это первая кровь, пролитая после провозглашения республики, но не в этом важность. — В характере и безнаказанности. Руанская бойня — в малом виде 23 июня, так холодно резали и стреляли в безоружного работника. Правительство не постыдилось послать производить следствие инквизитора времен
86
Людвига-Филиппа — Франка Карре. Надобно при этом заметить, что, несмотря на очень дельный и практический ум Кремье, он сделал страшную ошибку, оставив судебную власть
78[78] всеобщее избирательное право (франц.). 79[79] рабочий (франц.).
так, как она была, и с теми же лицами; те же люди судили и осуждали теперь с точки зрения республиканизма, которые вчера судили республиканцев, — это нелепость и безнравственность. Далее, в Лиможе победа со стороны работников — никто не убит, никто не оскорблен. В Руане — террор. При этом грозном антецеденте открылось Собрание, оно с первых заседаний опротивело всем, тупое, ограниченное скопище провинциалов и ретроградных людей, без инициативы, и большей частью враждебное революции 24 февраля и республике. В 860 представителях, может, было 100 горячих патриотов, 200 республиканцев, остальные явились защищать буржуази, привилегии, монополь. — Благородный и доблестный Барбес первый потребовал отчет в руанских делах, и тут явился Сенар — защищать резню. Это очень замечательно. Этот изверг, покрывший плачем Париж, эта тайная пружина всех злодейств Июньских дней, рекомендовался публике речью, которую тогда с отвращением приняли все журналы. Сенар — это Фуше без ума, это Карье, у которого вместо гильотины был Каваньяк. Пошлость Собрания удивила всех: как все посредственные натуры, Собрание бросилось в частности, оказывалось везде ретроградным, враждебным народу. Но свобода еще существовала в всю республиканскую ширь — афиши, газеты, брошюры, сборища на улицах, жизнь мускулистая, республиканская везде. Наконец, народ парижский не мог вынести Собрания, он задыхался от него, он был оскорблен таким представительством. Заметьте, что и Временное правительство ненавидело Ассамблею. Наступило 15 мая. Подробности вы знаете, я их видел своими глазами. — Будь Ламартин политический человек, будь Ледрю-Роллен не фанфарон, они сделали бы то, что сделал отрицательно Косидьер (хотя я с этого дня записал и его в черную книгу) и положительно Барбес, Курте, Распайль, Луи Блан. Им следовало стать в главе движения, им следовало организовать его, и тогда громкое произнесение de la dissolution81[81] было бы первым днем истинной республики. — Они хотели этого,

но не смели. Нечего пенять им теперь. Я был у дверей Ассамблеи, когда Юбер произнес: Au nom du peuple frangais l'Assemblée est dissoute82[82]. Новость эта тотчас распространилась в народе. Что это за восторг был. Но Национальная гвардия буржуазных легионов ворвалась в свою очередь, и тут увидели вещи неслыханные. Эти янычары изорвали фрак
87
у Луи Блана, один его схватил за волосы и тащил до тех пор, пока клок волос остался в руке, другие схватили старика Курте, сорвали с него эполеты, разбили ему лицо, наплевали на него — вот средства буржуази, я сам видел каннибальскую радость этих преторианцев, когда они взяли Hôtel de Ville, — взяли без выстрела, ибо там не было вооруженных людей. Скалозуб Тома изорвал знамя монтаньяров и бросал куски из окна. А жалкий Ламартин и Ледрю ехали в триумфе, окруженные мещанами. — Республика кончилась. — Каждый день после 15 мая приносил бедствие, глупый закон, притеснение. Начали сажать в тюрьмы. Запретили на улицах собираться толпами (в республике!), запретили криёрам кричать что-либо, кроме заглавия журнала. Шутку, например, что мальчишки ходили толпами и на голос «Des
81[81] роспуска (франц.).
lampions, des lampions»83[83] пели «Vive Barbès, vive Barbès!», принимали au sérieux и разгоняли штыками. И Ледрю и Ламартин все-таки оставались в правительстве. Марраст был душою всех гадостей. Когда наглость и бездушьс Собранья дошло до того, что оно начало систематически гнать ateliers nationaux84[84], грубить народу, тогда случилось то, что должно было случиться, — инсуррекция. Геройство парижан превосходит всякое сказание, одни ядры и пушечная картечь, продолжавшаяся три дня, могла победить отчаянье обиженного работника. — Но они были побеждены. Мещане боялись мильярда податей, мещане уверяли солдат, что они хотят грабить. Солдаты дрались храбро. Республика была уничтожена.
Ici finit tout noble souvenir85[85].
Месть буржуази превосходит всякое воображение. Французы вообще не понимают, что такое уважение к личности, это народ притеснительный, тупой в уважении к формальной законности, инквизитор и шпион по отсутствию понятия чести, которое глубоко лежит в душе пролетария и аристократа, но которой вовсе нет в мещанине и легисте. Читайте рапорт следственной комиссии об Июньских днях и порадуйтесь. Репрезентенты идут без зова доносить (старик Араго, министр Трела в числе доносчиков!), что такой-то в разговоре тогда-то сказал то-то. Люди подслушивают, что Косидьер говорит, обедая с приятелями, и суд принимает их показания. Люди являются с доносами, не сказывая имени своего, и их доносы приняты. — Прачка, поссорившаяся с Алексеем Алексеевичем, сказала ему в ответ: «Подайте просьбу на меня, а я скажу, что вы были на баррикаде». Хозяин дома после истории,
88
бывшей со мной, делает мне грубости. Хозяин, где жил Георг, сослал его с квартиры. Всякий лавочник чувствует в себе долю тайной полиции и живую ненависть к народу, — вот как у них souveraineté du peuple ловко привилась. Грубость, с которой хватают людей, гнусное содержание арестантов; стоит, чтоб на вас пало какое-нибудь подозрение, — вы hors la loi86[86], вы можете ждать, что вас приколотят. — Да что же, наконец, Каваньяк? Каваньяк — хороший генерал, честный человек и республиканец, так, как бывают генералы республиканцами, он, наверное, будет препятствовать всякому претенденту, — он уверен, что для свободы нужно две вещи — безусловное повиновение и отсутствие коронованной головы. Может, Каваньяк и смыл бы с себя долю крови, если б умел выбирать людей, — но он попался
83[83] «Фонарики, фонарики» (франц.).
84[84] национальные мастерские (франц.).
под влияния Сенаров, Маррастов (который дает балы на 4000 человек). Роялист Шангарнье — начальник Национальной гвардии, Ламорисьер, который расстреливал пленных, — министр. Чего же тут ждать? К тому же Каваньяк вовсе не умный, а главное — вовсе не современный человек. — Из-за него уже проглядывает Тьер. Для позора Франции я не знаю ничего лучше, как Тьер-президент. — С другой стороны, т. е. с демократической стороны, возможные главы87[87] —отчасти Косидьер, его называют здесь Талейраном демократии, пальца в рот и ему нельзя положить; Бланки — всех умнее, социалист и человек с большим влиянием, но нечистый человек; наконец, Барбес, перед доблестью, благородством которого даже враги его на коленях, человек характера и мужества удивительного, талант увлекать людей у него великий, но вести, управлять, организовать он не может. Он сидит в Венсене. Осмелятся ли их депортировать? Не думаю. Многие ждут движение из департаментов, — omni casu рано или поздно, в начале зимы или на днях, можно ждать такого взрыва, что в голове кружится. Парижский блузник с Июньских дней переменил физиономию. На больших улицах блуза исчезла, на маленьких нет групп; они сидят у домов, угрюмые, молчащие, и провожают прохожего буржуа взглядом — только, но

этот взгляд какой-то первый аккорд, которого развитие на гильотине. Ненависть между работником и мещанином страшная, и работник ему выдан снова, corvéable à merci88[88], после четырех месяцев воли. — Вы знаете, что в Париж не пускают работников, не имеющих прежде места, что из департаментов не выдают пассов бедным работникам. — Egalité, Fraternité! — Вчера отправили в депортацию 750 человек по железной дороге в
89
Гавр. Доселе никто не верил в возможность без суда, по тайному следствию, не оглашенному даже печатью, сослать 8000 человек. Их родных не допустили с ними проститься, их женам позволено ехать с ними — на свой счет. Имена их неизвестны !!89[89] О, буржуази! Революция 93 года казнила короля — это не хитро. Нынче король — вся буржуази.
Des lampions,
Des lampions!
Warten Sie, meine Herren und Damen90[90], будет детский праздник. Хоть бы по почте прислали сюда Николай Листофорича.
Но что это за народ демократические республиканцы, душа отдыхает, глядя на этих мучеников, вот учиться-то братству! Расскажу вам два анекдота, случившихся со мной. Боке,
87[87] Сила и важность Прудона очень велика. Он действительно глава всех социалистов. 88[88] в полную барщину (франц.). — Ред.
89[89] Журналы вытребовали их имена, теперь они напечатаны в «Монитере».
два брата, оба приятели со мной. Старшего посадили за 15 мая, он судится с Барбосом; второй — капитан, был на баррикаде и, когда его взяли, бежал из Парижа, преследования были страшные сначала: их просто расстреливали. Он было сунулся ко мне. А у меня комиссар в трехцветном шарфе. Удивительный Рейхель, приятель Мельгунова, человек доброты и преданности святой, германской, спас его и выпроводил как-то. Гонимый, вне Парижа, окруженный смертью, он нашел работника, с которым прислал ко мне письмо к прокурору республики Корну, в котором он с негодованием кричит против того, что осмелились меня заподозрить в агентстве, он клянется от имени своего брата и своего за меня — и говорит: «Нас могут обвинить во всем, но уж, конечно, не в измене республике». — 25 утром обобрали мои бумаги, вечером явился ко мне работник, которого я видел раза два-три, талантливый человек и народный оратор удивительный. Подробности от Алексея Алексеевича. — Я сказал ему, что он делает сумасшедший поступок, входя ко мне, и просил его тотчас удалиться. — «Я знаю, — сказал он мне, — но дело вот в чем: я спасся и шел здесь близко, подумал, что вас, верно, как-нибудь замешали в дело, — вы иностранец, ничего не найдете, вот вам адрес, если вам надобно скрыться или бежать, ступайте прямо туда и скажите, что я вас прислал». Понимаете ли, что потеря времени, которую он сделал, могла его подвергнуть пуле. Мы, бывало, сомневались, не поэтизирует ли Ж. Санд в своих «Compagnons» и пр. Нисколько. А эта женщина, которая на баррикаде S. Denis, увидевши, что ее любовника убили, схватила знамя и стала, грозная и величавая, на баррикаде, тихо махая
90
знаменем с фригийской шапкой. Национальная гвардия выстрелила по ней, она стала на колено, раненая, и махала знаменем, взбешенные эписье дали по ней залп, она упала, и девушка лет двадцати подошла к ней, поцеловала ее, взяла знамя и стала — гордо перед ружьями. Национальный гвардеец прострелил ее насквозь, и она склонилась, как цветок, с своим знаменем. — Кстати, Аффра убила Национальная гвардия, он сам это сказал, разумеется, нехотя, но в азарте и бешенстве они не понимали, что делали. Вообще из всех убитых жаль одного Дювивье.
В дополнение к моему обзору прибавлю вещь примечательную. Ненависть к русской политике велика, но русские начинают более и более заслуживать признание и уважение. Нас не мешают с правительством, это сказал, между прочим, Фогт в франкфуртском собрании, — натуралист Фогт из Гиссена, я знаю его немножко; книги Гакстгаузена, экземпляры путешествующих русских — все это возбуждает новое понятие, на нас перестают смотреть с точки зрения кнута, снега и почтовой езды. Нас считают социалистами по преданью. — Я должен сказать, что, сколько от меня зависело, и я не уронил имени русского — ни в Риме, ни в Париже. В Риме я дружески сошелся с редакцией «Эпохи», особенно с литератором Спини и Гонзалесом из Милана, я способствовал — да, не смейтесь — придать «Эпохе» республиканский колорит. С французами чрезвычайно трудно столковаться, они ужасные невежи и ограниченности непомерной — вы не смотрите на их болтливость и юркость, они неимоверно тупы, т. е. все то, что называется цивилизованной Францией; я в этой тупости вижу надежду на скорое разрушение и кланяюсь ей. — Здесь нет ни одной замечательной личности, которую бы хотелось видеть, с которой приятно бы было встретиться, — все бедно и плохо. — Иностранцы всех стран, живущие здесь,

составляют
(сколько я могу судить) лучшую часть населения. A propos, Гейне все здесь, его разбил паралич, и он едва жив — но все острит, говорит, что смерть вздорное дело, а предисловие длины непомерной; находит, что чистилище совершенная роскошь после паралича. — Когда он услышал о провозглашении республики, то сказал: «Nun jetzt ist es aus mit der Schwäbischen Schule!» Он живет в Пасси, там же и Беранже. Вы знаете, что Беранже писал письмо, что он подозревает себя виноватым и советует арестовать. Это великая руина, он сохранился свят и чист. — Истинно довольно!
Тургенев написал маленькую пьеску, очень милую, для театра, и пишет другую для Михаила Семеновича. — Я ничего не пишу. — Посылаю вам еще ворох картин, они плохи, но могут живо напомнить подробности некоторых сцен. — Давай-те
91
же ваши руки... а когда в самом деле? — Что я ничего не знаю о Бабсте? В Москве он? и что? Прощайте.
8 августа.
Еще одно объяснительное слово. Если я не ошибся, мне кажется, что все вы были недовольны уже в «Письмах из Avenue Marigny» моей оценкой Франции, — вероятно, будете недовольны и тем, что я писал; вам хочется Францию и Европу в противуположность России, так, как христианам хотелось рая в противуположность земле. — Я удивляюсь всем нашим туристам — Огареву, Сатину, Боткину, — как они могли так много не видать, — неужели вы поверите в возможность такого военного деспотизма и рабства, продолжающегося два месяца, если б нравы и понятия не делали его вперед возможным? Уважение к личности, гражданское обеспечение, свобода мысли — все это не существует и не существовало во Франции или существовало на словах. Случались слабые правительства — свободы было больше, но при первом толчке правительство переходило в тиранство. Так директория транспортировала якобинцев. Что всего страннее — это что ни один француз не оскорблен тем, что делается, — если он не прямо революционер, а те в меньшинстве. Французы — самый абстрактный народ в мире, общие места и пропаганда — вот его призвание. Домашнего счастья у него нет.
NB. Прочитавши это письмо, отдайте его Марье Федоровне или уничтожьте. Прибавлю на обертке, что набросанное наскоро в письме я постараюсь со временем развить подробнее.
Дайте ваши руки. Прощайте. Иногда мне кажется, что мы не увидимся, — у меня от этой мысли кровь стынет в жилах. Одна внешняя необходимость может меня заставить очень долго остаться здесь. — Я нисколько не изменил моих убеждений относительно права переезда, но я не нахожу ни нужным, ни умным пользоваться им. Теперь еще надобно быть здесь. «Зрителем», — скажете вы. «И да и нет», — отвечу я. Человек нигде не посторонний, он везде дома и везде видит свое дело, если это дело человеческое!
Я надписал на картинках, кому что посылаю. Многое вы увидите на них. Косидьера посылаю Мельгунову, а «La Liberté» Делаирка — Сергею Ивановичу. Дайте ему письмо прочесть и Михаилу Семеновичу, остальные увидите инисиалы. Коршу еще медаль. Грановскому summa cum pietate91[91] посвящаю статью «Перед грозой».
92
Прошу передать искренний, глубокий, душевный привет Петру Яковлевичу.
Дамам целую руку, — нет, не целую руки, а просто их целую — того требует демократия и красная республика, и — и мое собственное желание. Прощайте.
48. Т. А. АСТРАКОВОЙ
6 августа (25 июля) 1848 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
6- го августа.
Получила я твое письмо, моя Таня, от 9-го июля. Ну что извиняться в том, что долго не писала, мне известно более, чем кому-нибудь, как это делается. Не знаю, когда мы увидимся, может, скоро, ничего не знаю! А хотелось бы для тебя и для себя повидаться, я чувствую сама, что я нужна тебе, — я отсюда провижу всю бурю и весь разгром, который в тебе происходит, не знаю, кто бы лучше понял тебя, — но желаю этого, пусть я сотрусь хоть вовсе, лишь бы тебе было лучше. Впрочем, ты можешь писать, и, кроме меня, никто не прочтет.
Как я рада за тебя, что Корши и Грановские остаются еще в Москве. Зато я сиротею вовсе. Тучковы едут через три дня, а с ними и Марья Федоровна собралась, узнавши, что ее остаются в Москве; за нее я рада, что она доедет как нельзя лучше, другой оказии такой нельзя и представить, да, за нее я рада, я думаю — ей моркотно было быть так долго далеко от своих, — а себя-то мне жаль, мне с ней было как у Христа за пазушкой, а Тату ужасно жаль, — всем этим я так смущена, что мыслей не соберу. Да и к чему писать, вскоре после этого письма ты всех их увидишь, все могут рассказать тебе об нас. Обо мне поговори с Natalie. Это

чудное существо, духовное развитие необычайное. Не блеск, не пустячки, напротив, лоску очень мало, даже много шероховатости, но ей только 19 лет!.. Будь с ней как
можно проще, как со мной, заставляй говорить. Hélène тоже мила, ужасно мила, я и ее люблю очень, очень, но ее нужно похолить, поласкать, это слабое существо. Ты понимаешь, Таня, все это я говорю только тебе.
Ко всему этому Саша занемог, жестокая опять головная боль и жар — сижу у его постели. Послали за доктором. Таня, как страшно, дети — это существенное моей жизни, это моя жизнь, а воспитание — великое дело! Оно не все, но много. Тебе доскажет Natalie, что я думаю. Сохранить натуру чистой сколько во мне и у меня есть на то возможности, развить ее настолько, насколько есть в ней возможности — и если натура хорошая, это даст толчок целому ряду в поколении, это проведет далеко, далеко вперед струю чистую, живую — какой подвиг выше этого? Может быть громче, блестящее, но не может быть исполненнее любви.
Я говорила Тургеневу о комедии, он был очень болен, не знаю, пошлет ли.
После всех больших событий, Таня, я убеждаюсь, что остается одно — воспитание и воспитание.
Здоровы ли то вы все? Пиши, пиши мне.
Да, Сергей Иванович, минутами жизнь хороша, а большею частию — я совершенно согласна с вами. И глупо, что умирать не хочется, и как глупо, что родишься.
93
Что же я еще прибавлю вам обо мне? На душе тяжело и темно, что здесь делается на наших глазах — от этого можно сойти с ума. Марья Федоровна расскажет вам. Останемся мы одни. — Кланяйтесь всем нашим. — Пожмите руку Антонине Федоровне, что она — здоровее, покойнее? Скажите Кавелину, что у меня нет места в сердце, которое не было бы оскорблено, горечь, горечь, желчь. — А ведь мы иной раз хорошие минуты проводили вместе.
Пошлите письмо к Федору.
На обороте: М. Г. Татьяне Алексеевне Астраковой.
В собственном доме, близ Девичьего Поля и Плющихи, в приходе Воздвиженья, на Овражках.
49. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
6 августа (25 июля) 1848 г. Париж.
Августа 6. 1848. Париж.
Почтеннейший Григорий Иванович!
Я снова пишу к вам о деньгах. Вы пишете в последнем письме, что у вас осталось 2640 р. сер., я попрошу перевести их сюда на мое имя — но только прошлый перевод был очень не выгоден для меня. Я полагаю, что Колли может прямо послать на Ротшильда парижского — никакого близкого кризиса не ожидают, я, с своей стороны, советую так послать. Прошлый раз за 2000 сер., т. е. 8000 фр., я получил 7060, след., 940 фр. стоила пересылка из Москвы в Петербург, перевод из Петербурга на Лондон и из Лондона на Париж. Это ужасно дорого. — С Турнейсеном делать нечего, он объявил, что уплатит в продолжение двух с половиною лет. Я продаю его обязательство, у меня покупают, но хотят, чтоб я уступил более 25 процентов. Между тем я уплатил из своих денег маменьке в счет 10 000 сер., которые я взял, отправляясь в путь, 12 000 асс. — из этого вы видите, что траты не очень велики; у меня теперь еще цел вексель в 5000 фр. — но про запас считаю полезным снова просить вас о присылке 2500 сер., а если у вас теперь более денег, не принадлежащих собственно в капитал (как, например, с Егора Ивановича за дом я считаю в капитал) — то переведите чем больше, тем лучше. На днях вы будете иметь живую весть об нас, Марья Федоровна едет прямо в Москву, она вручит вам табатерку, примите ее в знак дружбы и благодарности от маменьки — я, признаюсь, очень буду рад, если она вам понравится, я ее заказывал на свой вкус. Доверенность я еще не засвидетельствовал, если не успею сегодня, то пришлю ее с Марьей Федоровной.
94
Я дождусь здесь денег, потом сообщу вам, когда и как мы думаем ехать. Что это у вас холера все шутит шутки нехорошие? Насмотрелись и мы здесь ужасов довольно в Июньские дни.
Егор Иванович пишет, что перебрался уже в новый дворец свой. — Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович. Жена моя усердно вам кланяется. Маменька также, она собирается по получении денег ехать в Швейцарию.
Весь ваш А. Герцен.
На обороте: Его высокоблагородию Григорию Ивановичу Ключареву.
50. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
6 сентября 1848. Париж.
Опять случай писать к вам — и опять я готов отказаться от него. Ночь, темная ночь вокруг. Каждый день менее и менее виден выход. Что мы видим с утра до ночи,

превосходит человеческое воображение. Я иногда с горькой улыбкой думаю, что вы завидуете нам, издали все кажется иным, а мы здесь а 1а lettre92[92] гибнем от скуки, выдумываем, натягиваем рассеяния — вроде веселого общества «Декамерона» во время чумы. В 1847 при всей гадости было сноснее, тогда был по крайней мере порядок, к нему можно было примениться, и требования были не те, — четыре первые месяца нынешнего года сгубили нас. Мы так откровенно были надуты Февральской революцией, мы так гордо и так свободно ходили, поднявши голову, по улицам республиканской столицы. И вместо всего этого зависеть от первого полицейского комиссара, агента, от первого солдата. Бесстыдное Собрание вотирует конституцию в etat de siege93[93], подлое население приготовляется к выборам, в то время когда радикальная партия не смеет назвать своих кандидатов. — Или в скором времени должна кровь литься реками, или на время Франция погибла. Из глубоко выстраданных трех месяцев главные результаты таковы: 1-е — что республика, в которой остался монархический принцип в нравах, в законах, благопристойнее монархии — а в сущности нисколько не лучше. Франция любит деспотизм, насилие. Ее законодатели выдумали, что suffrage universe194[94] — всё, но что однажды избранное всеобщим избранием имеет всю силу и всю власть султана. После Июньских дней, когда Собрание назначило безобразную комиссию,

95

нашлись люди, спросившие, какою же судебной властью она будет пользоваться и каким формам подчинена. Сенар объявил, что она облекается властью Собранием, которое, по самодержавию своему, имеет право ее так учредить. Мы, наконец, опытом и летами совершеннолетны, — если это не «l'etat c'est moi», если это не принцип рабства, деспотизма — то где же он резче высказался? До тех пор, пока правительство будет идти от начала, что salus populi suprema lex est95[95], что лицо ничего не значит, что закон выше лица, что представитель власти выше гражданина, что меньшинство может быть задавлено большинством, если это большинство результат suffrage universel, — до тех пор оно будет воображать, что текст закона — догмат, религия, до тех пор оно не станет на ногу отрицательного хранения — а сделается агрессивным, насильственным, монархическим. Все правительства таковы, — в отдельных кантонах Швейцарии, и только там, можно найти начало иного отношения да долею в Северо-Американских Штатах. Вы знаете, что ни Швейцария, на Штаты в пример не идут. В остальной Европе не токмо в самом деле нет свободы, нет

92[92] буквально (франц.).

93[93] осадном положении (франц.).

94[94] всеобщее избирательное право (франц.). — Ред. 95[95] благо народа — высший закон (лат.).

гуманного управления, но нет даже пониманья, желанья, нет близкой надежды. — Я все это говорю не с досады и не с брызгу. Феодальная и монархическая Европа — не скоро переродится. Старая цивилизация изобрела формы не столько оскорбительные, как, например, у нас, долгая привычка к литературе, например, к обсуживанию политических предметов, давала в самом Риме Григория XVI и в Неаполе больше воли языку, нежели в Москве; но это было снисхождение, при первой коллизии чудовище власти является с цепями и топором. Я раскрываю списки депортированных и нахожу отметки: такой-то, 18 лет, — «pour ses opinions très avancées»96[96]; нахожу девушку 20 лет с отметкой «très exaltée»97[97]. Что такое? Другие лыняли при допросах, эти сказали свое мнение — их за это депортировали. — Открываю процедуру военно-судных комиссий — и нахожу, что один человек отвечал им с благородной смелостью Ранари, — он осужден aux travaux forcés à perpétuité98[98] — вина его никак не больше, как людей, осужденных на пять лет. — Здесь возражение: выгода в том, что это печатается, да, Европа привыкла к этому, ее занимает это, — но где напечатано число расстрелянных 26 июня и перебитых около тюрем? Прудон осмелился заикнуться об этом — много взял? Перейдем в парламент — там на днях почтенный лорд с негодованием спрашивал у министра, правда ли, что Митчель имеет комнату и что ему дают книги читать. Послушайте, господа, слышали ли вы когда-нибудь

96

что-нибудь подобное этому каннибальскому вопросу у нас? Я не слыхал. — Посмотрите, что за роль начинает здесь играть Каваньяк; он ездит с драгунами, с штабом, и это нравится, да кому же? толпе? — а хоть бы и ей, ведь suffrage universel дал ей в руки государство. Вот и выпутывайтесь тут.

2. Сверх искаженного пониманья всех отношений граждан и власти, — пониманья, основанного на монархизме, — второе зло, уничтожающее Европу и при существовании которого можно отложить всякую мысль о прогрессе и разумном государстве, — это постоянные войска. Они убийственны для права, разорительны для финансов и не нужны для защиты. — Здесь из мальчишек сделали войско (mobile) в три недели. Во Франции, в Пиэмонте каждый человек — солдат, когда надобно;

Швейцария доказала торжественно, что она может, в прошлогодней борьбе с Зондербундом. — Corps francs99[99] и внутренняя стража, il popolo armato100[100], как говорят итальянцы, должны заменить армии. Без этого нет шагу вперед. Если будет итальянская война, если французские войска победят австрийцев, — вот тут и будет

96[96] «за свои слишком передовые взгляды» (франц.). 97[97] «очень экзальтированна» (франц.).

98[98] на пожизненные каторжные работы (франц.). — Ред. 99[99] Ополчение (франц).

карачун республики и мы спокойно въедем в империю, под каким бы именем ни было. Я от души желаю, чтоб французов побили, — это их спасет, протрезвит, это уронит военную диктатуру, это их смирит. Австрийцам все же недолго пировать в Италии, у них есть дома du fil à retordre101[101], и на единодушии кроатов и маджаров далеко не уедешь. — Повторяю, уничтожение постоянных войск, всей солдатчины, point d/honneur'a102[102] военного, казармизма, бонапартизма réchauffé103[103] — должно быть знаменем всякого человека, желающего добра. — Вот вам еще присказка — к сказке, которую Анненков везет в тетради. Я очень желал бы знать ваше мнение о новых статьях моих — стоит ли игра свеч, продолжать ли писать их для вас, ибо это пишется не для публики, намекните как-нибудь. — При этом я серьезно должен предупредить вас (покажите ему эти строки), чтоб вы были осторожны, слушая повествования Анненкова. Он стал на какую-то странную точку — безразличной и маленькой справедливости, которая не допускает до него большую истину. Какое-то резонерство и отыскивание объяснений всему из начал необходимых, благоразумных, — так, как некогда Белинский строил русскую историю и наши нужные места превращал в необходимые. Анненков был увлечен первым временем после революции, он еще до сих пор под влиянием его. Я думаю, что мы еще при начале революции, — он верит, что и это республика, — мне веселее было бы видеть Генриха V или XV, чтоб опозорить эту республику,

97

чтоб покончить с недоразумением. Он до сих пор защищает пошлую личность Ламартина — а я его ненавижу, — ненавижу не как злодея, а как молочную кашу, которая вздумала представлять из себя жженку... etc., etc. Полагаюсь на его справедливость. Но вас предупреждаю. — Потому что для меня все это не шутка, а последняя сущность, пульпа мозга, сердца — даже рук и ног.

Защищает ли Боткин буржуази?

Я иногда начинаю мечтать о том, как бы куда-нибудь удалиться, хоть в Кунцево, спокойно, не получать никаких газет, в субботу ждать под вечер вас — выпить с вами бутылку... другую... три во льду, благословить судьбу, что мы встретились, что между этими иностранцами, которых называют людьми, мы не растерялись, окружить себя книгами, — ну, и что же дальше? — и умереть потом без желания жизни и без отвращенья от смерти. — Не смейтесь. — Аминь, аминь, глаголю вам, если не будет со временем деятельности в России, — здесь нечего ждать, и жизнь наша окончена. «Ich habe gelebt und geliebt!» 104[104]

101[101] много хлопот (франц.). 102[102] культа чести (франц.). 103[103] подогретого (франц.). — Ред. 104[104] «Я жил и любил!» (нем.).

Прилагаю письмо от Марьи Львовны Огареву, — что он, в Пензе или с вами? Если в Пензе, отошлите, да я желал бы, чтоб вы ему отослали и мои письма (т. е. in folio) о Париже, дайте их переписать верному человеку, заплатите и пошлите с еще более верным человеком. А впрочем, как хотите или как придется. Архив моих бумаг у Марьи Федоровны. — Здравствуйте, Марья Федоровна. Как вы приехали к ларам и пенатам? Прошлый раз, как мне пришлось писать к вам не в Берлин, а в Северную Пальмиру — я и спохватился, как вы далеки, что и сказать-то ничего нельзя. Как вам понравилось после Парижа на Трубе? Я очень рад, что état de siège вас немножко подготовил, а то, говорят, быстрые перемены температуры нездоровы. У нас все обстоит благополучно — Боке в тюрьме, Боке 2-й в бегах, Косидьер без пашпорту отлучился, Луи Блан тоже. Солдатами запрудили все Елисейские Поля, палатки стоят от Rond Point105[105]. — Прудон стал было опять издавать журнал под названием «Le Peuple», Каваньяк опять запретил. — Гервег от бешенства катается со мной по полу (на ковре), пьет вино и на другой день проклинает меня, что я его отравил, и ест целый день гранит у Тортони — туда является лоснящийся Сазонов, который уверяет нас, что его жизнь в страшной опасности, что он подвергался десять раз депортации, весел, толст и гадок до невозможности. Жюльвекур все при нем бессменно. Ко мне он почти не ходит. Мы до 10 октября остаемся в maison Fenzy. — А потом? — А потом не знаю,

98

что, Гервег, который совершенно и вполне смотрит на вещи так, как я, ждет зимы и голоду, — авось-либо развяжется что-нибудь. У правительства денег мало. Войско начинает роптать. Гервег уговаривает подождать, хотя ни у меня, ни у него нет

веры, что будет что- нибудь хорошее, — но может быть такая месть со стороны уврие, что Париж превратится в Помпею. «Ну» оно и лестно», как говорит Языков. — Сейчас получил записку от Боке, Jean Baptiste, он здоров, спрашивает об нас, Барбеса и Собрие везут в Консьержери из Венсена. На днях будут их судить. Барбес отказался отвечать на что б то ни было и позволяет инквизиторам делать что угодно. — Прощайте. — «А до Рыльска долго письмо не доедет».
Всем жму руку, всех целую. — Прощайте, карейшие. Марья Федоровна, пишите, пожалуйста, — на других я не надеюсь, — пишите на досуге целые тетради, всё, всё, и посылайте, не смея франкировать, на имя Ротшильда.
Анненков хотел ехать 6, но остался, ибо 8, т. е. 26 августа, именины Наташи и мы отправляемся, т. е. он, Гервег с женой, Рейшель и наши, пироваться за лагерь, куда б то ни было, мне все равно, — одно условие я поставил: чтоб не было видно палаток и фортов. А помните, как в Соколове праздновали мы?
Скажите, пожалуйста, Марья Федоровна, Матрена у вас или нет, и как вы встретили Федорова Капитолийского? — Есть ли у Петра Григорьевича детъки? Про Юлию Карловну я и не спрашиваю; знаю, что есть — много.
Рукой Н. А. Герцен:
За меня, Мавонинька, обнимите и поцелуйте всех от мала до велика. Что-то не пишется с Анненковым оттого, что долго не придет еще к вам письмо, а буду писать лучше по почте. Тата ваша процветает. Жму вашу руку.
Я, разумеется, страдаю вместе с Александром и отдыхаю только в устали от возни с детьми; но и тут часто доходит до того, что все эти старания из всех сил мне кажутся пустяками, и я завидую листку на дереве, которым только шевелит ветер, ведь сознание-то дорого достается. — Пишите, пожалуйста, как идет в вашей республике, в нашей как нельзя быть хуже...
51. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
8 сентября (27 августа) 1848 г. Париж.
8 сентября. 1848. Париж.
Письмо ваше, почтеннейший Григорий Иванович, от 24 августа я получил и особенно тороплюсь отвечать на него, чтоб доказать вам, что я не совсем так бессчетен, как вы думаете. Начиная — позвольте вас от всей души поблагодарить за ваши замечания, для меня в их откровенности лежат лучшее
99
доказательство дружеского расположения вашего к нашему семейству. Очень и очень благодарю вас. Может быть, писавши к вам, я по рассеянности написал что-нибудь неверно — теперь, за ваше замечание, я осуждаю вас прочесть целую страницу оправданий. — Во-первых, скажу вам мое нравственное правило насчет состояния. Я получил почти случайно довольно много, — никогда не имел я ни жажды стяжанья, ни любви к безумной роскоши. У меня есть дети, — полученное мною я им передам. — Увеличить состояние я не чувствую ни охоты, и, наконец, не вижу необходимости. Доход мой имеет три назначенья — доставить мне с семейством прожиток, доставить средства на самое развитое воспитание детей, доставить возможность не отказывать в иных случаях приятелям и знакомым. — Капитал, доставшийся мне, состоял без малого из 200 000, доходу по 4 процента 8000, костромское имение доходу 2000 — вот нормальный доход. Прошлый год был особенно дорог: путь, переезд в Италию, даже непривычка к путешествиям сделали то, что от 1 января 1847 до 1 января 1848 истрачено 12 000. — Это превышает по крайней мере 3000 сер. мною намеченную смету. Но и тут я не вышел из доходу, ибо на 35 т. получались проценты от Дмитрия Павловича, и на 15 т. от Огарева (если он и не платил их, то они только остались в его руках, а не исключались из моего капитала). — Нынешний год я никак не проживу 10 т. От 1 января до 1 июля, с переездом из Италии, издержал я 15 000 франков, да разными переводами и быстрыми понижениями и повышеньями курса я потерял, сверх того, около 1500 фр. Не предвижу, чтоб мне было нужно больше до 1 января 1849, что и составит до 33 000 фр., что гораздо меньше 10 т. Но к этому присовокупляется расход в Москве, такие непредвиденные случаи, как, например, приданое, посланное в Шацк (зато я не считал доход с дома), и пр. — При всем этом вас, мне кажется, удивляет, что вы денег посылаете гораздо больше, нежели я издерживаю. — Пожалуйста, не забывайте, что я поехал за границу не взявши никаких денег, кроме маменькиных. — Когда она истратила взятые ею 5000, я стал ей уплачивать из взятых мною у нее 10 000, из них до сего числа я уплатил 4500 руб. Да из тех, которые получу через Ротшильда, уплачу 1000. Наконец, не забудьте и того, что Турнейсен в ликвидации и у него моих денег остается более 6000 фр. Да в наличности у меня теперь от прежних тоже около 6 т. — остальной дефицит в долгах. Он очень, впрочем, не велик и вряд дойдет ли до 1500 сер. — Я вижу беспрестанно перед глазами примеры путешествующих русских, которые пишут о деньгах, когда уже придется худо, и принуждены занимать здесь у ростовщиков — вот причина, по которой я всегда прошу о высылке заранее. Итак, заключение мое
100

будет, что я не издерживаю больше доходу. Вы вспомните, что проценты по всем билетам — вознаграждают взятое из капитала. Теперь, когда я получу 3000, о которых вы пишете, и отдам маменьке 1000 — у меня будет 13 000 фр. и надежда на Турнейсена, стало быть, от 1 сентября — если не будет ничего особенного — до 1 января моя жизнь обеспечена, а в декабре я опять прибегну с просьбою о деньгах на 49 год.
Довольны ли вы, почтеннейший Григорий Иванович, полной реляцией и отчетом, в котором могут быть небольшие ошибки, но сущность которого верна. Цель моя — удержать полученное в целости, не откажусь его увеличить — но целью этого увеличенья поставить не могу. Думаю, что без особенных несчастий я не утрачу ничего из капитала. — В заключение еще и еще раз благодарю вас за советы и замечания. Делайте их от души и с тою откровенностью, которую вам дали многие права.
Вероятно, когда вы получите это письмо, вы уже виделись с Марией Федоровной и она передала вам и поклоны, и вести, и табатерку. — К Огареву я прилагаю записку, потрудитесь, если его нет, отослать ее к нему в Пензу. — Егору Ивановичу усердный поклон, вероятно, дом уже теперь законно принадлежит ему, деньги я просил вас уже принять на себя труд и положить в Совет на имя неизвестного.
В Шацк я попрошу вас посылать по-прежнему и Петру Александровичу тоже. Если недостанет моих денег, вы меня душевно обяжете ссудив. — Я писал, сверх того, с Марьей Федоровной и просил вас в случае необходимости снабдить ее деньгами. Я так много обязан этой женщине за все ее попечения, что с радостью готов для нее сделать все, тем более что ее поездка с нами не принесла ей никакой выгоды. Маменька и Марья Каспаровна вам кланяются. Да сделайте одолжение, узнайте от Прасковьи Андреевны, что же, наконец, Рейхель заплатил деньги или нет, я сильно подозреваю, что тут есть что-то неладное со стороны Эрна. В таком случае я желаю сделать судьею Прасковью Андреевну — а денег для него терять не желаю.
Прощайте, Вере Артамоновне кланяюсь, не ленитесь и напишите письмецо с вестями обо всех, на чужой стороне всякая весть имеет большую цену.
Весь ваш А. Герцен.
Жена моя усердно кланяется, ее здоровье опять что-то попортилось от всех сует и неприятностей здешней жизни. Дети здоровы. — Думаем, может, к зиме перебраться куда- нибудь. Но адрес пока до перемены остается тот же. На мое имя или же маменьки и Соп^е aux soins de Messieurs Rotschild à Paris.
Огарев мне должен, рассчитывая проценты до октября с разными
101
комиссиями, 2875 сер. (в том числе не означены 328 р. 60 к., о которых вы пишете, их надобно, стало, вычесть). — Я ему пишу, если он уехал, положите в пакет записочку и потрудитесь ему ее послать — если он желает, можно взять с него новую расписку в должной сумме — впрочем, он мог тратить по моему назначению.
На обороте: à Moscou (Russie). Monsieur G. de Klutzareff.
Его высокоблагородию Григорью Ивановичу Ключареву.
В Москве. Пятницкой части, III квартала, собственный дом № 258.
52. М. Ф. КОРШ
8 сентября (27 августа) 1848 г. Париж.
Эпиграф
Le citoyen Bocquet, ex-adjoint à la mairie du 12 arrondissement, avait été mis en prévention à la suite des événements de mai; il vient d'être relaxé, faute de preuves; mais il n'en a pas moins fait un long stage de captivité préventive. Le citoyen Bocquet était avec nous le 24 février; sa mise en liberté est une nouvelle heureuse pour tous les amis de la république.
«La Réfo rme » du 8 sept. embre107[107].
Представьте себе, Марья Федоровна, забаву, — третьего дня были мы вечером у Гервега, оттуда пошли в Café Caumartin и просидели там до полночи. Приезжаем домой, я отворяю дверь и вижу Боке... Я, разумеется, расхохотался, думая, что он бежал. Совсем нет; его велели от суда и следствия освободить. Марраст просто-напросто хотел его проучить, да и проучил четырехмесячной тюрьмой. Появление его было как нельзя более кстати для оживления именин — и мы вчера все отправились в Бельвю. Погода была удивительная. Окончание праздника мы как-то дурно помним, я спал глубоким сном и слышал еще хохот Анненкова и бесконечную болтовню Боке, который в Conciergerie научился тянуть не хуже других. Вам он кланяется. Каково из тюрьмы попасть прямо на праздник, да еще за городом. Ну, а знаете, молчать-то ему, должно быть, приходилось не легко! — Он, разумеется, через час после выхода из тюрьмы взял все меры, чтоб снова попасть. «Месть, месть!»,
102

т. е. выместь буржуази, — Мне Боке уезжать запрещает, он удерживает меня обещанием, что они так заткнут за пояс Июньские дни, такой зададут праздник, что от бульваров следа не
106[106] Наипоследнейшее (лат.). — Ред.
107[107] Гражданин Боке, бывший помощник мэра 12-го округа, был привлечен по делу о майских событиях, теперь он отпущен за отсутствием улик, тем не менее он отбыл длительный срок предварительного заключения. Гражданин Боке был с нами 24 февраля; его освобождение — радостная весть для всех друзей республики.
останется. Шутки в сторону. Страшные вещи могут быть. А выйдет ли прок, кроме расчистки места?
Рукой Таты Герцен:
Тата.
Рукой Н. А. Герцен:
Не хотелось мне писать с Анненковым, поджидая вашего письма и думая, что мое дойдет еще бог весть когда, теперь не могу удержаться, чтоб не поделиться с вами, Мавонинька, моею радостью. Если б вы видели Бокешу! И как кстати его освобождение; в тот же день, утром, я решилась сказать Тардье, что мы едем на несколько дней в деревню, и мучилась и страдала ужасно о том, что же я сделаю, как пройдут эти несколько дней?.. И гадок он, и совестно перед ним смертельно... в горе, в досаде и больная — пошла размыкать все это к Гервегам; возвращаемся оттуда — Боке в гостиной ждет нас два часа! — Отпраздновали же мы Татины именины. Как и что будет, не знаю, много ли он может посвятить время Саше... да уже дело в том, что есть человек, который с любовью будет заниматься с ним хоть немного — для меня это неоцененно. Тата дичится с ним еще и жалеет о Тардье. — Она получила от вас домик с обезьяной, маменька с Машей подарили ей кухню, кроватку, комодик, папаша коровку, я кошку, Саша какую-то чумичку, которая ей сделала неизъяснимое удовольствие, Горас конфет и Анненков, чтоб поподличать перед нами, — сервиз. Недоставало вас, Мавонинька, да и многих недоставало в этот день... ну, да уж об этом что говорить, лучше не говорить.
А знаете, я уж думала, наконец, посылать Сашу учиться к Боке в Консьержери. — Жаль мне Анненкова. Я и не знала, что мне его так будет жаль. Прощайте!
Старик Бернацкий возвратился. Помните его? Между прочим, он обрадовал меня вестью, что во «Франкфуртской газете» напечатана была вся моя передряга с здешней полицией.
53. Г. ГЕРВЕГУ
Вторая половина июня — начало сентября 1848 г. Париж.
Cher Herwegh! Eh bien, nous nous sommes décidés (et décidons) d'aller à S.-Cloud. Venez chez nous à 2heures précises. — Vous n'avez pas besoin d'équipage, nous avons places et calèches. Tout sera pris... on vous attendra à 2 heures...
Il y aura une surprise agréable — préparez vos nerfs.
Anenkopf viendra probablement chez vous.
На обороте: Monsieur Herwegh.
Rue Neuve St. Augustin. Hôtel d'Orient.
103
Перевод
Дорогой Гервег! Итак, мы решились (и решаем) ехать в С.-Клу. Приходите к нам ровно в 2 часа. Экипаж вам не понадобится — у нас есть и места, и коляски. Все будет взято — ждем вас 2 часа.
Вас ожидает приятный сюрприз — приготовьте свои нервы.
Аненкопф, вероятно, зайдет к вам.
На обороте: Господину Гервегу.
Rue Neuve St. Augustin. Hôtel d'Orient.
54. Н. А. ТУЧКОВОЙ
Сентябрь 1848 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
Теперь к тебе, моя Тата, моя чудесная, Consuello di mio alma!108[108] Мне хотелось к тебе писать после всех, не знаю почему. Как я чувствую, что тебя нет возле меня! Но так же ясно чувствую, что ты
есть. Насколько полнее, звонче стала моя жизнь с тех пор, как она слилась с твоею, ты стала одна из самых необходимых ее струн. Многоцветна, ты знаешь, моя жизнь, ну, и ты в ней блестишь яркой, одной из самых ярких струек. Да, читай мою записочку, писанную в Риме, и знай, что то, что сказано в ней — я говорю тебе теперь, скажу то же в последнюю минуту моей жизни. О какой перемене форм говоришь ты, я этого не замечаю, да, может, формы переменились, да это естественно; все имеет время экзальтации и время разумного сознанья. Самая встреча наша — залог бесконечной симпатии нашей, бесконечной настолько, насколько бесконечна наша жизнь. Да, впрочем, мне и теперь, как всегда, все

объяснения и уверения кажутся ненужными, ты сама должна чувствовать яснее, чем я могу сказать, что ты для меня. После твоего отъезда в душе моей чувствуется то же, что чувствовалось бы в теле, если б отняли какой-нибудь член, что-то тупое, глупое, нелепое, немое, ну отняли бы руку — привычка так велика действовать ею, что беспрестанно хочется пошевелить ею, а нет ничего... Но дело-то в том, что от души нельзя отнять ее членов вовсе, они умирают только с нею вместе. Да и бог знает, чего бы я тебе не наговорила, какого вздора по случаю нашей симпатии оттого, что что у кого болит, тот о том и говорит, но тороплюсь, пусть хоть этот клочок застанет тебя в Петербурге.
Я передала Тургеневу все, что ты велела, он велел тебе сказать, что замечание твое о восьми днях он принимает за любезность. Для меня этот человек получил новый интерес с тех пор, как ты с ним сблизилась, я любила его видеть после твоего отъезда, он мне напоминал тебя, у меня даже было влечение поговорить с ним о тебе, но он так вяло и томно смотрит и отвечает, что я опять ухожу в себя, даже ухожу в свою комнату. Он для меня — как книга: рассказывает — интересно, но как дело дойдет до души — ни привету ни ответу; прежде это мне было все равно, а теперь иногда бывает больно, оттого что как будто есть точка, где мы расходимся с тобой, может, это пройдет; его здоровье лучше, на днях собирается веселиться в деревне.
Да, Natalie, я часто играю, и мне это заменяет отчасти разговор с тобою. — Мы скоро будем вместе! Я это предчувствую. — Пиши мне все,
104
все, что тебе хочется, я тоже буду писать больше в Москву. Зови меня на словах так, как бы ты звала меня в душе.
Да будь тверже, пройдет страстная неделя, будет светлое воскресенье.
Тем тягостнее, тем очевиднее разлука — что писать становится трудно. Хочется говорить и то, и то, а говорится бульон с сахарцем. — Дайте вашу руку, помните меня, я это заслужил большой симпатией. — Прощайте, в другой раз напишу больше.
55. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
13 (2) октября 1848. Париж.
Ваше письмо, почтеннейший Григорий Иванович, от 18/30 сентября я получил сегодня утром. Чрезвычайно рад, что табатерка вам нравится, работа в самом деле замечательная, особенно мозаики, это делал знаменитый мозаист Caval. Michelangelo Barberi в Риме, и у меня есть его руки свидетельство. — Векселя я получил уже давно. Потеря очень большая при переводе — но необходимости надобно покориться. Маменька, кажется, не поедет без нас — а мы, может быть, принуждены будем зимовать здесь (т. е. остаться до конца февраля), — на чем окончательно остановимся, сообщим вам тотчас. — Душевно рад, что мой финансовый отчет принят вами так, как я его писал. Вы очень хорошо сделали, пославши Аксинье Ивановне 100 сер., вообще в таких случаях я прошу вас поступать совершенно самовластно, я знаю ваши чувства — и знаю, что они никогда не разойдутся с главными моими желаниями. Насчет Эрна я добиваюсь одного — отдал деньги Рейхель или нет. Я не могу представить, чтоб бесстыдство и наглость могли идти до такой степени, в то время как я для Эрна, кажется, кой-чем был полезен. Обязанность Прасковьи Андреевны была бы ему представить всю гнусность такого поступка. Если г-жа Каппель будет приставать, то я попрошу отдать ей проценты — к Огареву я буду писать сегодня; если еще больше будет приставать, то я попрошу вас написать к Николаю Платоновичу, чтоб он прислал вексель на мое имя в сумме, должной им Каппель, и переписать мой вексель. Но чего же ей лучше, как получать 8 процентов с Огарева? — Я буду просить вас переслать прилагаемое письмо через верного человека Марье Федоровне, она мне забыла написать свой адрес, да, сверх того, нефранкированные письма доходят гораздо аккуратнее, а мне не хочется ее вводить в траты, вы будете, верно, так добры, что запишете в мой расход это тяжелейшее письмо. — В случае, если б Марья Федоровна после обратилась к вам
105
за деньгами», я попрошу сколько возможно, например, до 300 серебр. ей предложить — я ею бесконечно обязан.
О Сергее Львовиче знаю только, что он здесь и здоров.
При свиданье кланяйтесь Егору Ивановичу, которому я уже писал. Пусть он перестроивает и устроивает.
К зиме не худо бы было от Дмитрия Павловича взять 4000 сер. остальные. Кажется, он не должен затрудняться в таких суммах.
56. Н. П. ОГАРЕВУ
17 (5) октября 1848 г. Париж.
17 октября 1848. Париж.
Я думаю, Огарев, Алексей Алексеевич едва успел окончить тебе повесть о событиях и приключениях, и вот я тебе шлю продолжение. — Жаль, что тебя не было в Москве, когда Марья Федоровна приехала, — впрочем, ты, вероятно, не все же будешь жить в

Пензе.
После отъезда Алексея Алексеевича здесь все сделалось хуже и отвратительнее, я не могу выразить всей тяжести существованья в этом очумелом, издыхающем городе. Такую тоску выносил человек только один раз, в падающем Риме, — да и то не в августовском Риме, а в Риме третьего столетия, когда все величие исчезло, а безнадежная гибель стала во весь рост. Добрые мечтатели никак не могут сладить идею развития с уничтожением целой цивилизации, как будто в понятии цивилизации лежит условие ее продолжения. Цивилизация — по превосходству временная, как лучший цвет данного времени, цивилизация, переживающая себя, — это Византия в средних веках, это мамонт в Сибири после геологического переворота. Я убежден, что Европа не выпутается из современной борьбы на основаниях своей цивилизации, своей гражданственности. Дряхлое бессилие Франции очевидно — страна, лишенная образования, страна мещанства, утратившая все юное, поэтическое, все честное наконец, — что она может сделать? — Хотя я не должен бы был предполагать возражений с твоей стороны, — но прибавлю еще об этом слова два. Вы там мечтаете и рефлектируете, как я вижу из московских вестей, и составляете вовсе иное понятие о том, что делается. Европейская цивилизация, — еттеттепП09[109] аристократическая, разочтенная для меньшинства, возможная при существовании толпы, видоизменилась до некоторой степени под действием мысли, — все живое может видоизменяться до тех пор, пока
106
его сущность, его особность не отрицается изменением. Именно изменение и отрицание существенного принципа в организме — называется смертью. Теперь возьми ты любую точку старой Европы и любую сторону новых учений, — ты увидишь их антагонизм и отсюда или необходимость Византии, или нашествия варваров — варварам нет нужды приходить из дремучих лесов и неизвестных стран — они готовы дома. Так как в природе удивительная спетость, то нравственное падение старой цивилизации совпало с началом роковой борьбы. Все мелко в ней, литература и художества, политика и образ жизни, все неизящно, — это признак смерти, — все смутно и жалко — толпы едут в Алжир, в Америку, павперизм растет, торговля убита, кредиту нет, работников не пускают из департаментов — и во главе всего какой-нибудь ограниченнейший из ограниченных Каваньяк с плутом Маррастом. — Кто сколько-нибудь ознакомился с патологией, тот не ошибется. Я совершенно встретился в этом с Георгом. — Начавши писать к тебе, я невольно вспомнил отъезд Алексея Алексеевича и то время, дурно было тогда очень, но когда вымерить, сколько градусов ниже все стало здесь в эти два месяца, то мороз подирает по коже. Жаль многого, но кто же не стоял при постеле умирающего отца, брата... и не покорялся. Грусть, плач, все, что угодно, — наше право, — но не воскрешение мертвых. — Выпиши из Москвы от Грановского статейку мою «Перед грозой» — она еще писана в 47 году, но не без достоинства ad hoc110[110]. — Прощай. — На днях приедет сюда Марья Львовна. Она хлопотала через меня продать здесь небольшую inscription111[111] банковую, но формализм так сложен и запутан, что ничего не сделали.
Я тебе писал нечто вроде выговора по финансовой, части по поводу жалобы Григория Ивановича (очень основательной, sauf le respect112[112]). — Я писал ему — если Каппель очень будет приставать, то переписать твой вексель, а ты дай ему другой. Да плати проценты. Мне очень не хочется тратить из капитала, а нынешний год не из удачных, signor Эрн (хорошего управляющего я тебе рекомендовал) получил 5000 моих денег да с ними как в воду канул, дом пустой (я, впрочем, уже продал его Егору Ивановичу).
Кланяйся Тучковым. — Я думаю, кончится тем, что и я поселюсь где-нибудь между Яхонтовым и Старым Акшином — тридцать шесть лет, еще лет пять, не больше, остается на то, чтоб жить и чувствовать, потом пойдет уже отживанье. Вот эти-то пять лет и не хотелось бы маячить в злобе и скорби, — а
107
впрочем, тут тоже фатум. Помнишь, как римские патриции бросали все состояние свое и бежали в христианские монастыри? Вот каково было жить в разрушающемся мире. Мы счастливее их, — связанные цивилизацией с Европой, мы связаны народностью именно с тем юным и новым миром, который готов, как некогда германы, помериться с старым. Итак, да здравствует Старое Акшино и сельская жизнь в России.
Адресуй: Confiée aux soins de Mrs les freres de Rotschild a Paris.
Рукой Н. А. Герцен:
Я жму тебе, саго mio, крепко руку. Хотелось бы так слетать к вам... Огарев, с странной просьбой я к тебе — вручи Hélène 166 франк. 20 сантимов, непременно, я им должна. — Пиши нам, пиши!
110[110] применительно к данным обстоятельствам (лат.). 111[ш] ценную бумагу (франц.).

Достань себе всенепременно Гафиза, перевод Даумера, напечатанный в 46 году или 47. Вот тебе новый, огромный источник наслаждений. Что это за реальный, разгульный и глубокий поэт. Будешь благодарить.
Алексея Алексеевича дружески, душевно обнимаю и собираюсь, как получу ответ на сие послание от тебя, писать.
57. Е. А. и Н. А. ТУЧКОВЫМ
17 (5) октября 1848 г. Париж.
17 октября 1848. Париж.
Дайте вашу руку и вы, и вы, — мы много помним вас — оттого что много любим. Мы мало пишем — оттого что хочется писать очень много. Здесь такая скука и тоска, что, я думаю, скоро люди будут топиться в Сене.
Вы спрашиваете записочку о книгах, ее составить нелегко, вы перешли большую часть книг, а потому вам придется зады твердить. Тем не менее для полноты, для изученья жизни советую заглянуть в комедии Бомарше, я еще рекомендовал тогда «Manon Lescaut», романы Ж. Санд. Читайте беспрестанно Гёте, иногда Шиллера, читайте по выбору Вольтера и Дидро — и больше ничего французского не читайте. Читайте Шекспира и Байрона, а потом, если понравится, переводы с древних, Edition Nisard, например. Еще вот что: займитесь историей, — да только не читайте ни коротких, ни всеобщих историй, а лучше подробную, живую историю какого- нибудь одного периода, например, век Григорья VII. Живое изучение одного периода больше ознакомит вас со всей историей, нежели без толку сколоченные. Огарев может указать такие монографии. Я очень рекомендую теперь заняться падением
108
Рима (тут есть премилая книга «Les Césars» Champigny, даже Низара «Décadence...»), наконец, Гиббон. Вам не будет скучно. А если будет, то возьмите тотчас что-нибудь по части естественных наук: Milne-Edwards^ или геологию Лейля. Огарев будет объяснять. — Потом опять за историю. A propos, для падения Рима необходимо несколько ознакомиться с двумя- тремя св. отцами, например, Василий Великий, Григорий Богослов, Августин, Ориген — есть французский перевод.
Ну, вот вам на двадцать лет чтения, потом, т. е. в 1868, я напишу другую записочку. — Книги, мной назначенные, серьезны, — да ведь и время серьезное.
58. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
26 (14) октября 1848 г. Париж.
26 октября 1848. Париж.
Письмо ваше, почтеннейший Григорий Иванович, от 14 октября я получил очень скоро, а именно 25, и спешу отвечать на него.
Хотя я никак не считаю действительно выгодным давать деньги взаймы, тем не менее этот случай составляет полное исключение. Огарев принадлежит к самым близким людям, мы с ним росли вместе, и не только материально вместе — но и душевно. В нем я совершенно уверен. Если я затруднялся и приискивал обеспеченья в такой значительной сумме — это единственно в одном несчастном предположении смерти Огарева, ибо его наследнику я не верю, племянники несовершеннолетни, а Плаутин сам не может, я думаю, внушить доверия даже своей жене. — Видя теперь и из вашего письма и из письма Огарева, что деньги ему необходимы на оборот, я решаюсь их ему дать. Пусть Маршев113[113] с своей стороны подпишет (как вы лучшим найдете), пусть будут соблюдены все возможные формы — кроме залога именья, что оказывается невозможным. — Я очень желал бы, чтоб вы приняли на себя труд заметить Огареву, что мне очень хотелось бы на всякий случай, чтоб он особенно поручил этот долг и прежний во внимание своих наследников.
У вас доверенность на получение денег есть, но, кажется, она была недостаточна — для того, впрочем, чтоб это не могло вас остановить, попросите Егора Ивановича взять из его денег — и отдайте ему пока мои билеты, я усердно Егора Ивановича об этом прошу, притом он ни процентами и ничем не потеряет ни
109
одной копейки — билеты мои останутся у него, я умру, наследников моих он знает. Разумеется, чем меньше, тем лучше. Лучше 20 т., нежели 25 — но если им непременно нужно 25, я согласен, проценты за один год вперед, по прошествии года можно будет вексель
113[113] Вы, может, знаете, что это побочный сын Платона Богдановича.
протестовать и тогда он пойдет еще на год. — Не лучше ли заемное письмо совершить от крепостных дел?
Если можно по старой доверенности, то не поможет ли Данила Данилович, ведь сомнения истинного у них быть не может. — Дело все в том, что я писал под «залог именья» и вижу сам, что это глупо, мне следовало бы просто писать «на известное вам употребление». Но я полагаю, Егор Иванович не затруднится. Кстати, чтоб не писать ему особого об этом письма, я попрошу вас передать ему, что мне нет никакой крайности, чтоб он тотчас по совершении купчей заплатил деньги, пусть

купчая совершится, а он вам вручит заемное письмо, или что хочет и как хочет; но только мне бы не хотелось ни дома брать назад, ни платить поправки.
Теперь о прежних счетах с Огаревым. Я действительно писал ему о разных важных тратах — ему стоит только сказать, сколько потрачено им за меня. Всего за ним было к 1 янв. 1848 — 1975 руб. сер. Сверх того, по заемному письму одному от августа, другому от октября следовало за год 900 руб. сер. — Да от августа нынешнего года и октября за год вперед опять 900. — Это составляет 3775 сер. Если же Николай Платонович не отдал деньги Марье Каспаровне, не по билету, а взятые в апреле 46 года — то я отдам ей еще 160 сер., что и составит 3935 руб., из которых пусть Огарев вычтет уплоченное за меня — остальное, если не встретится особых препятствий, можно вычесть с процентами. — Я прилагаю, между прочим, письмецо к нему (оно не готово, и я посылаю без него).
Мне, право, совестно, что я доставляю вам такое множество хлопот, но делать нечего, кроме благодарить судьбу, что она меня сблизила с таким человеком, как вы, почтеннейший Григорий Иванович, на которого содействие, дружеский совет и теплую готовность помочь я считаю как на каменную гору.
По окончании этого дела вы, верно, будете так добры, что напишете мне — и если все окончите, то недурно разом прислать тысячи три денег серебр. Денег у нас до февраля довольно, и с маменькой, но так как векселя пишутся на три месяца, то потеря очень велика, когда берешь до срока.
Все, что найдете полезным в этом деле, приказывайте, и делайте, и требуйте — хотел сказать «так, как я сам бы делал», но вспомнил, что вы все это сделаете гораздо лучше.
Дружески жму вашу руку.
Жена благодарит, что вы вспомнили 22 октября.
110
50. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ
На сей бумаге, неприличной от тонкости, желаю обнять тебя и поблагодарить за письмо. Оно живо напомнило тебя; точно будто 1 время и р пространство не существует между нами. Точно будто по прочтении письма я провожаю тебя в переднюю и там тебе подносят теплый, из гаячьего пуху, шарф в две сажени, одеяло на заячьем меху, пальто, шубу, кеньги, валенки, охотничьи сапоги до плечей, и пр. и пр. И я провожаю, говорю: «Да, да — вот так сумма-то работников страшно увеличивает результат выработанного в карман фабриканта». Если хочешь знать, что делается здесь, возьми мои статейки. Это последние дряганья умирающего мира — смерть дело важное, грустное, но часто она сопровождается бредом, безумием, старчество впадает в ребячество — ну ведь как ни жалей умирающего, а все же во всем этом есть много противного. Мир этот гниет — что будет? Что будет? Лучше всего, что что-нибудь да будет. — Если только земной шар не треснет. — Очень бы хотелось скорее к вам, вы, наши московские друзья, все-таки лучше всех обезьян, называемых людьми, вы выродки, сливки с 50 000 000 человек, зато уж и сливки; право, смертельно бы хотелось бы по дворам. Да климат- то, климат-то.
А что вы трубку поставили, Татьяна Алексеевна, когда Алексей Алексеевич пришел, — это хорошо, дурно только то, что вы ее тотчас опять взяли.
60. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
5—8 ноября (24—27 октября) 1848 г. Париж.
5 ноября 1848. Paris.
Здравствуйте, господа друзья, ну, как вас бог милует? — А что до нас касается, мы вчера в пушку палили на радостях, что Собрание осупоросилось плюгавой конституцией, которая, божией споспешествующей милостью, году не продержитсяю. Теперь мы поджидаем 10 декабря — встречать достойного презуса уродливой республики, косого кретина Луя Бонапарта. Республика, которую грудью кормили сифилитический Каваньяк и меркуриальный Марраст, не имеет права на иного президента — если она так глупа, что не понимает, что президента вовсе не надо. — Так-то вам издали все представляется couleur rose114[114] оттого, что у вас абсолютный срам и запустение — а посмотрели бы вблизи, как дела идут...
А в сущности, они идут недурно. Мы присутствуем при великой драме, для того чтоб ее видеть, надобно собрать все силы души — у кого нервы слабы, могут идти в поля, в леса. Драма это не более и не менее как разложение христиано-европейского мира. О возможности (не добив, не разрушив этот мир) торжества демократии и социализма и говорить нечего. Если считать во Франции 10 000 000 citoyens actifs115[115], то 1 миллион падет на 9 ретроградных, состоящих из буржуа, мелких землевладельцев, легитимистов и орангутангов. Орангутанги, не развившиеся в людей, составляют вообще 4/5 всей Франции и 43/4 всей Европы. Suffrage universel, последняя пошлость формально-политического мира, дала голос орангутангам, ну а концерта из этого не составишь. Вот теперь-то Европа несет казнь за аристократию, за развитие одного меньшинства. Сердце кровью обливается, когда смотришь на людей, душой и телом отданных демократии, или на маленькую

кучку работников больших городов; но чувствуешь, что это святое, меньшинство работает попусту, из вершин общества европейского и из масс ничего не сделаешь. К тому же оба конца эти тупы, забиты с молодых лет, мозговой протеин у них подгнил — ну, оно и не берет. Я решительно отвергаю всякую возможность выйти из современного импасса без истребления существующего. Легко может быть, что демократическая партия (которая страшно усилилась после Июньских дней в смысле чисто политическом, а не социальном) одолеет и истолчет в ступе весь ретроградный мир, но для того, чтоб вышло что-нибудь, надобно истолочь и их самих — да и выбросить куда-нибудь в море. Демократы здешние (в главе которых теперь Ледрю-Роллен) только и годны на то, на что годны солдаты Иеллахича — сломать, избить до тла ветхое здание. — Убедитесь вы в этом ради вашего совершеннолетия.

«Но если это так, то, след., ты сделался славянофил». — Нет. Не велите казнить, велите правду говорить. Из того, что Европа умирает, никак не следует, что славяне не в ребячестве. А ребячество здоровому и совершеннолетнему так же не среда, как и дряхлость. Европа умирая завещевает миру грядущему, как плод своих усилий, как вершину развития, социализм. Славяне an sich116[116] имеют во всей дикости социальные элементы. Очень может быть, не встреться они теперь с Европой социальной, и у них коммунальная жизнь исчезла бы так, как у германских народов. Натура славян в развитых экземплярах богата силами, как неистощенная почва. Эти развитые экземпляры — ручательство прекрасных возможностей; но действительность

112

бедна. Гнилой плод так же нездоров, как неспелый. Наконец, временная случайность (элемент несравненно более важный в истории, нежели думает германская философия) поставила exempli gratia Россию в такое положение, что она невозможнее Европы, ей надобно переработать и отречься от двух прошедших — от допетровской и послепетровской. — Signori, как бесит во всем этом, что история — не логика, да, история — Naturgewalt117[117] и

115[115] граждан, пользующихся избирательным правом (франц.).

116[116] в себе (нем.). — Ред.

эмбриология, которая нисколько не заботится о наших категориях. Мы хочем (à la Ketcher) деспотически втеснять добро, прогресс, социализм, а крутой факт уже негодного и еще негодного мира своенравно повинуется фантазиям, призракам, как старики и дети. «Давай Наполеона!» — кричит Франция, и будет Наполеон. И пр. и пр. — Я посылаю вам, сверх сплетен до 15 мая, статейку о том же предмете. Но в ней еще не всё, я теперь обдумываю посущественнее тот же вопрос и пишу статью под заглавием «Vixerunt». Отдайте, прочитавши все это, Марье Федоровне в архив. Получил я «Современник», — плох. И что это за свиньи редакторы! Как глупо, пошло известили они о смерти Белинского. Я полагаю, сблизиться с «Отечественными записками» благопристойнее, — а еще благопристойнее ни с кем не иметь литературных дел, а писать для вас, как я это делаю теперь. Лучше вас нет людей ни в России, ни в Европе, — будьте уверены, — такие же, может, найдутся, и то ведь сотню разве наберешь во всей планиде.

Посылаю вам, т. е. Грановскому, Коршу, Кетчеру, Сатину, портреты Прудона и Распайля, разительно похожие. Портретов 8, стало, будет Мельгунову, Астракову и как знаете. Спросите у Селиванова его речь, которую он при нас говорил на банкете. — Селиванову обязуюсь дать аттестат, что вел себя исправно, на трехцветную не гнул и никакого ламартыжничества не чинил (все это вместе — шпилька Павлу Васильеву).

Из важных новостей тороплюсь сообщить, что в «Шаривари» написана первая глава истории, как ее преподают теперь здесь

Кто заложил Рим? — Наполеон.

Кто был Лютер? — Наполеон.

Кто создал мир? — Наполеон.

Сверх того, он прибавляет, что когда Луя Бонапарта выставят народу напоказ президентом, то он приготовил уже сказать следующую речь: «Rien n'est changé en France, il n'y a qu'un suisse de plus». В дополнение другая газета рассказывает, что инвалиды заметили, что он вместо «pourquoi»

113

говорит «bourguoi». Его вообще все презирают — т. е. порядочные люди, как Ледрю, Дальтон, Ше, Прудон... а он таки будет... «nous l'aurons, nous l'aurons»118[118], как поют мальчишки.

Да похохочите же.

Тургеневу сегодня будут делать каутеризацию. 7 ноября.

Приготовивши вручить Селиванову письмо, я перечитал написанное, и мне захотелось предупредить возможные недоразумения. Победа демократии и социализма может быть только при экстерминации существующего мира с его добром и злом, с его цивилизацией, — революция, которая теперь приготовляется (я вижу ее характер

очень вблизи), ничего не имеет похожего в предыдущих. Это будут сентябрьские дни — в продолжение годов. Демократии так, как Иеллахич, с двух концов начали это страшное дело. Старому миру не устоять, демократия c'est l/armée militante de l'avenir119[119], это — «коррозивное начало», о котором толковал Строгонов. Да зачем она только разлагающая, dissolvant120[120] старого? Вероятно, можно объяснить, но не в том дело — дело в том, что факт таков. Массы точно так, как славяне, не готовы к гармоническому вступлению во владение плодом цивилизации — но не готовы массы, с другой стороны, и терпеть, особенно в Германии, а потому характер взрыва будет страшный. В 93 году террор и все прочее сделано мещанами и парижанами — вообразите, что будет, когда весь пролетариат в Европе станет на ноги. — Здесь образовалось теперь колоссальное общество de la solidarité démo^atique (я посылаю их положения с Селивановым); Боке — там действующее лицо. Могу вас уверить, если Наполеон не свернет шею этой ассоциации, то вы увидите зарево издали. — Вообще прибавлю, что после снятия état de siège опять зашевелилось многое; но тем страшнее, что город мертв. Черт знает что сделалось, парижских улиц узнать нельзя — сумрачная тишина.
Прощайте. Посылаю несколько NN «Прессы» забавы ради; посмотрите, как Е. Жирарден валяет Каваньяка и в ус, и в рыло. Каваньяк — самое гадкое и отвратительное существо, оно вредно Франции даже невольно. Половина либералов (несоциалистов) будут вотировать за Наполеона для того только, чтоб подорвать сильную кандидатуру Каваньяка. Социалисты не хотят вовсе вотировать, красные — за Ледрю-Роллена — он все-таки лучший кандидат.
114
Посылаю портрет Ледрю и еще чьи попадутся: делитесь как знаете.
Отчего Мельгунов не пишет?
Ручку, Марья Федоровна. Ручку! Вы наши отцы-покровители, как не вы напишете, так кто напишет, ведь Евгень-то Федорыч у нас грамотей, да знаете — того, ну да и то есть; Тимофей Миколаевич тоже тугонек на перышко. — Пожалуйста, напишите что-нибудь старому шуту в Париж, я с жадностью гиены читаю все подробности. — В жизни нашей перемены мало — правда, мы переехали возле самой Мадлены (Cité Vindée, Boulevard Madeleine 1er cour, — можете и так адресовать, можете и по-прежнему). Боке едет на всех парусах на галеры или в
119[119] это воинствующая армия будущего (франц.). 120[120] разъедающая (франц.). — Ред.
министры, его выбрали президентом XII электорального округа, знаете — это S. Jacques, S. Marceau — самые что ни есть едакие места. Я его просил на всякий случай заготовить мне свидетельство, что я уже расстрелян. Он меня обнадежил пресурьезно, что будут списки и что он, когда нужно, скажет... премилейший, я на нем изучаю всех этих сильных резателей 93 года. Боке сентиментален и свиреп, он готов расплакаться, как девочка, и холодно наделать зверства. Это французская черта. На днях я чуть с ним не поссорился до драки, уверяя его, что, когда они одолеют, то еще хуже будет и что я тотчас уеду. — Тата ваша всякий день становится милее и милее. Гервег и Боке — ее поклонники. Когда Боке ее носит на руках, я Тате говорю: «Ты помни, что Боке тебя носил — его портрет со временем будут продавать, чтоб стращать детей»... а она кричит: «à bas Cavagnac!»121[121] et «viva Pio Nono!..»122[122] и говорит наречием парижской гризетки.
Саша вырезал вам из сегодняшней «Реформы» сведения о Боке.
Скажите Михаилу Семеновичу, сверх поклона, что драма, которую пишет Тургенев, — просто объяденье.
61. Г. ГЕРВЕГУ
23 (11) ноября 1848 г. Париж.
Citoyen, voulez-vous aujourd'hui à 8 heures voir une réunion électorale à la Salle de la Fraternité? Sasonoff (Ivan Ivrinoff aliorum) le propose. Nous vous attendons jusqu'à 7 heures et 3/4.
Nous pourrons après voter des remerciements au département de Bourgogne en criant:
115
Vive la Montagne de Chambertin!
Vive la Romanée Sociale!
Vive le Glos démocratique de Vougeot!
121[121] «долой Каваньяка!» (франц.).
On attend une réponse catégorique.
Le 23 novembre.
Перевод
Гражданин, не хотите ли сегодня в 8 часов посетить выборное собрание в Зале братства? Сие предлагает Сазонов (Иван Пьянчугин aliorum123[123]). Ждем вас до 73/4.
А затем мы сможем проголосовать за вынесение благодарности бургундскому

департаменту, прокричав:
Да здравствует гора Шамбертен!
Да здравствует социальная Романея!
Да здравствует демократическое Кло де Вужо!
Ждем решительного ответа.
23 ноября.
62. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
24 (12) ноября 1848 г. Париж.
Париж. Ноября 24. 1848.
Ожидая от вас, почтеннейший Григорий Иванович, ответа на мое последнее письмо насчет ссуды Николаю Платоновичу (о которой он писал опять ко мне из Саранска), я вздумал — вот уж наверное не догадаетесь — сам вступить в небольшое торговое дело. Выгоды, приобретаемые теперь здесь на наличные деньги, превосходят вероятие. Я отдал, чрез
посредство дома Ротшильда и с его гарантией в отношении к фонду, 10 т. билетом Сохранной казны — риск невелик, все, что я могу потерять, — это рублей 700 невыгодного промена, да рублей 100 за перевод. — Я тороплюсь потому уведомить вас об этом, чтоб вы не удивились, когда билет представится, и не считали бы, что я издержал эти деньги или взял их на расход. Мне очень хочется быть под вашим контролем — и, след., давать вам отчет во всех финансовых делах.
Если Егор Иванович отдал за меня Николаю Платоновичу своих 20 т., я тотчас ему пришлю доверенность на билеты, находящиеся у вас. Жду только вашего сообщения. Вероятно, костромские крестьяне и нынешний год пришлют так же исправно оброк, как всегда, — деньги на прожиток становятся
116
нам нужны, жду присылки от вас, чем больше, тем лучше, потому что менее хлопот, а расход от этого не увеличивается. Наша жизнь идет теперь так правильно в отношении к расходам, что все вертится около одних и тех же цифр. Мы издерживаем от 2300 фр. до 2500 в месяц, редко переходит фр. 100 эту сумму. Маменьке я остаюсь должен 14 000 франк. и выплачиваю по 1500 фр. в месяц (она из этих денег посылает иногда своим родным в Штутгарт), стало быть, очень легко нас и усчитать и определить, на сколько станет денег, к здешнему Новому году останется у вас обоих около 3000 фр., а поэтому я попрошу, если вы не посылали еще денег, послать их. Данные же Ротшильду совсем не надобно вводить в счет, они через год снова воротятся в Московскую сохранную казну — которая представляет теперь единственный верный банк в Европе.
Из Петербурга мне пишут, что Петруша что-то хил и очень нуждается; если вы сочтете нужным, то я попрошу вас послать ему рублей 30 сер. к Новому году без всяких отношений к получаемым им деньгам. Ну, что Егор Иванович с моим домом, он обещает давненько писать, но ничего не пишет.
Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович. Душевно желаю, чтобы письмо застало вас в добром здоровье.
Маменька, жена моя и дети усердно кланяются.
От Эрна, вероятно, не добиться ответа, он имеет свои причины преходить молчанием дело рейхелевских денег. Если мое подозрение справедливо, то это свидетельствует о глубочайшем разврате — я не знаю, чему тут больше дивиться — гнусной неблагодарности или краже. Но до окончательного осуждения надобно знать, так ли. Хотя уж и то худо, что можно подозревать.
Le seul dieu qui reste — c'est la fatalité. Je suis d'avis qu'il faut le combattre — et je vous propose, cher Herwegh, un moyen.
Depuis quelque temps la fatalité m'empêche de vous voir; hier, par exemple, j'étais tout prêt pour aller vous voir et au lieu de cela je suis allé entendre un discours de Miroslawsky... Pour déjouer cet enchantement, je vous engage fortement de venir aujourd'hui avec madame Herwegh dîner avec nous (mais à 6 heures, pas plus tard, après 5 et 1/2 m-me Ogareff a une telle soif de manger, qu'elle commence à prendre du porter)...
117
NB. Lord Sasonoff, tué hier dans une rencontre fratricide par Delescluze, nous racontera les particularités de sa mort.
Ce 30 novembre.
На обороте: Monsieur
Monsieur Herwegh. De la part d'A. Herzen.
Перевод
Единственный бог, который остается, — это рок. Я того мнения, что с ним надо бороться, и предлагаю вам, дорогой Гервег, для этого средство.
С некоторого времени рок мешает мне видеться с вами; вчера, например, я совсем было собрался пойти повидать вас, а вместо этого пошел слушать речь Мерославского... Чтобы разрушить это наваждение, я настоятельно приглашаю вас

прийти сегодня с г-жой Гервег с нами пообедать (но только в 6 часов, не позднее, с 54С г-жа Огарева так жаждет приняться за еду, что начинает пять портер)...
ЫВ. Лорд Сазонов, сраженный вчера в братоубийственной схватке с Делеклюзом, расскажет нам подробности своей кончины.
На обороте: Господину Гервегу. От А. Герцена.
64. Т. А. АСТРАКОВОЙ
4 декабря (22 ноября) 1848 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
4-е декабря.
Вероятно, уж ты получила тетрадь, посланную с Селивановым, — поэтому я напишу тебе, моя Таня, только несколько строк. Три дня тому назад я получила твою записочку в письме Марьи Федоровны, жаль мне тебя, хорошая ты вещь, а жизнь нехорошо обращается с тобою. Да не пиши мне иероглифически, а просто прямо, в чем дело. — Я сейчас окончила письмо к Марье Федоровне и ты от нее можешь узнать все подробности, повторять, друг, некогда. Тата была очень больна, теперь выздоравливает, нужны беспрерывные попечения. Жму крепко твою руку. Пиши. Пришли написанное прежде письмо, непременно. Тучковы пишут, что они очень полюбили тебя и Сергея Ивановича, которому также рукожатье.
Татьяне Алексеевне —
при сильно дружеском пожатии руки, несмотря на то, что необходимо не писать, а посылать на почту, все-таки почту вас моим поклоном.
118
65. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Почтеннейший Григорий Иванович, пишу к вам небольшое письмо, главная цель его — просьба принять на себя труд вручить Марии Федоровне Корш 200 руб. серебр. из моих денег; если же вы их все отправили ко мне, то ссудите меня до получения от Дмитрия Павловича . — Но это еще не всё, я попрошу вас заставить ее взять эти деньги, если она будет отказываться. Я знаю, что они в крайности, — я знаю, как я был обязан ей, и это какая-то ложная гордость.
Последнее время я провел очень тревожно. У Наташи (маленькой) было воспаление в мозгу, ноябрь месяц странным образом несчастен для меня. Помните, в 46 году, именно в день моих именин занемогла Лиза; в 45 в тот же день сделался у Саши коклюш, в 47 — моя жена была в горячке (в Риме). Нынче этот случай. Кажется, можно достоверно сказать, что опасность прошла, но лихорадка продолжается. Все это вместе, разумеется, расстроило опять здоровье Наташи. Я вас попрошу при свиданье прочесть письмо это и Егору Ивановичу — особо писать некогда, он из него узнает все, что было.
Ваше письмо я получил — или, кажется, я вам уж об этом писал — если Огареву деньги не нужны, то всего лучше мои билеты оставить у Егора Ивановича, а его деньги в ту же сумму положить на мелкие билеты (например, на 4) на имя неизвестного для легости. То же попросил бы я вас сделать и с деньгами, которые отдаст Дмитрий Павлович. Нумера будут же известны Данилу Даниловичу. — Егор Ивановичу очень благодарен за его готовность. Об доме всё как он хочет, деньги я жду, теперь у нас еще есть и до половины января может станет (с маменькой), чем больше вы пришлете, тем долее не будет хлопот. Расходы у меня идут так правильно, что я не жду ни особых трат, ни особой экономии.
Позвольте вас еще раз попросить деньги за письма взять из расходных моих, поэтому я и позволяю вкладывать еще письмы.
Если бы Марье Федоровне было нужно, сверх этих денег, 1000 асс., вы меня одолжите, давши ей.
Меня сильно соблазняют торговые сделки, о которых я вам писал в прошлом письме. Богатеть я особенного желания не имею, но иметь больше средств и помочь и обязать иной раз — дело важное.
Я, разумеется, был бы очень рад, если б Дмитрий Павлович отдал долг. Во всяком случае, вероятно, остальные по
119
сохранной записке он отдаст, я вам тогда ее пришлю, написав, что получил.
Прощайте. Дружески и с искренной благодарностью жму вашу руку.
Жена и все наши вам кланяются.
Здесь погода стоит удивительная, настоящее лето.
66. П. В. АННЕНКОВУ
6 декабря (24 ноября) 1848 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
Дни три тому назад получили мы ваше писание, Анненков, и оно как все другие с вашей стороны, легло густым туманом на грудь; и пред ставилась глазам живая картина: двое-трое сидят за чайным столом и второй-то или третий — вы, закуриваете, зевая, сигаретку, два, три слова скажут и замолкнут; тишина, темнота, а дождь-то льет, льет... Нельзя сказать, чтоб и у нас погода была

хороша на сию минуту – 12 часов, т. е. полдень, 12-го ноября 1848 года – снег валит клочьями, снег белый, а внизу грязь, черная грязь, а между верхом и низом бьют барабаны, бьют что есть силы, чтоб заглушить горе и радость при появлении на свет конституции. – Александр забегал домой выпить коньяку и пошел опять смотреть на праздник, на котором, кроме мундиров, ничего нет, что приводит иных в негодование, как будто оно не логично и как будто оно не хорошо. Что касается до меня, я, как Ной, спасаюсь от всех треволнений в моем ковчеге, т. е. дети и пр... Пробовала и я море сечь, не слушается, – ну, я и предоставила его на волю ветров буйных. Помните, как мы с вами умирали пять дней подряд – ну что ж, это помогло в жизни?.. Я делаюсь страшной эгоисткой, Анненков, хотела б просто в каком- нибудь уголке Италии жить, и наслаждаться, и не думать ни о чем – уж очень наболело! – С семьей Гораса видаемся часто: то мы пойдем погреться у их камина, то они придут погреться у нашего – знаете, диваны по обеим сторонам, а посредине у них и у нас лежит Тургенев на полу и полусонным голосом спрашивает: «А знаете еще вот эту игру?...» На днях как-то проговорили о вас мы втроем: я, Тургенев и Emma, почти весь вечер, и мне так что-то стало жаль, что вас нет. Так пророчество ваше сбылось, и она погибла? Жаль. – Пишите, что вы делаете и что будете делать в деревне, и довольно ли у вас денег. Сигаретки ваши у меня вышли, но я купила еще ящик в память вам и курю чаще, чем прежде, будто теплее, глядя на огонек. Если это письмо застанет вас в Москве, поклонитесь всем друзьям, да напишите о всех. Ребятишки мои вас целуют. За что ж вы Тату называете капризной, я обижаюсь. – К занятиям Саши прибавилось еще столярное мастерство, которому он ходит учиться три раза в неделю, скоро еще прибавится физика. – Учитель его так же добр и так же туп, он играет важную роль и не имеет свободной минуты. Коля выговаривает много новых слов, они еще в Champs Elysées и проведут там зиму; весной хотелось бы dahin, dahin, wo die Zitronen blühen. Ах, старый, добрый друг, много пустяков я вам наболтала, воображая, что вам сделает это удовольствие, а то б и не наболтала. Особенно поклонитесь Марье Федоровне. Ну, прощайте ж, вашу
руку.
Natalie.
Чувствую и понимаю, что не стоит посылать этот старый, завалянный листок; но не могу себя лишить наслажденья обвинить Александра в том, что письмо провалялось и замаралось, – обвинить его и доказать, что с моей стороны все было сделано. – Да и лишний труд переписывать; прибавлю только, Анненков, что наша Тата была очень больна, что мы перенесли с Александром мучительные сутки, теперь она выздоровела. Общество у нас все то же. Emma все собиралась писать вам и все еще собирается. Тургенев бедный болен беспрестанно, и он хотел писать вам и все еще хочет. Если вы будете в Москве во время представления его комедии «Нахлебник» (которая мне ужасно нравится), напишите мне эффект, следствие и пр. как на своих, так и на чужих. Да пишите к нам как можно больше, да приезжайте к нам как можно скорее. Прощайте. Ж. Боке так мало берег свое здоровье, что доктора обещают ему двухлетнюю болезнь, брат его все еще болен. Так что ж, сбылось пророчество – «она погиб» – ла? Жму крепко вашу руку.
Natalie.
Город Лютеция. Девятнадцатое столетие, шестых декабрей 48 года.
Гневный друг! Грозный друг! Не писал я к тебе И боюся писать...
Потому именно, что разбранил меня в твоем последнем письме, отчего мало, отчего немного, отчего нет новостей, отчего нет древностей – а сам все знает. Я вообще разучился писать письма – и полагаю, что переписка больше нужна для магнетизма, для оживления физиологической связи лиц, без которой нет истиной дружбы. – Где ты? В Москве или в Симбирске, – где бы ни был, но поздравь себя, что ты на пять тысяч верст удален от пошлых выборов; я живу теперь на Магдалиновском бульваре, только шаг за вороты – и толпы бонапартистов со стихами и прозой, а возле карикатуры на Луи Бонапарта. Оружия, на которых сражаются кандидаты, презабавные и делают большую честь деликатности и благородству. К концу декабря узнаем. Без драм и драк не обойдется.
У нас дома все как следует, Тата было круто занемогла, но болезнь перервана – впрочем, она еще не совсем здорова. Иван Сергеевич крепко страдает своей вечной болезнию. Я занимаюсь видимо немного, но внутренно мне все яснее и яснее становится то литературное воззрение, которое тебе не совсем нравилось – но которое изменить невозможно, так оно очевидно. Я не знаю, читал ли ты статейку «Новый год», довольно удачная, это pendant к «Перед грозой», таковая же пишется «Праздник» – philosophie, юмор и desperatio124[124] с дальними
121
светленькими надеждами. – Прощай, опять немного, а ты-то и победи да напиши преграмоту. Фредерику деньги сполна отдал.
Сейчас приехал Мюллер и кланяется.

67. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
21 (9) декабря 1848. Париж.
Ваше письмо, почтеннейший Григорий Иванович, от 26 ноября / 6 декабря я получил вчера, а прежде еще вексель от Ценкера на Ружмона. Все, что вы сделали с займом Огарева, очень хорошо, только я думаю, что мне не приходилось получить с него сполна 3935, — впрочем, в этом беды нет, я писал к нему, чтоб он вас известил, что он считает за мной, но он, видно не написал. Мы с ним сочтемся. — Вы спрашиваете насчет 25 сер., данных вами Фролову, мне остается вас дружески благодарить, подобными вещами вы показываете не только доверие ко мне, но то, что вы сочувствуете и разделяете мой взгляд на предметы этого рода. Всегда, во всех случаях, где ваше прекрасное сердце вам посоветует сделать снова что-нибудь подобное — нисколько не задумываясь, исполните и будьте вперед уверены, что я дружески сожму вашу руку. Меня беспокоит Петруша, он хочет в Москву, не мог ли бы ему на время дать приюту Егор Иванович? Я пишу к нему с этой же почтой и попрошу г. Панаева ему доставить рублей 200 асс. Насчет костромского оброка — конечно, лучше его перевести сюда, вероятно, и курс поправится, — так по крайней мере ждут, — денег у нас теперь к 1 январю до 12 т. фр., да у Турнейсена 5 т., которые неизвестно когда он отдаст; стало быть, на три месяца мы обеспечены и маменька — но так как банкиры векселя переводят тоже на три месяца, то, полагаю, лучше их прислать, особенно же воспользоваться курсом, здесь последний курс идет так: рубль сер. — 3 фр. 84 сантимов.
Если по делу о билетах для возврата Егору Ивановичу что нужно будет, я тотчас пришлю. — Касательно уплаты Дмитрия Павловича я писал в прошлом письме — положите их покамест на имя неизвестного в Опекунский совет. Здесь можно делать теперь удивительные спекуляции.
Я писал к Огареву насчет того, чтоб переписать векселя непротестованные; если вы будете иметь какое-нибудь с ним сношение, напомните ему.
Портрет Веры Артамоновны очень желаю видеть — хотя надеюсь в будущем году увидеть и оригинал.
Поздравляю вас с Новым годом, истекающий не был беден всякого рода событиями. Очень радуюсь, что вы весело попировали
122
25 ноября, я в самый этот день получил письмо от Егора Ивановича, но оно нас застало в страшной тревоге, у маленькой Таты была тифозная горячка, были минуты, в которые мы отчаивались — это чрезвычайно расстроило нас. Теперь она оправляется. Если увидите, почтеннейший Григорий Иванович, Марию Федоровну, то сообщите ей эту весть. Много похлопотали мы, и я думаю, это обстоятельство имело опять дурное влияние на здоровье жены.
Сегодня 21. Первый морозец, градуса полтора, до 20 было так тепло, как у нас в начале сентября.
Кланяйтесь Егору Ивановичу — и всем нашим. Прасковье Андреевне и Карлу Ивановичу.
Прощайте и будьте здоровы.
Жена и все кланяются вам и поздравляют с Новым годом.
Я просил вас, Григорий Иванович, и опять прошу, если вы еще не сделали, вручить 200 сер. Марии Федоровне, кстати, если по болезни Петруши что будет очень нужно, помогите ему. Да нельзя ли ему у маменьки в доме остановиться, верно, есть комнатка — в ее дозволении я не сомневаюсь.
Прощайте, мой адрес так же:
Confiée aux soins de Messieurs de Rotschild — Paris.
68. Н. П. ОГАРЕВУ
Декабрь 1848 г. Париж.
Ну, саго, скажу тебе еще в тысячный раз об жизни то, что говорят о шапке Мономаха: тяжела жизнь.... нет, сколько ни имей сил, их не довлеет, за шесть месяцев покоя, где-нибудь в тепле, с условиями звериного благосостояния — солнца, моря, — я отдам шесть лет жизни.
...Таков ли был я расцветая, Скажи, фонтан Бахчисарая!
Может, я и уеду в Швейцарию, я же здесь познакомился с твоим женевским приятелем, — я действительно, наконец, устал — устал особенно в последнее время... Большое счастье, что ты переживаешь теперь вторую юность. — Ты меня раза два упрекал в том, что, стоя близко, я вижу частности, подробности, что я, уткнувши нос в кирпич, не вижу здания — или в этом роде. Ты мог прочесть «Перед грозой» и «Новый год» каждый день приносит мне новые подтверждения. Ну, впрочем, когда я приеду, мы наговоримся вдоволь...
123
1849
69. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
1 февраля (20 января) 1849 г. Париж.

1 февраля.
Вот именно в это число мы с вами обедали или ужинали в Черной Грязи. Помните? Снег белый, солнце, тройки и тройки — это был день удивительный, он остался у меня в сердце — как итальянский закат солнца. Мне тепло, когда я его вспомню. Последнее время бывали иногда споры, натянутые разговоры — но этот день вдруг все опять сплавил и спаял. Итак, да здравствует Черная Грязь. Вспомнили ли вы?
Получил я грамотку от Николая Александровича, доволен им несказанно, но ни с чем не согласен насчет его мнения о физике и химии, особенно с его идеалистическим мнением, что общий обзор, бросаемый издали, вернее. Что же, Окен и Стефен много взяли? Нет, нынче давайте пониманье и микроскоп, пониманье и скальпель, жизнь надобно следить по вивисекциям, а не по физиологии Каруса. Посмотрите, какие шаги делает сравнительная анатомия здесь, — старый доктринаризм никуда не годен.
Кстати к физике. Кто в сношении с Огаревым, пусть сообщит ему, что микроскоп его готов, — превосходно сделан, 650 франков со всеми принадлежностями. Я его, пожалуй,
адресую к тебе, Сергей Иванович, — ты можешь его разобрать, я уверен, что такого микроскопа не найдешь в Москве ни у кого.
Кланяйтесь всем — и не напоминайте никому для нынешнего дня, что никто не приписал строки в письме от 25 декабря.
До свиданья. Разумеется, мы, вероятно, к лету у вас на Девичьем Поле.
На обороте: Татьяне Алексеевне Астраковой.
124
70. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
12 февраля (31 января) 1849 г. Париж.
12 февраля 1849. Париж.
Давно я не писал к вам, почтеннейший Григорий Иванович, между прочим, потому, что я через Егора Ивановича уведомлял вас о получении вашего письма. — Я знаю, что вы имеете ко мне много дружбы, но теперь я попрошу вас прибавить несколько доверия. Могли ли вы только подумать, что я пущусь в такие обороты, как Сергей Львович? Я до такой степени неповоротлив в этом отношении, что без полного обсуждения дела, без взвешивания всех шансов за и против я не стал бы рисковать долею капитала — который считаю, как писал вам, достоянием детей. Опыт на первый случай подтвердил мои соображения: весь капитал, употребленный мною, уже возвратился и третьёгодня Ротшильд сообщил мне, что капитал к моим услугам, но только вместо 20 т. возвратились 25 т. — из Нью-Йорка. Этот капитал я отправлю впоследствии через Колли и Редлиха в Московскую сохранную казну. Будьте же уверены, Григорий Иванович, что я только в том случае предпринимаю что-нибудь финансовое, когда просто совестно не поднять выгоду. Дело все в том, что здесь именно теперь наличные капиталы спрятались или на время увязли. Такие люди, как Ротшильд, не занимаются мелкими (с их точки зрения) оборотами — а те, которые занимались ими, — у тех капиталы компрометированы.
Теперь попрошу вас насчет векселей Дмитрия Павловича. Вы писали мне, что он весною намерен уплатить их, потрудитесь спросить Дмитрия Павловича, не позволит ли он в том случае, если он не заплотит до мая месяца (и это положительно), передать вексель Егору Ивановичу, разумеется, если Егор Иванович согласится тотчас выплатить, о чем я попрошу вас и у него спросить, — выгода для него очевидная в увеличении процентов. Мне хочется иметь в распоряжении эти деньги; если Егор Иванович не согласится, я передам маменьке, просто можно бы переписать векселя, скоро будет им десять лет. Скажите Егору Ивановичу, что я сочту за истинное одолжение, если он это сделает, — с его стороны, а равно и со стороны Дмитрия Павловича. Жду от вас ответ на это предложение и прошу не очень медлить, ибо у меня еще есть разные проекты.
Егор Иванович всё покупает домы. Я очень был бы не прочь купить в Москве вместо моего бывшего дома — новый. На всякий случай, если что-нибудь представится, то отметьте, пожалуйста. Я полагаю непременно, если не к началу, то к концу лета пуститься в обратный путь. Главное условие, во-первых, что я дороже 25 т. серебр. дома не куплю — и это уже самая
125
высшая цена, второе — дом должен быть непременно на высоком месте, с садом. Я помню возле дома Боткина на Маросейке удивительные дома. Кстати, что Егор Иванович чинит с моим домом, попросите его кончить купчую; маменька желает теперь уступить ему и тучковский — не лучше ли было бы процесс об земле вести Егору Ивановичу от своего имени, потом какая же перемена для дела, кому принадлежит дом. Я бы очень желал покончить это. Что отвечал вам департамент внешних сношений насчет доверенности из Рима? Если есть затруднение, пришлите билеты сюда, застрахованные и на имя Ротшильда с передачей мне. Кстати, скажите Данилу Даниловичу при свиданье, что Ротшильд мне говорил, что у них затрудняются второй (французской) надписью, но она необходима, без нее билет если б пропал,

то его предъявили бы как неизвестный, а потому им невозможно не гарантировать себя.
Кстати, попрошу вас, Григорий Иванович, прислать денег, т. е. идущих в расход. Вероятно, аккуратнейшие костромские крестьяне выслали сполна оброк, да и с Дмитрия Павловича следует уж теперь довольно получить. Чем больше, тем лучше. Когда вам случится писать в Кострому, потрудитесь прибавить, что я крестьянам и Шульцеву кланяюсь и желаю, чтоб их бог по-прежнему миловал.
Если случится нужная помощь Петру Александровичу или кому-нибудь из них, пожалуйста, поступайте так, как ваше преблагороднейшое чувство вам подскажет. Прощайте, Григории Иванович, буду ожидать ответа. — Если вы будете посылать билеты, то уже вместе приложите и заемное письмецо Огарева.
Жена моя вам дружески кланяется, а равно маменька и Мария Каспаровна.
На сию минуту дети здоровы. Зимы здесь совсем не было, и мы в генваре ходили в одном пальто; вторую зиму я не вижу снегу.
Жму дружески вашу руку.
А. Герце н.
Примите на себя труд отправить прилагаемую записку к Марье Федоровне.
71. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
15 (3) февраля 1849 г. Париж.
15 февраля 1849. Париж.
Я писал к вам, почтеннейший Григорий Иванович, дня четыре тому назад, но снова берусь за перо, получив ваше письмо от 2 февраля — и перед тем вексель от Редлиха и Колли
126
в 300 фунт. стерлингов. Оставя в стороне всякого рода фразы, я не знаю, как мне благодарить вас за ваше дружеское внимание, за вашу аккуратность, я знаю, как много вы заняты и притом успели составить и мой отчет — и с такой подробностью, что я бы сам не составил за год. — Благодарю и душевно благодарю вас. Что касается до моих расходов (ибо я считаю себя повинным доносить вам и о своих издержках) — они идут совершенно правильно, т. е. я издерживаю с семьею 2500 фр. в месяц и плачу маменьке в уплату занятых 10 т. сер. 1500 фр., иногда у меня остается фр. 200, иногда передерживается, а к концу года все-таки вышло так. Пожалуйста, не беспокойтесь насчет того капитала, который я взял, вы знаете очень хорошо, я не спекулятор, не мот и не игрок; вы знаете тоже, что очертя голову я бы не поступил. Кажется многим, которые судят по наружности, что я поверхностно занимаюсь финансовыми делами, — но ведь это неправда, и вы сами, я уверен, в своем сердце найдете доверие ко мне и в этом отношении. Я только не придаю этим делам той важности и не так много об них говорю, да и по совести должен сказать, что я их и не считаю первой и существенной статьей в жизни. — Таким образом, я мог бы уэкономить что-нибудь из проживаемых мною 30 т. фр.; но я думаю, теперь живется еще, семейная жизнь моя идет так покойно и так счастливо, как десять лет тому назад, когда я венчался, дети — когда здоровы — приносят с своей стороны что-то благодатное и покойное — я не хочу стеснять, стягивать эту жизнь, я не хочу из нее делать прилавка, конторы, — я иногда думаю: кто знает, что будет впереди, для чего я буду копить; но для чего, с другой стороны, я выйду из пределов дохода, для чего не увеличу его там, где это легко, где стоит нагнуться, чтоб поднять. Вот главные правила, от них я не отступаю и не имею повода раскаиваться. Увеличение средств позволяет в иных случаях протягивать руку с существенной помощью друзьям — а без этого и совесть нечиста.
Итак, об уплате от Дмитрия Павловича и думать нечего теперь, потрудитесь ему сказать, что я бы желал или чтоб он переписал заемные письма на Егора Ивановича, если он заплотит, или на маменьку, которая согласна заплатить; если ему это покажется удобнейшим, то я здесь сделаю надпись и засвидетельствую у консула. Егору Ивановичу было бы всего удобнее — оно же ему представляет значительное приращение дохода. Если он желает купить тучковский дом за ту цену, в которой он тогда пошел, то я вас попрошу мне опять прислать форму доверенности. Маменька соглашается.
127
Относительно Петра Александровича и Шацка я попрошу вас, Григорий Иванович, без каких-нибудь особенных случаев на 49 год Петру Александровичу переслать до будущего января не более 150 руб. сер. и столько же Аксинье Ивановне — в случае крайности можно Аксинье Ивановне прибавить еще 50 сер, Я потому упоминаю об этом, что я Петру Александровичу сверх того раза три имел случай посылать денежные гостинцы. — Костромские крестьяне опять отличились своей аккуратностью. Я было писал к Егору Ивановичу насчет продажи их, но решительно передумал. Это именье я ни за что не продам — я имею насчет его совсем иные виды. — Маменька позволяет Петру Александровичу жить в ее доме (пока он ее), да нельзя ли

сладить, чтоб он был на хлебах у Прасковьи Андреевны, — все это в предположении, что ему действительно нужно для здоровья жить в Москве.
Вере Артамоновне потрудитесь от меня подарить 5 руб. сер. на чай. А маменька просит, буде ей что нужно (да, кажется, она получает какой-то оклад), то записать в ее счет.
Я недавно купил здесь очень хорошие виды Москвы. Здания напомнили многих — между прочим, и вид Девичьего монастыря и вороты, в которые мы с вами тогда шли за покойником, — и так живо припомнилась прошлая жизнь, со всеми подробностями и с Верой Артамоновной... время идет, идет.
Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович, жму дружески вашу руку.
Весь ваш А. Герцен.
Егору Ивановичу передайте поклон. — Я не помню, что при продаже дома картина Айвазовского и несколько вещей из мебели, выговоренной прежде из огаревской, — на каком основании остались. Потрудитесь мне написать несколько слов на этот счет. Я даже не знаю (и
это оттого, что в прошлом году в Неаполе, при потере портфеля, у меня пропала записка), за все ли Егор Иванович мне заплатил — т. е. всю ли сумму за купленные им при моем отъезде вещи — мебель, карету и пр., или нет. Все-то вместе это не очень важно — но для порядка. В заключение примите (и вы меня глубоко оскорбите, если не примете в подарок такой безделицы, в сравнении с тем, что вы для меня делаете) от меня ящик с серебром, который стоит в железном сундуке, там дюжина приборов, разливательная ложка и чайные ложечки, кажется, они в ящике — примите этот незначительный подарок как дружеское внимание от нас. Маменька и жена много кланяются.
128
72. Т. А. АСТРАКОВОЙ
9 марта (25 февраля) 1849 г. Париж.
9 марта 1849.
А я потому пишу письмо с числом, что знаю, когда оно отправится — именно через четверть часа. — Ну здравствуйте. Трубку поставьте, много курить не надобно — велите лучше подать рябиновку и малиновку. Что, у вас еще ваш добрый воин, который за столом подвигал ко мне всякие спирты, говоря, что я придерживаюсь, — поклонитесь ему. Иногда вы все страшно ясно стоите передо мной — и я вспоминаю, вспоминаю, и испугаюсь наконец, на душу падает тяжелая боль. Впрочем, вы не очень жалейте, я не всякий день поминаю вас — а так — свят день до обеда. Например, получил я на днях записочку от Тимофея — я стоял вечером в перчатках и фраке, собираясь в гости, когда консьерж принес письмецо. Я прочитал его, хотел прочитать вслух — да голос как-то изменил; мне так было грустно. Записочка была проникнута любовью, и чувством глубоко трагическим, особенно напоминанье о Черной Грязи. И тут я вспомнил вас всех, и вы будто бы все стали лучше, одно светлое осталось в памяти, — но я не хотел бы ни этого света, ни такого воспоминанья — так вспоминают то прошедшее, которое невозвратно... Эх, Татьяна Алексеевна, кабы вы знали да ведали! — Я под влиянием этой записки был с неделю, скажите Тимофею, что я горячо благодарю за нее. Мне ужасно хотелось написать ему ответ, я написал — и изодрал, написал другое — изодрал, на третье нет духу и охоты...
Кланяйтесь Марии Федоровне. Я и ей хотел писать, да тоже не пишу. — Сергею жму руку. Отошлите приложенную записку. Да скажите всем нашим, чтоб они шампанского не пили — потому что здесь теперь прекрасное шампанское по 2 фр. 75 сант., т. е. 272 ассигн. — и можно ли платить вчетверо. Я скорей удавлюсь, нежели буду пить шампанское от Депре.
Письмо к М-те Бьорр!^ доставит Николай Листофорович.
Письмо ваше от 22 февраля, почтеннейший Григорий Иванович, я получил и по обыкновению тотчас принимаюсь за ответ.
73. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
20 (8) марта 1849 г. Париж.
Первое, с чего начну, — это с замечания Дмитрия Павловича — мне было больно его прочесть, не потому только, что оно
129
основано на недоразумении, а потому, что показывает неполную доверенность ко мне, — доверенность, которая очень естественно мне принадлежит по всем действиям предшествующим. Дмитрий Павлович не хотел вникнуть, что я говорил о форме, что мне не уплата нужна, а свободный капитал для оборота. Передавая Луизе Ивановне заемные письма, ничего не изменяется, я предлагал и Егора Ивановича точно с такою же мыслию; но не хотел этого сделать не предупредивши Дмитрия Павловича. Вопрос мой чрезвычайно ясен: заемные письма писаны в 1840 и протестованы в 1841 — я желал знать (основываясь на прежних ваших письмах), что лучше для Дмитрия Павловича — заплатить капитал теперь мне или оставить его за собой на имя Луизы

Ивановны или Егора Ивановича. — Из ответа видно, что Дмитрий Павлович предпочитает остаться должным, я передам вексель — возьму у Луизы Ивановны деньги, и, в сущности, все останется как было.
Но вот новый вопрос. По прошествии десятилетия — следует переписать, и что для этого нужно, прислать ли вам заемные письма и доверенность от Луизы Ивановны — напишите об этом строчку.
Сохранную записку посылаю. — При всем этом, пожалуйста, удостоверьте Дмитрия Павловича в моем искренном уважении и в том, что я прошу его считать во всяком случае на меня — хоть вполовину столько, сколько я считаю на него. Я уверен, что вам не придется раскаиваться. Впоследствии я еще яснее докажу необходимость мной предложенных мер.
Прилагаю доверенность на дом. Скажите Егору Ивановичу, что хотя маменька и согласна и я также на его цену 11 500 асс., — но что я не могу не заметить, что уменьшение это не совсем справедливо, Егор Иванович не считает сделанных поправок. Впрочем, я считаю это дело конченным и прошу вас полученные деньги положить в Воспитательный дом — на неизвестного.
Я попросил бы вас принять на себя труд спросить у Егора Ивановича, сколько именно всего дано было Вере Артамоновне из денег, которые он мне был должен. Ибо это делается на счет маменьки. Остальные деньги 2900 асс. все равно пусть останутся у Егора Ивановича до особенной в них нужды. — Об картине, я совсем забыл и потому спрашивал, пусть она останется пока у г-жи Астраковой.
Маменька желает знать насчет новой мебели в тучковском доме, берет ли ее Егор Иванович. — Да, кажется, и в моем бывшем доме кое-что оставалось из мебели. — Егор Иванович может взять по собственной оценке и по соглашению с вами все что угодно.
Отпускную племяннице Савелья Гаврилова потрудитесь велеть написать, разумеется, безденежно. Это ему будет последняя
130
награда за прежнюю службу. Да вот еще важная просьба — потрудитесь мне прислать, на всякий случай, форму доверенности для заклада костромского именья в Опекунский совет. — Не забудьте, пожалуйста.
Насчет новобрачной Елизаветы Ивановны я считаю, что я все сделал, что можно было из внимания к ее положению, — но далее я решительно отказываюсь мешаться в их хозяйственные дела. Зачем они истратили деньги, — я сдержал свое обещание.
Если Петр Александрович не пишет — то, мне кажется, можно так и оставить.
Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович, много и много благодарю вас за все одолжения и дружески жму руку.
Все наши кланяются вам.
А. Герцен.
Р. Б. Зонненбергу жалованье выдать можно, но никак не долее, как за те полгода, пока дом мой еще не был продан. — Ему следовало бы быть несколько скромнее, я его не столько оставил при месте, сколько призрел его, как в богадельне.
В заключение прошу вас написать на все мои докучливые вопросы ответ поскорее.
Будьте здоровы. Здесь весна удивительная, до мая я останусь — если не прогонит холера, которая показалась.
Сейчас спрашивал я у посольских, говорят, что тысячу раз проще переписать вексель на имя Луизы Ивановны, о чем и прошу Дмитрия Павловича, все расходы на мой счет — только, сделайте одолжение, не откладывайте дела в долгий ящик. Если надпись сделана не по форме, то просто уничтожить эти и написать другие.
74. Н. П. ОГАРЕВУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ
8 апреля (27 марта) 1849 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
8е, воскресенье.
Вчера хотела было совсем отправить письмо, придумали еще отправить к Mapnn Георга, его не принимают тоже, хочет опять идти с запиской — ш жду успеха; упрямство безумия мудрено победить, я знаю ее, прощайте, и больно и тяжело за вас, друзья, — ну да уж поедемте жить вместе в Москве... Пишите как можно скорее теперь, для нас, умоляю вас.
Пять часов, — Георг был два раза, она не принимает. Может, послезавтра еще что-нибудь.
Mille saluts125[125].
131
75. Н. П. ОГАРЕВУ
9 апреля (28 марта) 1849 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
Как я жалею, что мы не послушались нашего инстинкта а твоей настойчивости, Друг; тяжелый день, вчерашний день, — Георг был опять, отказ, он оставил письмо и сейчас же получил ответ — фу! Мне не только было больно и тяжело за вас, за нее

– я была страшным образом оскорблена за человека, нельзя предположить возможности подобной злобы, низости, грязи – безумия, одним словом. Вечером у нее была Emma... но к чему подробности, маска спала, и эгоизм, один жгучий, страшный эгоизм явился во всей гидезной форме своей. Не только осторожно, быстро, как можно быстрее надо действовать. Верь мне и слушайся, непременно, непременно. Мне грустно, больно и страшно... мщение найдет везде дорогу и средство повредить. Слышишь ты это. Все последнее время мы находимся под самыми тяжелыми впечатлениями. В Москву, скорее домой, и мы отдохнем в той аллее, где гуляли с Natalie, не будем бояться преследованья пяти франков, в тот лесок, куда мы ездили с ней в кабриолетке вдвоем, и где нас подвезли к кабачку, и где кучер принимал одну из нас за мужчину. – Пишите ради вашей любви, пишите ту же минуту. Любезный друг, я начинаю решительно убеждаться, что Марья Львовна безумная, т. е. не par manière de dire127[127], а в самом деле. Она обругала М-те Георг, она даже тебя не пощадила, об нас и говорить нечего. Но, что всего замечательнее, она кое-что знала и не через нас; мне кажется, что Авдотья Яковлевна пописывает не одни романы. Впрочем, Марья Львовна притом так лжет, что не знаешь, чему верить. – Я постараюсь всемерно, чтоб она не вступала в переписку с тобой, – но удастся ли, не знаю. Как глубоко жаль, что ты не послушался меня, я чувствовал, что много дурного выйдет из этого опыта, – на сию минуту я не вижу границы, на чем она остановится, это грязная Мессалина d'un carrefour128[128], она говорит, что разочтется за все прошлые горести etc., etc.
Прощай. Тяжко, грустно. Какой-то чад, все люди свихнулись.
9 апреля.
Сократ слаб и бесхарактерен.
Я тебе ставлю в обязанность тотчас отвечать, я только твоего ответа и буду здесь ждать, к 1 маю/18 апреля я его должен получить.
132
126[126] Вписано рукой Герцена. 127[127] иносказательно (франц.). 128[128] с перекрестка (франц.). – Ред.
Я стареюсь не по дням, а по часам... пожить бы с вами порадоваться на вас – и вдали, вдали, в глуши.
Рукой Н. А. Герцен:
Нам необходим ваш ответ, что и как, и когда, и куда? Сию минуту пишите.
76. Г. ГЕРВЕГУ
Середина июня 1848 г. – 18 (6) апреля 1849 г. Париж.
J'ai encore aujourd'hui un petit mal de tête et je dois m'excuser pour la partie de plaisir; il m'est désirable de ne pas aller assister à la chasse au Vasbenter. – Ne m'en voulez pas. Pendant le jour je tâcherai de vous voir.
На обороте: Monsieur Herwegh.
Перевод
У меня и сегодня еще немного болит голова, и я должен отказаться от увеселительной прогулки; мне не хотелось бы принимать участие в охоте на Васбентера. – Не сердитесь на меня. Я постараюсь повидать вас в течение дня.
На обороте: Господину Гервегу.
77. Г. ГЕРВЕГУ
19 (7) апреля 1849 г. Париж.
Cher Herwegh, je crois que vous m'en voulez. «Grâce, grâce pour moi!» (Robert non Macaire, Meyerbeer). J'étais tellement ivre que ce n'est que lorsque je suis arrivé à la maison que j'ai compris toute la bêtise, lâcheté, assassinat et fratricidité de vous avoir planté dans un café. – Je suis vraiment tout triste et tout malade de cela, je ne prendrai plus de bourgogne, «adieu, les champs-bertins» (Jungfrau uon Orleans, Schiller).
Ecoutez, Herwegh, vous me pardonnerez pour mon repentir sincère et chrétien – et vous viendrez prendre votre repas chez nous, aujourd'hui, pour consoler votre ami, tout traître qu'il est.
Ce 19 avril.
На обороте: Monsieur Herwegh. Rue etc (Subintelligitur).
Рукой Н. А. Герцен:
N'est-ce pas que Herzen est triste? Et comment n epas l'être!!! Suprême pouvoir ?
133
Перевод
Дорогой Гервег, мне сдается, что вы на меня сердитесь. «Пощады мне, пощады!» (Робер – не Макер, а Мейербера). Я был так пьян, что, только придя домой, понял всю глупость, низость, убийственность и братоубийственность того, что бросил вас в кафе. Право же, я огорчен и очень расстроен этим и не буду больше пить бургундского «Прощайте, поля Бертена» («Jungfrau von Orleans». Schiller). Послушайте, Гервег, вы должны извинить меня ради моего искреннего христианского

раскаяния и прийти сегодня к нам отобедать, дабы утешить вашего друга, пусть он и предатель.
19 апреля.
На обороте: Господину Гервегу.
Улица (SubinteШgitur129[129]).
Рукой Н. А. Герцен:
Не правда ли, Герцен печален? И как ему не быть печальным!!! Верховная власть ?.
78. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
21 (9) апреля 1849 г. Париж.
21 апреля 1849. Париж.
Письмо ваше, почтеннейший Григорий Иванович, я получил третьёгодня вечером, вчера написал доверенность и в ожидании ее возвращения от консула принимаюсь за ответ. — Насчет мебели большого дома я совершенно согласен все отдать Егору Ивановичу — как было писано; но там оставались две-три вещи, которые когда-то выговаривал из своей мебели Огарев (кажется, письменной стол, креслы — вообще очень немного), об них я спишусь с ним. Остальное, разумеется, не считая книг и каких-нибудь вещиц, — всё к услугам, вечному и потомственному владению Егора Ивановича. Он писал мне насчет мебели Галахова, я полагаю, что ее можно оценить, а так как Галахов живет в Ницце, я напишу к нему, — вероятно, он будет даже благодарен за продажу, к его мебели принадлежит большой шкаф с стеклами, который, я думаю, дорого ему стоил и который стоял наверху у нас. Портрет его матери я попрошу Егора Ивановича где-нибудь велеть прибрать. — Мне кажется, что цена, назначенная за дом, 2000 руб. сер. в год, очень высока. Я нанял здесь на лето небольшой отель с садом за 2000 фр. в полгода — он на краю Елисейских Полей, но в центре Парижа можно найти
134
великолепную квартиру за 6000 фр., если же заплатить 8000 фр., равняющихся нашим 2000 сер., то она будет меблирована, покрыта коврами, зеркалами и пр. Притом надобно знать, что здесь называется меблировать, — сервиз, хрусталь, туалеты, кухонная посуда, постели, шелковые занавеси, одеяла... Правда, что цены в последнее время на все понизились, жить здесь для привычного дешево, к тому же почти никакой прислуги не надобно.
Мои дела и финансовые обороты до сих пор идут превосходно — посмотрите, я к вам явлюсь банкиром, хотя и не думаю, что это так скоро будет, как я предполагал; впрочем, мне без нужды торопиться не для чего, до тех пор пока вы сохраните прежнюю дружбу и готовность меня обязывать; я часто с искренной благодарностию говорю с женой о всех трудах ваших в нашу пользу. Я могу повторить в десятый раз, что вы можете быть уверены в моей полной, искренной признательности. Мы с вами странным образом во многом сочувствуем, хотя, может, и не из одних начал — вы, мне кажется, имеете доверие ко мне, как к человеку, который всю жизнь постоянно шел одним путем, — сохраните его. Это будет еще дар от вас, и мне легче будет принимать ваши одолжения, зная это.
Я вас попрошу, что касается до доверенности, начать действовать поскорее, мне помнится, что в Костроме служил в удельном ведомстве Голубев, женатый на дочери Александра Лаврентьевича (кстати, напишите мне, что его дела и его семья), еще есть капитан Клыков, знакомый Кетчеру, не могут ли они ускорить ход дела в гражданской палате.
Доверенность от маменьки я пришлю.
Так Егор Иванович и тучковский дом перестроивает. Да уж не у себя ли он и зимний сад собирается сделать? Я собираюсь ему послать план и фасад с первым пароходом через Гавр.
Здесь сильная холера. — Прощайте, будьте здоровы. Все наши вам кланяются. Марья Каспаровна, вероятно, нараспев, — потому что она сделалась такой кантатрисой, что учитель не нарадуется.
21 апреля.
Письмо залежалось целый день. Прибавлю одно, что консул сказал, что они копию и доверенность пошлют прямо в министерство иностранных дел, а потому если Опекунскому совету нужно, то он должен сам отнестись в канцелярию.
Прощайте.
135
78а. Г. ГЕРВЕГУ
Je crois qu'il faut prier l'opticien d'attendre une lettre de m-r Ogareff — qui doit nécessairement venir vers le 1 mai. — Autrement le microscope peut arriver lorsqu' Ogareff voudra quitter Pétersbourg.
На обороте: Monsieur Herwegh.
Перевод
Нужно, я думаю, попросить оптика подождать письма от г. Огарева — которое непременно должно прийти к 1 мая. Иначе микроскоп может быть доставлен тогда,

когда Огареву надо будет уезжать из Петербурга.
На обороте: Господину Гервегу.
79. Г. ГЕРВЕГУ
6 мая (24 апреля) 1849 г. Париж.
Sasonoff propose à nous deux de passer chez lui à 8 heures pour aller ensuite nous promener; si vous m'ordonnez, je viendrai vous chercher — en cas que vous ne préfériez pas chercher l'ombre dans notre jardin avant le départ.
La présence de l'honorable Sasonoff me montre de loin la possibilité d'un rafraîchissement vésuvien.
Votre serviteur démocratique et social
A. Her s x
Le 6 mai.
На обороте: Monsieur Herwegh. Rue du Cirque, 9.
Перевод
Сазонов предлагает нам обоим заглянуть к нему в 8 часов, чтобы пойти потом вместе погулять; если прикажете, я зайду за вами — если только вы до прогулки не предпочтете посидеть в тени нашего сада.
Присутствие почтенного Сазонова уже сулит мне возможность освежиться по-везувийски.
Ваш демократический и социальный слуга
А. Г е р с х
6 мая
На обороте: Господину Гервегу.
Rue du Cirque, 9.
136
80. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ
12 — 14 мая (30 апреля — 2 мая) 1849 г. Париж.
Paris, le 12 mai 1849.
Здравствуйте, Тимофей Николаевич, и дайте вашу профессорскую руку пожать за ваше письмо. Спасибо тебе, твое письмо грустно, но оно было несколько капель холодной воды на язык горячешного. Поверь мне, что мы скверно делаем, когда редко пишем, письмами приходят люди близкие по душе и далекие по расстоянию в один уровень, письма не дают на время простывать к друзьям, — а друзья — это, брат, всё, другого блага нет на свете. — Ты меня особенно утешил своим замечанием, что ты еще был молод, писавши статью год тому назад, я расхохотался сквозь слез, это так верно, это я так испытываю на себе, что мочи нет. Давно ли же это я приехал сюда из Рима, — и ведь я был шутом тогда. Нечего сказать, педагогический год мы прожили. Знаешь ли, что я думаю? Ведь Юм был прав, говоря, что понятие об личности предрассудок, что мы называем я — ряд явлений, кой-как сшитых на живую нитку воспоминанием. К. Ив. Зонненберг, когда упражнялся воспитанием Николая Платоновича, давал мне книжку с немецкими анекдотами, в которой, между прочим, был удивительно востроумный рассказ о том, как один почтительный сын берег ножик своего отца, что он раз
менял черенок и два раза лезвие, а все-таки думал, что это тот же ножик. — Мне кажется, что ты принял мою хандру за апатию (тоже и Мельгунов), нет, она не парализировала нисколько деятельности, вообще лень как-то теперь не в моде, даже приятель Марьи Федоровны, Морж, работает. Трудно вам рассказать, до какой степени здесь изживаешься, в беспрерывном раздражении, как ни удаляйся от всего, что делается, нельзя же, чтоб события не отражались в человеке. Теперь здесь совершеннейший хаос, безобразие общества распадающегося и гниющего. Мельгунов говорит: неужели для Европы остается только гибнуть в оргиях? Он слишком добр, уж и время оргий миновало, так, как, exempli gratia, в Риме в третьем столетии — можно только с симпатическим человеком вдвоем нарезаться... A propos, не пишите мне никогда, когда вы пьете Редерер, я плачу об вас, — вы плотите за [гнусное]130[130] вино 10 фр., в то время как мы пьем за целковый рупь [отличное]131[131],
137
да только шампанское у нас совсем вышло из моды, а в моде Шамбертин и Richebourg; ну, уж что там ни толкуй Депре и его 1 нрзб., если он существует, а то, что вы пьете под именем сим, это не Шамбертин — вот вино, удивительное, signori! Кстати, мы оставили бульвары для новых туристов и ходим только chez les Frères Provenceaux в Пале-Рояль, — это значит, что мы классики. — Это особенно я сообщаю Василью Петровичу, как человеку, писавшему о Шекспире как о человеке и об Испании как о земле.
13 мая.
Разумеется, я душевно рад участвовать и деньгами и чем хотите в издании «Путешествий в статистических сведений». Напиши, сколько именно вам надо, замечание о процентах, я полагаю, согрешил старик Христофорович, принимавший

меня за Ьоит1соьег132[132]. Но вот важный вопрос: уверены ли вы, что вместо выгоды Евгенью — вы не утопите деньги? И не лучше ли те же деньги взять у меня, а «Статистических сведений» не издавать? Мне кажется, что теперь нигде, никто, ничего не читает; знаете ли вы, что издания Авенариуса и Котты, начатые в 47 году, остановились? Я сам сделался финансовым человеком — и избавил Данил Даниловича от труда беречь чужие деньги. Ничего не может быть пикантнее, как мои бьенвьельянтные отношения и посещения барона де Ротшильд, который до сих пор уверен, что я граф и дурак. — Ну, да это вздор, а вот еще предложенье, и это я оставляю на твою ответственность: я прошу тебя, кому бы из вас ни занадобились деньги, тотчас адресуйся к Егору Ивановичу , он мне должен и писал, что хочет выслать, я отвечал ему, чтоб он оставил

130[130] Вместо зачеркнутого слова Герценом над строкой написано: это ложь и сделано подстрочное примечание: Поправлено при перечитывании 14 мая.

131[131] Вместо зачеркнутого слова Герценом над строкой написано: за такое же.

у себя до моего назначения, вы можете, когда хотите, получить на первый случай от 1000 до 1500 руб. асс. — а в случае большей нужды можете списаться со мной. Положение Корша мне щемит душу, хоть бы вы Сатина женили на богатой да обыграли бы его, право, стыдно ему, тем не менее от души обнимаю его. Иногда ужасно живо представляются мне ваши черты, даже малейшие оттенки, подробности костюма, так бы, кажется, и рванулся к вам. И что это, в самом деле, русская-то натура; я долгое время не знал почти никого здесь, в последние шесть месяцев, напротив, встретился с очень многими, более или менее интересными, ну, верите ли, у французов и немцев, так же как у итальянцев, такая ограниченность, такая невозможность широкой натуры, что руки опускаются.

Хотел еще писать — да нет, довольно. Скажи Мельгупову, что ноты, присланные им, я отослал Рейхелю, он очень хвалит и благодарит, но я еще не слыхал. Вот ввел же я в моду

138

свою песенку. Он пишет, что мы с Георгом поддерживаем себя в хандре, — нет, среда и неосторожное развитие да болезненная зоркость поддерживает нас обоих в хандре. Георг один русский, т. е. человек, из всех иностранцев в нем одном нет этой западной тупости, которую не прошибешь ни логикой, ни чувством, этой ограниченности падающих натур, кретинизма агонии. Наконец, он лицо, т. е. индивидуальность (о которой Юм и я думаем, что ее нет), а не цеховой, как французы, не лимфатическая абстракция, как немцы, и не противный зверь привычки, как англичане... Черт с ними со всеми. У меня одна мечта только и мелькает, вы отгадали какая? Отдохнуть с вами или и поработать, — а всего лучше поужинать; а впрочем, я с тобой не согласен, умирать я не хочу, я особенно ненавижу смерть с тех пор, как прочитал у Генле в патологии, что совсем не нужно умирать, — а главное оттого, что зрелище этого падающего мира чрезвычайно интересно.

14 мая.

Сегодня, наконец, отправлю письмо. Прощайте. Кланяйся всем. Что Петр Григорьевич? Об нем молчит £аша133[133]. Сегодня здесь выборы. Французы до сих пор не убедятся, что совершенно все равно, кого ни выберут; взять бы так, зря, 101 человека — все то же будет; зло, разъедающее их, несравненно глубже. — Я написал так, для детского чтения, еще статейку, — спроси Шевырева, отца пажей, не желает ли? Я пришлю ему в «Москвитянин».

Егору Ивановичу о деньгах уже сообщено. — Сию минуту, когда я хотел складывать письмо, услышал я, что знакомый виолончелист Мельгунова, не помню его фамильи, который вместе жил с Рейхелем, случайно подстрелен где-то в Германии, на дуэли, что ли, но только жена его пишет, что надежды нет. А славно играл он, я его слышал еще при Габенеке в 47 г., в консерватории. — Об «Профете» Мейербера многого сказать не могу, — мне не нравится.

Гейне, который лежит без задних ног и без передних глаз, написал уморительную эпиграмму, которая начинается так:

Behr der Mayer Mayerbehr

Сообщи это Каролине Карловне при моем поклоне ей и Николаю Филипповичу. Не правда ли, что это отлично, несмотря на то, что виолончелиста мне жаль, и очень.

139

Пишите, пожалуйста, — можете даже до конца октября, т. е. по-вашему до половины, адресовать прямо, это выигрыш нескольких часов: Rue de Chaillot, 111, т. е. это не три , а сто одиннадцать. Если я и уеду в С.-Мало, то concierge перешлет. А что вы, Лизавета Богдановна, помните меня или нет, и произвожу ли я в вас гуманное желание горионов, и играете ли вы Бетховена, — дайте вашу руку да поклонитесь Юлии Богдановне, я не забыл, что она когда-то удостоивала меня вниманием, — вот какая благодарность в моей душе!

Жена моя кланяется тебе и Лизавете Богдановне из письма Марье Федоровне, которое доставь.

3 часа пополудни, 14 мая.
На обороте: Тимофею Николаевичу Грановскому.
81. Г. ГЕРВЕГУ
Около 14 (2) мая 1849 г. Париж.
Votre nouvelle est très triste, si on le livrait à la Russie, il mourra dans les fers. — Et pourtant oui, nous devons avoir nos martyrs sur ces champs de bataille...
A-t-il un passeport suisse?
Перевод
Сообщенная вами новость очень печальна, если его выдадут России, он умрет в кандалах. — И все же, пусть так, нам надобно иметь своих мучеников на полях этой битвы.
Есть ли у него швейцарский паспорт?
82. Г. ГЕРВЕГУ
17 (5) мая 1849 г. Париж.
Non, Herwegh, e'est impossible, les forces humaines sont calculées... et je n'en ai plus. Occupation, préoccupation, famille, fatigue, affaires, far mente, tout enfin m'empêche d'aller (en voiture même) jusqu'à Notre-Dame — et quelle Notre-Dame — de Lorette. Oh, ayez l'amitié de m'excuser, soyez éloquent comme Jules Favre et courageux comme Jules César, dites que je suis mort de choléra ou si vous voulez — que le choléra est mort de moi.
Votre tout dévoué.
Le 17 mai.
140
Et le mal aux dents est aussi une cause suffisante d'après Baumeister.
На обороте: Monsieur
Monsieur Herwegh.
Перевод
Нет, Гервег, это невозможно, человеческие силы имеют предел... и у меня их больше не осталось. Хлопоты, заботы, семья, усталость, дела, far niente134[134], наконец, все вместе взятое не позволяет мне добраться (даже в экипаже) до собора Богоматери — и какой Богоматери — Лоретской. О, будьте другом, извинитесь за меня; будьте красноречивы, как Юлий Фавр, и мужественны, как Юлий Цезарь: скажите, что я умер от холеры, а если хотите — что холера умерла от меня.
Всецело вам преданный.
17 мая.
А зубная боль, по Баумейстеру, тоже уважительная причина.
На обороте: Господину Гервегу.
83. Г. ГЕРВЕГУ
Апрель — май 1849 г. Париж.
Es klingt wirklich wunderbar, wenn ich sage, daß ich krank bin, cher Herwegh, und ich bin auch nicht krank, aber nicht wohl, die ganze Nacht habe ich starke Kolik gehabt, jetzt geht es besser, ich wollte schon einen Arzt suchen lassen. — Reichel glaubt, daß ich schon von Cholera gestorben bin. — Ne m'en voulez pas, je suis certes plus puni que tout le monde, mais je pense qu'il faut rester encore à la maison.
Envoyez-moi la Patrie. «Lire la Patrie, quel sort...»
На обороте: Monsieur Herwegh. De la part de Yellachits junior.
Перевод
Это звучит действительно странно, когда я говорю, что я болен, cher Гервег; да я и не болен, хотя и не здоров, всю ночь у меня были сильные колики, теперь мне лучше, а я уж собирался посылать за врачом. — Рейхель думает, что я уже умер
141
от холеры. — Не сердитесь на меня, я, конечно, наказан больше всех, но думаю, что надобно еще посидеть дома.
Пришлите мне «La Patrie». «Читать „La Patrie", что за участь...»
На обороте: Господину Гервегу. От Иеллачича junior'a.
84. Н. П. ОГАРЕВУ
10 июня (29 мая) 1849 г. Виль д'Аврэ.
10 июня.
Я думаю, для полного воспитания моего скептицизма только недоставало этого мора, — и еще раз Франция отличилась. Помнишь холеру в Москве в 31 г.: сколько было благородных усилий, сколько мер, временные больницы, люди, шедшие добровольно в смотрители, и пр. Здесь правительство не сделало ничего, общество — ничего, болезнь продолжалась два месяца, — вдруг жары неслыханные (в тени 30, 320), и Париж покрылся трупами. Ни мест в больницах, ни даже дрог для трупов... трупы лежат в домах два, три дня. — Мы переехали, наконец, на несколько дней в Ville d'Avray, у меня на квартире Иван Тургенев занемог холерой, чуть не умер, —

однако отходился, — ах, брат Огарев, как сохнет ум и сердце и как жиреет тело от всего этого. Мне иногда кажется — только бы увидеться с вами, а там — будто не все равно, все глупо, все безвыходно, все бесцельно.
Ты воображаешь, что я по вкусу, а не по необходимости всякий раз обращаюсь к древнему Риму в эпоху его разложения. — Нет, сходство так велико, что вместо целых диссертаций стоит намекнуть на какое-нибудь имя, событие того времени, — и мысль не только ясна, но конкретна. Так теперь мне пришло в голову положение философов в III столетии: у них ускользнуло настоящее и будущее, с прошедшим они были во вражде, они скорбно смотрели на разрушающийся мир и на водворяемый. Я давно как-то писал об них и заключил так: «Кружок их становился теснее и теснее — с язычеством у них ничего не было общего, кроме образа жизни; христианство было недоступно их светской мудрости. Земля исчезала под их ногами — и они утешались только мыслию, что они правы; участие к ним стыло — им оставалось гордо дожидаться, пока разгром захватит и их; они умели умирать, не накупаясь на смерть и без притязания спасти мир или прославиться; они гибли безучастно к себе; они умели, пощаженные смертью, завертываться в тогу и молча досматривать, что станется с Римом. Одно благо,
142
оставшееся этим иностранцам своего времени, было утешительное сознание, что они, поняв свою истину, остались верными ей, не испугались ее. Ибо истина страшна».
Спокойная совесть и два-три друга, за неимением одного, который бы стоил троих (это — комплимент тебе), хорошее бургонское (à propos, я изобрел и ввел здесь в. употребление пить огромное количество Nuit или Помар от холеры, и очень удачно); вчера у меня Николай Иванович украл бутылку целую, а здесь достать нельзя, я даже рассердился. Кстати, займись его делами, я вообще в последнее время гораздо довольнее им.
Твое письмо в три строки, разумеется, давно получено, как не стыдно, что ты не написал ни строки потом о твоем деле.
Кстати, напиши, и непременно, прислать ли микроскоп, мы торопили, торопили мастера.
Natalie, дайте вашу руку или, лучше, просто позвольте вас поцеловать.
85. САШЕ ГЕРЦЕНУ
20 (8) июня 1849 г. Париж.
20 июня.
Прощай, Саша; мне очень жаль, что я не простился с тобой. Учись хорошенько и приезжай потом ко мне. Ты уж большой, утешай мамашу и помни часто обо мне. Целую тебя.
Каппу поклонись.
Скажи Марье Каспаровне, что я с ней прощусь при свиданье в Женеве, да попроси отдать Щепкину, когда перепишет, две статейки.
Прощай.
Votre victime déplorable vous salue.
Поцелуй Колю и Тату.
86. Г. ГЕРВЕГУ
Depuis que je suis levé, je n'ose toucher à rien, on peut penser que je suis excommunié ou lépreux — je crains de marcher, je suis presque épileptique, partout il me semble que vous m'avez préparé des guets-apens...
L'idée des 4 mendiants est sublime, sublime, cela a surpassé mon imagination. L'idée... non la forme de Marianne, quoique ne surpassant pas l'imagination, est bonne sinon belle.
143
Et il n'est que 7 et 1/2 — que dirai-je, malheureux, à 11 et 55 minutes du soir.
Ganz Ihr Opf er.
Перевод
Ваша злосчастная жертва приветствует вас.
С тех пор как я встал, я не смею ни к чему прикоснуться, можно подумать, что меня отлучили от церкви или я прокаженный, — я боюсь шагу ступить, я почти как эпилептик; мне кажется, что вы мне всюду расставили ловушки...
Идея 4-х нищих восхитительна, восхитительна, это превзошло мое воображение. Идея... но не форма Марианны, хотя и не превосходит воображение, — хороша, если не прекрасна.
Еще только 7 1/2 — что я скажу, несчастный, в 11 часов 55 минут вечера?
Voulez-vous m'attendre, je viendrai vous chercher pour aller à la chasse des journaux et du bourgogne à 8 heures...
Ganz ihr Opfer 135[135].
Votre A.
Перевод
Подождите меня, пожалуйста, я зайду за вами в 8 часов, и мы отправимся охотиться

за газетами и бургонским...
Ваш А.
88. Г. ГЕРВЕГУ
Середина июня 1848 г. — 20 (8) июня 1849 г. Париж.
Eh bien, cher Herwegh, la villeggiatura aura-t-elle lieu aujourd'hui? Je suis tout prêt, nous attendons vos ordres. Dites à quelle heure nous nous rencontrerons et où — chez vous, chez moi?..
Nous avons passé ces deux jours à Belle-Vue et d'une manière magnifique. — Vous avez donc tout le droit de remettre jusqu'à
demain ou après-demain notre voyage, en tout cas Herzen proponit et Herwegh disponit.
A. Herzen.
Ma femme désirerait même prendre un peu de repos aujourd'hui. En cas que nous n'irons pas — je proposerai d'aller voir m-r Sasonoff (père) ce soir.
На обороте: Monsieur Herwegh. De la part d'A. Herzen.
Перевод
Ну как, дорогой Гервег, состоится ли сегодня наша villeggiatura136[136]. Я вполне готов, мы ждем ваших распоряжений. Сообщите, в котором часу мы встретимся и где — у вас, у меня?..
Мы провели эти два дня в Бельвю, и провели их чудесно. Поэтому вы вправе отложить нашу прогулку на завтра или на послезавтра; как бы там ни было, Герцен ргоропй, а Гервег disponit.
А. Герцен.
Моей жене хотелось бы даже немного отдохнуть сегодня. В случае если мы не поедем, я предложил бы навестить вечером г-на Сазонова (отца).
На обороте: Господину Гервегу. От А. Герцена.
89. Г. ГЕРВЕГУ
1 января — 20 июня 1849 г. Париж.
Sasonoff vous a écrit, cher Herwegh, à 4 heures, en vous invitant de venir au Café Anglais dîner avec m-r Fazy — eh bien, venez au moins après le dîner. Nous vous attendons.
A. Herzen.
На обороте: Monsieur G. Herwegh. Rue du Cirque, 9.
Перевод
Сазонов послал вам в 4 часа приглашение, дорогой Гервег, прийти в Café Anglais пообедать вместе с г-ном Фази — так вот, приходите хотя бы после обеда. Мы вас ждем.
А. Герцен.
На обороте: Господину Г. Гервегу.
Rue du Cirque, 9.
145
90. Г. ГЕРВЕГУ
М 14 (2) апреля — 20 (8) июня 1849 г. Париж.
Cher Herwegh, dites de grâce à Sasonoff que je ne viendrai pas à l'entrevue thorique — j'ai à faire quelque chose, et ils ont choisi un diable de temps. Proudhon devient décidément sinon prince Proudonoff, au moins Herr Baron von Proudenhoff, quelle manie de scolasticisme.
Je n'ai pas écrit d'article concernant l'Abeille du Nord, mais il me semble qu'il suffirait de dire quec'est l'organe semiofficiel du gouvernement russe), le même qui comblait de compliments «le brave et l'honnête gênêral Cavaignac», qui disait que c'est à lui que revient l'honneur d'avoir arrêté la révolution européenne; cette même feuille porte aujourd'hui une amitié pour le président — qui n'est pas plus tiède que l'amitié que porte le président pour le général Ghangarnier. On parle des écrits du président, on a traduit son histoire du canon, on parle de ses soirées à l'Elysée Nationale, on fait remarquer que ce ne sont que les aristocrates qui ont l'honneur d'y assister. On est très sensible du procédé plein de délicatesse de la part du Ministère qu'il n'a pas envoyé au corps diplomatique d'invitation à l'odieuse fête du 24 Février. On raconte que le général Ghangarnier a pleuré ce jour, en disant que c'est l'anniversaire d'une bien fatale journée, où l'armée française s'est couverte de honte etc.
Comme vous serez en ville, vous pouvez m'obliger, et si vous pouvez — vous le voulez, — voilà de quoi il s'agit. Ma femme et le mari de ma femme désirent aller aujourd'hui voir Adrienne Lecouvreur — prenez deux bonnes places à la location (à 8 francs, je crois, le billet) — je crois que les dames ne sont pas admises aux stalles d'orchestre. — Au reste, moi je me rapporte à vous.
Si vous ne voudriez pas nous envoyer les billets, je pourrai les faire chercher, exempli gratia, à 5 heures.
Votre tout H.

Дорогой Гервег, скажите, ради бога, Сазонову, что я не буду на торической встрече. У меня есть кое-какие дела, а они выбрали чертовски неудобное время. Прудон решительно становится если не князем Прудоновым, то по меньшей мере Негг Baron von Prudenhoff. Что за увлечение схоластикой!
Статью о «Северной пчеле» я не написал, но, мне кажется достаточно будет сказать, что это полуофициальный орган
146
русского правительства, тот самый, который рассыпался в комплиментах «храброму и благородному генералу Каваньяку» и утверждал, что именно ему выпала честь приостановить европейскую революцию, — что этот самый листок преисполнился теперь дружеских чувств к президенту, не теплее тех, какие президент питает к генералу Шангарнье. Там обсуждают сочинения президента, перевели его историю пушки, описывают его званые вечера в Национальном Елисейском дворце отмечая, что только аристократы удостаиваются чести на них присутствовать. Там глубоко растроганы деликатностью министерства, которое не послало дипломатическому корпусу приглашения на омерзительное празднество 24 февраля. Там передают, что генерал Шангарнье плакал в тот день, говоря, что вот годовщина той роковой даты, когда французская армия покрыла себя позором и т. д.
Так как вы будете в городе, вы можете оказать мне услугу, а если можете, то и захотите. Дело вот в чем. Моя жена и муж моей жены желают пойти сегодня посмотреть «Адриенну Лекуврер». Возьмите заранее в театральной кассе два хороших места (кажется, по 8 фр. за билет). Мне кажется, что дамы в первые ряды партера не допускаются. Впрочем, полагаюсь вас.
Если вас затруднит передать нам билеты, могу послать за ними, ехетрН gratia в 5 часов.
Весь ваш Г.
91. Н. А. ГЕРЦЕН
22—23 (10—11) июня 1849 г. Женева.
Женева. 22 июня, 10 часов вечера.
Друг мой, в пять часов после обеда я приехал сюда и тотчас в дилижанс-конторе написал несколько слов к маменьке на наш адрес. — Теперь еще не могу толком прийти в себя, беспокойство, волнение последних дней, наконец, физическая усталь. Я от Парижа до Женевы не отдыхал ни минуты. В семь часов приехали мы в Лион, в половину седьмого я уже сидел на империале женевского Дилижанса, жар был убийственный, — как бы то ни было, но я здесь и первый раз от роду с каким-то бешенством выпил бутылку рейнвейну. Фази меня принял превосходно. Что-то вы... настрадались, чай, как?.. О жизнь, жизнь, она мила своей безмозглостью, все шатается, вчера на краю гадостей и мрзостей, сегодня спокойно в отеле — остается право пить и есть. — С начала дороги эгоизм самосохранения заглушал все во мне, потом вдруг все задавленное в последние дни вышло наружу — негодование, боль, а пуще всего
147
меня досадовало и мучило, что я не простился с детьми. Саша, верно, грустил обо мне. Я еще в Париже не мог вспомнить этого, чтоб слезы не навернулись на глазах. — Лишь бы мое письмо скорее дошло до тебя. Прощай. Прощайте.
23 июня.
День страшных воспоминаний. — Я отдохнул и напился превосходного кофею и все думаю и думаю, что есть ли же на свете что-нибудь глупее, как все наши опыты ловко и надолго устроивать свою жизнь. И деньги, и здоровье, и события, в которых живешь, — все это не зависит ни от нашего, ни от чьего ума, настоящее и настоящее — больше ничего. А потому торопитесь-ка сюда. По Швейцарии поездить хорошо, перед моими окнами такая прелесть —
свежесть, зелень, вода, вообще надобно попользоваться временем; Швейцарии, очень может быть, вовсе не будет. Я думаю, что с пассом будут хлопоты, в случае нужды поезжай сама в посольство или Бернацкий устроит. Да вот еще что весьма важно: надобно получить копию с крепости на дом, купленный в Париже. А потому пошли за m-r Boucault, rue Boulos, 22, — Константин знает, он же должен принести за треть от наемщика деньги; когда он принесет их, отдай ему 200 фр. от меня и спроси, не нужна ли ему доверенность, наконец, попроси копию с купчей, — это необходимо.
Ich glaube doch, daß es besser ist schlecht deutsch zu schreiben, als vortreflich russisch, denn das schlechte Deutsch wird Georg doch übersetzen. Jetzt eben war Herr Djems bei mir, ich habe ihn beinahe so aufgenommen, wie Marat die Charlotte oder Lottchen Corday, es heißt — ich stieg plastisch aus einem Bade. Er ist ein vortrefflicher Mensch. Nach zwei Minuten kam №rr Aivengo Golovine. Das ist aber doch lächerlich — eine Hegire ohne Islamiten zu sein. Was hat der Marsouin gemacht? — Adieu. Morgen schreib'ich wieder. Um 2 muß man die Briefe abgeben137[137].

Приезжайте поскорее, но только окончивши все дела. Марья Каспаровна, я и не простился с вами, да что делать. Много было пакостей на дороге, но и люди встретились, об этом когда- нибудь.
148
Ну, что ты, мой дружок Саша? А все-таки лучше бери пример с отца: хоть иногда и жестко спать, а иди той же дорогой.
Заметил ли Коля мое отсутствие?
Не забудьте взять мои рукописи у Георга, будем отсюда их печатать. У Ротшильда остались мои inscriptions de la banque138[138], после получения процентов можно их взять у него потом и хранить крепко. Всего лучше, ежели вы в путь пуститесь разом, больше достоверности. Насчет документа для Marsouin — будет отослан. Пишите, пишите и пишите. Я было сегодня утром прихворнул, да вылечился совершенно бифстеком, скажи Георгу, что я начинаю ценить рейнвейн.
Прощайте.
137[137] Все же я думаю, что лучше плохо писать по-немецки, чем превосходно по-русски, ибо плохой немецкий язык Георг все же переведет. Только что был у нас господин Джемс, я принял его почти что так, как Марат Шарлотту или Лотхен Кордэ, а именно — пластичным движением поднявшись из ванны. Он превосходный человек. Спустя две минуты пришел господин Айвенго Головин. Это однако смешно — геджра и без мусульман. Что сделал Марсуин? — До свиданья. Завтра опять напишу. В 2 часа надо сдавать письма (нем.). — Ред.
Головин преклоняется и свидетельствует.
Купи всенепременно отличный сак с чемоданом Дмитрию Михайловичу и заставь его взять.
92. Н. А. ГЕРЦЕН
24 (12) июня 1849 г. Женева.
24 июня. Женева.
Вот и еще день прошел. Бог знает что бы я дал за то, чтоб ты получила скорее весть обо мне, завтра бы, к дню рождения Саши. Что-то с вами? Иногда мне страшно, вы как-то очень одиноки, — впрочем, я много надеюсь на дружеское участие Щепкина. Скажите Марсуину, что его приятель ему пришлет рецепт, о котором он просил.
Когда ты соберешься, узнай, как можно вернее, насчет пасса, строгости на дороге непомерные. Всего лучше адресоваться в наше посольство и спросить, как сделать; вспомни, что пасс на мое имя, след., может вас подвергнуть всяким мелким неприятностям, обыску и т. п. Можешь посоветоваться с Шомбургом. Они теперь спрашивают даже детей.
Григорий Иванович должен прислать деньги; если до отъезда вашего их не получите, дай адрес в Женеву у Ротшильда и попроси M-r Macé переслать сюда poste restante; если же при вас получатся, то отдай вексель в общий счет мой с Ротшильдом и возьми денег сколько надобно. Если вексель будет на имя маменьки, то ей надобно подписать. Французские inscriptions можно оставить у Ротшильда (взяв, разумеется, расписку) и просить, чтоб он получал проценты в общий счет.
Я полагаю, что Boucault может во всем быть особенно полезен.
149
Относительно материального благосостояния я живу здесь отлично, Hôtel des Bergues, опять увидел я большие комнаты огромные окна, — т. е. не мещанские квартиры, к которым мы так привыкли в Париже. Вчера у меня обедал Головин и наш общий здешний приятель — о котором я могу сказать одно, что лучший друг не мог бы искреннее и душевнее нас принять! Знает ли Гервег assmanshauser/ское вино? Здесь в hôtel, если остаться надолго, берут по 50 фр. с рыла в неделю, да 5 фр. за комнату, — то и можно было бы остаться на сем основании здесь.
Целуй, кланяйся и обнимай всех кого следует. Еще раз душевное спасибо Леко, — я скоро ему пришлю статейку.
Здоровы ли вы? А все-таки все скверно и глупо — для того, чтоб жить, надобно быть животным.
К величайшему удовольствию, я здесь встретил уже Богаевского — через четверть часа после приезда.
Маменьку прошу пуще всего беречь векселя, а Марью Каспаровну — играть на клавикордах, себя и других веселя.
Ну, что же ты делаешь, Саша? Ловишь ли бабочек, ходишь ли гулять с Фогтом? Напиши мне что-нибудь, дружок, и поцелуй Колю и Тату.
Пишите, ради бога, как можно чаще. Да и приезжайте, наконец, сами лучше сюда. — Адресуйте просто на мое имя poste restante.
Вот тебе счет здешнего житья:
я — 50
ты — 50
Двое детей — 50 Элиза — 28

178 в неделю 672 прислуга 30 в месяц
зала 5 ф. в день, 150
на водку — 20 — 200
872
Теперь, считая 1000 за все и 250 на роскоши, т. е. вины и напитки, да 250 на экипаж и конфеты (!), выходит 1500 в месяц, и будем в великом отеле.
Головин, который нанял здесь, мне пресурьезно говорил: «Удобнее невозможно, как же — парикмахер внизу, если надобно стричься — тотчас можно послать». Это оригинальная точка зрения. А ргоров, он говорит, что если выйдут какие-нибудь затруднения насчет пасса, то адресоваться от его имени к M-r le comte de Richemont, Rue Lavoisier, 12 — попроси Гервега съездить. Впрочем, я уповаю сильно на Бернацкого.
В случае нужды можно адресоваться от Головина к M-me la c-tesse Cosse, Champs Elysés. Rue Beaujon 1 — а коли не нужно — ну так и не надобно.
93. Н. А. ГЕРЦЕН
29 (17) июня 1849 г. Женева.
29 июня 1849. Женева.
Ваше вчерашнее письмо совершенно успокоило меня и сняло тяжелое состояние духа, в котором я был в последнее время. Вечером на таких радостях я выпил с Фази в Ecu de Genève две бутылочки Кло до Вужо. Впрочем, бешеная потребность бургонского проходит совсем, коньяк почти совсем в отставке, об холере здесь и не говорят. Да и какой быть холере в этом садике, все так чисто, так светло, озеро синее, небо синее, горы белые, женщины на улицах отворачиваются, мужчины обедают в час, аристократы в 5, в десять часов вечера запирают город на ключ, а в 12 все спят. Странное дело, иных городов, как иных людей, не минуешь — сколько раз еще в России мы толковали о Женеве, и пришлось-таки в ней пожить. Оно полезно. В Швейцарии можно на практике посмотреть, что такое республика, нравы здесь приготовлены в тысячу раз больше к свободе, нежели во Франции. В первый день я пошел к Фази, позвонил, он сам вышел отпереть дверь, ни передней, ни необходимости ждать доклада; вечером мы пошли в кафе пить пиво, и тут он сказал какому-то барину, сидевшему в дыму, насчет бумаг, нужных мне, — это был главный начальник полиции. Ни галунов, ни мундиров, ни свирепых муниципалов, ни всего оскорбительного, петербургского — что там дома в Париже. Швейцарцы горды, с педантизмом, они привыкли быть века целые единственными вольными людьми, оттого во всех отелях слуги немцы, швейцарцы берут дорого за труд. Когда приехал Головин, носильщик, который принес его чемоданы, попросил с него 2 фр. или полтора. Головин ему сказал, что это слишком дорого, носильщик преспокойно ответил ему: «Зачем же вы сами не снесли — это было бы еще дешевле».
Конечно, будем здесь ездить, разумеется, не переступая швейцарской границы. Насчет убийственных посещений и приятелей — видно, от них нигде не отделаешься, надобно subir139[139], а иногда запирать двери на ключ. Что делать. Головин живет в одной отеле со мной и проходит в день раз пять советоваться то об письме Стуарту, то о письме к книгопродавцу Франку.
К характеристике нашей эпохи принадлежит то, что Фази советовал мне не ездить в Шамуни, потому что нельзя отвечать за сардинскую полицию. Мы ездили в Ферней, и я почти ничего не видал, потому что очень хорошо разглядел пикет французских жандармов. Граница Савойи и Франции возле самого города. Я полагаю, что Георг на все это улыбается, однако Фази должен же знать кое-что; без него, я думаю, и здесь бы было плоховато. Я часто думаю, если б в России на одну йоту было бы лучше, нежели теперь, то просто следовало бы ехать в Москву. Там тяжело родится будущее, в Европе тяжело околевает прошедшее.
Ни Фогта, ни Сазонова еще не видал. Найти здесь не трудно, все толпится в нескольких отелях и кафе у озера, я живу в Hôtel des Bergues. Получили ли вы мое первое письмо на имя маменьки и на наш адрес? Мне нужно знать.
Будьте осторожны. Дела обделывай с большим вниманием, была ли ты у Ротшильда, посылала ли за Буко? что и как? пиши все подробности.
Кланяйся всем. Что Щепкин, уехал или нет?
За дом уплочено за май и июнь, расписка должна быть в бюро, предупреди его, что ты едешь, и согласитесь поденно, что ли, — сверх этого, 200 фр. по уговору. Если явятся сомнительные долги — ты спишись со мной. Я остался должен в Ville d'Avray в кафе 6—50 фр. Гервегу я должен за Пушкина, за ботанику Шлейдена и за анатомический словарь, который привези. Да у меня оставалась еще его книга об электричестве, которую он сыщет. Карикатуры и картинки прошу привезти, если б можно было группу, не сломавши, доставить сюда, было бы хорошо, а не то отошли ее к Гервегу.
У Константина должна быть записка, что он получил.
Пишите часто. Можете писать просто на мое имя Poste restante.
Саша, целую тебя, благодарю за твое письмо, оно мне принесло много удовольствия,

пиши опять и приезжай сам, когда придет время, смотреть на горы. Поцелуй Колю и Тату.
Поклонись Элизе.
94. Г. и Э. ГЕРВЕГАМ и Н. А. ГЕРЦЕН
Genf ist zu groß, die Stadt müßte noch kleiner sein und gar nicht bewohnt (une honorable exception pour less maîtres d'hôtel, marchands de vins et tabacs est sous-entendue) — dann könnte man schon lustig sein Leben zubringen. Golovin sagt mir alle
152
Tage: «Wenig Leute» — und ich denke (in petto) und wenn nosh einer nicht da wäre; Golovin ist besonders beleidigt, daß hier nicht alle Frauen, die man in der Gasse sieht — omnibus gehören, sondern privatissimae sind. Er will sich verheiraten, er findet, daß es wohl feiler ist. Ich glaube, sollte die Italienerin mit Sasonoff kommen, so würde es noch wohlfeiler zu teilen mit ihm, auf eine viel mehr delikate Weise als der weise Solomon ein Individ divisieren wollte.
Bemerken Sie, daß ich heute Deutsch mit französischen Buchstaben schreibe — künftig mit russischen.
Die erste Zeit war ich böse und beleidigt, dann nahm ich meine Hegire mit Resignation, wie Mahommed. Ein Glück für uns ist Fazy — er ist außerordentlich gut gesinnt für alle, die hierher kommen; wir trinken mit ihm manchmal eine oder zwei... Flaschen, er trinkt gern, aber sagt jedesmal: «Sie trinken zu viel» und fügt dazu: «Je dois avoir la tête très libre demain matin». — «Eh bien, voilà mon malheur, — sage ich ihm darauf, — c'est que je n'ai nullement besoin d'avoir ni demain matin, ni demain soir ma tête libre».
Deux heures plus tard.
Je viens de recevoir la lettre Toutchkoff-Ogareff, un billet de ma femme et des variations sur des thèmes juridiques par Boucault. J'enverrai probablement demain la procuration. Eh bien, Satin- Ménélas, menez-la donc à Paris ou à Genève votre Hélène. II a été toujours imitateur ardent d'Ogareff et comme imitateur il faisait presque la même chose — c'est-à-dire une chose tout à fait opposée.
Interruption... Die Wäscherin ist gekommen. Ich gebe Wäsche ab! Pour vous j'en rougis. Pour moi j'en gémis... trois chaussettes... une paire + une chaussette veuve...
Mais sur quoi donc ma femme base les espérances qu'Ogareff viendra et bientôt, tout cela est dit d'une manière très légère.
On pourrait certainement passer d'une manière admirable l'hiver quelque part en Suisse, et partir ensuite pour l'Amérique ou pour la Russie — nur nicht im faulen Fisch zu bleiben.
Adieu — Georges et Emma. — Je redeviens triste...
A présent je m'adresse à ma femme des instructions de haute finance.
1) Après avoir bien pensé sur le texte de la procuration demandée par m-r Boucault je ne crois pas qu'une pareille procuration soit urgente. Il faut absolument que tu voies m-r Schomburg, je lui écrirai quelques mots140[140].
Видаешь ли ты Ивана Батистовича
140[140] Женева слишком велика; город должен быть еще меньше и совершенно ненаселенным (разумеется, за почетным исключением для хозяев гостиниц, торговцев винами, табаком и всем прочим) вот тогда жизнь могла бы быть приятной. Головин твердит мне всякий день: «Мало людей» — а я думаю (in petto про себя):«Хоть бы еще одного тут не было»; Головин особенно обижен тем, что здесь женщины, которых видишь на улице, не все принадлежат omnibus всем, а являются privatissimae строго частным владением. Он хочет жениться и находит, что так будет дешевле, я же полагаю, что если бы вместе с Сазоновым приехала эта итальянка, то еще дешевле было бы произвести с ним дележ, причем более деликатным манером, чем хотел это сделать с одним индивидом премудрый Соломон.
Заметьте, что я сегодня пишу по-немецки французскими буквами, а в дальнейшем буду писать русскими.
Первое время я был зол и обижен, потом я принял свою гиджру с покорностью, подобно Магомету. Счастье еще, что у нас есть Фази, — он необыкновенно хорошо относится ко всем, кто сюда приезжает; мы осушаем с ним иногда бутылку-другую... он пьет охотно, но каждый раз говорит: «Вы пьете слишком много» и привирает: «Завтра поутру у меня должна быть совершенно свежая голова». А я ему на это отвечаю: «Ведь вся беда в том, что мне-то нет никакой нужды быть со свежей головой ни завтра утром, ни завтра вечером».
Двумя часами позже.
Только что получил тучково-огаревское письмо, записку от жены и вариации Буко на юридические темы. Завтра, вероятно, пошлю доверенность. Ну, Сатин- Менелай,

привозите же вашу Елену в Париж или Женеву. Он всегда был самым ревностным подражателем Огарева, и, как таковой, делал почти то же самое, т. е. совсем обратное.
Прервали... Пришла прачка. Я отдаю белье! Я краснею за вас. За себя же стенаю... три носка... одна пара + один непарный...
или Камилла; если они вполне отвечают за Буко — дело другое, но он включил тут право перестроек и поправок, я никогда об этом не говорил. Его дело очень просто — получать деньги и платить их Ротшильду в мой счет. Получить копию с крепости и отдать ее тебе или, если ты уедешь, маменьке...
2) Тургеневу я из 900 отдал 200 да ты 200. Остается 500; из них он должен мне 100. Ему следует 400, а не 700. — Если его холерина прошла, то он счастливейший из смертных, завидую безмятежному счастию его в треволнениях мира сего и кланяюсь.
154
3) Из денег оставшихся ты с маменькой разделись как хочешь. Если Рейхель получит свой капитал, можно взять у него по 6 процентов, — да он же и должен еще 300 фр. Все же лучше, если бы от Григория Ивановича пришли векселя еще при тебе. Константину придется фр. 500 — награждения платьями и всякой всячиной, а не деньгами. Что хозяин дома?
Не понимаю, на чем основывает моя жена свои надежды, что Огарев приедет, и притом скоро; все это сказано очень несерьезно.
Разумеется, можно было бы прекрасно провести зиму где-нибудь в Швейцарии и уехать затем в Америку или в Россию, nur nicht im faulen Fisch zu bleiben.
Прощайте же, Георг и Эмма. — Мне опять становится грустно...
Теперь обращаюсь к своей жене с важными финансовыми наставлениями.
1) Тщательно обдумав текст доверенности, требуемой господином Буко, я усомнился, чтобы такая доверенность понадобилась срочно. Непременно побывай у господина Шомбурга, а я напишу ему несколько слов (франц. и нем.). — Ред.
На обороте: A Paris. Monsieur G. Herwegh. Rue du Cirque, 9.
95. Н. А. ГЕРЦЕН и Г. ГЕРВЕГУ
1 июля (19 июня) 1849 г. Женева.
1 июля 1849. Женева.
Вчера вечером я встретил на улице дилижанс и говорю Головину: «Пойдемте посмотреть, нет ли Фогта». Головин отвечает: «Да вот он». Я думал, что он врет, но белокурый Фогт тут как тут, а потом и Саша. — Что его прислала ты — тут ничего нет дурного, но что у Фогта не было пасса, то его чуть не засадили ждать ответа из Берна в пограничном городе — все-таки вы поступаете очертя голову. Саша здоров, а здесь будет здоровее. — Сазонов и не думает ехать, это большая неделикатность относительно Жемса, ибо такие вещи не легки. Далее, он снова затеивает разные журналы, — я желал бы очень знать мнение Гервега, Сазонов мне писал длинную грамоту. Просит тоже денег и для себя. Когда Буко принесет, пожалуй, дай ему франков 250 или 300. Скучно — никому ни слова.
Буко доверенность я написал другую. Завтра и отошлю.
Всем кланяйся, детей расцелуй. Саша рассказывал все подробности о празднике и о прочем.
Icb bitte, Sousschickender und Assmanshauser verachtender Herr und Freund, sagen Sie Ihre Meinung über die Sache, die Sasonof vorschlägt (hat er aber Ihnen nichts gesagt, so sagen Sie ihm auch nichts).
Heute keine Zeit mehr.
Hat Hей Lekko seine bulletin's bekommen? Golovine ist hier Löwe — wey mir!141[141]
141[141] Прошу соус посылающего и Асманхаузер презирающего господина и друга высказать свое мнение о деле, которое предлагает Сазонов (но если он вам ничего об этом не говорил, то и вы ничего ему об этом не говорите).
Сегодня нет больше времени.
Получил ли госполин Лекко свои бюллетени? Головин здесь лев — горе мне! (нем). — Ред.
Когда ты поедешь, можешь взять с собою документы, билеты etc.
Наконец, к Татьяне Алексеевне я напишу отсюда. Хорошо, если вы получили от Григория Ивановича, впрочем, во всяком случае увидься перед отъездом с Шомбургом и попроси все пересылать.
Записку отдай Сазонову.
96. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
1—2 июля (19—20 июня) 1849 г. Женева.
1 июля 1849. Женева.
Ваши письма, добрая и милая Татьяна Алексеевна (я наконец так стар, что могу себе позволить вас называть так), ездят по Европе, вчера мне их прислала Наташа из Парижа, который она на днях оставляет для того, чтоб отдохнуть в горах. Саша

здесь со мной. Ну вот я и прочел ваше письмо и письмо Сергея, и захотелось мне поболтать с вами — оно же бывает не часто. Отчего? Сергей Иванович, раз навсегда не спрашивайте ничему причины, это вас все математика сбивает, Юм очень дельно уничтожает всякое понятие каузальности. Искать причину значит находить смысл, разум, а его, поверьте, ни в чем нет. Отчего люди часто пишут или совсем не пишут, отчего одни умерли от холеры, а другие поехали в Америку, отчего сегодня ветер, а вчера была суббота, отчего неделю тому назад я был снедаем желанием пить бургонское, а теперь дую зельцерскую воду... в этом-то и замысловатость жизни, что она не имеет смысла, или если и имеет, то так, будто бы мерцающий, — вам скучно и вас давит тоска у Воробьевых гор, меня давит тоска и мне скучно, несмотря на Альпийские горы и на Монблан, который у меня перед глазами, — впрочем, природа еще иногда утешает, именно тем, что у нее и притязания нет на смысл, она так себе, как случится. Постарайтесь увидеться с сыном Михаила Семеновича, он многое видел на свете и может уморить со смеха лучше отца — трагическими анекдотами, которые рассказывает презабавно.

Итак, вы каждые десять лет отправляете по паре рготеББ1 БроБ1 за Рогожскую заставу. А советовать вы тоже мастерица из-за пяти тысяч верст. Неужели вы думаете, что не было все сделано, да еще ее задушевная «Юдокси» писала ей из Петербурга. — Эта женщина, «плешивая вакханка», как мы ее прозвали, помышляет еще до сих пор о своей красоте, принимает разврат за страсть и бешенство от запоя за художественую энергичность. Она еще перед моим отъездом отличилась — тут нет никакой надежды. А впрочем, почему? Жаль старика,

он слаб, но именно оттого он и перенесет, что слаб, что Мишелька с ним, она для него была вроде горошинки, которую кладут в фонтанель — без нее фонтанель может закрыться. Они счастливы теперь — чего же больше. Солить счастье впрок — дело безумное; кто теперь может месяц, неделю прожить в блаженстве взаимной любви, свежего чувства, да еще на дороге (т. е. без знакомых, ибо в это время они не нужны), да еще в теплом краю — ну о чем же тут думать вперед. Конечно, потом придет и то и другое, и смерть и болезнь, и нету денег, и жаль; трусость перед жизнию для меня противна, и я не уважаю человека, который, желая пить вино, не пьет его, чтоб не сделалась лет через десять подагра. Ну а как он умрет через пять? — К тому же их теперичные отношения гораздо благороднее. А каков Николай Михайлович — если он налицо, скажите ему и Елене, чтоб они приняли благословение издали, от друга и брата. Я рад этому случаю. Елена Алексеевна — милое существо, слишком сенситивное, но от юности и от некоторых горьких соприкосновений в домашней жизни — существо светлое, чистое; скажите ей, чтоб она волосы себе так зачесала, как бывало в Риме и Париже — ван-диковской Мадонной, и это, разумеется, пусть она сделает при муже. Ну а ты, муж, — до чего ты дожил? Я в свою сторону кой до чего дожил тоже. Поверь, саш mio, все такой вздор, такой вздор — т. е. все, за исключением exempli gratia такой МПе Hélène, т. е. Madame Hélène. Вы со временем не прогуляетесь ли эдак по минеральным — я до зимы в Швейцарии и занимаюсь естественными науками. (Как будто есть неестественные науки.)

Кстати, Сергей Иванович, помните, мы с вами собирались делить лошадей и лечить от смерти. Мысль о бесконечно долгом поддерживании организма берет в медицине корень, Генле в рациональной патологии прямо говорит: я вижу факт — все люди родившиеся умирают, — я могу это сказать о всех умерших, но где необходимость смерти или невозможность продолжать тот же химический процесс, я не вижу. Вот одолжил все курсы логики, которые обучали: «но Кай человек, след. Кай смертен». В свирепейшую холеру, которая была в Париже, я не без удовольствия заметил, что лучший доктор на земном шаре точно так же ничего не знает, как последний фельдшер в Камчатке. Великое дело в том, что истинно ученые доктора, как Райе и др., сознаются в этом... С холерой здесь были чудеса — от нее лечили чем ни попало: холодной водой и кипятком, опиумом и каломелью, коньяком и камфарой и совершенно зря. Больные мерли, другие нет — результата никакого. Точно в потемках — мало ли что можно попробовать: промывательное из чернил, разварить носовой платок и глотать

по кусочку, гладить табакеркой живот — и это называется наукой, и за это берется десять, а иной раз 15 и 20 фр.

Я все время холеры пил самые крепкие бургонские вина, ел много говядины с перцем и соями, не давал никак себе долго голодать — и не ел зараз много и был совершенно здоров.

Постарайтесь всенепременно и всебезотложно доставить приложенную цидулку Огареву, я не знаю его адреса.

Кланяйтесь всем нашим приятелям и друзьям. Писать на первый случай просто A Genève (Suisse). Poste restante имяреку такому-то.

Ну и довольно. Земно кланяюсь.

2 июля.

Что касается до ваших идей об воспитании, в них одна сторона совершенно справедлива (и, по счастию, с этой стороны воспитание наше оправдывается фактом); что и как писала моя жена, не знаю, но пишет обыкновенно под влиянием минуты. Искусственная среда, в которой мы живем, заставляет искусственно развивать детей. По счастию, натуры крепкие и здоровые вырабатываются сквозь всего на свете. Во всей Европе (кроме некоторых частей Германии) воспитание домашнее и публичное на самой дикой степени схоластики, про Францию и говорить нечего, во Франции выучиваются превосходно разные специалисты (химики, медики, механики) — но общего образования ни на грош, они заменяют пошлыми сентенциями и болтовней — всю сумму сведений, тяготящих (и не облегчающих) немцев. A propos — французик 13 лет или 14 лет расчетлив и своекорыстен, как жид 30 лет. Что скажете о нравственном воспитании? Немец по крайней мере имеет юношеский период, и как ни смешны подчас его надзвездные мечтания — но они чистят душу и не допускают преждевременный разврат. Мелкий, подлый эгоизм в самом антигуманном значении среды, в которой вырастает француз и француженка, — отсюда не трудно понять, что для них брак и что воспитание. Об наших широких, разметистых натурах нечего и думать. В крови у немца — золотуха, у француза — сифилис. Разумеется, есть исключения, есть целые сословия, к которым это не идет; но я говорю в антитетическом смысле.
Прощайте. Кланяйтесь Марии Федоровне и всем сродникам ее.
Что Василий Петрович?
Что Петр Григорьевич и домочадец его?
Здесь, т. е. в Париже, была у Ивана Сергеевича холера — он же трус естественный, три дня сам себя оплакивал, плавая на судне по морю жизни. Выздоровел теперь.
158
Дайте знать Николаю Александровичу, что я адесь.
Nota bene.
Сергей Иванович, перечитывая, вижу, что я везде написал вы вместо ты — это просто рассеяние и отвычка здесь употреблять ты.
97. Н. А. ГЕРЦЕН, Г. и Э. ГЕРВЕГАМ
4 июля (22 июня) 1849 г. Женева.
4 июля 1849 г. Женева.
Письмо твое, разумеется, получено, а равно и Капорец явился на сцену — он вырос и сделался похож на закубанского казака. Какие 8000 фр. тебе отдал Ротшильд — я не понимаю, мне следовало с него получить по французским рентам всего 2500. (Кстати, ты можешь у него взять и по бельгийской инскрипции, которая у маменьки.) Это, стало, он отдал вперед; в таком случае никак не следовало отделять 5000 маменьке, особенно если она не намерена покупать дом или дачу в Париже. Маменька издерживает 1500 в месяц, 1000 была, стало, с 3000 хватило бы на четыре месяца. Мы издерживаем 2500 в месяц, и ты оставила только 3000 у себя. Мне кажется, лучше было бы списаться со мною. — Перед отъездом попроси непременно Шомбурга, чтоб он мне прислал окончательный расчет всех дел моих у Ротшильда, чтоб я мог знать еп Тейт1Ае142[142]. Ты можешь съездить к нему с Рейхелем и попросить, чтоб письма, пока Рейхель не уехал с маменькой, отдавали ему. После их отъезда — чтоб посылали сюда. Я очень боюсь, чтоб письмо Григория Ивановича не затерялось с векселем. Когда Буко обещал деньги и когда копию с акта? Говори всем, что я сам месяца через два буду в Париже. Но забудь, если французские инскрипции останутся у Ротшильда, взять записочку.
Здесь дачи чудесные. Не всё же мы будем ездить взад и вперед, вниз и вверх. Пока можно пожить и в hôtel. Ты напиши подробно день отъезда и в каком заведении едете, чтоб я мог приготовить все нужное. Или в «Hôtel des Bergues» или в «Ecu de Genève»...
Саша с Каппом гуляют за городом. Он третьего дня ходил да еще с Фази на детский праздник. По окончании ученья, после экзаменов, город дает детям пир; мне это ужасно понравилось, солдаты делают им на караул, музыка играет, дети с знаменами отправляются на луг, где городовые власти им
159
дают обед, и, заметьте, тут все дети, ходящие в школу, — когда они идут назад, их провожает музыка, и несколько домов были иллюминованы. Праздник этот сильно тронул меня, вот как воспитываются в свободных людей; дети привыкают к царскому почету, к уважению человеческого достоинства. Я забыл сказать, что их собирают для шествия у статуи Ж.-Жака Здесь скучно, и будет скучно во всей Швейцарии — но что здесь на деле все то, что во Франции на словах, в этом нет сомнения.
Ну что же вы поделываете в Ville d'Avray, которому мы придали историческое значение, навеки нерушимое. Когда и как собирается маменька? Я сегодня иду смотреть здешнее заведение глухонемых. Поездки я все оставил до вас, в Лозанну и пр. ...
Привези соломенную шляпу, здесь она у места.

Целую Колю и Тату. Au reste, я думаю, они меня таки и припозабыли...
Езда в дилижансе безобразная, не дают минуты отдыху, советую запастись холодным мясом для Таты и водой с вином...
«Кошше, Braut von Libanon!» — cela s'adresse à vous, Herwegh. Wir werden auf Sie warten, nicht wie die X faulen Mädchen die des Nacht's schliefen (was ein Beweis war, daß die Dirnen ganz ordentlich waren, und nichts von einem Ruejoubertischen Wachen wußten) als der Bräutigam kam (Evang. Matthei, Cap. XII, Ver. 8—10); sondern wie die anderen X Mädchen die da saßen (au Bureau des Messageries Nationales) (Idem, Ver. 11). Aber wo nehmen wir die Zehn? Wenn es darauf geht, finden wir auch diese Zahl. — Felix und Tzort sind auch hier — und der Ruße Theodor (meine Frau kennt ihn, besondere Kennzeichen sind die gesalzenen Gurken, die er brachte), Golovin et la famille Petri, dont Kapp fait partie, il ne manque que le James pour avoir les dix pucelles qui ne dorment pas, — nous avons encore comme suppléant un Russe sauvage, qui est beaucoup plus chien que Tzort. — Savez-vous ce que je pense, c'est que cette fois vous regarderez la Suisse d'un autre point de vue que vous ne l'avez fait. La vie est monotonne ici, peu de ressources, beaucoup de germanisme, de pédanterie, de calvinisme... Mais... Est-ce que la vie mesquine, bourgeoise, pleine de prétentions et de vanité de Paris nous suffisait, et quelles étaient donc les grandes distractions qui couvraient le vide de cette existence factice — des relations personnelles, cela ne se rapporte pas à Paris, dîner chez les Frères Provenceaux, aller et venir par les boulevards et s'asseoir près de Tortoni, dans une foule de coquins, de crétins, d'hommes d'Etat dans le genre de Julevécourt et de libéraux de la nuance Olinsky? Oui, il faut rompre enfin ce charme, qui nous rendait esclaves de Paris, ce n'est pas la métropole de l'humanité d'aujourd'hui, il n'y a pas de métropole, le mouvement ne s'est
160
pas concentré, peut-être le centre de gravité est hors de l'Europe, au delà des mers. Nous souffrirons partout, c'est la malédiction du développement, mais j'aime mieux la vie tranquille et sereine d'un petit bourg, qu'une immense cité qui retombe dans le crétinisme, qui vend sa liberté, ses droits pour le droit de voler et de s'enrichir, qui ne comprend plus ce qu'elle a enseigné au monde il y a 50 ans. — Notre ami commence à partager quelques idées qu'il repoussait de toutes ses forces lorsque nous avons dîné au Café Anglais; il est plus triste, très préoccupé, les temps sont difficiles à mesurer même pour Genève qui fait les montres pour toute la planète.
Au revoir donc. Ma femme m'écrit qu'elle me prépare du poivre rouge et de l'huile de menthe — elle pense donc qu'en Suisse c'est le désert de Sahara, où on ne trouve rien à manger que des voyageurs, et cela pour los lions et chacals. N'apportez pas même de sauce anglaise; primo il y a à la table d'hôte toujours des Anglais qui demandent la permission et la sauce, ensuite il y en a ici. — Mieux vaut de prendre la jumelle chez l'opticien (et que ferons nous du microscope Ogareff?).
Votre main, madame Herwegh, je vous aime beaucoup, et de tout mon cœur. Et que ferez-vous à Paris — il faut avoir l'héroïsme d'accepter les conditions de la vie, telless qu'elles sont dictées — par une démence absolue143[143].
143[143] «Гряди, невеста с Ливана!» — это относится к вам, Гервег. Мы будем ждать вас не так, как X нерадивых дев, спавших ночью (евангелие от Матфея, гл. XII, ст. 8 — 10), когда пришел жених (чем они доказывают, что были вполне порядочными девицами и не имели представления о бдениях Жуберовской улицы), а как другие десять дев, которые бодрствовали (в bureau des Messageries Nationales) (там же, ст. 11) Но где раздобудем мы этот десяток? Впрочем, если уж на то пошло, мы его наберем — Феликс и Чёрт тоже тут, потом русский человек Федор (моя жена его знает, особые его приметы — привезенные им соленые огурцы), далее Головин и семейство Петри, к которому принадлежит и Капп; недостает только Джемса, чтобы составился десяток бодрствующих девственниц, но у нас есть для замены еще один русский дикарь, куда злее Чёрта. — Знаете, я думаю, что на этот раз вы станете смотреть на Швейцарию с иной точки зрения, чем раньше. Жизнь здесь монотонна, ограниченна, в ней много германизма, педантства, кальвинизма... Но... Неужели нас удовлетворяла пошлая, мещанская, полная суетности и тщеславия парижская жизнь, и в чем состояли
О какой печати ты спрашиваешь? Я раз запечатал в лавке; а обыкновенно печатаю гербом демократического англичанина Головина.
98. Н. А. ГЕРЦЕН
главные развлечения, заполнявшие пустоту этого искусственного существования — личные связи, но Париж тут ни при чем — обедать у «Провансальских братьев», бродить по бульварам, сидеть у Тортони в толпе плутов, кретинов, государственных деятелей типа Жюльвекура и либералов оттенка Голынского? Да, надобно, наконец,

разрушить это колдовство, превращавшее нас в рабов Парижа, это не столица современного человечества, столицы нет, движение не концентрировалось. Быть может, центр притяжения теперь вне Европы, за морями. Мы будем страдать повсюду; таково проклятие роста, но я предпочитаю спокойную, безмятежную жизнь маленького городка огромному городу, который снова впадает в кретинизм, продает свою свободу, свои права за право воровать и обогащаться и уже не понимает того, чему сам учил мир 50 лет назад. — Наш друг начинает разделять иные взгляды, которые изо всех сил старался опровергнуть, когда мы обедали с ним в Cafë Anglais; он более грустно настроен, весьма озабочен, времена теперь трудные даже на мерку Женевы, изготовляющей часы для всей планеты.
Итак, до свиданья. Жена пишет, что запасается для меня красным перцем и мятным маслом; она, стало быть, полагает, что в Швейцарии — пустыня Сахара, где ничего не найдешь поесть, кроме путешественников, но это — для львов и шакалов. Не привозите даже английского соуса — во-первых, за табльдотом всегда есть англичане, которые просят разрешения и соуса, а кроме того, он здесь есть. — Уж лучше взять бинокль у оптика (а как нам быть с огаревским микроскопом?).
Вашу руку, госпожа Гервег, я вас очень, всем сердцем, люблю. А что вы станете делать в Париже? Надо обладать героизмом, чтобы согласиться жить в условиях, продиктованных абсолютным безумием (нем. и франц.). — Ред.
Письмо твое получил сейчас, и сейчас нужно отвечать, хотя я и не знаю, застанет ли оно тебя в Париже. Отчего же ты пишешь, что я мало пишу, когда я много пишу? В путь не советую пускаться, не приведя всего в ясность насчет дел. Насчет пасса — как лучше, умные люди посоветуют. Саша не пишет к тебе, потому что думает тебя завтра или послезавтра увидеть. Полагаю, что комнаты тебе будут готовы в Hôtel des Bergues; если же я вас не встречу, как Фогта и Каппа, и я не там, то в Hôtel de l'Ecu de Genève, это два шага. Скажи Гервегу, что Фази его ждет, только чтобы он не так ссорился с ним в спорах. Он печален — все ломится. Один Сазонов в надеждах по горло. Впрочем, если нужно, нельзя ли ему дать хоть бы из тех денег, которые у маменьки. — Получила ли ты мое письмо от 4-го? Я его не сам снес на почту. Прощай. Кланяйся всем. Собери мои рукописи, у Гервега два свертка. Как ты разделаешься с хозяином дома? — Насчет Шомбурга я перед отъездом все-таки советую увидеться — попроси его окончательный расчет, или по крайней мере скажи Буко, вероятно, доверенность получена, чтоб он деньги прислал с маменькой. Не меняйте много золота, французские ассигнации здесь ходят с очень малой потерей. Скажи Сазонову, что я буду ему писать особо, может завтра.
162
Или поручи Рейхелю получить и купчую, и деньги. Пожалуйста очень внимательно всё. А письма-то от Григория Ивановича нет; и об этом подобает похлопотать. Покаместь квартира в 4 этаже.
99. Э. ГЕРВЕГ и Н. А. ГЕРЦЕН
7 июля (25 июня) 1849 г. Женева.
Madame Emma... êtes-vous à Ville d'Avray? — Je le crois — et je viens vous consoler du départ de George (s'il est parti), premièrement, et cela doit beaucoup soulager votre peine, il s'ennuiera ici horriblement. Je ne vois rien de mauvais dans les Genevois, mais, par malheur, je vois aussi qu'il m'est impossible de ne pas voir (sans employer des moyens trop radicaux de Justinien envers Bélisaire) notre Anglais Golovine. George sera donc forcé de le voir aussi. Ensuite, moi je suis devenu d'une stupidité inouïe, d'une sobriété qui dépasse tout ce qu'on raconte des stylites et autres fous en Dieu des déserts de la Thébaïde; je me couche à 10 heures 1/2 et je me lève à 6 (assis sur mon lit). La cuisine de Genève me déprave, l'élément germanique avec ses ragoûts sauvages — m'infiltre des idées de conservateurs et des vertus des hommes qui ne sont pas capables d'avoir des vices. Donc vous voyez quel déplaisir aura George de cet agrément. En cas que George n'est pas parti — je commencerai à consoler ma femme et non pas la sienne144[144].
Если ты не уехала — то поезжайте же, наконец, а то ждать скучно, я уж было так и расположился вас во вторник принять. Я совершенно отвык жить в таком isolement, да и без бумаг не могу работать, да и не хочется. Может, и удастся поездить
163
хорошо — поживем — а там... а там — что там, спроси у Морица, он еще так глуп, что, может быть, и отгадает, что будет вперед. — В Америку. Итак, я жду. Саша здоров, купается, шатается; если б Каппа отрезать на пол-аршина, он бы был хороший человек.
7. Суббота. Полдень.
100. Э. ГЕРВЕГ
11 июля (29 июня) 1849 г. Женева.
Enfin notre humble salon s'est changé en filature de lettres, dans tous les coins il y a des individus plus ou moins honorables — qui vous écrivent. Madame

Herwegh, oserai-je prendre une petite part au confectionnement et approvisionnement des matériaux bureaucratiques — pour vous dire... quoi donc? — que je vous estime — mais vous le savez, que ma femme et votre mari sont arrivés — mais
144[144] Госпожа Эмма... в Виль д'Аврэ ли вы? — Полагаю,что там, и хочу утешить вас по поводу отъезда Георга (если он уехал); прежде всего, и это должно очень облегчить ваше горе, он будет здесь ужасно скучать. Я не вижу ничего дурного в женевцах, но, к несчастию, я вижу также, что мне невозможно не видеть (не прибегая к чрезвычайным мерам, примененным Юстинианом к Велизарию) нашего англичанина Головина. Георг, следовательно, будет также вынужден видеть его. Затем, сам я дошел до такой неслыханной глупости, до такой воздержанности, которая превосходит все, что рассказывают о столпниках и других в бозе юродствующих пустыни Фиваидской; я ложусь в 10 72 часов и встаю (сидя в постели) в 6. Женевская кухня меня развращает, германский элемент с его дикими рагу пропитывает меня идеями, присущими консерваторам, и добродетелями людей, не способных иметь пороки. Итак, вы сами видите, сколько неприятностей получит Георг от этих удовольствий. В случае, если Георг не уехал, я примусь утешать не его жену, а свою (франц.). — Ред.
vous le savez aussi. Cette stupidité qui m'a frappé, comme j'ai eu le triste devoir de vous informer dans ma lettre que j'ai adressée à Ville d'Avray — se développe. Et je me tais.
Перевод
Наконец, скромная гостиная наша превратилась в прядильню для писем, во всех углах сидят более или менее почтенные личности, пишущие вам. Госпожа Гервег, осмелюсь ли принять хоть незначительное участие в изготовлении и снабжении вас сими бюрократическими запасами — дабы сказать вам... что же? — Что я уважаю вас — но вы это знаете; что моя жена и ваш муж приехали, — но вы и это знаете. Тупость, которая на меня напала, как я уже счел своим печальным долгом сообщить вам в письме, адресованном мною в Виль д'Аврэ, — все развивается. И я умолкаю.
101. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
12 июля (30 июня) 1849 г. Женева.
12 июля 1849. Женева.
Вероятно, почтеннейший Григорий Иванович, вам Егор Иванович сообщил, что мы оставили Париж, зараженный страшной холерой, и хотим провести несколько времени в Швейцарии. В Цюрихе есть доктор, особенно занимающийся глухонемыми, мы хотим сделать опыт и полечить Колю, ему шестой год, это, говорят, время самое удобное. Перед отъездом денег у нас было немного, а так как надобно было снабдить
163
маменьку и взять про запас, то Ротшильд мне дал 15 000 фр. (с такой предупредительностию и без всяких условий), что самое и заставляет меня желать как можно скорее с ним расплатиться. Я ожидал от вас присылки, да, вероятно, вы уже и отправили мне или маменьке что-нибудь. Как получу, я извещу вас. Но притом все же попрошу переслать на имя братьев Ротшильд через Колли деньги по двум небольшим билетам в 2 и 6 т. — пусть они пошлют прямо к Ротшильду в открытый счет мой с ним. — Это удобнее даже, нежели посылать сюда, я с ними в сношениях, а здешних банкиров не знаю. Впрочем, если вы прежде что-нибудь послали, то это все равно. — Все денежные обороты до сих пор принесли мне самые хорошие результаты, доход, полученный мною, я снова употребил в оборот.
Я здесь на родине всевозможных часов, при первом случае вы мне позволите прислать вам образчик или, если скоро соберемся, привезть с собою.
Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович, пишите пожалуйста, адрес мой: A Genève (en Suisse). Hôtel des Bergues.
Ежели бы я и уехал куда-нибудь в горы, то все же возвращусь в Женеву. — Егору Ивановичу пришлю отсюда коллекцию швейцарских видов.
Что продажа именья Дмитрия Павловича, я почти уверен, что он не продаст — а будет дорожиться.
Потрудитесь доставить приложенное письмо Марье Федоровне, я обременяю вас этой просьбой, потому что не имею понятия о их адресе.
Жена моя много кланяется вам.
102. Э. ГЕРВЕГ
13 (1) июля 1849 г. Женева.
Le 13 juillet.
Chez nous en Russie, les hommes qui estent une vingtaine d'années dans les provinces, commencent ordinairement les lettres de cette manière: «Voulant profiter de cette occasion (la poste!) je m'empresse etc., etc. ...» Donc voulant profiter de la même manière d'une occasion très sûre, pour mettre à vos pieds les fleurs de mes sentiments, sympathies... — Après avoir accompli ce devoir — j'oserai avouer que je profite de l'occasion pour ne rien vous écrire à

vous, mais pour vous prier d'avoir la bonté de vous charger d'une commission pour M. Petri.
J'ai parlé de son affaire avec M. Fazy, il dit que la chose est faisable, mais qu'il faut pour cela ou le document qui a été ici, ou la presence de m-r Petri. Dites-lui qu'il me précise ce qu'il
165
veut, s'il ne veut pas venir en personne. Pour moi c'est tout bonnement un bonheur que je trouve l'occasion d'être utile en peu de chose à m-r Petri, qui m'a obligé d'une manière si amicale et noble.
Je profite de cette occasion très sûre pour faire un effort insurmontable et de vous faire tous les sentiments de considération, d'estime etc.
Votre main, chère Emma, je vous écris et écrirai aussi souvent que possible pour vous donner dee nouvelles de Georges. — Je ne l'ai jamais vu rire autant qu'hier: Alexandre a fait notre cicerone pendant quatre heures; vous pouvez vous imaginer le point de vue duquel nous avons étudié Genève; nous courions après lui tout essouflés par lee rues sales, étroites, où it nous montrait tout ce qu'il y avait de plus remarquable, — un chat noir, par exemple, un chien qui se transforme en poisson; un âne qui même à Genève a des oreilles aussi longues que partout, etc. — Le soir m-me Strouve est venue avec son mari, — elle a tout pour être belle et ne l'est pas, elle prend du lait et du miel pour toute sa nourriture, admire George Sand et aime Schiller, elle et son mari travaillent 6 jours et se reposent le septième145[145].
Перевод
13 июля.
У вас в России люди, прожившие в провинции около двух десятков лет, начинают обычно свои письма таким образом: «Желая воспользоваться оказией (почтой!), спешу и т. д. и т. д...» Итак, я тоже желаю воспользоваться совершенно надежной оказией, чтобы сложить у ваших ног цветы моих чувств и моего расположения; исполнив этот долг, осмелюсь признаться, что я пользуюсь оказией, чтобы ничего не писать лично вам, а попросить вас оказать любезность и взять на себя поручение к г-ну Петри.
Я говорил о его деле с г-ном Фази; он сказал, что это дело выполнимо, но для этого нужен либо тот документ, который был здесь, либо присутствие г-на Петри. Передайте ему, чтобы он точно указал мне, что ему надобно, если он не хочет приехать сам. Я просто счастлив, что представился случай хоть в чем-нибудь быть полезным г-ну Петри, который так благородно и по-дружески оказал мне услугу... Пользуюсь этой совершенно надежной оказией, дабы, напрягши все силы, выразить вам свои чувства уважения, почтения и т. д.
Рукой Н. А. Герцен:
Вашу руку, дорогая Эмма, я пишу и буду писать вам по возможности чаще и сообщать, как поживает Георг. Я еще ни разу не видела, чтобы он так смеялся, как вчера, Александр был нашим чичероне в течение
четырех часов. Вы можете себе представить, с какой точки зрения мы изучали Женеву. Мы бегали за ним, совершенно запыхавшись, по грязным, узким улицам, где он показывал нам всякие достопримечательности: черную кошку, например; собаку, превращающуюся в рыбу; осла, у которого даже в Женеве уши не короче, чем повсюду, и т. д. Вечером приходила г-жа Струве с мужем. У нее есть все, чтобы быть красивой, но она некрасива. Питается она только молоком и медом, восхищается Жорж Санд и любит Шиллера. Шесть дней они с мужем трудятся, а на седьмой отдыхают146[146].
103. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
17 (5) июля 1849 г. Женева.
17 июля 1849. Женева.
Спешу уведомить вас, почтеннейший Григорий Иванович, что я вчера получил ваше письмо от 18/30 июня, вексель получен маменькой в Париже, — и, стало, все дело будет в исправности, я очень рад, что мог так скоро заплатить Ротшильду деньги, данные им вперед. Впрочем, если вы переведете еще денег Ротшильду, это будет скорее хорошо, нежели нет, у меня же с ним открытый счет (compte ouvert) и разные дела. Деньги, переведенные по последнему векселю, должны идти 1) на уплату маменьке за долг 3 т., 2) на уплату Ротшильду, данные им вперед 8 т. фр., да 3) по оборотам у него, чтоб не брать из капитала 7 т. фр., затем мне останется тысячи три франков. Маменьке я уплатил теперь сполна 10 т., взятые на дорогу. Вообще я делами больше доволен, нежели нет. Очень благодарен вам за окончание переписки векселей — их можно прислать сюда на мое имя, застраховавши письмо.
Наташа сама пишет в Шацк, я никак не намерен Григорию Емельяновичу еще платить, тут нет здравого смысла — я не верю, чтоб он истратил свои деньги, но если б — кто же поручал, дозволил ему или просил? Моя жена писала ему, что мы даем 3000,

– их он или молодые и получили. До нас доходят часто слухи о том, что Медведевы очень теснят Елену, – гадко с их стороны, жаль, что Егор Иванович допускает, вот почему я всегда был против всех полувоспитаний, полуисправлений быта и пр. Егор Иванович ее выписал, он вступил в ее положение – для того, чтобы сделать горничную Медведевых или отдать им в кабалу. Право, не знаю, как помочь этому, разве вы посоветуетесь с Егор Ивановичем и придумаете что- нибудь.
Здесь жить чрезвычайно привольно, климат и природа изящны, нравы простые, чистые. Париж под конец мне был
167
Прощайте, желаю, чтоб письмо мое вас застало в лучшем здоровье.
Жена моя свидетельствует вам дружеский поклон.
Мой адрес: A Genève (Suisse). Hôtel des Bergues.
На обороте: Милостивому Государю Григорию Ивановичу Ключареву.
104. Э. ГЕРВЕГ
23 (11) июля 1849 г. Женева.
23 Juli 1849. Genève.
Gestern zu Folge einer Intrigue, die noch keinen Namen gefunden hat im Lexikon, hat man mir die Möglichkeit geraubt, Ihnen einige Worte zu sagen... Sie können sich denken, daß dieser Fallonische Plan von meiner Lucrez-Borgia-Frau und von ihrem Cesar-Borgia-Mann entworfen und zur Wirklichkeit gerufen war.
Ich wollte nämlich Sie unterhalten von dem schönen Plan der liberalen Regierungen, die eine ganz neue Methode anwenden wollen, um aus dem Genfer See einen Champ de la liberté zu machen und ohne viel Eidgenössisches Geld zu verbrauchen. Man drängt von allen Seiten die Flüchtlinge hierher, und wenn sie einmal da sind – am Ufer, so schreit man «Zurück aus Zürich» und erlaubt nicht hier zu bleiben, die andern Mächte haben die Faiblesse, auch «Zurück» zu schreien, da bleibt also keine Wahl.
Die Flüchtlinge müssen oder nach dem barbarischen Frankreich, oder in der See zu Grunde gehen. Freilich jeder ehrliche Mann wird den kürzesten und den am wenigsten trockenen Weg vorziehen. Man hat berechnet, daß es hinlänglich wird nur den Bodensee mit den Italienern und Franzosen hinzudrängen, um eine schöne Wiese zu machen. Dazu sagt man, daß das Gras vortrefflich wächst auf radikalen Humus. – Struve ißt keine Legume mehr, or findet, daß einem sittlichen Mann unanständig ist, von den Pflanzen, die Phanerogame sind, zu essen – er erlaubt sich nur jetzt die Fougères. Es ist wirklich schade, daß Simeon der Stylit etwas zu frühe lebte, der hätte mit Struve gekneipt. Seine Frau muß alle Tage sehr weit, so zirka 3 geographische Grade gehen und dort eine
Quelle aufsuchen, die immer gefroren ist – um allerlei unasketische Gedanken (was Gott behüte), a la glace frappieren – denn in dieser Temperatur hat der Böse keine Wirkung mehr.
Vor einer Woche brach hier eine epidemische Krankheit aus, die zwar schädlicher als die Cholera, aber milder als die Pest (die orientalische) scheint – man nennt diese Krankheit – Dictagras. Der Mann fängtan, vor zwei Stunden eine große
168
Schwere im Kopfe zu fühlen (dann muß er gleich eine Flasche Burgunder trinken) – wenn er aber nicht trinkt, so fängt er an zu diktieren und der Andre muß schreiben, und wird durch die Kontagion auch Diktoman... bei uns sind alle krank, meine Fran diktiert Herwegh russisch – weil er kein Russisch versteht, ich – Herrn Kapp deutsch – weil ich kein Deutsch verstehe, Kapp rediktiert einem Russen – weil er in Baden war (die Krankheit findet immer Ursache); am Ende Golovine diktiert meiner Frau – weil er aus Unvorsichtigkeit seine Mutter verloren hat und jetzt sie dans toutes les Russies sucht...
Verzeihen Sie, ich kann nicht mehr schreiben, Elisa schlachtet die Tata ab – wenn das einmal vorbei ist, dann werde ich fortfahren. – Adieu.
Перевод
23 июля 1849 г. Женева.
Вчера в результате интриги, которая в лексиконе еще не нашла себе названия, я был лишен возможности сказать вам несколько слов, – представьте себе, что этот фаллонический план был задуман и осуществлен моей Лукрецией Борджиа-супругой и вашим Цезарем Борджиа- супругом.
А между тем я хотел рассказать вам о великолепном плане либеральных властей, которые хотят применить совершенно новый способ, чтобы превратить Женевское озеро в «Champ de la liberté»147[147], притом без больших затрат швейцарских денег. Сюда со всех сторон теснят беженцев, а когда они, наконец, оказываются тут, на берегу, то им кричат: «Назад из Цюриха» и не разрешают здесь оставаться; другие власти тоже имеют faiblesse148[148] кричать «назад», и, таким образом, у них не остается никакого выбора. Беженцам нужно либо отправляться в варварскую Францию, либо на дно озера! Разумеется, каждый порядочный человек предпочитает

наикратчайший и, следовательно, наименее сухой путь. Рассчитали, что
147[147] «Поле свободы» (франц.).
достаточно будет спустить в Боденское озеро итальянцев и французов и зазеленеет прекрасный луг. Кроме того, говорят, что трава прекрасно растет на перегное из радикалов. Струве больше не ест légume149[149], он находит, что нравственному человеку неприлично есть явнобрачные растения, он разрешает себе теперь только fougères. Право, жаль, что Симеон Столпник жил немного рановато: они бы вместе выпивали со Струве. Его жене приходится ежедневно ходить очень далеко, примерно за 3-й градус широты, на поиски источника с вечно ледяной водой,
169
чтобы à la glace150[150] замораживать всякие (боже упаси!) неаскетические мысли, ибо нечистый при подобной температуре теряет всю свою власть.
Неделю тому назад здесь разразилась эпидемия, которая хотя и страшнее холеры, но как будто менее опасна, чем чума (азиатская), — эта болезнь называется «диктаграс». За два часа до начала заболевания у человека появляется ощущение сильной тяжести в голове, тогда он немедленно должен выпить бутылку бургундского, а ежели не выпьет, то принимается диктовать, а другой должен записывать и, сам заражаясь, также становится диктоманом... У нас все больны; моя жена диктует Гервегу по-русски, потому что он не знает русского языка; я — г-ну Каппу по-немецки, потому что не знаю немецкого языка; Капп передиктовывает это одному русскому, потому что тот был в Бадене (для болезни всегда найдется причина); наконец, Головин диктует моей жене, потому что он по неосторожности потерял свою мать и теперь ищет ее dans toutes les Russies151[151].
Извините, больше не могу писать. Элиза расправляется с Татой; когда это кончится, продолжу. Adieu.
105. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ
2—5 августа (21—24 июля) 1849 г. Монтрё.
Montreux (Canton de Vaud). 1849. 2 августа.
149[149] овощей (франц.). — Ред. 150[150] на льду (франц.).
Любезный друг, два письма от тебя глубоко потрясли меня; последнее мы прочли с Георгом в каюте на пароходе и горько сказали в один голос: «Вот оно — нам созвучное чувство, что истории ты учить не хочешь и про меня говоришь: а отчего же и не умереть тебе?» А впрочем, в самом деле доброе дело, что я не умер от холеры, здесь можно по крайней мере на время оправиться и отдохнуть. Вероятно, с тех пор вы получили мое письмо из Женевы. — Но скажу тебе откровенно: в обоих письмах твоих меня как-то болезненно удивили твои отзывы насчет Николая Платоновича. Саго шю, время строгих осуждений для нас миновало, ведь выше блага, как личные отношения, нет, а в них надобно отдаваться человеку, а не абстракции, насчет его семейных дел я писал в прошлом письме, мне удивительно, что вы, после всех опытов, смотрите еще в будущее, готовите в нем что-то... Какое будущее! Мы именно теперь, сейчас живем, должны дорожить каждой минутой, — будущее? — да скажите, пожалуйста, что будет 2 августа 50 года? Ловите
170
каждую минуту, особенно когда она полна поэзии, полноты, страсти... Ловите, а несчастие само собою прихватит, и не за это, а так, да и, наконец, зачем так высоко ставить чисто личные несчастия — не такие же ли они пути к развитию, как несчастия общие? Что проку в благоразумной безмятежности, тем более что в наше время, более, нежели когда-нибудь, случайность смеется над расчетом и дальновидностью... Сверх того, в твоих отзывах я не вижу прежней любви к нему... В промежутке я с бешенством дикого зверя сбегал выдернуть себе зуб; вот, брат, что — начинаю хиреть, но, впрочем, зубов еще осталось довольно. Мне дергали два зуба только, один в виду Уральского хребта, другой в виду С.-Бернара, все это не мешает продолжать. Николай Платонович отличается от всех нас необычайно симпатическим, широким и многогранным характером, истинностью своей, он вовсе натура не деятельная внешно, почему же ты требуешь от него труда, занятий — теперь, когда ты сам пришел к заключению, что все это vanitas vanitatum?152[152] Из его письма я вижу ясно, что он страстно любит Natalie; из твоих выходит другое. Я верю вам безгранично и объясняю так, что, разумеется, в наши лета невозможно, чтоб любовь имела тон первой любви, тон девушки в 17 лет. Для меня их любовь понятна как нельзя больше, именно по внутреннему устройству характеров. Что из этого будет или чего не будет — question oiseuse153[153]. Насчет редукции именья на 100 т. — и это не беда, да какая же необходимость иметь больше без детей?.. Разумеется, он нелепо вел дела, да только не лучше ли люди именно те, которые нелепо ведут дела. A propos к делам. Отчего же Павлов, покупая именье Николая Платоновича, перевел, как ты пишешь, только 105 т.? Весь долг состоял из 40 т. сер., а это 30 т. — Напиши об этом. Теперь насчет дела, о котором ты мне пишешь. Само собой разумеется, что я готов на все, что хотя вдали представляет вам пользу. А потому я уполномочиваю тебя брать у Павлова или

Сатина в счет долга до 25 т. асс.; до тех пор вы увидите десять раз, пойдет дело или нет, и мы можем списаться, ты можешь
152[152] суета сует? (лат.).
сначала брать у них будущие проценты (от полученных, т. е. до августа и октября нынешнего года) и в уплату, я все твои расписки приму, а если они хотят, пришлю доверенность. При этом, пожалуйста, не теряйте из вида, что время, кажется, для таких спекуляций не отличное. Впрочем, если б из этих денег занадобилось тысячи две-три для тебя или Евгения, — разумеется, бери. Еще à propos скажу Николай Александровичу, которого не знаю как благодарить за его письмо, исполненное интереса, что насчет фабрики он может взять
171
пример с моих распоряжений, они чрезвычайно просты, и я думаю, Данил Данилович может рассказать, так же, как и Григорий Иванович.
4 августа.
Смерть Галахова, которую я узнал из твоего письма, нас всех огорчила; да, он был не только благородный человек, но человек бездну страдавший, он все вопросы выносил годы целые в груди своей, для него решения, до которых он доходил, не были шуткой, к тому же у него был весь склад ума, юмора самобытный и необыкновенный, я с ним провел недели три в Ницце очень хорошо. Но он был и тогда сильно болен, и болезнь давала всем его мыслям какой-то меланхолический оттенок, который, с его юмором, заставлял хохотать до упаду, оставляя грустным. Я действительно месяца два тому назад, а может, и три, получил от него письмо очень длинное и отвечал ему на него. Найти его не так-то легко, бумаги мои в Париже и в величайшем беспорядке, со временем я пришлю Фролову, которому пожми руку.
Вчера мы целый день взбирались на одну из гор возле Монтре, день был удивительный, никто даже не чувствовал устали после 14-часового марша. Это чудные дни в наше время; вообще внутри Швейцарии хорошо, нигде нет газет, никто ничего не знает, горы, горы, дикая природа и чудные озера. Сегодня мы плывем в Женеву — посмотреть на мир, а оттуда пустимся в Унтерлакен и пойдем на С.-Бернара. Пока мы в Швейцарии, пишите в Женеву, пожалуй, адресуя Hôtel des Bergues. Где будем зимовать — не знаю, т. е. совершенно не знаю, — может, с вами; мне начинает нравиться это существование, отрезанное от будущего, не гадающее, а берущее все, что попало: гору, невшательское винцо, хорошую погоду и остаток поэтического созерцания в самом себе. Марье Федоровне сообщаю сцену из романа. 1 августа, идучи на пароход, получаю я письмо от Leopoldo, от которого мы давным-давно не имели вести; он пишет с тем же жаром, болезненно-дружеским, как вы знаете, кланяется вам, Тучковым etc., etc. и пишет, что он летом в Лондон. Письмо его было адресовано в Париж. Ну, я и иду, рад, что узнал о хорошем человеке. Вдруг мне кто-то кричит с набережной на пароход: «Да это вы?» — и Leopoldo пошел обниматься и по обыкновению кашлять от аневризма. — Давно ли? — Сейчас приехал. — Представьте, что он не думал и не гадал, хотел ехать далее, вовсе не справляясь обо мне. Он еще более исхудал, но все так же интересен. Дожидается меня в Женеве. Видите, чего не бывает; мы с ним примемся опять играть дуэты, которыми душили всех. Да кстати, мои маленькие музыкальные пьески сделали чрезвычайный успех, разыгранные
одним приятелем Рейхеля, немецким скрипачом. Я сам не ждал этого. А propos, перед моим отъездом Рейхель мне пел и играл всю «Волшебную флейту» от доски до доски, — вы, кажется, ее не знаете, советую вам или Елизавете Богдановне достать. Засим прощайте.
5 августа.
Хочу поскорее дать вам о себе весть и потому заключаю письмо, которое было приготовилось растянуться страшно. — Бывают минуты, в которые мне тяжело, сегодня одна из таких черных полос; получил разные вести, одна хуже другой — кстати, получил письмецо от Татьяны Алексеевны от 11/23 июля. Наташа вам всем кланяется, она хотела писать и начала к Марье Федоровне длинное послание — но я не хочу ждать, пора отдавать на почту.
Как здоровье Дмитрия Михайловича)?
Ну, прощайте.
Р. Б. Узнай, т. е. просто съезди к Татьяне Алексеевне и спроси, ей не нужно ли руб. 200 сер., когда будете получать, а то, кажется, и у них дело очень плохо.
На обороте: Милостивой государыне Марии Федоровне Корш.
106. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
16 (4) августа 1849 г. Женева.
16 августа 1849. Женева.
Почтеннейший Григорий Иванович! С неделю тому назад писал я к Егору Ивановичу об одной денежной и притом очень легкой операции; если он послал деньги, то не проще ли всего дать ему доверенность получить от вас костромские деньги? Между

тем, так как мне было необходимо доставить деньги Ротшильду, я просил Луизу Ивановну внести за меня билет (именной, на имя покойника Ивана Алексеевича), — билет этот был раз посылаем в Опекунский совет, но он отказал в уплате, говоря, что в завещании были условия — условия вам известны: два года не брать капитал от 9 мая 1846, — примите на себя труд предупредить,
что если Ротшильд пришлет билет, то чтобы не делали второй раз затруднений. Если б можно было ускорить костромское дело, очень бы было хорошо. Я, впрочем, Луизе Ивановне дал заемное письмо в сумме, внесенной за меня Ротшильду. Нельзя без дальних хлопот передать право на получени?е денег из совета поверенному Луизы Ивановны в Москве. Напишите, пожалуйста, поскорее. Кстати, из прежних денег я вручил маменьке 3075 р. и отдал оставшиеся на мне по прежнему займу 700 р. Таким образом, я уплатил все
173
10 000 р., полученные при отъезде. Вообще, что касается до финансовых дел, они идут так себе, кругом меня теряют люди беспрерывно, потому что непременно хотят, чтоб каждый рубль им приносил бог знает какие проценты. — Пример опасности представляет Сергей Львович, он был у маменьки перед ее отъездом из Парижа, едет домой, заводит какую-то фабрику новоизобретенных свеч, на которую уже имеет привилегию.
Прощайте, пожалуйста пишите, да нельзя ли как-нибудь ускорить костромское дельце, — вероятно, заемные письма Дмитрия Павловича давно переписаны и скреплены.
Я писал в прошлом письме насчет наличных денег (или тех, которые в маленьких билетах) — и теперь думаю, что если курс мало-мальски поднимется, то всего лучше их переслать к Ротшильду, с которым у меня открытый счет. Лишь бы только я знал, сколько и когда послано.
Адрес мой до перемены: à Genève (Suisse), Hôtel des Bergues.
P. S. Я слышал, что Дмитрий Павлович идет в отставку.
Прилагаю две записочки от Наташи, которые она просит, усердно вам кланяясь, переслать одну в Шацк, а другую Марье Федоровне.
107. Э. ГЕРВЕГ
20 (8) августа 1849 г. Женева.
20 août 1849. Genève.
Avez-vous reçu une lettre audacieusement adressée à votre nom sans insertion pour vous? Figurez-vous, je vous ai écrit une épître en sollicitant d'envoyer tout de suite chercher le cher M. Chojecky, et de lui remettre mon oltimatom — comme disent les Français — eh bien, après avoir expédié la lettre, je vois sur ma table... horreur... que l'épître est restée tranquillement. Au premier moment j'avais l'intention de punir Tata, de me divorcer avec ma femme, de tuer dans un duel votre mari, de quitter l'Hôtel des Bergues, Genève, la Suisse, l'Europe... et j'ai fini par quitter ces intentions; eh bien, pardonnez donc à un vieillard chétif qui a perdu la mémoire et les facultés intellectuelles par de longs malheurs, emprisonnement, exil, émigration, chambertin, absinthe, famille nombreuse, enfants, parents... vraiment, je m'étonne qu'on me permette encore de vivre librement et qu'on ne m'envoie pas à Charenton.
Et pourtant il n'y avait rien de très intéressant dans ma lettre, elle était grave, solennelle, comme cela arrive toujours lorsqu'un homme prend une grande résolution. — Vous devez savoir que je me suis décidé d'emprunter chez ma mère l'argent pour le cautionnement. —
174
Ce qui m'a le plus engagé, c'est l'exemple de Lola Montès qui a aussi payé à Londres un cautionnement de 25 mille francs (et je suis sûr qu'elle le perdra avant moi)...
La journalistique envahit tout le monde, ici il y a quatre projets, tout le monde parle de spécimen, de Revue, de format, et tout le monde a la bonté de vouloir me faire participer aux pertes. Je suis touché de ces marques d'amitié. Georges fait tous les jours des scènes pour le dîner; non seulement qu'il jette des regards furieux, mais des assiettes, il gronde Kapp pour la soupe, ma femme pour le gigot, m-selle Ern pour les legumes — cela augmente beaucoup au piquant — moi j'ai la responsabilité des vins.
Plaignez-moi! Plaignez-moi,
votre Pseudo-Hafis.
На конверте: A Paris. Madame
Madame Emma Herwegh. Rue du Cirque, 9.
Перевод
20 августа 1849 г. Женева.
Получили ли вы письмо, бесцеремонно адресованное вам, но без единой строки для вас? Представьте себе, я написал вам эпистолу с просьбой тотчас же разыскать

милого г-на Хоецкого и передать ему мой ольтиматдм — как говорят французы, но, отослав письмо, я
вдруг вижу — о ужас! — что эпистола к вам спокойно лежит у меня на столе... В первую минуту я возымел намерение наказать Тату, развестись с женой, убить на дуэли вашего мужа, покинуть Hôtel des Bergues, Женеву, Швейцарию, Европу... и кончил тем, что оставил все эти намерения. Простите же немощному старцу, коего многие горести, заточение, эмиграция, шамбертен, абсент, многочисленное семейство, дети, родня лишили памяти и мыслительных способностей... право, я удивляюсь, как до сих пор мне дозволяют оставаться на свободе и не отправляют в Шарантон.
И тем не менее в моем письме не было ничего особенно интересного, оно было серьезно и торжественно, как это обычно бывает, когда человек принимает важное решение. Да будет вам известно, что я решил занять у моей матери деньги, необходимые для залога. Меня побудил к этому больше всего пример Лолы Монтес, которая также внесла в Лондоне залог в 25 тысяч франков (и я уверен, что она потеряет его раньше, чем я).
Здесь все увлечены журналистикой, предлагаются четыре проекта, все говорят о пробных номерах, о журналах, форматах,
175
и все любезно предоставляют мне право участвовать в убытках. Я тронут этими свидетельствами дружбы.
Георг всякий день устраивает сцены из-за обеда. Он бросает не только гневные взгляды, но и тарелки, бранит Каппа за суп, мою жену за жаркое, м-ль Эрн за овощи — все это добавляет немало остроты к приправам, а я несу ответственность за вина.
Пожалейте меня! пожалейте меня!
Ваш Л ж е - Гафиз.
На конверте: Париж. Госпоже Эмме Гервег. Rue du Cirque, 9.
Monsieur,
108. П.-Ж. ПРУДОНУ
j'ai l'honneur de vous envoyer sous cette enveloppe une lettre pour Mrs de Rotschild et le traité signé, — c'est la réponse la plus nette à la lettre que vous avez eu la complaisance de m'écrire le 23 août.
Mais savez-vous, Monsieur, que vous avez signé le traité avec un barbare, et un barbare d'autant plus incorrigible, qu'il l'est non seulement par naissance, mais par conviction. Mon plus grand désir serait de pouvoir imprimer à la partie étrangère du journal le caractère de la haine profonde et complète pour le vieux monde, pour la civilisation agonisante; en véritable Scythe je regarde avec plaisir comment ce vieux monde, qui s'écroule, s'abîme et je n'ai pas la moindre pitié de lui; et c'est à nous qu'il appartient d'élever la voix pour témoigner que ce vieux monde — auquel nous n'appartenons qu'en partie — se meurt. Sa mort sera notre investiture.
Vos compatriotes sont bien loin de partager ces idées, moi je ne connais qu'un seul Frangais libre — c'est vous. Vos hommes révolutionnaires sont rétrogrades, ce sont les hommes du vieux monde, ils ne sont pas libres, ils sont chrétiens, sans le savoir, monarchistes, en combattant la monarchie!
Vous avez élevé à la hauteur de ia science la négation, c'est à dire l'affranchissement, l'émancipation dans la théorie — vous avez dit, le premier en France, qu'il n'y a pas de salut dans l'enceinte de ce monde en putréfaction, qu'il n'y a rien à sauver de ce qui lui appartient — que tout ce qu'il a produit est entaché d'esprit aristocratique, d'esclavage, de mépris pour l'homme, d'injustice, de monopole — la jurisprudence comme l'économie, le sens du pouvoir comme la notion de la liberté politique — et c'est pour cela que je crois que ma manière de voir d'un barbare aura vos sympathies, au moins je m'en flatte.
176
Il faut montrer dans tous les coins de l'Europe, il faut poursuivre dans les tristes récits des dernières révolutions le vieux monde, la réaction, le christianisme non pas dans les rangs de nos ennemis — c'est par trop facile, mais dans le camp de la révolution, il faut flétrir la démocratie par cette solidarité avec la royauté, il faut montrer au monde, qu'être è moitié libre est un brevet d'incapacité. Point de terreur dovant les vainqueurs, point de sentimentalisme avec les vaincus! Cette solidarité est évidente pour la France; comment ne pas comprendre que les républicains politiques et les doctrinaires dans le genre Guizot ne sont que de petites nuances, des variations sur un thème constitutionnel, c'est pour cela que la Montagne manquait au peuple de Paris, lorsqu'indigné, outré il se leva de toute sa grandeur — pour se faire mitrailler; c'est pour cela que le peuple a manqué à la Montagne lorsqu'après une année d'opprobre elle descendit dans la rue sans savoir que faire. — C'était

la même chose, Monsieur, dans toute l'Europe, les révolutionnaires ont perdu la révolution. Je connais beaucoup de personnes qui ont pris part sur le 1 premier plan dans les récentes révolutions, – ils n'ont pas l'étoffe qu'il faut pour être vainqueurs, – et bien que le monde les connaisse, ce sont les membres bavards de Francfort, de Vienne, de Berlin – qui ont perdu à l'instar de votre Assemblée nationale – la liberté de l'Europe. Au reste c'est très bien; quelle pourrait être cette liberté née dans les bras de pareilles sages-femmes? – plutôt la barbarie pour retremper nos mœurs relâchées, nos âmes efféminées. Voilà ma confession. Je fais imprimer à Zurich en Allemand un ouvrage qu'on pourrait appeler la philosophie des Révolutions de 48. – Vous me permettrez de vous offrir un exemplaire. Je prierai Mr Edmond de vous traduire quelques pages. Ce sera pour moi une lettre de recommandation etc. auprès de vous.
J'écrirai une longue lettre à Mr Edmond concernant notre plan; nous avons la possibilité d'avoir des correspondants magnifiques, par exemple nous avons déjà en vue un à Hambourg (Frœbel), un à Berlin (Siegfrid), un à Cologne (Dr. Gottschalk). Pour l'Allemagne en général nous avons engagé Mr Bamberger, – pour l'Italie Mazzini, Spini et Pinto m'ont dit qu'ils acceptent avec le plus grand plaisir l'offre d'envoyer régulièrement les nouvelles. J'ai la profonde conviction, que si l'on n'assassine pas par la main de l'inquisition de la République notre journal, cela sera la première feuille en Europe.
Je vous proposerai de fixer une petite somme pour les correspondances, quoique nous espérons d'avoir la grande partie gratis. En fixant par exemple 2000 fr. par an et en permettant à nous de disposer de la moitié – cela couvrira comme je pense les frais.
177
Nous composerons une liste très grande de noms auxquels il faut envoyer au moins une huitaine gratis, quelques exemplaires; de notre côté nous ferons des réclames dans tous les journaux radicaux, à l'exception de l'Angleterre – ou par exempie Louis Blanc pourrait ...154[154]
Перевод
Милостивый государь,
имею честь настоящим послать вам вексель для г-д Ротшильдов и подписанное соглашение, это наиболее ясный ответ на письмо, которое вы были любезны написать мне 23 августа.
Но знаете ли, милостивый государь, что вы подписали соглашение с варваром, и варваром тем более неисправимым, что он является им не только по крови, но и по убеждению. Больше всего хотелось бы мне придать иностранной части журнала характер, отражающий глубокую и безграничную ненависть к старому миру, к агонизирующей цивилизации. Как настоящий скиф, я с радостью вижу, как этот гибнущий старый мир рушится, и не испытываю к нему ни малейшей жалости. Наш долг – поднять голос и возвестить, что этот старый мир, которому мы принадлежим лишь отчасти, – умирает. Его смерть будет нашей инвеститурой.
Ваши соотечественники очень далеки от того, чтобы разделять эти идеи. Я знаю только одного свободного француза – это вас. Ваши революционеры – консерваторы; это люди
старого мира, они не свободны; они христиане, не зная того, и монархисты, сражаясь с монархией!
Вы подняли вопрос негации на высоту науки, т. е. освобождение, эмансипацию возвели в теорию; вы первый во Франции сказали, что нет спасения внутри этого гниющего мира и что спасать из того, что ему принадлежит, нечего, что все созданное им запятнано духом аристократизма, рабством, презрением к человеку, несправедливостью, монополией: юриспруденция, как и экономика, представление о власти, как и понятие политической свободы. – Вот почему я думаю, что мой взгляд на вещи, взгляд варвара, вызовет ваше сочувствие. Во всяком случае я льщу себя этой надеждой.
Надо показать во всех углах Европы, надо преследовать в печальных рассказах о последних революциях старый мир, реакцию, христианство, не в рядах наших врагов – это чрезвычайно легко, но в стане революции, надобно обличить эту круговую поруку демократии и власти; надо показать людям, что быть наполовину свободными – это патент на несостоятельность. Не нужно страха перед победителями, но не нужно
178
и сентиментальности с побежденными. Существование такой круговой поруки во Франции очевидно. Как не понять, что политические республиканцы составляют только незаметный оттенок доктринеров типа Гизо, не более как вариацию на ту же конституционную тему. Вот почему Гора не пошла с народом, когда, возмущенный, оскорбленный, он поднялся во весь свой рост, чтобы стать под расстрел; вот почему народ не пошел с Горой, когда она после года позора вышла на улицу, не

зная, что ей делать.
То же, милостивый государь, было во всей Европе, революцию погубили революционеры. Я знаю многих лиц, принимавших участие в недавних революциях, находясь на первом плане; но они сделаны не из того материала, который нужен, чтобы стать победителями. Пусть их знает весь мир, а все же не кто иной, как болтливые члены франкфуртского, венского и берлинского парламентов, погубили, по образцу вашего Национального собрания, свободу Европы. Впрочем, это очень хорошо. Какой же могла бы быть свобода, принятая руками таких повитух. Лучше варварство, оно закалит наши расслабленные нервы, наши изнеженные души.
Вот моя исповедь. Я печатаю в Цюрихе на немецком языке сочинение, которое можно было бы назвать философией революций 48 г. Разрешите преподнести вам экземпляр. Я попрошу г- на Эдмона перевести вам несколько страниц. Это послужит мне рекомендательным письмом etc. к вам.
Я напишу длинное письмо г-ну Эдмону относительно нашего плана. У нас есть возможность иметь великолепных корреспондентов. Например, у нас есть уже один на примете в Гамбурге (Фребель), то же в Берлине (Зигфрид) и в Кёльне (д-р Готшальк). Для всей же Германии мы пригласили г-на Бамбергера; что касается Италии — Маццини, Спини и Пинто сказали мне, что с величайшим удовольствием принимают предложение регулярно присылать сообщения.
Я глубоко убежден, что если наш журнал не будет убит рукой инквизиции республики, это будет лучший журнал в Европе.
Я предложил бы вам определить небольшую сумму на корреспонденции, хотя мы надеемся получать большую часть их бесплатно. Если, например, определить 2000 фр. в год и разрешить нам располагать половиной, это, думается мне, покроет расходы.
Мы составим большой список лиц, которым надо будет, по крайней мере в течение недели, посылать по нескольку экземпляров бесплатно; с своей стороны мы поместим объявления во всех радикальных журналах, за исключением Англии, или, например, Луи Блан мог бы ...155[155].
179
109. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
15 (3) сентября 1849 г. Женева.
15 сентября 1849. Женева.
Если я уже не уведомлял вас, почтеннейший Григорий Иванович, в прошлом письме о получении векселей от Колли — то уведомляю теперь, Ротшильд мне переслал их сюда. — Мы продолжаем здесь жить довольно хорошо, делая разные путешествия по Швейцарии, погода стояла удивительная, и для здоровья моей жены горный воздух много сделал пользы. Я всходил в Нижнем Валлисе на одну из самых высоких гор и встретился там с нашей русской зимой. — Маменька и Марья Каспаровна уехали в Цюрих, там есть знаменитый доктор по части глухоты, мы, вероятно, на днях тоже побываем там, но так как мы ездим, а маменька постоянно остается в Цюрихе, то я советую адресовать письма на ее имя: à Zürich (Suisse), Poste restante.
Если Петруша настолько здоров, то я прошу его сыскать в моей библиотеке сочинения Пушкина все томы, соч. Лермонтова, 1 и 2 часть, и Кольцова, «Мертвые души» Гоголя и все его сочинения, сделать из этого тюк, свозить в таможню и отправить в Цюрих к маменьке. Или нельзя ли отправить через книгопродавца?
Я очень бы желал, чтоб эта комиссия обошлась без больших хлопот. Петрушу (или кто за это возьмется) попрошу только потом оставить книги также в заколоченных ящиках. — Кроме детских, которые все без исключения пусть Петруша пошлет Марии Федоровне. Если ему или вам что нужно из книг, прошу взять. Я полагаю, ящики мои не теснят Егора Ивановича.
Мы ожидаем от вас скорого уведомления насчет костромского дела. Я имею разные хозяйственные проекты в голове, о которых напишу к вам подробно по получении от вас письма.
Кстати, попросите Егора Ивановича как-нибудь похлопотать насчет моего портрета, он засел года полтора тому назад у таможенного начальника Языкова, потому что я надписал «в контору г. Языкова», т. е. в контору агентства в Петербурге. — Нельзя ли это кому-нибудь поручить?
Засим прощайте, почтеннейший Григорий Иванович; моя жена писала к Прасковье Андреевне, которой усердно кланяюсь, чтоб она продала ее шубу и деньги вручила бы Петруше, — я полагаю, что это ему будет достаточно на очень долгое время, а потому и не думаю, чтоб нужна была еще помощь.
180
Я давно что-то не слыхал о Вере Артамоновне.
Душевно желаю, чтоб письмо мое вас нашло в добром здоровье.
Наталья Александровна и дети кланяются.
Примите на себя труд переслать прилагаемое письмецо.
Р. Б. Если нет в моих книгах последней части Лермонтова, то я попрошу купить.

110. Э. ГЕРВЕГ
Первая половина сентября 1849 г. Женева.
Ich wußte sehr gut, daß wenn Sie etwas übersetzen wollten, so wäre es ins englische vom menschlichen übersetzt, aber wo haben Sie denn gesehen, gehört, gelesen... daß man so hohe Feder (Engelsfeder) dazu gebraucht, um Barbarismen zu englisieren... Und Sie fragen, ob kein Genfer diesen Gedanken gehabt hat?.. Hab'ich denn Freunde unter den Genferbürgern? — Oder Feinde? auch nicht — und glauben Sie, daß die Menschen, die mich nicht lieben und nicht hassen, solche Vorschläge machen... Ich bitte, um prosaischer zu werden, schreiben Sie nur, wieviel haben Sie gezahlt für die Blätter, ich will wissen, ob man mich hier betrogen hat oder nicht. Sie sollten zahlen 4 Sous per Dutzen, hat man hier gesagt; wenn es mehr ist — so schicke ich durch die Messagerie.
Sagen Sie Chojecky, daß ich heute die Prokuration geschickt habe (es beißt — jetzt schicke). — Proudhon schreibt nichts. Ich glaube, daß er nicht ganz zufrieden mit meinem Brief war; ich habe geschrieben wie an einen Menschen — und er ist der große Ökonom. — J'ai fait ce que j'ai promis — j'insisterai pour avoir — non l'amitié de Proudhon, mais l'exécution du concordat — qui est le Pape et qui Napoléon? — Moi je suis, s'il faut choisir, la Papesse Jeanne et donc
votre amie
Papesse Jeanne.
Перевод
Я прекрасно знал, что уж если бы вы вздумали что-нибудь перевести, то это было бы переводом с человеческого языка на ангельский, но где же вы видели, слышали, читали... чтобы такое высокое перо (ангельское перо) употребляли для «англизирования» варваризмов, а вы спрашиваете, не пришла ли в голову кому-нибудь из женевцев такая мысль? Да разве у меня есть друзья среди женевских граждан? Или враги? Ни тех, ни других. И вы думаете, что люди, которые не питают ко мне
181
ни любви, ни ненависти, будут делать такие предложения. — Прошу вас, переходя к более прозаическому, напишите же, сколько вы заплатили за газеты, я хочу знать, обманули меня здесь или нет. Тут говорят, что вы должны были заплатить 4 су за дюжину, если вы заплатили больше, я пошлю через Messagerie156[156].
Скажите Хоецкому, что доверенность я послал сегодня (т. е. посылаю сейчас). — Прудон ничего не пишет. Мне кажется, что он остался не совсем доволен моим письмом; я писал ему как человеку, а он — великий эконом. Я сделал то, что обещал, и буду настаивать не столько на дружбе Прудона, сколько на выполнении конкордата — кто тут папа и кто Наполеон? Если уже выбирать, то я папесса Иоанна, а стало быть,
ваша приятельница
Папесса Иоанна.
111. Т. Н. и Е. Б. ГРАНОВСКИМ
8—20 сентября (27 августа — 8 сентября) 1849 г. Женева.
Рукой Н. А. Герцен:
Не знаю, отчего показалось мне, что струна дребезжит, оттого ль, что кольцо потерялось, иль влияние ваших писем, иль просто, может, пульс мой дребезжал... последняя приписка ваша опять все настроила. Вы знаете, Грановский, как в иных отношениях невыносимо малейшее несозвучье, помните — мы много говорили с вами об этом в наши прогулки в Соколове и в Москве перед отъездом. И что же в жизни, иль что же жизнь без созвучья?... От этого-то никакое горе и не может нас задавить, всемирная история и история моего сердца для меня одно и то же; минутами кажется — все гибнет, и сам гибнешь совсем — нет, тотчас отыщешь равновесие: там манкированное существованье целых народов, здесь личность прекрасней и полней всех идеалов юности; там жизнь целых столетий, погибающая нелепо, бессмысленно, бесплодно, — здесь целые столетия, расцветшие пышно, созревшие в одной жизни... Общее теперь (да и не всегда ль?), где ни коснись его, наткнешься на тысячу ножей, но нельзя ни обнять его, ни прижать крепко, крепко к груди — и чтоб остаться живым, довольно иного взгляда, иного рукожатья.
... а добрые люди не нарадуются скорому сообщенью железных дорог!
Если не истории, так научите Сашу делать те кольца, о которых вы пишете, судя по теперешним его способностям — эта наука далась бы ему легко.
Лиза, передай Марии Федоровне следующий анекдот о Наташе. Я ее уверила, что к Феде нельзя ехать, прежде чем она будет говорить по-русски. «Ну, а как поедем к Феде, мама, так папу мы не возьмем с
182
собой». — «Отчего же?» — «Да там его возьмет — знаешь...» Она не умела выразиться ясно, но видно было, что в воображенье ее представилось какое-нибудь

ужасное страшилище.
Мы пока в Женеве, а где через неделю — не знаю, да мало и интересует это меня, лишь бы климат сносен был для Саши. Коля поселился в Цюрихе, мы поедем навестить его; я на его счет совершенно спокойна: что для него делает Машенька и Луиза Ивановна, больше сделать нельзя, да и в будущее его мне как-то верится, он всех похожее на Александра.
Что твое здоровье, Лиза, меня радует немножко то, что о нем не пишут, однако все-таки напиши.
Обнимаю вас крепко.
Ваша N.
Обнимите за меня всех друзей. Что Кетчер?
Грановский, выберите для Саши русскую книгу непременно, здесь ничего нельзя достать.
112. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ
21—26 (9 — 14) сентября 1849 г. Женева.
Это писано с целью послать по почте.
Грановскому.
157[157] 26 августа 1849 г. мы видели утром Струве, а вечером ужинали с Гервегом и Якоби — о 1ешрога! Примечание А. И. Герцена.
Хочу отвечать тебе на твое письмо 25 авг/б сент.; впрочем, не для того, чтоб отвечать на него, а чтоб поговорить с тобою. Что тут говорить: разумеется, многое больно и грустно в том, что ты пишешь насчет Огарева. — Я думаю, теперь это не так. — Скажу одно слово: не лицо виновато, а, с одной стороны, фатализм среды, с другой — натура человека вообще. В этом, брат, убедись раз навсегда и не тереби личные отношения, потому что непременно дойдешь до того, что отпрянешь с негодованием. — Как я глубоко с тобою согласен, что если еще эти отношения снять, то это равняется большому куску мяса из груди. Каждая теплая, глубоко симпатическая минута ценится мною теперь как великое, последнее благо, и я готов плакать, даже готов быть на минуту довольным. — Но оставим это; ты останешься, как был, самый любящий и самый близкий из друзей мне и Огареву; он тебя называл некогда «нашей сестрой», именно по тому элементу нежности, который сохранился в тебе; не будь же строг, я чрезвычайно переменился в этом отношении, сцены и слова 46 года были бы для меня невозможны. Я иногда раскаиваюсь за тогдашнюю нетерпимость. Меня тут утешает (вот тебе натура человека), что и вы были жестоки. Отчаливай!.. nel largo oceano!158[158] — И к чёрту Grübelei! 159[159]
183
Последнее время я стал душевно поспокойнее. Я многое схоронил и примирился с горем. Странная вещь: по мере внешних утрат возвращалась снова крепость внутри, и в то время, когда я ждал совершенную апатию, когда я с ужасом предвидел, что, наконец, не только будет нечего делать, но не об чем думать, внутренняя жизнь стала вдвое нервознее, а я во всю мою жизнь не был деятельнее, как теперь. У меня натура кошки, живучая; кажется, вот сейчас и дух вон, а она царапает. Обстоятельства мало способствовали или, разве, беспрерывным раздражением и оскорблением; в самом деле, человек, наконец, находится вынужденным бросить якорь в собственной груди или перестать жить. Одно благо (сверх личных отношений, о которых мы уж говорили) не изменит, напротив, вносит в душу покой и мир, — это природа. Мы дьявольски развратились вечной жизнию в больших городах (для меня и Женева кажется невыносимо большим городом). Я живу здесь — и, краснея, признаюсь в этом — только из-за отелей: материально удобно, и газеты, и вино хорошее; но от газет я отвык и это считаю великим прогрессом; то ли дело поселиться на год где-нибудь в деревушке Обер-Бернерланда, домы есть, и люди до того далекие ко всему, что с ними можно жить близко. Климат, правда, зимой здесь плох; вот уж истинно, по выражению Тредьяковского, «Ветер дует ду» — как наладит свои bises, так дней шесть кряду, между горами, как из коридоров, — а я с заткнутыми ушами, с поднятым воротником морщусь, сержусь и играю прежалкую роль городской мыши. Зато, когда ветру нет — очень хорошо. Хотелось бы мне продвинуться еще более на юг, ad
158[158] в широкий океан! (итал.). 159[159] раздумья! (нем.). — Ред.
шБ1аг160[160] Василью Петровичу, но это — р1а Ье81ьепа161[161]. Надобно как можно больше стоять в стороне от всех толкучих рынков — на них только и услышишь, как торгаши ругаются и как с обеих сторон сражаются плуты, фразеры и фальшивые монетчики. Я не могу им помешать — но отойти могу. Человек, мне кажется, имеет совершенно столько же аутономии, как целая эпоха, как все люди вместе. Мне большие города опротивели, потому что в них несвободен, мешают, всякими дрязгами, лишние лица, лишние речи, и все это бесплодно, жвачка и себяобольщение. — На сей раз довольно.
23 сентября.
И все, что я писал о спокойствии духа, — вздор, прошло два дня, и — мне дурно,

отвратительно. Вечно, беспрестанно, везде видеть одно и то же: nuovi Мгшепй, е nuovi МгшеМаИ — устаешь, вянешь. Самая важная вещь теперь — уметь отойти, уметь глубоко презирать и в своем отдалении понять себя как
184
нечто аутономическое, — ну, попалилось же, черт возьми, выраженьице, право, иногда неясно пишешь совсем не оттого, что в голове неясно, а так, умстенды, как говорят немцы. Объясню вот как: в природе всякий зверь считает себя барином (пока его кто-нибудь не съест); он дома, ему легко с его особностью, что же за обязанность зависеть от чего-нибудь другого? — Исландия и Голландия — сами по себе, а я сам по себе, я сам — небольшая Исландия, и мы поговорим. — Щей горшок, сам большой. А вот тебе, Гранка, тема на диссертацию. Национальность или группа национальностей представляет органическое, самобытное и ограниченное существо; ограниченность непременно идет из самой личности, иначе это была бы Allgemeinheit162[162], идея, все что угодно, но не замкнутый Naturprodukt163[163]. Эту ограниченность сломить невозможно, как сделать, exempli gratia, чтобы у оленя — травоядного, не изменяя его до того, что он сделается волк, а не олень, были бы мускулы так развиты и зубы так устроены, как у льва, например. Народы — факт, — такой факт, как Альпы, как пчелы, — им тяжко от ограниченности, тяжко теми людьми, которые отрешились от породы, от времени, — ну, они и тяготись себе, а рыбы все-таки от этого летать не станут. — Чем больше, Грановский, ты взойдешь в физиологию истории, в naturwissenschaftliche Behandlung164[164] ее, тем яснее сделается для тебя, что история только и отделяется от
160[160] подобно (лат.).
161 [161] благие пожелания (лат.). — Ред. 162[162] всеобщность (нем.).
163[163] продукт природы (нем.).
природы развитием сознания, а впрочем, вовсе не покорена законам философии истории, не имеет цели, каждый народ представляет результат, la composité165[165] всякой всячины, условий климатологических и иных, тянется, складывается, выходит с горбом, выходит с зобом — il faut accepter le fait naturel166[166]. Посмотрите, как здесь бьются теперь исключительные умы, и всё по-пустому, глухие не слышат их Бетговена, слепые не видят их Рафаилов etc., etc., etc.
Вот тебе, Петр Григорич, и Гегель!
24 сентября.
Сейчас получил письмо от Огарева; вот кстати-то пришло к нашей переписке. Я читаю его письмо и в душе отпускаю все прегрешения его. Какая свежесть, сила пониманья, сколько реализма в его поэзии, и сколько поэзии в его реализме. Ты прав в твоем суждении, Да, саго шю, ты неправ тем, что прав, — сверх того, как же можно сказать, что он удовлетворяет одной стороне твоего сердца и что, если ты его любишь лично, то не находишь, так сказать, общего элемента? Да разве такое пониманье
185
не общее, не единое необходимое? Для меня истинно удивительно, как он так юн, полон душевной деятельности, едакую натуру, видно, не скоро сломаешь. Приложу к нему письмо, которое ты доставь. Еще слово: знаешь ли ты, отчего ты довольнее мною? У меня несравненно ровнее характер, коли хочешь, во мне больше натуры мула, я упорно иду по своей дороге, меня мало отвлекает, — но ведь это дело организации. К тому же семейная жизнь. Взгляни, например, на последние годы жизни Байрона. Т. Мур рассказывает об его венецианских похождениях, прикрываясь виноградным листом стыдливости, и посмотри на эти молнии, которые вырывались из этой переполненной натуры. Наконец, среда имеет страшно много влияния, здесь скорбь иначе давит, на иное наводит, нежели в Японии... etc. Скучно стало писать. Да вот еще презабавная мысль, которая нам сейчас пришла в голову и от которой мы от души расхохотались. Представьте себе, что мы проживем долго, долго, сохраним в старости энергию мысли, наше пониманье — и увидим, что наше грядущее поколение далеко отстало, что молодое поколенье будет на нас смотреть тупо и бессмысленно, так, как афинец, осиленный Силой (вот тебе и каламбур), кретиновато почитывал Фукидида. Для Запада это возможно. В восемьдесят лет быть юношей, над которым старики в 18 лет будут ругаться, золотушные, подслепые, без энергии и годные только для унавоживания полей. Какой сюжет для драмы или повести. — Я пишу только по части естественных наук — сделал разные успехи, так что и сам не надивлюсь, как здешние профессора меня считают за дельного натуралиста — о чем
165[165] конгломерат (искаж. франц.).
при случае пришлю документы, т. е. журнальные отзывцы, — «ну, оно и будет лестно вам», как говорил Михаил Александрович.
26 сентября.

Vivat!
И вдруг получаю [...]167[167] письмо; говорит, пишите, говорит, письма, говорит, и не бойтесь, говорит, почты, — говорит; это почтенно — я уж и не знаю, что писать, очень много набралось матерьялу. Возьму свежий лист, а то сей, исписанный с паническим страхом, того не достоин.
Прочти письмо [...]167 — это общее всем друзьям: весть и сообщение, я не знал, как послать вам брошюрку — посылаю на первый случай 1 экземпляр, воспользуюсь первым случаем прислать больше. — Непременно сейчас уведомь о получении письма. Выписывать брошюрку можно через Гофмана и Кампе из Лейпцига. — Целую вас и обнимаю всех от души.
186
29-го отправляюсь в Шамуни, на Монблан. Addio.
Мой адрес — до перемены сюда, но можете еще лучше писать — на имя маменьки à Zurich pour remettre à Madame Natalie — без моей фамильи.
Доставь письмо Огареву — прочти его; кажется, можно послать по почте; тут же записочка к Natalie, — вложи. Марье Федоровне и Лизавете Богдановне не пишу особо, потому что все то же бы написал.
Жму руку. Уведомь о получении письма.
На обороте: Тимофею Николаевичу. В Москве.
113. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Я писал длинное почтовое послание, как вдруг представился случай писать иначе. Случаи эти с каждым днем делаются реже — и потому тороплюсь передать все, что вспомню. Глупый день 13 июня, в который парижский народ заплатил Горе за Июньские дни 48 года, вы знаете. Тогда Гора не явилась предводительствовать колоссальным восстанием, теперь явилась Гора одна-одинехонька и разбежалась, не родивши даже мыши. Обстоятельства моего отъезда вам также известны, я был с Арнольдом Руге и Блиндом у Торе. Блинда схватили, Руге спасся бегством, тюрьмы во Франции страшны, беззаконие еще страшнее, я решился убраться, тем более что для меня 13 июня — день презрительный и глупый. Я сделал очень хорошо, ибо на другой день после отъезда моей жены явились au nom de la liberté, égalité, fraternité168[168] жандармы к моей матери, захватили все, что было письменного, даже ноты Рейхеля по дороге и, ничего не найдя, донесли русскому посольству; что донесли, ведает их душа, я знаю только, что посольство написало мне записку, в которой требовало моего появления пред сладкое лицо Киселева. Я притворился, что записки не получал, и живу здесь, пока бог грехам терпит; реакция начинает и здесь бичевать réfugiés (я не принадлежу к ним, разумеется). Куда деться, что вперед — Америка или ллгдия? — Ничего не знаю. Вот вам повествовательная часть моих похождений.
Никогда положение не было так ясно и так резко обозначено, как теперь. Политический мир издыхает, даже нет более интереса к нему; что это за мир, который вдруг ждет спасение
187
от венгров, вдруг от перемены правительственных лиц во Франции, наконец, от ссоры прусского короля с австрийским императором. Поправиться дела не могут. Вы никогда с первого раза мне не верили — а между тем и вам прокричал первое «гись, гись» после 15 мая 1848. Люди, стоявшие возле, не хотели понять роПее169[169] 15 мая. Июньские дни им подтвердили. Республика была убита, и если имя ее осталось, то это единственно, исключительно оттого, что три претендента делят силы реакции и что каждая партия (кроме республиканской) твердо уцепилась за своего Пьерро. Были минуты страшного отчаяния, особенно эти вести о баденских расстреливаниях, эта подлая, холодная месть прусского кастрата — эти юноши, которые так геройски пали, эти несчастные беглецы, которым надутые и ограниченные швейцарцы бросали кусок хлеба, как жиду в средние века, как собаке. — Но время, время все перерабатывает, и я стал спокойнее смотреть. — Со многим надобно примириться, делать нечего, и, отдавая слезу побежденному,
168[168] именем свободы, равенства, братства (франц.). — Ред. 169[169] значения (франц.).
не следует однако его пораженье возводить в оправдание. Демократическая сторона, или сторона движенья, была побеждена, ПОТОМУ ЧТО ОНА БЫЛА НЕДОСТОЙНА ПОБЕДЫ, — а недостойна победы потому, что везде делала ошибки, везде боялась быть революционной до конца, везде бросалась с яростью на порожний трон и царствовала по-своему. Одни римляне делают исключение, зато посмотрите, как они погибли, это было нашествие татар, силе поневоле надобно было уступить (хотя entre nous soit dit170[170] и Рим далеко бы не уехал, если б успел победить). — Пустым людям, как Ледрю-Роллен, Луи Блан... не может удаться революция; послушайте, господа, я был в соприкосновении, знаком и теперь знаком почти со всеми громкозвучными репутациями трех революций, развалины которых теперь проживают в Швейцарии. — Есть люди прекрасные, более или менее умные, это те, которые наименее

участвовали в деле или участвовали без веры; Блинд, бывши в Париже и отправляя величайшего фанфарона в мире Мерославского в Баден, не верил успеху восстания в Палатинате и в герцогстве. Торе, Керсози et Companie не верили в 13 июня. Ну, делают ли так перевороты? Да и потом, чего они хотели, какие политические перевороты возможны в теперешнее время? Как будто, в самом деле, достаточно объявить уничтожение пролетариата, всеобщее воспитание, братство и любовь, чтоб из этого что-нибудь вышло; я видал здесь почти всякий день Струве — пока его не выслали из благородной Швейцарии. Представьте себе безумного фанатика средних веков, аскета, игноранта и ограниченнейшего
188
человека, представьте, что он проповедует уничтожение мясной пищи... и... и он-то был главою баденского восстания, вместе с плутом Брентано и с генералом, знаменитым только пораженьями.
Грядущая революция должна начать не только с вечного вопроса собственности и гражданского устройства, а с нравственности человека, в груди каждого она должна убить монархический и христианский принцип; все отношения людей между собою ложны, все текут из начала власти, все требуют жертвы, все основаны на вымышленных добродетелях, обязанностях... Конец политических революций и восхождение нового миросозерцания — вот что мы должны проповедовать. Но для этого, cari miei171[171], надобно оторваться не на словах, не в минуту негодованья, а спокойно и обдуманно от падающего мира. Мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм — тот же падающий мир. Есть различия — например, в Швейцарии гласность не имеет предела, печатай что хочешь; в Англии есть ограждающие формы, но если мы поднимемся несколько выше, то разница между Парижем, Лондоном и Петербургом — исчезнет, а останется один факт — раздавленное большинство толпою образованной, но несвободной, именно потому, что она связана с известной формой социального быта. — Я попробовал эту проповедь и свободнее от всех преданий европейских, нежели они, пользуясь всеми средствами нашей натуры. Что же из этого вышло? Я... очутился через несколько дней в явном разногласии с самыми радикальными
170[170] между нами говоря (франц.). — Ред.
органами; заметьте, что успех превзошел мои ожиданья, — их даже щекотало мое звание русского, они отдали справедливость «демонической иронии» etc.; но не только нет симпатии истинной, но даже скорее враждебное чувство, меня признавали как имеющего некоторую силу — но силу разрушающую и негодную. Сам Маццини, без всякого сомнения, величайший политический человек из всех существующих в ваше время, — человек с большими талантами, итальянец вроде Прочиды, сметливый, бойкий, привычный к беде и успеху, — морщится, и я с ужасом за него видел, что в споре со мной он отворачивался от некоторых истин и, след., касался тех страшных пределов, за которыми и он — ретроградный человек... другой пример — Жемс Фази, — здешний президент, демократ, республиканец, человек, который произвел здесь в 45 радикальный переворот, дружески встретил нас здесь (т. е. меня и Гервега, с которым мы совершенно одного мнения) и через месяц охладел. — Тут не может быть пощад. — Мы говорили так называемым политическим республиканцам: «Вам нечего делать,
189
у вас нет в запасе ни новой мысли, ни утешенья, вы повторяете старое, у вас нет иного спасенья, как перейти на наш берег. Никакая слава, никакие антецеденты не спасут вас, вы погибнете с реакционерами». А они сердятся; и между тем у них замирает сердце, они видят, что если будущее не наше, то и не их. А чье же? — Тут-то вся прелесть, вся забава, что ничье. Если демократия пала оттого, что она недостойна победы — то реакция падет оттого, что она не сладит с победой. Вся трудность положения демократии перешла на сторону реакции. До сих пор она только отстаивает место, ну а потом что?.. Даниловские слова: «БАНКРОТСТВО! БЕЗДЕНЕЖЬЕ!» идут, как Каменный гость, и тяжелая ступня слышнее и слышнее. Может, все разрешится в всеобщее варварство, в котором люди повозобновятся, и тогда, лет через пятьсот, все пойдет как по маслу, лет на пятьсот.
Но вы вправе спросить: кто же с вами на одном берегу? — Если б и никого не было, беды нет, и истина оттого не перестает быть истиной. Впрочем, к числу virorum obscurorum я вам могу прибавить одно имя, стоящее сотни, — имя Прудона. Прудон, сидя в тюрьме, делает больше, нежели вся беглая Гора, Прудон — действительная глава революционного принципа во Франции; если не убьют его в тюрьме (как хотят), если он не умрет от холеры — так, как умер высший представитель социализма в Германии, Готшальк, 35 лет, необычайная натура, то вы еще об нем услышите. Около него есть кружок французов, не диких и не дураков. Другой замечательный человек во Франции — это Бланки, тот, который в тюрьме. На втором плане следует еще помянуть Пьера Леру, Консидерана, даже Феликса Пиа — людей чистых и преданных. В Германии рассеяно много людей, образованных воззрением

Фейербаха, которые делят ту или другую сторону наших убеждений, — я виделся здесь всякий день с Якоби из Кенигсберга, с этой античной личностью; он отправился предаться Пруссии!.. с Фребелем — всё это люди почти совершенно нового мира. Даже есть из итальянцев (à propos, итальянские réfugiés несравненно лучше французов — уж из рук вон ограниченных, и немцев—из рук вон неотесанных). Наконец, сколько нам неизвестных людей; не далее как вчера я получил брошюру какого-то Абта об баденской революции, премилую.
Никогда не было время лучше, для того чтоб поднять русскому голос. Разговоры мои, переведенные мною и некиим Каппом, исправленные Гервегом, имели большой успех, они в
корректурных листах ходили из рук в руки. Я прибавил большое письмо к Гервегу, всё вместе, если успею, пришлю в Гамбург, — и на первый случай всем вам 1 экземпляр, потом найду случай переслать и больше; впрочем, вы можете и выписать 190
от Hoffmann und Kampe из Гамбурга. Заглавие «Vom andern Ufer». — Покажите Петру Яковлевичу, что написано об нем, он скажет: «Да, я его формировал, мой ставленник», — а впрочем, если найдете, что заметить, то передайте как-нибудь, я исправлю во французском переводе. — Органов у нас теперь довольно. Я ссудил Прудона деньгами для издания нового журнала — «La Voix du Peuple»; он за это позволяет в иностранной части делать что хочешь. Сверх прудоновского журнала, нам открыта «Italia del Popolo» Маццини и газета, которая будет издаваться в конце года здешними радикалами. — Имели ли вы возможность следить за Прудоном хоть по брошюркам? Что за сильный голос, его война с дураком Лудвигом-Наполеоном — от 29 генваря до мая — просто поэзия гнева и презрения.
Следили ли вы еще за буржским процессом, я думаю, его можете выписать, он есть в особом издании. Я предлагал тогда сделать Edition monstre172[172] на французском, немецком и английском, с портретами Бланки, Распайля, Барбеса и Собрие и с надписью: «Edition de la démocratie universelle»173[173], но при этой реакции нечего было и думать. Вот был удар-то пошлости юриспруденции и римскому праву. Всякое слово Бланки указывало, что подсудимые — судьи и кодекс, ну что Петр Григорьевич учил тридцать лет, пыли от всей юридической дряни не останется; знаем мы теперь, что такое присяжные и независимый французский паркет. Когда судили Прудона, я был в ассизах. Дайте мне уездный суд и пьяного секретаря — на тех есть апелляция, а против суда присяжных — нет. Во Франции ничего нет свободного и ничего законного — насилие, готовность мятежа и готовность на Варфоломеевскую ночь. Верите ли, Париж мне до того противен и гадок, что я без ужаса не могу думать, что, может, зиму придется жить там. Франция показывала много раз пример обновления, она быстро отряхает грязь — но теперь это труднее, времена Людвига-Филиппа были не так притеснительны, вопросы глубже. Падение Франции — avviso174[174] всем народам; пора Франции отделаться от гнета парижского и Европе — от соподчинения Франции. — И если от души можно кричать: «Delenda est Austria, delenda est Prussia!» — то не мешает прибавить и Францию. — И во всем разгроме и падении сурово и мрачно вырезывается, как Маттергорн в Валлисе, Россия, каменистое поле будущего; природа не начинает с цветущих лугов, а с гранита. Судьба России колоссальна — но для нас виноград зелен, — если б доля той гуманности, которая дается долгим
172[172] грандиозное издание (франц.).
173[173] «Издание всемирной демократии» (франц.). 174[174] предупреждение (итал.). — Ред.
просвещением, перешла в правы нашей русско-немецкой бюрократии, я воротился бы, — но вам, я думаю, в августе месяце была доставлена статейка «А11ю» — и вы, стало, знаете, как я смотрю на сей вопрос.
28 сентября.
Прощайте. — Довольно на сей раз. — Швейцария имеет удовольствие видеть в своих горах 12 000 réfugiés, из которых 6000 наверное прокармливаются ею. Réfugié — новое звание теперь, новая каста и превредная для них, это совсем особая жизнь — совершеннейшая праздность и трагический интерес. Впрочем, человек пятьдесят дельных найдется в этих 12 т. Я шутя предлагал издать альманах «Les réfugiés peints par eux-mêmes» 175[175] и поместить портреты всех уродов, шутов, все необычайные костюмы и прически, в главе мы бы поместили отца Струве и в конце — портрет Ivan Golovine, который в Бурже на вопрос: «Кто вы?» сказал президенту: «Citoyen anglais, expatrié de la Russie et auteur français» 176[176]. Его из Парижа прогнали; он был здесь и уехал в Брюссель. — Судьбу и историю Бакунина, верно, вы знаете, он, бедный, сидит еще в каземате Кенигштетской крепости, — вероятно, его осудят «a^ travaux forcés à perpétuité» 177[177], т. е. до тех пор, пока саксонский король его сменит на каторге. Немцы называли (т. е. реаки) Бакунина «der Russische Bluthund» 178[178]. — Мы теперь только нашли возможность ему помогать, да и то не знаю, верно ли. — Он вел себя геройски.

Да что, в самом деле, никто из вас не приедет? Ездят же другие, стало, достают пассы, я на днях встретил здесь князя Голицына, которого видел у Чаадаева и который все делает гримасу, как будто у него запор, потом разные дамы ездят с докторами, exempli gratia Раевская.
Кабы воля, воля... приехал бы на недельку в Москву, индивидуально мне, разумеется, с вами лучше, нежели здесь. Я в истинно дружеских отношениях только с Гервегом и больше ни с кем,
175[175] «Изгнанники о самих себе» (франц.).
176[176] «Английский подданный, изгнанный из России и пишущий по-французски» (франц.).
177[177] «к пожизненным каторжным работам» (франц.).
несмотря на то что сделался публичной мужчиной179[179] и знаком со всеми. — Но dignité humaine oblige180[180] —и я остаюсь!
192
Обнимаю вас всех дружески — это значит гораздо больше, нежели братски.
Что славявофильчики наши? Упился ли, наконец, Шевырев le Caligula «кровью мадьяров и немцев»? Как мужички тульские Алексей Степаныча? Как Богородица-троеручица покровом покрывает — Глинку? Читает ли государь сочинения Аксакова?
Я ТРЕБУЮ — прошу — ich bitte — rogo181[181] etc.: напишите, как только получите письмо — просто о получении, ибо я посылаю в Гамбург.
Avviso182[182]. Выпишите «Les confessions d'un révolutionnaire» Прудона.
114. Э. ГЕРВЕГ
5 октября (23 сентября) 1849 г. Женева.
5 octobre. Genève.
Je me proposai de vous raconter notre célèbre excursion à Chamouny sans avoir vu le Mont Blanc — mais, entraîné comme toujours, je n'ai rien fait. Le côté intéressant du voyage était le choix d'un temps pluvieux, glacial, où la bise emporte les avalanches, et où on ne voit pas ses propres mains à force de brouillard. — Au reste, si nous n'avons rien vu, au moins nous avons été versés, et si nous avons au complet pieds, mains, nez et yeux — cela n'est pas notre faute.
179[179] В подлой газете «Journal de Genève», издаваемой реаками, которая доносит все, что делается, прибавляет к моему имени — un des chefs de l'état-major de la centralisation révolutionnaire один из главарей генерального штаба революционной централизации — такого присутственного места и в Америке нет. Посылаю ответ Фази на это.
180[180] человеческое достоинство обязывает (франц.). — Ред.
181 [181] я прошу (нем., лат.).
Et ensuite c'est si bourgeois de voir le Mont Blanc à Chamouny, ne pas l'y voir est plus distingué et coûte la même chose...
La misanthropie de Georges prend une nouvelle forme et de sentiment négatif passe à l'état positif. Vous pensez, peut-être, que la haine des hommes le porte à l'amour des femmes — du tout — au fond, qu'est-ce que c'est qu'une femme — c'est un homme du genre féminin; non, il tombe dans la caprophilie et pendant tout le temps de notre voyage sur le mont... attendez un instant, j'irai demander à Sacha le nom du mont... je sais que ce n'est ni le mont Thabor, ni le mont Ararat où Noë arriva sans être noyé, avec un cabinet d'animaux rares — donc sur le mont en vers le poète, il se promena bras dessous bras dessus avec une jeune chèvre. Il pense (et moi je ne m'étonne nullement de cela) que c'est bien dommage que cette chèvre n'ait pas reçu une éducation soignée et que feu le Père-bouc — n'ait pas été un bouquiniste,
193
autrement on pourrait la prier do se charger de la correspondance étrangère pour la Voix des Peuples (et des chèvres). Elle eat diablement rauque cette voix — mais dites donc au nom de tous les dieux, sans en excepter celui du diable — que font donc nos amis? Par rapport à l'étranger, c'est une mauvaise feuille parisienne. J'ai écrit à Chojecky. — Chojecky m'a écrit qu'il ne s'en occupe pas. J'ai écrit à Sasonoff — il ne s'occupe pas à me répondre. A qui m'adresser, je suis au désespoir, je me jetterai dans le lac, je me brûlerai la cervelle, je ne prendrai pas de vin de bourgogne, je partirai pour la Martinique ou pour Lausanne, afin de ne pas rencontrer des hommes qui me sifflent, qui me disent ouvertement: «Mais votre Voix du Peuple a perdu sa voix avant de chanter — quel malheur!» — et moi de répondre alors: «Elle n'est pas encore entrée dans la véritable voie... — et ensuite c'est peut- être en Savoie qu'on fait imprimer cette feuille, — mais qu'il y a une autre à Paris, — seulement par précaution on ne la montre à personne, la réaction est forte, et la feuille faible...», etc., et je jure après que dans cette autre feuille on comprend la solidarité du

principe monarchique en France et en Russie, qu'on parle de la Russie en homme et non en Français, qu'on n'attend pas de la Russie la féodalité... qui n'existe en Russie que comme un don de l'Europe... que là les nouvelles sont publiées le même jour que dans les Débats – et non le lendemain. – Mais savez-vous, chère madame Emma, ce qui vient d'une manière très heureuse confirmer mes assertions, c'est que personne, du nombre de ceux qui ont été désignés par moi – n'a reçu ni le spécimen ni les premiers №№. Vraiment cela est touchant, cela m'aide à dire et à répéter: «Cette feuille, vous voyez vous-même, n'est pas la véritable, la patentée, l'approuvée, la rédigée, la cosmopolitisée»; mais en cas que le journal se portera un peu mieux, je crois qu'on enverra à tout le monde et quibusdam aliis même beaucoup d'exemplaires; autrement je ne conçois pas les moyens de propager la réputation.
Eh bien, avez-vous parcouru mes pauvres feuilles, ah, si elles étaient des chèvrefeuilles; je crois que vous ne les lisez pas, autrement pourriez-vous faire tant de compliments – je vous enverrai bientôt la lettre sur la Russie. – A propos, Haug nous a envoyé un ltalien Turc qui, je crois, déposera bientôt lui-même les roses orientales de l'éloquence de Haug-Pascha à vos pieds.
Fazy und das sämtliche Ministerium dinieren heute bei einem Menschen, der vor Hunger stirbt Sie zu sehen und der ist
A. Herzen.
На обороте: A Paris Madame
Madame Emma Herwegh. Rue du Cirque, 9.
194
Перевод
5 октября. Женева.
Я собирался рассказать вам, какую замечательную прогулку мы совершили в Шамуни, не видав Монблана, но, по обыкновению чем-то увлекшись, не сделал этого. Самое интересное в поездке – выбор погоды – дождливой, леденящей, когда северный ветер сносит лавины и когда из-за тумана не видно собственных рук. Впрочем, если мы ничего и не видели, то зато опрокинулись, и если у нас уцелели ноги, руки, носы и глаза, то тут уж вина не наша.
А потом это такое мещанство – увидеть Монблан из Шамуни, куда изысканнее его оттуда не увидеть, а стоит это столько же...
Мизантропия Георга приобретает новую форму: из негативного чувства она превращается в позитивное. Вы, может быть, думаете, что ненависть к мужчинам толкает его на любовь к женщинам, – ничуть; в сущности, что такое женщина – это человек женского рода; нет, он впадает в козолюбие и в продолжение всего нашего путешествия на гору... подождите минутку, пойду спрошу у Саши название горы, знаю только, что это не гора Фавор и не гора Арарат, куда Ной, так и не потонув, прибыл со своей коллекцией редкостных зверей, – итак, на горе Анвер наш поэт прогуливался под ручку с молоденькой козочкой. Как жаль, думает он (и я этому нисколько не удивляюсь), что эта козочка не получила хорошего воспитания, и ее покойный батюшка-козел не был букинистом, а то ее можно было бы попросить взять на себя иностранную корреспонденцию для «Голоса народов» (и коз). Кстати, он чертовски сиплый, этот голос. Скажите же, во имя всех богов и самого дьявола, что они там делают – наши друзья? Если говорить об иностранной части, это дрянной парижский листок. Я написал Хоецкому, а Хоецкий написал мне, что не занимается ею. Я написал Сазонову, а тот не думает заняться ответом мне. К кому же обращаться? Я в отчаянии и, того гляди, брошусь в озеро, пущу себе пулю в лоб, не стану пить бургундского, уеду на Мартинику или в Лозанну, лишь бы не встречаться с людьми, которые смеются мне в глаза и откровенно заявляют: «А ведь ваш „Голос народа" потерял голос, не успев и запеть, – вот несчастье!» – Лишь бы мне не отвечать: «Он еще не вступил на путь истинный, да и вполне возможно, что листок этот издают в Савойе, а в Париже есть другой, но только тот из предосторожности никому не показывают; реакция сильна, листок же слаб...» и т. д. И я затем клятвенно заверяю, будто в этом другом листке понимают общность монархического принципа во Франции и в России.
195
О России говорят как люди, а не как французы, не ждут от России феодального порядка.., который и существует-то в России лишь в качестве дара Европы.., и будто известия печатаются там в один день с «Débats», а не на следующий. И знаете ли, дорогая г-жа Эмма, чем весьма удачно подтверждаются мои слова? – Да тем, что никто из намеченных мною лиц не получил ни пробного, ни первых номеров. Это поистине трогательно и помогает мне твердить и повторять: «Вы же сами видите, это – не настоящий листок, имеющий патент и разрешение, редактированный и космополитизированный»; а если газета несколько выправится, я думаю, ее станут высылать всем et quibusdam aliis183[183] в большом количестве экземпляров; я не вижу иной возможности создать ей репутацию.

Ну, пробежали ли вы мои бедные листки, ах, будь они козьими! Я подозреваю, что вы их не читаете, иначе не стали бы расточать столько комплиментов — я скоро вышлю вам письмо о России. Кстати, Гауг прислал нам одного турецкого итальянца, который вскоре сложит у ваших ног розы восточного красноречия Гауга-паши.
Фази и все министерство вкупе обедают нынче у человека, умирающего с голода от желания видеть вас, и человек этот
А. Герцен.
На обороте: Париж. Госпоже Эмме Гервег. Rue de Cirque, 9.
115. Т. А. АСТРАКОВОЙ
9 октября (27 сентября) 1849 г. Женева.
Жизнь, любезная Татьяна Алексеевна, равно не назначена ни для наслаждения, ни для горести, жизнь — следствие, событие, необходимость. Я согласен с вами, что нет тягостнее, прозаичнее и оскорбительнее зла, как недостаток денег, я с ним рядом поставлю одно — хроническую болезнь. Но не думаю, чтоб вы были совершенно правы, говоря о Марье Алексеевне Тучковой: за пределами двух страшных бедствий — болезни и безденежья — раскрываются новые стороны плача. Уверяю вас, что я не вижу, давным-давно, веселого лица (мы иногда хохочем, как безумные, как дети, глупому каламбуру, пошлой остроте — но это пустой, селезеночный смех, который проходит, не утешая, не помогая, а оставляя только оглушение). Все мыслящее, чувствующее здесь поражено горем, да, сверх того, по большей части также и
196
нуждой. Шаткая непрочность всего состояния, жизни, общественного положения никогда не была больше чувствуема — это точно начало преставленья света. А тут холера, ходит да подметает запоздавших — что делать? Искать твердости в себе, удаляться — так, как делали первые христиане, — от людей, от домов, ...толпы едут в Америку, но они ошибутся, надобно, сидя на том же месте, уехать ото всего, а уж в Америке ли или на Плющихе — это, право, все равно.
Теперь относительно денег — я писал месяца полтора тому назад, что если вам нужно, где и как взять Грановскому. Но теперь прошу еще проще сделать, и именно отправить Сергея к Егору Ивановичу, которому писано уже, и взять у него на поручения, данные мною, сколько вам на первый случай надобно до 500 руб. асс. или, еще проще, напишите ему записку — может, он сам пришлет деньги. — И об этом ни слова более; до сих пор мои дела идут недурно, и я могу, без малейшей утраты, иногда поделиться. — Но так как речь зашла о делах, то прошу Сергея написать мне, как именно переведен огаревский долг, кто будет и кому платить проценты и пр. и пр. Мне писал Грановский, да не подробно, а Сергей, кажется, ездил по этому делу.
«Море» Айвазовского оставьте до поры до времени у себя, портреты также. А впрочем, если б кто хотел купить «Море», я бы продал за ту же цену, за которую сам купил, — за 200 рубл. сер. Чичерин когда-то хотел и Павлов. — Узнайте. — Другие картинки Галахова, о которых я совсем забыл, принадлежат Фролову, о чем ему сообщите. Засим прощайте, твердым шагом в жизнь марш.
«Погоди немного, отдохнешь и ты».
116. Э. ГЕРВЕГ
Chère Emma, je craindrais joindre mes prières à celles de Sacha et t'assurer que «tu seras très contente de nous revoir», mais je répéterai ce que j'avais déjà dit il y a longtemps, qu'il me semble qu'il n'y aura d'harmonie et de bonheur pour nous que quand nos familles seront réunies. Je me représente la vie si belle, je me représente une vie nouvelle avec vous dans un petit coin du monde. Je ne sais pas avec qui nous pourrions rester mieux, nous pourrions rester encore avec les Ogareff seulement. — Chère Emma, sachant tous les embarras, tous les obstacles — je n'ose ni te conseiller, ni te prier... mais je pense que si tu le désirais autant que nous, tu serais venue.
Je crois que tu connais Veytaud, un petit village à l'autre bout du Iac, là nous nous installons le 1r novembre et là nous t'attendrons... la situation est charmante. Puis... au bord de la mer... puis au bord de la terre. Donne nous vite la réponse que nous attendons avec impatience.
A toi de cœur Natalie.
197
Probablement, vous ne mettrez pas voire veto suspensif contre le Veytaud du Canton Vaud — et vous viendrez vous abriter derrière une montagne. — Sérieusement, nous vous attendons, prenez vos mesures pour terminer les affaires. — Moi, j'irai à votre rencontre jusqu'à la frontière française (à 20 pas de l'Hôtel des Bergues).
De grâce, dites à Chojecky que je crois pourtant qu'il ne doit pas abandonner la partie étrangère du journal, je comptais sur lui — enfin je le prie de dire à m-r Proudhon que je ne réponds plus pour les correspondances — qui diable voudra correspondre pour une mauvaise feuille parisienne. — Eh bien donc, j'avais

raison, il ne s'agissait que de prendre le cautionnement. Une leçon de plus.
Дорогая Эмма, я побоялась присоединить свои просьбы к Сашиным и уверять тебя, что «ты будешь очень рада нас опять увидеть», но я повторю то, о чем уже давно говорила: мне кажется, что гармония и счастье наступят для нас лишь тогда, когда наши семейства соединятся. Жизнь рисуется мне такой прекрасной, новая жизнь с вами рисуется мне в каком-нибудь уголке земли... Я не знаю, с кем нам жилось бы лучше, мы могли бы жить вместе еще только с Огаревыми. — Дорогая Эмма, я знаю о всех затруднениях, о всех препятствиях и не смею ни советовать, ни просить тебя... но если бы ты желала этого так же, как мы, я не сомневаюсь, ты бы приехала.
Перевод
Я думаю, что ты знаешь деревушку Вето на другом конце озера. Там мы поселимся 1 ноября и там будем ждать тебя... Расположена она прелестно. А потом... на берегу моря... на краю земли... Пришли нам скорее ответ, мы ждем его с нетерпением.
Всем сердцем твоя Натали.
Может быть, вы не станете накладывать свое приостанавливающее вето на Вето кантона Во и приедете укрыться за горами. — Кроме шуток, мы вас ждем, постарайтесь поскорее закончить дела. — А я пойду встречать вас до французской границы (20 шагов от Hôtel des Bergues).
Пожалуйста, передайте Хоецкому, что, по-моему, он все же не должен бросать иностранную часть газеты, я на него рассчитывал — наконец, я прошу его передать господину Прудону, что больше не отвечаю за корреспонденции, — кому, черт возьми, захочется писать корреспонденции для какой-то скверной парижской газетки. — Итак, я оказался прав, все дело было только в том, чтобы получить залог. Одним уроком больше.
198
117. Э. ГЕРВЕГ
Un monsieur m'a prié de faire parvenir cette lettre à son adresse — je vous l'adresse, madame Emma, en priant de la remettre à Edmond par exemple. Profitant de cette occasion je veux implorer votre protection. Comme personne ne m'écrit, donnez-vous la peine de demander à m-r Edmond: est-ce que m-r Guillemin a fait la proposition (d'une diminution de loyer etc.) au locataire de ma maison. 2° Pourquoi donc on ne m'envoie aucun document servant à certifier que le cautionnement m'appartient. — C'est une chose étrange, dès que l'argent est sorti des mains de Rotschild, tout s'est évanouï — rédaction, ferveur de nous écrire, services obligeants, obligeances serviables. — Enfin vraiment, je voudrais même savoir quels sont donc les projets de Proudhon pour la rédaction de la partie étrangère.
Tout le monde se porte bien. La poste va dans un instant. Georges vous prie de lui envoyer sa pelisse, dans un sac, et par un moyen économique. Ma femme vous embrasse.
Adieu.
Перевод
15 октября 1849 г. Женева.
Один человек просил меня переслать это письмо по назначению — я адресую его вам, госпожа Эмма, с просьбой передать хотя бы Эдмону. Пользуюсь случаем и молю о вашем содействии. Так как никто мне не пишет, возьмите на себя труд: спросить у г. Эдмона, говорил ли г. Гильмен (об уменьшении квартирной платы и т. д.) с наемщиком моего дома. 2. Узнать, почему же мне не присылают никакого документа, удостоверяющего, что залог принадлежит мне. Странно, стоило Ротшильду выпустить деньги из рук, как все исчезло — и редакторство, и пылкое желание писать нам, и любезные услуги, и услужливые любезности. — В самом деле, я хотел бы наконец знать, каковы же планы Прудона в отношении редакции иностранного отдела.
Все здоровы. Почта сейчас отправляется. Георг просит вас переслать ему шубу — в мешке, да так, чтоб это обошлось недорого. Жена целует вас.
Прощайте.
199
118. К.-Э. ХОЕЦКОМУ
Cher Edmond, je n'ai rien compris dans la lettre que vous m'aviez adressée, il y a beaucoup de causes à cela. Vous ne parlez derechef que du côté financier de l'affaire — mais pourquoi donc vous avez quitté la rédaction de l'étranger? — Je ne le comprends pas, ce que je sais c'est que l'effet produit en Allemagne et en Suisse a été tout-à-fait défavorable. II ne faut pas outrepasser les mesures de la prudence — mais il faut avoir une théorie plus large, et elle doit percer partout. Mais chez vous c'est la manière française; en vérité, est-ce que vous pensez que la rumination de l'Assemblée intéresse plus que des articles sur l'étranger? Et pourquoi donc vous ne me donnez pas d'adresse pour les correspondants? — J'attends encore une lettre et plus explicite. A présent des

prières.
1° Faites tout de suite imprimer le prospectus ou une partie avec un petit compliment.
2° M-me Herwegh a probablement reçu la première partie de mon article sur la Russie, je serai vraiment enchanté de le voir dans le feuilleton. Avez-vous quelqu'un pour traduire? — Si on peut, il faudrait tout bonnement traduire sans rien changer (ce sont 2 feuilles) — et dire que c'est la préface d'un ouvrage imprimé en Suisse par un Russe sous le titre Vom andern Ufer.
3° N'oubliez pas, il faut tout de suite expédier: 1° tous les № à Berlin — à m-r le Dr Siegmund (Gustave), Breite Straße, 1 et à Genève — à m-r Galeer, rédacteur de l'Alliance des Peuples.
4° Donnez-vous la peine de remettre en passant la petite lettre.
Перевод
20 октября. Женева.
Дорогой Эдмон, я ровно ничего не понял из присланного вами письма, и для этого есть много оснований. Вы снова касаетесь одной лишь финансовой стороны дела — но отчего же вы покинули иностранную редакцию? — Я не понимаю этого; я знаю только одно — что впечатление, произведенное в Германии и Швейцарии, было очень неблагоприятным. Не следует пренебрегать мерами предосторожности — однако следует руководствоваться более широкой теорией, и проявляться она должна во всем. У вас же французская манера; и в самом деле, неужели вы думаете, что жвачка Собрания вызывает больший интерес, чем статьи об иностранных делах? И почему вы не сообщаете мне адрес для корреспондентов? Жду от вас еще одного и более ясного письма. А теперь просьбы.
1. Тотчас прикажите напечатать весь проспект или часть его с маленьким обращением.
2. Г-жа Гервег, вероятно, получила первую часть моей статьи о России, я буду искренне рад увидеть ее в отделе фельетонов. Есть ли у вас кто-нибудь для ее перевода? — Если будет возможность, надобно будет ее просто перевести, ничего не меняя (она составляет 2 листа), и сказать, что это предисловие к сочинению, напечатанному одним русским в Швейцарии, под названием «Уош ändern Ufer».
3. Не забудьте, надобно сейчас же отправить: во-первых, все номера в Берлин — г-ну доктору Зигмунду (Густаву), Брейтештрассе, № 1, и в Женеву — г-ну Галеру, редактору «L'Alliance des Peuples».
4. Потрудитесь передать мимоходом прилагаемое письмецо.
119. Э. ГЕРВЕГ
24 (12) октября 1849 г. Женева.
Le 24 octobre 49. Genève.
Vous êtes admirable de bonté, d'attention, d'exactitude; si j'avais la possibilité de parler à la fois toutes les langues connues par Mezzofanti je ne pourrais pas venir à bout de vous remercier en parlant de suite deux ou trois mois. Me trouvant dans cet état, j'ai pensé, que la meilleure chose serait de remplacer les remerciements par de nouvelles commissions.
M-r Boucault n'est pas un bavard certes, il n'a pas même cru nécessaire de m'avertir qu'il a reçu les 1300 francs, il m'a écrit que le locataire lui a payé environ 500 francs (et pourtant l'arithmétique c'est la science la moins vague, et certainement les 500 francs ont des environs immenses puisqu'il y a placé les 800 francs). Je serais enchanté de donner une procuration à m-r Laugrand — j'attends à présent une lettre de m-r Boucault, s'il ne m'envoie pas l'argent, je ferai un divorce avec lui.
Grâce vous soit rendue pour le récit des événements qui ont motivé la retraite de Sasonoff — elle est ridicule, elle est indélicate, d'autant plus qu'il ne m'en a pas parlé. Mais ce qu'il y a de plus ridicule encore, c'est qu'on n'a pas admis son article dans le spécimen, après l'avoir très mal composé. Save-vous que le spécimen a tué ici la Voix du Peuple, vous verrez un de ces jours Bamberger — demandez-lui. A propos, il faudrait faire sa connaissance avec Edmond, c'est un homme d'une grande érudition et qui aime le travail, il ne demande pas mieux que d'envoyer des articles.
Vous ne pouvez pas vous imaginer quel drôle d'effet ça produit hors de Paris, lorsqu'on lit dans un journal que, faute de place, on n'insère pas des lettres de Blind et de Teleki — et quand on lit ensuite cette longue et monotone rumination des cancans ministériels et une anthologie choisie de tous les journaux parisiens. Ce n'est pas ainsi qu'on fait un organe européen. Il faut quelquefois sortir de cette atmosphère parisienne, pour voir comme personne ne s'intéresse à ces détails, qui paraissent graves seulement jusqu'au Bois de Boulogne.
Il faut enfin un journal où, le 1er Paris même parlerait du mouvement européen, où la France descendrait au rôle secondaire, qu'elle a si bien mérité, — même

par cette obstination de vouloir encore absorber toute l'attention des lecteurs par les petites misères de son monde officiel. Un journal pareil est impossible avec une rédaction française, le seul homme capable serait Proudhon, mais il n'est pas dans une position favorable.
Je vous envoie le spécimen d'un journal suisse. Il n'ira pas — peu de moyens pécuniaires et l'oppression du dehors et du dedans.
Adieu, je vous présente mes salutations amicales.
P. S. Ne pourriez-vous pas envoyer chez m-r Boucault en lui faisant dire que j'attends l'argent qu'il a reçu du locataire, et qu'il peut vous remettre les documents et l'argent et vous me l'enverriez par Rotschild ou un tout autre.
Encore une commission; on dit qu'on a traduit (certainement c'est un fou) une nouvelle que j'ai eu le malheur d'avoir écrit sous le titre Wer hat Schuld? von ïskander. Er soll bei Brockhaus erscheinen von Wolfsohn übersetzt und einen Teil der Russischen Novellen184[184] machen. Wenn es so ist, so werd' ich Sie bitten mir ein Exemplar (comme remords) in Kreuzband schicken. — Es ist bei Franck oder bei Klingsieg. Hat man da eine russische Übersetzung185[185] von der Odyssee, die in Karlsruhe, glaube ich, erschienen ist? — Dieu vous protège plus qu'il ne le fait pour la France.
NB. Je demands pour la dernière fois où faut-il envoyer les correspondances pour le journal?..
Рукой Гервега:
Notre ami Mogling a été condamné à mort. On a sursis à l'exécution. Voilà la meilleure nouvelle que j'ai à te donner.
184[184] Рукой Гервега: oder in der Bibliothek des Auslands, ebenfalls bei Brockhaus. 185[185] Рукой Гервега: Schukoffskoi.
Перевод
На конверте: A Paris. Madame
Madame Emma Herwegh. Rue du Cirque, 9.
24 октября 49 г. Женева.
Вы изумительно добры, внимательны, аккуратны; если бы я имел возможность говорить сразу на всех языках, которые знал Меццофанти, то и тогда, проговорив два-три месяца кряду, я не смог бы выразить вам всю свою благодарность. Очутившись в таком положении, я подумал, что самое лучшее будет заменить благодарности новыми поручениями.
Г-н Буко отнюдь не болтун. Он даже не счел нужным уведомить меня, что получил 1300 фр. Он написал мне, что наемщик уплатил ему приблизительно 500 фр. (между тем арифметика — наименее туманная из наук, и 500 фр. допускают, очевидно, огромное приближение, если он включил туда 800 фр.). Я с большим удовольствием выдал бы доверенность г-ну Лограну — я жду теперь письма от г-на Буко. Если он не пришлет мне денег, я с ним расстанусь.
Спасибо вам за рассказ об обстоятельствах, послуживших поводом к уходу Сазонова. Уход смешон, бестактен, тем более что мне он об этом ничего не сказал. Но еще смешнее другое — то, что его статью не приняли в пробный номер, который очень плохо составили. Знаете ли вы, что этот пробный номер зарезал здесь «Voix du Peuple»? На днях вы увидите Бамбергера — спросите у него. Кстати, надо бы познакомить его с Эдмоном — это человек большой эрудиции и трудолюбивый, он не прочь посылать статьи.
Вы не можете себе представить, какое нелепое впечатление это производит, когда, находясь вне Парижа, читаешь в газете, что письма Блинда и Телеки не печатаются за недостатком места, и тут же читаешь длинную, унылую жвачку из министерских сплетен и антологию выдержек из всех парижских газет. Нет, не так надо вести европейский орган. Надо иногда вырываться из парижской атмосферы, чтоб видеть, насколько никто не интересуется подобными пустяками, которые принимаются всерьез не дальше Булонского леса.
Словом, нужна такая газета, где даже передовица говорила бы о европейском движении, где Франции была бы отведена второстепенная роль, вполне ею заслуженная уже за одно упорство, с каким она все еще стремится всецело погрузить внимание читателей в мелкие дрязги своего официального мира. Подобная газета невозможна при французской редакции; единственный способный к этому человек был бы Прудон, но положение его не из благоприятных.
Посылаю вам пробный номер одной швейцарской газеты. Она не пойдет — мало денежных возможностей и давление извне и изнутри.
Прощайте. Шлю вам дружеский привет.
203
P. S. Не можете ли вы послать кого-нибудь к г-ну Буко и передать ему, что я жду денег, полученных им от наемщика, и что он может вручить вам документы и деньги, а вы бы переслали их мне через Ротшильда или кого-либо другого.
Еще поручение. Говорят, будто бы переведена (это, несомненно, сделано

сумасшедшим) повесть под названием «Кто виноват?» Искандера, которую я имел несчастие написать. Она должна появиться у Брокгауза в переводе Вольфзона и войти в состав «Русских повестей»186[186]. Если это верно, я буду просить вас прислать мне (comme remords)187[187] один экземпляр под бандеролью. Книга должна быть у Франка или Клингзига. Нет ли там русского перевода188[188] «Одиссеи», вышедшего, кажется, в Карлсруэ? Да хранит вас господь больше, чем он хранит Францию.
NB. В последний раз спрашиваю, куда надо посылать корреспонденции для газеты?
Рукой Гервега:
Наш друг Мёглинг приговорен к смертной казни. Она отсрочена. Вот лучшая из новостей, какую могу тебе сообщить.
На обороте: В Париж. Госпоже Эмме Гервег. Rue de Cirque, 9.
120. Э. ГЕРВЕГ
186[186] Рукой Гервега: или «Иностранной библиотеки», также выходящей у Брокгауза. 187[187] для угрызения совести (франц.). — Ред.
Vous recevrez aujourd'hui la dernière feuille imprimée de ma lettre. De grâce, jetez un petit coup d'œil sur la traduction, et s'il faut faire des changements, qu'ils soient octroyés et approuvés par vous. N'oubliez pas de faire mettre en note ces lignes:
«Gette lettre était déjà sous presse lorsque l'auteur a lu une brochure imprimée à Leipzig et portant le titre Russische Zustände. 1849». Elle est admirable de vérité et de profondeur, l'auteur de la lettre croit de son devoir de l'indiquer à ceux qui désirent savoir quelque chose sur la Russie — ils apprendront plus par ces deux feuilles imprimées que par des volumes de compilations. Sans connaître le nom de l'auteur — nous lui exprimons toute notre sympathie comme à un Russe et comme à un révolutionnaire».
204
Edmond corrigera cette note, mais en tout cas l'insertion de cette note est nécessaire. Cette brochure ne coûte que 10 sous, faites-la venir — je crois que c'est un Russe qui a écrit — c'est admirable.
Dans le journal il faut dire que la lettre à Herwegh est écrite par un Russe — mais sans nom de famille, on peut même dire qu'il publie un ouvrage allemand, quelque chose — comme la philosophie de la révolution.
A présent une longe histoire financière. Edmond peut m'obliger. Vadato bene! J'ai reçu aujourd'hui une lettre de mon chargé d'affaires, il m'écrit qu'on a mis un interdit sur mes biens. Edmond doit aller chez Rotschild, Edmond doit voir encore une fois l'honorable Schombourg et lui faire cette question (encore mieux l'adresser à Rotschild lui-même). «M. Herzen doit à m-me Haag 100 000 ou 120 000 roubles en assignats. — M-me Haag a une lettre de change de M. Herzen qu'elle voudrait céder à m-r Rotschild pour faire vendre le bien immeuble appartenant à Herzen en Russie. M. Rotschild ne payera qu'après avoir reçu l'argent — mais il donnera un certificat sous signature propre à Herzen; de son côté Herzen fera tout son possible pour accélérer cette vente en Russie?» — Mais il me faut une réponse vite et décisive. Edmond aura la bonté de dire à M. Schombourg que j'ai reçu la lettre que m-rs Rotschild m'ont adressée, que c'est une nouvelle affaire qui n'a aucun rapport aux autres.
На отдельном листке:
En cas que la lettre à Herwegh n'est pas encore imprimée, de grâce envoyez dire à Chojecky que je le prie d'omettre toute la note où on parle de Tourguéneff et de Golovine etc. — N'oubliez pas, je vous en prie. Cela n'est ni intéressant pour un journal, ni délicat.
Перевод
26 октября 1849 г. Женева.
Сегодня вы получите последний отпечатанный лист моего письма. Пожалуйста, просмотрите перевод, и, если нужны изменения, пусть они будут сделаны с вашего одобрения и согласия. Не забудьте поместить в примечании следующие строки:
«Настоящее письмо уже печаталось, когда автор прочел брошюру, изданную в Лейпциге и озаглавленную „Русские дела. 1849 год". Она изумительна по правдивости и глубине. Автор письма считает долгом обратить на нее внимание всех, кто хотел бы узнать что-либо о России, — они почерпнут из этих двух печатных листов больше, чем из целых томов компиляций. Не зная имени автора, мы выражаем ему глубокое наше сочувствие как русскому и как революционеру».
205
Пусть Эдмон выправит это примечание, но во всяком случае поместить его необходимо. Брошюра стоит всего 10 су — добудьте ее. Я думаю, что написал ее русский. Она изумительна.
В газете надобно сказать, что письмо к Гервегу написано русским, но без указания фамилии. Можно даже сказать, что он печатает сочинение на немецком языке, —

нечто вроде философии революции.
А теперь длинная финансовая история: Эдмон может оказать мне услугу. Vadato bene![189] Я получил сегодня письмо от своего поверенного. Он пишет, что на мое имущество наложено запрещение. Эдмону нужно сходить к Ротшильду, Эдмону нужно еще раз повидать достопочтенного Шомбурга и обсудить с ним нижеследующее (еще лучше было бы обратиться к самому Ротшильду):
«Г-н Герцен должен г-же Гааг 100 000—120 000 рубл. ассиг. У г-жи Гааг есть заемное письмо г-на Герцена, которое она хотела бы уступить г-ну Ротшильду для продажи недвижимого имущества, принадлежащего Герцену в России. Г-н Ротшильд не обязан платить, пока не получит денег, но он должен выдать Герцену за своей подписью расписку, а Герцен, с своей стороны, сделает все от него зависящее, чтобы ускорить эту продажу в России». Но мне нужен быстрый и окончательный ответ. Пусть Эдмон будет так добр сказать г-ну Шомбургу, что я получил письмо, адресованное мне гг. Ротшильдами, но что это новое дело, не имеющее никакого отношения к прежним.
На отдельном листке:
В том случае, если письмо к Гервегу еще не напечатано, передайте, пожалуйста, Хоецкому, что я прошу его снять все примечание, где говорится о Тургеневе, Головине и пр. Не забудьте же, прошу вас. Это не представляет интереса для газеты, да и неделикатно.
121. Э. ГЕРВЕГ
Октябрь 1849 г. Женева.
Lorsque la lettre à Herwegh sera imprimée, achetez 10 exemplaires du journal et envoyez ici par la poste.
Перевод
Когда письмо к Гервегу будет напечатано, купите 10 экземпляров газеты и отправьте сюда почтой.
Il y a 3 ours, Edmond m'a écrit qu'il so propose de voir le même jour Rotschild et de lui en parler de mon affaire — il ajoutait qu'il m'en avertirait le même jour ou le lendemain. En bien? Chaque jour que je perds est de la plus haute gravité, informez-vous de grâce de la réponse de Rotschild et écrivez-moi.
Eh bien, pourquoi donc le président en faisant m-r Haute-poule ministre, n'a pas pris pour un autre — le citoyen Trois-œufs qui a été comme témoin à Versailles et est le mari d'Elise.
Le discours de Dufaure où il calomnie Genève a été lu ici avec un véritable dégoût, même par les conservateurs, à l'exception des boursicotiers, qui lui ont payé, à ce qu'on dit, leurs tributes de sentiments à l'avance. Aujourd' hui la Revue de Genève répondra. Si la réponse est énergique — je vous l'enverrai et vous prierez Edmond de réimprimer avec une petite note — mais cela immanquablement, je l'ai promis. — N'oubliez pas de faire mettre au-dessus de ma lettre «Londres». Et adieu. Une réponse de Rotschild!
P. S. Dites donc à Edmond qu'il faut faire à présent quelques petits articles sur Genève. Fazy se conduit très bien, les élections s'approchent. Si la démocratie — qui n'est pas même révolutionnaire ici, succombe, cela est un grand malheur.
Перевод
3 ноября 1849 г. Женева.
Три дня назад Эдмон писал мне, что собирается в тот же день повидать Ротшильда и поговорить с ним о моем деле, и добавил, что уведомит меня обо всем в тот же день или назавтра. Что случилось? Каждый потерянный день крайне важен, узнайте, пожалуйста, каков ответ Ротшильда, и напишите мне.
Ну почему бы президенту, назначив господина Опуля министром, не назначить другим министром гражданина Труазефа, который присутствовал в качестве свидетеля в Версале и является мужем Элизы?
Речь Дюфора, в которой он клевещет на Женеву, прочитана здесь с подлинным отвращением даже консерваторами, не считая денежных мешков, которые, говорят, заплатили ему авансом дань своих чувств. Сегодня в «Revue de Genève» будет напечатан ответ. Если ответ окажется решительным, я вам пришлю его, а вы попросите Эдмона его перепечатать с небольшим примечанием, непременно — я обещал. — Не забудьте распорядиться, чтобы над моим письмом было проставлено «Лондон». Засим прощайте. Ответ Ротшильда!
P. S. Скажите Эдмону, что теперь нужно написать несколько небольших статей о Женеве. Фази держится очень хорошо, выборы близятся. Если демократия, хотя здесь она отнюдь не революционна, провалится, это будет большим несчастьем.
123. Э. ГЕРВЕГ
7 ноября (26 октября) 1849 г. Женева.
Le 7 novembre. Genève.
Mes lettres commencent toujours par des remerciements — mais que faire, vous

m'obligez tant... tant... que je n'ai pas le temps de vous remercier comme il faut. J'ai écrit une longue lettre et très détaillée à Rotschild: j'attendrai la réponse... j'ai envoyé mon passeport pour le viser — j'attendrai le visa. Avant d'aller rue du Cirque, 9, j'irai à Zurich.
La brochure de Proudhon est admirable, la dernière page concernant l'ironie — c'est de la plus haute poésie, c'est l'entendement le plus profond de la réalité, de la vie. Les Français ne le comprendront pas, leur cérébrine n'est pas assez developpée pour comprendre ces pensées. Et qu'en dites-vous du № 36 (5 novembre), voilà la politique traitée comme le christianisme l'a été par Feuerbach. Quel malheur d'écrire cela pour des pygmées.
Nous enverrons partout où il faut la brochure. Bile a déja eu un succès éclatant — nous avons même bu à la santé de l'auteur avec Löwe, Hartmann...
Serrez la main à Edmond, dites-lui que je recommande sérieusement de faire insérer les nouvelles de Genève. C'est plus important que vous ne le pensez. On calomnie cette ville d'une manière indigne — pour faire tomber Fazy.
Nous n'avons pas reçu l'argenterie, — peut-être nous n'aurons pas même besoin, mais en tout cas, comment prendre des renseignements?
La lettre à Georges paraîtra aussi dans ¡'Italia del Popolo. — N'oubliez pas de m'envoyer 10 exemplaires de la traduction française.
Je me prosterne, etc.
Перевод
Мои письма к вам обычно начинаются с изъявлений благодарности, но что поделаешь, я вам так... так... обязан, что у меня не хватит времени отблагодарить вас должным образом, я написал Ротшильду длинное и очень подробное письмо и
208
буду ждать ответа... я отослал паспорт на визу и буду ждать визы. Прежде чем ехать на rue du Cirque, № 9, поеду в Цюрих.
Брошюра Прудона великолепна, последняя страница, где говорится об иронии, исполнена самой высокой поэзии; это глубочайшее постижение действительности, жизни. Французы его не поймут, их церебрин недостаточно развит, чтобы понять подобные мысли. А что вы скажете о № 36 (от 5 ноября)? Вот вам политика, трактуемая как христианство у Фейербаха. Что за несчастье писать это для пигмеев.
Мы разослали брошюру повсюду, куда надлежит. Она уже имела блистательный успех — мы с Лёве и Гартманом даже выпили за здоровье автора.
Пожмите руку Эдмону, скажите ему, что я серьезно советую поместить женевские новости. Это важнее, нежели вы думаете. Чтобы добиться падения Фази, на этот город клевещут самым бесстыдным образом.
Столовое серебро мы не получили, — нам оно, может быть, и не будет нужно, а все же где бы навести о нем справки?
Письмо к Георгу появится также в «Italia del Popolo». Не забудьте прислать мне 10 экземпляров французского перевода.
Низко кланяюсь и т. д.
124. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
12 ноября (31 октября) 1849 г. Женева.
12 ноября 1849.
Спешу по просьбе банкира, пересылавшего мне деньги, отправить к вам, почтеннейший Григорий Иванович, два заемных письма г. Огарева, — я прилагаю расписку, ибо третьего
заемного письма у меня нет, оно в моих бумагах в Москве. Успокойте их и извините меня небрежностью. Пожалуйста, устройте все это к лучшему.
Все посланное вами через Ротшильда я получил и за все усердно благодарю. Я думаю и еще вас обеспокоить насчет моего долга, который вы знаете, Луизе Ивановне; она желает непременно уплаты, но уплатить такой суммы не легко, не продав чего-нибудь из недвижимого именья. Мне кажется, что заемные письма мои уже не представлены ли — об этом вы меня, пожалуйста, уведомьте.
Марья Каспаровна спрашивает о своих 2000 сер., пусть бы кто-нибудь написал ей об этом, узнавши от Николая Платоновича, — например, Тимофей Николаевич, который вообще, я думаю, с большою готовностью сделает все нужное по этим делам.
209
Вы меня очень обяжете, написавши ответ. Проценты маменьке и костромские 2000 сер. пришлите на имя парижского Ротшильда, я с ним в постоянных сношениях по акциям и разным делам. Письма адресуйте к нему или в Цюрих. Только, пожалуйста, не медлите с ответом.
Егору Ивановичу поклон и даже много. Мне очень досадно, что он тогда не исполнил моей просьбы, дело было бы проще.
Жена моя и дети кланяются вам, я истинно не знаю, как еще вас благодарить за все одолжения ваши.

Прощайте. Будьте здоровы.
А. Герцен.
125. Т. А. АСТРАКОВОЙ
13 (1) ноября 1849 г. Женева.
13 ноября. 1849.
Любезная Татьяна Алексеевна, в проезд мой по Цюриху Марья Каспаровна сообщила мне вести, данные ей Елизаветой Богдановной насчет ее долга, или т. е. должников. Я ей посоветовал тотчас послать расписку, она ее и послала к Григорию Ивановичу — и просит вас повидаться тотчас с Елизаветой Богдановной. Так как Марья Каспаровва должна эти деньги Луизе Ивановне, то она и желает или деньги или вексель перевести на нее. Вообще она
просит Елизавету Богдановну очень позаботиться обо всем деле, повидаться с Николаем Филипповичем. — Пишите прямо к ней в Цюрих. Ответ непременно напишите.
126. Г. П. КЛЮЧАРЕВУ
21 (9) ноября 1849 г. Женева.
21 ноября 1849.
Вчера получил я письмо от Егора Ивановича, в котором он, между прочим, извещает о кончине вашей матушки. Я знаю, почтенный Григорий Иванович, всю пошлость утешений, я знаю, что лета вашей матушки, ее долгая болезнь вас приготовили к несчастию, — но я непременно хотел написать вам несколько строк. Я по себе знаю, как приятно в минуты невзгоды, в горькие минуты жизни слышать тотчас голос друзей и близких нам. В эти минуты им именно и надобно отозваться так, как солдаты отзываются на перекличке — дозвольте же и мне сказать мое «здесь» и дайте вашу руку.
210
Так как я очень недавно писал к вам об делах, то, собственно делового ничего сообщить не могу. Я послал вам векселя и расписку, мне очень хотелось бы от вас узнать несколько подробнее дело насчет Николая Платоновича и денег, и так ли я сделал. Для меня это дело становится особенно важно. Также желал бы я знать подробнее насчет Чухломы. На досуге потрудитесь написать хоть к маменьке, так как я все разъезжаю и собираюсь не на шутку зимовать в Лондоне, — впрочем, еще не так скоро, моя жена опять больна.
На обороте: Григорию Ивановичу Ключареву.
127. М. ГЕССУ
Cher Monsieur Hess,
j'étais tout enchanté de savoir de vos nouvelles. J'ai écrit à l'instant même à ma mère qui demeure à Zurich de vous faire darvenir le plus tôt possible les 60 francs.
Quelle année, quelle année! Gonnaissez-vous la pièce de vers de Byron les Ténèbres? — En voilà les ténèbres. Et le pauvre Gottschalk... Le cœur est gros. Moi j'étais forcé de quitter Paris après l'affaire stupide du 13 juin, la police de la république m'a dénoncé et le très gracieux souverain de toutes les Russies a mis l'interdit sur mes biens. — Au reste je vous verrai, je viendrai à Zurich le 7 ou le 8 du mois prochain.
Portez-vous bien et merci pour la confiance.
Tout à vous A. H e r z e n.
На обороте: Monsieur Hess.
Untern Hirschgraben Nr. 697, hinter Solomons Keller. A Zürich. Ci-joint 60 francs.
Перевод
Женева, 26 ноября 49 г.
Дорогой господин Гесс,
я был чрезвычайно рад получить от вас весточку. Я тотчас же написал моей матери, которая живет в Цюрихе, чтобы она как можно скорее доставила вам 60 франков. Какой год, какой год! Знаете ли вы стихотворение Байрона «Тьма»? Вот и наступила тьма. А бедный Готшальк... Сердце болит. Лично я был вынужден покинуть Париж после глупого дела от 13 июня; республиканская полиция донесла на меня, а всемилостивейший самодержец всероссийский наложил
211
арест на мое имущество. — Впрочем, я с вами увижусь, я буду в Цюрихе 7 или 8 следующего месяца.
Будьте здоровы и спасибо за доверие.
Весь ваш А. Герцен.
На обороте: Господину Гессу.
В Цюрих. Untern Hirschgraben Nr. 697, за погребком Соломона. При сем прилагается 60 франков.
128. Э. ГЕРВЕГ
29 (17) ноября 1849 г. Женева.

Le 29 novembre 1849. Genève.
Eh bien, comment allez-vous? Il y a ime semaine et même plus que je ne vous ai pas écrit – je crois que la cause en est une température glacée des monts d'Oural, les pensées se figent, le sang glacé perce l'épiderme comme un fil d'archal... enfin je me crois derechef en Sibérie et de lè je ne vous ai jamais écrit (je le regrette de tout mon cœur, mais le passé – ewig stumm) et je reviens instinctivement à mes premières habitudes.
Je crois que vous verrez George le 12 décembre – s'il y a longtemps qu'il ne vous a pas écrit, ce n'est pas manque de désir, ce n'est que de la coquetterie, donc réminiscence du temps où il a été fille de 15 ans – cette dénonciation doit vous prouver qu'il n'y a pas d'ami qui ne vous dénoncera pas, sans parler des mouchards et autres confitures.
Vous pouvez m'obliger, et fortement, de grâce donnez-vous la peine, lorsque vous n'aurez rien à dire à nos amis communs, de les prévenir que je suis d'un tiers plus pauvre et que je désire sérieusement changer mon train de ménage – que je veux outre les preuves d'amitié que j'apprécie de tout mon cœur, encore un peu de temps libre; que je suis au désespoir – mais je ne pourrai avoir table d'hôte, que je suis désolé – mais qu'il m'est impossible de faire une ambulance, une chartreuse, un cabinet de méditation (Müller-Strübing), un asile pour les amants – lorsque la dame de leur pensée n'aura pas le temps de les recevoir, une succursale pour les hommes qui après avoir perdu leur patrie dans l'espace, veulent perdre leur temps à Paris... Faites tout cela avec la bonté qui vous caractérise et qui me manque, faites de manière que tout le monde pense que je les aime encore plus, ce qui est vrai, enfin répétez cela assez souvent, frappez l'imagination, agitez la fantaisie, n'épargnez pas les allégories, élevez-vous à des hyperboles.
Et libera nos – d'amis.
Le traducteur de ma lettre ne voudra-t-il pas travailler à une autre traduction de l'allemand et quelles seraient ses conditions. En Allemagne on donne l'honoraire de 6 à 7 Gulden, de 12 à 14 francs donc par feuille. Edmond pourrait demander s'il est toujours dans ses dispositions de m'obliger 8 fois tous les 7 jours.
La traduction est en général bonne, il y a de petites choses, mais les petites choses ne sont pas grandes. Exempli gratia, les maires de village sont nommés présidents, ce qui fait une petite confusion.
На обороте: Paris. Madame
Madame Herwegh. Rue du Cirque, 9.
Перевод
29 ноября 1849 г. Женева.
Ну, как вы поживаете? Я не писал вам уже неделю и даже больше – я думаю, что причиной этому – леденящий холод Уральских гор. Мысли у меня застывают, замерзшая кровь прокалывает кожу, как проволока, мне кажется, что я опять в Сибири, а оттуда я вам никогда не писал (я всем сердцем сожалею об этом, но прошлое – ewig stumm), и я невольно возвращаюсь к старым привычкам.
Думаю, что 12 декабря вы увидите Георга. Если он вам долго не писал, то не из-за недостатка желания, а лишь из кокетства, т. е. в воспоминание о том времени, когда он был пятнадцатилетней девочкой; сие мое изобличение послужит вам доказательством того, что, не говоря уже о шпионах и иных прочих, нет друга, который бы вас не изобличил.
Вы мне можете оказать услугу, и даже очень большую; сделайте же милость, когда вам нечего будет рассказать нашим общим друзьям, предупредите их, что я стал на одну треть беднее и возымел серьезное желание изменить свой образ жизни; что, кроме знаков дружбы, которые я ценю всем сердцем, я хочу иметь также немного свободного времени; что я в отчаянии, но впредь не могу держать табльдота; что я глубоко огорчен, но не могу превратить свой дом в лазарет, священный приют, кабинет для уединенных размышлений (Мюллер- Стрюбинга), убежище для влюбленных в часы, когда их дамам сердца некогда их принять, и в филиал для тех, кто, потеряв на время свою родину, хотел бы терять время в Париже... Сделайте все это с присущей вам добротой, которой мне не хватает, сделайте так, чтоб все думали, что я их еще больше люблю, что соответствует действительности, словом, повторяйте это почаще, поразите воображение, возбудите фантазию, не поскупитесь на аллегории, возвысьтесь до гипербол.
«Et libera nos» – от друзей.
Не согласится ли переводчик моего письма сделать еще один перевод с немецкого, и каковы будут его условия? В Германии платят от 6 до 7 гульд., т. е. от 12 до 14 фр. за лист. Эдмон мог бы узнать это, если он по-прежнему готов оказывать мне по 8 услуг каждые 7 дней.
Перевод, в общем, хорош. Есть маленькие погрешности, но маленькие погрешности

это ведь не большие. Exempli gratia, сельские старосты названы председателями, что вносит некоторую путаницу.
На обороте: Париж. Госпоже Гервег. Rue du Cirque, 9.
129. Э. ГЕРВЕГ
3 декабря (21 ноября) 1849 г. Женева.
Ce 3 décembre 1849. Genève.
Lorsque Franclin a été à Paris, des milliers d'aventuriers et d'amateurs de changement de place l'obsédèreut pour avoir des lettres de recommandation pour le général Washington. Ne voulant pas se dépopulariser par des refus, ce brave homme astucieux écrivait les lettres de cette manière:
«Je m'empresse de vous recommander NN, qui est peut-être un homme très distingué et très capable – mais que je n'ai pas l'avantage de connaître».
Figurez-vous que vous êtes Washington, moi – Franclin, NN – Marc Dussogier, domestique qui cherche une place et qui a été attaché honorairement près de ma personne, lorsque ma femme et votre mari m'ont joué le tour de Vaytaud – et agissez en conséquence.
En tous cas vous m'obligerez en recevant avec bonté (ce qui vous est si facile) ce pauvre Suisse de l'Helvétie.
Перевод
Когда Франклин был в Париже, тысячи искателей приключений и любителей перемены мест осаждали его просьбами написать им рекомендательные письма к генералу Вашингтону. Не желая отказывать, чтобы не терять свою популярность, сей предусмотрительный и почтенный человек писал письма следующим образом:
«Спешу рекомендовать вам ЫЫ, который, быть может, человек весьма благовоспитанный и способный, но которого я не имею чести знать».
214
Вообразите, что вы – Вашингтон, я – Франклин, NN – Марк Дюссожье, слуга, который ищет места и который состоял на жалованье при моей особе, в то время как моя жена и ваш муж сыграли со мной шутку Вето, и действуйте сообразно вышесказанному.
Во всяком случае вы меня обяжете, если будете приветливы (что для вас так легко) с этим беднягой швейцарцем из Гельвеции.
130. Т. А. АСТРАКОВОЙ (приписка)
9 декабря (27 ноября) 1849 г. Женева.
9 декабря.
Желалось бы знать, получено ли мое письмо Николаю Александрович от 1 октября? И прощайте. Рамку, разумеется, оставьте, а деньги пусть Боткин пришлет на имя Ротшильда парижского.
131. Г. ГЕРВЕГУ
19. Крейцштрассе.
Еще сегодня хочу сказать: «Добрая ночь, сосед!» Сосед думает, что он далеко от нас? Нет, близко, очень близко, вместе с нами. – За обедом мы пили за ваше здоровье.
Il me semble toujours que vous êtes sorti pour un instant, et je crois vous voir chaque fois que la parte s'ouvre.
Assez pour aujourd'hui, je vous embrasse de tout mon cœur190[190].
Пишите, пишите, пишите!
N.
Кланяйтесь Алмерасу.
Et dites tout ce que vous voulez, moi je revendique Едоппеш d'être plus sceptique, désespérique, noirique... ique... ique que vous. Je ne vois rien dans l'avenir, mais absolument rien... manger, digérer... mouvement péristaltique du duodénum et du cerveau... selle... et voilà le sel de ce monde191[191].
215
Рукой Н. А. Герцен:
Вздор!!! л !!!
190[190] Мне все кажется, что вы ненадолго вышли, и всякий раз, когда открывается дверь, я словно вижу вас.
На сегодня довольно, обнимаю вас от всего сердца (франц.). – Ред.
191 [191] И что бы вы ни говорили, я отстаиваю честь быть более скептическим, пессимистическим, меланхолическим, – ическим, – ическим, чем вы. Я ничего не вижу в будущем, абсолютно ничего... есть, переваривать... перистальтическое движение двенадцатиперстной кишки и мозга... стул.. вот и вся соль мира сего (франц.). – Ред.
Votre main.
Landry de la Bessonnière 192[192].
Рукой Н. А. Герцен:
Voir votre bessonnier seul me fait même mal aux yeux...193[193]

Я забыла мое перо и ножницы194[194] у вас, вы их привезете.
Будьте спокойны.
Je ne puis pas encore comprendre que vous n'êtes pas avec nous...
Tata m'a chargé de vous dire tant de choses, que je n'ai pas le courage même de commencer195[195].
Вашу руку, друг... Л ...
La table, le plancher, les enfants, tout danse, il n'y a pas moyen de continuer196[196].
Tout va comme la nature Та стёб, j'ai bu la moitié de la bouteille de Cognac, Sacha m'a reproché que je n'ai pas pleuré en vous quittant (et toi, Brutus?..), Tata parle de vous à chaque instant et dit que vous êtes triste, enfin la lèpre de la famille — le calembour — a terminé cette journée stupide. Tata a fait en arrivant ici votre portrait. Sacha a dit: «C'est un démon». Et Tata lui a répondu tout de suite: «Non, c'est une démonstration».
Demain je vous écrirai, si je viens à temps197[197].
192[192] Вашу руку. Ландри из «Гнезда близнецов» (франц.).
193[193] Мне просто больно видеть вашего близнеца одного... (франц.). — Ред.
194[194] cela veut dire que nous nous verrons bientôt это означает, что мы скоро увидимся. — Прим. Н. А. Герцен.
195[195] Никак еще не могу свыкнуться с мыслью, что вы не с нами... Тата поручила мне передать вам столько, что я не решаюсь даже и начать (франц.).
196[196] Стол, половицы, дети — все танцует, невозможно продолжать (франц.).
197[197] Все идет так, как положено природой, я выпил полбутылки коньяку, Саша упрекнул меня за то, что я не плакал, расставаясь с вами (и ты, Брут?..), Тата вспоминает вас каждую минуту и говорит, что вы грустите, а кончился этот дурацкий день приступом нашей
Je n'ai pas écrit hier, parce que la poste part à 41/2 après midi pour Berne, et nous arrivâmes vers les 5. Mon arrivée a été sous les meilleurs auspices du monde, j'ai rencontré toute
21 (9) декабря 1849 г. Цюрих.
216
la petite famille prête à aller à un examen où Colas devait figurer... et je restai seul avec les voyageurs dans le Obernschôngrünschneebedecktberg, mais dans un quart d'heure la force publique envahit l'appartement, c'était une députation qui a reçu ordre du directeur de m'emmener vif ou mort à l'examen. Vous connaissez mes idées sur la mort, je lui déclare donc que si l'alternative est telle — je suis à ses ordres; alors ils me menèrent dans un désert de neige jusqu'au cou, dans un salon très bien éclairé pour les aveugles qui jouaient la flûte et touchaient le cœur et le piano, on leur démontrait la chaleur palpable — i! faisait au moins 45 degrés de Réaumur. — Cela n'est pas tout... moi en habit de voyage, paletot vert de grenouille à l'extérieur, Cognac de la Couronne au dedans... on me mène dans un cercle d'aristocrates, dont le plus jeune lisait un compte-rendu qu'il a commencé par ces mots: «Voilà pour la quarantième fois que j'ai l'honneur...» A chaque année il perdait une dent — cela a beaucoup augmenté à l'agrément.
On me fait asseoir entre ces monarques assemblés, qui vinrent encore une fois s'étonner de leur philantropie et pleurer sur leurs vertus sans exemple. La salle fut bientôt hermétiquement fermée — la chaleur redoubla, et une retraite à la Xénophon — il n'y avait pas même à rêver. J'étais désolé de n'avoir pas mangé ce jour une quantité de radis, comme nous le faisions, la nature me refusait des moyens equivalents — etc., etc., etc.
Colas a été admirable, il m'a touché jusqu'aux larmes, il parlera, il parlera... figurez-vous qu'à présent il connaît déjà les noms de toutes les choses qu'il voit tous les jours.
A présent parlons affaires.
фамильной болезни — каламбуром. Приехав сюда, Тата нарисовала ваш портрет. Саша сказал: «Это демон». Тата ему тотчас ответила: «Нет, это демонстрация».
J'ai rencontré plus de résignation chez ma mère que je ne l'avais era. Mais l'affaire reste dans la plénitude de ses ténèbres. Le chargé d'affaires écrit que la lettre de change de Golochwastoff) est terminée favorablement, mais qu'il ne pense pas à l'utilité de l'autre (Ogareff), parce que les affaires de madame sont dans le même état, que celles de son fils. En outre, il parle de la difficulté et du peu de sûreté d'envoyer des documents par la poste. Cette dernière phrase me fait penser à une défense de nous envoyer par la poste de l'argent et autre chose pécuniaire; cela s'est vu — par exemple avec Bakounine. Voilà ma résolution suprême.
Je pars demain ou après demain pour Berne avec ma mère, je reparlerai de toutes les affaires avec vous, je repartirai un jour après pour Paris. Je tâcherai

d'avoir un payement sur le billet et une acceptation d'une lettre de change. — Je reviendrai dans une huitaine, je m'arrêterai chez Emma, si olle ne me chasse pas. L'affaire sera mise au clair.
217
Une lettre énergique est partie pour mon frère, c'est le commencement.
Ma mère possède un Taufschein tout en règle et délivré en 1823, le 2 avril. «Henriette-Louisa. Eltern: Gottlob Friedrich Haag, Rent-Kammer Secretarius. Frau Wilhelmina Erpfin. Geboren 27 Juni 1795, Stuttgart».
Перевод
21 декабря 1849 г. Цюрих.
Не писал вам вчера, потому что почта уходит в Берн в 472 пополудни, а мы приехали около 5 часов. Приехал я в самый удачный момент: я застал все маленькое семейство в сборах на экзамен, где должен был выступать Коля. Я остался один с путешественниками на высоко- свеже-снего-засыпанном Красногорье, но через четверть часа в комнату ворвалась толпа народа: это была делегация, получившая от директора предписание доставить меня живым или мертвым на экзамен. Вам известно мое отношение к смерти, поэтому я тотчас заявил, что если так ставится вопрос, то я в их распоряжении. Тогда они потащили меня через снежную пустыню, по горло в снегу, и ввели в зал, очень хорошо освещенный для слепых, которые играли там на флейте, на струнах сердца и фортепьяно. Им выражали горячее одобрение самым ощутимым образом — в комнате было по меньшей мере 45 градусов по Реомюру. — Но это еще не всё... Меня, как я был, в дорожном платье, в пальто зеленого лягушачьего цвета — снаружи, и с коньяком гостиницы Курон — внутри, затащили в кружок каких-то аристократов,
самый молодой из которых читал отчет, начав его словами; «Вот уже в сороковой раз я имею честь...» Каждый год он терял по зубу, что усугубляло удовольствие. Меня усадили среди всех этих повелителей, которые явились сюда, чтобы еще раз подивиться собственному человеколюбию и пролить слезу над своими беспримерными добродетелями. Вскоре зал был герметически закупорен, жара усилилась вдвое, а об отступлении на манер Ксенофонта нечего было и мечтать. Я был в отчаянии, что не съел в этот вечер хоть немного редиса, как мы это обычно делали, а природа отказала мне в равноценных средствах, и т. д., и т. д.
Коля был восхитителен, он меня тронул до слез. Он будет говорить, будет говорить... представьте себе, он уже знает названия всех окружающих предметов.
А теперь поговорим о делах.
Я и не ожидал от моей матери такой уступчивости, но дело
218
по-прежнему покрыто беспросветным мраком. Поверенный пишет, что дело с векселем Голохвастова закончилось благоприятно, но он не верит в пригодность другого векселя (Огарева), потому что дела матери в том же состоянии, что и дела сына. Кроме того, он пишет о затруднительности и ненадежности пересылки документов по почте. Последняя фраза наводит меня на мысль, что пересылка нам по почте денег и иных ценностей запрещена, — так было, например, с Бакуниным.
Вот мое последнее решение.
Завтра или послезавтра мы с моей матерью выедем в Берн, я переговорю с вами обо всех делах, а на следующий день отправлюсь дальше, в Париж. Постараюсь получить деньги под билет и акцептировать вексель. Вернусь через неделю; я остановлюсь у Эммы, если не прогонит. И в дело будет внесена ясность.
Послал брату решительное письмо — начало положено.
У моей матери сохранилось метрическое свидетельство, составленное по всей форме и выданное 2 апреля 1823 г.
«Генриетта-Луиза, Родители: Готтлоб Фридрих Гааг, секретарь казенной палаты. Госпожа Вильгельмина Эрпфин. Родилась 27 июня 1795 г. в Штутгарте».
21 (9) deКaôpx 1849 z. Цтрих.
21 décembre.
Et encore une lettre...
J'ai reçu la vôtre, merci, elle est plus que belle, — et encore merci. Je peux ne pas m'entraîner comme vous, mais on peut aimer en lisant (comme vous à Simon de Trier) et en analysant comme ma «chétive pécore»...
Après avoir expédié ma lettre, j'ai reçu à la poste 4 lettres. Une — de notre chargé d'affaires, qui dit que mes documents pour l'affaire Ogareff sont arrivés à temps — mais qui dit derechef qu'il ne garantit pas les envois, que jusqu'à la frontière. — L'esclavage rend les hommes tellement astucieux qu'ils ne savent eux-mêmes rien de ce qu'ils veulent dire.
Golovine m'écrit qu'il a parlé de mon bien à un banquier de Londres, et que l'autre n'a pas montré de répugnance — il a parlé avec Bamberger. Chose étrange, nous en avons pensé avec vous. Tausenau lui a dit encore une fois qu'on l'a demandé à la Conciergerie de moi, des motifs... je vois de plus en plus qu'il

n'y a aucune sécurité pour Paris.
219
Nous partons demain à 4 heures après dîner... nous nous arrêterons chez vous, c'est à dire dans une chambre de la Couronne. Je suis décidé de pousser jusqu'à Londres si je ne réussis pas à Paris.
J'ai été chez Zürcher, c'est un brave vieillard qui a été très amical, lorsqu'il a vu que j'ai trois cents francs pour lui.
Il n'a rien imprimé par économie et attend l'Introduction et vous envoie les épreuves à Berne.
Au reste nous en reparlerons. Donc à dimanche. Mes salutations à Vogt.
Comme je ne sais pas encore si je suis riche ou pauvre, je bois du vin à 40 sous et une bière qui sent un peu la transpiration des hommes.
Votre lettre est très belle.
A.
Перевод
21 декабря.
Вот вам еще письмо...
Ваше получил, благодарю, оно более чем прекрасно — еще раз благодарю. Я могу и не увлекаться, как вы, но можно любить, читая (как вы — Симону Трирскому) и анализируя, как это делает мое «жалкое созданье»...
После того как я отправил свое письмо, я получил на почте целых четыре. Одно от нашего поверенного в делах, который пишет, что мои документы по делу Огарева прибыли вовремя, но опять-таки гарантирует доставку только до границы. — Рабство делает людей столь хитрыми, что они сами не понимают того, что хотят сказать. Головин пишет, что говорил о моем имении с одним лондонским банкиром и что тот не отказывается, — он говорил с Бамбергером. Странно, мы с вами уже думали о нем. Таузенау повторил Головину, что его спрашивали в Консьержери обо мне, о причинах... я все более убеждаюсь, что в Париже совсем ненадежно.
Мы уезжаем завтра в 4 часа пополудни... остановимся у вас, т. е. в гостинице де ля Курон. Я решил двинуться в Лондон, если ничего не добьюсь в Париже.
Был у цюрихца; это почтенный старец, он принял меня весьма дружелюбно, когда узнал, что у меня для него триста франков.
Из экономии он ничего не напечатал, ждет Введения и вышлет вам в Берн корректуру.
Впрочем, мы еще поговорим об этом. Итак, до воскресенья. Привет Фогту.
220
Я еще не знаю, беден я или богат, поэтому пью вино по 40 су и пиво, которое слегка отдает человечьим потом.
Ваше письмо прекрасно.
A.
Nous partons dans une demi-heure. — Je vous enverrai ce petit mot déjà de la France, pour vous dire que notre petit voyage s'est presque terminé de la manière la plus tranquille.
Je vous baise en son nom, c'est-à-dire au nom de la ville de Besançon.
На обороте: Zürich.
Monsieur G. Herwegh.
Перевод 25 декабря 1849 г. Невшатель.
Через полчаса мы уезжаем. Я пошлю вам эту записку уже из Франции, с тем чтобы сообщить, что ваше короткое путешествие почти закончено, и самым благополучным образом.
Целую вас от его имени, т. е. от имени города Безансона.
На обороте: Цюрих.
Господину Г. Гервегу.
135. Г. ГЕРВЕГУ
25 (13) декабря 1849 г. Везансон.
Besançon. 25 décembre 1849.
Nous voilà à Besançon, demain nous allons partir pour Paris. Quatre visas — on peut devenir visionnaire, deux douannes (faut-il deux n — ou non? je ne me rappelle plus).
Prenez la route de Neuchâtel, Cest une route bénie par Dieu.
Position — voyageurs.
Température — 10° Réaumur, geographischer Grad «der Beschränktheit» — Neuchâtel.
— Bise, neige, traîneaux, Sibérie.
— Manteau oublié...
Mais personne au monde ne connaît la route de Pontarlier à Besançon. — C'est une beauté inouïe, vraiment je n'ai rien vu en Suisse de plus beau.
«Et ait ille» — (moi) — au maître de l'hôtel. — «Donnez-moi une bonne bouteille de

Bourgogne».
«Et ait ille» (Wirt). — «Vous l'aurez», et il apporte du vin magnifique.
221
Poussé par le Satan, je demande: «Mais avez-vous une meil-leure?» — «Oui». — «Donnez-lal» — Vorwärts! Et j'ai bu l'autre aussi.
Drin, drin...
Drin ist nichts, nichts.
Перевод Безансон. 25 декабря 1849 г.
Вот мы и в Безансоне, завтра выезжаем в Париж. Четыре визы — есть от чего стать
визионером, две таможни (нужно ли два н или нет? — я уже не помню).
Поезжайте на Невшатель — это дорога, благословенная богом.
Звание — путешественники.
Температура — 10° по Реомюру, geographischer Grad «der Beschränktheit»198[198] — Невшатель.
Северный ветер, снег, сани, Сибирь.
Забытая шинель.
Но ни одна душа не знает дороги в Безансон через Понтарлье. Красота неслыханная.
В самом деле, ничего прекраснее я не видел и в Швейцарии.
«Сделте милсть, — (я) — хозяину гостиницы. — Дайте мне бутылку хорошего бургундского».
«Сделте милсть (Wirt199[199]). — Можно». И он приносит великолепное вино.
Тут черт меня попутал, и я спрашиваю: «А нет ли получше?». — «Есть». — «Дайте!» — Vorwärts!200[200] Выпиваю и вторую.
Drin, drin...
Drin ist nichts, nichts.
136. Г. ГЕРВЕГУ
28 (16) декабря 1849 г. Париж.
Paris. Le 28 décembre 1849.
Emma m'a reçu avec tant d'amitié, tant de sympathie, que j'étais touché, touché profondément, quoique je m'attendais à cela, — j'ai trouvé du Cognac dans ma chambre (c'était pour me dégrader devant Sarrasin), j'ai trouvé des sauces — voilà pour le matériel, et tout cela m'a fait tant de plaisir après un voyage diabolique, après une série de pensées tristement froides.
A présent parlons de vous. (Je ressemble à Arioste, je ne peux me décider à finir une phrase sans deux épisodes; je vous ai dit
222
que je veux parler de vous, et je me suis rappelé qu'hier parlant avec Emma j'ai remarqué pour la première fois qu'il est très insipide que je vous dise vous, c'est le vice-versa du tu avec lequel Strübing me régale, je vous propose donc d'écrire vos lettres au singulier). Eh bien, j'ai trouvé Emma très
199[199] хозяин (нем.).
triste, elle est profondément chagrinée, — ce n'est pas purement et simplement la séparation qui l'afflige, elle (et beaucoup d'autres) pense que le visa n'est pas trop nécessaire, — vous comprenez donc qu'elle doit expliquer le tout par un manque d'amour actif, etc., etc. — Cela l'a fait penser et repenser, et sous ce rapport elle est parvenue à s'insurger tant soit peu contre Votre Seigneurie. — Ici commence cette petite ligne de démarcation qui sépare nos opinions, — moi j'applaudis de tout mon cœur ce sentiment d'opposition (vous l'aimez dans les enfants — il faut généraliser et l'admettre dans toutes les relations) — c'est la véritable indépendance, non pas avarice de soi, mais das Selbständige — qui peut se fondre en amour et en amitié — sans se laisser absorber. Sur ce thème comme sur l'autre concernant l'analyse (comme vous le dites) je suis prêt à vous écrire des lettres monstres. Un seul mot, encore, — je crois indispensable pour vous de venir ici pour un temps quelconque; hier Barman n'avait pas encore de lettre de Dr. — Je ne sais rien encore de mes affaires. Kapp me fait une très bonne proposition de Francfort...
Emma vous a envoyé une lettre et un paquet adressés à ma femme à Zürich, Hôtel Bauer, faites demander. Et où êtes-vous enfin, je ne sais comment vous écrire — à Bern ou à Zurich.
Müller-Strübing a été enlevé par G. Sand, et demeure chez elle.
Aujourd'hui jour de naissance de Horace. — Vous l'avez oublié — vous avez très mal fait.
2 heures.
Je viens de Rotschild. — Les affaires ne sont pas bonnes, mais elles ne sont pas tout à fait désespérées. Premièrement nous avons connaissance à présent comment tout cela s'est fait. Rotschild m'a montré une lettre de Gaskel, où il l'avertit que le ministre de la police à Pétersbourg voulait opposer un veto contre le

payement de mon billet, mais il était déjà trop tard. Le fait de cette translation a, à ce qu'il paraît, éveillé l'attention, de là – l'interdit. – Rotschild tient l'affaire de m¬me Haag pour possible, mais après l'avis do Gaskel – il n'y a pas à penser à un payement. Il veut l'envoyer, et faire toutes les démarches possibles pour l'encaisser sans prendre le résultat à sa responsabilité. Concernant le bien – il pense que c'est une affaire
223
complètement perdue, mais il m'a proposé d'en écrire à Gaskel et de la lui proposer.
Après avoir mûrement réfléchi, je me suis décidé à remettre le billet à condition de recevoir le billet intact ou une somme équivalente. – La première réponse de Gaskel – je dois l'attendre ici. – Très possible que ma mère s'en ira toute seule.
J'ai été chez Barman, il doute fortement de la réussite de votre affaire.
J'ai reçu 300 francs de m-me Herwegh payables à vue à Zurich (notre style de banquier, m-r) par m-me Herzen. Elle a voulu vous les envoyer, mais je crois que la chose est beaucoup plus simple, j'en ai écrit à ma dame/femme/épouse.
Adda est d'une beauté et d'une «disinvoltura» parfaite. Horace entre dans l'âge de Sacha – âge qui n'a plus la grâce de Tata et n'a pas encore la grâce de Léontine.
Je vous serre la main.
Paris est impossible pour vivre, une tristesse morne s'est étendue sur la ville, personne n'attend rien, on vit, on végète de jour en jour. Les jours de fêtes sont passés pour la Seine. – Moi je persiste qu'après une courte apparition ici il faut vendre les meubles – et s'en aller; ni vos tapis, ni vos chaises curules ne pourront réparer le tort qu'on aura de vivre confortablement dans ce milieu d'opprobre. Canton Vaud – simplification des habitudes. Evviva l'independenza!
Tâchez de trouver la lettre qu'Emma m'a écrite – elle dit qu'elle y tient beaucoup.
N'oubliez pas les lettres de Stuttgart.
Que fait l'mtroduzione?
Перевод
Париж. 28 декабря 1849 г.
Эмма встретила меня так дружески, так радушно, что я был тронут, глубоко тронут, хотя и не ожидал ничего иного, – у себя в комнате я нашел коньяк (что имело целью уронить меня в глазах Саразена), нашел соусы – это по части вещественной, и все это доставило мне такое удовольствие после дьявольски трудного пути и длинного ряда унылых, холодных мыслей.
А теперь поговорим о вас. (Я похожу на Ариосто – никак не могу закончить фразу без двух вставных эпизодов; я сказал, что хочу поговорить о вас, и вспомнил, что вчера, беседуя с Эммой, я впервые заметил, как нелепо, что я говорю вам вы,
224
это – vice versa201[201] тому ты, каким меня потчует Стрюбинг; поэтому предлагаю вам в письмах обращаться ко мне в единственном числе). Так вот, я застал Эмму очень грустной, она глубоко огорчена – ее печалит не только и не просто самая разлука, но она (да и многие другие) думает, что виза не так уж необходима, – вы понимаете, что она должна, стало быть, объяснять все лишь отсутствием действенной любви и т. д. и т. д. Это заставило ее думать и раздумывать, пока ей не пришло в голову слегка побунтовать против вашей милости. Вот тут и начинается та незаметная демаркационная линия, которая разграничивает наши точки зрения, – я всем сердцем приветствую подобное чувство протеста (вам оно нравится в детях – надо его обобщить и допускать во всех взаимоотношениях), это подлинная независимость, не своекорыстие, а das Selbständige202[202], которое может сочетаться с любовью, с дружбой, не давая поглотить себя. На эту тему, как и на тему об анализе (как вы говорите), я готов писать вам чудовищно длинные письма. Еще одно только слово – я считаю, что вам необходимо приехать на некоторое время сюда; вчера у Бармана еще не было письма от Др. О своих делах я еще ничего не знаю. Я получил из Франкфурта от Каппа очень хорошее предложение.
Эмма отправила вам письмо и пакет на имя моей жены в Цюрих, Hôtel Bauer, затребуйте их. Да где же вы, в конце концов? Я не знаю, как вам писать – в Берн или в Цюрих?
Мюллер-Стрюбинг похищен Ж. Санд и живет у нее.
Сегодня день рождения Гораса. Вы про это забыли – очень дурно с вашей стороны.
2 часа.
Я только что вернулся от Ротшильда – дела нехороши, хотя и не совсем безнадежны. Во- первых, теперь мы знаем, как все произошло. Ротшильд показал мне письмо Гаскеля, в котором тот его извещает, что петербургский министр полиции хотел наложить вето на выплату по моему билету, но было уже слишком поздно. Факт его

передачи, очевидно, привлек внимание, отсюда и запрет. Ротшильд считает дело г-жи Гааг осуществимым, по мнению же Гаскеля, об уплате нечего и думать. Он Ротшильд хочет послать его билет и предпринять необходимые шаги, чтобы добиться инкассации, но не берет на себя ответственности за результат. Что касается имения, то он думает, что это совершенно безнадежное дело, однако предложил написать Гаскелю и предложить ему заняться им.
225
По зрелом размышлении я решил передать билет на условиях, что либо получу его обратно в неприкосновенном виде, либо эквивалентную сумму. — Я должен дождаться здесь первого ответного письма Гаскеля — очень возможно, что моя мать уедет отсюда одна.
Я был у Бармана, он сильно сомневается в успехе вашего дела.
Я получил от г-жи Гервег 300 фр., подлежащие уплате по предъявлении сего в Цюрихе (наш банкирский стиль, сударь) г-жой Герцен. Она собиралась послать их вам, но, мне думается, так гораздо проще, о чем я и написал моей госпоже/жене/супруге.
Ада — совершенство красоты и «^Бтуо1шга»203[203]. Горас вступает в возраст Саши, — возраст, в котором уже нет прелести Таты, но еще нет и прелести Леонтины.
Жму вашу руку.
Жить в Париже невыносимо, мрачная печаль распростерлась над городом, никто ничего не ждет, все живут изо дня в день, все прозябают. Праздничные дни миновали для Сены. Я твердо стою на том, что после краткого пребывания здесь надо продать мебель и уехать — ни вашими коврами, ни вашими курульными креслами нельзя будет оправдать комфортабельного образа жизни посреди такого позора.
Кантон Во — упрощение привычек. Evviva 1'тьерепье^а!204[204]
Постарайтесь найти письмо, которое Эмма мне написала, — она говорит, что для нее это очень важно.
Не забудьте о штутгартских письмах.
Что слышно с l/introduzione?205[205]
137. САШЕ ГЕРЦЕНУ
29 (17) декабря 1849 г. Париж.
29 декабря 1849. Париж.
203[203] «непринужденности» (итал.).
204[204] Да здравствует независимость! (итал.). 205[205] введением? (итал.). — Ред.
Саша, записочку твою получил и очень рад, что ты занимаешься лучше; не обещай много, но старайся по мере возможности исправляться. — Сегодня рождение Гораса; я ему подарил обезьяну с пружиной — вертит глазами, головой, губами и играет на скрипке. Кстати, тут же я купил Коле ящик зверей, вырезанных из картона, и для Таты — Лафонтеновы басни с лото; ты им это расскажи подробно. Тебе еще не сыскал ничего, а думаю, что привезу вырезанные виды Парижа,
а впрочем, если тебе лучше что-нибудь другое, то (только укладистое) напиши.
Тате — кус }
}и грус.
Коле — данке }
Прощайте.
138. Г. ГЕРВЕГУ
31 (19) декабря 1849 г. Париж.
Le 31 décembre 1849. Paris.
Ma lettre sera très triste, je vous en préviens, cher Georges, pour que vous puissiez ne pas la lire, ou la lire après; elle vous mettra en mauvaise humeur. J'ai ma fatalité aussi, c'est d'être très souvent quelque chose dans le genre d'un bourreau de mes amis. Mais il m'est impossible de me taire. Et devrais-je encourir, non seulement un reproche, mais un éloignement de votre part, jo ne me tairai pas.
Votre pleine confiance, votre amitié pour moi me force de vous dire qu'il y a un côté dans votre caractère — où moi, loin de me sentir votre besson, je me sens froissé, indigné. Passer outre, ne pas en parler — serait assez lâche et passablement traître.
Hier la journée passait assez bien, le soir on nous apporte vos lettres, j'ouvre et je sens que je rougis, Emma attendait avec le plus grand empressement un mot, me demande — il n'y avait que son adresse. Hier vous avez oublié d'écrire un mot à propos de Horace, aujourd'hui préoccupé du non recevoir de diable sait quelle lettre — vous n'avez rien écrit — je ne suis pas une femme, mais j'ai senti un frisson, que je sens toujours lorsque quelque chose de dur touche mon cœur. Elle, dévouée comme elle est (ce que je prends pour une maladie), elle était anéantie. Nous parlâmes longtemps, je mentais, je vous inculpais, pour vous justifier — et maudissant ce rôle louche, je me jetai vers 3 heuressur le lit.

Triste, ému, j'ai beaucoup pensé, voilà, les résultats.
Aimer, ne pas aimer une femme, un homme – c'est involontaire et je n'oserai jamais toucher à ces océanides de l'ame humaine. Mais no pas so permettre, ne pas désirer même d'en avoir de la cruauté capricieuse – est autre chose. L'homme qui pense qu'il suffit de l'aimer pour supporter l'oppression, le manque d'égard, a un défaut dans le cœur; peut-être c'est un résultat de l'abandon et du relâchement de caractère, amalgamé avec les exigences tout contraires de ses amis. Là, je ne reconnais plus en vous l'homme sympathique. Vous me direz que vous êtes une fois comme cela, que c'est votre nature. Eh bien – je ne veux pas vous laisser en erreur, ma nature est parfaitement le contraire, sous ce rapport, ici elle est tout-à-fait antipathique à la vôtre. Je ne donne à personne le droit de torturer par amour ni par haine.
Je suis sûr que vous n'avez jamais entendu des paroles d'une franchise si sauvage. Moi je suis un être fort et sain, je ne peux voir dans mes amis sans protester un laisser-aller qui touche à l'inhumanité, d'autant plus que vous avez élevé à la hauteur d'une théorie ce que vous deviez rejeter comme un élément indigne de vous.
«Ce sont des formes, je m'arrête aux formes». – Et oui, certainement, la grâce est aussi formelle, je suis réaliste.
Cet incident m'a fait penser à bien des choses. Entre autres à notre avenir. Moi je ne peux être heureux que dans notre petit cercle, lorsqu'il sera harmonique. Moi je ne me sens plus libre là où commencent ces petits malheurs improvisés, malheurs de luxe, inutiles, ces tracasseries coquettes et peut-être maladives. Par le rapport qui s'élablit entre vous et Emma – il faut laisser de côté toute fantaisie d'aller dans une petite ville, dans un coin paisible. Restons à Paris. Paris me repousse – mais je vous propose d'y rester. C'est le seul moyen de nous sauver – de nous-mêmes.
Il y a presque un an je vous ai traduit une fois les Bohémiens de Pouchkine, où le vieux Bohémien dit à Aleko qu'il ne peut pas encore vivre en paix et liberté, qu'il y a trop du monde social en lui. – Nous sommes dans ce cas, et je ne peux me tromper. Nous ne pouvons commencer la nouvelle existence. Restons à Paris et préparons-nous.
J'ai pensé au sentiment lourd et triste que cette lettre doit produire sur vous. D'autant plus que cela vient d'un homme qui n'a rien à vous reprocher de pareil pour lui. Mais je l'enverrai. De ménagement en ménagement on peut s'éloigner l'un de l'autre de manière qu'on parviendra à un état de mensonge mutuel...
O Dieu des dieux, quelle responsabilité prenez-vous... ou quelle fatalité vous pousse de bercer ces misères dans votre âme si belle et si large? Est-ce par hasard, c'est sans plaisanter que vous aimez à répéter que la bosse de la conscience vous manque. Sacré Dieu, relevez donc votre corps – et entrons dans la vie réelle au lieu de se consumer dans des incidents tragico-nerveux – c'est la voix d'un homme qui vous aime jusqu'à être malheureux de vos défauts.
228
Перевод
Письмо мое будет очень грустным, предупреждаю вас, дорогой Георг, чтобы вы могли либо не читать его вовсе, либо прочесть позднее; оно приведет вас в дурное настроение.
Надо мной тоже тяготеет некий рок – мне очень часто приходится превращаться как бы в палача своих друзей. Но я не могу молчать. И пусть я рискую заслужить не только ваши упреки, но и вызвать ваше отчуждение, я не стану молчать.
Ваше полное доверие, ваша дружба ко мне побуждают меня сказать, что в вашем характере есть одна сторона – там я вовсе не чувствую себя вашим близнецом, а чувствую себя задетым, возмущенным. Пройти мимо, обойти это молчанием было бы достаточной трусостью и изрядным предательством.
Вчера днем все шло сносно; вечером нам приносят ваши письма, вскрываю их и чувствую, что краснею; Эмма с величайшим нетерпением ждала нескольких слов, она спрашивает у меня, но там был всего только ее адрес. Вчера вы забыли написать несколько слов о Горасе; сегодня, озабоченный неполучением какого-то, черт его знает, письма, вы опять ничего не написали, – я не женщина, но я почувствовал содрогание, какое чувствую всякий раз, когда что-нибудь грубое коснется сердца. При всей ее преданности вам (которую я рассматриваю как болезнь) она была уничтожена. Мы долго говорили, я лгал, я вас обвинял, чтобы оправдать, – и, проклиная свою двусмысленную роль, бросился в постель около 3 часов, грустный, взволнованный. Я много передумал, – вот итоги.
Любить или не любить женщину, мужчину – в этом мы не вольны, и я никогда не посмел бы коснуться этих океанид человеческой души. Но не позволять себе капризной жестокости, не допускать даже мысли о ней – это другое дело. У человека, который думает, что достаточно его любить, чтобы выносить его гнет,

невнимание, — в сердце есть изъян; возможно, что это следствие распущенности и расслабленности характера, столкнувшееся с прямо противоположными требованиями друзей. Тут я уже не могу признать вас за человека мне симпатичного. Вы скажете, что ничего не поделаешь, что так уж вы созданы, что такова ваша натура. Ну, а я не хочу оставлять вас в заблуждении — у меня натура совершенно другая в этом отношении, здесь она просто враждебна вашей. Я ни за кем не признаю права мучить — ни из любви, ни из ненависти.
Я уверен, что вам никогда не приходилось слышать таких необузданно откровенных слов. Я человек сильный и здоровый,
229
я не могу без чувства протеста видеть у своих друзей небрежение к ближним, граничащее с бесчеловечностью, тем более что вы подняли на высоту теории то, что должны была бы отбросить как недостойный вас элемент.
«Все это форма, я придираюсь к форме». — Ну, конечно, вежливость тоже форма, я реалист.
Этот случай заставил меня о многом подумать. Между прочим и о нашем будущем. Я лично могу чувствовать себя счастливым в нашем тесном кружке, только если в нем установится гармония. Я перестаю чувствовать себя непринужденно там, где начинаются мелкие, выдуманные горести, ненужные горести от пресыщения, ссоры, порождаемые то ли кокетством, то ли болезненностью. При отношениях, сложившихся у вас с Эммой, нужно оставить всякую мечту о переезде в маленький город, в тихий уголок. Останемся в Париже. Париж мне противен, но я предлагаю остаться здесь. Это единственное средство для нас спастись — от самих себя.
Около года тому назад я как-то перевел вам «Цыган» Пушкина, где старый цыган говорит Алеко, что тот не может еще жить в мире и свободе, что в нем еще слишком много от социальной среды. — Мы в том же положении, и я не могу себя обманывать. Мы не можем начать нового существования. Останемся в Париже и будем готовиться.
Я подумал о тяжелом и грустном чувстве, которое должно вызвать у вас мое письмо. Тем более что сказанное исходит от человека, который не может упрекнуть вас в чем-либо подобном по отношению к себе. И все же я пошлю его. Ведь щадя раз, щадя два, можно так отдалиться друг от друга, что дойдешь до взаимного обмана...
Боже мой, какую ответственность возлагаете вы на себя... какой рок толкает вас лелеять в вашей столь прекрасной и щедрой душе все эти слабости? Видно, не случайно и не шутки ради вы любите повторять, что лишены шишки совести.
Подтянитесь же, черт возьми, и давайте жить реальной жизнью, вместо того чтобы изнурять себя трагико-нервическими инцидентами. Это голос человека, который настолько вас любит, что страдает, видя ваши недостатки.
139. САШЕ ГЕРЦЕНУ
31 (19) декабря 1849 г. Париж.
31 декабря 1849. Париж.
Саша,
поздравляю тебя с Новым годом, будь здоров и умен и поцелуй Колю с Татой.
Папа.
9 janvier 1850. Paris.
Votre lettre m'a fait beaucoup de bien, un des fardeaux qui m'enfonçait le cœur, vous l'avez ôté. — Mais laissez-moi à ma critique, — j'ai une démangeaison (peut-être c'est de l'aliénation mentale) de scruter les derniers liens qui nous font quelque chose de l'existence. Un chaos passe par ma tête, tout fermente, les dernières bases craquent, les derniers refuges s'encombrent.
Episode malheureux, éveillé par sympathie amicale pour Emma et qui ne veut pas passer. Même je ne bois presque pas de vin, et je ne lis pas les journaux — symptôme dangereux.
И не пьется водочка По этой причине.
Mais élevons-nous dans une autre sphère, au moins, éloignons-nous des cas donnés. Je vous ai écrit et je vous le répète, nous tous nous portons une marque au front, nous tous nous avons des traces de l'esclavage égyptien. Il faut subir cela. Au fond de notre âme il y a un ess-bouquet de toutes les tendances corruptrices de la civilisation, un égoïsme cupide, un amour-propre implacable. Oh, ici ce n'est pas vous que j'inculpe — je n'inculpe ni ne vous excepte. Enfin cela n'est pas vous, ni moi — non vitia hominis... La grande question est de savoir, peut-on se sauver de cette lèpre que la décadence nous a inoculée ou non. Je crois que oui, au moins l'épreuve n'est pas à dédaigner. Kant a dit qu'une action n'est pas morale si on ne peut la généraliser — on peut ajouter qu'une action qui n'est pas généralisée est un fait passé. Or moi je pense que vous êtes d'un degré plus malade que moi — parce que vous agissez tout-à-fait conformément à
231
une théorie psychologique que vous élevez pro domo sua et qui n'a aucune

relation véritable avec votre point de vue — qui est en tout le mien. Comment êtes-vous parvenu à cette apothéose de
chaque velléité, de chaque caprice, à ce ménagement de vous-même — qui va jusqu'à ne pas vouloir lire des lettres qui contiennent des nouvelles qui ne vous plaisent pas, à cette préoccupation de votre repos et cet oubli de l'autrui? — Comment enfin vous êtes parvenu à avoir un entendement vaste et une dépendance complète des petites misères, des talents prodigieux — et aucune productivité? Vous n'êtes pas libre — vous êtes dans les choses privées plus insurgé qu'indépendant, vous avez même un élément conservateur — qui à lui seul pourrait prouver que j'ai raison.
C'est à vous de connaître la phénoménologie de ce développement. Moi j'ai besoin de vous dire qu'avec ces théories toute relation franche et libre s'empoisonne. On vous aimera — mais on ne sera pas heureux, on vivra avec vous — mais la vie sera lourde. On aura des instants de bonheur — et des journées d'ennui... Voilà la cause de mon invitation de venir à Paris que vous n'avez pas voulu comprendre, et dont l'exécution est à présent totalement impossible. A Paris il y a plus de distraction, on ne se regarde pas en face à chaque instant. A Paris on est entraîné, ahuri, autre chose à Vevey.
Il est bientôt 5 heures, donc la continuation à un autre №.
Pour finir, je vous dirai seulement la conclusion. Sentez-vous un besoin de changer votre biosophie et de faire l'épreuve d'une vie plus conforme à vous-même? Voulez-vous faire quelque effort pour sortir de l'état maladif où vous êtes — ou non?
На обороте: Georges Herwegh.
En cas de son départ, envoyez-lui la lettre.
Перевод
9 января 1850 г. Париж.
Ваше письмо подействовало на меня очень благотворно, одной тяжестью меньше на сердце — вы ее сняли. Но не отнимайте у меня права критиковать — я чувствую непреодолимое влечение (может быть, это умопомешательство) подвергать испытанию последние узы, благодаря которым мы еще дорожим жизнью. В мыслях у меня хаос, всё в брожении, распадаются последние основы, рушатся последние прибежища. Злополучный эпизод, вызванный дружеской симпатией к Эмме, никак не забывается. Я даже почти не пью вина и не читаю газет — опасный симптом.
И не пьется водочка По этой причине.
Но поднимемся в иную сферу или хотя бы отойдем от данного случая. Я уже писал вам и повторяю: у всех нас клеймо на лбу, на всех нас следы египетского рабства. Это надо претерпеть. В глубине нашей души эсс-букет развращающих тенденции цивилизации, алчный эгоизм, неукротимое самолюбие. О, здесь я не обвиняю вас, — не обвиняю, но и не исключаю. Словом, я обвиняю не вас, не себя — non vitia hominis206[206]... Главный вопрос в том, можно ли спастись от этой проказы, привитой нам периодом упадка, или нет. Я думаю, что можно, по крайней мере не надо пренебрегать такой попыткой. Кант сказал, что поступок не является нравственным, если его нельзя обобщить, — можно добавить, что поступок необобщенный есть факт, отошедший в прошлое. И вот я думаю, что вы больны на градус серьезнее меня, потому что вы поступаете в полном соответствии с психологической теорией, которую создаете pro domo sua и которая не имеет никакой настоящей связи с вашей точкой зрения, полностью совпадающей с моей. Как дошли вы до такого апофеоза малейшего своего желания, малейшего каприза, до такого бережного отношения к самому себе, что оно доводит вас до нежелания читать письма, содержащие известия, неприятные вам, как дошли вы до такой озабоченности собственным покоем и до такого забвения своих окружающих? Как, наконец, дошли вы до того, что при всей широте своего кругозора находитесь в полнейшей зависимости от жалких мелочей, при необычайных талантах — остаетесь совершенно бесплодным. Вы не свободны, в своей частной жизни вы скорее бунтарь, чем независимый человек, в вас есть даже известный консерватизм, что уже само по себе могло бы служить доказательством моей правоты.
Кому как не вам знать феноменологию этого развития. С своей стороны, должен сказать, что подобными теориями будет отравлено всякое искреннее, свободное отношение. Вас будут любить, но счастливы не будут; с вами будут жить, но жизнь эта будет тяжела. Будут минуты счастья и дни тоски. — Вот причина, побудившая меня звать вас в Париж, — причина, которую вы не захотели понять. Теперь же все стало совершенно неосуществимым. В Париже больше развлечений, не приходится ежеминутно быть друг у друга на глазах. В Париже тебя всегда что-то увлекает, оглушает — иное дело в Веве.
Скоро 5 часов — итак, продолжение в другом №.
В заключение же скажу лишь как вывод: чувствуете ли вы потребность изменить свою биософию и попытаться жить другою жизнью, более вам соответствующей? Хотите ли

сделать некоторое усилие, чтобы выйти из того болезненного состояния, в котором вы находитесь,или нет?
На обороте: Георгу Гервегу.
В случае же его отъезда перешлите ему письмо.
141. САШЕ ГЕРЦЕНУ
16 (4) января 1850 г. Париж.
16 января 1850. Париж.
Любезный Саша, может быть, я тебя скоро увижу, если мама тебя возьмет с собою. Здесь снег по колено, — что же у вас.
Я стареюсь без вас.
Расцелуй Колю и Тату. Когда-то я увижу вас всех.
Твой папа.
Кланяйся Элизе.
142. Г. ГЕРВЕГУ
17 (5) января 1850 г. Париж.
Cher Georges, je me proposais de vous écrire une longue lettre, et je n'ai que le temps de vous serrer la main, votre lettre que j'ai reçue hier a anéanti le mauvais effet de la seconde. Laissons donc cela — et s'il nous semble que tout croule — attachons-nous, et diable, en avant, sauvons-nons, sauvons les individualités. — Ecoutez, mon amitié peu tolérante s'est peut-être exprimée comme la haine — passons outre. Dans le principe j'avais raison et puissiez vous me traiter encore cent fois de frivole, vous ne le sentez pas. Et pourquoi vous ne voulez jamais vous replier sur vous-même, pourquoi lorsqu'on vous inculpe, censure, vous commencez tout de suite l'inculpation de l'autre. Vous parlez de la conduite d'Emma envers vous; ah, justice, justice, ne l'avez-vous pas provoquée par votre laisser-aller? Ce ne sont pas des homélies — mais des vérités, vous donniez trop à vous et rien aux autres. Cela m'insurgeait contre vous, et cela me révolte. Et vous pouvez me taxer de doctrinaire comme vous voulez, mais je sais qu'il existe une catégorie de la mesure, laquelle dépassée, on est hors de la réalité. Cet état — hors de la réalité — est apprécié comme un état supérieur, poétique, cataleptique — tout cela n'a pas le sens commun. Oui,
234
mon opinion est superficielle, parce que la substance de la chose est à sa superficie.
Comment pouvez-vous penser que moi je voudrais vous chercher chicane de ce que vous vouliez rester libre quelques mois? Mais je vous cherche chicane parce que vous n'avez rien fait de ce que la simple humanité exigeait. Vous pensez qu'on peut dire à une femme: «Attends un an, je te repermettrai de m'aimer», mais c'est de la tyrannie. Au lieu de cela dites-lui aue vous voulez rester seul, vous concentrer, cela se comprend.
Vous avez tant soit peu joué avec les individualités — avec votre amour sincère, grand — vous donniez l'air d'un égoïsme insupportable.
Je me révoltais contre cela maintes fois. Pensez-vous que les petites choses m'échappent? Je voyais avec tristesse, prévoyant des malheurs, comme vous et en partie Natalie (si réelle au fond) développiez ces théories d'un idéalisme, d'un romantisme sui generis, et qui m'offensaient encore plus, parce que je ne voyais, moi, rien de ces choses excentriques dans votre caractère...
Et bien, je n'ai pas même le temps de relire ma lettre, je vous dis encore une fois, oui, j'ai mérité la sympathie que vous m'aviez donnée, oui, je vous tends la main à une plus ample explication — et je prends un engagement solennel de venir en tout cas et où vous vous trouviez, pour en reparler si vous le désirez. Dans ma vie j'ai eu deux rencontres peut-être plus profondes que la vôtre — celle d'Ogareff et de Natalie — pensez-vous que je sois assez frivole pour pouvoir vous abandonner?..
Перевод
Дорогой Георг, я собирался писать вам длинное письмо, но времени у меня хватает только на то, чтобы пожать вам руку. Ваше письмо, полученное мною вчера, сгладило дурное впечатление от второго из ваших писем. Итак, оставим это, а если уж мы думаем, что все кругом рушится, сплотимся, и вперед, черт возьми, давайте спасать себя, спасать отдельных людей. Послушайте, возможно, что моя дружба, далекая от терпимости, говорила языком ненависти, — забудем это. По существу же я был прав, и называйте меня хоть сто раз вздорным, вы сами этому не верите. И почему вы никогда не хотите оглянуться на себя самого, почему, когда вас обвиняют, критикуют, вы тотчас принимаетесь бросать обвинения другим? Вы говорите о поведении Эммы по отношению к вам; ах, будем же справедливы, будем же справедливы — не вы ли толкнули ее на это своим небрежением? Это не нравоучение,
235
а истинная правда, вы слишком много брали, ничего не давая другим. Все это меня

возмущало и восстанавливает против вас. И вы можете сколько вам угодно обвинять меня в доктринерстве, я знаю, что существует мера вещей, переступив которую оказываешься вне реальной действительности. Такое состояние — вне действительности — расценивается вами как состояние высшее, поэтическое, каталепсическое, — а все это лишено здравого смысла. Да, моя точка зрения поверхностна, ибо самая субстанция предмета — на его поверхности.
Как могли вы подумать, что я стану придираться к вам за желание пожить несколько месяцев на свободе? Я потому придираюсь к вам, что вы не удовлетворили ни единого требования простой человечности. Вы думаете, что можно сказать женщине: «Пережди годик, и я опять разрешу тебе любить меня» — но ведь это тирания. Скажите вместо этого, что вам хочется побыть одному, сосредоточиться, — это понятно.
Вы немножко кокетничали кой перед кем своей искренней большой любовью, а создавалось впечатление нестерпимого эгоизма.
Я не раз возмущался этим. Не думайте, что я не замечаю мелочей. С грустью смотрел я, предвидя несчастья, как вы и отчасти Натали (человек, в сущности, очень реального мышления) развивали все эти БШ generis207[207] идеалистические, романтические теории, тем более меня возмущавшие, что я ничего такого особенно эксцентричного в вашем характере не замечал...
У меня нет даже времени перечитать письмо; так вот, еще раз повторяю: да, я заслуживаю вашего расположения; да, я протягиваю вам руку до более обстоятельного объяснения и даю торжественное обязательство во всяком случае приехать туда, где вы будете, и возобновить, если угодно, наш разговор. В моей жизни были, быть может, только две более значительные встречи, чем встреча с вами, — это с Огаревым и Натали, — неужели же вы думаете, что у меня хватит легкомыслия расстаться с вами?...
Vous pensez, cher Georges, ou plutôt vous ne le pensez pas, mais vous l'écrivez: «Eh quel plaisir trouvez-vous à ces vivisections», — mais est-ce que vous ne voyez pas que mon scalpel est à double tranchant et qu'il s'enfonce autant dans ma poitrine que dans la vôtre.
18 (6) amapa 1850 z. napux.
236
Oh, que j'étais malheureux tout ce temps, vous m'avez dit dans la 2e lettre quelque chose dans le genre qu'il n'est pas beau de faire parade de ses sentiments. Qui au monde a parlé le moins de sentiment? Je suis très sobre, je suis même très candide sous ce rapport. — Et je m'abstiens, même à présent. C'était un orage qui passa par ma poitrine — une crise, mais nous pouvons à présent, après nous avoir heurtés, commencer une seconde existence, qui, peut-être, sera basée sur une sympathie encore plus large. N'avez-vous donc jamais remarqué que chaque fois lorsque nous passâmes des soirées entières avec vous en parlant de la politique, jusqu'aux calembours — nous étions tellement d'accord, même en disputant — que chacun développait la pensée de l'autre? Et tout le contraire, lorsque les questions devenaient psychologiques, individuelles, ici nous nous heurtions toujours, — chez moi un réalisme serein, un humanisme sympathique l'emportait toujours, — chez vous non. Cela serait. encore une différence individuelle, mais je voyais là-dessous un élément de sûreté égoïstique — qui me faisait monter le sang à la tête. Peut-être j'exagérais quelquefois — mais j'en souffrais d'autant plus — que j'avais déjà rencontré le même élément (sous une forme moins anguleuse et peut-être moins irritante, — mais plus implacable) — dans Natalie. De vous trios — ne m'en voulez point — c'est le seul Ogareff qui ne m'a jamais froissé.
Lorsque j'ai vu que cet élément prenait le dernier temps chez vous de plus en plus racine, lorsque j'ai vu que Natalie commençait à partager même la théorie — atroce (passez-moi le mot), sophistique en faveur de sa propre personne, je sentis qu'il fallait parler. Nous avons parlé à Berne. Vous m'avez confondu par les sentiments; mais d'après vos lettres je vois que vous vous échappez vous-même, vous vous sauvez de la critique, du regard dans votre poitrine — par les sentiments. — Vous appelez ma manière de raisonner frivole — je ne le crois pas. Regardez les résultats. Vous inculpez à présent Emma — ce n'est pas à vous de le faire. Elle a fait des imprudences, elle a outrepassé peut-être la mesure dans quelques observations etc... mais dites, de grâce, pourquoi ne lui avez-vous pas écrit que vous cherchiez à présent de rester quelque temps seul pour vous recueilir, — elle aurait tout fait, tout souffert... Mais ce qui la rendit irritée et malheureuse c'est l'attente
perpétuelle. C'est que vous n'avez donné pas une seule solution sérieuse à ses questions, — non, ce n'est pas frivolité lorsque je dis qu'une amie a au moins droit à l'attention, — et vous le sentiez aussi, mais vous ne vouliez pas vous forcer. «Ces victoires ne vous font pas de plaisir», — m'avez-vous dit è Berne.

237
Cher Herwegh, encore une fois, ne vous fâchez pas – mais le résultat de ce principe est tout net – il faut donc rester seul ou prendre les amis quelquefois pour quelque chose d'offensable. Vous ne m'avez jamais en rien offensé personnellement, au contraire, je voyais dans chaque mot, dans chaque geste effusion, amour. Mais je ne pouvais vous pardonner votre laisser-aller mutin avec les autres (c'est tout le contraire de la jalousie) et encore plus envers Emma. Mon Dieu, mon Dieu, comment cela s'est fait que je sois là entre vous deux, cela s'est fait d'une manière tellement naturelle, que je n'ai pas même eu de doute en vous écrivant ma première letter – si j'en avais le droit ou non. Voilà un côté. De l'autre, je vous donnais la complète absolution – pensant que vous, comme nous tous, nous soyons des êtres empoisonnés par le milieu pestiféré; moi-même je sentais que moi, en parlant, je succombais à des accès de rage qui feraient honneur à un chacal.
Ce temps était dur, il l'est encore. Il était inutile – que voulez-vous faire. Je ne suis pas encore ni tranquille, ni bien portant, j'ai une telle excitation nerveuse, que je crains à chaque instant quelque chose, que je flaire malheur à droite et à gauche. Croyez-vous que je ne sors pas, que je ne fais rien. Cela passera. – Voulez-vous continuer, dites-moi quelques mots. – Ecrivez une lettre sympathique à Emma, oubliez les rancunes – votre mémoire est moins chargée. Et donnez votre main...
Je vous envoie la lettre de Kapp – expédiez donc la brochure sans avant-propos qui restera pour la IIe édition.
Dites un mot à Kapp des autres éditions, je consens à tout – tout cela pour le moment est de la plus haute indifférence.
Перевод
18 января 1850 г. Париж.
Вы думаете, дорогой Георг, а вернее, вы этого не думаете, но только пишете: «Ну, что за удовольствие можно находить в подобных вивисекциях?» Да разве вы не видите, что мой скальпель обоюдоострый, и он вонзается столько же в мою, сколько и в вашу грудь.
Ах, как я был несчастен все это время; во втором письме вы сказали нечто вроде того, что нехорошо щеголять своими чувствами. Да кто же меньше меня говорил о чувствах? Я очень сдержан и даже очень простосердечен в этом отношении. И воздерживаюсь даже теперь.
Это была буря, пронесшаяся в моей душе, это был кризис, но теперь, после всех столкновений, мы можем начать иное существование, основанное, быть может, на еще более широкой
238
симпатии. Разве вы не замечали, как всякий раз, когда нам с вами случалось вечера напролет проговорить о политике договариваясь до каламбуров, мы были до такой степени единодушны, что, даже споря, каждый развивал мысль другого? И напротив, стоило нам перейти к вопросам психологическим, личным, как между нами непременно возникали столкновения. У меня всегда брали верх спокойный реализм, благожелательная гуманность, у вас – нет. В этом опять-таки можно было видеть индивидуальное различие, я же угадывал за этим элемент эгоистического самоограждения, отчего кровь бросалась мне в голову. Иногда я, быть может, и преувеличивал, но страдал от этого тем сильнее, что уже наталкивался на тот же элемент (в менее резкой и, быть может, в менее раздражающей, зато и в более непримиримой форме) у Натали. Из вас троих, не сердитесь, в одном только Огареве ничто никогда меня не оскорбляло.
Когда я увидел, как за последнее время все больше и больше укореняется в вас этот элемент, когда я увидел, что Натали начинает даже применять к себе самой эту (простите) жестокую софистическую теорию, я почувствовал, что надо говорить. Мы говорили в Берне. Вы обезоружили меня чувствами, но по вашим письмам я вижу, что, прячась за чувства, вы бежите от самого себя, от критики, боитесь заглянуть в собственное сердце. Вы называете мои рассуждения легкомысленными – я этого не думаю. Посмотрите, что получилось. Теперь вы обвиняете Эмму, а вам ли обвинять ее? Она была неосмотрительна, может быть, слишком далеко зашла в некоторых своих замечаниях и т. д. ... Но, скажите, пожалуйста, почему вы не написали ей, что вам хотелось бы теперь побыть некоторое время одному и собраться с мыслями, она бы все выполнила, все снесла... Но вечное ожидание – вот что сделает ее раздражительной и несчастной. Ведь вы не разрешили серьезно ни одного из поставленных ею вопросов. Нет, это не легкомыслие, когда я говорю, что подруга по крайней мере имеет право на внимание. Вы тоже сознавали это, но не хотели принуждать себя. «Такого рода победы над собой не доставляют вам удовольствия», – сказали вы мне в Берне.
Дорогой Гервег, еще раз повторяю, не сердитесь, но вывод из подобного принципа

совершенно ясен: надо либо оставаться в одиночестве, либо признать, что и друзья все-таки способны иной раз оскорбляться. Меня лично вы никогда ничем не оскорбили, напротив, я видел в каждом слове, в каждом движении порыв, любовь. Но я не мог вам простить (что совершенно противоположно ревности) капризной небрежности по отношению к другим, а в особенности к Эмме. Боже мой, боже, как это случилось, что я оказался между вами? Все получалось как-то так естественно, что у меня и сомнений не возникло, имею ли я на то право или нет, когда я писал вам свое первое письмо.
Такова одна сторона вопроса. С другой стороны, я готов дать вам полное отпущение, памятуя, что вы, как и все мы, люди, отравленные зачумленной средой; я и сам чувствовал, как, говоря с вами, поддавался приступам ярости, которые сделали бы честь шакалу.
Тяжелое это было время. Да оно и сейчас еще не прошло. Ненужное время. Но что поделаешь?
Я еще не успокоился и не поправился, я в таком нервном возбуждении, что поминутно чего- то опасаюсь, жду несчастья и справа и слева. Поверите ли, я совсем не выхожу и ничего не делаю. Это пройдет. — Если хотите продолжить разговор, черкните мне несколько слов. — Напишите ласковое письмо Эмме, забудьте обиды — ваша память ими меньше обременена. И дайте руку.
Посылаю вам письмо Каппа. Отправьте же брошюру без предисловия, оно останется для второго издания.
Черкните словечко Каппу о других изданиях. Я на все огласен — все это теперь для меня совершенно безразлично.
144. Г. ГЕРВЕГУ
22 (10) января 1850 г. Париж.
22 janvier 1850. Paris.
Je vous embrasse de tout mon cœur pour votre lettre, cher Georges; je l'ai lue, relue, oui, oui, nous restons, nous resterons ce que nous sommes — amis... bessons. — Je le jure!
Rien n'est décidé par moi, rien n'est rompu entre nous... une maladie terrible a traversé nos cœurs, nous avons beaucoup souffert, mais les forces reviennent, mais il fait plus clair... A bas la maladie, et vive la santé!
Une seule chose doit vous paraître étrange — je m'eu veux vous l'expliquer — et prenez cela pour le plus grand témoignage de mon amour pour vous, parce que ordinairement j'aime beaucoup mieux me taire que de parler de pareil sujet. — Votre seconde lettre m'a beaucoup chagriné, il y avait une telle injustice dans l'ironie même, que j'en étais blessé. En même temps que je voyais à vue d'œil la désolation, le désespoir d'Emma (vous avez parfaitement tort en disant qu'elle m'a influencé, et quelle autre influence pourrait-elle avoir, que l'influence d'un fait, qu'on voit et qu'on accepte parce qu'il est vrai) — par lequel je vous voyais emporté comme par je ne sais quel «bufera infernale» — à vous détruire au nom de l'amour. En même temps toute la correspondance de ma femme avait un caractère d'aigreur,
240
qui me faisait tressaillir au commencement et répondre avec aigreur aussi. Cela devait prendre une fin — je proposal à Natalie de venir à Paris, elle seule — c'était nécessaire pour moi. Enfin, sacré Dieu, croyez le moi, puisque je vous le dis. — Au lieu de cela elle vient avec les enfants; je n'ai pas voulu m'opposer à cela; d'autant plus que je suis amoureux de Tata. Mais cela a extrêmement compliqué l'affaire.
Restons jusqu'au mois de mars ou même d'avril séparés (si rien de bon ne nous ramène au № 9).
Cher Georges, ne vous trompez pas sur mon compte; non, vous n'avez pas mal placé votre sympathie, — mais je ne supporte pas quelques côtés de votre caractère. — Mi perdoni!
Si ma femme est encore à Zurich — je vous engage de venir avec elle à Mulhouse, même plus loin — pour avoir une entrevue, comme les deux empereurs dont le roi de Prusse faisait partie à Tilsitt. Invitez Emma de venir là (ensuite vous pouvez vous quitter pour l'accuser d'abstention). Qu'en pensez-vous, dites donc? Eh bien, si cette lettre vous trouve à Berne ou autre part, je propose encore de venir vous voir où vous voulez, sans sortir de la France. Vous avez raison en disant qu'une heure d'entretien, rien qu'une heure. L'homme peut écrire seulement des généralités — et sur les généralités tout le monde est d'accord. Répondez-moi tout de suite. Laissez votre boudisme contre Emma, dites-lui quelques mots, pour ne pas donner à vos amis l'exemple de férocité, qu'ils peuvent employer contre vous. Et engagez-nous à venir à Mulhouse (je n'attends que la première réponse de Pétersbourg.)
N'avez-vous pas de honte à penser que moi, je reste pour Paris...

J'ai plus que jamais d'espérance, pardonnez-moi toutes les paroles et pensées qui ont pu vous blesser – tout cela allait d'une bonne source, je vous le jure! – Vous avez raison, la vie n'est pas si simple comme on le pense. Répondez tout de suite.
На обороте: Милостивому государю Егору Федоровичу Гервегу. Для скорой доставки.
Перевод
От всего сердца обнимаю вас, дорогой Георг, за ваше письмо; я читал и перечитывал его, да, да, мы остаемся, мы останемся тем, что мы есть, – мы друзья... близнецы. Клянусь!
Я ничего не решил, между нами ничто не оборвано... Сердца наши переболели страшной болезнью, мы много перестрадали,
241
но силы возвращаются, стало светлее... Долой же болезнь, и да здравствует здоровье!
Одно только должно показаться вам странным – сейчас объяснюсь, и примите это за самое большое доказательство моей к вам любви, ибо я обычно предпочитаю молчать нежели говорить на такие темы. – Ваше второе письмо меня очень огорчило, уже самый иронический тон его был так несправедлив, что я почувствовал себя оскорбленным. В то же время я воочию видел всю растерянность и отчаяние Эммы (вы совершенно неправы, утверждая, будто она оказывала на меня воздействие; какое воздействие могла она оказывать, кроме воздействия фактом, который видишь и принимаешь, потому что он достоверен) и видел, как это отчаяние, словно «bufera infernale», вас влекло к гибели во имя любви. В то же время во всех письмах моей жены чувствовалась какая-то горечь, вначале вызывавшая у меня содрогание и заставлявшая меня, в свою очередь, отвечать с горечью.
Этому надо было положить конец. Я предложил Натали приехать в Париж, притом одной – для меня это было необходимо. И поверьте же, черт побери, что это так, раз я это говорю. Вместо того она приезжает с детьми; я не стал возражать, тем более что влюблен в Тату. Но это крайне осложнило дело.
Поживем до марта или даже до апреля врозь (если только какое-нибудь счастливое обстоятельство не вернет нас в дом номер 9).
Дорогой Георг, не судите обо мне превратно. Нет, вы отдали свою привязанность не плохому человеку, но я не выношу некоторых черт вашего характера. – Mi perdoni!208[208]
Если жена моя еще в Цюрихе, прошу вас сопровождать ее до Мюльгаузена или даже дальше, чтобы у нас могло состояться свидание как у двух императоров в Тильзите, где присутствовал к король прусский. Пригласите туда же и Эмму (а потом вы можете расстаться и обвинять ее в несговорчивости). Что вы об этом думаете? Отвечайте.
Итак, если настоящее письмо застанет вас в Берне или еще где-либо, я мог бы также приехать повидаться с вами в любое место, куда захотите, но только в пределах Франции. Вы
правы, говоря, что достаточно часа беседы, одного часа беседы. Писать человек может лишь общими местами, а общие места ни у кого не вызывают разногласия. Отвечайте немедленно. Перестаньте дуться на Эмму, напишите ей несколько слов, чтобы не подавать вашим друзьям примера свирепости, которую они могли бы обратить против
242
вас. И пригласите нас приехать в Мюльгаузен (я дожидаюсь только первого ответа из Петербурга).
Не стыдно ли вам думать, что я остаюсь здесь Парижа ради...
Я исполнен надежды, как никогда. Простите мне все слова и мысли, которые могли вас обидеть. Все это – из лучших побуждений, клянусь вам. – Вы правы – жизнь не так проста, как думают. Отвечайте немедленно.
На обороте: Милостивому государю Егору Федоровичу Гервегу. Для скорой доставки.
145. Г. ГЕРВЕГУ
24 (12) января 1850 г. Париж.
25 janvier 1850. Paris.
Encore une lettre de vous, – soyez persuadé que tout le trouble, toute la confusion qui pesait sur nous – s'en va. Nous tous, je crois, nous avons contributé à compliquer les choses simples, personne n'est fautif, tout le monde est fautif.
La correspondance a tout gâté, – quel démon m'a poussé à m'exprimer comme je l'ai fait (remarquez que du fond je ne rétracte pas un mot), quel autre vous a poussé – à écrire votre seconde lettre et quel démon № 3 a suggéré des réponses tranchantes à froid à ma femme? – J'étais avant l'arrivée ici dans un état d'irritation, j'étais profondément indigné, voyant Emma sangloter une soirée entière (dites tout ce que vous voulez, mais on pardonne beaucoup à un amour

pareil), je comprenais que c'était si facile pour vous de laisser la paix et la tranquillité dans son âme. Eh bien, je vous ai écrit ma lettre. Comment pouvez-vous dire qu'il y avait influence, qu'elle fit tout cela – indigne supposition, cher Georges, pour nous tous. – Ma lettre a fait un mauvais effet. Les lettres de ma femme (je n'aurais jamais consenti à dire cela même à vous, mais je le dis parce que sans cela vous ne parviendrez jamais à voir clair dans l'affaire et vous continuerez à me nommer traître, inconstant, et parisophile, c'est le plus grand témoignage de mon amitié pour vous) portaient au commencement tant soit peu ce caractère que nous avions appelé en plaisantant Caligulien (je vis après qu'elle ne sentait pas même tout le mal qu'elle me faisait), – j'étais malade, offensé, j'écumais de rage, – tout cela se reproduisit dans les lettres; votre troisième lettre a commencé ma guérison. – Et à présent je sens de nouveau force et clarté, et je vous tends la main et le cœur. Ne m'en voulez pas, je vous assure que j'ai beaucoup souffert tout ce temps. Figurez-vous que je ne sortais presque jamais de la chambre, que je ne faisais absolument
243
rien. – Non, l'avenir nous revient – jusqu'à présent nous nous avion gratis, à present, sortant de ce purgatoire, nous avous évalué ce que nous coûtons. – Il faut anéantir, lorsque nous nous verrons, même les lettres de ce temps triste, venimeux; il y avait des moments où je m'entraînais hors des limites, maudit soit le document qui garde la trace de ces faiblesses, – je ferai de même avec la 2e lettre.
A présent je veux vous proposer une nouvelle combinaison. Au lieu de la Suisse, le Sud de la France – j'ai pris des renseignements, il n'y a pas de doute qu'on pourrait aller aux îles d'Hyères etc. – Lorsque nous on serons là, je vous écrirai comment et quoi. Bord de la mer, climat et pas de Suisse – c'était votre désir. Ecrivez-moi sur cela.
Mais... voilà le Mewyee, mais il faut donc finir avec la guerre civile avec Emma. – Ecrivez que vous voulez rester quelque temps seul, ou tout ce que vous voulez. Mais en me chargeant de ces commissions, vous empirez la chose. Avec tout mon talent, il m'est impossible de faire accepter un intermédiaire, cela l'offense, l'humilie et elle a parfaitement raison. Sacré nom de Dieu, laissez donc toutes les tyrannies: qu'a-t-elle fait au fond, – elle a parlé dans des moments de rage, eh bien cela équivaut à ce que vous ne lui aviez pas parlé. No rendez pas la vie difficile, elle est difficile per se.
Répondez-moi de suite à cette lettre, je vous l'envoie le 24, elle viendra à Zurich le 27, à Berne si vous y êtes le 28... 28 + 3 = 31 janvier.
Emma veut vous écrire. Ne soyez pas Caracalla – et je vous assure,
Ça ira!
Ça ira!
La dissolution la plus complète, le chaos le plus chaos règne ici. Lisez la Presse, les 1 Paris – et vous verrez. Adieu, cher ami, et soyez sceptique en tout:
...an der Sonne Klarheit,
.an des Mondes Licht,
à mon amitié (quand-même) nicht.
Emma me dit qu'elle ne peut pas écrire, – elle est vraiment trop souffrante – elle vous invite de venir ici, elle pense qu'une entrevue sauvera tout, vous pourriez vous loger rue Neuve des Augustins, elle attend une réponse avec la première poste. Reiseschein etc. suisse pas difficile.
На обороте: Monsieur Georges Herwegh à Zürich.
En cas de départ envoyer à m-r, là où il est, sans délai.
244
Перевод
24 января 1850 г. Париж.
Снова письмо от вас; поверьте, и тревога, и разлад, которые угнетали нас, исчезнут. Мы все, я думаю, способствовали усложнению простых вещей, никто в отдельности не виноват, виноваты все.
Все испортила переписка, – какой злой дух подстрекнул меня писать в таких выражениях (что касается существа дела, я заметьте, не беру назад ни одного слова); какой другой дух подстрекнул вас написать ваше второе письмо, и какой злой дух № 3 внушил моей жене столь резкие и холодные ответы? Перед моим приездом сюда я был в состоянии крайнего раздражения, а когда Эмма прорыдала весь вечер (можете говорить что угодно, но такой любви прощают многое), я вознегодовал. Я понимал, как легко было бы вам сохранить в ее душе мир и спокойствие. Вот я и написал вам письмо. Как могли вы сказать, что тут было чье-то воздействие, что это дело ее рук? Это оскорбительное предположение, дорогой

Георг, для всех нас. Письмо мое произвело дурное впечатление, а письма моей жены (ни за что не согласился бы признаться в этом даже вам, но говорю потому, что иначе вы никогда не поймете, в чем суть дела, и будете продолжать считать меня предателем, изменником и поклонником Парижа, — это самое веское свидетельство моей дружбы к вам) вначале носили до некоторой степени тот характер, который мы в шутку называли калигулийским (позже я убедился, что она даже не почувствовала всего зла, которое мне причинила); я был измучен, оскорблен, вне себя от бешенства — все это отразилось в письмах. Ваше третье письмо положило начало моему выздоровлению. Теперь я чувствую, что ко мне вернулись силы и ясность ума, и я протягиваю вам руку и раскрываю сердце. Не сердитесь на меня, уверяю вас, я много выстрадал за это время. Представьте себе, что я почти не выходил из комнаты и совсем ничего не делал. — Нет, будущее возвращается нам, — до сих пор мы принадлежали друг другу gratis209[209], теперь же, пройдя через это чистилище, мы узнали, чего мы стоим. —
Когда мы опять увидимся, нужно будет уничтожить даже письма, написанные в это печальное, отравленное время; были минуты, когда я переходил границы дозволенного, пусть будет проклят тот документ, который хранит следы моей слабости. Я сделаю тоже и со 2-м письмом.
Теперь я хочу предложить вам новый план: вместо Швейцарии — юг Франции, — я все разузнал — конечно, на Гиерские острова и т. д. можно поехать. — Когда дело до этого
245
дойдет, я напишу вам, как и что. Морское побережье, морской климат и никакой Швейцарии — таково было ваше желание. Напишите мне на сей предмет.
Однако... Межуев, однако надо, надо кончать гражданскую войну с Эммой. — Напишите ей, что вы хотите побыть некоторое время один, — словом, напишите все, что хотите. Но, давая мне такие поручения, вы только ухудшаете дело. При всем моем таланте я не могу убедить ее допустить посредника, это ее оскорбляет, унижает, и она совершенно права. Черт побери, оставьте же ваше тиранство; а что, в сущности, она сделала? Она говорила в минуты гнева, ну что ж, это нисколько не хуже вашего молчания. Не делайте жизнь еще более тяжелой, она тяжела и per se210[210].
Ответьте тотчас же на это письмо, я вам отправлю его 24 числа, оно придет в Цюрих 27-го, а в Берн, если вы будете там, 28-го; 28 + 3 = 31 января.
Эмма хочет написать вам. Не будьте же Каракаллой и, уверяю вас,
Ça ira!
Ça ira!
Здесь царствуют полное разложение, и хаос из хаосов. Почитайте «La Presse», передовицы — и вы сами убедитесь. Прощайте, мой друг, и относитесь скептически ко всему:
...an der Sonne Klarheit,
...an des Mondes Licht,
но к моей дружбе (невзирая на все) nicht.
Эмма говорит, что не может писать, — она действительно очень страдает, — она зовет вас сюда и надеется, что встреча все спасет, вы можете остановиться на улице Neuve des Augustin, она ждет ответа с первой почтой. Швейцарские Reiseschein211[211] и пр. не представляют затруднения.
На обороте: Господину Георгу Гервегу в Цюрих.
В случае его отъезда переслать безотлагательно туда, где он находится.
146. Г. ГЕРВЕГУ
25 (13) января 1850 г. Париж.
Le 25 janvier.
En bien, je n'ai rien à vous dire pour l'instant, pressé par le temps, il est 4 et 1/2, mais avec chaque jour je vois plus clairement que la bourrasque convulsive s'apaise et que des journées sereines arrivent.
246
C'est dommage que nous ayons perdu un mois entier dans ce pugilat — mais enfin il est passé.
Addio — attendez un peu. Tout, tout s'arrangera.
Перевод 25 января.
Итак, сейчас мне нечего вам сказать, нет времени, уже половина пятого, но с каждым днем я все более убеждаюсь, что неистовый шквал стихает и наступают ясные дни.
Как жалко, что в этих кулачных боях мы потеряли целый месяц, но, наконец, он прошел.
Addio212[212]. Подождите немного. Все, все уладится.
27 (15) января 1850 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:

26
Мне так хотелось послать сегодня письмо вам, друг мой, — и не могла.
Жаль мне было вас оставить одного, так одного... жаль от всей души!..
Путь был труден, очень, подробности узнаете от маменьки. Мы приехали в полночь.
Сегодня, в то время как я собиралась к Эмме, — она пришла ко мне с Горасом и Адой. Милая, добрая Эмма! Она страшно любит вас и страшно страдает, она несчастна до крайней степени, и я не могу быть вполне счастлива, видя ее в таком положении. Я боюсь советовать что-нибудь но как бы желала, чтоб все устроилось хорошо! — Эмма предлагала мне переехать к ней, но я не могу этого сделать...
Горас вырос, больше выраженья в лице. Ада очаровательна! Она не столько похожа на вас, как я думала, но необыкновенно мила...
Что вы? Как идет русский язык? Как дружба с m-те Haag? Что вы думаете делать?..
Скажите, не прислать ли вашу шубу вам? Мы бы замерзли без нее.
Прощайте пока, я еще не могу прийти в себя...
Жму крепко вашу руку!
27-е.
Вчера вечером принесли паспорт — благодарю!
Беззаботная голова не заботилась о саке так, как вы думали. Если вы приедете сюда, привезите сак и портфель со всем как есть, если нет — пришлите с дилижансом. Деньги тоже привезите.
Я еще ничего не знаю, где мы будем и долго ли останемся здесь...
Тата вас обнимает крепко.
А я крепко жму нашу руку, обе... Чего пожелать вам — не знаю!..
Прощайте, дорогой ученик!
Natalie. Le 27.
Tout le monde est assemblé dans une petite chambre — impossible d'écrire; au reste, j'attends votre героше sur та dernière lettre. On dit ici et on le répète qu'après le mois d'avril des mesures
247
énergiques seront prises pour éloigner les étrangers de la Suisse. Est-ce qu'il y a quelque chose de vrai ou non? Envoyez donc ma brochure à Leipzig et ici213[213].
На обороте: Гервегу.
Если уехал — то отошлите. Если остался — отдайте.
148. Г. ГЕРВЕГУ
29 (17) января 1850 г. Париж.
J'ai reçu votre lettre — nous sommes tout à fait d'accord sur les choses principales. — Nous en reparlerons tout au long.
213[213] Все собрались в маленькой комнате — писать невозможно; впрочем, жду вашего ответа на мое последнее письмо. Здесь упорно говорят, что после апреля будут предприняты энергичные меры к удалению иностранцев из Швейцарии. Есть ли в этом хоть частица правды или нет? Перешлите же мою брошюру в Лейпциг и сюда (франц.). — Ред.
Et certainement tant soit peu détesté pour les choses détes-tables. Au lieu du massacre des innocents à 3, je ne vois que le massacre de Pharaon, pardon — Hérode — par les innocents — et cela ne nuit pas à sa santé ni à l'amitié qu'on lui porte.
Перевод
Я получил ваше письмо — мы совершенно согласны с вами в главном. — Об этом поговорим еще попространней.
И, конечно, немножко ненавидят за ненавистные вещи. Вместо избиения младенцев втроем я вижу лишь избиение младенцами фараона — то бишь Ирода — и это не вредит ни его здоровью, ни дружбе, которую к нему питают.
149. Г. ГЕРВЕГУ
1 февраля (20 января) 1850 г. Париж.
1 février 1850. Paris.
Des maux de tête vraiment terribles ne m'ont pas permis de vous écrire: j'étais trois jours de suite malade, aujourd'hui sain et sauf, mais si cela continue, je deviendrai fou...
D'après les dernières nouvelles je commence à croire que l'affaire de ma mère sera gagnée de manière ou d'autre; tout cela me paraît à présent une question de temps. De l'autre côté la mort de Golochwastoff est derechef un coup financier très lourd. Mais enfin...
Je suis très content de vos lettres. Il y manque, je dois le dire, une petite chose, et cette petite chose aurait mis fin à toutes
248

les discussions pénibles – cette chose c'est un retour conscien-cieux sur vous. La où vous ne trouvez plus un terrain ferme – vous me montrez la fatalité. Eh bien, je crois, nous sommes un peu plus maîtres et créateurs de notre vie, que cela ne paraît; et ma conviction profonde que la volonté existe pourtant, là où il y a conscience, passion et énergie – m'engage au moins à lutter contre la fatalité.
Je n'ai pas le moindre sentiment de fiel ou même de mécontentement à présent contre vous et c'est tout amicalement que je vous répète qu'il y a une chose qui vous détériore à présent et qui vous tuera (si vous ne la tuez pas) – c'est cet amollissement de la volonté, c'est ce laisser-aller. Vous êtes trop gâté et c'est pour cela que vous vous récriez à chaque critique toute haturelle entre hommes tellement rapprochés. C'est pour cela que même dans votre dernière lettre vous coupez court à tout – en donnant pour toute réponse beaucoup d'amour, et en subjugant de cette manière l'homme froid, l'ami qui s'arroge le droit de critique. Mais cela n'est pas juste.
Vous écrivez à ma femme que vous vous sentiez capable de commencer cette nouvelle vie que nous avons rêvée. Vous parlez de l'amitié indulgente que vous m'aviez prêchée. – Mais soyez donc franc, est-ce que l'indulgence ne devient (comme toutes les vertus chrétiennes) pas un sentiment pénible; là ou mon existence intérieure n'est pas froissée par mon ami, pax ses originalités, habitudes, passions que je ne partage pas – il n'y a pas d'indulgence à les subir, – l'indulgence commence où on est froissé... Je sais, je le sens, oui, vous pouvez par un faible effort vous rendre capable d'une vie harmonique, entre 2, 3 amis – mais, ne me grondez pas, cet effort vous ne l'avez pas fait. Et lorsque je vous citai les Bohémiens de Pouchkine, je pensai douloureusement que nous-mêmes nous appartenons à l'Egypte et non à la terre promise. Peut-être c'est un travail intérieur qui vous fait négliger le côté pratique de l'existence, – mais vous vous attribuez une part de lion, et – encore une fois – votre affection est tyrannique et capricieuse, capricieuse dans le genre féminin. Eh bien, savez- vous que c'est un élément terrible dans une vie commune?
Je comprends parfaitement (si je ne le comprenais pas par le cœur, je pourrais le comprendre par l'esprit) – comme mon raisonnement paraît flach, à côté de ce que vous dites de cette amitié qui couvre tout, qui ne voit rien, qui aime, aime et se réjouit dans la conscience de la sympathie. Mais pour que ce sentiment reste naïf, naturel, il ne faut pas à dessein fermer les yeux, mais il ne faut rien voir les yeux ouverts. Convenez, cher Herwegh, que cela serait parfaitement allemand de se faire une théorie de la non-analyse de ses amis. Tout cela ce sont des
249
faits et d'une chose reconnue je ne sais comment – vous ne ferez pas une chose qui n'existe pas.
Et pour vous citer un exemple. Hier s'est répété une petite scène, que j'ai subi le premier jour après mon arrivée. Emma apportant votre quatrième lettre, sans réponse, sans un mot pour elle. Mais, Dieu des dieux, suffit de prier mademoiselle Ern d'écrire l'adresse ou d'adresser la lettre à l'hôtel Mirabeau – mais pour cela il faut avoir des nerfs non seulement subjectivement sensibles, mais objectivement? Comme ma femme vous écrit de cela – cela suffit.
Passons aux généralités. La vie est insipide, flétrissante ici, on ne peut s'imaginer jusqu'où va la réaction. Proudhon même a penché sa tête. Point de lueur, point d'espérance. On va à un despotisme militaire... Il faut renoncer à la Suisse – le séjour sera trop dangereux, il n'y a que le midi de la France et le Cornwallis. Pensez-y – si vous n'allez pas vous pacifier à l'Océan pacifique. Concernant votre entrevue avec Emma – et ses projets, je ne peux rien dire, elle s'abuse en pensant que tout va mieux que cela ne va. – Elle a été trop longtemps sans rien voir parce qu'elle aimait – le résultat n'est pas trop favorable pour vos théories.
На обороте: Милостивому государю Егору Федоровичу Гервег. На Высококрасногорье, в птичьем доме, на квартире Лизаветы Ивановны Гаак.
Перевод
1 февраля 1850 г. Париж.
Поистине ужасная головная боль помешала мне написать вам, я был болен целых три дня подряд, сегодня же снова жив и здоров, но если это возобновится, я сойду с ума...
Судя по последним сведениям, я начинаю думать, что дело моей матери так или иначе будет выиграно; все это представляется мне теперь лишь вопросом времени. С другой стороны, смерть Голохвастова – новый очень тяжелый удар по финансам. Но что поделаешь...

Меня очень радуют ваши письма. Должен сказать все же, что в них недостает одной малости, а эта малость могла бы положить конец всем мучительным спорам — недостает желания задуматься над собой. Там, где вы не чувствуете уже под собой твердой почвы, вы ссылаетесь на судьбу. Я же считаю, что мы немного больше хозяева и творцы своей жизни, чем это кажется; и я глубоко убежден, что сила воли все-таки существует там, где есть самосознание, страсть и энергия, и это заставляет меня по крайней мере бороться с судьбою.
250
У меня нет теперь ни капли горечи, ни даже неудовольствия по отношению к вам, и я чисто по-дружески повторяю: единственное, что вас портит в настоящее время и убьет вас (если вы сами ее не убьете), — это ваша вялость, расслабленность вашей воли. Вы слишком избалованы и потому протестуете против всякой критики, вполне естественной между столь близкими людьми. Именно поэтому даже в вашем последнем письме вы пресекаете все дальнейшие разговоры, давая вместо ответа заверения в глубокой любви и обезоруживая этим холодного человека, друга, который присвоил себе право критиковать. Это однако несправедливо.
Вы пишете моей жене, что чувствуете себя способным начать ту новую жизнь, о которой мы мечтали. Вы говорите о всепрощающей дружбе, которую проповедовали мне. Но будьте же откровенны, разве всепрощение (как и прочие христианские добродетели) не становится нам в тягость? Там, где мой внутренний мир не оскорбляют странности, привычки, страсти моего друга, которых я не разделяю, нет нужды во всепрощении — всепрощение начинается тогда, когда тебя оскорбили... Да, я знаю, чувствую, что при небольшом усилии вы могли бы жить гармонической жизнью в обществе двух-трех друзей, но не браните меня, вы этого усилия не сделали. Когда я цитировал вам пушкинских «Цыган», я с болью подумал, что мы сами дети Египта, а не земли обетованной. Возможно, что духовная жизнь заставляет вас пренебрегать практической стороной существования, но вы всегда присваиваете себе львиную долю, и, повторяю, ваша привязанность тиранична и капризна, капризна по-женски. Знаете ли вы, как это страшно в совместной жизни? Я отлично понимаю (если бы я не понял этого сердцем, то мог бы понять разумом), какими йась214[214] представляются мои доводы рядом с вашими рассуждениями о той дружбе, которая все оправдывает, ничего не видит, а только любит, любит и радуется, уверенная в чувстве симпатии. Но, чтобы это чувство оставалось чистосердечным и естественным, не нужно намеренно закрывать глаза, но и не нужно на все смотреть открытыми глазами. Согласитесь, дорогой Гервег, что это было бы чисто по-немецки — создать себе теорию непозволительности анализировать друзей. Все это факты, а то, что так или иначе существует, вы не можете превратить в несуществующее.
Приведу вам пример. Вчера повторилась сценка, которую я выдержал в день моего приезда. Эмма принесла ваше четвертое письмо, без ответа, без единого слова для нее! Господи боже
251
мой, да ведь достаточно было бы попросить мадемуазель Эрн написать адрес или адресовать письмо в отель Мирабо! — Но для этого нужно иметь нервы не только субъективно, но и объективно чувствительные. Моя жена пишет вам об этом, и потому — довольно.
Перейдем к общим вопросам. Жизнь здесь пошлая, разлагающая, невозможно себе представить, до чего доходит реакция. Даже Прудон повесил голову — ни просвета, ни надежды. Дело идет к военному деспотизму. Надо отказаться от Швейцарии, жить там станет слишком опасно. Остается только юг Франции и Корнваллис. Подумайте об этом, если не собираетесь утихомириться у Тихого океана. Относительно вашей встречи с Эммой и ее проектов — ничего не могу сказать; она заблуждается, думая, что все обстоит лучше, чем на самом деле. Слишком долго она ничего не видела, потому что любила, — результат не совсем благоприятный для ваших теорий.
На обороте: Милостивому государю Егору Федоровичу Гервег.
На Высококрасногорье, в птичьем доме, на квартире Лизаветы Ивановны Гаак.
Vous vous étonnez, cher Georges, toujours que moi, après avoir tant parlé de Paris, que moi j'y reste. Et moi je m'étonne tous les jours de plus comment, sans être forcé, vous vouliez à toute force aller à Paris. C'était une petite faiblesse pour la jolie demeure de la rue du Cirque, je crois. Depuis que j'ai quitté Pétersbourg, je ne me sentais jamais dans une atmosphère tellement malsaine et lourde — oh que je serais heureux d'être loin, très loin d'ici. Je resterai peut-être longtemps, j'accepte les nécessités, je subis les conditions que la vie impose. Après l'affaire d'argent vient la simple question où aller? C'est une chose pénible, mais comme tout marche, je ne vois que l'Angleterre. Les derniers jours ont nettement caractérisé où l'on va. Ce n'est qu'un miracle qui puisse sauver cette partie de la terre des dernières conséquences du système adopté... Je vous conseille fortement de quitter la Suisse. Allons au

Cornwallis, à Jersey... Vous vous récrierez: «Encore de nouvelles propositions!» — mais, mon Dieu, ce n'est pas moi qui les invente, moi je ne fais qu'écrire sous la dictée d'une nécessité dure, inflexible. Non, la vie n'est pas un plaisir et l'homme n'est maître que dans son intérieur — je ne veux rien que la tranquillité pour une année

252

ou deux, pour me recueillir, pour me remettre, pour commencer une autre existence. — Mais pour être tranquille, la première chose pour moi est mon indépendance...

J'ai traduit le petit épilogue — et je vous l'enverrai. — Goncernant le livre, on peut ne pas se presser, la réponse viendra en tout cas, et n'oubliez pas que Kapp a déjà imprimé les lettres — donc l'effet est produit. Ici personne ne s'occupe de la littérature allemande. Kapp demeure Krebsgasse 24 à Cologne — il propose 25 louis d'or pour la seconde édition Vom andern Ufer — faites tout ce qui vous semblera bon. J'ai écrit à Kapp que concernant l'argent je me rapporte à lui. — Proudhon est dans toute sa beauté, il est furieux de l'impuissance et veut finir en cygne, donnant pour la bonne bouche un cri de désespoir, c'est votre antipode le plus complet sous le rapport de l'activité, il travaille, il produit, il est dans un état d'excitation créatrice — je crois qu'il finira par un poème qui sera le «mané, takel».

Concernant les questions subjectives, j'en étais un peu distrait par beaucoup de circonstances — que je ne veux pas vous écrire au long. Faites comme votre cœur vous dicte, mais acceptez la manière que mon amitié vous propose. La manière est une grande chose, ce n'est ni la superficie, ni l'hypocrisie — c'est la forme, c'est la beaute, c'est la grâce, c'est l'humanité. Soyez sage comme un serpent, bon comme un ange — mais si vous n'avez pas le sens intime, le tact de délicatesse qui vous dit, vous avertit d'avance chaque fois lorsque vous froissez ou blessez un homme — ni la force de refouler même la velléité, — et je dirai toujours que vous avez dans votre âme un élément dux qui tôt ou tard vous forcera à rester dans une solitude complète.

Je tiens pour un malheur extraordinaire que ce temps de rupture coïncide avec le temps le plus lourd par rapport aux finances. De manière que l'amertume vient pour Emma de deux côtés. Hier on a transporté la majeure partie des meubles. Moi, comme vous savez, je suis très loin de les plaindre, leur richesse était une faute pardonnable alors — impardonnable à présent. Je déteste le calvinisme démocratique, la saleté étudiée — mais je n'aime pas non plus le luxe des receveurs généraux, il y a un mezzo termine mâle. Toujours ce diable de mesure. Très possible que je radotte...

Je vous écrirai demain ou après demain. Ma femme vous a écrit, mais elle n'est pas à la maison — et quatre heures sont passées...

Adieu donc, je vous serre la main de tout mon cœur...

На обороте: Егору Федоровичу.

253

Перевод

4 февраля 1850 г. Париж.

Вы всё удивляетесь, дорогой Георг, что я, столько наговорив о Париже, остаюсь здесь. Меня же с каждым днем все больше удивляет, как это вы, ничем к тому не принуждаемый, всеми силами рветесь в Париж. Уж не слабость ли к хорошенькой квартирке на улице Cirque сему причиной? С тех пор как я покинул Петербург, я еще не чувствовал себя в столь нездоровой и душной атмосфере, — о, как бы я был счастлив находиться далеко, очень далеко отсюда! Вероятно, я еще долго останусь здесь, я подчиняюсь необходимости и мирюсь с условиями, которые навязывает мне жизнь. Наряду с денежным вопросом возникает естественный вопрос: куда же ехать? Решить это очень трудно, но, по ходу событий, думаю, что только в Англию. Последние дни ясно показали, куда все идет. Только чудо может спасти эту часть света от крайностей установленного порядка... Настойчиво советую вам покинуть Швейцарию. Поедемте в Корнваллис или на Джерси... Вы запротестуете: «Опять новые предложения»! Но, боже мой, ведь не я же их выдумываю, я только пишу под диктовку суровой и неумолимой необходимости. Нет, жизнь — это не развлечение, и человек — хозяин только своего внутреннего мира. Я хочу лишь спокойствия на год или на два, чтобы сосредоточиться, собраться с силами и начать другое существование. Но первое условие для моего спокойствия — это независимость.

Я перевел мой небольшой эпилог и перешлю его вам. С книгой можно не торопиться, так или иначе ответ придет, и не забывайте, что Капп уже издал письма, стало быть, впечатление произведено. Немецкой литературой здесь никто не занимается. Капп живет в Кёльне на Krebsgasse, 24. За второе издание «С того берега» он предлагает 25 луидоров — поступайте как найдете нужным. Я написал Каппу, что в денежном вопросе полагаюсь на него. Прудон — во всей своей красе, собственное

бессилие приводит его в бешенство, и он хочет кончить жизнь подобно лебедю, испустив напоследок крик отчаяния. Если говорить об активности — это ваш самый яркий антипод: он трудится, создает, он в состоянии творческого возбуждения — я думаю, все завершится поэмой, которая будет его «мане, текел».
Что касается субъективных вопросов, то я был несколько отвлечен от них рядом обязательств, распространяться о которых не хочу. Поступайте так, как подсказывает вам сердце, но усвойте ту манеру обращения, которую я вам дружески предлагаю. Манера обращения — это великое дело, это не внешность, не лицемерие — это форма, это красота, изящество,
254
это человечность. Будь вы мудры как змий, добры как ангел, но если у вас нет внутреннего чутья, такта, деликатности, которые останавливают, предостерегают вас всякий раз, когда вы готовы обидеть или оскорбить человека, если у вас нет сил, чтобы побороть даже слабое побуждение к этому, я не перестану повторять, что в вашей душе есть какая-то черствость, а это рано или поздно приведет вас к полному одиночеству.
Я считаю ужасным несчастьем, что время семейного разлада совпало у вас и с крайне тяжелым временем в денежном отношении. Таким образом, Эмме горько вдвойне. Вчера унесли большую часть мебели. Я, как вы знаете, очень далек от того, чтобы сожалеть о ней, пышность этой мебели была ошибкой, простительной раньше и непростительной теперь. Я ненавижу демократический кальвинизм и нарочитую неопрятность, но я не люблю также и роскошь генеральных откупщиков; существует ведь мужество mezzo termine215[215]. Вечно это проклятое чувство меры. Очень возможно, что я говорю вздор...
Напишу вам завтра или послезавтра. Мои жена написала вам, но ее нет дома — а теперь уже пятый час...
Прощайте же, от всего сердца жму вашу руку.
На обороте: Егору Федоровичу.
Vous êtes atrabilaire et courroucé jusqu'à l'injustice — eh bien, que le bon Dieu vous pardonne les mots «traître», «infamie»... Vous me traitez comme l'empereur Nicolas traite les insurgés, vous n'aimez pas l'opposition — je l'ai remarqué longtemps déjà. J'ai tant parlé que j'ai cru que nous sommes plus loin — retournons, ma conscience est si pure, toute ma conduite est tellement au grand jour — qu'il fallait vraiment tomber tanto poco dans l'hypochondrie, pour parler de la fuite, d'une rupture...
Vous m'écrivez que vous êtes quelquefois cheval sauvage — moi je suis toujours un cheval qu'on ne peut dompter. Savez-vous entre autre chose ce qui vous a étonné en nous, lorsque nous nous rapprochâmes — c'est l'indépendante franchise de notre amitié; savez-vous que l'étonnement se peignait sur vos traits chaque fois que vous entendiez une critique personnelle; vous n'étiez pas habitué à cela. — Les petites observations que se permettait peut-être Emma étaient si complètement noyées dans son amour
255
un peu fétichiste qu'elles ne pouvaient pas vous habituer à souffrir le langage d'un ami indépendant. — Je n'ai pourtant pas mesuré jusqu'où va le «поп me tangere» de votre amour-propre. A présent je le sais. Eh bien, après un mois et demie de correspondance, je vois que vous avez tout fait, tout accusé, tout analysé, à l'exception d'un retour sur vous-même, à l'exception de tomber sur ипе pensée très naturelle: «Je n'ai que 3 personnes au monde dont l'amour, l'amitié pour moi est au- dessus de doute, ces 3 personnes trouvent quelque chose en moi qui leur déplaît, les froisse — pourquoi donc elles se trompent... — et est-ce qu'elles se trompent?» — Au lieu de cette pensée si naturelle — vous avez dit: «Mes amis sont mécontents — donc ils ne m'aiment pas, donc ils m'ont trahi...» Pourquoi trouvez-vous plus facile d'accuser en tout vos amis qu'en quelque chose vous- même? Eh bien, voilà la source de tout... Vous qui craignez la critique, vous ne craignez pas même de soupçonner vos amis, vous vous obstinez à ne pas les comprendre — pour rester pur et les écraser sous le poids de votre amitié sans bornes. Je trouve que cela est parfaitement injuste, ou au moins que cela n'est pas votre sérieux, mais un entraînement passager. Comment, par exemple, ne pas comprendre le sens de mon invitation de venir à Paris, — mais c'était un blâme, mais c'était amertume et vous l'avez pris au pied de la lettre et vous répétez la même chose — après un mois.
Comment suis-je resté à Paris? — Comment dois-je rester à Paris jusqu'à la fin de l'affaire? — Mais quand donc avez-vous vu que moi, je ne subordonne pas mes désirs aux nécessités? Je trouve que vous faites très mal en ne le faisant pas. On ne peut pas vivre sérieusement en enfants. Est-ce que vous ignorez que dès que je suis arrivé à Paris, j'ai trouvé toute l'affaire sous un autre point de vue; il

fallait attendre la réponse du banquier de Pétersbourg et voilà la réponse, ma mère vous le dira — eh bien, devais-je donc retourner pour 4 jours après notre correspondance, après toutes les questions... non, j'attendais l'effet de mes lettres; l'effet ne correspond pas à l'attente. Vous répétez les mêmes choses, — je suis forcé de vous rerépéter les mêmes. Cela m'est très pénible, mais enfin... je subis aussi cela. Je vous aime beaucoup — mais je vous plains aussi, et vous ne parviendrez pas à me faire accepter (comme à Emma) vos caprices de femme. Soyons hommes, ayons le courage de la réalité — et vive l'amitié libre!
Перевод
6 февраля 1850. Париж.
В своей желчности и раздражении вы доходите до несправедливости. Да простит вам бог слова «предатель», «низость...» — Вы обращаетесь со мной как император Николай с мятежниками,
256
вы не любите, чтобы вам противоречили, я это давно заметил. Столько раз говорив об втом, я думал, что мы продвинулись уже далеко вперед; вернемся же назад, совесть моя до такой степени чиста, все мои поступки так открыты, что нужно действительно tanto poco216[216] впасть в ипохондрию, чтобы говорить о бегстве, о разрыве...
Вы писали, будто уподобляетесь иногда дикому коню, я же — конь, которого всегда можно укротить. Знаете ли, что, между прочим, удивляло вас в наших отношениях, когда мы с вами сблизились? — независимая прямота вашей дружбы. Знаете ли вы, что ваше лицо выражало удивление всякий раз, когда вам приходилось выслушивать критические суждения на свой счет? Вы не привыкли к этому. — Мелкие замечания, которые, возможно, и позволяла себе Эмма, настолько тонули в ее любви, даже слегка идолопоклоннической, что они не могли приучить вас относиться терпимо к словам независимого друга. — Однако я и не подозревал, до чего доходит поп me tangere вашего самолюбия. Теперь я это знаю. И вот после полутора месяцев переписки я вижу, что вы всё сделали, всё осудили, всё проанализировали, только себя не проверили, только не додумались до такой весьма естественной мысли: «На свете у меня есть лишь три человека, любовь и дружба которых для меня вне всякого сомнения, кое- что во мне им не нравится и задевает их, — почему бы им ошибаться... и ошибаются ли они?» Вместо этой столь естественной мысли вы сказали себе: «Мои друзья недовольны — значит, они меня не любят, значит, они меня предали...» Почему вам кажется, что легче обвинить во всем своих друзей, нежели хоть в чем-либо себя самого? Так вот, это и есть источник всех бед. — Вы боитесь критики, а сами не боитесь подозревать своих друзей, вы упорно отказываетесь их понимать, чтобы самому остаться чистым, а их подавить всем бременем своей безграничной дружбы. Я нахожу, что это крайне несправедливо или по меньшей мере несерьезно, что это у вас мимолетная вспышка. Как, например, было не понять смысл моего приглашения приехать в Париж? Тут был упрек, была горечь, а вы поняли все буквально и повторяете то же самое месяц спустя. Почему я остался в Париже? — Почему я должен оставаться в Париже до конца дела? — Но когда же вы видели, чтобы я не подчинял своих желаний необходимости? По-моему, вы очень дурно делаете, что не поступаете так же. Нельзя жить всерьез, играя в детей. Разве вы не знаете, что стоило мне приехать в Париж, как все дело предстало совсем в другом свете; нужно было ждать ответа от петербургского банкира, и вот ответ пришел, моя мать познакомит вас с ним. Так вот, нужно ли было
257
мне возвращаться на четыре дня, после всей нашей переписки, после того как все вопросы были обсуждены? Нет, я ждал, какой будет результат моих писем; результат не оправдал надежды. Вы твердите одно и то же, и я вынужден без конца повторять вам одно и то же. Мне это очень тяжело, все же... я снесу и это. Я вас очень люблю, но я вас и жалею, и вам не удастся заставить меня (как Эмму) примириться с вашими женскими капризами. Будем же мужчинами, будем же смело смотреть в глаза действительности — и да здравствует свободная дружба!
152. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
6 февраля (26 января) 1850 г. Париж.
6 февраля 1850. Париж.
На днях я был поражен новостью, которую никак не ожидал. «Северная пчела» говорит о кончине Дмитрия Павловича. Все уходит и уходит преждевременно, сколько здоровья и сил было в нем в начале 1847. Что Надежда Владимировна, и, наконец, вообще сообщите мне несколько подробностей о его кончине и о его детях. — Я сам начинаю сильно хворать и теперь приехал месяца на два сюда, чтоб полечиться у Андраля, ничтожная сначала болезнь в почках приняла вдруг такие размеры и к тому же с нервными болями, что я испугался, — теперь, кажется, получше, но все эти болезни убийственны продолжительностью. Маменьку я оставил здоровой, она

беспокоится об своих делах, между прочим, и о векселе Дмитрия Павловича. Напишите ей строчку, сделайте одолжение, да, кстати, будьте так добры и справьтесь у Данила Даниловича, посланы ли деньги от них по требованию Ротшильда и Гассера, и если нет, то за чем дело. Письмо послано еще в конце декабря, — и деньги
Ротшильдом отданы вперед. Если же нет, то что нужно сделать. Вообще она, да и мы все, теперь не при больших деньгах, ждем кое-какие присылки из Чухломы, от Павлова, от Дмиттрия Павловича и очень были бы рады их видеть поскорее — а то придется должать; Ценкер или Колли могут прямо перенести на Ротшильда (на его имя можно и писать), у меня с ним разные счеты по торговым делам.
Одну приятную новость я могу вам сообщить, Коля начинает говорить и очень явственно, хотя слуху нет и следа, он меня обрадовал до слез при свиданье.
Засим прощайте. Будьте добры ко мне, как всегда; наконец нас, старых знакомых, становится так мало, так мало, что надобно беречь те дружеские связи, которые проводили через всю жизнь. Если подумать о всех потерях с кончины Льва Алексеевича — то становится жутко.
258
Жена моя дружески кланяется нам. Пожалуйста, Григорий Иванович, не медлите очень с ответом. Кстати, что огаревское дело?
Маменька с своей стороны, я думаю, сделала бы много уступок Надежде Владимировне, если бы можпо было воротить капитал, — поговорите с нею.
Еще раз прощайте. Что Егор Иванович? Он тоже собирался прислать 200 руб. за картину Айвазовского, если она продана.
Пишите к маменьке или к Ротшильду, он перешлет, если я и уеду.
153. Г. ГЕРВЕГУ
7 февраля (26 января) 1850 г. Париж.
Le 7 février. Paris.
Votre lettre du 4, cher Georges, efface la précédente, et je von assure que je ne cherche rien qu'à faire arrêter non seulement la correspondance «entredévorante», mais d'oublier les mots, d'extirper les souvenirs. — Je sais très bien mes défauts, je suis très peu tolérant et peut-être trop brusque dans la manière de m'exprimer — mais la source n'est jamais ni un caprice, ni une irascibilité subjective. Ne vous ai-je pas écrit encore avant l'arrivée de Natalie — que je ne demande que de brûler les lettres? Et pour-tant je sens au fond de mon âme que cette avalanche devait se développer — le fardeau était pénible à porter, à rouler de Paris à Zurich, de Zurich à Paris — mais soyez profond et consciencieux, tout cela avait un sens.
Je n'ai jamais désespéré de vous, mais j'étais mécontent de vous, et je vous accablais de reproches. Il y a deux jours j'en parlais avec Natalie et pour me faire clairement comprendre, je lui ai dit que je me trouvais envers vous dans la même position qu'envers la France. Pourquoi je ne frémis pas de rage en lisant la gazette de Berlin, de Londres — et chaque indignité à Paris m'offense, me fait désespérer du genre humain et sévir contre toute la nation?
Ensuite je prends votre état actuel pour une maladie, peut-être nécessaire — combien de fois j'ai dit à Emma: «Mais de grâce, donnez-lui donc un peu de temps, un peu de solitude», — demandez-la.
L'amitié n'a pas seulement une justice pour les amis, mais elle est aussi injuste, elle a des ménagements, elle a l'indulgence — tout ce que vous voulez. Comment revenons-noue donc toujours aux accusations — vous pouvez inculper de cela le ton de mes lettres — et moi le fond des vôtres. — Je tiens toutes vos lettres, eh bien, de la première jusqu'à la dernière — je ne trouve pas un mot qui me serve de preuve que vous sentiez au moins qu'il
259
y a quelque chose de vrai dans ce que nous disons vous concernant. Non, vous aimez, vous souffrez, vous nous accusez enfin, mais vous êtes justissime à vos yeux — vous avez un tel faible pour vous défendre, que vous nous dites les choses, que nous devons dire pour vous — et qui s'évanouissent tout de suite, lorsque la personne elle-même les prononce.
Mais, cher Georges, attendez donc que notre cœur parle pour vous et ne lui dictez pas. Votre candeur (que vous citez aujourd' hui) devait vous dire que c'est un forfait double, si on prépare d'avance une indulgence plenaria pour soi-même. C'est notre affaire. Et voilà pourquoi, j'en étais étonné à Berne de la manière comme vous avez résolu la question qui nous occupait. Ne vous fâchez pas, je vous assure que je suis serein et que j'entrevois le temps où les dernières traces de ces discussions s'envoleront, eh bien, ne prenez pas en mauvaise part, mais plutôt riez un peu de vous- même si je vous citais pour Warnungsbeispiel Robert Macaire. Vous vous rappelez comme il dit à Bertrand: «J'avais tort envers lui... mais... mais je le lui ai pardonné». Il y a de ces

choses et de ces sentiments, les sentiments les plus tendres, qui ne sont beaux que lorsqu'ils vibrent dans notre âme et ne passent jamais par nos oreilles.
Vous n'avez jamais eu tort envers moi — jamais. Que voulais je donc?
Réveiller la nature énergique et large — qui se laissait aller, qui à force d'être gâtée s'est gâtée.
De vous rappeler que vous êtes homme et non femme.
De vous dire franchement qu'il n'y a pas de vie communale possible sans la complète liberté et autonomie des personnes — toute l'amitié ne suffirait pas dans un séjour où un des amis s'arrogerait le droit de plonger les autres dans une gêne morale, dans la tristesse, parce que tel est son bon plaisir. Qui appliquera la torture à une femme par nonchalance (car je vous le répète, au commencement de votre séjour à Genève vous avez eu la possibilité de faire un peu autrement), — enfin, sacré Dieu, à bas les, caprices et vive la facilité de l'existence, vous vous arrêtiez si souvent et bronchiez aux petites misères — vous avez traîné les heures comme des boulets aux pieds — est-ce que Natalie ne vous a pas dit la même chose?
Et bien, dixi.
Mais je ne veux pas qu'il en soit ainsi.
Pensez bien... moi je n'écrirai plus sur ce sujet, il est épuisé, cela deviendra répétition...
Je suis comme toujours, comme je vous l'ai écrit, tout prêt à passer une éponge sur les mots — je m'exécute même de tout ce que j'ai dit durement, cela effarouche seulement, peut-être c'est tanto poco la nature hyperboréenne.
260
Votre lettre était chez ma femme et j'ai commencé à écrire la réponse après avoir lu la première feuille, elle m'apporte à l'instant la seconde partie. Certainement, j'accepte le Tu que je te proposai dans la première lettre de Paris.
Eh bien, voilà la marque et la frontière, d'aujourd'hui nous changeons le Vous en Tu. — Je crois que ce n'est pas contre le commandement «ne tue pas».
La lettre suivante sera toute de détails — concernant les choses qui se font ici. A propos, Kapp a fait insérer un article me concernant et mon livre (West-Deutsche Zeitung) — extrêmement mal fait, compromettant et ensuite il y a dans le même journal un extrait de mes lettres traduit dans une langue teutonique inconnue, — mais cela n'a rien de grave.
На конверте: Георгию Федоровичу во швейцарском во городе Цирихе и в таковом же кантоне.
Перевод
Ваше письмо от 4-го, дорогой Георг, искупает предыдущее, и уверяю вас, я хочу не только прекратить «взаимоистребительную» переписку, но забыть слова, вырвать с корнем воспоминания. — Я очень хорошо знаю свои недостатки, я не отличаюсь терпимостью и, возможно, слишком резок в выражениях, но источником этого никогда не бывает ни каприз, ни личное раздражение. Не писал ли я вам еще до приезда Натали, что хочу лишь одного: сжечь письма? И все же в глубине души я сознаю, что эта лавина должна была обрушиться — груз оказался слишком тяжел, чтобы его нести и перевозить из Парижа в Цюрих, из Цюриха в Париж; но загляните же поглубже и спросите свою совесть — ведь все это имело смысл.
Я никогда не терял веру в вас, но я был вами недоволен и осыпал вас упреками. Два дня назад я говорил об этом с Натали и, желая быть понятым до конца, сказал, что по отношению к вам занимаю ту же позицию, что и по отношению к Франции. Почему я не содрогаюсь от ярости, читая берлинскую или лондонскую газету, а каждая гнусность, имевшая место в Париже, оскорбляет меня, заставляет терять веру в род человеческий и ожесточает против всей нации?
Затем, я смотрю на ваше нынешнее состояние как на болезнь и, быть может, необходимую — сколько раз я говорил Эмме: «Да не торопите вы его, пожалуйста, дайте ему побыть в одиночестве», — спросите ее сами.
Дружба не только воздает справедливость друзьям, но бывает и несправедлива: допускает поблажки, снисходительность —
261
все, что хотите. Почему же мы постоянно возвращаемся к обвинениям; ответственность за это вы можете возложить на тон моих писем, а я — на содержание ваших. — Передо мной все ваши письма, и что же — ни в одном из них, с первого и до последнего, я не нахожу ни единого слова, которое свидетельствовало бы о том, что вы чувствуете хотя бы какую-то долю истины в наших суждениях о вас. Нет, вы любите, вы страдаете, вы, наконец, обвиняете нас, но в собственных глазах вы справедливейший человек, ваша слабость — всегда защищать себя, поэтому вы говорите нам то, что должны были бы говорить вам мы и что сразу теряет силу, будучи сказано о себе самом.

Подождите же, дорогой Георг, пока наши сердца не заговорят в вашу пользу, и не диктуйте им. Ваша душевная чистота (на которую вы ссылаетесь сегодня) должна была подсказать вам, что заранее готовить себе отпущение р1епапа217[217] грехов — двойное преступление. Это надобно было делать нам. И вот почему меня удивило в Берне то, каким образом вы разрешили занимавший нас вопрос. Не сердитесь; уверяю вас, я спокоен и уже предвижу
время, когда смолкнут последние отголоски наших споров; не примите же за обиду, а лучше посмейтесь над самим собой, если я процитирую вам как
Warnungsbeispiel218[218] Робера Макера. Помните, как он говорил Бертрану: «Я был несправедлив к нему, но... но... я его простил». Есть вещи, есть чувства, самые нежные чувства, которые хороши лишь тогда, когда они звучат в нашей душе, но никогда не произносятся вслух.
Вы никогда не были несправедливы ко мне, никогда. Чего же я хотел?
Пробудить в вас человека с широкой, деятельной натурой, но который опустился, которого столько баловали, что он избаловался.
Напомнить вам, что вы мужчина, а не женщина.
Откровенно сказать вам, что никакая совместная жизнь невозможна без полной свободы и независимости личности; никакая дружба не устоит там, где один из друзей присвоит себе право морально угнетать и причинять огорчения своим окружающим только потому, что ему так угодно, где один из друзей станет мучить женщину своим небрежением (ибо, повторяю, в начале вашего пребывания в Женеве у вас была возможность поступать несколько иначе), — так долой же, черт возьми, капризы, и да будет жизнь легка, вы слишком часто останавливались и спотыкались о всякие мелочи, вы влачили свои дни, как гири на ногах, — разве Натали не говорила вам то же самое?
262
Итак, dixi219[219].
Но я не хочу, чтобы все оставалось как было.
Подумайте же хорошенько... а я не стану больше писать на эту тему, вопрос исчерпан... это явилось бы повторением...
Я уже писал вам, что всегда готов предать забвению сказанное, более того, я казню себя за все, что говорил грубого, — ведь это только отпугивает; возможно, в этом tanto poco220[220] сказывается моя гиперборейская натура.
218[218] предостерегающий пример (нем.). — Ред. 219[219] я сказал (лат.).
Ваше письмо было у жены, и я стал писать ответ, прочитав только первую страницу, сейчас она принесла мне вторую часть. Конечно, я согласен перейти на ты, как предлагал тебе в первом письме из Парижа.
Вот мета и граница; с сегодняшнего дня мы меняем «вы» на «ты». Я полагаю, что это не противоречит заповеди «Не убий».
В следующем письме напишу подробно обо всем, что здесь делается. Кстати, Капп напечатал обо мне и моей книге статью (в «Westdeutsche 2ейи^»), чрезвычайно плохо написанную и компрометирующую меня; кроме того, в той же газете помещен отрывок из моих писем, переведенный на неведомый тевтонский язык, — но все это не столь важно.
На конверте: Георгию Федоровичу во швейцарском во городе Цирихе и в таковом же кантоне.
154. Г. ГЕРВЕГУ
9 февраля (28 января) 1850 г. Париж.
9 février 1850. Paris.
Je ne sais comment, mais j'ai reçu une lettre de toi, datée du 3, sur l'enveloppe du 4 — et je l'ai reçue seulement hier.
C'est une mauvaise lettre. Pour te donner une preuve que c'était mon sérieux d'en finir avec la correspondance disséquente — je te renvoie ta lettre; je ne voulais même rien répondre et je n'ajouterai qu'une petite observation.
— Oui, j'ai lu tes lettres à Natalie.
— Oui, elle a lu tes lettres à moi.
— Les réponses n'étaient pas lues ou rarement.
Jamais nous n'avons eu de scrupule sous ce rapport. Notre habitude de partager tout ce qui n'est pas un secret personnel de quelqu'un, de parler de tout — t'expliquera comment c'est arrivé. Notre initiation dans tes affaires, notre pensée de la confiance
263
complète que tu as pour nous deux, facilitait ces communications. Jamais je ne dirai à Natalie aucun fait qui ne doit pas être connu — mais je montrerai à Natalie à l'avenir comme par le passé une correspondance pathologique commencée et deroulée devant ses yeux. Moi j'ai pleine confiance, si j'écris à un véritable ami, concernant l'usage qu'il ferait de ma letter; un hom me digne d'amitié trouvera, j'en suis certain, assez de délicatesse et de tact pour

savoir ce qu'il doit lire, ce qu'il doit montrer. Moi j'ai aussi pleine confiance en moi – et jugerai moi-même sans appel ce que je dois faire avec les lettres de mes amis.
Et où est donc le critérium qui te fait apprécier où doit s'arrêter notre confiance à nous deux, entre moi et Natalie? Entre ces deux personnes qui, sorties ensemble dans la vie, pleines d'amour et de sympathie, traversèrent toutes les vicissitudes d'une existence de 15 ans dans une harmonie et confiance, troublées par des riens passagers, mais dont le fond n'a jamais changé, harmonie qui est pour la première fois traitée à l'allemand comme ménage ridicule dans ta lettre (que j'oublie de tout mon cœur), et qui a été au fond parfaitement libre? – Mais n'est-ce pas là notre vieil ennemi, l'exclusivisme tyrannique que tu nommes l'indépendance et tant soit peu de cette dureté – que tu pardonnes le lendemain.
Nous t'acceptons sincèrement comme ami, comme frère – mais cela ne change absolument rien à notre unité. Et cela serait un malheur si cela pouvait changer.
As-tu jamais aimé une femme de toutes les amours? – Je commence à en douter.
A présent je me tais jusqu'à ta réponse sur ma grande lettre. Et je serre ta main – sans arrière- pensée aucune, parce que j'ai dit tout.
Natalie a été indignée de ta lettre et ne veut pas répondre.
Перевод
9 февраля 1850 г. Париж.
Не знаю почему, но твое письмо, датированное 3-м числом, а на конверте 4-м, я получил только вчера.
Скверное письмо. Чтобы доказать тебе, что я действительно хочу покончить с этой перепиской-анатомированием, я отсылаю тебе твое письмо обратно; я и вовсе не хотел отвечать и ограничусь лишь краткими замечаниями.
– Да, я читал твои письма к Натали.
– Да, она читала твои письма ко мне.
– Ответы не читались или читались редко.
У нас никогда не возникало сомнений по этому поводу. Привычка делиться всем, что не является чужой тайной, и говорить
264
обо всем объяснит тебе, почему так случилось. Осведомленность в твоих делах, уверенность в том, что ты питаешь полное доверие к нам обоим, располагала к подобной откровенности. Никогда бы я не сообщил Натали ничего такого, чего она не должна была знать, – и в дальнейшем я по-прежнему буду показывать Натали эту патологическую переписку, которая завязалась и развертывалась на ее глазах.
Когда я пишу истинному другу, я вполне ему доверяю в отношении того, как он поступит с моими письмами. Я убежден, что человек, достойный дружбы, найдет в себе довольно чуткости и такта и поймет, что можно читать, что можно показывать.
Я вполне доверяю и самому себе и берусь сам, без посторонней помощи, судить о том, что я должен делать с письмами своих друзей.
И где тот критерий, с помощью которого ты определяешь предел доверия между нами обоими, между мною и Натали – между двумя людьми, которые вместе вступили в жизнь и, полные любви и сочувствия друг к другу, прошли через все превратности, прожив 15 лет в гармонии и взаимном доверии, омрачавшихся лишь мимолетными недоразумениями, что никогда однако не нарушало тех гармонических отношений, которые впервые в твоем письме (я от всей души хочу его забыть) трактуются чисто по-немецки как смешное супружество и которые, по сути, всегда были совершенно свободными. – Но не здесь ли наш исконный враг: в этом тираническом духе исключительности, который ты именуешь независимостью, и немного в той черствости, которую ты охотно себе прощаешь назавтра.
Мы искренно готовы признать тебя своим другом, братом, но это ровно ничего не меняет в нашем союзе. И было бы несчастьем, если бы это могло что-то изменить.
Любил ли ты когда-нибудь женщину настоящей любовью? Я начинаю сомневаться в этом.
Теперь я буду молчать, пока не получу ответа на свое длинное письмо. Жму твою руку, и без всякой задней мысли, потому что я все высказал.
Натали была возмущена твоим письмом и не хочет отвечать.
Je suis malade comme mi chien (et les chiens ne sont presque jamais maledes, vois-tu tel est l'homme, il rejette tout sur les animaux, sans s'apercevoir que par exemple la bestialité entre par l'homme dans la nature); ne pense pas que je sois dangereusement
14 (2) $eepaA% 1850 г. napuw.
265
malade, mais d'une manière dégradante. Au commencement une bronchite, ensuite la moitié du visage enflée et mal à la gorge. Je ne peux rien manger. Et de toutes

mes facultés, il ne me reste qu'une seule, c'est la possibilité de me fâcher 24 heures de suite.
Ne pense pas que j'aie l'intention de continuer nos débats fratriphages – non, l'affaire est terminée, la séance levée, ces débats ont fait leur temps; moi je pense fortement qu'ils étaient nécessaires, mais ils n'ont aucun droit à une existence éternelle. J'ai dit tout, cela ne nuit pas, et c'est profondément conforme à mon caractère. Tout dire est mon faible, j'ai été en exil – pour le tout dire, et pour le tout dire je cours les chances à présent do ne rien avoir. Les choses qu'on ne dit pas, s'envéniment, et tôt ou tard se font jour – mais d'une manière tellement convulsive que le résultat devient presque indépendant de la volonté. Dites tout ce que vous voulez – cette correspondance nous profitera; beaucoup de fois elle sera présente à ton esprit comme avviso, comme Warnung, et quoique tu sois bien loin encore de te donner à toi-même quelque tort, tu sens au fond de ton âme, j'en suis sûr, que la faute n'est pas tout à fait à tes amis et que ni Natalie, ni moi, nous n'avons jamais eu l'idée ni de nous éloigner, ni de mettre des limites à notre intimité, tu le sais bien; le véritable sens de la longue correspondance est très simple – avant de nous engager définitivement, irrévocablement à une vie communale, nous avons voulu t'avertir d'un élément hétérogène que tu apportais, au milieu d'une grande et d'une véritable sympathie qui nous unissait. On en parlait quelquefois, Natalie parlait même plus que moi, beaucoup avant les lettres, – une occasion réveille, augmente tout ce qui était comme demiexistant, tes réponses justifient complètement l'attaque, – et voilà comment tout cela s'est développé. Ne me parle pas de ton indulgence envers nous, envers moi; tu n'as pas eu l'occasion de la mettre en épreuve. En vérité, qu'as-tu à me reprocher (non pas envers toi, mais envers tout le monde), quel est l'élément gênant, destructeur de l'harmonie, dominateur, capricieux que j'importe, moi? Je n'enchaîne rien, j'ai la plus grande facilité des relations – tout bonnement parce que je suis humain. Tu as écrit dans une des premières lettres: «Non, nous ne sommes pas si extraordinaires que je l'ai pensés» – Moi, je connais notre valeur, mais je n'ai jamais pensé ni que nous sommes prodiges, ni que nous sommes monstres. Et à quoi bon, alors il fallait nous montrer comme la femme héliophobe.
Et bien, la clôture est décidée. – Ta main, et parlons de l'avenir, faisons des rêves.
Qui a dit que je veux aller à Londres? Peut-être j'irai même pour les affaires (concernant mon bien) passer une semaine entre
266
Golovine et la Tamise, mais qui a jamais parlé de rester à Londres? La seule chose que je connais est une chose négative, je ne veux pas rester ici, sous aucune condition, et je crois que cela serait une folie d'aller en Suisse. Oh que non, je ne m'étais pas trompé dans mon aversion contre Paris, je suis plus que justifié; dès que j'aurai terminé les affaires, je quitterai Paris c'est-à-dire, le terme le plus éloigné, c'est la fin du mois de mars. – Restent deux choses. D'aller au sud de la France, entre Cannes et Grasse, d'y louer deux petites maisonnettes, dans un même endroit, et de nous ensevelir pour une année, de ne nous occuper de politique que comme on s'occupe de tout, aus Wißbegierde, – ou de faire la même chose sur quelque littoral de l'Angleterre. Le choix ne dépend pas tout à fait de nous. Avec cela, si l'affaire du billet historique et les questions financières prennent tant soit peu un autre aspect – nous pourrions avec le temps entreprendre à deux des excursions magnifiques, même en Espagne. – Eh bien, après ce repos «panthéistique», comme disait Botkine? – quelquefois il me semble que je retournerai en Russie; dans une année, nous n'aurons pas de république là c'est sûr, mais l'empereur peut aussi crever, comme un autre chien et après) un laps de temps, on pourra vivre là. Lermontoff a dit: «La Russie est toute dans l'avenir»; des hommes qui ont le malheur de connaître si bien, que le monde qui les entoure s'en va, doivent tourner leur tête involontairement vers le pays qui n'a pas de passé – mais qui a un avenir immense. Là on peut au moins faire quelque chose, on peut se tromper. Ici pas moyen. – Oh, je suis fatigué, accablé, de tout ce que je vois. Les individus que je rencontre ici me font l'air d'être les frères cadets de Moritz Reichel. Il n'y avait qu'un homme – et celui-là appartiendra bientôt à l'histoire. Glauben Sie, daß diese ganze greuliche Geschichte hier Sensation gemacht hat? gar nicht, nicht im geringsten. Tout ce qui est généreux, noble, n'existe pas dans la conscience de cette génération – et je doute un peu des précédentes et des futures. Nous sommes à Pétersbourg, et quatre généraux sont envoyés régir et gouverner la France. Lis quelquefois les journaux de la réaction, pour connaître la situation. Du repos, de la tranquillité et pour cela de l'harmonie intérieure dans le petit cercle.

Envoyez donc ma brochure à Gampe, même en lui la donnant en commission. Cette brochure sera vieille dans le ventre de sa mère. Il faut mettre fin et faire la césarienne, je vous en prie, et les 25 exemplaires pour moi par Franck!
Tata te salue frénétiquement.
267
Перевод
Я болен, как собака (а собаки почти никогда не болеют, но таков, видишь ли, человек — он все сваливает на животных, не замечая, например, того, что скотство вносится в природу человеком); не подумай, что я болен опасно, но я болен унизительным образом. Началось с бронхита, затем вздулась половина лица и заболело горло. Я не могу ничего есть. А из всех своих способностей я сохранил одну-единственную — сердиться 24 часа кряду.
Не подумай, что я намерен продолжать наши братоубийственные дебаты, — нет, дело закончено, заседание закрыто, время этих дебатов истекло; я твердо убежден, что они были необходимы, но у них нет никакого права на вечное существование. Я высказал все, это вреда не приносит, и это глубоко соответствует моей натуре. Говорить все до конца — моя слабость. Я был выслан за то, что говорил все, а теперь за то, что сказал все, рискую не иметь ничего. Невысказанное, само себя разъедая, рано или поздно выходит наружу, но тогда уж таким судорожным образом, что последствия почти не зависят от нашей воли. Что там ни говори, но переписка эта пойдет нам на пользу; она не раз будет воскресать в твоей памяти как avviso221[221], как Warnung222[222]. И хотя ты еще очень далек от того, чтобы признать за собой какую-либо вину, в глубине души, я уверен, ты чувствуешь, что вина лежит не только на твоих друзьях, что ни у Натали, ни у меня никогда не было мысли отдалиться или установить границы для нашей близости, ты это прекрасно знаешь; истинный смысл всей длинной переписки очень прост — прежде чем окончательно и бесповоротно решиться на совместную жизнь, мы хотели предостеречь тебя от того чуждого нам духа, который ты вносил в большое и подлинное чувство симпатии, нас объединявшее. Разговоры об этом уже бывали, и Натали говорила даже гораздо больше, чем я, и задолго до писем; случай пробуждает, усиливает все то, что как бы полусуществовало, а твои ответы полностью оправдывают наше нападение. Так- то все и развилось. Не говори мне о своей снисходительности по отношению к нам, по отношению ко мне — у тебя не было случая применить ее. На самом деле, в чем ты можешь упрекнуть меня (не только по отношению к тебе, но и вообще по отношению к людям), что вношу я стесняющего, нарушающего гармонию, властолюбивого, капризного? Я ничем не связываю, со мной чрезвычайно легко поддерживать отношения — просто потому, что я человечен. В одном из первых своих писем ты писал; «Нет, мы совсем не так
268
необыкновенны, как я думал». — А вот я, хотя и знаю нам цену, никогда не думал ни того, что мы какое-то чудо, ни того, что мы уроды. Да и к чему это? Ведь тогда нас нужно было бы показывать как женщину-гелиофоба.
Итак, решено, прения закрыты. — Дай руку и поговорим о будущем, помечтаем.
221[221] предупреждение (итал.). 222[222] предостережение (нем.). — Ред.
Кто сказал, что я хочу уехать в Лондон? Возможно, что я и поеду по делам (своего имения), провести неделю между Головиным и Темзой, но кто же когда-либо говорил о том, чтобы остаться в Лондоне? Единственное, что я знаю, — это нечто отрицательное, — я Не хочу оставаться здесь ни под каким видом и думаю, что было бы безумием ехать в Швейцарию. О нет, я нисколько не ошибся в своем отвращении к Парижу — я оказался более чем прав и покину Париж, как только закончу свои дела, т. е. самое позднее — в конце марта. Остается одно из двух: ехать на юг Франции, куда-нибудь между Каннами и Грассом, нанять там, и в одном и том же месте, два домика, похоронить себя на год и заниматься политикой не больше, чем всем остальным, только из Wißhegirde223[223], или проделать то же где-нибудь на английском побережье. Выбор зависит не только от нас. При всем том, если дело с пресловутым билетом и финансовые вопросы примут несколько иной оборот, мы могли бы со временем предпринять вдвоем чудесные путешествия, даже в Испанию. Ну, а после такого, как говорил Боткин, «пантеистического» отдых — иногда мне кажется, что я вернусь в Россию; через год у нас там еще не будет республики, это несомненно, но император, как и всякая собака, может околеть, и тогда, спустя некоторое время, там можно будет жить. Лермонтов сказал: «Россия вся в будущем»; люди, имеющие несчастье так хорошо сознавать, что окружающий их мир умирает, должны невольно оборотиться к стране, у которой нет прошедшего, зато есть огромное будущее. Там по крайней мере можно что-то делать, можно обольщаться. Здесь же это невозможно. — Ах, как же я утомлен, удручен всем, что вижу. Личности, с которыми я здесь встречаюсь, кажутся мне младшими братишками Морица Рейхеля. Выл только один-единственный человек, да и тот скоро станет достоянием истории. Glauben Sie, dass diese ganze greuliche Geschichte hier Sensation

gemacht hat? Gar nicht, nicht im geringsten224[224].
223[223] любознательности (нем.).
224[224] Вы думаете, что вся эта отвратительная история вызвала здесь сенсацию? Нисколько, ни малейшей (нем.). — Ред.
У нынешнего поколения нет за душой ничего великодушного, благородного, да и прошедшие и будущие вызывают у меня некоторые сомнения. Мы словно в Петербурге, и
четыре генерала посланы вершить судьбу и править Францией. Читай изредка
269
реакционные газеты, чтобы знать обстановку. Нам нужен отдых, покой, а для этого нужна внутренняя гармония в нашем маленьком кружке.
Пошлите же мою брошюру Камне, можно даже на комиссию. Брошюра эта состарится во чреве матери. Надо положить конец, надо сделать кесарево сечение, прошу вас об этом, — и 25 экземпляров для меня через Франка.
Тата тебе неистово кланяется.
Cher Ulysse, Pénélope va te chercher. — Tempora, mutantar, et l'Odyssée doit être lue vice versa.
17 (5) февраля 1850 г. Париж.
Emma te dira que j'étais de l'opinion opposée, que je proposais à te laisser, comme tu le voulais, un peu te concentrer — mais j'y étais obligé de jouer mon éternel rôle de prosaïste, de modérateur, de cunctateur — je parlais raison là où parlait la passion. Je suis enfin un pauvre sire... enfoncé par l'amour d'Emma, à laquelle je dois céder comme à une force — sans même avoir la nécessité de la comprendre ou la faculté!..
Si tu lis les journaux tu sais bien ce qui se passe ici — enfin toutes les limites sont dépassées. C'est un typhus social, c'est la gangrène et l'imbécillité — et j'ai diablement raison, par malheur. Je voyais encore couleur rose — la réalité surpasse de beaucoup.
J'irai chercher une place pour Emma et je t'ajouterai encore où et comment.
Рукой Н. А. Герцен:
Nous sommes gais et heureux de voir Emma si heureuse de votre invitation, elle est rajeunie, embellie. Elle nous promet de vous amener à Paris, j'en serais enchantée si je ne craignais pas... etc. — J'ai un volume de Пушкин magnifique! Mais je ne vous l'envoie pas, ne sachant pas si vous venez ou restez...
Donc dans l'avenir deux petites maisonnettes au sud de la France... — Si nous sommes capables intérieurement d'une existence harmonieuse — qu'est-ce qu'on peut demander encore a Zwq... Représentez-vous si Ogareff et Natalie viennent encore compléter notre petite commune, sainte commune... oh, ce serait si beau, si beau, si beau!!! Tous les jours j'aime plus Horace, c'est un charmant enfant. Ada — j'ai toujours envie de l'écraser ou de la claquer. Tata regarde et caresse de temps en temps votre lettre et me demande: «Pourquoi donc Herwegh ne m'écrit plus?» Qu'est-ce que je dois lui répondre?
Ecrivez-nous de suite de vos projets. Je me dépêche de vous embrasser avant qu'Emma ne soit auprès de vous.
C'est dimanche aujourd'hui, seconde représentation.. l'autre jour la Voix du Peuple n'a pas fait trop grande attention à moi à cause du mal à la gorge (mis au secret Proudhon)!!! je m'admire moi-même!
J'attends encore commencer le russe avec Horace — je ne sais pas pourquoi...
Adieu donc, peut-être au revoir!
N.
Dites donc, avez-vous enfin envoyé la brochure ou non, et à quoi ça tient. Je ne comprends rien. Emma part avec la malle-poste le 19 à 1 heure.
На обороте: Егору Федоровичу Гервег.
Перевод
17 февраля 1850 г. Париж.
Дорогой Улисс, Пенелопа отправляется к тебе. — Tempora mutantur, и «Одиссею» нужно читать vice versa.
Эмма тебе расскажет, что я был другого мнения и предлагал дать тебе, как ты того хотел, немного сосредоточиться, но тут я был вынужден играть мою вечную роль прозаического человека, умиротворителя и кунктатора; я рассуждал здраво там, где говорила страсть. Но я ведь только жалкий человек... и подавлен любовью Эммы к тебе, которой должен уступить как некоей силе, даже не чувствуя ни нужды, ни способности ее понять!
Если ты читаешь газеты, то хорошо знаешь, что здесь происходит, — словом, перейдены все границы. Это социальная чума, гангрена и слабоумие — к несчастию, я чертовски прав. И все же я смотрел еще сквозь розовые очки — действительность намного страшнее.
Иду за билетом для Эммы, а потом припишу, где и как ее устроил.

Рукой Н. А. Герцен:
Мы счастливы и рады, видя, как радуется Эмма вашему приглашению, она помолодела, похорошела. Она обещает привезти вас в Париж, я была бы в восторге от этого, если бы не боялась... и т. д. У меня есть великолепный том сочинений Пушкина. Но я не посылаю его вам, потому что не знаю, приедете ли вы или останетесь...
Итак, в будущем — два маленьких домика на юге Франции... — Если мы внутренне окажемся способны к гармонической жизни, то что же можно еще просить у Яшг|225[225]. Представьте — а вдруг Огарев и Натали приедут к нам и еще пополнят нашу маленькую коммуну, нашу святую коммуну... о, это было бы так прекрасно, так прекрасно, так прекрасно!!! С каждым днем я все больше люблю Гораса, это очаровательный ребенок. Аду же мне всегда хочется потискать или пошлепать. Тата время от времени смотрит на ваше письмо, гладит его и спрашивает: «Почему Гервег мне больше не пишет?» Что же мне ей ответить?
Напишите нам тотчас же о всех ваших планах. Спешу вас обнять, пока подле вас нет Эммы.
271
Сегодня воскресение, второе представление... намедни «La Voix du Peuple» не удалила мне особого внимания — болело горло (Прудон посажен в одиночку)!!! Я восхищаюсь собою!..
Я все еще не начала заниматься русским языком с Горасом — не знаю почему...
Прощайте же, а может быть, до свиданья!
Н.
Напишите же, отправили вы, наконец, брошюру или нет и в чем тут дело. Я ничего не понимаю.
Эмма отбывает с почтовой каретой 19-го, в час дня.
На обороте: Егору Федоровичу Гервегу.
157. Г. ГЕРВЕГУ
18 (6) февраля 1850 г. Париж.
18 février 1850. Paris.
Cher Georges — finissons, finissons-en sincèrement et pour toujours, au moins pour longtemps avec notre procès mutuel. — Point de récriminations, point de réponses. Je suis triste, peut-être je
transgressais les limites sous le joug d'une hypochondrie qui s'empare quelquefois de moi, d'autant plus qu'elle est tout à fait contraire à mon caractère — lucide et égal. Il n'est pas beau de nous enfoncer dans cette analyse subjective lorsque nous sommes témoins de cette tragédie sombre qui va engloutir tout le monde.
Dès que j'eus lu les premières lignes de ta dernière lettre, je sentis une douleur aiguë — comment continuer, continuer... je me suis arrêté et avant de finir ma lecture je t'écris cette lettre... Je lirai après. Donne ta main — et pas un mot. Tu sais ce que je voulais, je voulais entre autres te réveiller, te faire secouer quelques mauvaises habitudes qui ne se cadrent pas avec le Grundton de ton âme, je le voulais parce que je sentais qu'avec ce pli il y aura une note sifflante, disharmonieuse. J'ai osé m'ériger en juge, sévir contre toi — tu m'en a donné le droit; lorsqu'on se dit frère, ami... on a, on sent qu'on les a, des droits incontestables. Peut-être j'en ai usé sans ménagement — mais le but était pur et tout amical pour toi.
Non, il ne faut pas s'amollir, nous avons un temps rude à vivre, ce n'est qu'à présent que commence la débâcle véritable, eh bien, je deviens stoïcien, advienne ce qui pourra.
Aux côtes de l'Angleterre, à New York, au Sud de la France, en Espagne, à Alexandrie enfin — je suis prêt à tout; à Paris je ne veux pas rester pour rien au monde, des que l'affaire de ma mère s'arrangera, je partirai. Emma te racontera plus en détail. — Et tu écris à Emma: «Si Herzen trouve assez d'abnégation pour choisir un endroit possible pour moi...» Mais si c'était
272
de l'abnégation à quoi bon alors rester ensemble, quelle est donc cette abnégation qui fait que l'homme fait parce que cela lui est agréable. Et ensuite quel est l'endroit que je puisse préférer — et encore un ensuite — et qui t'a dit que nous avons l'honneur du choix...subissons la nécessité la tête haute et le verbe haut, voilà tout.
Le cœur se contracte chez moi au spectacle que je vois tous les jours, cela n'est pas même une lutte — figure-toi une femme échevelée, ivre, demi-nue, meurtrie par les coups féroces d'un mari butor, figure-toi qu'elle ne proteste pas même, qu'elle s'avilit et que l'autre continue, voilà le groupe Laocoonien que présente la capitale de l''Univers. Et à chaque nouveau coup les amis stupides de crier: «C'est très bien, à présent cette femme sait à quoi s'en tenir». O stultitia. Homo sapiens — c'est une espièglerie de Linné.

Et bien, Colas persécuté — o noble patrie de Tell, du fromage, de Rufenacht et d'Almeras. Et ces lâches pensent qu'en faisant les commissions ils gagneront leur cause. Pardon. Il n'y a que l'Angleterre qui par sympathie (les deux Chines s'aiment comme de raison) — sauvegarde encore la république qui sert de maison de police pour l'Europe.
Concernant mon livre, envoyez-le en commission chez Campe. Le fait est qu'à présent toutes ces choses qui avaient quelque mérite de nouveauté deviennent de jour en jour plus banales — et pourquoi donc voulons-nous faire cet enfanticide? — Kapp m'a demandé où vous demeurez. Lui, il demeure Krebsgasse, 24. — Ensuite envoyez ici de 25 à 50 exemplaires par Franck. — Vraiment,
cette brochure me dégoûte, à force de rester à Zurich. Kapp a publié encore un article, avec compliments qui me compromettent...
Рукой Н. А. Герцен:
Je ne veux pas laisser partir cette lettre sans vous serrer la main de cœur, de tout mon cœur, cher, excellent ami! Ecrire — je ne puis pas. Je rêve toujours de notre vie vagabonde que nous ménerons ensemble — la mer, le ciel bleu, les oliviers...
A vous N a t a l i e.
Выбор облаток мой. N.
Перевод
18 февраля 1850. Париж.
Дорогой Георг, покончим, покончим искренне, и если не навсегда, то хотя бы надолго, с нашей взаимной тяжбой. — Не надо упреков, не надо возражений. Мне грустно; быть может, я нарушил границы дозволенного под влиянием ипохондрии, которая иногда овладевает мною, и тем сильнее, что она совершенно чужда моему веселому и ровному характеру. — Нам,
273
свидетелям мрачной трагедии, которая грозит всеобщей гибелью, нехорошо углубляться в такой самоанализ.
Едва я прочел первые строки твоего последнего письма, как почувствовал острую боль — можно ли продолжать, продолжать... я остановился и, не прочитав письма до конца, пишу тебе... Я дочитаю его после. Дай руку, и ни слова больше. Ты знаешь, чего я хотел: я хотел, помимо всего прочего, разбудить тебя, заставить стряхнуть с себя кой-какие дурные привычки, не соответствующие Grundton'y226[226] твоей души, я этого хотел, ибо чувствовал, что они внесут резкую фальшивую ноту. Я осмелился взять на себя роль судьи, выступить против тебя — ты дал мне на это право; когда люди назвались братьями, друзьями... они имеют, и чувствуют, что имеют, на это совершенно неоспоримое право. Быть может, я пользовался им бесцеремонно, но с бескорыстной и дружеской целью.
Нет, нам нельзя разнеживаться, мы живем в жестокое время, сейчас-то и начинается настоящий разгром, и вот я становлюсь стоиком, будь что будет.
На побережье Англии, в Нью-Йорк, на юг Франции, в Испанию, в Александрию — словом, я готов на все; но в Париже я не хочу оставаться ни за что на свете. Как только дело моей матери уладится, я уеду. Эмма тебе расскажет обо всем этом подробней. — А ты еще пишешь Эмме: «Если Герцен найдет в себе достаточно самоотверженности, чтобы подыскать приемлемый для меня уголок...» Но если бы это было самоотвержением, то зачем же тогда оставаться вместе; какое же это самоотвержение, если человек делает то, что ему приятно? И потом — что это за уголок, который я могу предпочесть другому, и еще одно «потом» — кто тебе сказал, что мы имеем почетное право выбора; подчинимся же необходимости, не склоняя головы и не приглушая голоса.
У меня сжимается сердце при виде того, что происходит вокруг изо дня в день. Это даже не борьба: представь себе растрепанную, пьяную, полуголую женщину, всю в синяках от жестоких побоев своего грубияна-мужа, представь себе, что она даже не протестует, что она терпит это унижение, а тот не унимается, — вот такой Лаокооновой группой выглядит столица вселенной. И при каждом новом ударе безмозглые друзья подстрекают: «Прекрасно, теперь эта женщина будет знать, как себя вести!». O stultitia!227[227] Homo sapiens — лишь озорная выдумка Линнея! Итак, Колю преследуют — о благородная родина Телля, сыра, Руфенахта и Альмераса. И эти подлецы думают, что,
274
выполняя подобные распоряжения, они что-то выиграют. Прошу прощения. Одна только Англия из сочувствия (понятно, что два Китая любят друг друга) защищает еще республику, которая служит полицейским участком для всей Европы.
Что касается моей книги, то пошлите ее на комиссию Кампе. Дело в том, что теперь все те высказывания, скромная заслуга которых состояла в новизне, день ото дня становятся все более и более банальными — зачем же нам идти на сие детоубийство? Капп справлялся у меня, где вы живете. Сам он живет на Krebsgasse, 24. Засим

пришлите сюда от 25 до 50 экземпляров брошюры через Франка. — Право же, я потерял вкус к этой брошюре из-за того, что она лежит в Цюрихе. Капп напечатал еще одну статью с комплиментами, которые меня компроментируют...
Рукой Н. А. Герцен:
Прежде чем уйдет это письмо, я хочу сердечно, от всего сердца, пожать вашу руку, дорогой, чудесный друг! А писать я не могу. Я все мечтаю о совместной кочевой жизни, о море, о голубом небе, об оливковых рощах...
Ваша Н а т а л и .
Выбор облаток мой! N.
158. Г. ГЕРВЕГУ
19 (7) февраля 1850 г. Париж.
Le 19 février 1850. Paris
Cette lettre part avec Emma, je profite de l'occasion pour dire quelques mots sur l'état des choses et sur nos projets nous concernant.
La république en France est perdue. Elle n'existe que grâce à Changarnier qui ne veut pas qe coup d'Etat, et qui s'est approché même de Lamoricière pour s'opposer au coup d'Etat «Soulouqe», comme le dit le Charivari. On a fait un essai de mettre Changarnier de côté, même de l'arrêter — mais il prend bien ses mesures. D'un autre côté les légitimistes ne veulent pas d'empereur, et une petite fraction bourgeoise veut l'ordre légal — avec Cavaignac en tête. Les journaux, les démocrates, les rouges — sont aplatis, stupides, le peuple est tombé dans une léthargie et a perdu tout sentiment du juste; l'insolence du pouvoir n'a pas eu d'antécédents, c'est Pétersbourg ivre, c'est Radetzky à Milan — on traîne les hommes dans des prisons pour tirer quelque aveu sur d'autres personnes. — Après l'article de Proudhon on l'a jeté à la Conciergerie, on lui a ôté livres et papiers, un soldat était à la porte etc., et personne ne pense à s'indigner. Lis quelquefois la Patrie et l'Assemblée Nationale — tu verras la
275
limite. On veut l'autocratie, on veut faire taire la tribune. Un auteur qui envoie son ouvrage imprimé sans autorisation est regardé comme colporteur en contravention! Et la Cour de Cassation a légalisé cette iniquité odieuse, Légitimistes, et bonapartistes sent d'accord qu'il faut exterminer les ennemis de l'ordre. Les bourgeois parlent comme Bocquet — avec un plaisir féroce du grand coup. Deportation — et fusillade. Voilà la position. On attend l'envahissement de la Suisse, et quelque prétexte plausible à l'intérieur. Toute la France est partagée militairement entre quatre généraux. — Le gouvernement a permis les réunions électorales, mais pour les réunions trop avancées, il a ordonné sous main de ne pas donner de local, et les électeurs du 12 arrondissement couraient deux nuits de maison à maison. — Que dites-vous de cela? Et combien de bouteilles de Clos Vougeot vous m'avez perdues? — Et tout cela n'émeut personne.
La propagande du socialisme se fait — mais cela ce sont des questions de deux générations. La barbarie de la dissolution est au complet, le chaos, la confusion et la corruption générale régnent. A présent la grande question subjective, où aller? Le danger ici est imminent, je ne reste que pour mes affaires avec Rotschild. Je prendrai des penseignements sur Nice, même sur Florence. — J'ai quelque droit à demander une autorisation de, rester en France, je le ferai valoir pour aller au Sud, m'y établir et vous engager d'y venir. Mais si tout cela ne réussit pas? Alors je propose primo pour toi de rester en Suisse jusqu'à l'occupation, moi je travaillerai pour notre voyage au Sud. Si cela ne va pas, je t'avertirai, et tu dois aller alors en Belgique et attendre. — La première réponse de la Russie doit venir vers le 23; 24. — La réponse définitive vers le 5, maximum 10 mars, — cela n'est pas trop loin...
Donne ton opinion. Dès que quelque chose de nouveau adviendra je t'avertirai.
Eh bien, adieu, Georges, repose-toi sur mon amitié comme sur une base de granit, c'est quelquefois froid, quelquefois dur — mais c'est solide, et je me mets fort, dans la pureté de mes intentions, de le prouver...
Natalie est malade. Elle n'a pas dormi, elle est refroidie. Enfin c'est notre sort, l'un guérit, l'autre tombe tout de suite malade.
Adieu...
NB. De l'utilité d'avoir une maison à Paris. A l'instant-même un huissier annonce qu'il faut payer une amende de 1400 francs pour ne pas avoir accompli je ne sais quelle formalité — et pour m'humilier ils ont adressé le papier à m-r Hazen.
276
Перевод
19 февраля 1850 г. Париж.
Это письмо пойдет с Эммой; я пользуюсь случаем, чтобы сказать несколько слов об

общем положении и о проектах, нас касающихся.
Республика во Франции погибла. Она существует еще только благодаря Шангарнье, который не хочет государственного переворота и даже сблизился с Ламорисьером, чтобы пометать «Сулуку», как говорит «Charivari», совершить государственный переворот. Была сделана попытка отстранить Шангарнье и даже арестовать его, но он принимает нужные меры. С другой стороны, легитимисты не желают императора, а небольшая группа буржуазии хочет легального порядка — с Каваньяком во главе. Газеты, демократы, красные — придавлены, отупели, народ погрузился в летаргический сон и утратил всякое правильное понимание вещей; наглость властей беспримерна — это пьяный Петербург, это Радецкий в Милане: людей тащат в тюрьму, чтобы вырвать показание против кого-нибудь. Прудона, после его статьи, бросили в Консьержери, у него отняли книги, бумагу, поставили у двери солдата и т. д., и никто и не думает возмущаться этим. Читай иногда «La Patrie» в «L'Assemblée Nationale» — ты увидишь, до каких дошли пределов. Жаждут автократии, хотят заставить замолчать трибуну. Автора, рассылающего свой печатный труд без разрешения, приравнивают к разносчику, торгующему без патента! И кассационная палата утвердила это вопиющее беззаконие. Легитимисты и бонапартисты единодушны в том, что надо истребить врагов порядка. Буржуа со свирепой радостью говорят, подобно Боке, о решительном ударе. Ссылки и расстрелы. Таково положение дел. Ждут вторжения в Швейцарию и какого-нибудь благовидного предлога внутри страны. Вся Франция поделена по-военному между четырьмя генералами. Правительство разрешило предвыборные собрания, но издало тайный приказ не предоставлять помещений для собраний крайних направлений, и вот избиратели 12 округа две ночи перебегали из дома в дом. Что вы на это скажете? И сколько бутылок Кло Вужо вы мне проиграли? И все это никого не волнует.
Пропаганда социализма ведется — но это вопросы двух поколений. Варварство распада дошло до предела, всюду царит хао^ смятение, всеобщее разложение. Теперь возникает большой вопрос личного порядка — куда же ехать? Здесь опасность неминуема, я остаюсь только из-за своих дел с Ротшильдом. Я наведу справки о Ницце, даже о Флоренции. Я имею некоторое право просить разрешения оставаться во Франции
277
я им воспользуюсь, чтобы поехать на юг, устроиться там и пригласить вас приехать туда. А если из этого ничего не идет? Тогда я предлагаю тебе, primo, оставаться в Швейцарии до ее оккупации, я же займусь нашей поездкой на юг. Если же это не удастся, я извещу тебя, и тогда тебе придется ехать в Бельгию и ждать. — Предварительный ответ из России должен прийти около 23—24. Окончательный ответ к 5, максимум к 10 марта — это не так уж долго...
Сообщи свое мнение. Как только будет что-нибудь новое, я тебя извещу.
Итак, прощай, Георг, положись на мою дружбу как на каменную стену; иной раз это и холодновато и жестковато, зато прочно, и я со всей чистотой своих намерений берусь это доказать.
Наталп больна. Она не спала, простужена. Такова наша судьба: один выздоравливает, другой тотчас заболевает.
Прощай.
NB. О пользе иметь собственный дом в Париже. Только что судебный пристав объявил мне, что надо заплатить штраф в 1400 фр. за невыполнение какой-то формальности — и для моего посрамления они адресовали бумагу на имя г-на Газена.
159. Э. ГЕРВЕГ
20 (8) февраля 1850 г. Париж.
Aima (c'est-à-dire Emma) ton mari — (nomine et re!).
Portrait se fait. — Maladie de Natalie se continuer. — Bocquet s'immortaliser, Patrie d'en parler, moi d'envoyer, Georges de lire.
Moi de vous saluer.
Salon. 2 heures après midi et 3 heures après 11 heures du matin. —
Le 20 février 1850228[228].
NB. Ответ от Гассера — опять ничего, говорит, что ломбард через неделю даст ответ.
Булвар.
228[228] Любила (т. е. Эмма) своего мужа — (nomine et re! на словах и на деле!). Портрет делается. — Натали продолжает болеть. — Боке продолжает завоевывать себе бессмертие, «Patrie» — об этом говорить, я — передавать, Георг — читать. Я же — кланяться.
Гостиная. 2 часа пополудни и 3 часа после 11 часов утра. — 20 февраля 1850 г. (искаж. франц.). — Ред.
21 (9) февраля 1850 г. Париж.
21 février.
Votre lettre.

Corpo di Bacco. – Donc vous avez, monsieur, l'audace de penser que je ne connais rien de géographie, et j'ai lu Malte-Brun et Ritter, Ibn Fozlans, Rubruquis et Magellan. – Mais est-ce que Emma m'a demandé concernant la position de Strasbourg ou de Mulhouse, non, elle a mieux aimé de faire un conciliabule secret avec la femme du fils unique de mon père et mère.
Vive Colas! Je suis enchanté, nous l'avons lancé dans la carrière, je me propose d'écrire ici tanto poco concernant la Suisse.
Horace connaît tout l'alphabet russe, c'est Sacha qui lui a montré ça.
Рукой Н. А. Герцен:
Pas du tout pauvre Sylvinet! Pas du tout pauvre! Je suis fâchée de ne pouvoir pas encore écrire, autrement je vous l'aurais prouvé. Adieu donc, merci pour votre charmante lettre, allez vous fâcher encore pour cet adjectif? Oui, oui, charmante, et mille fois charmante.
Je te recommande de continuer la querelle avec l'infâme police de la Suisse – et je ferai imprimer ici quelques lignes magnifiques. – Ta lettre est arrivée tard. Il est temps d'envoyer à la poste.
Письмо от вас.
Перевод
Согро di Вассо229[229]. – Итак, милостивый государь, вы имеете дерзость думать, что я совсем не знаю географии; а что, если я читал Мальт-Брюна и Риттера, Ибн Фозлана, Рубруквиса и Магеллана? – Но разве Эмма меня спрашивала о географическом положении Страсбурга или Мюльгаузена? Нет, она предпочла держать тайный совет с женой единственного сына моего отца и матери.
Да здравствует Коля! Я в восхищении, мы открыли ему путь к славе, я намерен писать здесь tanto poco230[230] о Швейцарии.
Горас знает весь русский алфавит, Саша ему показал.
Рукой Н. А. Герцен:
И вовсе не бедный Сильвине! Вовсе не бедный!
Мне досадно, что я все еще не могу писать иначе, я бы вам это доказала. Прощайте же, спасибо за ваше очаровательное письмо, – опять будете сердиться за это прилагательное? Да, да, очаровательное и тысячу раз очаровательное.
279
Я тебе советую продолжать ссору с гнусной швейцарской полицией, а я напечатаю здесь несколько великолепных строк по этому поводу. – Твое письмо пришло поздно. Уже пора посылать на почту.
Paris. 21 Februar.
161. Г. и Э. ГЕРВЕГАМ
Gott stärke ihre sämtliche Gesundheit. Umgehend bitte ich (style du Kapp de bonne Cologne) – endigen Sie mit meiner Brochure. Ich habe Kapp geschrieben – daß ich mit dem größten Zutrauen auf seinen Dienst baue, desto mehr, da er nach zwei Tagen in Ostende sein wird.
Donnez à Hoffmann et Campe en commission, ou comme vous voulez, on comme Kapp le veut, ou comme Dieu le veut, non pas le Dieu de d'Arlincourt, mais le Dieu d'Abraham etc., etc. – le fait est que la brochure perdra tout intérêt dans quelques mois. – Envoyez ici 50 exemplaires – les autres on peut les déposer cnez ma mère.
J'écrirai à Kapp aujourd'hui.
La santé de Natalie s'améliore.
Emma, quoique vons n'ayez pas le temps à présent de vous occuper de vos amis, oubliés avant Mulhouse, mais dessen ungeachtet und umgehend – grüßen Sie meine Mutter und M-selle Ern – ich habe keine Zeit zu schreiben.
Die Antwort aus Petersbourg ist wieder eine Woche länger zu warten.
Перевод
Париж. 21 февраля.
Да укрепит господь все ваше здоровье. Срочно прошу (стиль Каппа из доброго города Кёльна), – кончайте с моей брошюрой. Я написал Каппу, что всецело полагаюсь на него, тем более что он через два дня будет в Остенде.
Отдайте брошюру Гофману и Кампе на комиссию или как вам угодно, или как угодно Каппу, или как угодно богу, но не богу д'Арленкура, а богу Авраама и т. д., и т. д., – дело в том; что через несколько месяцев брошюра потеряет всякий интерес. – Пришлите сюда 50 экземпляров, остальные можно сложить у моей матери.
Я напишу сегодня Каппу.
Здоровье Натали улучшается.
Эмма, хотя у вас нет теперь времени думать о наших друзьях, забытых раньше, чем вы доехали до Мюльгаузена, все же, несмотря и невзирая на это, передайте привет моей матери и м-зель Эрн – у меня нет времени писать.
Ответ из Петербурга опять придется ждать еще неделю...
162. Г. ГЕРВЕГУ

25 (13) февраля 1850 г. Париж.
25 février 1850. Paris.
Eh bien, va pour Nice – mais je ne désespère point de la possibilité de Grasse ou de Cannes, ensuite cela ne vaut pas la peine d'en parler – tout cela est à deux pas. Et on peut se concerter sur lieu. – Moi je n'ai rien non plus contre l'Espagne, passer une année, dans une petite ville au bord de la mer – mais pour fixer un point de départ, je répète – Nice a tous les avantages.
L'affaire du billet me suffoque, Paris m'étouffe – je ne suis pas à mon aise ici, je me fâche tous les jours. Et les hommes que je vois sont tellement inférieurs aux orangs-outangs et dégoûtants – daß ich mich sehne heraus, heraus, und doch kann wieder etwas kommen, was mich noch ein Monat hier warten läßt.
Bamberger a trouvé un négociant grec qui veut se charger de mon affaire concernant la terre. Et qui a déjà écrit à Pétersbourg pour avoir les renseignements – peut-être j'irai seul pour une semaine à Londres.
Emma est probablement en route, elle nous fera à présent l'Ilyade – après avoir fait l'Odyssée. Je ne vois plus la jeunesse dorée qui voltigeait près de Pénélope, pas même la rédaction, et j'en suis enchanté – et je ne veux plus écrire. Ta main.
J'ai voulu t'envoyer un discours très remarquable d'un Donato Cortès (à Madrid) – mais j'en ai besoin, je veux écrire quelques mots là-dessus. Voilà la desperatio et le cri sauvage de la peur. Le fond de tout ce qu'il dit, c'est qu'il n'y a qu'un seul moyen de sauver la société – c'est l'armée permanente. Le soldat et le prêtre! L'autorité et l'obéissance passive. L'église et la caserne ne sont pas si loin l'une de l'autre – c'est le culte de l'abnégation. Le soldat est moine etc., etc. – Silence complet, l'armée écrasant le peuple, ou – dit-il – la Russie victorieuse sur tout le continent. Qu'en dites vous?..
281
Перевод
25 февраля 1850 г. Париж.
Ну хорошо, пусть Ницца, но я отнюдь не теряю надежды на возможность Граса или Канна, вообще же об этом и говорить не стоит – одно от другого в двух шагах. Можно столковаться на месте. – Я лично и не против Испании, чтобы провести там год, в маленьком городке на берегу моря, но в качестве исходной точки, повторяю, у Ниццы все преимущества.
Дело с билетом меня давит, Париж душит – мне здесь не по себе, я по целым дням злюсь. А люди, с которыми я вижусь, настолько хуже орангутангов и так отвратительны, что я рвусь и рвусь отсюда, и все же опять может что-нибудь случиться, что удержит меня здесь еще на месяц.
Бамбергер нашел какого-то греческого купца, который хочет взяться за мое земельное дело и который уже написал в Петербург, чтобы получить справки. Может быть, я поеду один на неделю в Лондон.
Эмма, вероятно, еще в пути. Разыграв перед нами Одиссею, она разыграет теперь Илиаду. Я уже не вижу золотой молодежи, порхавшей вокруг Пенелопы, и даже самой редакции, чему я очень рад, – и не хочу больше писать. Твою руку.
Я хотел было послать тебе весьма замечательную речь некоего Донато Кортеса (в Мадриде), но она мне нужна, я хочу написать об этом несколько слов. Вот оно – desperatio231[231] и дикий крик ужаса. Смысл всего того, что он говорит, таков: существует лишь одно средство спасти общество – это постоянная армия. Солдат и поп! Власть и пассивное повиновение. Церковь и казарма не так уж далеки друг от друга – все тот же культ самоотречения. Солдат – тот же монах и т. д., и т. д. – Полнейшее безмолвие, войско, подавляющее народ, или – говорит он – победоносная Россия на всем континенте. Что вы на это скажете?..
Enfin cette malheureuse affaire du billet, commence a me rendre demi-fou. Rien n'est fait autant pour m'enrager que l'attente. Hier Rotschild a reçu une réponse de Gasser – eh bien, rien, absolument rien. Voilà, pour la seconde fois que la banque ne veut pas donner de résponse, elle l'ajourne sans aucun motif. Gasser pense qu'elle demande des instructions d'en haut
27 (15) февраля 1850 г. Париж.
282
et promet d'écrire dans une semaine. – Tout lo monde s'étonne chez Rotschild – je ne m'étonne de rien, mais je suis las, je suis furieux, et cloué comme mon patron S. Prométhée – à Paris que je désire quitter. – Pour cette affaire c'est un grand avantage, que tu restes encore à Zurich, c'est bien possible qu'il nous faudra faire une démarche près du ministre de Würtemberg. – J'attends seulement une réponse définitive.
Emma m'invite à Zurich. C'est impossible et je ne vois pas trop bien le but. Nous ne sommes pas à présent au temps de faire exécuter chaque fantaisie qui nous passe par la tête. – Après l'affaire j'irai partout, à Nice, à Barcelone –

avant la fin je reste ici ou à Londres – peut-être même à Stuttgart. Je ne réponds pas à Emma directement parce que je crois qu'elle est en route.
Adieu. Je ne suis pas assez gai pour écrire.
Choisissez un endroit – allez-y, installez-vous – et nous viendrons après – après quoi – chi lo sa, peut-être après trois mois.
P. S. Par qui avez-vous envoyé les livres pour Paris? – Ni la poste, ni Franck n'en savent rien?..
Перевод
27 февраля 1850 г. Париж.
Это несчастное дело с билетом, в конце концов, превращает меня просто в умалишенного. Ничто меня так не бесит, как ожидание. Вчера Ротшильд получил ответ от Гассера, и ничего, абсолютно ничего. Уже вторично банк не желает давать ответа, он оттягивает его без всякого объяснения. Гассер думает, что банк ждет указаний свыше, и обещает написать через
неделю. – У Ротшильда все удивляются этому. – Я же ничему не удивляюсь, но я устал, я вне себя и, как мой патрон св. Прометей, прикован к Парижу, который желаю покинуть. Очень большой, выигрыш для дела то, что ты еще в Цюрихе; вполне возможно, что нам надо будет обратиться к вюртембергскому министру. Я жду только окончательного ответа.
Эмма приглашает меня в Цюрих. Это невозможно, да я и не совсем понимаю, зачем это нужно. Сейчас не те времена, когда можно приводить в исполнение любую фантазию, какая взбредет в голову. – После решения дела я поеду куда угодно – в Ниццу, в Барселону, – до решения же останусь здесь или в Лондоне. А может быть, даже и в Штутгарте. Я не отвечаю самой Эмме – я думаю, она в дороге.
Прощайте. Мне не настолько весело, чтобы писать.
283
Выбирайте место, поезжайте туда, устраивайтесь, а мы приедем после, а когда – chi lo sa232[232], может быть, через три месяца.
P. S. С кем вы переслали книги в Париж? – Ни почта, ни Франк ничего о них не знают?...
164. Г. ГЕРВЕГУ (приписка)
Конец февраля 1850 г. Париж.
Qui, Tata a pleuré parce que vous ne lui écrivez rien et encore parce que j'ai dit que Horace et nos enfants représentent deux races distinctes comme les lévriers et les chiens bouledogues. Elle se mit en colère extrême en disant que j'ai appelé Horace – chien. Ton Horace se conduit vraiment d'une manière admirable.
Перевод
Да, Тата плакала, потому что вы ей ничего не пишете и еще потому, что я сказал, что Горас и наши дети представляют собой две различные породы, как борзые собаки и бульдоги. Она
страшно рассердилась, утверждая, что я назвал Гораса собакой. Твой Горас ведет себя действительно восхитительным образом.
165. Г. и Э. ГЕРВЕГАМ
1 марта (17 февраля) 1850 г. Париж.
1 mars 1850. Paris.
Eh bien; nous sommes parvenus, clopin-clopant, jusqu'au mois de Mars, et tout le monde parle de la guerre pour faire la cour à l'honorable général de l'Olympe, qui a été incarcéré de la manière la plus humaine que je connaisse, in carcere molle, par Vulcain. – L'exorde n'est pas mauvais, comme tu vois, caro Georges...poursuivons.
Hier à 11 heures du matin entra dans ma chambre Kapp, en me demandant si je ne voulais pas lui dicter l'épilogue, tout-à-fait comme s'il n'avait jamais quitté nous autres que pour une demi- heure. Ensuite il m'a demandé ce que nous avions résolu avec la brochure, moi je lui ai dit que je t'avais écrit là-dessus. Moi je consens s'il le faut de donner en Verlag à Campe (qui n'a pas écrit la découverte de l'Amérique par Robinson) – il veut payer 200 Taler; tant mieux, les frais seront couverts. Faites envoyer l'argent chez ma mère. Le succès des fragments imprimés dans quelques feuilles a été très grand. Kapp veut aller à
284
pied jusqu'à New-York, il cherche un endroit guéable où traverser l'Océan, ce qui ne sera pas difficile vu sa longueur immense; par bonheur le podesta de Cologne ne lui a pas chargé les épaules de sa fille, il veut voir comment Kapp s'installera, comment il s'enrichira et alors lui donner pour la bonne bouche (lorsqu'il n'aura plus de dents) la beauté prussienne. Il espère entre autres que l'Amérique sera aussi châtiée et incorporée à la Prusse sous le nom de Brandebourg maritime. Je sais tout cela par clairvoyance.
A présent parlons des affaires. J'attends une lettre de mon chargé d'affaires

pour le 6 ou le 5 de ce mois (au reste, tu sauras ce qu'il écrit avant moi, la lettre sera adressée chez ma mère). Eh bien, il y a deux cas. 1) Ou après avoir épuisé tous les faux-fuyants bureaucratiques, la banque payera. Alors libre individuellement, j'irai tout de suite, une semaine après la réponse, au sud de la France, et je chercherai des maisons près de Nice (ou enfin à Nice-même, nous en pourrons traiter mille fois), je suis même d'avis d'acheter tout bonnement une petite campagne avec un jardin près de la mer.
Mais voilà que vient le 2e cas. Si on refuse le payement sous un prétexte quelconque – ce qui est très probable, – voilà mon plan, je prierai Rotschild de sévir enfin avec toute son autorité, – il le
fera. Mais alors il faut attendre une réponse. – 25 jours, au moins, et en cas de non-réussite s'adresser à Wurtemberg ou déterminer ma mère de faire un voyage. (Nous verrons cela d'après les termes de refus, s'il y en a un.) Pour toute cette affaire, mon éloignement au Sud serait pernicieux. Et si je ne peux longtemps rester à Paris, j'irai pour deux-trois mois dans une campagne des environs, – en cas de besoin j'irai seul en Angleterre ou en Belgique, mais je n'irai pas au Sud...
Puisque tu n'es pas tout à fait mal en Suisse, je crois que c'est prudent d'attendre, jusqu'à ce que la guerre ne donne de véritables inquiétudes.
– Voilà tout le plan... Je t'embrasse de tout mon cœur.
D'après les lettres de ma mère, je crois que ces lignes vous trouveront encore à Zurich, chère Emma, et vous pensiez que je vous ai crue lorsque vous m'aviez dit que vous alliez pour 2 jours et autant de nuits. – Horace se conduit parfaitement bien, vous savez que je suis un peu sévère avec lui depuis l'histoire de la récidive de l'incendie – mais en vérité on ne peut rien désirer de plus d'un enfant de son âge. Vous avez agi en véritable Caïn avec Abel, figurez-vous qu'il court deux fois par jour donner des leçons des Champs Elysées au Montmartre – il est devenu plus petit et plus humide; pour lui vous pouvez être sûre qu'il vous attend comme Héro attendait Léandre, c'est-à-dire comme vous attend
Alexandre.
285
Рукой Н. А. Герцен:
Moi aussi, je t'attends, Emma, je m'ennuie sans toi, je ne vais nulle part, je ne vois et ne veux voir personne excepté Ada et Horace. – Hier il faisait un temps magnifique, nous sommes allés place de la Bastille; que j'étais heureuse de respirer le printemps; j'ai pensé aussi beaucoup aux deux maisonnettes – quand donc, quand donc?..
Das Land, wo die Zitronen blühn!..
Je voudrais y mourir, je ne voudrais plus revoir
Свод небес зелено-бледный,
Скуку, холод, etc...
A vous de cœur, et d'âme, et de corps.
N.
На обороте: Егору Васильевичу.
Ну вот, с грехом пополам мы дожили до Марсова месяца, и все заговорили о войне, чтоб угодить почтенному генералу Олимпа, который был в свое время заключен Вулканом in carcere molle233[233] и содержался в темнице в самых гуманных из всех известных мне условий. Как видишь, вступление неплохое, саго Георг... продолжим.
Перевод
Вчера в 11 часов утра ко мне в комнату вошел Капп и спросил, не желаю ли я продиктовать ему эпилог, – совсем так, словно и не расставался с нами, разве только на полчаса. Затем он спросил, как мы решили с брошюрой; я ответил, что написал тебе об этом. Я согласен, если нужно, отдать ее в Verlag Кампе (того, который не писал об открытии Америки Робинзоном); он хочет уплатить 200 талеров – тем лучше, это покроет издержки. Перешлите деньги моей матери. Отрывки, напечатанные в нескольких газетах, имели очень большой успех. Капп хочет идти пешком до Нью-Йорка, он ищет лишь, где бы перейти вброд океан, а принимая во внимание его огромный рост, это не представит трудности; к счастью, подеста города Кёльна не навязал ему на шею свою дочку, он хочет сначала посмотреть, как Капп устроится, разбогатеет, а потом уж отдаст ему на закуску (когда у того совсем не останется зубов) прусскую красавицу. Он надеется, между прочим, что Америка также будет наказана и включена в состав Пруссии под названием Приморского Бранденбурга. Все это стало мне известно благодаря ясновидению. Теперь поговорим о делах. 6-го или 5-го числа этого месяца я жду письма от моего поверенного (впрочем, ты узнаешь, что он пишет, раньше меня, ибо письмо будет адресовано моей

286
матери). Итак, одно из двух. 1) Либо, исчерпав все бюрократические увертки, банк уплатит. Тогда я буду свободен и тотчас же, через неделю по получении ответа, уеду на юг Франции и подыщу домики близ Ниццы (или даже самой Ницце — мы это успеем еще тысячу раз обсудить); я даже склонен просто купить небольшую дачу с садом у моря.
Но вот и 2-й возможный случай. Если под каким-нибудь предлогом в уплате будет отказано, что весьма правдоподобно, то вот мой план. Я попрошу Ротшильда употребить, наконец, все свое влияние. Он это сделает. Но тогда придется ждать ответа по крайней мере дней 25 и, в случае неуспеха, обратиться в Вюртемберг или уговорить поехать туда мою мать. (Мы решим это в зависимости от мотивов отказа, если таковой последует). Мой отъезд на юг мог бы гибельно отразиться на всем деле. Если же мне нельзя будет долго оставаться в Париже, я уеду,
на два, на три месяца куда-нибудь поблизости в деревню, а в случае нужды поеду один в Англию или в Бельгию, но на юг не поеду.
Тебе ведь не так уже плохо в Швейцарии, думаю поэтому, что лучше, осторожности ради, подождать до тех пор, пока не будет серьезных оснований опасаться войны. — Вот и весь мой план. Обнимаю тебя от всего сердца.
Судя по письмам моей матери, эти строки застанут вас еще в Цюрихе, дорогая Эмма, а вы думали, что я вам поверил, когда вы говорили, будто едете на два дня и столько же ночей. — Горас ведет себя прекрасно. Вы знаете, что я стал обращаться с ним несколько строже после повторившейся истории с пожаром, но, по правде говоря, нельзя ведь требовать большего от ребенка его возраста. Вы поступили с Абелем как настоящий Каин; представьте, он два раза в день бегает на уроки с Елисейских Полей на Монмартр — он стал еще меньше и сырее, уже в нем-то вы можете быть уверены: он ждет вас, как Геро ждала Леандра, иначе говоря, как вас ждет
Александр.
Рукой Н. А. Герцен:
Я тоже жду тебя, Эмма, скучаю по тебе, никуда не хожу, никого не вижу и не хочу видеть, кроме Ады и Гораса. — Вчера была чудесная погода, мы ходили на площадь Бастилии. Как я была счастлива подышать весенним воздухом. Я тоже много думала о двух маленьких домиках — когда же, когда же?
Das Land, wo die Zitronen blühn!..
Я хотела бы там умереть и не хочу больше видеть
Свод небес зелено-бледный,
Скуку, холод и т. д.
Ваша сердцем, душой и телом
Н.
На обороте: Егору Васильевичу.
Ich danke Ihnen tausendmal für Ihren vortrefflichen Brief, lieber Herr Hess, jetzt erwarten Sie keine Antwort, nur einige subjektive Betrachtungen will ich Ihnen mitteilen fürs erste.
Sie haben ganz recht, indem Sie sagen, daß die römischen Philosophen außerhalb der Aktualität waren, der Apostel Paul oder Julian der Konservative waren viel mehr in der Wirklichkeit als Sextus Empiricus, Lukian etc. — aber hatten sie die Wahl, war es nicht historische Aktualität, die sie außerhalb der Geschichte jagte, war es ihre Schuld, daß sie nüchterner sahen als die Christen?
Le lien qui nous rattache au passé et à notre milieu n'est pas toujours si fragile. C'est un symptôme de la décadence, de l'approche d'un cataclysme. Les Anglais par exemple, si nous en exceptons quelques individualités excentriques comme Byron, Shelly, se tiennent au niveau de leur actualité. Ils continuent, ils ont une tradition, une œuvre à accomplir, une conduite tracée. Nous sommes dans un autre cas, cette lésion de continuité qui se fait sentir, ce Bruch ne se fait pas avec intention, c'est le milieu qui nous pousse an doute, au dégoût; après beaucoup d'efforts, de souffrances, de déceptions vous succombez, ou votre nature titanique s'insurge, devient sceptique, et sent une démangeaison de s'attaquer à tout. Les circonstances — le 24 Février exempli gratia — peuvent donner le change, peuvent entraîner, mais elles peuvent aussi bien vous planter au beau milieu de l'entraînement.
La brochure dont vous parlez n'est pas même un ouvrage de propagande l'élément lyrique, pour ainsi dire et tout à fait subjectif y prédomine. Si elle vous a interessé, c'est parce qu'elle est vraie; on sent la rage et les larmes au-dessous du doute, je m'émancipai de mes sentiments douloureux en l'écrivant. Kapp a fait publier la traduction de mes lettres sur la révolution italienne en 47 etc (chez Hoffmann et Campe); dans les premières lettres vous me trouverez tout à fait lancé, entraîné (quoiqu'elles soient écrites aprés le premier article «Vor dem Gewitter»).

Mais ce n'est pas tout. Vous oubliez peut-etre que ma position de spectateur – est ma nationalité: j'appartiens physiologiquement à un autre monde; j'ai plus d'indifférence en constatant le cancer terrible qui engloutit l'Europe occidental. En Russie nous souffrons seulement de l'enfance, et d'une gêne matérielle, mais nous avons l'avenir pour nous. Le monde slave n'a pas existé dans la plénitude de ses forces, à présent il s'est
288
préparé instinctivement une arène immense – la Russie. Sous ce rapport nous autres nous avons une position tout à fait différente des philosophes romains, – eux ils n'avaient que leur pensée sombre et fière (quoique, je vous avoue, j'aie un faible pour ces hommes; cette indépendance, cette émancipation individuelle qui enfin ne veut rien des hommes, fait tressaillir mon cœur) et ils prévoyaient le temps où Justinien allait fermer leurs écoles, où un autre empereur allait brûler la
bibliothèque de Byzance pour en finir avec leur science. Tout au contraire nous n'attendons que le moment d'apparaître.
Je ne continue pas aujourd'hui. Je serais vraiment honoré si vous voudriez écrire in extenso votre lettre et l'imprimer dans votre brochure. Je m'engage à vous répondre – au lieu de mon nom, employez mon pseudonyme – ïscander. C'est ainsi que j'ai signé tout ce qui a été imprime en Russie, et puisque Kapp l'a employé – va pour Iscander. Ordonnez à Campe de m'envoyer de suite un exemplaire et prenez chez Herwegh un de la brochure. – Je vous enverrai aussi les Lettres, dites votre adresse. Où allez-vous? – En Angleterre, – peut-être je viendrai à Londres dans 20 jours. N'oubliez pas de me donner votre adresse, vous pouvez m'écrire en adressant aux soins de Mrs les frères de Rotschild à Paris.
Avez-vous lu en Suisse le discours de Donato Cortès? – je lui ai écrit une réponse, et je me propose à présent d'écrire un petit article contre la confusion prêchée par Em. Girardin par rapport à la majorité et la minorité.
Au reste tout va tristement – je m'enfonce de plus en plus dans mon pessimisme.
Encore une fois merci, et grandement merci pour votre lettre, elle m'a fait beacoup de bien, – je vous salue fraternellement.
Concernant l'argent, ne pensez pas à cela, je n'en ai pas besoin, et vous allez faire un voyage. Même si vous avez besoin d'une petite somme pareille, vous n'avez qu'à m'écrire.
Tout à vous A. H e r z e n .
4 Mars.
P. S. Le titre de ma brochure a induit beaucoup de personnes, et vous aussi, cher Monsieur Hess, dans l'erreur. C'est en russe que je l'ai écrit. Vom andern Ufer – de l'autre côté du terrain de la révolution, cela n'avait pas d'autre sens.
Adieu.
289
Перевод
Приношу вам тысячу благодарностей за ваше прекрасное письмо, дорогой господин Гесс; не ждите теперь ответа, я хочу лишь поделиться с вами для начала некоторыми субъективными соображениями.
Вы совершенно правы, когда говорите, что римские философы были вне своей современности; апостол Павел или Юлиан Консервативный были гораздо крепче связаны с действительностью, чем Сикст Эмпирик, Лукиан и т. д., – но разве они могли свободно выбирать, разве не историческая необходимость выгнала их из истории, разве это их вина, что они смотрели на вещи трезвее, чем христиане? Связь, соединяющая нас с прошлым и с нашей средой, не всегда так слаба. Это симптом упадка, приближения катаклизма. Англичане, например, если исключить отдельные эксцентричные индивидуальности, такие как Байрон, Шелли, остаются на уровне современности. Они что-то продолжают, у них есть традиции, какое-то жизненное дело, правила поведения. Мы находимся в другом положении; это ощутимое нарушение преемственности, этот Bruch234[234] не есть нечто преднамеренное, сама среда толкает нас к сомнению, будит отвращение; и после долгих усилий, страданий и разочарований вы оказываетесь сломленным, или же ваша титаническая натура начинает восставать, проникается скепсисом и чувствует неистовое желание развенчать все на свете. Обстоятельства – 24 февраля, exempli gratia – могут перевернуть вас, могут увлечь, но они могут также и заставить вас остановиться в самом разгаре вашего увлечения.
Брошюра, о которой вы говорите, – даже не пропагандистское сочинение: в ней преобладает элемент, так сказать, лирический и совершенно субъективный. Если она вас заинтересовала, то потому, что она правдива; в ней за сомнением чувствуются ярость и слезы; я освободился от своих горестных ощущений, написав ее. Капп опубликовал перевод моих писем об итальянской революции 1847 г. etc. (издание

Гофмана и Кампе), в первых из этих писем вы найдете меня в совершенном упоении, увлечении (хотя они были написаны после первой статьи «Перед грозой»).
Но это не всё. Вы, может быть, забываете, что моя позиция наблюдателя определяется моей национальностью; я физиологически принадлежу к другому миру, я могу с большим равнодушием констатировать наличие страшного рака, снедающего Западную Европу. Мы в России страдаем только от нашей
290
детской неразвитости и материальной нужды, но нам принадлежит будущее. Славянский мир еще не жил во всей полноте своих сил; теперь он инстинктивно приготовил себе огромную арену действия — Россию. В этом отношении мы, русские, находимся в совсем ином положении, чем римские философы, — у тех не было ничего, кроме их мысли, мрачной и гордой (хотя, признаюсь, я питаю слабость к этим людям, эта независимость, эта
освобожденность личности, при которой ничего уже не ждут от людей, наполняет трепетом мое сердце), и они предвидели то время, когда Юстиниан закроет их школы или какой-нибудь другой император сожжет византийскую библиотеку, чтобы покончить с их наукой. Мы же, напротив, только ждем, когда пробьет час выступить.
На этом я сегодня остановлюсь. И право же я буду польщен, если вы соблаговолите воспроизвести т ех1епэо235[235] ваше письмо и напечатать его в вашей брошюре. Я обязуюсь ответить вам. Вместо моей фамилии поставьте мой псевдоним — Искандер. Так я подписывал все, что печатал в России, и поскольку Капп тоже использовал его, то пусть будет Искандер. Распорядитесь, чтобы Кампе выслал мне тотчас экземпляр, и возьмите у Гервега экземпляр брошюры. Я пришлю вам также «Письма»; сообщите ваш адрес. Куда вы едете? В Англию? Я, может быть, буду в Лондоне через три недели. Не забудьте сообщить мне свой адрес, вы можете писать мне на имя Братьев Ротшильд в Париж.
Прочли ли вы в Швейцарии речь Донато Кортеса? Я написал ему ответ и собираюсь сейчас написать статейку против сумбура, проповедуемого Эм. Жирарденом по вопросу о большинстве и меньшинстве.
А впрочем, все кругом очень печально — я все глубже и глубже погружаюсь в пессимизм.
Еще раз спасибо, и большое спасибо, за ваше письмо, оно доставило мне большую радость. Шлю вам братский привет.
Что касается денег, то не думайте об этом; мне они не нужны, а вы собираетесь в путешествие. А если вам нужна еще приблизительно такая же сумма, просто напишите мне.
Весь ваш А. Герцен.
4 марта.
Р. Б. Заглавие моей брошюры ввело в заблуждение очень многих, и в том числе вас, дорогой господин Гесс. Я написал его по-русски. «С того берега» означает только — за рубежом революции и ровно ничего больше.
167. Г. и Э. ГЕРВЕГАМ
Прощайте.
Cher Georges, je t'en prie, envoie cette lettre à Hess. Sa critique est très belle, sur un pareil terrain il y a possibilité de traiter encore une fois beaucoup de choses. As-tu remarqué qu'aujourd'hui Gharles-Edmond tout-à-coup a raconté en partie tes aventures visionnaires? Cui bono — поп lo so. Польза — вред большой, comme disait un professeur de la minéralogie.
Etes-vous encore an Ort und Stelle — Emma, avez-vous lancé contre moi un anathème, une excommunication ou autre chose habituelle entre bons amis? — Mais il n'y a rien à faire, moi je me soumets aux nécessités, aux variations, etc., etc. Vous êtes une musicienne parfaite, mais vous ne prenez qu'une'seule note — les autres sont des cariatides, des paravents; les autres notes sont subordonnées d'après le Grundton. — Mais dans la vie, dans l'actualité et dans une pièce de musique cela ne va pas avec cette unité.
Donnez donc votre main, frappez-moi, mais aimez un peu beaucoup.
Перевод
Дорогой Георг, перешли, пожалуйста, это письмо Гессу. Его критика превосходна, с подобных позиции можно еще раз обсудить множество вопросов. Заметил ли ты, что сегодня Шарль-Эдмон вдруг рассказал частично о твоих визионерских приключениях. Cui bono — non lo so236[236]. Польза — вред большой, как говорил один профессор минералогии.
Все ли вы еще an Ort und Stelle237[237]? Эмма, вы, наверное, уже предали меня анафеме, отлучили от церкви или сделали со мной еще что-либо в этом роде, как водится между добрыми друзьями? Ничего не поделаешь, я подчиняюсь необходимости, всяким вариациям и т. д., и т. п. Вы превосходная музыкантша, но вы берете только одну ноту, остальные — лишь кариатиды, ширмы; остальные ноты подчинены

Grundton'y238[238]. — Но в жизни, в действительности, как и в музыкальной пьесе, все звучит не так однотонно.
236[236] Кому это на пользу — не знаю (лат. и итал.). 237[237] на месте (нем.).
Дайте же вашу руку, побейте меня, но и любите немножко побольше.
Il pleut, il fait sombre... et je suis sombre. Je voudrais parler avec toi de beaucoup; j'ai une démangeaison terrible de raconter beaucoup, — j'ai un million de projets, entre autres — de faire des articles sur la philosophie allemande pour les Français, et d'écrire contre les absurdités d'Emile Girardin, et aussi d'autres projets de ne rien faire, — à propos (à quel propos cela se rattache, je ne sais pas), écrivez un mot à Jacoby, ne peut-il pas envoyer tanto poco Vom andern Ufer nach Moskau.
4 марта (20 февраля) 1860 г. Париж.
J'ai la conviction que, bonne ou mauvaise, mais la réponse viendra avant le 10 mars — je t'assure que cette affaire est pour moi équivalente à la vessie enragée de Tourguéneff — Tourguéneff qui m'a impliqué par amour pour m-me Viardot (pour faire une captatio benevolentiae du mari) dans un dédale de commérages et qui a ôté la virginité... (oh, n'allez pas croire qu'il en est capable avec le beau sexe) de mon fils puîné, en lançant son nom au S. Lazare trisoc...
Kapp fit la même chose avec moins de tact — et avec plus d'acanichement et s'est encore plus engermanisé qu'il n'a été. C'est un cadeau pour los naturalistes de New-York de voir un exemplaire si pur.
Перевод
4 марта.
Идет дождь, сумрачно... и я сумрачен. Хотелось бы поговорить с тобой о многом, меня просто мучит желание рассказать тебе множество вещей, у меня тьма планов, между прочим — написать для французов ряд статей о немецкой философии, написать против нелепостей Эм. Жирардена, а также и иные — планы ничего не делать; кстати (к чему это кстати я и сам не знаю), черкните несколько слов Якоби, не может ли он переслать tanto poco «С того берега» nach Moskau.
Я убежден, что ответ — хороший или плохой — придет до 10 марта. Уверяю тебя, это дело для меня все равно что воспаление мочевого пузыря для Тургенева — Тургенева, который завлек меня, из любви к г-же Виардо (ради captatio benevolentiae239[239] мужа), в лабиринт сплетен и который лишил невинности (о, не подумайте, что он способен на это с прекрасным полом!) моего младшего сына, произнеся его имя в С.-Лазаре frisoc^.
Капп сделал то же с меньшим тактом, но с большей, поистине собачьей злостью; он еще больше онемечился, чем прежде. Такой чистокровный экземпляр — настоящая находка для нью-йоркских натуралистов.
293
169. Г. ГЕРВЕГУ
5 марта (21 февраля) 1850 г. Париж.
Le 5 mars. Paris.
Je ne puis t'exprimer comme cela m'était pénible de voir ton nom cité dans la feuille que tu m'as envoyée. Les sacrés chiens, nos amis, gâtent tout, non seulement qu'ils ont gâté l'histoire du genre humain, ils gâtent l'existence des individus. — Tourguéneff lui-même est désolé (et c'est lui qui est le grand coupable de tout le vacarme), Viardot persiste à prouver une chose avec toute l'indélicatesse d'un bourgeois. Je serai enfin forcé de donner un démenti, même pour toi, j'écrirai une lettre à M. Schi-bel. Et les f. bêtes de notre chère redaction ne peuvent rien imprimer sans ajouter de la rhétorique. Ils pensent que de subir un démenti n'est rien. — Laisse si c'est possible couler au fond cette histoire.
Kapp est un imbécile — et enfin il est parti pour l'Amérique, et a très bien fait. — Comment sans demander la permission faire des publications... comme Galeer nous a attaché à l'Alliance — c'est inconcevable. On ne voit personne, on ne veut que du repos. — Mais dis-moi ce que je dois faire après la seconde bêtise inqualifiable du National?
Je te remercie de toute mon âme pour ta lettre, elle m'a fait oublier un moment toute la bile qui s'accumule de plus en plus tous les jours. Je t'embrasse. Personne n'est à la maison...
Перевод
5 марта. Париж.
Не могу выразить, как мне было тяжело, когда я увидел твое имя в присланной тобой газете. Эти наши проклятые друзья портят всё; они не только испортили историю человеческого рода, но портят жизнь отдельным личностям. Тургенев и сам в отчаянии (а он именно и есть главный виновник всей суматохи), Виардо же с бестактностью буржуа упорно продолжает что- то доказывать. В конце концов я буду

вынужден написать опровержение, даже насчет тебя; я напишу письмо г-ну Ши-белю. А... дураки из нашей милейшей редакции не могут ничего напечатать, не разбавив риторикой. Они думают, что быть разоблаченным ничего не значит. — Если возможно, дай этой истории забыться.
Капп просто дурак, наконец-то он уехал в Америку, и очень хорошо сделал. — Как можно что-либо публиковать, не испросив на то разрешения... как это Галер втянул нас в «Alliance» — уму непостижимо. Никого не видно, все хотят только
294
покоя. — Но скажи, что я должен делать после вторичной неслыханной глупости «National»?
От всей души благодарю тебя за письмо, оно заставило меня забыть на минуту мое дурное настроение, которое усиливается с каждым днем. Обнимаю тебя.
Дома никого нет...
170. Э. ГЕРВЕГ (приписка)
7 марта (23 февраля) 1850 г. Париж.
Comme vous êtes encore à Zurich, je ne vous écris non plus. Je suis bête...
Рукой Н. А. Герцен:
ce n'est pas vrai, c'est qu'il vient de finir le déjeuner.
Перевод
Поскольку вы еще в Цюрихе, я также вам не пишу. Я глуп..
171. Г. ГЕРВЕГУ
9 марта (25 февраля) 1850 г. Париж.
9 mars 1850. Paris.
Cher Georges — primo, je ne bois pas de bière, ni beaucoup d'eau de vie, 2e je bois du beaune à 1.50 la bouteille, 2 par jour — total 3 francs de consommation. Il y a quelque chose de tellement lourd dans l'atmosphère que nous respirons ici, qu'il est difficile de te dire ce que je sens. Encore une fois — cela me rappelle physiquement le sentiment d'un désespoir sombre qui tombait quelquefois sur mon âme à Pétersbourg.
Quand parviendrons-nous, non dans la théorie, mais dans la conduite, à nous emanciper de l'intérêt que nous portons à ce monde qui en vérité n'a rien de commun avec nous? Est-ce que nous nous fâchons contre la bêtise d'un arbre, contre le caractère hargneux d'un loup? Et nous nous fâchons de la bassesse, du servilisme de l'homme — mais c'est son caractère spécifique; sans ces qualités humaines — il serait orang-outang. Mais ce n'est pas avec dépit qu'il faut accepter cela — mais avec sérénité. — Il y a an j'écrivai: il faut donc ouvrir les yeux aux hommes, il faut leur prêcher l'approche de la mort — ce temps n'est plus;
295
la pourriture, la dissolution est là, personne ne se trompe à présent — pas même le saint père Donoso Cortès. Il faut du calme à présent; le plus grand malheur objectif, nous l'avons souffert, en perdant espérance, foi, respect de notre propre passé. Et au lieu de cela, on n'est que plus tourmenté par le spectacle ignoble, blessant, outrageux. Je dépends extrêmement des impressions, je suis très reizbar par le milieu et ici ma pensée, mon âme ne me suffisent pas — trop froissé tous les jours, une inquiétude, une irritation perpétuelle me suffoquent. — Enfin nous sommes au 9, la sacrée réponse viendra donc un de ces jours. La dernière lettre de Gasser, que j'ai lue moi-même, ne donne pas de bonnes espérances. Et le gouvernement de Wurtemberg ne voudra pas trop s'avancer par le temps qui court.
Et pas une ligne de la Russie — et tout cela est si facile à savoir, si facile à écrire.
A propos, on dit assez positivement que Bakounine s'est sauvé de la prison. Kapp continue même sur l'océan sa correspondance avec Campe, je vous envoie une lettre qu'il m'a envoyée aujourd'hui. N'oublions pas de dire à Campe qu'à la seconde édition il faut faire quelques corrections. L'épilogue est traduit.
J'ai entrepris encore une petite bluette poétique sous le titre Emile Girardin et Emanuel Kant pour lui dire qu'il est, non seulement mauvais républicain, mais mauvais dialecticien. J'ai non seulement la possibilité mais la manie d'écrire de petites dissertations — à propos des petites bêtises qu'on répète dans les grandes feuilles.
As-tu envoyé les 700 ou 750 exemplaires à Campe? Donne-lui la bénédiction pour la seconde édition...
Tu me demandes quelle histoire visionnaire, mais toute l'histoire avec le visa historique de ton passeport a été imprimée. Quel est donc ce Delahodde vice versa qui me traite en banquier, — je n'ai jamais entendu parler de lui.
Tourguéneff «s'en va-t-en guerre» — il retourne à Pétersbourg (m-me Viardot va à Berlin et probablement poussera plus loin dans l'absolutisme boréal). N'est-il

pas un héros; est-ce que les femmes ne lui doivent pas admiration, vénération, glorification... les autres devoirs il ne pourrait admettre, jusqu'à une correction de la vessie.
As-tu compris le quatrain magnifique de Pouchkine?
Voilà tout, caro mio, je crois qu'a présent les choses iront un peu plus vite — et qu'enfin nous rentrerons dans quelque port — pour oublier pour une année au moins les tempêtes et les orages.
Ta main.
Nous avons vu et parlé à Léontine.
296
Перевод
9 марта 1850 г. Париж.
Дорогой Георг, primo, я совсем не пью пива, а водки пью немного; 2. Я пью бонское вино по 1.50 за бутылку, 2 бутылки в день, итого 3 фр. на пропитие. Есть нечто настолько тяжелое в атмосфере, которой мы тут дышим, что мне трудно описать тебе свое состояние. Повторяю — по физическому ощущению это напоминает мне то чувство мрачного отчаяния, какое временами овладевало моей душой в Петербурге.
Когда же удастся нам не в теории, а на деле освободиться от интереса к этому миру, в действительности не имеющему ничего общего с нами? Разве мы сердимся на тупость дерева,
на лютость природы волка? Но мы сердимся на низость, на угодливость человека — да ведь это составляет особенность его характера, без этих человеческих свойств он был бы орангутангом. И это надо принимать не с досадой, а спокойно. — Год назад я писал: «Надо же открыть людям глаза, надобно возвестить им приближение смерти»; теперь уже не те времена, наступил распад, гниение, теперь никто уже не обманывается — даже святой отец Донозо Кортес. Теперь нужно спокойствие. Самое большое несчастие общего порядка мы уже пережили, потеряв надежду, веру, уважение к собственному прошлому. А между тем мы еще больше терзаемся, глядя на все это гнусное, обидное, оскорбительное зрелище. Я чрезвычайно поддаюсь впечатлениям, я очень reizbar240[240] к окружающей среде, и здесь уже мне не хватает ни моих умственных способностей, ни моих душевных сил — я ощущаю себя всякий день слишком уязвленным и задыхаюсь от беспокойства и вечного раздражения. — Наконец- то мы дожили до 9 числа, проклятый ответ придет, стало быть, в ближайшие дни. Последнее письмо Гассера, которое я сам читал, не вселяет хороших надежд, а вюртембергское правительство по теперешним временам не особенно-то захочет ввязываться.
И ни строчки из России, а все это так легко узнать, так легко обо всем написать. Кстати, довольно определенно говорят, что Бакунин бежал из тюрьмы.
Капп даже на океане продолжает переписку с Кампе; посылаю вам письмо, которое он мне сегодня прислал. Не забыть бы сказать Кампе, что во второе издание нужно внести некоторые исправления. Эпилог переведен.
Я задумал также маленькую поэтическую шутку под названием «Эмиль Жирарден и Иммануил Кант», чтобы сказать ему, что он не только плохой республиканец, но и плохой диалектик.
297
Я не только располагаю возможностью, но одержим манией писать маленькие рассуждения по поводу маленьких глупостей, повторяемых в больших газетах.
Послал ли ты 700 — 750 экземпляров Кампе? Благослови его на второе издание.
Ты спрашиваешь, что это за визионерская история, да ведь вся история с исторической визой твоего паспорта была напечатана. Кто же этот Делагод vice versa, который принимает меня за банкира, — я о нем ничего не слыхал.
Тургенев «в поход собрался» — он возвращается в Петербург (г-жа Виардо едет в Берлин и, вероятно, проследует дальше в глубины северного абсолютизма). Ну не герой ли он, и не обязаны ли женщины воздавать ему дань восхищения, преклонения, прославления... другой дани он не мог бы принять до приведения в порядок своего пузыря.
Понял ли ты великолепное четверостишие Пушкина?
Вот и все, caro mio, я думаю, что теперь дела пойдут несколько быстрее, а мы войдем, наконец, в какую-нибудь гавань чтобы хоть на год забыть бури и грозы.
Дай руку.
Мы видели Леонтину и разговаривали с ней.
172. Г.ГЕРВЕГУ
10 марта (26 февраля) 1850 г. Париж.
Егору Федоровичу.
4 heures, tout va très bien. Mais très bien. Partout le calme et des promeneurs von allen Gattungen, Damen, Kanonen, Kinder, Dragonen. Au revoir, rue de la Paix.

Перевод
Егору Федоровичу.
4 часа. Все в порядке. Да, в полном порядке. Всюду спокойствие и гуляющие von allen Gattungen, Damen, Kanonen, Kinder, Dragonen241[241]. До свидания, rue de la Paix.
173. КОЛЕ ГЕРЦЕНУ
10 марта (26 февраля) 1850 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
Und Papa-Vater 1 843 000 Küsse.
298
Перевод
Рукой Н. А. Герцен:
Мама.
Милый Коля! Большое спасибо за твое письмо.
И папа-отец 1 843 000 поцелуев.
174. Э. ГЕРВЕГ (приписка)
Около 10 марта 1850 г. Париж.
Перевод
Comme vous n'êtes plus à Zurich, je ne vous écris pas.
Поскольку вас нет больше в Цюрихе, я вам не пишу.
175. Г. ГЕРВЕГУ и М. К. ЭРН
Cher Georges! Moi je suis aussi triste et agité. Mais je n'ai pas le moindre désir d'y ajouter encore les éternelles questions subjectives. — Laissons cela. — Ce n'est pas beau de s'occuper de ses cors aux pieds de l'âme lorsque quelque chose de terrible s'accomplit. — Caro mio! Il n'y a pas assez d'air, on ne peut respirer, es ist schwühl... le dernier moment, le plus grave est peut-être arrivé. Oggi — o mai!..
Je ne vois personne... mais je flaire quelque chose, c'est instinctif. Oh, donnez au moins du repos à nous autres. Du repos et rien de plus. Peut-être ils en donneront à gogo...
Et pourquoi pas? So untergehen wie diese Sonne... Ein Knabengedanke... il n'y a qu'un genre de mort que je déteste, c'est
«Mourir pour la patrie»,
mais mourir sans foi. — Ma foi — alors il faut mourir sans demander grâce, de foie gras aux truffes... deux fois gras...
Mourir pour les truffes...
J'ai une migraine, un mal de dent et un mal dehors.
Le docteur a été chez moi, le docteur de Dresde. — Ce qui se fait est au-dessus de toute imagination. Je suis triste — триста раз.
Tu m'écris — et que le diable te punisse pour les nouvelles bêtises que tu as crites. Mais est-ce que?..
— Allons en Espagne... manger des portugalles.
— Alles ist aufgeregt, «es brauset und... brauset».
Je continue sur la table.
Montre cela à m-selle Ern qui te montre la langue russe, et oublie la montre qui avance trop242[242].
242[242] Дорогой Георг! Я тоже опечален и взволнован. Но у меня нет ни малейшего желания добавлять к этому еще вечные вопросы личного порядка. — Оставим это. — Нехорошо заниматься своими душевными мозолями, когда свершается нечто ужасное. Саго mio! Не хватает воздуха, нечем дышать, es ist schwühl душно... наступила, быть может, последняя, самая решительная минута. Oggi — o mai Сегодня или никогда!..
Я ни с кем не вижусь... но что-то инстинктивно чую. О, дайте же нам-то хотя бы покоя. Покоя и ничего больше. А может быть, они и дадут его, да уж свыше меры...
А почему бы и нет? So untergehen wie diese Sonne... Ein Knabengedanke
Закатиться, как это солнце... Мальчишеская мысль... — есть только один вид смерти, который я ненавижу, — это
«Умереть за родину»,
но умереть без веры. — Верь мне, тогда лучше умереть, не прося пощады, с верой в гусиную печенку с трюфелями... это дважды верная смерть...
Умереть за трюфеля...
У меня мигрень, меня мучит зубная боль внутри и все происходящее вовне.
Доктор у меня был, доктор из Дрездена. То, что делается, превосходит всякое воображение. Мне грустно — триста раз.
Ты мне пишешь — и пусть тебя чёрт накажет за новые глупости, которые ты написал. Но разве?..
Едем в Испанию есть апельсины.
Alles ist aufgeregt, «es brauset und... brauset» Все в волнении, «и бушует и...

бушует».
Продолжаю за столом.
Марья Каспаровна. Два слова только, писать не хочется, нового об деле ничего. А здесь что- то так страшно с вчерашнего вечера, что-то такая хлопота в тишине, что мороз по коже... Что будет — то будет. Фа — где-нибудь бы сидел теперь в Новом Йорке без Капорцев — а впрочем, посмотрим, и всё ведь из Рымно через Арша в Бресла.
Колю целую.
Маменьке сами расскажите.
176. Г. ГЕРВЕГУ
13 (1) марта 1850 г. Париж.
Et pourquoi donc tu grübelst toujours? Mut gefasst, und vorwärts, comme disait Blücher le rétrograde. — Es ist lebendiger geworden, sarà che sarà — mais c'est mieux, et Sara la conservatrice doit céder à Agar la trisoc243[243].
300
Puisque tu parles des formats des lettres, je veux inventer, quelque chose de nouveau pour te fâcher. Emma est arrivée. Ici les choses s'améliorent. Demain je t'écrirai plus.
18 13/iii 50.
On dit de Seiler que c'est une canaille.
Tata te salue, «mon petit Herwegh Buxda...» (cité avec conscience).
Покажи это мадемуазель Эрн, которая показывает тебе русский язык, и позабудь о своих часах, — они очень спешат (франц.). — Ред.
Перевод
Зачем же ты вечно grübelst244[244]? Mut gefasst, und vorwärts, как говорил пятившийся назад Блюхер. Es ist lebendiger geworden245[245] sara che sara —но это лучше, и консервативная Сарра должна уступить Агари из trisoc/ов246[246].
Так как ты говоришь о формате писем, то я хочу придумать что-нибудь новенькое, чтобы тебя позлить. Эмма приехала. Обстановка здесь улучшается. Завтра я напишу тебе больше.
18 13/iii 50.
О Зейлере говорят, что он подлец.
Тата посылает тебе привет, «мой маленький Гервег Буксда» процитировано добросовестно).
177. Г. ГЕРВЕГУ
15 (3) марта 1850 г. Париж.
Егору Васильевичу.
15 mars.
Wieder ein kleines Format, cher boudeur. Oh, wie ich recht hatte, caro amico, lorsque je t'ecrivai «Oggi o mai». Alles ist in der vollkommenen Gärung, Titanen, Oceaniden, Boa Constrictor, Orleaniden, Soulouquiden, und weiß der Teufel was noch für Iden, die Iden des Märzes, oder Ida von Toggenburg — pour moi c'est zdentique avec le mont Ida, et un Russe a droit de dire: «И да — и нет!»...
Oh, glaube nicht, daß ich spaße. Solche Tage haben wir noch nicht gesehen. Jetzt weder von Nizza, noch von Monaco — jetzt muß man dastehen und zusehen, was der alte Geist der Geschichte
244[244] мудрствуешь (нем.).
245[245] стало повеселее (нем.). — Ред.
für einen Spaß angefangen hat, der progressive Pulcinella, der sich mit Blut schminkt. Aber mit dem Pariser Volke habe ich mich versöhnt... Lese, was ich an m-selle Ern schreibe, und die Journal¬Exzerpten. A propos, ich schicke ein Kompliment für die Schweiz, aus der Assemblée-Nation ale — diese Korrespondenz wird von russischen Spionen geschrieben; bemerke, daß die Schweizer weiter gegangen sind, als die Russen wollten. — War der Schweizer in Karl Moor ein Schweizer? Ich glaube es nicht.
Ich bin aufgeregt bis auf einen fieberhaften Zustand... Wieviel möchte ich dir erzählen; vom 11. bis heute habe ich noch ein Stadium gemacht. Alles lebendige ist proteartig und man kann es nicht auf einmal fassen, jede Kategorie wird immer depassiert. — Glaube mir, daß den 11. sogar den 12. niemand wußte, was für einen Character die Wahlen nehmen würden. Die ganze kleine Bourgeoisie hat für die Republikaner votiert — das ist das wichtigste. Und die Soldaten. Die Maßregeln, die man nehmen will, sind kolossal, das übertrifft alles, was bis jetzt geschehen ist. — Gestern war der alte Bernatzky bei uns und er fürchtet, Paris verlassen zu müssen. — Nur ein fröhlicher Mann existiert auf der Welt und der ist Ivan Golovin. — Bamberger schreibt mir, daß er — es heißt Golovin — eine Kritik über mein Buch deutsch geschrieben hat, und fügt hinzu: «Er lobt sie schrecklich — schade, daß er aber auch gar nichts versteht»...

Du hast gesehen, daß der Herr Petri hat geantwortet, in Voix du Peuple?
Oh! wenn 5 Tage ruhig vorbeigingen, dann ist der Wendepunkt da, et la pendule retombera. Ich schreibe noch ein paar Worte um halb 5 — wenn ich etwas habeb werde.
Seiler soll ein sehr schlechter sein.
Перевод
Егору Васильевичу
Париж. 15 марта.
Опять маленький формат, cher boudeur247[247]. О, как я был прав, саго amico, когда писал тебе: «Oggi o mai».
Всё в полном брожении: титаны, океаниды, боа-констрикторы), орлеаниды, сулукиды и черт знает еще какие иды — то ли мартовские Иды, то ли Ида фон Тоггенбург — для меня это идентично горе Иде, а русский имеет право сказать. «И да и нет»!
О, не подумай, что я шучу. Таких дней мы еще не видывали. Теперь никакой Ниццы, никакого Монако — теперь нужно оставаться тут и наблюдать, что за шутку затеял старый дух истории, этот прогрессивный Pulcinella, гримирующийся кровью. Зато с парижским народом я помирился... Прочти, что я пишу м-ль Эрн, и газетные вырезки. A propos, посылаю
302
приветствие по адресу Швейцарии из «Assemblée Nationale» — эта корреспонденция писана русскими шпионами; заметь, что швейцарцы пошли дальше, нежели того хотели русские. — Был ли Швейцер в «Карле Мооре» швейцарцем? Не думаю.
Я возбужден до горячки... Как много хотелось бы мне рассказать тебе; с 11-го по сегодняшний день я прошел еще одну стадию. Все живое подобно Протею, оно не постигается разом, каждая категория постоянно уступает место другой. Поверь мне, что 11-го и даже 12-го никто еще не знал, какой характер примут выборы. Вся мелкая буржуазия голосовала за республиканцев — это самое важное. И солдаты. Меры, которые собираются принять, необычайны, это превосходит все, что было до сих пор. — Вчера был у нас старик Бернацкий, он боится, что будет вынужден покинуть Париж. — Один только веселый человек и существует на свете — это Иван Головин. — Бамбергер пишет мне, что он, т. е. Головин, написал по- немецки критику на мою книгу и добавляет: «Он страшно вас хвалит, жаль только, что он ровно ничего не понимает».
Видел ли ты, что г-н Петри ответил в «Voix du Peuple»?
О если бы пять дней прошли спокойно, тогда наступит и поворотный момент et la pendule retombera248[248]. Я напишу еще несколько слов в половине пятого, если будет о чем.
Зейлер, должно быть, большая дрянь.
178. Э. ГЕРВЕГ
15 (3) марта 1850 г. Париж.
Der Herr Hofrat Herzen (von) hat die Ehre, die gnädige Frau Emma Herwegh demütigst zu benachrichtigen, daß man den hochschätzbaren Paß Ihres glücklichen Gatten nach Nizza visiert hat. Was dem Sie hochschätzenden Überbringer dieser Nachricht die größte Freude macht, denn jetzt werden wir alle wieder nach Paris kommen.
Die Iden des Märzes.
Перевод
Господин надворный советник Герцен (фон) имеет честь покорнейше уведомить милостивую государыню Эмму Гервег, что высокоценный паспорт ее счастливого супруга на поездку в Ниццу визирован. И сие весьма радует высокопочитающего ее доставителя настоящего известия, ибо теперь все мы снова съедемся в Париже.
Иды марта.
303
179. Г. ГЕРВЕГУ
16 (4) марта 1850 г. Париж.
Можешь читать.
16 März 1850.
Егор Васильевич, вы играете в шахматы? — Так вот что сделалось: оба сказали мат. So etwas Sonderbares kann man sich kaum denken. Die beiden Schritte sind immens. Die einen erkannten eine Kraft, eine Stütze, auf welche sie nicht rechneten, — die andern sprechen sich los von jeder Legalität, verwerfen jeden Schein; die einen flehen um Ruhe, um Ordnung — die andern sagen offen: «Sehen sie die Poltrons, sie wagen nicht».
Wenn ich dir sage, daß Guerlain, Giroux und solche Menschen für die Sozialisten votiert haben! Heute sprechen alle Journale von der Beschuldigung des Prokurators gegen 3 reiche Negozianten, die er inkriminiert, durch Reden und Schriften zum Hasse der Regierung aufgewiegelt zu haben. Und der eine ist der Juwelier Place de la Bourse. Die roten Legitimisten sagen in der Gazette de

France, daß es nichts Wunderbares ist, daß sie in manchen Fragen mit den Demokraten einverstanden sind, denn, fügen sie hin, wir sind ja nux dio 2 serieuse Parteien, wir haben Prinzipien und Überzeugungen.
Ist das nicht was Kurioses?
Man spricht von Zensur für die Tageblätter, von einer Proklamation der Majorität mit dem Präsidenten, von ungeheuren Polizeimaßregeln. Andre hoffen Girardin's Ministerium, die Masse benimmt sich außerordentlich.
Meine Frau ist wieder krank, hat sich erkältet — es ist sehr kalt seit einigen Tagen.
Ich habe heute die Briefe aus Italien bekommen, 1 Exemplar. Sobald man noch schicken wird, werde ich dir ein Paar senden. Hoffman schreibt mir einen Brief, er sagt daß einige «vortreffliche Rezensionen» «würden mir Freude machen», und daß er bereit ist, mir sie zu schicken. Sehen Sie — was für ein Hofmann der Hoffmann ist, jo voudrais toujours faire camper mes écrits chez Campe.
Qu'en pensez-vous?
A propos, schicke, ich bitte, auf Buchhändler ei... wenigstens? 10 Exemplare «Vom ändern Ufer» — nach Hamburg Herrn Kapp. Er schreibt (es heißt nicht er, sondern Kapp-filius) davon. — Vous comprenez que ce n'est pas Kapfigue.
L'article sur Donoso — pour lundi — si on ne tue pas la liberté de la presse par la presse de la liberté249[249].
249[249] Трудно представить себе нечто столь удивительное. Оба шага огромны. Одни увидели в этом силу, поддержку, на которую не рассчитывали; другие не желают признавать никакой законности, отказываясь от всякой ее видимости; одни молят о спокойствии, о порядке; другие открыто заявляют: «Посмотрите на этих трусов, они не решаются».
Представь себе, что Герлен, Жиру и прочие им подобные голосовали за социалистов! Сегодня все газеты пишут, что прокурором предъявлено обвинение трем богатым негоциантам в том, что они своими речами и статьями разжигали ненависть против правительства. Один из них — ювелир с Place de la Bourse. Красные легитимисты заявляют в «Gazette de France», что в их единомыслии по некоторым вопросам с демократами нет ничего удивительного, ибо, добавляют они, только наши две партии и являются серьезными партиями, у нас есть принципы и убеждения.
Ну, не забавно ли это?
Ходят разговоры о цензуре для газет, о совместном заявлении большинства и президента, о неслыханных полицейских мерах. Другие мечтают о кабинете Жирардена; массы ведут себя необыкновенно.
Жена опять болеет, она простудилась, — уже несколько дней очень холодно.
Прощайте. Лобызаю вас.
Den andern Bogen geben Sie ab250[250].
180. Г. ГЕРВЕГУ
17 (5) марта 1850 г. Париж.
Le 17 mars. Paris.
Ma mère et m-selle Ern te diront les nouvelles concernant l'affaire et concernant Paris. Moi, j'ai peu à ajouter; merci pour la lettre de Fallmerayer. — Granovsky m'écrit que les choses vont en Russie d'une manière terrible, que le despotisme, ivre de ses succès, a perdu même la honte. La lettre à toi sur la Russie a beaucoup plu, mais on la trouve trop courte et on me reproche d'avoir fait mention de Golovine (!!!). Il m'écrit qu'il y a une comédie nouvelle, écrite par un jeune homme Ostrovsky (il est, je crois, dans le nombre de ceux qui ont été condamnés pour la conspiration de
Сегодня я получил «Письма из Италии», один экземпляр. Как только пришлют еще, два вышлю тебе. Гофман написал мне письмо. Он сообщает, что некоторые «превосходные рецензии» «порадовали бы меня» и что он готов мне их прислать. Вы видите, что за царедворец этот Гофман; я по-прежнему хотел бы пристраивать свои сочинения у Кампе.
Что вы об этом думаете?
A propos, пошли, пожалуйста, на книжную торговлю в Гамбург г-ну Каппу хотя бы? 10 экземпляров «С того берега». Он пишет (т. е. не он, а Капп-filius) об этом. — Вы понимаете, что это не Капфиг.
Статья о Донозо — на понедельник, если свобода прессы не будет убита прессом свободы (нем. и франц.). — Ред.
49) — qui n'est que le cri de rage et de haine contre les mœurs russes; il parle de cette production comme d'un succès démonique, la pièce a été supprimée, le titre «Свои
305
люди, сочтемся» (Nous sommes entre nous, nous ferons nos comptes). C'est une famille où 3 générations trompent mutuellement l'une l'autre, le père trompe la fille, le fils — le père etc... et l'être qui les trompe tous est une jeune

fille de 18 ans, qui a encore moins de cœur et d'âme que les 3 générations.
Ici les affaires ne vont pas mal. Un caractère tout nouveau. Paris est méconnaissable – on ne peut rien dire. Attendons avec las décisions.
Peut-être je t'aurais écrit beaucoup plus, mais une fumée terrible remplit toute la chambre. – Oh que ces petites misères tuent un homme. Ma femme est derechef malade, elle te salue. Un froid terrible, les cheminées fument, et je n'ai pas de trou où me cacher, pas envie pour aller dans quelque café.
Je t'envoie un échantillon de l'Evénement. «Veron» dit qu'il se fera socialiste dès que le gouvernement aura proposé la loi sur la presse. Proudhon est furieux, à ce que l'on dit, d'être obligé à se taire, son état d'emprisonnement est toujours le même.
Je suis triste, fumé comme un hareng de Hollande, je ne peux plus t'haranguer même en t'écrivant.
Et le Fallmerayer ou auteur mélancolique – et je ne sais quel lique.
A propos, la Patrie a dit hier: «Nous bénissons l'épée qui exterminera les ennemis de la société». Qu'en dites-vous de ces cannibales, de ces Cartouches littéraires?
Je t'embrasse, caro mio.
Sacha t'a écrit une longue lettre, mais je lui ai dit qu'il devait la transcrire parce qu'envoyer une lettre sale et chiffonnée, c'est la même chose que de faire une visite sans culotte. Et bien, je te l'enverrai demain – sans rien changer.
Tata te salue. Elle a vu un songe aujourd'hui qui l'a frappée, la mort de ma femme, et bien, je lui ai dit: «Mais voudrais-tu mourir à sa place?» – «Oh que non!»... – «Mais si on te donnait le choix?» – «Alors j'aurais choisi un chien». – Voilà la dernière anecdote de Tata.
Ton opinion sur l'article de Bamberger?
Ich glaube, daß man dem Züricher zahlen капп, nach dem man von Campe bekommen wird. Au reste, comme tu veux.
Перевод
Моя мать и м-ль Эрн расскажут тебе новости о деле и о Париже; сам я мало что могу прибавить. Спасибо за письмо Фальмерайера. Грановский пишет мне, что события в России приняли ужасный оборот, что деспотизм, опьяненный своими успехами, потерял всякий стыд. Письмо к тебе о России очень
306
понравилось, но его находят слишком кратким и упрекают меня за упоминание о Головине (!!!). Он Грановский пишет, что появилась новая комедия, написанная молодым человеком, некиим Островским (если не ошибаюсь, он был в числе осужденных за участие в заговоре 49¬го года), его комедия – крик гнева и ненависти против русских нравов; он отзывается об этом произведении как о дьявольской удаче; пьеса была запрещена, название ее «Свои люди – сочтемся». Это семья, где три поколения взаимно обманывают друг друга: отец обманывает дочь, сын – отца и т. д., а всех их обманывает молоденькая 18-летняя девушка, существо еще более бессердечное и бездушное, чем все 3 поколения.
Здесь дела идут неплохо. Новые черты во всем. Париж неузнаваем, но ничего нельзя еще сказать. Подождем делать выводы.
Я написал бы тебе, может быть, и много больше, но вся комната у меня в страшном дыму. – Ах, до чего убийственны эти мелкие невзгоды! Жена опять больна, она тебе кланяется. Ужасный холод, камины дымят, а у меня нет норы, чтобы укрыться, идти же куда-нибудь в кафе не хочется.
Посылаю тебе для образца номер «L'Evènement». Верон говорит, что сделается социалистом, как только правительство предложит закон о печати. Прудон, по слухам, в ярости оттого, что вынужден молчать, – условия заключения у него прежние.
Я печален, прокопчен, как голландская селедка, и не могу даже письменно отчитать тебя.
А Фальмерайер – писатель меланхолический или не знаю какой еще «ический».
Кстати, «La Patrie» вчера заявила: «Мы благословляем меч, который истребит врагов общества». Что ты скажешь об этих каннибалах, об этих литературных Картушах?
Обнимаю тебя, саго mio.
Саша написал тебе длинное письмо, но я сказал, что его нужно переписать, ибо послать грязное, измятое письмо – все равно что явиться в гости без штанов. Итак, я пошлю тебе его завтра, ничего не исправляя.
Тата тебе кланяется. Сегодня ей приснился поразивший ее сон, будто моя жена умерла. Я спросил: – «Ну, а ты согласилась бы умереть вместо нее?» – «О, это уж нет». – «А если бы тебе пришлось выбирать?» – «Тогда я выбрала бы собаку». – Вот тебе последний Татин анекдот.
Какого ты мнения о статье Бамбергера?

Я считаю, что цюрихцу можно заплатить после получения от Кампе. Впрочем, как хочешь.
307
181. Г. ГЕРВЕГУ
19 (7) марта 1850 г. Париж.
19 März 1850. Paris.
Oh, ich unglückseliger Atlas, weiß der Teufel, was ich für einen Lärm machte, mit den Paar Zeilen, — jetzt ganz gewiß sehen wir uns bald wieder und das noch in der Schweiz. In Wahrheit wird mein Leben hier nicht mehr so unentbehrlich wie früher, der große und letzte Wurf ist gemacht. Rotschild klagt über den Lombard. Sollte man ihm doch abschlagen, so ist hier nichts zu machen, alles in Würtemberg; sollte man das Geld einkassieren — noch weniger...
In Zürich können wir uns besprechen, etwas ausruhen — und weiter pilgern.
Ich war stumm 2 1/2 Monate — da kam ein Brief von Granovsky und die großen Veränderungen hier, ich wollte nicht mehr im Mutisme beharren, und stelle dir vor, denselben Abend sprach ich schon alles. Denunziert von einem Abendblatt, warten wir auf einen Abiturientenschein. O fatum/ O fata morgana! Und wie wir alle treu unserer Natur bleiben. — Emma lacht aus vollem Halse und meine Frau aus einem geschwollenen.
Alles geht nicht ganz schlecht. Bei weitem nicht. Alle Fragen haben sich anders gestellt, sehr schade, daß du nicht hier bist.
Ich bin doch heute etwas aufgeregt251[251]. Расскажу многое при свидании. Я, впрочем, употреблю все старания, чтоб остаться здесь до ответа из Петербурга, который должен прийти около 10 — 12 апреля.
251[251] О я, злосчастный Атлас! Черт знает, какого шуму я наделал несколькими строками, — теперь-то мы, несомненно, скоро увидимся, и еще в
Прощай. On donne jeudi pour la première fois Charlotte
308
Corday, tragédie de Ponsard. Tourguéneff dit qu'il y a des scènes très belles. Au revoir, cher ami...252[252]
182. Г. ГЕРВЕГУ
20 (8) марта 1850 г. Париж.
Швейцарии. По правде сказать, мое пребывание здесь становится уж не столь необходимым, как раньше, ведь на карте уже последняя, самая крупная ставка. Ротшильд подал жалобу на ломбард. Если ему все же откажут, то здесь делать уж нечего — всё в Вюртемберге; если же деньги будут уплачены — тем более.
Мы можем в Цюрихе договориться, немного отдохнуть и отправиться дальше.
Я молчал 2 72 месяца, а тут письмо от Грановского и большие здешние перемены — я не хотел дольше хранить безмолвие и, представь себе, уже в тот же вечер все высказал. Один вечерний листок донес на меня, и мы ждем теперь абитуриентского свидетельства. O fatum! O fata morgana! И до чего все мы остаемся верны своей природе! — Эмма смеется во все горло, а жена в меру своего распухшего горла.
Все идет не так уж плохо. Далеко не так плохо. Все вопросы поставлены по-другому, очень жаль, что тебя здесь нет.
Я сегодня все же несколько взволнован (нем.). — Ред.
252[252] В четверг премьера «Шарлотты Кордэ», трагедии Понсара. Тургенев говорит, что там есть прекрасные сцены.
Tu t'impatientes en ne trouvant pas trop de clarté dans mes lettres. Mais la clarté ne vient qu'à présent. Etant, comme toujours, spectateur et non acteur de tout ce qui se fait dans ce bas monde, je crois voir assez bien la portée de tout ce que s'est accompli. Die Repression wird stärker, die Gewalt hält inne, um sich zu sammeln, und will sich verteidigen. Die Orleanisten und die Bankokraten handeln vollkommen einstimmig mit dem Präsidenten. Sie haben für sich die bureaukratische Zentralisation, die Intrigue, die Indifferenten, die Reichen, die Furchtsamen, die Offiziere und Generale, die europäische Diplomatie und die Regierungskabale. — Aber ihre Lage ist gar nicht mehr dieselbe. Ein tiefer Riß entzweite die Bourgeoisie, die Legitimisten bleiben mit der liberalen Bourgeoisie auf der roten Seite — die Soldaten idem; nie hat die Geschichte etwas Größeres gesehen als le vacuum horrendum de la place de l'Hôtel de Ville. Ein konservativer Repräsentant sagte ja: «Ce vide est plus terrible que le vote». Et c'est la modération d'une conviction mûre, et c'est le sentiment de la force et l'assurance que tôt ou tard la position sera prise. La majorité veut paralyser la presse et le suffrage universel, on veut chasser d'ici la moitié des ouvriers, 80 000 (ou 50), cautionnement, timbre, on est allé même jusqu'à parler d'une censure policière des journaux. On ira peut-être même jusqu'à des déportations, des fructidorisations — il faut lire les journaux de la réaction rouge; oui, tout cela peut arriver. Et avec tout cela la victoire emportée par la République a été immense, la démoralisation des démocrates, le désespoir

s'est changé en sentiment de la force et en espérance. Figure-toi que le Siècle est plus rouge que le Peuple. Et la bourgeoisie furieuse des provocations et offenses du gouvernement. Figure-toi que Goudchaux, Spinelli, Guerlain etc., etc... tout cela se rapproche des socialistes, il n'y a que des caractères antiques à la Marast et à la Cavaignac qui sout fidèles à la majorité parlementaire. — Je te recommande encore une fois de lire les journaux réactionnaires.
309
Mais ce n'est pas una question qui pourrait se résoudre en une semaine, les journées calmes ont donné beaucoup d'espérances, die anderen handeln aber auch entschieden...
Concernant moi, je suis décidé d'aller te rejoindre à Zurich ou à Vevay et je ne changerai cette opinion qua dans le cas que tu pourrais venir ici. — Rotschild a écrit le 16 à Pétersbourg, le 10 avril réponse définitive, dès que je l'aurai, je partirai.
J'ai parlé avec beaucoup de monde de Nice — on dit qu'on y tracasse beaucoup les étrangers. — De là encore une pensée; si le billet est sauvé, nous aurons plus de moyens (moi ou toi, c'est enfin, je crois, la même chose); allons en Espagne. — Si le billet est retenu, restons à Vevey ou im Oberland, ou à Nice.
Le bruit dont je t'écrivais hier à ce qu'il paraît n'a pas de suite.
Emmanuel Kant et Emile Girardin commencé avant le 10 mars, ne va pas...
J'ai reçu une brochure très stupide de Sébastien Seiler — est-ce le même?
Addio.
Saluto fraterno.
De tous les cigares zuricoises les meilleurs sont les Panatellas Telescopio à 32 Kreuzer.
Рукой Н. А. Герцен:
Je suis tout à fait indigne de vous écrire.
Перевод
Ягору Федоровичу.
20 марта 1850 г. Париж.
Ты раздражаешься, не находя достаточно ясности в моих письмах. Но ясность наступила только сейчас. Будучи, как всегда, не действующим лицом, а зрителем всего творящегося в дольнем мире, я достаточно хорошо, думается мне, понимаю значение всего совершившегося. Репрессии усиливаются, власть выжидает, чтобы собраться с силами, и намерена защищаться. Орлеанисты и банкократы действуют в полном единодушии с президентом. За них бюрократическая централизация, за них интрига, равнодушные, богатые, трусливые, за них офицеры, генералы, европейская дипломатия и правительственная клика. Но положение их далеко не прежнее. Глубокая трещина расколола надвое буржуазию. Легитимисты остались с либеральной буржуазией на красной стороне, солдаты тоже. История еще не видела ничего более величественного, чем vacuum horrendum площади Hôtel de Ville. Один консервативный депутат сказал даже: «Эта пустота страшнее голосования». В такой сдержанности сказывается зрелое убеждение, сказывается чувство силы и уверенность, что рано или поздно позиция
310
будет завоевана. Большинство хочет парализовать печать и всеобщее избирательное право, хотят удалить отсюда половину рабочих, 80 000 (или 50), залоги, гербовые сборы, договорились даже до полицейской цензуры газет. Дойдут, возможно, и до депортации, и до фруктидоризации — надо читать газеты красной реакции. Да, все это может случиться. И тем не менее победа, одержанная Республикой, была огромна. Растерянность демократов, отчаяние сменились ощущением силы и надеждой. Представь себе, что «Ье Siёde» краснее, чем
«Le Peuple». И буржуазия приведена в бешенство провокациями и оскорблениями правительства. Представь себе, что Гудшо, Спинелли, Герлен и т. д., и т. п. — все они сближаются с социалистами. Только люди с античными характерами в духе Марраста или Каваньяка остаются верными парламентскому большинству. — Еще раз советую тебе читать реакционные газеты.
Но это не из тех вопросов, которые разрешаются в недельный срок. Дни спокойствия принесли много надежд, die andern handeln aber auch entschieden... 253[253]
Что до меня, то я намерен приехать к тебе в Цюрих или в Веве и изменю это намерение лишь в том случае, если ты сможешь приехать сюда. Ротшильд написал 16-го в Петербург. 10 апреля должен быть окончательный ответ; как только получу его, я выеду.
Я расспрашивал многих о Ницце — говорят, что там очень придираются к иностранцам. Отсюда возникла и такая мысль: если билет удастся спасти, у нас будет больше средств (у тебя ли, у меня ли — я думаю, в конце концов, это одно и то же), — тогда поедем в Испанию. Если билет будет задержан, останемся в Веве,

или в Оберланде, или в Ницце.
Шум, о котором я тебе вчера писал, по-видимому, не имел никаких последствий.
«Иммануил Кант и Эмиль Жирарден», начатые до 10 марта, не клеятся.
Я получил очень глупую брошюру Себастьяна Зейлера. Тот ли это самый?
Addio.
Saluto fraterno254[254].
Из всех цюрихских сигар лучшие «Pantellas Telescopo» по 32 крейцера.
Рукой Н. А. Герцен:
Я совершенно недостойна писать вам.
311
183. Г. ГЕРВЕГУ
253[253] Однако и другие тоже действуют решительно (нем.). 254[254] Прощай. Братский привет (итал.). — Ред.
J'ai commencé hier une longue lettre pour toi, je ne la trouve plus et je ne trouve ni désir, ni courage de la continuer. — Oh que je voudrais à présent t'avoir, cher Georges, près de moi je suis tellement inquiet, tellement agité...
J'ai reçu un tout petit billet d'Ogareff — il m'écrit chemin faisant — il est déporté, c'est évident, il va «de cloître en cloître», donc on le mène. Il dit que le jeune frère est entré en service — donc Satine est fait soldat, ou... qui? — Sa lettre est résignée, il ajoute: «Adieu pour de longues années» et «Je trouverai moyen de t'avertir lorsque nous serons an Ort und Stelle»...
Tout cela, Georges, est terrible, affreux. C'est cette femme, je n'en doute pas, qui a fait quelque dénonciation. Je ne t'ai pas écrit que Granovsky me disait que son chargé d'affaires (de m-me Ogareff) menaçait le mien pour avoir gardé des lettres de change d'un homme dont les biens sont confisqués.
Je te demande dans toute l'échelle des animaux jusqu'aux punaises et puces, trouve-moi quelque chose de pareil à un homme... Et la punaise artistique Worobioff pleure peut-être von Rührung et laisse faire sa fortune par des assassinats.
Pauvre Ogarelf — sans fortune en exil, et quel exil, est-ce forteresse, Sibérie, Caucase? Et pense bien que Natalie ne peut aller avec lui sans être femme légitime. Il me semble que même Toutchkoff a été frappé par le gouvernement «pour avoir vendu sa fille». Granovsky disait qu'on tramait quelque chose dans ce genre à Pétersbourg. Déshonorer un vieux conspirateur élu 4 fois par la noblesse comme maréchal — mais c'est une des occasions les plus magnifiques pour les bourreaux de Nicolas. On a fait, il me semble, une enquête!
Sois persuadé que dès la première possibilité je quitte Paris et j'irai te rejoindre... je suis brisé, je m'oublie quelquefois, je m'entraîne — mais au fond que les hommes mangent entre eux la belle olla podrida qu'ils ont préparée. Imbéciles, esclaves, traîtres, sots — et fous (cathégorie à laquelle nous appartenons)...
Ici ça va bien et mal. Dans un mois — Byzance ou Atlantique, la république est forte, l'antirépublique — riche et se sert de la centralisation. Au reste, tu as lu probablement les projets russes contre la presse, les élections, et bien qu'on fasse des lois — si les hommes les supportent — alors ils en sont dignes...
Adieu. Je t'embrasse, mais je ne veux plus écrire.
Al.
En relisant la lettre d'Ogareff je vois une chose terrible, c'est que ce n'est pas Satine, mais la pauvre Natalie qui est emprisonnée...
Перевод
23 марта 1850 г. Париж.
Я начал вчера длинное письмо к тебе и никак его не найду, да и не нахожу уже ни охоты, ни решимости продолжать его. О, как бы мне хотелось, чтобы ты был сейчас подле меня, дорогой Георг, я так встревожен, так взволнован... Я получил крохотную записку от Огарева. Он пишет мне с дороги — он выслан, это совершенно очевидно, он переходит «из кельи в келью» — значит, его везут по этапу. Он говорит, что младший брат поступил на службу — значит, Сатин отдан в солдаты. Или... еще кто? — Письмо его безропотно, он добавляет: «Прощай на долгие годы» и «Я найду способ известить тебя, когда мы прибудем an Ort und Stelk».
Все это, Георг, ужасно, страшно. Я не сомневаюсь, что тут какой-то донос этой женщины. Я не писал тебе об этом, но Грановский сообщил мне, что ее (г-жи Огаревой) поверенный в делах угрожал моему за то, что тот хранил векселя человека, имущество которого конфисковано.
Я спрашиваю тебя, найдется ли во всем животном мире, до клопов и блох включительно, нечто подобное человеку? И артистический клоп Воробьев, быть может, плачет von Rührung255[255] и прокладывает себе путь к благополучию убийствами.

Бедный Огарев — без средств, в ссылке. И что это за ссылка — крепость ли, Сибирь, Кавказ? И подумай только, ведь Натали, не будучи его законной женой, не может поехать с ним. Мне думается, что и Тучков подвергся преследованиям со стороны правительства «за то, что продал дочь». Грановский рассказывал, что нечто в этом роде затевалось в Петербурге. Опозорить старого заговорщика, четырежды избиравшегося дворянством в предводители, — да это, исключительная удача для николаевских палачей. Мне думается, что производилось дознание!
Верь мне, что при первой же возможности я покину Париж и приеду к тебе. Я измучен, временами я забываюсь, увлекаюсь, но, в сущности, пусть люди сами расхлебывают кашу, которую они заварили. Тупицы, рабы, изменники, дураки — и безумцы (категория, к которой принадлежим мы).
Здесь дела идут и хорошо, и плохо. Через месяц — либо Византия, либо Атлантика. Республика сильна, антиреспублика богата и опирается на централизованный аппарат. Впрочем, ты,
вероятно, читал русские проекты против печати и выборов, ну что ж, пусть издают законы: если люди их терпят, значит, они достойны их.
Прощай, обнимаю тебя, но писать больше не хочется.
Ал.
Перечитывая письмо Огарева, я открыл страшную вещь, а именно, что в тюрьме не Сатин, а бедная Натали.
184. Г. ГЕРВЕГУ
24 (12) марта 1850 г. Париж.
Рукой Н. А. Герцен:
24.
Не знаю, что в свете вернее того, что все люди безумные; животные — нет, а люди — да256[256], все, и больше всех мы! Мучась целый день, мучась целую ночь, я просыпаюсь сегодня утром совсем измученная... тюрьма, монастырь, цепи... мне становилось до того страшно, что я не смела пошевелиться от мысли о цепях — рука не поднималась... Поздно, беру, наконец, опять письмо Огарева и вскакиваю на постели, кричу: «Тата, Тата! беги скажи папе, что Огарев едет сюда». — Александр приходит, читает... «Едет, в самом деле едет!». Тут приносят ваше письмо — и все вместе мы радуемся, веселимся, как дети. Александр бросается писать к вам о приезде Огарева, но дорогой перечитывает опять письмо Огарева, и мы видим опять, видим ясно, что он сослан... не страшно ли? Т. е. безумие это наше? Впрочем, все-таки мне кажется столько же, что они все бежали, как что их сослали. Симпатия не должна доходить до флюса и насморка!
J'ai souffert tellement, que pendant qu'Alexandre était allé chez Carlier pour le prier dene pas le faire déporter (toujours à cause de ma maladie) — j'ai envoyé chercher un assassin, le premier venu, qui est venu et
qui m'a soulagée. Et vous, cher besson, pourquoi enrhumassez-vous? laissez-moi faire cette besogne pour tous...
Donc, vous ne voulez pas de répetitions... réfléchissez donc là-dessus et en attendant que les affaires qui nous clouent ici seront terminées et nous irons tout droit, tous, nous jeter dans la mer! — O, et toute la famille déportée viendra nous rejoindre... pensez un peu, cher besson, que ce serait beau!..
Ce n'est qu'après le retour d'Ogareff de l'exil que j'ai bien lu et savouré les vers reçus hier — merci!
Adieu, il faut absolument que je ferme la lettre pour pouvoir l'expédier aujourd'hui. — Je n'ai le temps que pour vous embrasser bien, bien du cœur.
N257[257].
314
Après avoir relu encore une dizaine de fois la lettre hiérogly phique d'Ogareff nous sommes parvenus à ne rien comprendre, pas même le sens de l'allégorie. Au reste, hier, ahuri, stupéfait, je t'ai écrit comme j'en étais convaincu. — Aujourd'hui je t'engage à lire avec m-selle Ern la copie du fragment...
257[257] Я так мучилась, что, пока Александр ходил к Карлье просить, чтобы его не высылали (и опять из-за моей болезни), я велела привести первого попавшегося душегуба, и тот пришел и помог мне. А что же это вы, дорогой близнец, вздумали простужаться? Предоставьте мне выполнять эту обязанность за всех.
Итак, вы не хотите повторений... подумайте же над этим, пока дела, которые держат нас здесь прикованными, не будут закончены и мы, все вместе, не отправимся прямо к морю! — А если и все ссыльное семейство приедет и присоединится к нам... подумайте только, дорогой близнец, как это было бы чудесно!..
Только по возвращении Огарева из ссылки я как следует прочла и насладилась присланными вчера стихами — спасибо!
Прощайте, необходимо сейчас же запечатать письмо, чтоб оно ушло сегодня. — Времени у меня только на то, чтобы от всего, всего сердца обнять вас.

Peut-on tourmenter de cette manière les hommes? Et je suis sûr que deux-trois mots sans ce luxe de diplomatie nous auraient parfaitement renseignés.
Et cette incertitude peut durer des mois.
On t'a expedié 5 №№ du journal — si tu veux envoyer à quelqu'un. — Figure-toi qu'il n'y en a plus, tout a été vendu.
J'ai vu hier Charlotte Corday — 1-ère représentation, pas mal. Un peu froid. Mais que veux-tu, lorsque le 24 mars la neige tombe.
Le poète (Ponsard) a même eu le bon esprit de ne pas représenter Marat en tigre prenant des bains de sang et mangeant tous les jours des entrecôtes d'aristocrates et de prêtres sautés aux larmes de nonnes.
Nous nous rejoindrons à Zurich ou — si tu veux — à Genève, à Lausanne — mais je n'ai jamais pensé y rester258[258].
315
258[258] После того как мы еще раз десять перечитали загадочное письмо Огарева, мы вообще перестали что-либо понимать, даже всякий смысл аллегории. Но вчера, ошеломленный, пораженный, я написал тебе, как я его понял. — Сегодня я прошу тебя прочесть вместе с мадемуазель Эрн копию отрывка.
Можно ли так мучить людей? Уверен, что два-три слова, без этой излишней дипломатии, сделали бы для нас все понятным.
А такая неизвестность может продолжаться месяцы.
Тебе отправлены 5 номеров газеты на случай, если ты захочешь послать кому-нибудь. — Представь себе, ничего не осталось, все было распродано.
Вчера видел премьеру «Шарлоты Кордэ», неплохо. Немного холодновато. Но что поделаешь, когда 24 марта идет снег? Поэт (Понсар) был настолько умен, что не изобразил Марата тигром, принимающим кровавые ванны и поедающим ежедневно антрекоты из аристократов и священников, поджаренные на слезах монашенок.
Встретимся в Цюрихе или, если хочешь, в Женеве, в Лозанне, но я никогда не собирался там оставаться (франц.). — Ред.
Tu exagères un peu mes espérances. Je suis (et j'étais) de l'avis qu'il n'y a rien de définitif, mais la position est complètement changée. Et cela, dest un avantage. Encore une fois, le 1 mars j'aurais ri au nez de l'homme qui aurait voulu me faire accroire que dans 10 jours toute la face de Paris changerait. — Quelle issue — Die Auflösung, die gänzliche, des Bestehenden, es zerfällt wirklich, à vu d'œil. As-tu lu l'article de Proudhon du 25? Rien de nouveau pour nous, mais regarde la tendance, regarde oй il va, prends ma dernière lettre dans la brochure Kapp et confronte avec ce qu'il dit. La démocratie est incapable de CTéer, de produire, les autres sont incapables de conserver, de maintenir, de contimuer. On a proposé une loi contre la presse — eh bien, il n'y a qu'une seule feuille qui soutienne le projet, et cette feuille c'est Napoléon. Les journaux les plus avancés commencent à tenir une langue modérée, sérieuse, les nuances s'effacent — c'est la conscience de la force. Rien de plus facile que d'installer à présent un despotisme de Paraguay sans le docteur Francia — mais ce despotisme trouvera à présent un contrepoids immense. Les journaux royalistes tombent avec acharnement sur l'armée et les petits-bourgeois — tout cela leur échappe. — Le public a accueilli la pièce de Ponsard sans aucune marque d'horreur, qu'on s'attendait à voir — encore une défaite. A propos, lis le feuilleton de la Voix du Peuple d'aujourd'hui et passe sur les fautes dégoûtantes de l'imprimeur.
26 (14) марта 1850 г. Париж.
L'affaire d'Ogareff reste énigmatique comme elle était. L'affaire de ma mere — sans réponse comme elle était. L'Affer, évêque de Paris, reste enterré comme il était... peut-on affermir après cela nos projets définitifs? Tu es pourtant, caro mio, un Wahnsinnik aussi, tu penses que nous voulons sans nécessité aucune rester à Zurich — et tu inventes encore contre moi l'accusation de l'immobilité. Quand, en quoi, oй étais-je Fabius Cunctateur, moi l'être le plus mobile (après la garde, cela va sans dire, de Lamartine)? Mais je te répète, je subis les nécessités, la fatuité fatale du fatum — voilà mon factum, et comme je suis votre factotum à tous — «j'avise». (As-tu lu l'admirable article de Girardin Ils avisent?). — Encore pour ne pas oublier, lis donc le Charivari, aussi le Journal pour rire n'est pas mauvais. Exempli gratia, les arbres viennent chez Baroche demander si on peut au printemps faire pousser les feuilles sans les timbres.
Je rentre dans la question. — Et je ne pe^ que répéter: ou Rotschild mènera l'affaire au bout, alors je quitte Paris immédiatement (vers la fin du mois prochain) — allons partout, disposez,
316
ordonnez — obéissance militaire. Ou — le refus sera catégorique, définitif — alors je ne ferai rien que ce qui sera nécessaire pour l'affaire. — Entre autres, in spe, je ne vois aucune véritable cause —

pourquoi tu ne viens pas passer une semaine ou deux ici — tu peux bien repartir un peu plus vite, mais enfin pourquoi pas?
Tu me demandes concernant l'ouvrage Cosmosophie Sociale. Je l'ai parcouru. Bonnes intentions, esprit voulant la liberté, ignorance complète de tout ce qui a été déjà fait et oublié par d'autres, et dualisme français (il est athée et croit à l'esprit et sa suprématie sur la nature). Ne lis pas. Suffit que j'aie lu.
M-me Dagoult ou comment diable écrit-on son nom, a publié une histoire de la révolution où elle parle avec beaucoup de chaleur «des parties extérieures de Lamartine... habitué aux choses»... etc. Le manque d'un livre pareil ne se faisait pas sentir — elle a prévenu ce besoin. Les Confessions seront expédiées à cheval.
Maurizius Hartmann vient d'arriver dans la capitale de la civilisation — dans un moment où elle perd le capital et la civilisation.
Перевод
26 марта 1850 г. Париж.
Ты несколько преувеличиваешь высказанные мною надежды. Я держусь (и держался) того мнения, что нет ничего определенного, но обстановка полностью изменилась. И это уже преимущество. Повторяю, 1 марта я рассмеялся бы в лицо человеку, который вздумал бы меня уверять, что через 10 дней весь облик Парижа изменится. — Какой же это выход? Die Auflösung, die gänzliche, des Bestehenden, es zerfällt wirklich259[259]. Читал ли ты статью Прудона от 25 числа? Для нас там нет ничего нового, но обрати внимание на тенденцию, на то, куда он клонит, возьми мое последнее письмо в Капповой брошюре и сопоставь с тем, что говорит он. Демократия не способна созидать, производить, а те, другие, не способны сохранять, поддерживать, продолжать. Был внесен на обсуждение закон против печати, и что же? — лишь один-единственный листок поддержал его, — это «Napoléon». — Самые крайние газеты начинают говорить умеренным, серьезным языком, оттенки стираются — это сознание силы. Нет ничего проще, как установить в настоящее время какой-нибудь парагвайский деспотизм без доктора Франсиа, но такой деспотизм встретит сейчас огромное противодействие. Роялистские газеты с ожесточением нападают на армию и мелких буржуа, но все это бьет мимо. — Публика приняла пьесу Понсара без всякого видимого отвращения,
317
которого ожидали, — еще одно поражение. Кстати, прочти сегодняшний фельетон в «Voix du Peuple» — и не обращай внимания на противные типографские опечатки. Дело Огарева остается, как и было, загадочным. Дело моей матери остается, как и было, без ответа. Аффр, парижский архиепископ, остается, как и был, погребенным, — можно ли после этого сказать что-нибудь дельное и окончательное о наших планах? Однако ты, cat mio, тоже Wahnsinnik, ты думаешь, что мы, без всякой нужды, хотим остаться в Цюрихе, и вдобавок возводишь на меня напраслину, приписывая мне неподвижность. Когда, в чем, где был я Фабием Кунктатором? Это я-то, самое подвижное существо на свете (разумеется, после ламартиновжой гвардии). Но, повторяю, я подчиняюсь необходимости, фатальному фатовству фатума — таковы факты, а поскольку я ваш фактотум, «я предупреждаю». (Читал ли ты великолепную статью Жирардена «Они предупреждают?») — И еще, чтоб не забыть, читай же «Le Charivari», не плох и «Le Journal pour rire». Exempli gratia, деревья приходят к Барошу с вопросом, можно ли без гербового сбора выпускать весной листки.
Но возвращаюсь к нашему вопросу. — Тут я могу только повторить: либо Ротшильд доведет дело до благополучного конца, тогда я немедленно (в исходе будущего месяца) покидаю Париж — едем куда угодно, распоряжайтесь, приказывайте, — повинуюсь по-военному, — либо придет категорический, окончательный отказ — тогда я буду заниматься лишь тем, что необходимо для дела. — Между прочим, in spe260[260] я не вижу никакой настоящей причины, почему бы тебе не приехать сюда на недельку-другую, — ты мог бы вернуться обратно и раньше, словом, почему бы не приехать?
Ты спрашиваешь меня о книге «Социальная космософия». Я ее пробежал. Добрые намерения, свободолюбие, полное незнание того, что было уже ранее сделано и позабыто другими, наконец, французский дуализм (он атеист, а верит в дух и его превосходство над материей). Не читай. Достаточно того, что я прочел.
Г-жа Дагу, черт ее знает как она там пишется, опубликовала историю революции, где с жаром говорит о «наружных статях Ламартина... человека, испытанного в делах» и т. д. Недостатка в подобного рода сочинении не ощущалось — оно предупредило возникновение такой потребности.
«Исповедь» будет отправлена с верховым.
Маврикий Гартман прибыл недавно в столицу цивилизации в момент, когда она теряет и капитал, и цивилизацию.

Monsieur,
J'ai l'honneur de vous envoyer des livres et papiers appartenants à votre frère.
Votre tout dévoué A. Her zen.
Le 27 mars.
На конверте: Monsieur ^pp.
Librairie allemande de M. Franck. Rue Richelieu, du côté du Palais National.
(Sans frais).
Перевод
Милостивый государь,
Имею честь послать вам книги и бумаги, принадлежащие вашему брату.
Всецело преданный вам А. Герцен.
27 марта.
На конверте: Господину Каппу.
Немецкая книготорговля г. Франка. Rue Richelieu, со стороны Национального дворца. (Без оплаты расходов).
187. Г. ГЕРВЕГУ
Ouand est-ce que je n'ai pas écrit trois jours? — Calunniatore!
Comme tu me die dans ta lettre enrhumée et catarrhale.
Hoffmann m'envoie 730 francs — jamais je ne lui ai écrit de les envoyer ici. C'est Kapp qui a amicalement embrouillé l'affaire. Et que veut-il avec 800 exemplaires et 750? Il reçoit 300 pour% pour la première et 400 pour% peut-être pour la seconde édition. — Et tu sais que cela ne couvre pas même les frais. — Je suis stupide, — ta lettre aussi. Et quel est le noble citoyen Kessman que te commande un Gœtz de Berlichingen?..
J'ai aussi une lettre du professeur Stahr, der will nicht annehmen, daß ich ein Russe bin — sollten auch meine Eltern Russen sein. — Voilà le dégât cérébral que produit la philosophie.
Cela ne va pas trop mal ici... du tout, personne ne sait où on va,
319
les légitimistes proposent de restaurer la monarchie tout ouvertement, les jésuites crient — et le gouvernement se tait et condamne ça, là — un petit journal, un précepteur, un sergent. — Rosinger a trouvé le moyen d'entamer une correspondance trisoc.
Dis à ma mère et è m-selle Ern que j'écrirai demain ou après-demain, écrase Cola, baise toi-même dans la glace pour moi. L'argent dont parle ma mère a été envoyé lundi passé à Zurich à Schulthess.
A propos, prends chez ma mère ce qu'il faut pour payer Zürcher.
Перевод
28 марта 1850 г.
Когда это было, чтобы я не писал в течение трех дней? — Са1ипта1оге!261[261]
А ты это утверждаешь в твоем насморочном и простуженном письме.
Гофман прислал мне 730 франков. Я ему ни разу не писал, чтоб он отправлял их сюда. Это Капп по дружбе запутал дело. А зачем ему 800 и 750 экз.? Он получает 300% за первое издание и, возможно, 400% за второе. Ты знаешь, что это не покрывает даже расходов. — Я глуп, твое письмо — тоже. Кто этот благородный гражданин Кесман, который заказывает тебе «Геца фон Берлихингена»?
Я получил также письмо от профессора Штара, der will nichi annehmen daß ich ein Russe bin — sollten auch meine Eltern Russen sein262[262]. Вот к какому повреждению мозгов приводит философия.
Дела здесь идут не так уж плохо... отнюдь нет — никто не знает, к чему все идет: легитимисты открыто предлагают восстановить монархию, иезуиты вопят, а правительство помалкивает и то здесь, то там выносит приговоры против какой-нибудь газетки, какого- нибудь учителя, сержанта. — Розингер нашел способ завязать trisoc/скую переписку.
Скажи моей матери и м-зель Эрн, что я напишу завтра или послезавтра, задуши в объятиях Колю, поцелуй за меня в зеркале самого себя. Деньги, о которых спрашивает моя мать, отосланы в прошлый понедельник г-ну Шультгесу в Цюрих. Кстати, возьми у моей матери сколько нужно, чтобы уплатить цюрихцу.
320
188. Ю. КАМПЕ
28 (16) марта 1850 г. Париж.
Hochgeehrter Herr!
Ich habe Ihr Schreiben, mil der Einlage von 200 Taler bekommen. Zwar sind die Druckkosten in Zürich nicht gedeckt dadurch (sie gehen bis 910 fr. de France) — aber die Sache ist abgemacht. Schade nur, daß Herr Kapp 800 Exemplare versprach, anstatt 750, ich werde mich erkundigen, ob man noch 50 Exemplare habe. Übrigens glaube ich, daß man die 2 Edition doch leicht ausfüllen wird.
Mein Epilogue ist längst geendigt — ich kann es Ihnen schikken; ich möchte in

der zweiten Auflage einige Druckfehler vermeiden. Ich werde Sie auch bitten, auf dem Titel meinen russischen Pseudonym zu drucken – «Vom andern Ufer. Von Iscander».
Ich habe hier ein Artikel gedruckt, das ziemlich bruit gemacht hat; ich werde ein Paar Exempläre Ihnen mit dem Epilogue schicken, wenn Sie es wünschen.
262[262] который не желает признавать меня за русского, пусть даже родители у меня русские (нем). – Ред.
Ich bin wirklich herzlich dankbar für die Aufnahme meiner 2 Broschüren in Deutschland. Schade, daß ich der deutschen Sprache nicht mächtig bin und brauche immer einen freundschaftlichen Dienst bei der Übersetzung.
Danken Sie, mein geehrter Herr, dem Herrn Professor Stahr – sein Buch werde ich noch heute anfangen. Nur der Herr Professor ist ganz in Irrtum, indem er glaubt, «Daß der Russe keiner ist». Geboren in Moskau, habe ich in der Moskauer Universität meine Studien gemacht, ira Jahre 1835 wurde ich in das Ural-Gebirg verschickt, und nach 7 Jahren Exil verließ ich Rußland in den ersten Tagen von 1847; von der Zeit an blieb ich immer in Paris und Italien263[263]. Mein Exil hinderte mich die deutsche Sprache gründlich zu studieren – und ich bitte, skandalisieren Sie sich nicht über meine Barbarismen und Slavismen – oder schreibe ich meine Briefe französisch.
Nach einem Monat gehen wir wieder nach Italien (ich glaube nach Nizza) – übrigens adressieren Sie Ihre Briefe immer an das Haus de Rotschild frères à Paris.
Ich empfehle mich Ihnen mit der größten Hochachtung.
A. Herzen.
P. S. Vor einigen Monaten habe ich gelesen, daß eine Übersetzung von meinem russischen Roman (von Herr Wolfsohn) bei Cotta erschien – unter dem Titel «Wer hat Schuld?» von
Фото
Письмо к Ю. Кампе от 28 (16) марта 1850 г. Первая страница. Автограф Герцена. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
321
Iscander – ich kann bis jetzt das, Buch nicht bekommen; sollte dieser Roman gedruckt sein, so würden Sie mich sehr verbinden, wenn Sie mir ein Exemplar schickten.
263[263] Als Supplement hat die Russische Regierung im vorigen Jahre alle Güter, die ich hatte, sequestiert.
Милостивый государь!
Перевод
Письмо ваше со вложением 200 талеров я получил. Правда, расходов по цюрихскому изданию они не покрывают (последние достигают 910 французских фр.), но – дело сделано. Жаль только, что Капп посулил 800 экземпляров, а не 750; я справлюсь, не осталось ли еще 50. В конце концов я полагаю, что 2-е издание будет все же легко осуществить.
Мой «Эпилог» давным-давно уже окончен, я могу выслать его вам. Мне хотелось бы избежать во втором издании некоторых опечаток, я попрошу вас, кроме того, напечатать на заглавном листе мой русский псевдоним – «С того берега Искандера». Здесь я напечатал статью, которая наделала порядочно ъгиИ264[264]; если желаете, я вышлю вам вместе с эпилогом два-три экземпляра.
Прием, который встретили обе мои брошюры в Германии, вызывает во мне неподдельное чувство сердечной благодарности. Жаль, что я недостаточно владею немецким языком и при переводе постоянно нуждаюсь в услугах друзей.
Поблагодарите от моего имени г. профессора Штара, – сегодня же засяду за его книгу. Только г. профессор крайне заблуждается, полагая, что здесь «и не пахнет русским». Будучи уроженцем Москвы, я учился в Московском университете, в 1835 был сослан на Урал и после семилетней ссылки, в начале 1847, покинул Россию; с тех пор я постоянно живу в Париже или в Италии265[265]. Ссылка помешала мне основательно изучить немецкий язык, и я прошу не приходить в ужас от моих варваризмов и славянизмов, иначе я буду писать свои письма по- французски.
Через месяц мы снова уезжаем в Италию (вероятно, в Ниццу); впрочем, адресуйте письма по-прежнему, в Париж, Братьям Ротшильд.
Примите уверения в глубочайшем уважении.
А. Герцен.
264[264] шума (франц.). – Ред.
265[265] В добавление русское правительство в прошлом году конфисковало все мое имущество.
Р. Б. Несколько месяцев назад я прочел, что у Котта появился (в переводе г. Вольфзона) мой роман под заглавием «Кто виноват?» Искандера. До сих пор не могу

достать этой книги; если роман действительно напечатан, вы очень меня обяжете, прислав мне экземпляр.
189. Г. ГЕРВЕГУ
Конец марта 1850 г. Париж.
Votre lettre, c'est-à-dire ta lettre, a réveillé derechef toute l'amertume de l'histoire Ogareff. — Quoique le lendemain nous nous soyons empressés de te communiquer une tout autre supposition, mais pensant plus et plus — l'énigme reste dans toute sa grandeur. Nous avons lu, relu, seuls, avec Tourguéneff et nous ne comprenons rien. On dit que ce monstre de femme est arrivée et se cache près de Paris. Elise a vu Antoinette.
J'ai relu deux ou trois fois encore aujourd'hui ta lettre. Ah — sacré nom de Dieu — courage et sympathie, la vie est dégoûtante, marchons la tête levée... Remarque de grâce ce comble d'ironie, que l'homme est presque toujours de moitié le coupable, — quel démon a suggéré à Ogareff de rester en Russie une année et demie sans rien faire; et l'achat de la fabrique — tout cela était de la démence. — Il avait assez de fortune pour ne pas mourir de faim, il avait une femme qui l'aimait, et quelle femme... tu ne l'as pas connue ou peu. Et il jouait au bord d'un précipice... et pourquoi a-t-il entraîné le vieillard Toutchkoff — dans ce gouffre? En Russie tout est permis — mais rien n'est permis aux hommes politiques. Le gouvernement aime à la fureur de nous mêler, nous autres, dans des procès sales. — Plus j'y pense, plus j'ai horreur... une dizaine d'années d'exil. Ils sont récidives l'un et l'autre — cela sera affreux. Eh bien, passons à autre chose. La position ici est toujours bonne. Un progrès immense se fait en faveur des idées républicaines. La proposition de Larochejaquelein était un second 21 janvier pour la légitimité. Personne n'a plus compromis la cause que le Don-Quichotte Falstaffé, les pudiques couleurs ou les blancs. — Lis avec attention le dernier article de Proudhon (du 29), il a fait la fusion avec la bourgeoisie, il entreprend à présent d'entraîner le gouvernement...
Il sera jugé le 10 avril. Il sera condamné, il n'y a pas de doute.
Et moi, j'attends la réponse le 10 — et me propose de quitter la France tout de suite.
На обороте: Егору Васильевичу.
Перевод
Ваше письмо, т. е. твое письмо, воскресило всю горечь огаревской истории. Хотя на следующий день мы поспешили сообщить тебе совсем другое предположение, но сколько бы мы ни думали, все это остается величайшей загадкой. Мы читали и перечитывали письмо и одни, и с Тургеневым — и ничего не понимаем. Говорят, что эта ужасная женщина приехала и скрывается где-то в окрестностях Парижа. Элиза видела Антуанетту.
Сегодня я еще два или три раза перечитал твое письмо. Ах, черт возьми, побольше мужества и расположения к людям; жизнь отвратительна, будем же продолжать наш путь, высоко подняв голову... Сделай милость, обрати внимание на убийственную иронию судьбы: человек почти всегда наполовину сам виноват; какой злой дух внушил Огареву остаться в России, полтора года сидеть без дела да еще купить фабрику — все это безумие. — У него было достаточно средств, чтобы не умереть с голоду, у него была женщина, которая его любила, и какая женщина — ты ее не знал или мало знал. А он танцевал на краю пропасти... и зачем он увлек в эту бездну старика Тучкова? В России все позволено, зато политическим деятелям не позволено ничего. Правительство до страсти любит замешивать нашего брата в грязные процессы. — Чем больше я об этом думаю, тем больший страх меня охватывает... десять лет ссылки. Оба привлекаются не впервые — это будет ужасно.
Но перейдем к другому. Обстановка здесь по-прежнему благоприятна. Наблюдается огромный прогресс в пользу республиканских идей. Предложение Ларошжаклена было вторым 21 января для легитимизма. Никто так не скомпрометировал дело стыдливых или белых лилий, как этот фальстафированный Дон-Кихот. — Внимательно прочитай последнюю статью Прудона (от 29); он объединился с буржуазией, сейчас он предпринимает попытку потянуть за собой правительство...
Суд над ним состоится 10 апреля. Его осудят, в этом нет сомнения.
Я же 10 апреля ожидаю ответа и предполагаю тотчас же покинуть Францию.
Прощай, саго шю.
На обороте: Егору Васильевичу.
Voilà pour le commencement une chose magnifique. Il y a... «une famille», penses-tu en te rappelant que Hartmann est à Paris; non, il y a un journal que personne ne lit, le Tintamarre, eh bien, voilà pour la semaine sainte quelle prière il adresse à Notre-Dame de Lorette: «O toi, qui as conçu sans pécher — laisse-nous pécher sans concevoir». — Je crois bien que les jésuites tomberont sui cette feuille et l'autodafériront. — Le reste à demain...

1 avril.
Et que reste-t-il? Rien. Temps désolant d'une attente, rien de nouveau ni pour l'humanité, ni pour moi... Mais sérieusement parlant, pourquoi donc tu ne crois pas à notre décision suprême. Tout cela n'est qu'une question de temps et de quel temps — d'une dizaine de jours. Je ne veux pas rester ici — et je ne resterai pas sans quelques circonstances tout à fait imprévues.
Moi, je crois que la chose la plus pratique serait d'attendre à Zurich le dernier mot; Emma pense que cela vaut mieux pour toi d'aller droitement à Nice. Moi je propose de rester pour ne pas plus compliquer les choses.
Je ne veux pas continuer, c'est l'œuvre de la fainéantise, nous en avons tant parlé, écrit — tout est clair. Les deux cas sont prévus.
Billet encaissé — Italie ou Sud de la France, пожалуй — Espagne.
Billet embourbé — Suisse ou Helvétie.
Je me propose d'écrire un petit pendant à mes dialogues dans un tout autre genre, primo le titre sera Prologue. Et ensuite, faisant la paraphrase du texte évangélique: «Elle ne dort pas — elle est morte» et «Laissons aux morts enterrer les morts». — Trêve de désespoir, tout est fini, le temps douloureux est passé, il est mort, le vieux monde, eh bien, nous ne sommes pas des vers d'un cadavre.
Heraus denn, sacré tonnerre.
Est-ce que ça vous plaît?
Je dirai là qu'en 1848 où tout le monde croyait à la vie — on a prêché les approches de la mort.
En 1849, où le monde voyait la maladie d'une manière palpable — on a prêché la mort-même.
Mais en 1850 — un peu en avant — il faut prêcher le lendemain des funérailles, il faut s'occuper de l'héritage et des héritiers.
Hartmann part pour Londres, je lui ai donné une lettre de recommandation à Linton, rédacteur d'un nouveau journal The
325
Leader qu'il m'envoie par sympathie et que je ne lis pas par ignorance. Adieu.
Tourguéneff est fou — aller à présent mourir pour la Garcia dans les mains de Nicolas.
Reichel a été aujourd'hui chez moi pour demander comment il fallait écrire à Bakounine pour savoir au juste s'il est guillotiné ou non — moi, je lui ai donné le conseil d'écrire «guillotine restante» — voilà jusqu'à quelle cruauté va la passion au bavardage.
Перевод
31 марта.
Вот прекрасная вещь для начала. Существует... — семья думаешь ты, вспоминая, что Гартман в Париже; нет, существует... журнал «Tintamarre», который никто не читает; так вот, на Святой неделе он обратился к Лоретской богоматери с эдакой молитвой: «О ты, зачавшая без греха, позволь нам грешить без зачатия». Уверен, что иезуиты обрушатся на листок и аутодафетируют его. — Об остальном завтра...
1 апреля.
А что же осталось? Ничего. Тоскливое время ожидания, ничего нового ни для человечества, ни для меня. Но, кроме шуток, почему же ты не веришь в наше окончательное решение? Ведь все это лишь вопрос времени, какого-нибудь десятка дней. Я не хочу оставаться здесь, и не останусь, разве только возникнут какие-нибудь совершенно непредвиденные обстоятельства.
Я лично полагаю, что наиболее целесообразно было бы ждать окончательного решения в Цюрихе; Эмма думает, что тебе лучше ехать прямо в Ниццу. Я же советую остаться, чтобы не усложнять еще больше положение. Но не хочу продолжать: это праздное занятие, мы так много об этом писали, говорили, что все ясно.
Предусмотрены два случая.
Билет оплачен — Италия или юг Франции, пожалуй — Испания.
Билет увяз — Швейцария, или Гельвеция.
Я собираюсь написать маленькое добавление к моим диалогам, но совсем в другом роде. Во- первых, название будет «Пролог». И затем последуют перефразированные евангельские тексты: «Она не спит, она мертва» и «Оставим мертвым хоронить мертвецов». — Довольно отчаиваться, все кончено, тяжелые времена прошли. Он мертв, этот старый мир, ну, а мы не трупные черви.
326
Heraus denn266[266], чёрт побери!
Нравится ли вам это?
Я напишу там, что в 1848 году, когда все верили в жизнь, иные пророчили приближение смерти.
В 1849 году, когда мир ясно ощутил свою болезнь, пророчили самую смерть.
Но в 1850 году — забежав немного вперед — надо пророчить наступление дня,

следующего за похоронами, надо заняться наследством и наследниками.
Гартман едет в Лондон, я дал ему рекомендательное письмо к Линтону, редактору недавно основанной газеты «The Leader», которую он высылает мне из чувства расположения и которую я не читаю по невежеству. Прощай.
Тургенев сошел с ума: ехать сейчас умирать за Гарсиа в лапах Николая!
Сегодня ко мне заходил Рейхель спросить, как написать Бакунину, чтобы узнать наверняка, гильотинирован он или нет. Я ему посоветовал написать: «На гильотину до востребования» — вот до какого бездушия доводит страсть к болтовне.
327
ПРИЛОЖЕНИЯ
ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ
1. ВЕРЯЩЕЕ ПИСЬМО Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
21 (9) апреля 1849 г. Париж.
Милостивый государь Григорий Иванович!
Действительный статский советник и кавалер Дмитрий Павлович Голохвастов состоит должен из нас Герцену по двум заемным письмам, писанным 1840 года мая 10 дня, по каждому 15 000 сер., а по обоим серебром тридцать тысяч рублей, по коим расчет в процентах учинен по 10 января сего года. Ныне я, Герцен, право получения по тем заемным письмам капитала и с 10 января сего года процентов передал из нас г-же Гаак. Я же, Гаак, желая, чтоб те заемные письма были от г. Голохвастова написаны на мое имя, прошу вас на означенных заемных письмах, которые уже доставлены к вам, сделав надпись, что по оным платеж получен сполна мною, Гаак, и возвратив оные г. Голохвастову с наддранием, взять от него, г. Голохвастова, вновь в ту же сумму тридцать тысяч рублей сер. — три заемных письма по десяти тысяч рублей сер. каждое, сроком на один год с засвидетельствованием у маклера, которые и оставить вам у себя впредь до моего востребования и, в известные вам сроки получая проценты, употреблять по моему назначению. Во всем оном мы вам верим и что вы по сему законно учините, впредь спорить и прекословить не будем. Остаемся с истинным почтением и преданностию, милостивый государь,
вашими покорными слугами Луиза Гаак.
Александр Иванов Герцен,
надворный советник.
Писарской рукой и с подписью консула:
Что сие верящее письмо собственноручно подписали г-жа Луиза Гаак и надворный советник Александр Иванов сын Герцен, в том свидетельствует
Российско-императорское генеральное консульство.
Шпис.
№ 4877
Приложена печать: Российско-императорское генеральное консульство во Франции
Сие верящее письмо принадлежит надворному советнику и кавалеру Григорию Ивановичу Ключареву.
330
2. ВЕРЯЩЕЕ ПИСЬМО Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
21 (9) апреля 1849 г. Париж.
Милостивый государь Григорий Иванович,
Состоит за мною недвижимое имение, находящееся Костромской губернии, Чухломского уезда, в деревне Лепехиной с деревнями, в них дворовых людей и крестьян по нынешней 8 ревизии числится 229 душ мужского пола, доставшееся мне по купчей крепости от г. гвардии капитана и кавалера Ивана Алексеевича Яковлева, писанной и совершенной Московской палаты гражданского суда во 2 департаменте 1841 году. Ныне желаю я под залог оного имения получить из Московского опекунского совета следующее по правилам оного число денег. Почему, не имея возможности, до нахождению моему в чужих краях, сам лично действовать в сем деле, покорнейше прошу вас испросить в Костромской гражданской палате о благонадежности того имения и залогу подлежащее свидетельство, которое получив под вашу или поверенного вашего расписку, представить в Московский опекунский совет и просить о выдаче под залог оного имения взаем мне сколько по правилам, для сего установленным, причитаться будет денег. Когда же таковые назначатся, получить их под вашу расписку и употребить по моему назначению. Всякие по сему делу прошения, объявления, обязательства, расписки, подписки и другого рода бумаги, какие понадобятся вам, вместо меня подписывать и куда следовать будет подавать; в чем во всем я вам или кому вы от себя доверите, верю и что вы и поверенный ваш законно учините, спорить и прекословить не буду, оставаясь всегда с истинным почтением и преданностию, милостивый государь, вашим покорным слугою
Александр Иванов сын Герцен,
Что сие верящее письмо собственноручно подписал надворный советник Александр Иванов сын Герцен, в том свидетельствует Российско-императорское генеральное консульство в Париже апреля 9/21 дня 1849 года. Генеральный консул Шпис. № 4875.

Сие верящее письмо принадлежит г. надворному советнику и кавалеру Григорию Ивановичу Ключареву.
Московской палаты гражданского суда в 1 Департаменте учинена сия надпись в том, что гербовая пошлина за лист 2 р. серебром, на котором должна быть писана сия доверенность, с надворного советника и кавалера Григорья Ивановича Ключарева взыскана, которые и имеют быть отосланы в Московское уездное казначейство. Маия 4 дня 1849 года. Подписали: заседатель В. Евреинов, секретарь Соколов, столоначальник Владиславлев. № 6227.
331
ДАРСТВЕННЫЕ И ДРУГИЕ НАДПИСИ, ПОМЕТЫ
1. Т. А. АСТРАКОВОЙ
1847 г. ? Париж.
Надпись на бандероли:
Татьяне Алексеевне Астраковой. Rue Plustchicha267[267]. В бюро построения дороги на луну.
На оттиске I—III «Писем из «Avenue Marigny» («Современник», 1847, № 10).
Alla Madamigella Maria Ern dal mutissimo autore.
Roma, 30 Gennaio 1848.
Перевод
Девице Марии Эрн от наинемейшего автора.
Рим, 30 января 1848.
3. Е. Б. ГРАНОВСКОЙ
6 августа (25 июля) 1848 г. Париж.
На обороте картины неизвестного художника, изображающей римский Капитолий.
Елизавете Богдановне
от старика Герцена
4. М. Ф. КОРШ
6 октября (25 сентября) 1848 г. Париж.
На портрете А. И. Герцена, литографированном Ноэлем (1847, Париж).
Марии Федоровне Корш от Герцена.
Париж 6 ОКТЯбРЯ / 24 сентября 48.
333
КОММЕНТАРИИ
334
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В разделе «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:
1. Архивохранилища
ВМ — Отдел рукописей Британского музея. Лондон.
ГИМ —Рукописный отдел Государственного исторического музея. Москва.
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова- Щедрина. Ленинград.
ЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Москва.
ПД — рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Ленинград.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив. Москва.
2. Печатные источники
ГМ — «Голос минувшего», журнал.
ГНМ — А. И. Герцен. Новые материалы. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1927.
Л — (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. Пг., 1915—1925, тт. I—XXII.
ЛН — сборники «Литературное наследство».
НПГ — «Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым», издание «Нового журнала», Нью-Йорк, 1957. К печати приготовил Л. Л. Домгер.
ОРГ — «Описание рукописей А. И. Герцена». Составили А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова, изд. 2, М., 1950.
ПЗ — альманах «Полярная звезда».
Рейхель — «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена». М., 1909.
РМ — «Русская мысль», журнал.
РС — «Русская старина», журнал.
Carr — «Some Unpublished letters of Alexander Herzen» by E. H. Carr. — «Oxford Slavonic papers», Volume III, Oxford, 1952.
335
В двадцать третий том Собрания сочинений А. И. Герцена входят его письма за период с февраля 1847 г. по март 1850 г.

Всего в томе печатается 191 письмо (в том числе письма, написанные А. И. Герценом совместно с Н. А. Герцен, а также приписки Герцена к ее письмам). 161 из этих писем не включалось в предыдущие собрания сочинений А. И. Герцена. Среди них циклы писем к Э. и Г. Гервегам, Г. И. Ключареву, Т. А. и С. И. Астраковым, письма к М. Гессу и др.
Впервые печатается письмо к Л. И. Гааг (№ 16).
В раздел «Приложения» выделены деловые бумаги, дарственные и другие надписи и пометы.
При подготовке писем к печати были проверены и в ряде случаев уточнены их датировки, исправлены ошибки, вкравшиеся в текст предыдущих публикаций, пересмотрены адресаты и композиция некоторых писем. Некоторые письма впервые публикуются по автографам или фотокопиям с автографов.
Письмо 14 к М. К. Эрн, отнесенное в Л VI к декабрю 1850 г., датируется июнем — началом июля 1847 г. Письмо 27 (к А. А. Иванову), приуроченное в «Звеньях», т. VI к 4 декабря 1849 г., датируется 4 декабря 1847 г. Письмо 78а, ошибочно датированное в ЛН, т. 64, апрелем 1850 г., было написано в апреле 1849 г. Письмо 186, напечатанное в Л XXII как адресованное «издателю А. Франку», с датой «27 марта (1859—69 гг.)» — относится к К. Каппу как адресату и датируется 27 марта 1850 г. Письмо 188, напечатанное в Л VI как письмо «к неизвестному», имело своим адресатом Ю. Кампе. Письмо 57 (к Е. А. и Н. А. Тучковым от 17 октября 1848 г.), публиковавшееся ранее (Л V) как два письма, печатается как единое целое.
Письма, помещенные в настоящем томе, принадлежат, в основном, к следующим трем группам: 1) письма к друзьям в Россию, 2) письма к Георгу и Эмме Гервегам, 3) письма к Г. И. Ключареву.
Письма к друзьям в Россию существенно дополняют содержание основных произведений Герцена, отражающих события и уроки революции 1848 г., вводя нас вместе с тем в творческую историю этих произведений, в особенности книги «С того берега» и писем «Опять в Париже», вошедших в переработанном виде в «Письма из Франции и Италии».
Особого внимания заслуживает исторический экскурс Герцена, ставший основным содержанием письма от 2—8 августа 1848 г. Герцен посылал друзьям, как он сам говорил, «нечто вроде оглавления» предпринятой им «истории», представлявшей критическое обозрение событий во Франции, начиная с февральских дней. Это обозрение, расширенное и дополненное анализом дореволюционной обстановки, составило в дальнейшем содержание третьего и четвертого писем цикла «Опять в Париже».
Как свидетельствует письмо Герцена, он задумал свою «историю» первоначально в противовес «хронике происшествий», составленной для московских друзей П. В. Анненковым, который придерживался либерально-буржуазных взглядов — «гнул» «на трехцветную» и «чинил» «ламартыжничество» (письмо 60). Нужно иметь в виду, что у Анненкова имелись единомышленники по «ламартыжничеству» в лице либералов-западников — В. П. Боткина, К. Д. Кавелина и других, с которыми Герцен вел все более обострявшуюся идейную борьбу, начиная с «Писем «из Avenue Marigny». В письме 47 (в приписке от 8 августа) Герцен заявлял: «Все защитники буржуази, как вы, хлопнулись в грязь», и бросил им в лицо: «Проклятье же, господа, буржуази!»
Таким образом, история французской революции 1848 г., излагавшаяся в письмах Герцена к московским друзьям, по своей революционно-демократической и социалистической направленности резко противостояла многочисленным буржуазно-либеральным фальсификациям, имевшим широкое хождение и в Западной Европе и в России.
Герцен рано и во многом верно понял ход событий во Франции после февральских дней, назвав его «историей реакции». Герцен заметил, что «республика назад пошла» с первых же дней своего существования.
В «истории» Герцена были проницательно отмечены узловые моменты развития революции 1848 г. В понимании июньского восстания, его характера и причин Герцен стоял бесконечно выше большинства тогдашних мелкобуржуазных социалистов с их сентенциями о рабочем восстании как «восстании голода», как простом акте отчаяния голодных масс. Герцен усматривал в событиях июньских дней не «отчаянье голода», а «отчаянье обиженного работника».
По письмам Герцена отчетливо видны те фазы, через которые проходило развитие его духовной драмы.
В письме от 2—8 августа 1848 г. Герцен еще выражал надежду на то, что «человек без земли, без капитала, работник спасет Францию». В дальнейших письмах все более обнаруживается мучительная противоречивость оценок и прогнозов. В письме от 6 сентября Герцен полагает, что «мы еще при начале революции»; он ставит вопрос альтернативно: или в скором времени пролетариат отомстит буржуазии за

июньские дни, «или на время Франция погибла». Следовательно, в это время он еще считает возможным возрождение Франции к новой жизни. Однако тут же высказываются опасения, которые сводят ожидания Герцена на нет. Он говорит о неизбежности «страшного взрыва», но уже не верит, что «будет что-нибудь хорошее»; если зима и голод развяжут что-нибудь, то «может быть такая месть со стороны уврие, что Париж превратится в Помпею». Как показывают дальнейшие письма, такая перспектива все более кажется ему неизбежной.

Вскоре Герцен вынужден был отказаться от надежд на то, что пролетариат сторицей отплатит буржуазии. Дальнейшее усиление буржуазной реакции, нарастание сил контрреволюции во Франции и во всей Европе и обнаружившееся бессилие пролетариата, равно как и мелкобуржуазной демократии, повернуть ход событий делало все более мрачными герценовские оценки и прогнозы. Большое значение для углубления духовного кризиса Герцена имел «презрительный и глупый день 13 июня» 1849 г., после которого самому Герцену пришлось покинуть Париж и переехать в Женеву.

Письмо Герцена к Т. Н. Грановскому, Е. Ф. Коршу и другим московским друзьям из Женевы от 27–28 сентября 1849 г. (№ 113), объясняя вынужденные причины этого переезда, рисовало положение во Франции и Европе в самых мрачных красках. Основной вывод Герцена тот, что республика во Франции «убита».

Письма Герцена позволяют констатировать совпадение ряда его наблюдений и оценок событий революции 1848 г. с оценками К. Маркса и Ф. Энгельса и одновременно измерить то расстояние, которое отделяло его выводы из событий 1848 г. от выводов основоположников научного социализма (ср. комментарий к т. VI наст. изд., стр. 458–459). Для Герцена был закрыт путь к суровым, но проникнутым историческим оптимизмом обобщениям и прогнозам Маркса и Энгельса.

Письма Герцена наглядно демонстрируют, как мучительно билась его мысль над загадкой событий 1848–1849 гг., как настойчиво пыталась она проникнуть в их действительный смысл, раскрыть их закономерность и, не находя правильного ответа, заходила в тупик.

Поскольку Герцен был далек от научного понимания роли пролетариата в коренном социалистическом переустройстве общества, он делал из своей критики буржуазной демократии неизбежно однобокие и порою неверные выводы. Письма Герцена к друзьям проникнуты гневным осуждением «диктатуры большинства» и проповедью неотъемлемых прав отдельной личности. Эта проповедь достигла апогея в письмах 1849 года, особенно в письме к московским друзьям от 27–28 сентября 1849 г. Не случайно эта проповедь совпала с периодом наибольшего увлечения Герцена Прудоном, анархистские воззрения которого оказывали несомненное влияние на эволюцию взглядов Герцена по данному вопросу. Письма показывают, что выступления «отца анархии» часто находили сочувственный отклик у Герцена и он старался обратить на них внимание своих московских друзей.

Рассматривая революцию 1848 г. как «социальную революцию» и не понимая ее буржуазно-демократического характера, Герцен приходил к заключению, что наступил «конец политических революций».

повсеместное поражение «демократической партии» в революции 1848 – 1849 гг. приводило Герцена к выводу, который он сообщил друзьям в письме от 27–28 сентября 1849 г.: «Мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм – тот же падающий мир».

Этот вывод был внешне созвучен той критике, какой подвергал мелкобуржуазных демократов «Горы» Прудон, и показательно, что в том же письме к московским друзьям (113) Герцен настойчиво советовал им поскорее прочесть только что вышедшую книгу Прудона «Les Confessions d'un révolutionnaire», где давалась в развернутом виде эта критика. Было бы, однако, ошибочно заключать из этого, что Герцен стал последовательным сторонником анархистской концепции Прудона, его идей буржуазного социализма и крохоборческого мирного реформаторства.

Главным обвинением Прудона по адресу демократии и «Горы» 1848 – 1849 гг. было обвинение в подражании революционной политике якобинцев, в разжигании классовых противоречий в стране. Это обвинение покоилось на осуждении революционных действий пролетариата и на сведении задач революции к мирной экономической реформе кредита и обращения – к «даровому кредиту» и «безденежному обмену» товаров через «Народный банк». Герцен, напротив, критиковал «Гору» слева. Обвиняя «демократическую партию» в том, что она не была и боялась быть «революционной до конца», Герцен понимал под этим нечто совершенно иное, чем Прудон. Заметим, что, осуждая государственное насилие и «диктатуру большинства», Герцен в своих письмах отнюдь не имел в виду насилия со стороны революции. В соответствующих местах герценовских писем речь неизменно идет о контрреволюционном насилии со стороны эксплуататорских классов, сосредоточивших в своих руках государственную власть.

Письма Герцена к друзьям, как и книга «С того берега», свидетельствуют о

противоречиях его мировоззрения в этот кризисный период, раскрывая перед читателем тот жестокий внутренний спор, который вел с самим собою Герцен. Поэтому у Герцена противоречиво сочетались инвективы против масс и сожаление о том, что у революции 1848 года не было своего Марата, так как народу «нужен такой пестун, который был бы весь его, за него подозрителен, за него неутомим» (письмо 47). В его письмах совмещалось осуждение «диктатуры» и сожаление о том, что демонстранты 15 мая 1848 г. не разогнали Учредительного собрания, так как роспуск его был бы «первым днем истинной Республики» (там же). Эти революционные устремления были устойчивы, они характерны для Герцена даже в кульминационной фазе его увлечения Прудоном. Вследствие тех же внутренних противоречий Герцен в письме к московским друзьям от 27–28 сентября 1849 г. причислил к людям «с этого берега» и врага революционных действий Прудона, и другого мирного реформатора-утописта П. Леру, и революционеров Бланки и Распайля, арестованных и осужденных по делу о революционной демонстрации 15 мая 1848 г. Объединяло столь различных деятелей, по мнению Герцена, то, что все они поняли: «Республика — игра слов». Но Герцен никогда не был сторонником прудоновских
Используя основанную на деньги Герцена газету «Voix du Peuple», Прудон пытался пропагандировать «социализм, понятый с точки зрения буржуазных интересов», как он писал в одной директиве редакторам. Этот буржуазный социализм должен был, по мысли Прудона, вернуть революцию на стезю сотрудничества классов и экономических реформ, которые приведут, в конечном счете, к «растворению» государства в обществе. Неудивительно, что Герцен в своих письмах не раз подвергал решительной критике и содержание номеров «Voix du Peuple» (см., например, письма 114 и 119 от октября 1849 г.) и общую политическую линию его главного редактора (см., например, письма 185, 189 от марта 1850 г.). При оценке перспектив социализма Герцен исходил не из желательности его поддержки со стороны буржуазии, а из учета сил и возможностей, заключенных в движении народных масс.
Одновременно письма Герцена показывают, каким образом размышления над историей и причинами поражения революции 1848 г. привели его к утверждению: «Я решительно отвергаю всякую возможность выйти из современного тупика без истребления существующего» (письмо к московским друзьям от 5–8 ноября 1848 г.). Этот вывод Герцена наталкивал его на аналогию между Европой середины XIX века, переживающей якобы драму «разложения христианско-европейского мира», и падающим Римом.
В перспективе борьбы за социализм в Европе Герцену рисовались «потоки крови», «сентябрьские дни в течение годов» и, наконец, гибель европейской цивилизации, «когда весь пролетариат Европы станет на ноги». Массы «не готовы терпеть», утверждал Герцен, но они также «не готовы к гармоническому вступлению во владение плодами цивилизации», в чем виновата сама эта гнилая «аристократическая», узко-классовая цивилизация меньшинства, господствующего над народными массами. Таким образом, письма Герцена наглядно демонстрируют, что его пессимистические прогнозы и отчаяние, его неверие в революционные творческие силы пролетариата в сущности были не чем иным, как оборотной стороной краха его «буржуазных иллюзий в социализме». Следует, однако, иметь в виду, что революция 1848 г., когда рабочее движение во Франции не достигло еще необходимой степени зрелости и организованности, не могла представить взору Герцена того, что спустя два десятилетия открылось ему в Международном Товариществе Рабочих. Письма Герцена убедительно подтверждают, что его духовная драма была «порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 10). Вместе с тем письма Герцена ярко свидетельствуют, что его духовная драма была драмой революционера, который глубоко усваивал уроки истории и стремился учиться в школе революции.
340
Письма к Г. и Э. Гервегам, относящиеся к 1848–1850 гг., также являются важным источником для изучения идейной эволюции Герцена в тяжелые годы поражения революционных движений 1848–1849 гг. в Европе. В этом эпистолярном цикле нашли, в частности, отражение: работа Герцена над статьями, вошедшими потом в книги «С того берега», «Письма из Франции и Италии»; участие Герцена в газете Прудона «Voix du Peuple»; его отношение к драматическим эпизодам политической и идейной борьбы 48–50 гг. Интенсивность переписки (Герцен писал Гервегам иногда каждый день) придали этим письмам характер своеобразных дневниковых записей, в которых Герцен изо дня в день в яркой, непринужденной форме отмечал самые разнообразные свои впечатления.
Данный эпистолярный цикл важен поэтому и как памятник эпохи и как собрание документов, характеризующих взгляды и интересы Герцена во всей их энциклопедической широте. (См. об этом также предисловие к публикации писем к Гервегам в т. 64 «Литературного наследства».)

Письма к Гервегам имеют и большую биографическую ценность, являя собой характерное для Герцена сочетание «общего» с «частным». Они освещают постепенное назревание той мучительной семейной драмы, которая с такой болью была пережита Герценом, свела вскоре в могилу Наталью Александровну и находилась в сложной взаимосвязи с духовным кризисом, ставшим в эти годы уделом автора «С того берега».
Следует иметь в виду, что если сначала Герцен, как показывают публикуемые письма, преувеличивал степень своего и Гервега взаимопонимания, то впоследствии (в «Былом и думах») он — совершенно несправедливо — вообще отрицал идейную искренность Гервега. Гервег был и остался революционным демократом, неизмеримо уступавшим, однако, Герцену по глубине проникновения в события, по богатству и творческой силе интеллекта. Что же касается личных отношений его к Герцену, то фальшивый характер роли, которую Гервег сыграл, не подлежит никакому сомнению.
Главное содержание публикуемых писем Герцена к Г. И. Ключареву — его московскому поверенному — хозяйственные и финансовые распоряжения, относящиеся к костромскому имению, домам в Москве, денежным средствам и ценным бумагам Герцена и Л. И. Гааг, к пересылке им денег за границу.
Письма характеризуют имущественное положение Герцена, его борьбу за то, чтобы вырвать у царских властей средства, которые впоследствии стали материальной базой революционной пропаганды Искандера.
Упоминания в письмах к Ключареву о датах приезда и сроках пребывания в городах Западной Европы позволяют в некоторых случаях пополнить и уточнить биографические данные о жизни Герцена в 1847—1849 гг. по сравнению с хронологической канвой, приводимой в XXII томе Собрания сочинений А. И. Герцена под редакцией М. К. Лемке. Так, из письма 5 выясняется, что в феврале — марте 1847 г. Герцен провел в Берлине не три дня, а три недели. Письмо 6 свидетельствует о пребывании Герцена в марте 1847 г. в Генте. В письме 28 днем прибытия Герцена в Рим названо не 30 ноября, а 28 ноября 1847 г. и т. д.
Тексты писем Герцена и текстологические комментарии к ним подготовлены: Л. Р. Ланским (письма к Г. и Э. Гервегам, а также письма 7, 118, 173, 186, надпись 1), А. Е. Полозовой (письма к С. И. и Т. А. Астраковым) и Н. Д. Эфрос (остальные письма и приложения).
Переводы сделаны: Н. Д. Эфрос (письма 3, 16, 77, 81, 90, 97, 99, 108, 114, 119, 120, 134, 136, 138, 140, 142 — 145, 150, 155, 158, 162, 171, 177, 182, 183, 185), Л. Р. Ланским (письма 100, 118, 121, 148, 159, 164, 170, 172—174, 186), Е. Н. Рунич (остальные письма к Г. и Э. Гервегам).
Реальный комментарий подготовлен Л. Р. Ланским (письма к Г. и Э. Гервегам, а также письма 7, 118, 173, 186, надпись 1), Н. Е. Застенкером (письма 47, 50, 60, 113, 166), Ф. И. Евниным (остальные письма к русским друзьям, а также письма 85, 91, 93, 98, 127, 137, 139, 141, 188),
Н. Д. Эфрос (письма к Г. И. Ключареву и к Л. И. Гааг, а также письма 14, 27, 108; прочие приложения).
Вступительная статья к комментариям написана Н. Е. Застенкером при участии Ф. И. Евнина.
Перечень несохранившихся писем Герцена составлен Ф. И. Евниным и Д. И. Бернштейн.
За ценные материалы для комментария к письмам М. Гессу редакция приносит благодарность д-ру Г. Цигенгайсту (ГДР).
342
ПИСЬМА 1847-1850 ГОДОВ 1847
1. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГНМ, стр. 26—29, с приписками Н. А. Герцен и М. Ф. Корш (там же, стр. 29—30).
...что касается до дороги от Кенигсберга до Берлина... — Герцен рассказывает о ней в «Былом и думах» (X, 15—16).
...майор... — почтмейстер, о нем см. в «Былом и думах» (там же).
...десперации... — отчаянии (лат. desperatio).
...бургонское Веаипе... — Марка вина, производимого в городке Beaune (недалеко от Дижона).
...отправиться к Мюллеру... — О Мюллере-Стрюбинге в о встречах Герцена с ним в Берлине в 1847 году см. «Былое и думы» (XI, 169—172). Рекомендациями к Мюллеру Герцена, вероятно, снабдил Огарев, завязавший тесное знакомство с ним во время своего пребывания за границей в 1842—1845 гг. См. о нем и «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой (М., 1959, стр. 55).
Щепкин гелертер... — О впечатлении, произведенном на Герценов Дмитрием Михайловичем Щепкиным, сыном великого артиста, см. письмо 2.
...нашли ~ одного Тургенева... — Тургенев в феврале 1847 г. приехал в Берлин в связи с гастролями Полины Виардо.

...хорошее мнение о друге моем Никите Ивановиче.— Этот отзыв о Н. И. Крылове — явно иронический. О «крыловской истории» см. комментарий к письму 11.
Редкину же честь имею донести ~ с талией и глазами... — Герцен часто подшучивал над старым холостяком П. Г. Редкиным.
...под Линдами.... — Unter den Linden (дословно — под липами) — улица в Берлине.
Тургенев собирается перевести статью Кавелина... — Имеется в виду статья «Взгляд на юридический быт древней России» («Современник», 1847, № 1), вызвавшая положительную оценку Белинского и враждебные выпады славянофилов.
Хочу пригласить ~ относительно Коли... — От берлинских светил медицинской науки Герцен ждал совета и помощи для своего глухонемого сына. См. об этом Рейхель. стр. 43.
...писал из Пскова... — Это письмо Герцена к Кавелину неизвестно.
Познакомился там с Ауэрбахом... — О встречах Герцена с Ауэрбахом в Берлине в 1847 г. см. «Былое и думы» (XI, 172).
343
2. Е. Б. ГРАНОВСКОЙ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ОРГ стр. 55, без письма Н. А. Герцен, которое публикуется впервые.
...в Черной Грязи. — Во время проводов, устроенных московскими друзьями Герцену при его отъезде за границу на первой станции Московского почтового тракта — Черная Грязь (см. Рейхель, стр. 42; «Из воспоминаний Т. А. Астраковой», ЛН, т. 63, стр. 556; «Былое и думы» — X, 25).
...Силенька... — Так Н. А. Герцен называет Серафиму, жену Н. Кетчера.
3. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося во Французской национальной библиотеке (Париж). Впервые опубликовано: Л V, 559, с неточной датой (5—15 марта). К автографу приложена записка Саши Герцена к бабушке и М. К. Эрн. На письме карандашная помета неустановленного лица: «по дороге в Берлин 1847. Между 16—25 марта 47 г.». Дата уточняется сопоставлением с письмом 4, где Герцен сообщал: «Из Берлина мы выехали 7-го, целую ночь спали в Магдебурге и к вечеру успели в Ганновер». Следовательно, в Ганновер Герцен прибыл 8 марта и в тот же день, как видно из комментируемого письма, проехал через Брауншвейг.
Bruxelles — Содержание письма исключает возможность написания его в Брюсселе, куда Герцен приехал 15 (3) марта 1847 г. Вероятно, оно не было своевременно отправлено, залежалось до Брюсселя, откуда и было послано.
...в Штутгарте... — Л. И. Гааг находилась тогда в Штутгарте. «Взяв с собою Колю, мы ранее оставили Берлин и поехали в Вюртемберг, где Луиза Ивановна хотела посетить родственников ... Посетили Штутгарт» ... (Рейхель, стр. 43—44). См. также письмо 5.
...король называется Эрнст... — Эрнст (ernst) по-немецки — строго. Эрнст-Август — ганноверский король (1837—1851).
4. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГНМ стр. 32—36, с припиской М. Ф. Корш (там же, стр. 37).
...пусть вам расскажет Мельгунов. — Н. А. Мельгунов в 1830—1840-е гг. много раз бывал в Германии.
...в биркнейпах... — в пивных (от нем. B1егкпе1р).
...я три недели приучал себя в Берлине к еде ~ кроме золотухи и трактатов о метафизике! — См. развитие этих мыслей в первом из «Писем из Франции и Италии» (V, 17—19).
...«Die Schuld»... — «Вина», трагедия, написанная в напыщенно-романтическом стиле. Ироническое упоминание о Мюльнере, как трагике, «противостоящем» Расину, содержится и в «Письмах из Франции и Италии» (V, 50).
...на тамошнего Ивана Великого... — Вероятно, имеется в виду готическая башня в 101 метр высоты при брауншвейгской церкви св. Андрея.
Храброму майору... — Имеется в виду Е. Ф. Корш.
...Colonia Agrippina, sancta Colonia. — Агриппинова колония, святая колония — римские названия города Кёльна, возникшего в I веке
344
до н. э. как римское военное поселение; в нем родилась Агриппина, жена императора Клавдия.
...века накипели тут... — Об отражении разных исторических эпох в архитектуре Кёльна Герцен подробнее пишет в «Письмах из Франции и Италии» (V, 20).
...гульдигуют... — почитают (нем. huldigen).
...обнимусе... — каламбур: имеется в виду омнибус.
...цуг... — поезд (нем. Zug).
...Карл V, отрекающийся от престола... — Речь идет о картине художника Луи Галле (1841). См. о нем ЛН, т. 63, стр. 446.

...Скриб сам ставил... — Обобщающую оценку драматургии Э. Скриба Герцен дает во втором из «Писем из Франции и Италии» (V, 34—37)
5. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 196. На письме помета рукой Ключарева: «На это и на письмо от 16 марта ответствовано 3 апреля. Письмо послано чрез контору Ценкера и от 7-го апреля чрез Егора Ивановича».
...сообщал вам о нашем пути через Егора Ивановича. — Эти письма Герцена, как и другие его письма к брату, не сохранились (см. ЛН, т. 63, стр. 419).
Когда возвратился к вам Зонненберг ~ а с ним Татьяна-кормилица... — Зонненберг и кормилица Татьяна сопровождали Герценов до границы.
...в о де Колоне нужды не терпим. — Каламбур. О де Колонь (одеколон) — от французского eau de Cologne — буквально означает «Кёльнская вода», в которой, по шутке Герцена, невозможно терпеть нужду, находясь в Кёльне.
...Дмитрий Павлович оставил у себя 10 т. или нет? — Об этом см. в письме 22.
6. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 198—199. В настоящем издании исправлена описка, имеющаяся в автографе: пункт 6 повторяется дважды.
Ответ на письмо Ключарева от 19 февраля 1847 г. нов. стиля. Это письмо, как и остальные письма Ключарева к Герцену, неизвестно.
...костромским крестьянам... — Говорится о крестьянах деревни Лепехино Чухломского уезда Костромской губернии, принадлежавшей Герцену. В записке об имущественном положении Герцена, составленной на основании сведений, сообщенных Ключаревым, и находящейся в делах III отделения, есть указание на возвращение костромским крестьянам 900 р. серебр. «рекрутских денег» (см. Л XIV, стр. 11).
...обязать Шульца строгой ответственностью... — Герцен называл Шульцем бурмистра своего имения Ивана Яковлевича Шульцева, крестьянина деревни Лепехино (см. Г. Лебедев. Дело дворянской опеки над имением А. И. Герцена — «Звенья», т. IX, 1951, стр. 516—517, 533—534).
Неужели Огарев до сих пор не высылал вам доверенности... — Огарев писал Герцену 13—14 марта 1847 г.: «...надо еще писать к Григорию Ивановичу, которому, наконец, посылаю вчера полученную доверенность. Каково меня гражданская палата продержала?» (ЛН, т. 61, стр. 756).
345
...напишу к Огареву и к Коршу... — Эти письма неизвестны.
Я всем людям от Таурогена выдал особо награждение... — Речь идет о слугах, сопровождавших Герценов до границы.
Печатается по автографу (ГИМ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 208—212. В автографе после слов: «но здесь» (стр. 23, строка 11) зачеркнуто: «сделала большое впечатление»; после слов: «ученая вещь» (там же, строка 12) — «и что он может не удивляться».
Написано под влиянием первых впечатлений от Парижа. Письмо обращено к М. С. Щепкину, но Герцен, вероятно, не сомневался, что оно сразу же станет известно всем его московским друзьям. В письме впервые высказываются мысли, вскоре развитые в «Письмах из Avenue Marigny», о тлетворном влиянии буржуазии на искусство. В. П. Боткин отозвался о комментируемом письме с большим раздражением: его «точно писал один из тех немцев, которые года три назад приезжали в Париж учить французов» («П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 540). Боткин, вероятно, имел в виду К. Маркса и А. Руге, издававших в 1844 г. в Париже «Deutsch-Französische Jahrbücher».
...Языков бы повесился бы... — М. А. Языков пользовался репутацией остряка и каламбуриста.
...фрапе... — замороженное вино (от франц. frappé).
Мамур... — моя любовь (франц. m'amour).
В одной опере поют: «Нет, англичанину не царить во Франции!» — В опере Ж.-Ф. Галеви «Карл VI», либретто К. Делавиня (2-я картина 5-го акта, слова дофина, повторяемые хором рыцарей). Герцен мог слушать эту оперу в Париже 14 апреля 1847 г.
...во «Французскую революцию» в цирк... — Пьеса под этим названием, изображавшая события 1789—1794 гг., шла ежедневно в парижском Олимпийском цирке и пользовалась огромным успехом.
...«Королеву Марго» в Théâtre historique... — Речь идет об инсценировке романа А. Дюма, шедшей в Историческом театре (см. «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 288).
...Porte St. Martin... — демократический парижский театр.
...уврие... — рабочий (франц. ouvrier).
...aux Français. — Théâtre Français — старейший французский театр, называющийся

ныне Comédie Française.
В Аталии — Рашель... — Аталия — героиня одноименной трагедии Расина, возобновленной в апреле 1847 г. на сцене Théâtre Français.
...лет шестьдесят тому назад... — т. е. во время Великой французской революции.
...«Te docteur en herbe». — «Будущий доктор» — пьеса Дювера и Лозанна, шедшая 6 апреля 1847 г. в парижском театре Palais Royal.
«Ce que femme veut» («Чего хочет женщина») — водевиль тех же авторов.
...его статья в «Современнике» не только в Берлине, но здесь нашла читателей... — Речь идет о статье К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», вызвавшей одобрительный отзыв в первой июньской книжке журнала «Revue indépendante» — см. ЛН, т. 56, стр. 498—499. Ср. письмо 1.
...что я не прочел в «Инвалиде» о его отставке... — В феврале 1847 г. сын М. С. Щепкина, артиллерийский офицер Н. М. Щепкин, вышел в отставку, приказ о которой был опубликован в «Русском инвалиде».
...Соловьева новая книга. — Докторская диссертация С. М. Соловьева «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», вышедшая в Москве в 1847 г.
346
8. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 93—96.
...как говорит Анненков. — В Париже Герцены часто виделись с П. В. Анненковым, жившим там (с перерывами) с начала 1846 г. до сентября 1848 г.
Я познакомилась здесь с Боткиной... — Николай Петрович Боткин (брат В. П. Боткина) и его жена Екатерина Николаевна весной 1847 г. жили в Париже. См. о них Рейхель, стр. 46.
24 апреля. — Дата 24 апреля по старому стилю проставлена в автографе, очевидно, ошибочно — вместо 21 апреля.
9. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 96—99 (с припиской М. Ф. Корш, в настоящем издании не воспроизводимой). Дата определяется по содержанию письма: оно написано через некоторое время после семейного праздника Герценов 20 (8) мая.
Письмо Т. А. и С. И. Астраковых, на которое отвечают Н. А. Герцен и М. Ф. Корш, неизвестно.
...2-го письма ~ для печати. — Первый раз Герцен писал М. С. Щепкину о парижских театрах 23 (11) апреля 1847 г. (см. письмо 7). Для печати свои впечатления от парижских театров Герцен изложил во втором и третьем «Письмах из Avenue Marigny» (V, 29—55).
...«Chiffonier» Piat... — «Chiffonier de Paris» («Парижский ветошник») — пользовавшаяся в Париже громадным успехом пьеса Ф. Пиа. «Парижскому ветошнику» уделено много внимания в третьем «Письме из Avenue Marigny». О пьесе Ф. Пиа писал в 6-м из своих «Парижских писем» и П. Анненков («Современник», 1847, № 6).
M-lle Schopping... — Видимо, описка: m-те, а не т-11е (ср. письмо 72). Имеется в виду баронесса Шёппинг, урожденная Языкова. См. о ней «Воспоминания» Б. Н. Чичерина. Вып. 2. Москва сороковых годов, М., 1929, стр. 105—106.
...8 мая... — 8 мая 1838 г. Герцен увез Н. А. Захарьину во Владимир. О праздновании этого дня в Париже в 1847 году см. Рейхель, стр. 45.
10. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 199—200.
На л. 2 об. автографа расписка: «По сему письму тысячу рублей ассигнациями получил кандидат Московского университета Сергей Астраков 1847 г. июля 7 дня».
Я просил вас вручить 200 руб. ассигн. Сергею Ивановичу Астракову... — Письмо Герцена к Ключареву, содержащее подобное поручение, неизвестно.
...отдал Марье Каспаровне проценты за 2000 сер. ~ и ~ за билет в 3000 сер. — Огарев был должен М. К. Эрн эти 2000 р. У Ключарева хранилась сохранная записка Огарева на эту сумму, а также на принадлежавшие М. К. Эрн 3000 р. (см. письмо 24 и Л XIV, стр. 11).
...съезжу один в Мадрид... — Эта намечавшаяся одно время поездка, о которой упоминается и в других письмах, не состоялась.
11. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
...Серебряков и украденные им 500 руб.? — Кто такой Серебряков и о каких деньгах идет речь, установить не удалось.
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр 99 — 103. В заключительной датировке: 12/1 июня — явная неувязка. Должно быть, очевидно, 12 июня/31 мая.
Письмо Т. А. и С. И. Астраковых, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...когда вас поразило страшное несчастие... — Имеется в виду смерть мужа Т. А.

Астраковой Н. И. Астракова (1842).
На это у меня другие письма... — «Письма из Avenue Marigny» (первые три письма увидели свет в № 10 «Современника» за 1847 год).
Скажите Грановскому ~ слишком резкое. — В славянофильском «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» А. С. Хомяков выступил со статьей «О возможности русской художественной школы», в которой мимоходом говорилось о миграции племен в эпоху переселения народов и выдвигалось положение о «развратности» древних франков. Это утверждение Хомякова и приведенные им исторические данные о передвижении бургундов в IV—V веках н. э. были оспорены Т. Н. Грановским в его «Письме из Москвы» («Отечественные записки», 1847, № 4). Хомяков поместил в № 86 «Московского городского листка» «Возражение на статью г. Грановского». Грановский ответил Хомякову в № 50 «Московских ведомостей» («Ответ г. Хомякову»). О полемике Грановского с Хомяковым В. П. Боткин писал Анненкову из Москвы 14 мая 1847 г.: «Вы, конечно, из письма Грановского к Герцену это письмо неизвестно знаете об этом споре, восставшем из пустяков (из переселении бургундов); в сущности его лежала сшибка славянства с общеевропейской точкой зрения; по этому случаю Грановский наговорил Хомякову несколько язвительных колкостей. Эта схватка, разумеется, наделала очень много шуму в московском учено-салонном мире, где после ответа Грановского ореол Хомякова действительно много потускнел» («П. В. Анненков и его друзья», стр. 538).
...Павлова письма длинны и вялы. — В № 5 «Современника» за 1847 год были перепечатаны два письма Н. Ф. Павлова к Гоголю (первоначально помещенные в «Московских ведомостях», 1847, №№ 28 и 38) по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями».
...в «Современнике» статьи Мельгунова... — В первых номерах «Современника» за 1847 год было напечатано несколько статей Н. А. Мельгунова (поддерживавшего в 1846 — 1853 гг. приятельские отношения с Герценом): в № 2 — очерк «Иван Филиппович Вернет,
швейцарский уроженец и русский писатель», в № 3 — «Современные заметки», в № 4 — «Несколько слов о Москве и Петербурге» и «Народная одежда и европейская мода», в № 5 — «Московские новости» и т. д. Белинский, весьма положительно оценивший очерк «И. Ф. Вернет» (см. письмо к Герцену от 20 марта 1846 г. — В. Г. Белинский, Собр. соч., т. XII, 1956, стр. 267), скептически отозвался о последующих статьях Н. Мельгунова, отметив их «бесцветность», стремление автора «примирить» руководителей «Современника» с славянофилами (там же, стр. 353—354). Со второй половины 1847 г. сотрудничество Мельгунова в «Современнике» прекратилось .
...в Давыдкове... — деревня под Москвой около Кунцева, где летом 1847 г. жил Кавелин.
...проводников звука... — Видимо, речь идет об одной из изобретательских работ С. И. Астракова.
Его — т. е. Кавелина — статьи ~ желудках. — Герцен, очевидно, имеет в виду рецензии Кавелина на «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете»,
348
напечатанные в №№ 3 и 5 «Современника» за 1847 год. Разбирая материалы о запорожских казаках, помещенные в книжке IV «Чтений», Кавелин приводил цитаты из этого источника, характеризующие примитивно-патриархальные, грубоватые нравы запорожцев (см. «Современник» за 1847 год, т. III, стр. 3 и 7). Выступая против славянофильской идеализации «наших древних вольных общин и братств», Кавелин недвусмысленно писал об их внутренней «несостоятельности».
...поклонитесь Любовь Федоровне ~ Женщина везде еще прижата... — Речь идет о сестре Е. Ф. Корша, вышедшей в 1842 году замуж за профессора Московского университета Н. И. Крылова. Жестокое обращение и побои мужа побудили ее в сентябре 1846 года оставить дом мужа. В связи с этим Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, П. Г. Редкин и Е. Ф. Корш потребовали от попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова удаления Крылова (заподозренного к тому же в получении взяток от студентов) из Московского университета, угрожая в противном случае уходом в отставку. С. Г. Строганов склонялся к переводу Крылова в Харьковский университет и побуждал его подать соответствующее заявление, но в дальнейшем «крыловская история» (см. о ней «Воспоминания» Б. Н. Чичерина, вып. 2. Москва сороковых годов, М., 1929, стр. 60—61, и «П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 543, 547—548) получила иной оборот — см. комментарий к письмам 20 и 32 настоящего тома. О тяжкой судьбе женщины как жертвы деспотизма мужа Герцен писал в гл. II «Капризов и раздумья» — «По разным поводам» (1846) (II, 79—80).
...вашего письма и кавелинского... — Эти письма неизвестны.
...Наташе могло быть грустно ~ во время голода здесь? — В. П. Боткин, очевидно,

отнесся отрицательно к тем строкам письма Н. А. Герцен к Астраковым от 3 мая 1847 г., в которых речь шла о социальных контрастах в столице Франции и о нищете парижских низов (см. в наст. томе письмо 8).
Так он, пожалуй, и на меня в гневе за мое письмо о буржуази к Михаилу Семеновичу... — Имеется в виду письмо 7. Догадка Герцена полностью оправдалась. В. П. Боткин писал Анненкову 14 мая 1847 г.: «Я читал его письмо к Щепкину с большим огорчением. Он такого вздору наговорил! Bourgeois, видите, виноват в том, что на театрах играются гривуазные водевили. Не шутя! Недаром вы писали, что Герцен старается каждый предмет понять навыворот, чтоб потом иметь удовольствие поставить его на прежнее место» («П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 540). О своем несогласии с Герценом В. П. Боткин сообщал и в письме к Белинскому и Анненкову от 19июля 1847 г. (там же, стр. 542).
...Гюльем Пьер Собрано-Пантарыльев.... — Шутливое прозванье В. П. Боткина. Гильом-Пьер — имена Гизо, одного из виднейших идеологов французской буржуазии первой половины
XIX века. Soberana pantorilla (буквально — высочайшая икра) — строка из испанской народной песни о маноле — испанской гризетке. Эту песню В. П. Боткин приводит в своих «Письмах об Испании» («Современник», 1847, № 3, отд. «Науки и художества», стр. 59). Т. А. Астракова рассказывает в своих «Воспоминаниях» о прощальном вечере накануне отъезда Герцена за границу: «В. П. Боткин несколько раз пел Pantorilla ... Впоследствии в шутку так его и прозвали» (ЛН, т. 63, стр. 554). Ср. IX, 114.
...мечтаЛейбница сбылась... — Лейбниц в 1666 году выступил в защиту идеи создания единого международного языка.
...почтенный кондуктор дилижанса на луну? — С. И. Астраков, талантливый механик-изобретатель, много лет трудился над разработкой проекта воздушного шара и воздушного снаряда, предназначенного для полета в космическое пространство. Занимали его и вопросы улучшения железнодорожного транспорта, усовершенствования паровоза (см. об этом ЛН, т. 62, стр. 10—12, 22).
349
...ездил в Сен-Жермен по атмосферической дороге... — На участке пути Париж — Сен-Жермен с очень большими подъемами была создана воздушная (пневматическая) железная дорога.
...вине-те. — Каламбур: с одной стороны, имеется в виду вино, с другой — Винета или Волин, славянский город на Балтийском море, которому посвящена была магистерская диссертация Грановского «Волин, Иомсбург и Винета».
...Селцена... — Федя Корш, видимо, так произносил фамилию Герцена.
...крестника... — Александра Евгеньевича Корша, другого малолетнего сына Е. Ф. Корша.
Жду сюда Белинского ~ Анненков поехал к нему. — 29 мая/10 июня Анненков приехал в Зальцбрунн, где Белинский проходил курс лечения, и 17/29 июля привез Белинского в Париж.
...их брат... — Михаил Петрович Полуденский.
12. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: Л V, 44—45.
...дело Теста... — Ж. Б. Тест, министр кабинета Гизо, был уличен во взяточничестве и приговорен к трехлетнему тюремному заключению. См. об этом «Письма из Франции и Италии» (V, 309—310).
...из «Дебатов»... — Имеется в виду консервативный «Journal des Débats», сравниваемый Герценом с рептильной «Северной пчелой».
...из ««Монитера»... — Официоз французского правительства «Мопйеиг universel».
...«Пресса»... — Орган Э. Жирардена «La presse».
Кастаньеты! «À, À, À, а, а, а!..» Елекламация Василия Петровича. — С марта 1847 г. В. П. Боткин печатал в «Современнике» свои «Письма об Испании», в которых с большой экспрессией писал об испанских народных балах, о танцах в сопровождении кастаньет, пения и т. д.
13. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 103—106, вместе с припиской Саши Герцена. На л. 1 автографа слова «Сергею Ивановичу ~ не примет» написаны Н. А. Герцен «вверх ногами» на полях — вследствие отсутствия свободного места.
Письмо Т. А. Астраковой от 9 июня 1847 г. ст. стиля, на которое отвечают А. И. Герцен и Н. А. Герцен, неизвестно.
...июня 22. — Судя по приведенной параллельно дате по новому стилю, тут ошибка или описка: должно быть 21 июня.
...читать его письмо? — Имеется в виду, вероятно, письмо от 10—12 июня 1847 г. (№ 11).
...3 том Лакруа... — Имеется в виду трехтомный труд по дифференциальному и

интегральному исчислению французского математика С. Лакруа (1810).
...Гро... – По-видимому, речь идет о московском знакомом Герцена, враче Ново¬Екатерининской больницы (см. о нем II, 234–235).
...разные травли Эмиля Жирардена и Дюшателя... – Издатель «La presse», член палаты депутатов Э. Жирарден изобличил министра внутренних дел Франции Дюшателя в попытке за взятку в 80 тыс. франков «выхлопотать» звание пэра Франции и место в палате пэров. Жирарден был предан палатой депутатов суду по обвинению в клевете, но палата пэров оправдала его. Дюшателя же реабилитировала палата депутатов. В «Письмах из Франции и Италии» Герцен не раз касается этого скандального дела (см. V, 55, 56, 231 и др.).
...радуюсь за вас. – Видимо, эти слова имеют иронический смысл. Ср. сказанное о Е. И. Сазоновой в письме 20.
14. М. К. ЭРН
Печатается по тексту Л VI, 149, где опубликовано впервые (без письма Н. А. Герцен, одновременно отправленного тому же адресату). Местонахождение автографов обоих писем в настоящее время неизвестно. Дата «декабрь 1850 г.», указываемая М. К. Лемке, ошибочна. Письмо следует отнести ко времени пребывания М. К. Эрн вместе с Л. И. Гааг в Лондоне, т. е. к июню – началу июля 1847 г. Н. А. Герцен писала Т. А. Астраковой 4 июля (22 июня) 1847 г. (см. письмо 13) о М. К. Эрн и Л. И. Гааг: «...они еще не возвращались из Лондона, куда поехали около двух недель тому назад; на это время Коля переселился к нам». Шутка Герцена об английском выговоре, упоминанье о Л. И. Гааг и Н. П. Боткине подтверждают эту датировку. (Ср. Рейхель, стр. 47: «...я с Луизой Ивановной и Боткиными ездила в Лондон. Коля, который жил теперь всегда с нами, оставался на это время у Натальи Александровны и Марьи Федоровны...»).
Здры, Кол. превсдно вдт, от меня не отходт и не шлит. – Шуточная «транскрипция» на «английский манер» слов: «Здоровы, Коля превосходно ведет, от меня не отходит и не шалит».
15. Н. П. ОГАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГМ, 1913, № 7, стр. 194–196. Ответ на письмо Огарева от 8–9 июля (26–27 июня) 1847 г. (см. ЛН, т. 61, стр. 764–769). В этом письме, как и в двух предыдущих, Огарев с удовлетворением писал о своем переходе к практической деятельности – занятиям сельским хозяйством.
...насчет твоих экономических теорий... – Огарев в своем письме приводил детальные экономические расчеты, связанные с намеченной им заменою барщинного хозяйства фермерским.
...ты совершенно прав, нападая на Бельтова ~ но на прекрасного и способного человека. – Огарев писал: «Перечитал я вчера «Кто виноват?» Эта повесть на меня всегда производит сильное впечатление, она слишком близка. А знаешь ли что, Герцен? Ведь метил ты Бельтова поставить очень высоко. А между тем Бельтов – durch und durch насквозь ложное лицо. Бельтов – романтик и рБеиЬо-сильный человек, хотя все-таки высокий человек. Бельтов – больной человек. Иначе он бы рассчитывал свою силу и объект деятельности и нашел бы среду, где бы мог развернуть ее. Хватание за разные предметы без порядка – признак романтического брожения. Я думаю, неуменье отыскать самого себя в мире приогромном чувстве самобытности составляет последний фазис нашего романтизма» (ЛН, т. 61, стр. 768).
...здешний ex-Гегель... – Вероятно, имеется в виду М. Бакунин, живший в то время в Париже.
...в Бретань, куда и мы на недельку поедем, на берег моря. – Поездка

в Бретань, о которой говорится и в письме 12, не состоялась. Герцен с женой и сыном Сашей предприняли вскоре поездку в Гавр.
...твоего protège ~ и не удалось. – Речь идет, вероятно, о И. И. Сазонове. «Все же ты не довольно оцениваешь Сазонова)», – писал Огарев Герцену 19 (7) июня 1847 г. (ЛН, т. 61, стр. 764). «Не обманывайся внешностью Сазонова и протягивай ему руку. Он, право, свежий и сильный человек», – убеждал Огарев Н. А. Герцен в письме от 8–9 июля (26–27 июня). Итоговую оценку личности и деятельности Н. И. Сазонова Герцен дал в главке «Русские тени» части пятой «Былого и дум»(X, 315–333).
Приехал сюда Белинский... – Белинский жил в Париже с 29 июля до 23 сентября 1847 г., часто встречаясь с Герценом.
...Пасси – Пригород Парижа.
...Кюбьер... – См. о нем «Письма из Франции и Италии» – V, 310.
Ты все хочешь, чтоб мы тебе писали о наших впечатлениях... – Уклончивый ответ Герцена объясняется естественным опасением, что письмо подвергнется в России перлюстрации.
...я пошлю в «Современник» письма три или четыре. – Четыре «Письма из Avenue

Marigny» были напечатаны в №№ 10–11 «Современника » за 1847 г.
Распущенность и распущенность ~ только что услышал. – Речь идет о чрезмерной уступчивости Грановского по отношению к славянофилам на обеде, данном в мае 1847 г. Шевыреву по случаю окончания его публичных лекций. В письме из Москвы от 14 мая
В. П. Боткин сообщал в Париж П. В. Анненкову (очевидно, показавшему письмо Герцену), что на этом обеде «Аксаков сводил Грановского и Хомякова для их взаимного примирения, которое состоялось, как и все внешние примирения, из приличия» («П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 538). О резкой полемике между Хомяковым и Грановским перед этим «примирением» см. комментарий к письму 11. Говоря о распущенности, «в которой нас так усердно обвиняли», Герцен имеет в виду, очевидно, многократные упреки и обвинения, исходившие от Грановского по адресу Огарева. Так, Грановский писал Н. Г. Фролову 17 октября 1845 г. об Огареве: «Как много природа и судьба дали этому человеку, и что он сделал из этих даров. Жизнь, преданная исканию мелких, дешевых наслаждений, припадки раскаяния и потом успокоение себя в сознании собственного бессилия. Так мириться с совестью не трудно» («Грановский и его переписка», 1897, том II, стр. 420).
Из последнего письма я вижу, что ты глубже и вернее понял Алексея Алексеевича... – Огарев писал об А. А. Тучкове в письме от 8–9 июля (26–27 июня) 1847 г.: «Славный он человек... но что такое делают из человека обстоятельства и среда, в которой он движется, это можно проследить на нем в каждой нитке. Бели б он не был так близок мне, это была бы остроумная этюда, а теперь это мне горькая этюда» (ЛН, т. 61, стр. 764 – 765). Об А. А. Тучкове см. Б. П. Козьмин. А. А. Тучков в деле декабристов. «Ученые записки Саратовского гос. университета», том LVI, вып. филологический, 1957.
...что бы тебе завести переписку ~ механик велий... – О С. И. Астракове как механике- изобретателе см. комментарий к письму 11.
16. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН
Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые. Написано на одном листе с письмом М. Ф. Корш к М. К. Эрн. Дата устанавливается по упоминанию о здоровье сына и о намеченной на 15 число поездке (14 августа 1847 г. Герцен выехал с женой и сыном Александром из Парижа в Гавр).
352
...отошлю ваши вещи. – Луиза Ивановна с внуком Колей и М. К. Эрн путешествовали в то время по Швейцарии (см. письмо 18 и Рейхель, стр. 48–51).
17. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано, вместе с предшествующим ему в автографе письмом Н. А. Герцен: НПГ, стр. 106 – 107.
...сижу ~ в Гавре... – В связи с тем, что врачи рекомендовали Саше Герцену морские купанья, Герцен почти месяц (с середины августа до середины сентября) провел с ним и с Натальей Александровной в Гавре. Ср. письмо 18.
...писал ему... – Имеется в виду письмо 13.
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39–40, стр. 200–202.
...благодарю за исполнение моей просьбы. – Очевидно, речь идет о выдаче С. И. Астракову 1000 руб. (См. письмо 10 и комментарий к нему.)
...везли от Гавра до Руана Наполеоново тело. – Прах Наполеона был перевезен с острова св. Елены во Францию в декабре 1840 г.
Из писем Огарева я вижу, что он сильно и действительно принялся за хозяйство... – Ср. письмо 15 и комментарий к нему.
...он часто беспокоит и вас... – «Григорий Иванович очень хорошо со мной поступает и берет на себя в Москве многие хлопоты по моим делам», – писал Огарев Герцену 19 (7) июня 1847 г. (ЛН, т. 61, стр. 764).
Я ему писал, что он мне задолжал ~ и напоминал о долге ~ Каппель. – Письмо Герцена к Огареву такого содержания неизвестно. О долге Огарева С. Ф. Каппель – владимирской знакомой Герцена – см. в письмах Огарева, ЛН, т. 61, стр. 726, 727, 774, 776.
...письма отсюда. – «Письма из Avenue Marigny».
...Елена Ал., отданная Алекс. Ал... – О ком идет речь, установить не удалось. Ср. комментарий к письму 103.
19. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 107–109
20. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 109–112. В автографе Герценом зачеркнуты слова: «Получил ли Грановский письмо из Гавра», над которыми им

написано: получил.
После первого октября ~ о зимних квартерах... — В действительности маршрут путешествия Герценов оказался иным. См. письмо 22.
...никитские подробности ~ неприятность Крылову ~ подробности о крыловской истории и прочее. — Имеется в виду ход так называемой «крыловской истории» — ср. выше письмо 11 и комментарий к нему. — В письме к Анненкову от 24—25 августа 1847 г. В. Боткин сообщал последние новости о «крыловской деле» — благоприятные для Грановского, Кавелина, Корша и Редкина: С. Г. Строганов, попечитель Московского
353
учебного округа, объявил московским друзьям Герцена о подаче Крыловым прошения об отставке.
...проект о луне и машине туда ездить. — См. комментарий к письму 11.
...Кавелину писал... — Это письмо Герцена неизвестно.
Скажите, что в «Revue» глупости пишет какая-то ракалья и дурак — предосадно. — В библиографическом отделе издававшегося Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо парижского журнала «La Révue indépendante» ряд весьма благожелательных заметок-аннотаций был в апреле — июне 1847 года посвящен произведениям и статьям Кольцова, Герцена, Белинского и Кавелина. В № от 25 апреля журнал очень тепло отозвался о «Письмах об изучении природы» (стр. 254), в № от 10 мая — о «Дилетантизме в науке» (стр. 285). В № от 25 мая (стр. 317) о романе «Кто виноват?» был дан следующий отзыв: «Мы уже несколько раз имели случай упоминать о сочинениях этого остроумного писателя, который как будто задался целью обнажить все порочное, несовершенное, смешное в своей родине. Предыдущие произведения показали нам, что талант автора не ниже его намерений. Нет сомнения, что это направление в конечном результате принесет большую пользу моральному состоянию России».
В № «La Révue indépendante» от 10 июня (стр. 349) о Белинском, Грановском и Кавелине говорилось как о «замечательных деятелях нового литературного движения» в России. Это дало повод Ф. Булгарину задать в «Северной пчеле» (№ 170 от 29 июля 1847 г.) провокационно- доносительский вопрос: «Любопытно было бы знать, кто сообщает эти верные ироническая разрядка «Северной пчелы» известия во французские журналы!» (см. об этом подробнее в статье Л. Ланского — Отзывы о Белинском в «La Révue indépendante», ЛН, т. 56, стр. 497— 500). В связи с этим В. Боткин в письме к Анненкову от 24—25 августа (которое читал Герцен) спрашивал своего корреспондента: «Кто это в «Révue indépendante» пишет такие штуки о русской литературе? Булгарин пользуется ими, чтобы смеяться над сотрудниками „Современника"» («П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 548—549). Резкая оценка Герценом подобных заметок объясняется, очевидно, тем, что они компрометировали политически в глазах правительства Николая I передовых русских деятелей, о которых шла речь в «Révue», и особенно его, Герцена, поскольку ему было посвящено больше всего заметок; кроме того, могло возникнуть подозрение, что он воспользовался своим пребыванием в Париже, чтобы добиться напечатания в «красном» французском журнале хвалебных статей о своих друзьях и о самом себе.
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 117—118 вместе с одновременно отправленным тому же адресату письмом Н. А. Герцен (стр. 112—117).
Наталья Александровна писала Т. А. Астраковой, рассказывая о своей жизни в Париже: «Что за дивная погода у нас, Таня, с 8-го часа утра окна открыты, что за воздух — упоенье! — Мы поглощаем Париж перед отъездом. — Слушали „Дон Жуана" два раза, ходим смотреть картины, статуи, добрый, милый Анненков с бесконечным терпением объясняет ... На днях едем в Ниццу и оттуда к карнавалу в Рим.
... прямо из дома княгини Марьи Алексеевны (т. е. все равно что из тюрьмы), где я с 7 лет жила жизнью растения, — вдруг попав в среду людей самых развитых, достойных, словом лучших — я не ставила никаких преград моей симпатии, не придумывала никаких форм,
354
приличнейших для выражения ее, и никто из них не побуждал меня к этому, подумай в самом деле, какая полнейшая свобода была всегда в этом кругу, — может, если б я более бывала с людьми мне чуждыми, менее бы было резкости, т. е. откровенности в моих словах и поступках, но я так привыкла к этой свободе, да и странно было бы, если б было иначе, потому что до сих пор мы беспрерывно окружены самыми близкими, самыми симпатичными людьми, понимающими все — что для меня необыкновенного труда стоит стеснить себя в рамку светского обращения.
Именины наши были очень хороши, Анненков, наш учитель, Боткины были только, первый тост я выпила за московских друзей, сердце переполнено было воспоминаниями».
...два портрета ~ почище Горбунова... — Речь идет, очевидно, о новом (осень 1847

г.) парижском литографическом портрете Герцена работы Л. Ноэля, сделанном с дагерротипа того же времени (портрет воспроизведен в т. V наст. изд., фронтиспис). Художник К. А. Горбунов несколькими годами раньше сделал «литографированную коллекцию портретов со всего кружка» Герцена в Соколове (П. В. Анненков. Литературные воспоминания, 1960, стр. 268).
...писал к Тимофею Николаевичу. — Это письмо Герцена к Т. Н. Грановскому неизвестно.
22. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 202—203. Ответ на письмо Г. И. Ключарева от 11 сентября 1847 г. нов. стиля (ср. комментарий к письму 6).
...поздравляю ~ с орденом... — В июне 1847 г. Ключарев был награжден орденом Анны 2¬й степени за службу в качестве казначея «Комиссии по строительству Храма Спасителя» в Москве.
...испанского министра... — Имеется в виду испанский посол в Париже в 1847 году Мариа Нарваэз (Narvaez).
...не чета прежнему портрету... — Герцен, очевидно, имел в виду свой портрет работы К. А. Горбунова (1845).
...благодарен Дмитрию Павловичу за уплату ~ проценты по прежним векселям... — Герцен благодарит Голохвастова за возвращение 10 000 руб., полученных им от Герцена в 1846 г., сверх одолженных Голохвастовым в 1840 г. 30 000 р. Слова о процентах относятся к этому последнему долгу.
...послать что-нибудь Петруше. — Герцен постоянно проявлял заботу о судьбе П. А. Захарьина, младшего брата своей жены, и в течение многих лет оказывал ему материальную помощь.
23. Е. Б. и Т. Н. ГРАНОВСКИМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГНМ, стр. 38, вместе с предшествующим ему в автографе письмом Н. А. Герцен (там же, стр. 38—39). Датируется на том основании, что о несчастном случае с Т. Н. Грановским (см. ниже реальный комментарий) Н. А. Герцен в своем письме пишет как об имевшем место «уже месяц почти тому назад».
355
Несчастие, бывшее с тобой, Грановский ~ вместе с тем и успокоением. — 3 октября (ст. стиля) 1847 г. Грановский вывалился из экипажа и сильно повредил себе правую скулу. О несчастии с Грановским Боткин 12 октября 1847 г. (ст. стиля) сообщил Анненкову в Париж, прося его написать о происшедшем Герцену в Ниццу. Вместе с тем Боткин уведомлял, что «теперь опасность миновала» («П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 550, 552).
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 203—204. На обороте автографа почтовый штемпель: «Рго отд. Моск. гор. почты, ноября 29». Ответ на письмо Ключарева от 2 ноября 1847 г. (нов. стиля) — ср. комментарий к письму 6.
...Аксинья Ивановна насчет выдачи замуж ее дочери... — О замужестве какой именно из дочерей
А. И. Захарьиной (матери Н. А. Герцен) идет речь, установить не удалось. О дочерях Захарьиной см. ЛН, т. 39—40, стр. 205. Ср. письмо 73.
...«На пароходе»... — Это произведение Герцена не было опубликовано и рукопись его не сохранилась. См. комментарий к письму 31 и ЛН, т. 39—40, стр. 205.
...Бычка... — «Бычок» — рысак, принадлежавший Голохвастову и упоминаемый в «Былом и думах» (IX, 199—200).
...«его не возмущу я праха»... — Перефразированная цитата из «Горе от ума» (действие II, явление 2).
25. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ стр. 118—119. Дата определяется на основании сообщения в письме Н. А. Герцен: «Мы в Ницце уже три недели ..., через два дня едем в Рим» (ср. Л XXII стр. 243, и письмо 24: «мы едем отсюда 22-го»).
26. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 119—120. В автографе описка: «Я серьезно вас прошу вас...» (стр. 47, строка 9).
Письмо Т. А. Астраковой, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
По какому случаю Марья Федоровна просила денег у Корша... — Сообщение Т. А. Астраковой, что М. Ф. Корш, сопровождавшая Герценов за границу и взявшая на себя попечения о Тате, обратилась к брату с просьбой о денежной помощи, должно было задеть
Герцена и потому, что Е. Ф. Корш, обремененный многочисленной семьей, находился в крайне стесненных материальных обстоятельствах. Необходимо учесть, что Т. А.

Астракова вообще относилась к М. Ф. Корш неприязненно, считая ее лицемерной, неискренней, лживой (см. об этом «Из воспоминаний Т. А. Астраковой» – ЛН, т. 63, стр. 558). Подробнее о М. Ф. Корш см. ЛН, т. 63, стр. 430–432.
356
27. А. А. ИВАНОВУ
Печатается по автографу (ПД). Впервые опубликовано по копии, сделанной В. Д. Комаровой (Владимиром Карениным): «Звенья», т. VI, 1936, стр. 319–320, с ошибочной датой: 1849 г.
...письмо от искреннейшего приятеля вашего, Ивана Павловича Галахова.. – А. А. Иванов познакомился с И. П. Галаховым в 1845 г. в Риме (см. «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка». Спб., 1880, стр. 204; ЛН, т. 58, стр. 673). Герцен виделся с Галаховым в Ницце незадолго до своего отъезда в Рим. Очевидно, тогда Галахов и дал ему письмо к Иванову.
...я попрошу позволения прийти к вам... – В статье-некрологе, посвященном Иванову (XIII, 323–328), Герцен рассказал о своих встречах с художником в Риме в 1847–1848 гг. и потом в Лондоне в 1857 г. О взаимоотношениях Герцена и Иванова см. также в кн.: М. Алпатов. Александр Иванов, М., 1956.
28. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39–40, стр. 206.
...отвечал ~ через Егора Ивановича. – См. письмо 24.
Он просит меня дать ему взаймы 25 т. сереб. ~ под залог пензенского имения. – «Вышли поскорей (если возможно) доверенность Григорию Ивановичу, – писал Огарев Герцену 1 ноября (20 октября) 1847 г., – о размене твоих билетов и выдачу мне взаймы под залог одного из моих имений, находящегося в Пензенской губернии, до 85 000 ассигнациями (или на серебро до 25 000). Я тебе буду платить по 8% на два года» (ЛН, т. 61, стр. 769).
29. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39–40, стр. 206–207.
...письмецо мое, вложенное в письмо г. Огарева. – Письмо 28.
...пополнить сумму до 25 т.... – Речь идет об удовлетворении просьбы Огарева о займе (см. письмо 28 и комментарий к нему).
...сверх того Аксаков. – Подразумевается плата за наем герценовского дома, снятого
С. Т. Аксаковым (см. письмо 22).
...мой портрет... – См. об этом портрете письмо 22.
30. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 123, вместе с предшествующим ему в автографе письмом Н. А. Герцен (там же, стр. 121 – 123). Дата проставлена в письме Н. А. Герцен.
Наталья Александровна в своем письме сообщала: «Александр тебе писал, Таня, что я была больна, приехавши в Рим, но это уже прошедшее, силы начинают возвращаться... приехали Тучковы, прекрасное семейство (отец и дочери), мы начали с ними осматривать Рим, видимся почти каждый день... Александр не пишет оттого, что места нет, и я этому причина».
357
31. В. П. БОТКИНУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГНМ, стр. 39–43. На обороте почтовый штемпель: «31 Иес. 47».
Ответ на письмо В. П. Боткина из Москвы от 25 ноября (ст. стиля) 1847 г. (ЛН, т. 62, стр. 39–
41).
Да и твое письмо ~ шло ровно 20 дней... – В. П. Боткин жаловался в своем письме: «Твое письмо из Ниццы ко мне шло сюда 22 дня!!»
...да с каким же скотом ты посылаешь на почту письма, что они пропадают... – Ответ на слова В. Боткина: «Вчера вечер и нынче утро провел я за письмом к тебе, – написал много о всем, послал его на почту, а посланный воротился скоро с известием, что потерял письмо дорогою».
...что ты так сильно останавливаешься на финансах. – Боткин писал, что Грановский, решив по указанию врачей везти летом свою жену в Эмс на воды, «старается теперь изобрести средства на эту поездку ... изобретение нелегкое!»
...пленипотенциарий... – полновластный господин (от лат. plenus – полный и potentia – власть, сила).
...калдины... – (от итал. scaldino) – грелки для рук.
...был же в Соколове Печкиным... – Вспоминая о своей роли гостеприимного хозяина в Соколове, Герцен в шутку сравнивает себя с содержателем известной в Москве кофейни, посещавшейся литераторами и артистами. Что сам Герцен бывал в кофейне Печкина, свидетельствует А. Д. Галахов в своих воспоминаниях («Литературная

кофейня в Москве в 1830–1840 гг.» – РС, 1886, № 4, стр. 183).
...что вы так осерчали на письма из Avenue Marigny? – Боткин писал Герцену: «22 ноября собрались мы праздновать твои именины ... И мы выпили за твое здоровье, и здоровье автора „Кто виноват", и Крупова, а об авторе писем из „Avenue Marigny" было умолчано, и даже никто о нем голосу не подал» (ЛН, т. 62, стр. 40). Кроме себя, Боткин, должно быть, говорит здесь о К. Д. Кавелине и Е. Ф. Корше, также стоявших на позициях либерализма и весьма далеких от социалистических взглядов. Отношение Т. Н. Грановского (по болезни не присутствовавшего на праздновании 22 ноября, о котором пишет В. П. Боткин) к «Письмам из Avenue Marigny» было несколько сложнее. Он писал Н. Г. Фролову 7 ноября 1847 г.: «„Письма из Avenue Magirny" мне не нравятся, хотя очень умны местами. В них слишком много фривольного русского верхоглядства. Так пишут французы об России» («Т. Н. Грановский и его переписка», том II, 1897, стр. 424).
...твои замечания всегда носят в себе столько хвалы и дружеского тона... – В тех высказываниях Боткина о «Письмах из Avenue Marigny», которые могли стать известны Герцену, В. П. Боткин внешне смягчал остроту своей критики всевозможными комплиментами. Так, в письме к П. В. Анненкову от 12 октября 1847 г. (которое, вероятно, и имеет в виду Герцен) Боткин писал: «Я прочел его письма с наслаждением; это так увлекательно, так игриво, это арабеск, в котором шутка сливается с глубокой мыслию, сердечный порыв – с летучею остротою!» Однако тут же Боткин обвинял Герцена как автора «Писем из Avenue Marigny» в «неопределенности точки зрения», «поверхностности», «славянской нетерпимости» и т. д. («П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 551–552).
...кладеных... – выхолощенных.
...Анненков сначала поспорил; Белинский ~ понял задачу в минуту... – О позиции Белинского, поддержавшего, – хотя и не без существенных оговорок, – точку зрения Герцена, и о позиции П. В. Анненкова, упрекавшего Герцена главным образом в нечеткости понятия «bourgeoisie», – см. письмо Белинского к В. П. Боткину от 2–6 декабря 1847 г.
(В. Г. Белинский. Собр. соч. в 13 томах, том XII, 1956, стр. 456–452). П. В. Анненков в конечном итоге не солидаризовался с отрицательным отношением Боткина к «Письмам» Герцена. 17 февраля (ст. стиля) 1848 г. В. П. Боткин писал П. В. Анненкову: «Больно мне все- таки вспомнить ... о письмах Герцена о буржуазии, за мои нападки на которые вы в последнем вашем ко мне письме так мне намылили голову» («П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 554). Общий обзор идейной борьбы вокруг «Писем из Avenue Marigny» см. V, 460– 462, а также Ю. Г. Оксман. Летопись жизни и творчества Белинского, 1959, стр. 515–516, 531–532.
...это перчатка, которую я бросаю ~ я нисколько не переменил своего взгляда. – Свою точку зрения на французскую буржуазию Герцен последовательно отстаивает и в дальнейших письмах. См., например, письма 33, 46, 47.
...я написал 1-ое письмо с Via del Corso, и доволен им (что значит, в твоем переводе, что оно скверное). – Написанное в декабре 1847 г., это письмо легло в основу «письма пятого» окончательной редакции «Писем из Франции и Италии». Что означает «перевод» Боткина, выясняется из следующих строк его письма к Герцену от 25 ноября 1847 г.: «Ты говоришь, что написал статейку „На пароходе", но что ты недоволен ею. А я уверен, что она очень хороша, уверен потому, что ты очень доволен был своими письмами из Парижа».
Статейку «На пароходе» ~ черновую имел глупость бросить в Ницце. – Речь идет о том же произведении, о котором Герцен 20/8 ноября 1847 г. писал из Ниццы Г. Ключареву (см. комментарий к письму 24). Очевидно, в недошедшем до нас письме к В. П. Боткину от 13/1 ноября 1847 г. из Ниццы Герцен писал ему о замысле и персонажах «На пароходе» – в ответном письме от 25 ноября 1847 г. В. Боткин сообщает Герцену свои соображения на этот счет.
Первая часть, или пролог, новой повести ~ как только получу «Современник». – Имеется в виду повесть «Долг прежде всего» (VI, 247–310). Свое намерение отослать первую часть ее в «Современник» Герцен выполнил в январе 1848 г. – см. письмо 33.
...получил ли Григорий Иванович мою доверенность и билеты... – См. письмо 29.
...Клиши... – долговая тюрьма в Париже.
...1942 фр. на его комиссии... – О каких именно поручениях Н. А. Мельгунова Герцену идет речь, установить не удалось.
какой-то волчий сын меня хочет печатать в переводе на германском диалекте... – Имеется в виду В. Вольфзон (от нем. Wolf – волк и Sohn – сын) – литератор, издатель и переводчик. См. письмо 119.
Скажи Николаю Петровичу ~ отдали бы просто Григорию Ивановичу. – Герцен предполагал, что 1500 франков, одолженные у него Н. П. Боткиным перед отъездом в Россию, тот вручит Г. И. Ключареву в Москве (см. письмо 22). Н. П. Боткин избрал другой способ уплаты долга – переслав соответствующую сумму Анненкову в Париж.

Получил ли Кавелин мое письмо из Ниццы? — Это письмо неизвестно.
...твой удивительный упрек в письме Анненкову ~ как много меня помнят. — В письме от 24— 25 августа (ст. стиля) 1847 г. к П. В. Анненкову, — очевидно, показанном его адресатом Герцену, — Боткин писал: «Сегодня, 24 августа, Грановский получил письмо от Герцена, в котором он после шестимесячного молчания вздумал упрекать их, что они к нему не пишут. Мы между тем вспоминаем здесь о нем беспрестанно» («П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 549).
359
...я отчасти твоим письмам к Анненкову обязан всем, что знаю об вас. — Во время своего пребывания в Париже в марте — октябре 1847 г. Герцен систематически читал письма В. П. Боткина к П. В. Анненкову. Ср. комментарий к письмам 15 и 20.
1848
32. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 127—128, вместе с предшествующим ему письмом Н. А. Герцен (там же, стр. 124—127).
Наталья Александровна сообщала в своем письме: «...о возвращении начнем думать тогда, как путешествие хоть сколько-нибудь принесет пользы для здоровья, до сих пор не заметно ее ... Свидетельствую, что портрет Александра похож, борода меняет очень..»
Письмо Т. А. Астраковой, на которое отвечают Герцены, неизвестно.
...записку... — Видимо, так Герцен именует свое письмо Астраковым от 2 декабря 1847 г.
Отчего у Кавелина ~ забыл... — Речь идет, очевидно, о новом литографическом портрете Герцена работы Ноэля, экземпляры которого должен был доставить московский друзьям и знакомым Н. П. Боткин, выехавший 15 октября 1847 г. из Парижа в Россию.
...скоро год, как были проводы на Черной Грязи. — См. комментарий к письму 2.
...я боюсь поверить ~ из-за подлого Крылова... — После того, как С. Г. Строганов был 20 ноября 1847 г. уволен с должности попечителя Московского учебного округа, «крыловское дело»
приняло совершенно неожиданный оборот: Крылов остался в Московском университете, Кавелину и Редкину пришлось покинуть его, а Коршу — отказаться от редактирования «Московских ведомостей». Ср. комментарий к письмам 11 и 20.
33. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в извлечениях: «Современник», 1912, кн. IV, стр. 194, 195. Полностью, но без приписки Н. А. Герцен к Е. Б. Грановской: Л V, 177—182, по копии, снятой А. Н. Пыпиным с подлинника. Приписка Н. А. Герцен: ГНМ, стр. 109.
Весть о выходе вашем из университета... — См. письмо 32 и комментарий к нему.
...сильный ретроградный шаг университета... — Увольнение Кавелина и Редкина, кроме «крыловской истории», было обусловлено и политическими мотивами. В заведенном позднее III отделением «деле о бывших профессорах Московского университета Редкине и Кавелине, замечаемых в вольнодумстве» — в бумаге, составленной Л. Дубельтом, прямо указывалось, что «начальство советовало им оставить университет» потому, что они «были замечены в вольнодумстве» (см. Л V, 182).
...лишь бы вы не падали с дрожек... — Намек на несчастный случай с Т. Н. Грановским в октябре 1847 г. См. комментарии к письму 23.
...и холера бы не падала на вас... — В 1847 г. в Москве была вспышка холерной эпидемии.
В. Боткин писал Герцену 25 ноября 1847 г.
360
ст. стиля): «Из наших друзей и знакомых... двое были атакованы холерою — Валентин Корш и Сергей Иванович Астраков, — но теперь совсем здоровы» (ЛН, т. 62, стр. 40).
...как ты мне писал письмо... — Это письмо неизвестно.
Жду с нетерпением твоего приезда ~ небольшую прогулку тебе в Италию... — О предполагавшейся поездке Грановских за границу см. письмо 31 и комментарий к нему.
...у меня в памяти какими-то светлыми точками ~ Италию не уловишь такими простыми определениями. — Более подробно об этом — порой в выражениях, текстуально совпадающих с данным письмом — см. пятое и шестое из «Писем из Франции и Италии».
A propos, крепко оттузили вы меня за «Письма из Avenue Mar^g^^ ~ Франция ниже своего прошедшего. — Соглашаясь с упреками московских друзей в «поверхностности» «Писем из Avenue Marigny» (ср. комментарий к письму 31), Герцен не идет ни на какие уступки по

...à la Диккенсовой «Италии»... — Речь идет о «Pictures from Italy» («Картины Италии») Диккенса.
...предилекции... — предпочтению (от франц. prédilection).
...не могу согласиться ~ с Анненковым, который в последнем письме радуется, что французы — милые дети... — В 8-м из своих «Парижских писем», напечатанном в № 12 «Современника» за 1847 г., Анненков сочувственно отмечал любовь французов к «условным моральным положениям», которые «проникают всюду, даже в исторические и экономические сочинения, и, сказанные перед публикой, всегда вызывают электрическую искру». По этому поводу Анненков заявлял: «Для меня явление это объясняется только вечною молодостию народа, который может быть потрясен всяким общим местом, лишь бы представляло оно воображению благородный, увлекательный образ» («Смесь», стр. 163).
...старику Мюльгаузену... — Речь идет об отце Е. Б. Грановской (урожд. Мюльгаузен), профессоре сравнительной анатомии и физиологии.
...Беттина исчерпала пошлость этой роли. — Имеется в виду характерное для Беттины фон Арним даже в пожилом возрасте стремление щеголять своей инфантильностью (см. ее нашумевшую книгу «Переписка Гёте с ребенком», Берлин, 1835).
...кладбищу Père Lachaise... — Кладбище в сев.-восточной части Парижа, где похоронены многие знаменитые люди Франции.
...profession de foi du Vicaire Savoyard... — «Исповедание веры савойского викария» — одна из глав «Эмиля» Руссо, возвеличивающая «естественную религию».
...Гизо — сей сенский Меттерних! — В «Письмах из Франции и Италии», давая резкую оценку политике Гизо («узкой, эгоистической, мещанской» — V, 144), Герцен язвительно замечает: «...с какой радостью, с какой благодарностью Гизо протянул руку Меттерниху — когда тот ему дозволил это» (V, 145).
Я написал письмо об Италии... — «Письмо первое» из «Писем с Via del Corso», впоследствии, в переработанном виде, вошедшее в «Письма из Франции и Италии» («Письмо пятое»).
...небольшой разговор о современности... — «Перед грозою» — вошло потом в книгу «С того берега».
Первый отдел повести... — Речь идет о повести «Долг прежде всего» (ср. комментарий к письму 31).
...отрывки из Самарина статьи... — В № 2 «Москвитянина» за 1847 г. была под псевдонимом М. З. К. помещена статья Ю. Самарина «О мнениях „Современника" исторических и литературных», в которой с реакционно-славянофильских позиций резко критиковалась общая линия «Современника».
Выступая против К. Д. Кавелина как автора статьи «Взгляд на юридический быт древней России», Ю. Самарин повторял на разные лады утверждение, что в жизни древней Руси преобладало «общинное начало», при котором личность отрекается от своих прав в интересах «целого». К. Д. Кавелин выступил в защиту своей статьи с «Ответом „Москвитянину"», который был напечатан в № 12 «Современника» за 1847 г.
...изыгольничался... — Игольничать — скряжничать.
...король неаполитанский согласился на требования... — О революционном движении в королевстве Обеих Сицилий в январе—феврале 1848 г. и о конституции, изданной королем Фердинандом II, Герцен рассказывает в седьмом из «Писем из Франции и Италии» — см. V, 112—114, 284—289, 291—292.
...«Прочида» Никколини... — Пьеса «Giovanni da Procida», впервые поставленная в 1830 г., изображала «Сицилийскую вечерню» — восстание сицилийцев под руководством Прочиды против иноземного тирана Карла Анжуйского.
...редыркой. — От «редерер» (марка шампанского).
...двум Foscari... — Имеется в виду трагедия Байрона «Двое Фоскари» (1821).
...скажи Боткину Senior'у ~ «Современника»... — В письме к П. В. Анненкову в Париж от 20 ноября 1847 г. (ст. стиля) Белинский с горечью писал, что А. А. Краевский, приехав в Москву летом 1847 г., остановился у В. П. Боткина, который «почел долгом быть благоговейно и преданно деликатным с ним»; что «москвичи» обещали написать для «Отечественных записок» ряд статей, чем нанесли большой ущерб «Современнику» (В. Г. Белинский, Собр. соч., том XII, стр. 427—429).
...екскузе. — Извините (франц. excusez).
Сатина благодарю за письмо... — Это письмо Н. М. Сатина неизвестно.
...я как услышал, что Диффенбах умер, так и подумал: «Кому он теперь закажет ноги?» Пусть уж бережет берлинскую пару. — Н. М. Сатина с 1830-х гг. мучил жестокий ревматизм, почти лишавший его способности передвигаться. Во время лечения в Берлине в 1844 г. ему, по указаниям профессора Диффенбаха, была изготовлена особая протезная обувь.
34. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40 стр. 207—209.
На обороте почтовая печать: «Roma 31 gen. 48» и полустертый штемпель: «получ.

вечера 1848 февраля».
...о назначении Дмитрия Павловича попечителем... — Голохвастов был назначен попечителем Московского учебного округа вместо ушедшего 20 ноября 1847 г. в отставку гр.
С. Г. Строганова. (О причинах его отставки см. комментарий к письму 38.)
...написать к нему письмо... — Это письмо неизвестно. Возможно, что оно не было написано.
...что ~ за цензурный комитет в Москве. — При Строганове Голохвастов возглавлял московский цензурный комитет. «Как председатель московского ценсурного комитета, — писал Герцен в „Былом и думах", — он, разумеется, тяжелой гирей висел на нем и сделал то, что впоследствии книги и статьи посылали ценсировать в Петербург» (IX, 193).
Графа мне ужасно жаль... — Герцен лично знал С. Г. Строганова. «Был у графа ... Доселе из всех аристократов, известных мне, я в нем одном встретил много человеческого» (Дневник, 1842 — II, 245).
362
...не служить с Крыловым. — О «крыловской истории» см. комментарий к письмам 11, 20 и
32.
...издание «Московских ведомостей» ~ как ~ при Шаликове... — Бездарный поэт князь П. И. Шаликов был редактором «Московских ведомостей» (тогда — орган Московского университета) в 1812—1837 гг.
...на месте Платона Степановича... — Нахимова, инспектора Московского университета, за свою доброту и гуманность пользовавшегося большой любовью студенчества.
Егор Иванович подает в отставку... — Е. И. Герцен служил архивариусом в архиве московской дворцовой конторы. Ушел в отставку 2 июля 1848 г.
...не хочу требовать денег с Рейхеля... — Художник Карл-Христиан Яковлевич Рейхель, с которым Герцен познакомился и подружился в Новгороде (1841 г.), был в молодости близок к декабристу А. П. Юшневскому и женился на его падчерице. После смерти А. П. Юшневского, М. К. Юшневской, последовавшей за мужем на каторгу, не разрешено было вернуться в Россию. Тогда Рейхель в конце 1846 г. со всей семьей переехал к Юшневской в Сибирь. Дальний путь, устройство на новом месте были связаны с большими затратами. Этим, надо думать, и объясняются слова Герцена, что он не хочет «требовать денег с Рейхеля» (ср. также письмо 46). В литературе о Герцене К.-Х. Я. Рейхеля ошибочно именуют Александром Казимировичем а называют чиновником Новгородской казенной палаты. Рейхель был профессиональным художником, окончил в 1809 г. Петербургскую Академию художеств и до конца жизни занимался живописью. Его работы хранятся в Государственной Третьяковской галерее, в Русском музее и ряде других музеев СССР. О К.-Х. Я. Рейхеле см. неопубликованную переписку М. К. Юшневской с С. П. Юшневским и др. лицами (ЛБ), а также: П. В. Голубов.
Письма декабриста А. П. Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири. Киев, 1908; Michal Janik. Dzieje Polakow na Syberji. Krakow, 1928, стр. 292; С. Эрнст. Картины русских художников в соорании Е. Г. Шварца. «Старые годы», 1916, № 1—2, стр. 90—92.
35. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 210—211.
На обороте почтовые штемпели (полустертые): «Napoli ... 12 fev.»; «получено февраля 22».
...пропал портфель со всеми моими документами... — О том, как в Неаполе у него пропал портфель с денежными документами и ценными бумагами, Герцен рассказал в «Письмах из Франции и Италии» (V, 114—122). См. также: Рейхель, стр. 58—60, «Воспоминания» Н. А. Огаревой-Тучковой, М., 1959, стр. 59—61.
36. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 211—212.
37. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 212—213.
...порядок у них теперь учредился прекрасный... — Имеется в виду время после подписания неаполитанским королем Фердинандом II конституции (см. «Письма из Франции и Италии», V, 113—114).
363
38. П. В. АННЕНКОВУ
Печатается по автографу (ПД). Впервые опубликовано: «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 625—629.
...старуха проснулась и пошла писать. — Образ, видимо, символизирующий историю.
...к осени переберусь и я. — В действительности Герцен уже 5 мая был в Париже.
...френетически... — исступленно, восторженно (от франц. frénétique).

...разумеется с предстоящим праздником Светлого воскресенья. — Сказано в шутку; Герцен и Наталья Александровна поздравляют адресата с февральской революцией во Франции.
Твое письмо я нашел здесь. Я писал к тебе из Неаполя о потере портфеля... — Оба эти письма неизвестны. О пропаже портфеля см. письмо 35 и комментарий к нему.
...кландестинном... — тайном, подпольном (от франц. clandestin).
Один вечер останется у меня в памяти ~ «Viva la liberta!» — События 11 февраля 1848 г. в Неаполе, когда Фердинанд II, король Обеих Сицилий, оказался вынужден издать конституцию, описаны Герценом в седьмом из «Писем из Франции и Италии» (V, 113 — 114).
...Francesco di Paolo... — Собор в Неаполе.
Руджеро Сеттимо ~ совершенно отдельное управление. — После восстания в Палермо 12 января 1848 г. власть в Сицилии фактически перешла в руки местных деятелей, возглавляемых Р. Сеттимо. Они требовали от Фердинанда II признания за Сицилией права на особый парламент и самостоятельное управление.
...S.-Elmo и Castel del Ovo... — Старинные замки в Неаполе, использовавшиеся как крепости- тюрьмы.
.. .сплaндидный... — великолепный (от франц. splendide).
...Толеде... — главная улица Неаполя.
...S. Carlo... — Театр в Неаполе.
...бандиере... — знамя, флаг (от итал. bandiera).
...воциферациях... — возглашениях, воплях (от франц. vociferation).
...наши москвичи подали в отставку. — См. комментарий к письму 32.
Дело это хуже ~ отставили за это. — 30 мая 1847 г. попечителям учебных округов по распоряжению Николая I был разослан циркуляр министра народного просвещения Уварова «для охранения преподавателей ..., долженствующих проливать в юные умы учащихся благотворный свет истинных, полезных знаний и чувство любви к престолу и вере, от вредного влияния разрушительных начал». В циркуляре этом объяснялось, «как надо понимать нам нашу народность и что такое славянство по отношению к России. Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию, а славянство западное не должно возбуждать в нас никакого сочувствия. Оно само по себе, а мы сами по себе. Мы сим самым от него торжественно отрекаемся». «На основании всего этого министр желает, — указывалось далее в циркуляре, — чтобы профессора с кафедры развивали нашу народность не иначе, как по этой программе» (А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. 1, М., 1955, стр. 306). Попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов не дал этому циркуляру дальнейшего хода, за что в ноябре 1847 г. был отставлен от занимаемой им должности. Подробнее об этом см. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, книга девятая, Спб., 1895, стр. 235—253.
О Костроме знаю, но об агентах, кажется, пуф. — Что имел здесь в виду Герцен — не установлено.
364
39. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 133—134, вместе с предшествующим ему в автографе письмом Н. А. Герцен (там же, стр. 128—133).
В своем письме Н. А. Герцен сообщала: «Буду же описывать тебе нашу прогулку в Неаполь: вот две недели, как мы воротились оттуда. Марья Федоровна с Колей и Наташей осталась в Риме, а мы все с семейством Тучковых провели три недели в Неаполе, это лучшее время из всего путешествия по Италии, чудный город!.. С утра мы брали обыкновенно две коляски, потому что нас десять человек, отправлялись смотреть древности, Геркуланум, Помпею и т. д., взбирались на Везувий — возвращались домой в 5 часов, прямо за table d'hôte».
...я никогда ~ да здравствует жизнь! — Герцен в завуалированной форме выражает здесь свои надежды в связи с последними политическими событиями; комментируемое письмо — первое из писем к Астраковым, написанное после получения известий о революции во Франции.
...1-го апреля... — В действительности Герцены покинули Рим 28 апреля.
Я поеду в Тоскану и вообще будем шляться по Италии и возле... — Эта заведомо неопределенная фраза, как и последующие слова о «намерении скитаться» и предложение московским друзьям направлять письма на имя М. Ф. Корш, обусловлены, видимо, конспиративными соображениями, стремлением скрыть свои планы и свое местопребывание от перлюстратора. В действительности Герцен, как и следовало ожидать, стремился в Париж: выехав из Рима 28 апреля, он уже 5 мая был в столице революционной Франции.
Скажите Грановскому ~ будет... — Намечавшаяся поездка Грановского за границу не состоялась.
Петра Редкина ~ брак... — Бракосочетание П. Г. Редкина состоялось в апреле 1848

г.
Сергей Иванович... — Видимо, слуга П. Г. Редкина.
40. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 214—215. На обороте почтовая печать: «Roma 7 Apr. 48».
Письмо Ключарева от 16 (4) марта 1848 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...войною в Ломбардии. — Имеется в виду начавшаяся в конце марта 1848 г. вооруженная борьба итальянцев за освобождение Ломбардии из-под ига Австрии.
Поеду сначала во Флоренцию, а там, смотря по обстоятельствам, через Милан или через Сардинию, в Германию. — Здесь, как и в предыдущем письме, как и в ряде последующих писем, направляемых по почте в Россию (см. письма 41 и 42), Герцен, опасаясь возможной перлюстрации, не сообщает своих действительных планов, умалчивает, что конечным пунктом его маршрута является Париж.
...поступил ли в университет сын нашего власьевского священника ~ продолжал избранный путь. — Вероятно, речь идет о том же самом лице, о котором Герцен пишет в XXXII гл. «Былого и дум» (см. IX, 204—205).
...чертоги свои. — Выйдя в отставку, Е. И. Герцен из казенной квартиры переселился в собственный дом в Малом Власьевском переулке (ныне № 7).
365
...купить самый дом, я ему бы охотно продал... — Речь идет о продаже принадлежавшего Герцену дома на углу Сивцева Вражка и М. Власьевского переулка (ныне № 25/9). Этот дом в семье Герцена называли «большим».
41. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 215—216. На обороте почтовая печать: «Roma 25 Apr. 48» и штемпель: «Assicurata».
...еду во Флоренцию, откуда собираюсь в Турин ~ Я в это время буду где-нибудь в Пиэмонте. — См. комментарий к письму 40.
42. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 216—218. На обороте полустертые почтовые печати: «Lion 4 mai 48», «Strasbourg 5 mai 48», «Erfurt 7/5»; другие неразборчивы.
...протом... — Протестом. Протест по векселю — юридический акт, фиксирующий неплатеж по нему.
Получили ли вы мое письмо... — Речь идет о письме 41.
...в фальите... — В ликвидации (от франц. faillite).
43. Ю. Б. МЮЛЬГАУЗЕН (приписка)
Печатается по автографу (ЛБ). Приписка к письму М. Ф. Корш. Впервые опубликовано: ОРГ, стр. 75; письмо М. Ф. Корш с припиской Герцена: ЛН, т. 41—42, стр. 66—68. Письмо и приписка относятся ко времени пребывания Герценов в Италии, дата определяется на этом основании.
44. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 134 — 135.
...мы, может, и не будем здесь, но нам маменька перешлет письмо. — Видимо, именно по конспиративным соображениям Герцен предлагает письма адресовать не на его имя и о своем дальнейшем пребывании в революционном Париже пишет как о чем-то маловероятном.
45. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 218—219, с ошибочно проставленной датой: «8 июля». На обороте почтовая печать: «Paris 8 Juin 48».
366
Денежные хлопоты и переговоры ~ заставили меня, вопреки моему плану, возвратиться сюда... — В письме, отправляемом в Россию по почте, Герцен из опасения перлюстрации объясняет свой приезд в революционный Париж чисто деловыми мотивами. Подлинную причину своего возвращения в Париж Герцен раскрыл в «Письмах из Франции и Италии»: «С каким восторгом летел я снова в Париж, как было не верить в событие, от которого потряслась вся Европа, — в события, на которые отвечала Вена, Берлин, Милан» (Письмо девятое, V, 133). Ср. комментарий к письму 40.
...отдал или нет Рейхель деньги ~ я у него не просил и не торопил его, зная его дела... — См. письмо 34.
Окончивши дела с Турнейсеном, я отправляюсь в Лондон и оттуда уже начну обратный путь... — Написано, очевидно, в целях дезинформации — в расчете на перлюстрацию письма.
46. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете

(Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 136 — 138.
...что Василий Петрович перестанет спорить о буржуази. — Имеются в виду возражения
В. П. Боткина против сказанного Герценом в письме к М. С. Щепкину от 23/11 апреля 1847 г. (см. комментарий к письмам 7 и 11) и его отрицательная реакция на оценку буржуазии в «письмах из Avenue Marigny» (см. комментарий к письму 31).
47. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: «Печать и революция», 1926, № 2, стр. 72—82.
В настоящем издании исправлены описки, имеющиеся в автографе:
Стр. 81, строка 28: «я советую, читая его историю, быть осторожными», вместо: «я советую,читая его историю, советую быть осторожными»;
Стр. 88, строка 12: «коронованной головы», вместо: «короновой головы».
...о соколовской жизни... — О жизни Герцена и его друзей летом 1845 и 1846 гг. в селе Соколово близ Москвы рассказано в «Былом и думах» (IX, 207—212).
...тут вопрос, громко поставленный 15 мая... — Герцен имеет в виду народную демонстрацию 15 мая 1848 г. в Париже, свидетелем которой он был и неудачный исход которой он проницательно оценил как симптом близкого поражения Республики и торжества буржуазной контрреволюции. О демонстрации 15 мая см. «Письма из Франции и Италии» — V, 132—133 и 474 —475.
...8000 трупов ~ их трофеи... — При подавлении июньского восстания парижского пролетариата было убито на баррикадах свыше 500 повстанцев и не менее 11 тысяч было умерщвлено после боев. Общее количество арестованных составило около 25 тысяч человек.
...Ж. Санд хотели посадить в тюрьму, другие разбежались. — Разгул реакции после июньских дней вынудил Луи Блана и Коссидьера эмигрировать в Англию. Хотя оба они (как и Жорж Санд) были совершенно непричастны к восстанию, Учредительное собрание разрешило главному прокурору привлечь их к судебной ответственности.
Все защитники буржуази, как вы... — Это — продолжение и развитие спора Герцена с членами его московского кружка о буржуазии и ее исторической роли (см. письма 7, 11, 31, 33).
367
...транзакции... — соглашения (от франц. transaction).
...читайте Прудонову речь в Ассамблее... — Герцен имел в виду речь Прудона в Учредительном собрании 31 июля 1848 г., посвященную обоснованию внесенного им законопроекта о ликвидации экономического кризиса и безработицы посредством одновременного снижения всех долговых обязательств, арендных платежей, цен и т. д. Взбешенное таким «посягательством» на частную собственность, буржуазное большинство депутатов устроило оратору исступленную обструкцию. В ответ Прудон пригрозил своим противникам, что, в случае отказа, «мы приступим к ликвидации сами, без вас», пояснив: «Когда я употребляю два местоимения „вы" и „мы", то очевидно, что в данный момент я отождествляю себя с пролетариатом, и что вас я отождествляю с классом буржуазии» (Compte rendu des séances de l'Assemblée nationale, séance de 31 juillet). К. Маркс писал впоследствии (письмо к Швейцеру от 24 января 1865 года) об этом выступлении Прудона, что «хотя оно и обнаружило, как мало он понимал все происходящее», оно «заслуживает всяческой похвалы. После июньского восстания это было актом высокого мужества» (К. Маркс. Нищета философии, М., 1956, стр. 168—169).
...читайте Ламенне, последний № «Peuple constituant». — В результате введения Учредительным собранием денежного залога в 25 тыс. фр. для газет, Ламенне вынужден был прекратить издание газеты «Peuple constituant». В последнем номере от 11 июля 1848 г. Ламенне клеймил классовый характер политики Учредительного собрания: «Ныне нужно
Революция 24 февраля была coup de main... — В более развернутом виде эти выводы изложены Герценом в цикле «Опять в Париже» («Письма из Франции и Италии») — см. V, 153 — 189 и 348 — 374.
Василий Андреевич Ламартин — и Андрей Александрович Марраст. — Герценовская оценка этих деятелей революции 1848 г. выразилась в придании первому из них имени отчества Жуковского, второму — имени отчества Краевского — беспринципного литературного дельца.
...знамя, которое солдат таскал по крови всех народов? — Трехцветное знамя было государственным знаменем наполеоновской империи.
26 февраля пошла республика назад... — В других случаях Герцен писал, что реакция началась с 25 февраля (см., например, V, 350). Последняя дата точнее передавала мысль Герцена, что началом попятного движения Республики явился отказ Временного правительства принять требование рабочих о признании красного знамени государственным флагом. Этот конфликт имел место 25 февраля 1848 г.
...800 дураков ковали цепи Франции... — Общее количество депутатов

Учредительного собрания составляло 880 человек.
...пять изменников не смели прямо сказать слов. — После открытия Учредительного собрания Временное правительство сложило свои полномочия и было заменено Исполнительной комиссией из 5 членов: Араго, Гарнье-Пажес, Ламартин, Мари, Ледрю-Роллен. Упрекая этих буржуазных деятелей в «измене», Герцен обнаруживал, как и в некоторых других случаях, непонимание классовых корней политики буржуазных республиканцев. Члены Исполнительной комиссии сами возглавили лагерь буржуазной реакции и намеренно проводили политику подготовки разгрома пролетариата и революционно-демократических сил.
Кто был честен 15 мая, тот в тюрьме или бежал. — Вследствии событий 15 мая были арестованы А. Барбес, Альбер, Распайль, Собрие и несколько позднее — О. Бланки. Привлеченные (в августе 1848 г.) к ответственности за события 15 мая, Луи Блан и Коссидьер бежали из Франции.
368
...сон, который продолжался от 12 января... — От момента восстания в Палермо (Сицилия), послужившего началом революции 1848 г. в Италии.
Я, с своей стороны, тоже начал историю... — Герцен имеет в виду начатую им серию статей- писем «Опять в Париже». Первая статья датирована 1 июня 1848 г. (см. V, 303).
Георг — после своей несчастной попытки... — Речь идет о Гервеге, который после Февральской революции возглавлял «Немецкое демократическое общество» в Париже и организовал из немецких эмигрантов вооруженный отряд. Вторжение руководимого Гервегом «немецкого легиона» на германскую территорию в конце апреля 1848 г. окончилось полным разгромом его войсками баденского правительства.
О Сазонове я ничего не могу сказать... — О Н. И. Сазонове и своих взаимоотношениях с ним Герцен рассказывает подробно в «Былом и думах» (X, 315—333). На их отношения в период революции проливают свет также письма Н. И. Сазонова к Герцену (ЛН, т. 62, стр. 522—545).
...спросите небольшую статейку по поводу Июньских дней. — Эта статья Герцена — «После грозы» — была послана с П. В. Анненковым, а до того, в более ранней редакции, была отвезена в Москву Н. А. Тучковой (см. VI, 500).
...Мара свое дело знал, и без него плохо. — Данная здесь оценка деятельности и заслуг Марата убедительно характеризует подлинно революционные убеждения Герцена, которые лишь укреплялись у него при сопоставлении опыта Великой французской революции с исходом революции 1848 г.
Истории своей ~ не пошлю. — Отказавшись от первоначальной мысли послать с этим же письмом московским друзьям свою «историю реакции» для объяснения июньской трагедии и поражения революции, Герцен далее излагает, — намного подробнее, чем в первой части письма, — содержание законченного им недавно (20 июня) второго и задуманного третьего писем из серии «Опять в Париже».
...знаменитый залп ~ был вызван клубистами и монтаньярами... — Речь идет о расстреле королевскими войсками 23 февраля вечером на бульваре Капуцинов, возле здания министерства иностранных дел, большой колонны демонстрантов. Событие это стало переломным моментом в развитии Февральской революции, после которого народное восстание в Париже приняло огромный размах. Версия, которую излагает Герцен и здесь и во втором письме «Опять в Париже» (V, 328—329), будто расстрел демонстрантов был спровоцирован революционерами — участниками тайных республиканских обществ, почерпнута из тогдашних памфлетов и не соответствует действительности.
...фонс... — источник (лат. Мпб).
Млекодушный Ламартин... — Ср. сказанное в письме 50 о Ламартине: «Я его ненавижу ... как молочную кашу, которая вздумала представлять из себя жженку...»
...27 апреля сделала она свою манифестацию... — По всей видимости, у Герцена здесь ошибка памяти или описка, так как события, о которых он упоминает, относятся к 16 апреля. В этот день новая рабочая демонстрация в Париже, требовавшая от правительства ускорения обещанных мероприятий по «организации труда», потерпела неудачу, что дало возможность буржуазной реакции в тот же день и в следующий развернуть враждебные пролетариату контрдемонстрации.
...проделок писаря у исправника, о котором так превосходно рассказывал Михаил Семенович. — Очевидно, имеется в виду тот же устный рассказ М. С. Щепкина, который Герцен упоминает в дневнике 1844 г.
369
(II, 343—344) и в «Былом и думах» (VIII, 222—223). Этот рассказ см. и в «Записках актера Щепкина» («Михаил Семенович Щепкин», М., 1952, стр. 123 — 124).
...электоральные... — избирательные (от франц. — électoral).
...и положительно ~ Луи Блан. — Предположение об участии Луи Блана в организации выступления 15 мая было ошибочным. Луи Блан не был причастен к руководству этой демонстрацией.

...криёрам... – Продавцы газет (от франц. crier – кричать), выкрикивавшие названия газет и последние новости.
Мещане боялись мильярда податей... – 15 мая Барбес в своем выступлении в Учредительном собрании потребовал введения специального миллиардного налога на крупных землевладельцев и капиталистов для покрытия нужд республики и для помощи трудящимся.
...будет препятствовать всякому претенденту... – Подразумеваются претенденты на трон.
...Бланки ~ нечистый человек... – В марте 1848 г. правительственные круги, встревоженные растущим влиянием Бланки в массах и его разоблачениями, опубликовали фальшивый документ («документ Ташеро»), который должен был представить Бланки предателем, выдавшим в 1839 г. следственным органам своих товарищей по руководству тайным революционным обществом «Времена года». Хорошо рассчитанная клевета, подхваченная луиблановцами и мелкобуржуазными демократами, нанесла большой ущерб репутации Бланки и произвела некоторое впечатление даже на Герцена. Но в целом отношение Герцена к Бланки оставалось положительным, как видно из его высказываний в «Письмах из Франции и Италии» (см., например, V, 138, 163, 169 и др.) и «С того берега». С величайшим пиететом Герцен отзывался о Бланки впоследствии – в статье «Порядок торжествует!» (1866) – см. XIX, 178–179.
Журналы вытребовали их имена ~ в «Монитере». – После долгих настояний части республиканской прессы и общественности в правительственном официозе – «Монитере» были опубликованы списки лиц, сосланных в Алжир и в другие колонии за участие в июньском восстании.
Des lampions, des lampions! – «Фонарики, фонарики!» – припев французской народной песни.
Удивительный Рейхель ~ выпроводил как-то». – Видимо, именно эпизод спасения А. Рейхелем одного из братьев Боке после подавления июньского восстания передается у Рейхель, стр. 63.
...не поэтизирует ли Ж. Санд в своих «Compagnons»... – Речь идет о романе Ж. Санд из жизни французских рабочих «Le compagnon du tour de France» («Странствующий подмастерье»). В ответ на упреки в идеализации героев этого романа Ж. Санд заявила в предисловии к изданию 1851 г., что ставила своей задачей «создание типа пролетария, обладающего исключительной привлекательностью и серьезностью, с тем чтобы у всех мыслящих рабочих возникло желание подражать ему».
...эписье... – лавочники (от франц. épicier).
Кстати, Аффра убила национальная гвардия... – Парижский архиепископ Аффр, явившийся перед баррикадами на площади Бастилии с призывом к примирению, был убит не повстанцами, как это утверждали реакционные круги, а выстрелом из рядов правительственных войск.
«Nun jetzt ist es aus mit der Schwäbischen Schule!» – «Теперь конец швабской школе!» (нем.). Швабская школа – национально-романтическое направление в германской поэзии первой половины XIX века, во главе которого стоял Л. Уланд.
Тургенев написал маленькую пьеску, очень милую, для театра, и пишет другую для Михаила Семеновича. – Речь идет о комедиях «Где тонко, там и рвется» и «Нахлебник».
370
...директория транспортировала якобинцев. – Директория 1795–1799 гг., олицетворявшая торжество буржуазной реакции во Франции, жестоко расправлялась с оставшимися верными демократическим убеждениям якобинцами, отправляя их на каторгу и в ссылку в колонии.
...я постараюсь со временем развить подробнее. – Обещание это Герцен вскоре выполнил в статье «LVII год республики, единой и нераздельной», датированной 1 октября 1848 г., и в четвертом письме из цикла «Опять в Париже», датированном 10 октября того же года (см. VI, 49 и сл.; V, 374 и сл.).
48. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 138–140.
...Тургеневу о комедии... – Имеется в виду «Где тонко, там и рвется».
...что здесь делается на наших глазах – от этого можно сойти с ума. – Имеются в виду репрессии против парижского пролетариата и революционно-демократической интеллигенции, проводившиеся после Июньских дней.
Скажите Кавелину ~ горечь, желчь. – Герцен выражает сочувствие Кавелину в связи с его вынужденным уходом из Московского университета.
...Федору. – Кто этот Федор, выяснить не удалось.
49. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39–40, стр. 219–220.
Письмо Ключарева, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

50. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано неполно: «Современник», 1912, кн. IV, стр. 196 – 199; полностью (но без приписки Н. А. Герцен к М. Ф. Корш): Л V, 232–238, по копии, снятой А. Н. Пыпиным с подлинника. Приписка Н. А. Герцен опубликована: ГНМ, стр. 109.

...Собрание вотирует конституцию в état de siège... – Конституция Второй республики была принята Учредительным собранием 4 ноября 1848 г., а проект ее обсуждался в Собрании в течение сентября – октября, т. е. в период, когда в Париже сохранялось осадное положение, введенное 23 июня и остававшееся в силе до 19 октября.

...когда Собрание назначило безобразную комиссию... – Следственная комиссия о событиях июньского восстания и демонстрации 15 мая, созданная Учредительным собранием в конце июня 1848 г., состояла из 15 человек, по большей части – ярых врагов республики и демократии, во главе с лидером династической оппозиции времен июльской монархии – Одилоном Барро.

371

...«l'état c'est moi»... – Слова французского короля Людовика XIV, сказанные им, по преданию, в 1668 г. чиновникам фрондированных высших судебных палат: «Вы думали, господа, что государство – это вы? Государство – это я».

...депортированных... – сосланных (от франц. déporter – ссылать).

Прудон осмелился ~ много взял? – На страницах своей газеты «Le Peuple» Прудон заявил, что хотя восстание было «незаконным» и «мятежным» актом, но оно явилось плодом отчаяния рабочих, деморализованных голодом, безработицей и крушением надежд на социальное переустройство общества. Поэтому, доказывал Прудон, в июньском восстании «нет виновных, имеются лишь жертвы». Протестуя против жестокой расправы с повстанцами, газета Прудона осторожно выдвигала предложение об амнистии. Несмотря на всю робость и непоследовательность этих выступлений Прудона, они повлекли за собой конфискацию многих номеров его газеты, а в конце концов – ее запрет Кавеньяком.

...Митчель имеет комнату... – Речь идет об условиях тюремного заключения арестованного в мае 1848 г. деятеля ирландского национально-освободительного движения Д. Митчела.

...из мальчишек сделали войско (mobile) в три недели. – После Февральской революции Временное правительство создало в Париже особую «мобильную гвардию», в короткий срок составившую 24 батальона по тысяче человек в каждом. Основная масса «мобилей» рекрутировалась из люмпенпролетарской молодежи. Расчет правительства – использовать против пролетариата неустойчивые и деклассированные элементы парижской улицы – оправдался в Июньские дня.

...в прошлогодней борьбе с Зондербундом. – Мятежный союз семи католических кантонов Швейцарии – Зондербунд, объединивший реакционные силы страны, – был в ноябре 1847 г. разгромлен войсками швейцарского сейма, организованными по милиционной системе.

...на единодушии кроатов и маджаров далеко не уедешь. – Австрийские власти комплектовали свои войска в Италии главным образом из мадьярских и хорватских полков, так как солдаты этих национальностей, под влиянием традиционной национальной розни, относились неприязненно к итальянскому населению и видели в Австрийской империи оплот против итальянских притязаний на северо-восточную Адриатику и Далмацию.

...к сказке, которую Анненков везет в тетради. – Рукопись статьи Герцена «После грозы», которую он послал московским друзьям с П. В. Анненковым.

...как некогда Белинский строил русскую историю ~ превращал в необходимые. – Герцен напомнил о статьях В. Г. Белинского, написанных им в 1839 – 1841 гг. в период увлечения гегелевской философией и формулой «все действительное разумно». См. о спорах Герцена с Белинским по этому вопросу в «Былом и думах» (IX, 22–28).

...письмо от МарьиЛьвовны Огареву... – Это письмо неизвестно.

...мои письма ~ о Париже... – Вероятно, имеются в виду 9 и 10 «Письма из Франции и Италии» – «Опять в Париже», датированные 10 июня и 1 сентября 1848 г. (V, 132–176).

...Боке 2-й в бегах... – Ср. письмо 47 и комментарий к нему.

Коссидьер без пашпорту отлучился, Луи Блан тоже. – Намек на эмиграцию Коссидьера и Луи- Блана – см. комментарий к письму 47.

...«Le Peuple» Каваньяк опять запретил. – «Le Peuple» была запрещена вслед за появлением пробного номера (2 сентября). После отмены осадного положения Прудон возобновил издание газеты, которая стала выходить с конца октября еженедельно, а с конца ноября – ежедневно.

372

...гранит у Тортони... – Известное Парижское кафе с итальянским (твердым) мороженым. ...Консьержери... – Тюрьма в Париже.

...из Венсена — Замок-тюрьма, преимущественно для политических заключенных, в городке Венсене близ Парижа.
На днях будут их судить. — Суд над Барбесом, Распайлем, Бланки, Собрие и другими участниками событий 15 мая состоялся много позже, в марте 1849 г.
51. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 220—223.
На обороте почтовая печать: «Paris 8 Sept. 48».
Письмо Ключарева от 12 (24) августа 1848 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно,
...нравственное правило насчет состояния. — О месте, которое должны занимать в жизни человека деньги, о значении материальной обеспеченности — Герцен задумывался, еще не будучи обладателем большого состояния. См. записи в дневнике 1844 г. — II, 376, 386. К той же теме Герцен возвращается в письмах 70 и 71.
К Огареву я прилагаю записку... — Эта записка неизвестна.
52. М. Ф. КОРШ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано, без приписки Н. А. Герцен: Л V, 241 — 242, по копии, снятой А. Н. Пыпиным с подлинника; приписка Н. А. Герцен — ГНМ, стр. 109 — 110. Перед текстом письма, после слова «Эпиграф» наклеена вырезка из газеты «La Réforme» от 8 сентября 1848 г. На первом листе автографа детским почерком написано: «Тата».
...Боке... — См. о нем в «Письмах из Франции и Италии» (V, 133) и в письмах 47 и 50.
...Бельвю... — Belle vue — деревушка в 9 километрах от Парижа.
...моя передряга с здешней полицией. — Имеются в виду арест Герцена и П. В. Анненкова во время Июньских дней и последующий обыск на квартире у Герцена. См. об этом «Былое и думы» (X, 29—35) и письмо 47.
53. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 17. Дата устанавливается по содержанию письма: на Rue Neuve St. Augustin в Париже Гервег поселился после своего возвращения из «баденского похода» — в середине июня 1848 г. П. В. Анненков покинул Париж в начале сентября того же года.
...С.-Клу. — Городок в 9 километрах от Версаля.
Анненкопф... — Шутливая переделка фамилии Анненкова на немецкий лад («Kopf по-немецки — голова).
Ответ Г. Гервега неизвестен. Поскольку за 1848 — 1850 гг. сохранилось только 19 писем Г. Гервега к Герцену, в комментариях к последующим письмам не оговаривается отсутствие ответных писем Г. Гервега.
373
54. Н. А. ТУЧКОВОЙ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: «Русские пропилеи», т. 1, М., 1915, стр. 246—248. Датируется на том основании, что является первым письмом к Н. А. Тучковой после отъезда ее в августе 1848 г. из Парижа; в следующем письме — от 17 октября — Н. А. Герцен замечает, что давно собиралась писать Тучковой — следовательно, между ним и предыдущим (комментируемым) письмом был значительный интервал.
55. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Письмо Ключарева от 18 (30) сентября 1848 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно.
Если г-жа Каппель будет приставать... — О долге Огарева С. Ф. Каппель см. в письме 18. 21 (9) октября 1848 г. Огарев сообщил Герцену: «Мте Cappe11e я заплатил весь долг...» (ЛН, т. 61, стр. 776).
...переслать ~ письмо через верного человека Марье Федоровне... — Это письмо к М. Ф. Корш неизвестно.
56. Н. П. ОГАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГНМ, стр. 62—64.
...Алексей Алексеевич едва успел окончить тебе повесть о событиях... — А. А. Тучков, оставивший Париж в августе 1848 г., имел возможность полностью информировать своего соседа по имению Огарева о последних событиях во Франции.
Жаль, что тебя не было в Москве, когда Марья Федоровна приехала... — Другим источником информации о Герценах и о политической ситуации во Франции могла служить для Огарева М. Ф. Корш, возвратившаяся в Россию из Парижа вместе с Тучковыми.
Такую тоску выносил человек только один раз, в падающем Риме... — Аналогия между осужденной на гибель буржуазной Францией (и Европой в целом) и падающим Римом проходит через всю книгу «С того берега».
...возьми ты любую точку старой Европы и любую сторону новых учений, — ты увидишь их антагонизм и отсюда или необходимость Византии или нашествия

варваров... — Считаясь с вероятной перлюстрацией письма, Герцен прибегает к условным названиям и обозначениям. Под «новыми учениями» разумеется социализм. «Византией» Герцен называет изживший себя буржуазный строй. «Нашествие варваров» — низвержение капиталистического строя рабочим классом.
...работников не пускают из департаментов... — О мерах, принятых для предотвращения массового наплыва в Париж революционно-пролетарских элементов, Герцен пишет и в письме 47.
Выпиши из Москвы от Грановского статейку мою «Перед грозой». — См. об этой статье в письмах 47 и 50.
Я тебе писал нечто вроде выговора по финансовой части... — Это письмо Герцена не сохранилось.
...если Каппель очень будет приставать, то переписать твой вексель ~ Да плати проценты. — См. письмо 55.
374
...Эрн ~ как в воду канул... — См. неоднократные упоминания об этом в письмах к Г. И. Ключареву.
Я думаю, кончится тем, что и я поселюсь где-нибудь между Яхонтовым и Старым Актином... — Отвечая на это письмо, Огарев писал 16 (4) декабря 1848 г.: «...я, саго шю, не разделяю твоего мрачного взгляда на эти вещи, не смотрю с десперацией на Запад и не думаю, чтоб поселиться между Москвой и Акшином было радостно» (ЛН, т. 61, стр. 777).
57. Е. А. и Н. А. ТУЧКОВЫМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано, вместе с предшествующим ему в автографе письмом Н. А. Герцен: «Русские пропилеи», т. 1, М., 1915, стр. 248—251; записка о книгах (в исправном виде) — Л V, 251—252. Считалось, что это две самостоятельные эпистолярные единицы, в связи с чем в Л V они напечатаны отдельно. Однако совпадение в обоих автографах адресатов, даты и даже сгиба на бумаге убеждают в том, что это единое письмо. Косвенным подтверждением могут служить и слова из письма Н. А. Герцен: «О книгах пусть напишет вам Александр». Кроме того, записка о книгах не запечатана, а только сложена вчетверо и очень мала по формату, так что она не могла быть отдельно отправлена по почте. На записке о книгах читается дата «17 октября 1848», но она, очевидно, проставлена позднее, т. к. написана не рукой Герцена и другими чернилами.
Н. А. Герцен писала: «Я и дети, и все здоровы. В занятиях Саши я то же, что ключик в часах. Утром он читает или пишет со мной по-русски, играет на фортепьяно, потом Боке, старший (вы знаете, что он выздоровел), остается с ним два часа, в гимнастику он ходит уж один, потом рисованье или Рейхель — а вечером приходит к нему немец — созданье Ж.-Ж. Руссо — говорить с ним по-немецки. Я свободна и покойна и — если б вы были со мной — как бы мы погуляли! — Тата мила, весела и умна, она почти всегда со мной и почти никогда не в тягость. — Коля остается на зиму здесь. Мы живем всё на той же квартире, может, перейдем в те комнаты, где вы жили. С неделю тому назад мы собрались совсем в Италию и — и остались. Анненков давно уехал, он не привезет вам портретов, а привезет их вам Селиванов. — Тургенев все время жил на даче, приезжал в Париж на минуту и сейчас занемогал. Недавно он был здесь, мы виделись с ним в театре, и как-то теплее, чем прежде. — Я передала ему все, что ты поручала, Natalie, он сказал, что часто вспоминает тебя, что «яркими красками описал тебя там, где он находится», — он говорит, что ему весело и хорошо. Emma вас помнит и много любит, мы видимся довольно часто и всегда говорим о вас. Spini пишет: «Quanto m'ha
Об общем ничего особенно нового, особенно яркого нельзя сказать. Старое здание все приближается более и более к разрушению, искусственные подпорки не долго поддержат его; камни падают вокруг, иные совсем превратились в песок и сыпятся... Не только жить, даже участвовать в создании нового нам не удастся, ну хоть помогать разрушенью старого!»
...«Manon Lescaut»... — Роман Прево.
...«Décadence»... — «Etudes sur les poètes latins de la décadence» (1834) — «Этюды о римских поэтах периода упадка».
375
...Гиббон. — Имеется в виду многотомная «История упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788).
...Milne-Edwards'a... — автора известного курса зоологии
...геологию Лейля. — Классический труд Лайелля «Principles of geology» —«Основы геологии» (1830—1833).
58. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 223—224. Слова «оно не готово и я посылаю без него» (стр. 109, строка 16 сн.) написаны Герценом, очевидно, позднее — над предыдущей фразой.
Письмо Ключарева от 14 октября (н. ст.) 1848 г., на которое отвечает Герцен,

неизвестно.
...не считаю действительно выгодным давать деньги взаймы ~ этот случай составляет ~ исключение. — Речь идет о займе Огареву в 25 тысяч рублей сер. (см. Письмо 28). Дело это сильно затянулось, потому что надобность в деньгах у Огарева одно время отпала (см. письмо его к Герцену от 5 января 1848 г. — ЛН, т. 61, стр. 774); кроме того, выплата денег задерживалась из-за каких-то формальностей или из-за трений между Огаревым и Ключаревым (см. ЛН, т. 61, стр. 776).
269[269] «Как меня огорчило то, что я услышал о возвращении М-е11е Натальи в Россию, прежде всего за этого дорогого ангела, а потом за вас...»
Я действительно писал ему о разных важных тратах... — Это письмо к Огареву неизвестно. ...вспомнили 22 октября. — 22 октября (ст. ст.) — день рождения Н. А. Герцен (жены).
59. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 144—145, вместе с отправленным одновременно письмом Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой (там же, стр. 140 — 144).
В своем письме Н. А. Герцен сообщала: «Давно уже я поджидала от тебя письмо, моя Таня, и вот наконец приносят толстый пакет, — мы всегда ужасно рады с Александром, и точно дети вырываем друг у друга из рук письмо ... Ты так жалеешь, что мы одиноки, — да, мне ужасно жаль, что нет с нами тех, которых нет, но мы не одиноки. Много встречается хороших людей, а потом своя семья — да что и говорить, что касается до личного, я не могу себе представить существования полнее... Мы видаемся часто с семейством Гораса (объяснение у Марьи Федоровны), хорошие люди, очень хорошие, с ними как-то просторно, широко делается. — Сюда приехала Марья Львовна Огарева, мы видаемся с ней довольно часто... Жажда покоя — естественна, это реакция после муки, после родов, но она недолго продолжается, роды были несчастливы, надежды не исполнились, снова начинается брожение, окрепнувшие силы ищут деятельности, а сколько нужно твердости на то, чтоб примириться с мыслью не видать ребенка, который родится, не знать, когда, и как, и какой он родится! — Но будем тверды, оттого что слабыми быть нельзя... В Германии сильно шевелятся, что-то из этого будет? — Да, это сравнение мне самой нравится: в настоящую минуту мы все беременны, а ребенка вряд ли увидим! — Много любви надо на то, чтоб носить его и лелеять в себе».
Ответ на письмо С. И. Астракова от 23 (11) октября 1848 г. (ЛН, т. 62, стр. 12—14).
...сумма-то работников ~ увеличивает результат выработанного в карман фабриканта». — В своем письме С. И. Астраков пытался выразить
376
математической формулой зависимость между суммой прибыли фабриканта и количеством эксплуатируемых им рабочих.
..мои статейки. — Вероятно, имеются в виду «Письмо десятое» на «Писем из Франции и Италии» и ряд статей из будущей книги «С того берега» («Перед грозой», «После грозы», «LVII год республики единой и нераздельной»), пересылавшиеся Герценом московским друзьям с отъезжающими в Россию.
...трубку поставили... — А. В. Щепкина писала о Т. А. Астраковой: «Она курила трубку с
очень длинным чубуком» (Воспоминания А. В. Щепкиной. Сергиев Посад, 1915, стр. 173).
60. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: Л V, стр. 242—247, по копии, снятой
А. Н. Пыпиным с подлинника.
...Собрание осупоросилось плюгавой конституцией ~ косого кретина... — Учредительное собрание утвердило текст конституции 4 ноября 1848 г. и тотчас же, еще до вступления конституции в силу, назначило на 10 декабря выборы президента республики. Уже тогда обозначилась вероятность избрания президентом принца Луи Бонапарта, кандидатуре которого сулили успех бонапартистские симпатии крестьянства и растущая поддержка монархически настроенных группировок крупной буржуазии. Мысли Герцена по поводу конституции Второй республики были изложены в статье «Vixerunt!», вошедшей в книгу «С того берега» (VI, 62—85).
...президента вовсе не надо. — Учреждение поста президента республики было одобрено большинством Учредительного собрания вопреки настояниям ряда демократов и республиканцев, доказывавших, что этот институт может быть использован в реакционных целях.
...казнь за аристократию, за развитие одного меньшинства. — Мысли Герцена об аристократической узости европейской цивилизации, обеспечивающей развитие одного лишь эксплуататорского меньшинства и чуждой огромному большинству трудящихся, и

о роковом влиянии этого обстоятельства на ход истории были развиты, незадолго до этого письма, в статье «LVII год республики, единой и неразделыной» и повторялись затем в других главах книги «С того берега».
...импасса... – тупика (франц. impasse).
.. .демократическая партия... – Герцен подразумевал под «демократической партией» левых республиканцев и мелкобуржуазных демократов, группировавшихся вокруг газеты «Реформа» и имевших своим лидером Ледрю-Роллена. Они враждебно относились к идеям социализма и принимали участие в кровавой расправе с рабочим движением в Июньские дни.
...статейку о том же предмете. – Речь идет о статье «LVII год республики, единой и неразделыной».
Как глупо, пошло известили они о смерти Белинского. – В связи с тяжелым гнетом реакции «Современник» мог отозваться на смерть Белинского лишь несколькими невыразительными строками, где сообщалось только о кончине «известного литератора Виссариона Григорьевича Белинского» и указывалось, что «плоды его непрерывной осьмнадцатилетней деятельности весьма многочисленны». Герцен прочел эти строки в № 6 «Современника» за 1848 г., стр. 173.
...речь, которую он при нас говорил на банкете. – По всей вероятности, Герцен имел в виду речь Прудона, произнесенную 15 октября 1848 г., на республиканском банкете на бульваре Пуассоньер. В этом «Тосте за
377
революцию» Прудон критиковал формальный «республиканизм» демократов «Горы 1848 г.» во главе с Ледрю-Ролленом, их враждебное отношение к социализму и стремление ограничить революцию 1848 г. политическими преобразованиями.
...на трехцветную не гнул и никакого ламартыжничества не чинил (все это вместе – шпилька Павлу Васильеву). – Трехцветное знамя, ставшее государственным флагом Франции в февральские дни 1848 г., – воплощение реакционных, антидемократических устремлений первого временного правительства французской республики во главе с Ламартином. П. В. Анненков в оценке событий 1848 г. стоял на враждебных Герцену антиреволюционных позициях. (См. письма 47 и 50.)
...в «Шаривари» написана первая глава истории, как ее преподают теперь здесь. – В № 308 «Charivari» от 3 ноября 1848 г. был напечатан анонимный фельетон «La journée du prince» («День принца»), в котором высмеивался претендент на президентское кресло Луи Бонапарт. Автор изобразил его упрямым и тупым невеждой, не владеющим даже письменной и устной французской речью. На вопросы своего учителя истории Наполеон отвечает так: – Кто основатель французской монархии? – «Наполеон». – Как звали короля, выигравшего битву при Арбеле? – «Наполеон». – Кто соорудил парижские укрепления? – «Наполеон». – Кем была уничтожена Помпея? – «Наполеоном».
...«Rien n'est changé ~ de plus». – Каламбур из того же фельетона в «Шаривари», основанный на двояком значении слова suisse во французском языке (швейцарец и швейцар) и на том факте, что Луи Наполеон смолоду проживал эмигрантом в Швейцарии. Вымышленная «речь» Луи Наполеона получала такой смысл: «Ничего во Франции не изменилось, лишь одним швейцаром стало больше».
...вместо «pourquoi» ~ «bourguoi». – Каламбур из того же фельетона, являющийся как бы продолжением предыдущего: именно швейцарцы (из немецких кантонов) обычно допускали подобное искажение французских согласных – в результате чего слово «почему» становится похожим на «буржуа».
...каутеризацию. – Прижигание (от франц. cauterisation).
...экстерминации... – истреблении (от франц. extermination).
Это будут сентябрьские дни – в продолжение годов. – Дни 2–6 сентября 1792 г. ознаменовались в Париже и в провинции массовым революционным террором против аристократии, народными самосудами и казнями заключенных в тюрьмах контрреволюционеров. Утверждение Герцена, что грядущая социалистическая революция
будет ознаменована разрушением прежней цивилизации и длительным революционным террором масс, было развито в ряде глав книги «С того берега».
...коррозивное... – едкое, разъедающее (франц. corrosif).
Здесь образовалось теперь колоссальное общество... – Герцен сообщал об оформившейся в начале ноября 1848 г. организации «Республиканская солидарность», которую создала группа мелкобуржуазных демократов-депутатов Учредительного собрания. «Республиканская солидарность» имела официальной задачей ведение избирательной кампании на президентских выборах в пользу кандидатуры Ледрю-Роллена и сплочение вокруг нее всех сил демократического лагеря. С легальной деятельностью она сочетала конспиративную. После избрания президентом Луи Наполеона «Республиканская солидарность», насчитывавшая к январю 1849 г. несколько сот местных отделений и около 20 тысяч членов, подверглась полицейскому разгрому.

...Е. Жирарден валяет Каваньяка и в ус, и в рыло. — После Февральской революции Жирарден демагогически заигрывал с демократическим движением и сторонниками социальных реформ. Кавеньяк, пользуясь осадным положением, введенным при подавлении июньского восстания,
378
закрыл газету Жирардена «La Presse» и арестовал его. Через короткий срок Жирарден был освобожден и развернул в своей газете яростную кампанию против Кавеньяка.
Герцен использует фразеологию «Современной песни» Д. Давыдова:
«А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврила
За измятое жабо
Хлещет в ус, да в рыло».
...электорального... — избирательного (франц. électoral).
...S. Jacques, S. Marceau... — Старые кварталы Парижа.
...драма, которую пишет Тургенев... — «Нахлебник».
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано в русском переводе: ЛН, т. 7—8, стр. 66, на языке оригинала: Carr, стр. 89. Год определяется упоминанием о кампании по выборам президента Французской республики, состоявшимся 10 декабря 1848 г.
...в Зале братства? — В «Зале братства» («Salle de Fraternité»), расположенном на улице Мартель, помещался основанный в феврале 1848 г. «Клуб работников Севера» («Club des travailleurs du Nord»), возглавлявшийся А. Даримоном, А. Коппенсом, Ж. Дельбаром и Т. Фолем. Клуб этот считался одним из самых «красных» в Париже (см. A. Lucas. Les clubes et les clubistes, P., 1851, стр. 246).
...Иван Пьянчугин... — Герцен намекает на пристрастие Н. И. Сазонова к спиртным напиткам.
...бургундскому департаменту ~ Кло де Вужо! — Провозглашая здравицу в честь бургундских вин («шамбертен», «романея» и др.), Герцен в шутку придает ей сходство с распространенными в то время революционными лозунгами.
...Гора... — Левая мелкобуржуазная фракция во французском Национальном собрании 1848 г.
62. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 224—226.
...ответа на мое последнее письмо... — См. письмо 58.
...он писал опять ко мне... — См. письмо Огарева от 21 (9) октября 1848 г. (ЛН, т. 61, стр. 774— 776).
...рейхелевских денег. — Возвратил ли Эрн деньги, неизвестно. В перечне сумм, полученных Ключаревым для Герцена (ср. Л XIV, стр. 10—11), они не значатся. В дальнейшей переписке с Ключаревым рейхелевский долг больше не упоминается.
63. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано (в русском переводе): ЛН, т. 7—8, стр. 66; на языке оригинала и в переводе: ЛН, т. 64, стр. 18. Год определяется по упоминанию о выступлении Л. Мерославского.
...пошел слушать речь Мерославского... — 29 ноября 1848 г. в Париже, в «Salle d'Antin», состоялось торжественное собрание, посвященное восемнадцатой годовщине польского восстания 1830 г. С речами выступили С. Ворцель, И. Г. Головин и Л. Мерославский. Полный текст речи Мерославского, в которой он призывал французский народ содействовать борьбе за освобождение Польши, см. в газете «Le Peuple», № 16 от 3 декабря 1848 г.
Лорд Сазонов, сраженный вчера в братоубийственной схватке с Делеклюзом, расскажет нам подробности своей кончины. — О Н. И. Сазонове и его участии в политической жизни Франции см. в «Былом и думах» (X, 315—333), а также: ЛН, т. 41—42, стр. 178—252, и т. 62, стр. 522—545. Схватка его с Делеклюзом, вероятно, была связана с избирательной кампанией.
64. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано: НПГ, стр. 145 — 146.
...тетрадь, посланную с Селивановым... — И. В. Селиванов, бывший вместе с Герценом свидетелем событий 1848 г. в Париже, в ноябре 1848 г. вернулся в Россию. Среди пересланного Герценом с ним в Москву было письмо 60 и статья «LVII год...» (вошедшая потом в книгу «С того берега»). См. письмо 60 и комментарий к нему.
Тата была очень больна... — См. главку «Тифоидная горячка» в «Былом и думах» (X, 234—235).
65. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 226. В конце письма рукой М. Ф. Корш написано: «По сему письму получила 200 руб.

серебром. Марья Корш».
66. П. В. АННЕНКОВУ
Печатается по автографу (ПД). Впервые опубликовано: «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 629–631.
Письмо П. В. Анненкова, на которое отвечают А. И. и Н. А. Герцен, неизвестно.
...полдень, 12-го ноября 1848 года ~ опять смотреть на праздник... – 12 ноября 1848 г. в Париже на площади Согласия состоялось торжественное обнародование конституции, принятой Национальным собранием 4 ноября. Церемонию эту Герцен описал в статье «УгхешпВ» («С того берега»).
Помните, как мы с вами умирали пять дней подряд... – Вероятно, речь идет о днях подавления восстания парижского пролетариата – 23–27 июня 1848 г.
С семьей Гораса... – Из опасения перлюстрации Н. А. Герцен не упоминает фамилию Г. Гервега, называя вместо нее имя его малолетнего сына.
...пророчество ваше сбылось, и она погибла? – «Она погибнет» – название повести П. В. Анненкова, незадолго до того напечатанной («Современник», 1848, № 8). Применительно к чему слова «она погибла» дважды фигурируют в данном письме (очевидно, в связи с какими- то разговорами с Анненковым вовремя его пребывания в Париже) – не вполне ясно. Самое вероятное, что речь идет о судьбах французской революции.
380
...dahin, dahin, wo die Zitronen blühen. – Туда, туда, где цветут лимоны (нем.) – из «Песни Миньоны» Гёте.
Ж. Боке так мало берег свое здоровье, что доктора обещают ему двухлетнюю болезнь... – Очевидно, намек на двухлетнее тюремное заключение. О Жане Баптисте Боке см. письма 47, 50, 52.
...брат его все еще болен. – Имеется в виду Камилл Боке, который в это время, очевидно, был в тюрьме или «в бегах» (см. о нем письма 47 и 50).
Гневный друг! // Грозный друг! – Шутливая перефразировка стихов «Старый муж, // Грозный муж» из песни Земфиры в «Цыганах» Пушкина.
...от пошлых выборов... – 10 декабря 1848 г. на выборах президента Французской республики подавляющее большинство голосов получил Луи Наполеон Бонапарт.
Тата ~ занемогла... – См. комментарий к письму 64.
...своей вечной болезнию. – Воспалением мочевого пузыря.
...статейку «Новый год»... – «LVII год республики, единой и нераздельной» («С того берега»).
...«Праздник»... – Впоследствии названо «Vixerunt!» («С того берега»).
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39–40, стр. 227.
Письмо Ключарева от 26 ноября (8 декабря) 1848 г. (в автографе Герцена дата по нов. стилю проставлена явно ошибочно: 6 декабря), на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...я писал к нему... – Это письмо к Огареву неизвестно.
Мы с ним сочтемся. – «Благодарю тебя за 25 тысяч сер. Я их получил, и все сделано по форме. Надеюсь в два года не погибнуть и расквитаться с тобой совершенно. Ты меня совсем поставил на ноги», – писал Огарев Герцену 16 (4) декабря 1848 г. (ЛН, т. 61, стр. 778).
Я писал Огареву насчет того, чтобы переписать векселя... – Это письмо неизвестно.
...вручить 200 сер. Марии Федоровне... – См. комментарий к письму 65.
68. Н. П. ОГАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: РМ, 1902, № 11, стр. 157.
Автограф поврежден (срезана верхняя часть листа). Датируется предположительно на основании содержания: Герцен в своем письме исходит из того, что Огарев мог уже получить и прочесть статью «LVII год республики, единой и нераздельной» («Новый год»), переправленную в Россию в начале ноября 1848 года с И. В. Селивановым.
...Таков ли был я расцветая, // Скажи, фонтан Бахчисарая! – Стихи из «Евгения Онегина» («Отрывки из путешествия Онегина»).
...с твоим женевским приятелем... – Речь идет о Джемсе Фази.
...ты переживаешь теперь вторую юность. – Имеется в виду, вероятно, любовь Огарева к Н. А. Тучковой.
Ты меня раза два упрекал ~ или в этом роде. – В известных нам письмах Огарева к Герцену за 1848 г. высказываний, текстуально совпадающих с этим, нет.
381
1849
69. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано вместе с отправленным одновременно письмом Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой: НПГ, стр. 146 – 147.
Вот именно ~ в Черной Грязи. – 19 января 1847 г. друзья провожали уезжавшего за

границу Герцена до Черной Грязи (см. комментарий к письму 2).
...грамотку от Николая Александровича... — Письмо Мельгунова к Герцену, о котором идет
речь, неизвестно.
...Окен... — Герценовскую критику натурфилософии Окена, как оторванной от действительности идеалистической абстракции, см. в первом из «Писем об изучении природы» (III, 116—118).
...Каруса. — См. о нем в первом из «Писем об изучении природы» (III, 116).
...микроскоп его готов... — Огарев, занимавшийся в это время естественными науками, просил Герцена в письме от 16 (4) декабря 1848 г.: «Микроскоп привези или пришли» (ЛН, т. 61,
стр. 779). Ср. комментарий к письмам 78а, 84, 97.
...в письме от 25 декабря. — Это письмо Т. А. Астраковой неизвестно.
70. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 228—229.
Я знаю, что вы имеете ко мне много дружбы, но теперь я попрошу вас прибавить несколько доверия. — По словам Герцена, революция 1848 г. увлекла его в свой водоворот прежде, чем он успел что-нибудь сделать для спасения своего состояния, оставшегося в России. Однако после Июньских дней, чувствуя, что его «положение становится опаснее» (X, 132—133), он затребовал перевод сначала части, а затем и всех своих средств в ценных бумагах («билетах») в Париж. Деньги высылались через петербургского представителя Ротшильда — банкира Гассера. Судя по содержанию комментируемого письма, к моменту его написания меньшая часть средств была уже получена Герценом. Выдача же основной суммы — 100 тыс. рублей, уплаченных в Петербурге 26 (14) марта 1849 г. Гассеру, находилась, по всей вероятности, в стадии оформления (Л, XIV, 9). Эти операции с билетами, находившимися до того времени на хранении у Ключарева, очевидно, внушили последнему опасения за сохранность наследственного капитала Герцена. Лишенный возможности объяснить Ключареву в письме, отправляемом по почте, истинный смысл своих поступков, Герцен прибегает к просьбе о «доверии».
...насчет векселей Дмитрия Павловича ~ я передам маменьке... — Речь идет о векселях Д. П. Голохвастова на сумму в 30 тыс. руб., взятую у Герцена в 1840 г. Голохвастовский долг был вскоре переведен на Л. И. Гааг (см. письма 71, 73 и 78).
...уступить ему и тучковский... — Дом, принадлежавший Л. И. Гааг, в Сивцевом Вражке (теперь № 27). Этот дом был куплен И. А. Яковлевым у Тучковых.
...прилагаемую записку к Марье Федоровне. — Записка неизвестна.
382
71. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 230—232.
Письмо Ключарева от 2 февраля (21 января) 1849 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...переписал заемные письма на Егора Ивановича ~ или на маменьку... — См. письмо 70.
...купить тучковский дом ~ Маменька соглашается. — См. письмо 70.
...вид Девичьего монастыря и вороты ~ шли за покойником... — Герцен вспоминает похороны своего отца, состоявшиеся 8 мая 1846 г. на кладбище Новодевичьего монастыря.
72. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано, вместе с одновременно отправленным письмом Н. А. Герцен: НПГ, стр. 147—150.
Н. А. Герцен писала о М. Л. Огаревой: «ее личность ярка — но ярка безобразно, она — вакханка без красоты и прелести, мозг ее расстроен, это не шутка, я говорю серьезно, она помешана, и к тому ж вино — все ее стремленье, вся жизнь состоит в том, чтобы забыться, и она это делает уродливо, грубо, грязно — до невыносимой степени. Сначала она часто бывала у нас (не знаю почему), потом соскучилась (и естественно), и перестала ходить».
А я потому ~ когда оно отправится... — Н. А. Герцен писала в своем письме: «Не пишу числа, потому что не знаю, когда кончится и пошлется это письмо».
Трубку поставьте... — См. комментарий к письму 59.
...ваш добрый воин... — Слуга Астраковых, отставной солдат Никифор. ...записочку от Тимофея... — Эта записка Т. Н. Грановского неизвестна. ...М-те Schdpping. — См. комментарий к письму 9.
73. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 232—234.
Письмо Ключарева от 6 марта (22 февраля) 1849 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...передам вексель — возьму у Луизы Ивановны деньги... — См. письма 70 и 71.
Об картине ~ у г-жи Астраковой. — Речь идет, видимо, о картине Айвазовского «Море». Ср. письмо 115.
...последняя награда за прежнюю службу. — Савелий Гаврилов, крепостной И. А. Яковлева, был старостой в его подмосковном имении Покровское. В «Былом и думах» Герцен пишет о семье Гавриловых: «Люди трезвые, смышленые и работящие...» (IX, 109).
...форму доверенности для заклада костромского именья... — Попытка Герцена заложить свое костромское имение до того, как царские власти наложат на него секвестр, не увенчалась успехом.
Насчет новобрачной Елизаветы Ивановны ~ я все сделал... — Ср. письмо 24.
383
74. Н. П. ОГАРЕВУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: «Русские пропилеи», т. 1, 1915, стр. 268. Дата (месяц и год) устанавливается по связи со следующим письмом к тем же адресатам (от 9 апреля 1849 г.) и по содержанию письма. 2 февраля 1849 г. (ст. стиля) Н. П. Огарев и Н. А. Тучкова в письме к Н. А. Герцен, сообщая, что любят друг друга просили разузнать у проживавшей в Париже М. Л. Огаревой, не согласится ли она на развод с мужем. («Русские пропилеи», т. 4, 1917, стр. 81—83). Эта просьба была энергично повторена в письмах Огарева к Герцену и Наталье Александровне от 7 марта (23 февраля), 16 (4) марта и 17 (5) марта 1849 г. (ЛН, т. 61, стр. 783—787).
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: Т. П. Пас се к. «Из дальних лет», т. III, 1889, стр. 116—117, без письма Н. А. Герцен. Полностью: «Русские пропилеи», т. 1, 1915, стр. 268—269.
Об обстоятельствах, вызвавших написание этого письма, см. комментарий к предыдущему письму.
...гидезной... — мерзкой, отвратительной (от франц. hideuse).
...М-те Георг.. — Эмма Гервег.
...она кое-что знала и не через нас; мне кажется, что Авдотья Яковлевна пописывает не одни романы. — А. Я. Панаева, состоявшая в приятельских отношениях с М. Л. Огаревой, вела с ней интенсивную переписку. Но в деле о разводе, о котором она действительно писала М. Л. Огаревой, она советовала ей согласиться на предложения Н. П. Огарева — см. письма ее от 20 марта и 4 апреля 1849 г. (Я. З. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве, М.—Л., 1933, стр. 369—371).
76. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 23. Дата написания условно определяется временем совместного пребывания в Париже Герцена и Гервега — с середины июня 1848 г. по день ареста Л. Васбентера, находившегося в заключении с 18 апреля по 17 декабря 1849 г.
...в охоте на Васбентера. — Л. Васбентер был в то время деятельным сотрудником и администратором в газете Прудона «Le Peuple». См. о нем в книге: A. Darimon. A travers une révolution (1847—1855) P., 1884, pp. 43—61 и 262—266.
77. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: СаГГ, стр. 92. Название месяца, написанное в автографе, неразборчиво, читается предположительно. Год, в связи с этим, также не может считаться бесспорно установленным. Предположение, что письмо написано в апреле 1847 г., опровергается фамильярным тоном его, маловероятным для первых дней знакомства Герцена и Гервега; в апреле 1848 г. Герцена не было в Париже; в апреле 1850 г. Гервег находился в Швейцарии.
«Пощады мне, пощады!» — Часто цитировавшиеся Герценом слова из каватины Изабеллы в 4¬м действии оперы Дж. Мейербера «Роберт-Дьявол» (1831. Текст Э. Скриба и К. Делавиня).
384
Робер — не Макер... — Робер Макер — главное действующее лицо одноименной пьесы Антье и Леметра (1834), герой бесчисленных карикатур Домье, тип наглого и ловкого мошенника. После разрыва с Гервегом Герцен называл его Робером Макером (см. письмо к Рихарду Вагнеру от июля 1852 г.).
«Прощайте, поля Бертена». — Шуточная перефразировка первого стиха монолога Иоанны д'Арк из трагедии Шиллера «Орлеанская дева»: «Lebt wohl, ihr Berge, ihr geliebten Triften» (в переводе В. А. Жуковского: «Простите вы, холмы, поля родные»). Во французском подлиннике здесь каламбур: «champs» — по-французски — «поля», «Chambertin» — марка вина.
...repentir ~ repas... — Герценом подчеркнуто в тексте начало слова «r e pentir» («раскаяние») и слово «r ep as» («обед», «отобедать»). Второе из них звучит по-французски почти так же, как подчеркнутое Герценом начало первого слова, что

образует каламбур.
78. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39–40, стр. 234–235.
Письмо Ключарева, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...вчера написал доверенность... – Доверенность на заклад костромского имения в Опекунском совете (см. письмо 73 и комментарий к нему). Документ, заверенный 21 (9) апреля 1849 г. русским консулом в Париже, сохранился (в копии). См. раздел «Приложения» в настоящем томе.
Доверенность от маменьки... – Доверенность на перевод голохвастовского долга на имя Л. И. Гааг. Документ, заверенный 21 (9) апреля 1849 г. русским консулом в Париже, сохранился. См. раздел «Приложения» в настоящем томе.
78а. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано (с ошибочной редакционной датой – апрель 1850 г.): ЛН, т. 64, стр. 177.
Дата письма устанавливается на основании слов Герцена о заказанном им для Н. П. Огарева микроскопе, о пребывании Огарева в Петербурге и об ожидаемом от него письме, которое «непременно должно прийти к 1 мая».
О желании приобрести микроскоп Огарев писал Герцену 16 (4) декабря 1848 г. и 3 января 1849 г. (22 декабря 1848 г.). Известив Герцена 16 (4) февраля 1849 г. о поездке в Петербург и о своем намерении заняться там также «патологической анатомией и химией прилежно», Огарев просил выслать заказанный микроскоп в адрес петербургской конторы Языкова (см. ЛН, т. 61, стр. 779, 781, 782). Огарев прибыл в столицу 4 марта (20 февраля) и оставался там около двух месяцев, выехав вскоре после ареста М. В. Петрашевского, происшедшего 5 мая (23 апреля) 1849 г. Не зная ничего о планах дальнейшего пребывания Огарева в Петербурге, Герцен 9 апреля (28 марта) требовал от него немедленного ответа «к 1 маю» (см. письмо 75). Возможно, что, направляя настоящую записку Гервегу (жившему в то время также в Париже), Герцен имел в виду, что она будет предъявлена оптику (Обергаусеру – см. письмо 235 в т. XXV), у которого, видимо, находился микроскоп, для объяснения причин задержки с его получением и отправкой.
Приурочение письма к апрелю 1850 г. представляется маловероятным: Огарев был арестован 8 марта (24 февраля) в Симбирске и находился
385
в Петербурге в III отделении под следствием с 17 (5) марта по 28 (16) марта после чего ему было предписано немедленно оставить столицу. Узнав об аресте Огарева 23 (11) марта, Герцен вплоть до 16 (4) мая 1850 г. находился в полном неведении относительно его судьбы (см. письма Герцена к Гервегу от 23, 24, 26 марта, 5 и 30 апреля и 17 мая 1850 г.).
79. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 25. Год определяется по указанному в письме адресу Гервега, который на Rue du Cirque в Париже жил только в 1849 г. (см. Victor Fl eu ry. Le Poète Georges Herwegh, P., 1911, p. 126).
...по-везувийски. – Намек на «везувиек» – женщин, бравировавших своим презрением к буржуазным приличиям. В 1848 г. в Париже был сформирован из женщин «везувийский легион» и открыт «везувийскии клуб» (см. П. В. Анненков. Февраль и март в Париже 1848 г. Воспоминания и критические очерки; т. I, СПб., 1877, стр. 313–314).
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГНМ, стр. 64–68.
...за ваше письмо. – Письмо Грановского Герцену неизвестно.
Давно ли же это я приехал сюда из Рима... – Это произошло 5 мая 1848 г.
...Юм был прав ~ на живую нитку воспоминанием. – Юм утверждал, что за потоком постоянно сменяющихся психических процессов мы ошибочно предполагаем наличие чего-то устойчивого и неизменного, которое называем нашим «я». Это «я» – лишь сочетание различных восприятий, замещающих друг друга.
...Редерер... – марка шампанского.
...Шамбертин и Richebourg... – сорта вин.
...les Frères Provenceoux... – «Провансальские братья», один из старейших и наиболее известных парижских ресторанов.
Разумеется, я душевно рад ~ а «Статистических сведений» не издавать? – См. комментарий к письму 105.
...бьенвьельянтные... – доброжелательные (франц. bienveillante).
...у Генле в патологии... – Книга Ф. А. Генле «Handbuch der rationellen Pathologie», Braunschweig, 1847. На эту книгу внимание Герцена обратил Огарев в письме от февраля – марта 1849 г. (ЛН, т. 61, стр. 785).
Сегодня здесь выборы. – 13 мая 1849 г. состоялись выборы в Законодательное собрание Франции, в результате которых большинство получила контрреволюционная монархическая «Партия порядка».

Я написал ~ еще статейку... — Вероятно, речь идет о «Consolatio» (авторская дата — 1 марта 1849 г.), вошедшем затем в книгу «С того берега».
...спроси Шевырева ~ пришлю ему в «Москвитянин». — Написано в шутку и, может быть, для отвода глаз перлюстраторов писем.
...знакомый виолончелист Мельгунова, не помню его фамильи, который вместе жил с Рейхелем, случайно подстрелен где-то в Германии... — Имеется в виду М. А. Бакунин, бывший одним из руководителей дрезденского восстания 3—9 мая 1849 г. и арестованный германскими властями
в ночь с 9 на 10 мая. В 1844 — 1845 гг. Бакунин часто встречался в Париже с Н. А. Мельгуновым и сблизился с ним. В своих письмах 1845 г. Бакунин неоднократно упоминает Мельгунова. 29 (17) июня 1845 г. Бакунин писал из Парижа сестре Татьяне: «Постарайся, если ты будешь в Москве, познакомиться с Мельгуновым и его женой; они оба славные люди и мои истинные друзья; они тебе много расскажут обо мне, — мы жили с ними некоторое время почти неразлучно и душа в душу...» (М. А. Б а кун и н. Собр. сочинений и писем, т. III, 1935, стр. 255— 256). После возвращения своего в 1845 г. в Россию Мельгунов, видимо, рассказывал членам герценовского кружка, в том числе и Т. Н. Грановскому, о своих парижских встречах с Бакуниным. Поэтому слова «знакомый Мельгунова» легко могли ассоциироваться в сознании адресата данного письма — Грановского — с личностью Бакунина. Что касается А. Рейхеля — близкого друга Бакунина, то сохранилось много свидетельств, что в Париже Бакунин долго жил вместе с ним в одной квартире (см. указанный выше том Собр. сочинений и писем Бакунина, стр. 246, 249, 262, 440, а также Рейхель, стр. 45). Известие об аресте Бакунина Герцену, вероятно, сообщил Г. Гервег (см. письмо 81).
Гейне, который лежит без задних ног и без передних глаз, написал уморительную эпиграмму... — С 1848 г. Гейне — парализованный, полуослепший, был прикован к постели. Приводимые Герценом слова Гейне представляют собой, собственно, не эпиграмму, а начало шутливой «Торжественной кантаты» («Festgedicht»), написанной в 1849 г. в связи с постановкой оперы Мейербера «Пророк». В цитируемом Герценом не вполне точно первом стихе (у Гейне — «Beegep — Meyer, Meyer — Beer!»), видимо, обыгрывается тот факт, что к своей настоящей фамилии Beeг композитор впоследствии прибавил Meyer — фамилию богатого родственника, на этом условии завещавшего ему все свое состояние.
...горионов... — тумаков (от франц. horion).
Ответ Т. Н. Грановского от июня 1849 г. — «Звенья», т. VI, 1936, стр. 359—361.
81. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: СаГГ, стр. 93. Приблизительная дата определяется по связи с той частью письма 80, которая датирована 14 мая (упоминание об аресте М. А. Бакунина).
...если его выдадут России, он умрет в кандалах. — Гервег сообщил Герцену об аресте саксонскими властями М. А. Бакунина (ср. письмо 80). В течение первых двух недель после ареста Бакунин содержался в Дрезденской крепости, а затем был переведен в Кенигштейнскую крепость, где просидел до середины июня 1850 г. В мае 1851 г. он был выдан России.
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 25—26. Год определяется упоминанием об эпидемии холеры, свирепствовавшей в Париже весной и летом 1849 г.
...и какой Богоматери! — Лоретской. — По имени известного парижского храма «Notre Dame de Lorette» с 1840-х гг. стали называть парижских «дам полусвета» лоретками.
...скажите, что я умер от холеры... — Об эпидемии холеры в Париже см. в «Былом и думах» (X, 43).
387
83. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 24—25. Приблизительная дата определяется упоминанием о холере (см. комментарий к письму 82).
«Читать „La Patrie" — что за участь...» — «La Patrie» — ежедневная парижская контрреволюционная газета, издававшаяся банкиром Деламарром, орган Луи-Наполеона. Герцен пародирует шовинистическую песню: «Умереть за родину — это самая прекрасная, самая завидная участь!» («Mourir pour la patrie, c'est le sort le plus beau, le plus digne l'envie!). Ср. письмо 175.
От Иеллачича junior'a. — Т. е. младшего (лат.). Смысл сравнения (конечно, шутливого) Герцена с хорватским генералом на австрийской службе И. Иеллачичем, жестоко подавившим венское и венгерское восстания 1848—1849 гг., выясняется из содержания письма 60, где Герцен пишет, что демократия так, как Иеллачич, т. е. с такой же безжалостностью, должна будет подавить и уничтожить силы старого эксплуататорского строя.

84. Н. П. ОГАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: Т. П. Па ссек. Из дальних лет, т. III, СПб., 1889, стр. 114–116 (без предшествующего ему в автографе письма Н. А. Герцен). Полностью: «Русские пропилеи», т. 1, М., 1915, стр. 270–272.
Виль д'Аврэ... – Деревня близ Сен-Клу, недалеко от Парижа. В конце мая 1849 г. туда переехала Л. И. Гааг. Когда в парижском доме Герцена заболел холерой И. С. Тургенев, Герцен отправил в Виль д'Аврэ свою жену и детей. После выздоровления Тургенева Герцен и сам туда переехал.
...у меня на квартире Иван Тургенев занемог холерой... – См. комментарий к письму 94.
...всякий раз обращаюсь к древнему Риму в эпоху его разложения. – Ср. письмо 56. Я давно как-то-писал об них и заключил так: «Кружок их становился теснее и теснее ~ Ибо истина страшна». – Неточная цитата из написанной не «давно», а совсем незадолго до комментируемого письма статьи «Consolatio», вошедшей в книгу «С того берега» (см. VI, 105– 106).
...Nuit или Помар... – Красные вина (бургонские).
Твое письмо в три строки... – Это письмо Огарева неизвестно.
...прислать ли микроскоп... – См. письма 69, 78а, 97.
85. САШЕ ГЕРЦЕНУ
Печатается по тексту Л V, 259, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.
Прощай, Саша... – Письмо написано в день вынужденного отъезда Герцена из Парижа в Женеву. О причинах отъезда см. «Былое и думы» (X, 53–54) и письмо 113.
...две статейки. – Вероятно, речь идет о «Письме одиннадцатом» из «Писем из Франции и Италии» и статье «Consolatio» из книги «С того берега».
388
86. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 22. Дата письма условно определяется временем совместного пребывания Герцена и Гервега в Париже – с середины июня 1848 до 20 июня 1849 г.
...4-х нищих... – По-французски «quatre mendiants» означает десертное блюдо, состоящее из винной ягоды, миндаля, орехов и изюма. Герцен, вероятно, употребляет здесь это выражение в переносном смысле.
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые «опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 22–23. Дата условно определяется временем совместного пребывания Герцена и Гервега в Париже – с середины июня 1848 г. до 20 июня 1849 г.
88. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые «опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 23–24. Дата условно определяется временем совместного пребывания Герцена и Гервега в Париже – с середины июня 1848 г. до 20 июня 1849 г.
...Бельвю... – Деревня близ Версаля.
...Герцен proponit, а Гервег disponit – Шуточная перефразировка изречения Фомы Кемпийского «Homo proponit, sed deus disponit» («Человек предполагает, а бог располагает»).
...навестить вечером г-на Сазонова (отца). – Намек на то, что у Сазонова была незаконнорожденная дочь (см. X, 331).
89. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано в русском переводе: ЛН, т. 7–8, стр. 67; на языке оригинала: ЛН, т. 64, стр. 23. Дата определяется адресом Гервега, который на Кие du Cirque в Париже жил в 1849 г. Письмо могло быть написано только до отъезда Герцена из Парижа, т. е. до 20 июня 1849 г.
Сазонов послал вам в 4 часа приглашение... – Это письмо Н. И. Сазонова неизвестно.
...Café Anglais... – Одно из фешенебельных парижских кафе.
...пообедать вместе с г-ном Фази... – О Джемсе Фази, президенте Женевского кантона, приятеле Сазонова, см. письмо 122, а также «Былое и думы» (X, 98–108) и «Скуки ради» (XX, 481–487).
90. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано в русском переводе: ЛН, т. 7–8, стр. 66–67; на языке оригинала: Сагг, стр. 92–93. Дата письма условно определяется по упоминанию о постановке драмы Скриба и Легуве «Адриенна Лекуврер», премьера которой состоялась 14 апреля 1849 г. на сцене «Théâtre Français».
...на торической встрече. – По-видимому, речь идет о совместном посещении издателя газеты «Journal de la Vraie République» Теофиля Торе, сотрудником которой был в то время Сазонов (ср. X, 49–50).

389
Прудон решительно становится если не князем Прудоновым, то ~ Herr Baron von Proudenhoff. Что За увлечение схоластикой! — Резкое высказываие Герцена о Прудоне вызвано, вероятно, его статьями о народном банке, помещавшимися в газете «Le Peuple».
Статью о «Северной пчеле» я не написал... — Для какого издания намерен был Герцен написать статью о газете, редактировавшейся Булгариным и Гречем, не установлено.
...в комплиментах «храброму и благородному генералу Каваньяку»... — Хвалебные высказывания о палаче французского пролетариата Кавеньяке часто печатались в «Северной пчеле», начиная с Июньских дней 1848 г. В номере от 27 января 1849 г. была опубликована редакционная статья «Кавеньяк» (с приложением его портрета), в которой отмечалось, что он остановил «твердостью и решительностью характера поток безначалия, угрожавший ... потопить образованное общество». Вся информация «Северной пчелы» о западноевропейских событиях 1848 — 1849 гг. была проникнута грубой тенденциозностью. Об оценках «Северной пчелой» французских революционных деятелей см. в письме девятом «Писем из Франции и Италии» — V, 136.
...перевели его историю пушки... — Луи-Бонапарт в 1848 г. выпустил в свет в Париже книгу «Histoire du canon dans les armées modernes, précédée d'une biographie de l'auteur». В номере «Северной пчелы» от 17 марта 1849 г. был напечатан отрывок из этого «нового сочинения Людовика-Наполеона Бонапарте» — «История пушки в новых армиях».
...описывают его званые вечера в Национальном Елисейском дворце... — Описанию празднеств, даваемых Луи-Наполеоном, «Северная пчела» уделяла большое место на своих страницах. См., например, в номере от 22 марта 1849 г. заметку парижского корреспондента «Северной пчелы»
В. К. «Бал у президента Французской республики».
Там глубоко растроганы деликатностью министерства ~ на омерзительное празднество 24 февраля. — Герцен имеет в виду следующие строки «Письма из Парижа» В. К. в номере от 16 марта 1849 г.: «24 февраля 1848 г. было для Европы эрою мятежей, беспорядков, разрушений; для Парижа, для Франции — днем измены, отступничества, подлости, смертоубийства честных воинов, которых вся вина состояла в том, что они исполняли свой долг. Нынешнее правительство, по чувству приличия, понимало, что в такой день должно набросить на Францию траурный покров и не предаваться радости, которая возбудила бы негодование во всех честных людях. С отвращением и принужденностью согласилось оно быть при церемонии, которую надобно было отправить по требованию крикунов Национального собрания. Оно поступило очень благоразумно, не пригласив особ дипломатического корпуса, и всячески старалось ограничить это празднество поминовением по умершим».
...генерал Шангарнье плакал в тот день ~ когда французская армия покрыла себя позором... — На вопрос одного офицера, почему он так скоро возвратился с торжественной панихиды по погибшим во время Февральской революции 1848 г., генерал Шангарнье, по словам корреспондента «Северной пчелы», отвечал: «Я воротился, чтоб плакать о стыде, которым покрылась армия в этот день прошлого года, но теперь я принял мои меры. Тронься только — беда им» («Северная пчела» от 16 марта 1849 г.). Последние слова относились к революционному парижскому пролетариату.
91. Н. А. ГЕРЦЕН
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: РМ, 1902, № 12, стр. 167—168.
...в пять часов после обеда я приехал сюда... — О перипетиях поездки из Парижа в Женеву см. «Былое и думы» (X, 54—57).
390
...написал несколько слов к маменьке... — Это письмо неизвестно.
...в половину седьмого... — явная описка: очевидно, «в половину восьмого».
Фази меня принял превосходно. — См. комментарий к письму 94.
День страшных воспоминаний. — Годовщина событий 23 июня 1848 г. в Париже..
...Бернацкий устроит. — См. о нем «Былое и думы» (XI, 129—131).
...Головин. — Об И. Г. Головине и отношении к нему Герцена см. «Былое и думы» (XI, 404— 427) и комментарий к письму 94.
...геджра... — В истории ислама геджрой называется день бегства Магомета из Мекки в Медину (16 июля 622 г. н. э.), с которым Герцен в шутку сравнивает здесь свой отъезд из Парижа в Женеву.
...Марсуин? — Найти сведения о лице с такой фамилией не удалось. Вероятно, этим именем Герцен в конспиративных целях обозначал Н. И. Сазонова: сказанное о Марсуине (упоминание о «документе» — паспорте и др.) связывается с тем, что Сазонов собирался после событий 13 июня 1849 г. срочно оставить Париж и отправиться в Женеву. В двух письмах к жене, где речь идет о Марсуине

(комментируемое и следующее за ним – от 24 июня), нет ни слова о Н. И. Сазонове, хотя Герцен не мог не интересоваться его судьбой. В последующих письмах, где начинает фигурировать Н. И. Сазонов, нет больше упоминаний о Марсуине.
Не забудьте взять мои рукописи у Георга, будем отсюда их печатать. – Речь идет, очевидно, о статьях, вошедших впоследствии в книгу«С того берега».
92. Н. А. ГЕРЦЕН
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано (с купюрами): РМ, 1902, № 12, стр.168–169; полностью – Л V, 273–275.
...к дню рождения Саши. – А. А. Герцен родился 25 (13) июня 1839 г.
Скажите Марсуину, что его приятель ему пришлет рецепт, о котором он просил. – Видимо, речь идет о паспорте для Н. И. Сазонова, который должен был быть получен с помощью Д. Фази. Ср. предыдущее письмо.
...наш общий здешний приятель... – Д. Фази.
..Леко, – я скоро ему пришлю статейку. – Кто такой Леко и о какой статье идет речь – выяснить не удалось.
...Богаевского... – Глухое упоминание о лице с такой фамилией имеется в «Записках И. Головина», Лейпциг, 1859, стр. 132.
...178 в неделю... 672. – Очевидный арифметический просчет: 178 x 4 = 712.
93. Н. А. ГЕРЦЕН
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: РМ, 1902, № 12, стр. 169–171.
Письмо Натальи Александровны, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
..Шамуни ~ Ферней... – Пограничные пункты в Швейцарии.
...ботанику Шлейдена... – «Grundzüge der Botanik» (Leipzig, 1842–1844).
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 26–29. Вероятно, этому письму предшествовало одно или несколько несохранившихся писем, в которых Герцен сообщал Гервегу об обстоятельствах своего переезда из Парижа в Женеву.
«Хоть бы еще одного тут не было». – Герцен имеет в виду И. Г. Головина, которого он с самого начала их знакомства старательно избегал (см. XI, 404). Головин был выслан из Парижа после демонстрации 13 июня. В своих «Записках» он упоминает о посещении им Герцена в женевском «Hôtel des Bergues», где он и сам поселился. «Когда приехал Гервег, – отмечает Головин, – он Герцен предпочел его мне, и я поехал в Брюссель» («Записки И. Головина», Лейпциг, 1859, стр. 125).
...если бы вместе с Сазоновым приехала итальянка... – О «дебелой итальянке, с голосом, перед которым еще раз пали бы стены иерихонские», синьоре Р., на которой женился Сазонов, «чтоб отделаться» от нее, – Герцен упоминает в «Былом и думах» (X, 331–333).
...чем хотел это сделать с одним индивидом премудрый Соломон. – По известной библейской легенде, царь Соломон предложил разрубить пополам ребенка, на которого претендовали две женщины.
...он необыкновенно хорошо относится ко всем, кто сюда приезжает... – О Джемсе Фази и его отношении к революционной эмиграции см. в письме 122, а также в «Былом и думах» (X, 98– 108) и «Скуки ради» (XX, 481–487).
...только что получил тучково-огаревское письмо... – Речь идет о недатированном письме Н. А. Тучковой с припиской Огарева («Русские пропилеи», т. 4, М., 1917, стр. 90–92). В нем сообщалось об отъезде Огарева с Тучковой в Крым и о замужестве Е. А. Тучковой, ставшей женой Н. М. Сатина.
...записку от жены... – Эта записка Н. А. Герцен остается неизвестной.
...вариации Буко на юридические темы. – Письмо к Герцена от парижского нотариуса Буко, оформлявшего купчую крепость на приобретение Герценом дома в Париже, до нас не дошло.
Ну, Сатин-Менелай, привозите же вашу Елену в Париж или Женеву. – Герцен в шутку называет Сатина, женившегося на Елене Тучковой, именем спартанского царя Менелая, мужа Елены Прекрасной.
...что Огарев приедет, и притом скоро; все это сказано очень несерьезно. – Н. А. Герцен основывалась на следующих словах Н. А. Тучковой в ее письме к Герценам: «Огарев обещает скорое свиданье с вами, но, глядя по возможности, мне кажется, что он меня утешает» (см. «Русские пропилеи», т. 4, М., 1917, стр. 91). Огарев, действительно, рассчитывал, что ему и Н. А. Тучковой удастся бежать за границу и присоединиться к Герценам, но осуществить это намерение не удалось. Ср. письмо 96 и комментарий к нему.
...nur nicht im faulen Fisch zu bleiben. – Перефразировка сентенции Гёте из «Кротких ксений». У Гёте: «Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch...» («Мир разлагается, как гнилая рыба»). Эту сентенцию Герцен привел в качестве эпиграфа к статье «Omnia mea mecum porto» («С того берега»).
...а я напишу ему несколько слов. – Письма Герцена к Шомбургу неизвестны.

...Ивана Батистовича... — Шутливая переделка на русский лад имени Жана-Баптиста Боке.
Если его холерина прошла... — И. С. Тургенев заболел, находясь в гостях у Герцена, накануне своего отъезда в Россию, около 25 мая 1849 г. (см. X, 43—44).
392
95. Н. А. ГЕРЦЕН и Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: РМ, 1902, № 12, стр. 171 — 172.
Сазонов и не думает ехать ~ Просит тоже денег и для себя. — Выполняя обещание, данное в Париже, Герцен, приехав в Женеву, выхлопотал через Д. Фази паспорт для Н. И. Сазонова (ср. комментарий к письмам 91 я 92). В письме из Парижа, предположительно датируемом 3 июля 1849 г., Н. И. Сазонов писал Герцену: «Поблагодари Фази за пасс, им присланный». «Длинная грамота» — видимо, пространное письмо от последних чисел июня 1849 г., в котором Сазонов настойчиво советовал Герцену принять участие в организуемой Прудоном газете «Voix du Peuple» . В том же письме Сазонов просил: «Если есть какая-нибудь возможность, то пришли или доставь пятьсот франков» (подробнее см. об этом ЛН, т. 62, стр. 522—523, 532—534).
Буко доверенность я написал другую. — См. письмо 94.
...Асманхаузер... — Сорт вина.
...о деле, которое предлагает Сазонов... — Речь идет об участии в газете Прудона «Voix du Peuple». 10 июля 1849 г. Сазонов писал Герцену из Парижа: «Гервег поехал и все сообщит изустно» (ЛН, т. 62, стр. 538).
Записку отдай Сазонову. — Эта записка неизвестна.
96. Т. А. и С. И. АСТРАКОВЫМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано, вместе с припиской Саши Герцена: НПГ, стр. 151 — 154.
...Юм очень дельно уничтожает всякое понятие каузальности. — Д. Юм в «Трактате о человеческой природе» и «Исследовании о человеческом уме» подвергает критике понятие причинности, утверждая, что наше убеждение о наличии каузальных связей между явлениями основывается лишь на «привычке» и «вере» в эти связи и потому совершенно не доказуемо. В горьких рассуждениях о бессмысленности происходящего отразились, очевидно, тяжелые настроения Герцена, вызванные новым наступлением реакции во Франции.
Отчего люди ~ совсем не пишут... — Очевидно, намек на молчание московских друзей.
...с сыном Михаила Семеновича... — Имеется в виду Дмитрий Михайлович Щепкин.
...вы каждые десять лет отправляете по паре promessi sposi за Рогожскую заставу. — «I ргошеББ! БроэЬ («Обрученные») — известный роман Манцони (1827). Герцен намекает здесь на содействие, недавно оказанное Т. А. Астраковой «похищению» Огаревым Н. А. Тучковой и отъезду их на юг. Она же в 1838 г. способствовала «увозу» Герценом Н. А. Захарьиной во Владимир.
...«Юдокси»... — А. Я. Панаева, бывшая в приятельских отношениях с М. Л. Огаревой.
..«плешивая вакханка» ~ тут нет никакой надежды. — О неудачных попытках Герцена и Натальи Александровны добиться от М. Л. Огаревой согласия на развод см. письма 74 и 75.
...старика... — А. А. Тучкова, который очень страдал из-за «незаконности» сближения своей дочери с Огаревым.
...фонтанель... — Гнойная рана, которой не дают закрыться из лечебных воображений.
393
...да еще на дороге ~ да еще теплом краю... — Из Москвы Огарев и Н. Л. Тучкова поехали в мае 1849 года в Одессу в надежде сесть на иностранный корабль и бежать за границу. Когда это не удалось, они временно поселились на южном берегу Крыма близ Ялты.
...сенситивное... — чувствительное (от франц. sensitif).
...Генле в рациональной патологии... — См. комментарий к письму 80.
...истинно ученые доктора, как Райе... — Знаменитый парижский врач, с которым Герцен неоднократно встречался (см. «Былое и думы» — X, 43, 234).
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Carr, стр. 93—95.
Письмо Натальи Александровны, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...Капорец... — Шуточное прозвище Фридриха Каппа.
...он вырос... — Шутка: Капп был очень высокого роста.
...копию с акта? — Имеется в виду акт на покупку Герценом дома в Париже.
Или в «Hôtel des Bergues» или в «Еси de Genève»... — Герцены поселились в «Hôtel

des Bergues».
Он третьего дня ходил да еще с Фази на детский праздник. — Этот праздник подробно описан Герценом в «Былом и думах» (X, 97).
...у статуи Ж.-Жака. — Бронзовый памятник Руссо работы Джемса Прадье находится на острове Жан-Жака Руссо в Женеве.
...здешнее заведение глухонемых. — Герцен искал подходящее учебное заведение для своего глухонемого сына Коли. Вскоре он устроил его в цюрихское училище глухонемых. См. об этом в следующих письмах.
«Гряди, невеста с Ливана»... — Строка из «Песни песней» царя Соломона (гл. 4, ст. 8).
...как X нерадивых дев, спавших ночью (евангелие от Матфея, гл. XII, ст. 8 — 10)... — Притча о спящих девах, на которую в шутку (и неточно) ссылается Герцен, рассказывается в гл. XXV евангелия от Матфея, ст. 1 — 12.
...о бдениях Жуберовской улицы... — На улице Жубер в Париже помещалось увеселительное заведение, упоминание о котором встречается в письме Н. А. Мельгунова к Герцену — см. ЛН, т. 62, стр. 352.
...bureau des Messageries Nationales... — Государственная почтово-пассажирская контора. По- видимому, Герцен шутливо намекает на то, что Гервег будет встречен в женевской почтовой конторе своими швейцарскими друзьями.
...Феликс... — Вероятно, известный писатель и революционный деятель Феликс Пиа, эмигрировавший, как и Герцен, после 13 июня в Швейцарию и заочно осужденный к изгнанию из Франции.
...Чёрт... — О ком здесь говорит Герцен — установить не удалось.
Жизнь здесь монотонна, ограниченна, в ней много германизма, педантства, кальвинизма... — См. характеристику Женевы и женевцев в «Скуки ради» (XX, 473—488).
...типа Жюльвекура... — Герцен охарактеризовал в «Былом и думах» «тощего Жюльвекура» как одного из «скудных умом и телом лаццарони литературной Киайи, поденщиков журнальной барщины, ветошников фельетонов» (X, 324).
Голынского? — Об А. В. Голынском, приятеле Сазонова и члене организованного им в 1848 г. клуба, см. в «Былом и думах» (X, 329).
394
...чему сам учил мир 50 лет назад. — Имеется в виду французская революция 1789—1793 гг.
Наш друг... — Джемс Фази.
...когда мы обедали с ним в Café Anglais. — См. выше письмо 89.
...а как нам быть с огаревским микроскопом? — См. комментарий к письмам 69, 78а, 84.
А что вы станете делать в Париже? — Н. А. Герцен, по-видимому, сообщила мужу, что она и Г. Гервег выезжают в Женеву, а Э. Гервег остается на некоторое время в Париже и в Виль д'Аврэ.
...гербом демократического англичанина Головина. — В 1846 г. И. Г. Головин добился английского подданства «со всеми правами туземца, исключая права быть членом парламента и частного совета», как писал он сам («Записки И. Головина», Лейпциг, 1859, стр. 101).
98. Н. А. ГЕРЦЕН
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано с купюрами: РМ, 1902, № 12, стр. 172, полностью — Л V, 278—279.
Письмо Натальи Александровны, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...все ломится. — Вероятно, имеются в виду события в Италии, где в начале июля 1849 г. шли последние сражения защитников Римской республики с французскими интервенционистскими войсками.
...Сазонов в надеждах по горло. — Эти надежды были связаны с газетой Прудона «Voix du Peuple». См. комментарий к письму 95.
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Carr, стр. 96. Год и месяц определяются содержанием письма.
...по поводу отъезда Георга... — Г. Гервег и Н. А. Герцен с дочерью Татой выехали из Парижа в Женеву 7 июля 1849 года.
Я не вижу ничего дурного в женевцах... — Во французском тексте каламбур: слова «Je ne vois» («Я не вижу») и «Genevois» («женевцы») звучат одинаково.
...к чрезвычайным мерам, примененным Юстинианом к Велизарию... — По преданию, византийский император Юстиниан приказал выколоть глаза известному полководцу Велизарию.
...невозможно не видеть ~ нашего англичанина Г. Головина... — В «Былом и думах» Герцен отмечал, что он и впоследствии всеми силами пытался «воздержать дружбу Головина, а главное, его посещения», но все было тщетно (XI, 404). См. комментарий к письму 97.
...встаю (сидя в постели) в 6. — Каламбур: по-французски «à six» («в шесть») и

«assis» («сидя») звучит одинаково.
...германский элемент с его дикими рагу... — В «Письмах из Франции и Италии» Герцен также в шутку объяснял практическую несостоятельность германского ума недостатками немецкой кухни (V, 17—19).
...спроси у Морица... — Шутка: Мориц — малолетний сын А. Рейхеля.
В Америку. — Герцен в это время неоднократно останавливался на мысли покинуть Европу, где свирепствовала реакция, и переехать в Америку.
395
100. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 264. Приписка к письму Н. А. Герцен, в котором она сообщала Э. Гервег о том, что накануне приехала с Гервегом и дочерью Татой в Женеву (см. ЛН, т. 64, стр. 263—264).
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано:ЛН, т. 39—40, стр. 236—237.
В настоящем издании исправлена описка, имеющаяся в автографе:
Стр. 163, строка 5 сн.: страшной холерой вместо: странной холерой.
...мы оставили Париж, зараженный страшной холерой... — В письме, направляемом в Россию, Герцен скрывает подлинные причины своего вынужденного отъезда из Парижа (о них см. «Былое и думы», X, 53—54).
...письмо Марье Федоровне... — Это письмо к М. Ф. Корш неизвестно.
102. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 36—37. Год определяется по связи с соседними письмами.
...совершенно надежной оказией. — По-видимому, комментируемое письмо было вложено в письмо Гервега к жене, также датированное 13 июля (см. «1848. Briefe von und an Georg Herwegh». Paris — Leipzig — München, 1896, S. 283—285).
...поручение к г-ну Петри. — В чем заключалось это поручение — не установлено.
Я говорил о его деле с г-ном Фази... — Встреча с Фази, насколько можно судить по записке последнего к Герцену от 12 июля 1849 г., состоялась накануне, 12 июля (Л XIV, 8).
Вечером приходила г-жа Струве с мужем. — Ироническую характеристику Т. Струве и его жены Амалии, эмигрировавших в Женеву после баденского восстания, см. в «Былом и думах» (X, 60—63). Ср. выдержанные в том же ироническом духе высказывания о Струве в письмах Гервега к жене от 19 июля и 14 августа 1849 г. — «1848. Briefe von und an Georg Herwegh», S. 286—287 и 292.
103. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано:ЛН, т. 39—40, стр. 237—238.
Письмо Ключарева от 18 (30) июня 1849 г., на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...не намерен Григорию Емельяновичу еще платить... — По всей вероятности, речь идет о Протопопове, через которого пересылались деньги родным Н. А. Герцен в Шацк. См. письма 24 и 40.
...Медведевы очень теснят Елену... — О какой Елене идет речь, установить не удалось. По- видимому, она же упоминается в письме 18.
396
104. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Отрывок (в русском переводе) впервые опубликован: ЛН, т. 7—8, стр. 67 (как письмо к Г. Гервегу). Полностью на языке оригинала и в русском переводе: ЛН, т. 64, стр. 37—38.
...фаллонический... — коварный (от лат. fallo — обманываю).
...«Назад из Цюриха»... — Каламбур: «Zürich» («Цюрих») и «zurück» («назад») по-немецки звучат сходно. О позорном поведении Швейцарского федерального совета и отдельных кантональных правительств и жалкой роли, которую они играли, преследуя революционных эмигрантов по указке реакционных правительств соседних стран, Герцен с негодованием писал в «Былом и думах» (X, 94—97).
...fougères... — Игра слов: по-французски «fougère» — папоротник (тайнобрачное растение) и «фужер» (винный бокал).
...Я — г-ну Каппу по-немецки... — Герцен диктовал в это время каппу по-немецки (с русского оригинала) «Vom ändern Ufer» («С того берега»).
...одному русскому... — О ком говорит Герцен, выяснить не удалось. В письме к Э. Гервег из Женевы от 11 июля 1849 г. Гервег упомянул, что нашел там «не менее четырех русских, не считая Лёве» («1848. Briefe von und an Georg Herwegh», S. 282).
105. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ГНМ, стр. 69 — 71.
Обращенное к Т. Н. Грановскому, письмо адресовано на имя М. Ф. Корш — что, видимо, в какой-то мере гарантировало его от перлюстрации.
Ответ на письма Т. Н. Грановского из Москвы от июня 1849 г. и из с. Ильинского

от июля 1849 г. (см. «Звенья», т. VI, 1936, стр. 359–363).
...истории ты учить не хочешь... – Во втором из указанных писем Грановский писал: «Обнимаю детей ваших. Учить их истории более не хочу. Не стоит. Довольно с них знать, что глупая, ни к чему не ведущая вещь».
...про меня говоришь: а отчего же и не умереть тебе? – В том же письме Грановского говорится: «На днях распустили в Москве слух о твоей смерти. Когда мне сказали об этом, я готов был хохотать от всей души. Этого не доставало еще. А впрочем, почему же и не умереть тебе? Ведь это не было бы глупее остального. Пока хорошо, что ты жив. Есть о ком с любовью подумать».
...вы получили мое письмо из Женевы. – Это письмо неизвестно.
...в обоих письмах твоих меня как-то болезненно удивили твои отзывы насчет Николая Платоновича. – В письме от июня 1849 г. Грановский писал: «Огарев уехал с Natalie. Не предвижу счастия для них. Она отдалась вся, с полной страстию – он как будто уступил ее страсти. А несколько месяцев тому назад, несмотря на мои предостережения, он сделал такой же опыт с графиней Салиас, которую убедил ехать к нему в деревню, и потом собирался ехать с нею за границу. Это третья страсть в течение года. Это плод душевной праздности. Он перестал работать, скучает и пьет. Припадки его усилились».
Насчет редукции именья на 100 т. ... – Опасаясь за свое пензенское поместье, которому могли угрожать, с одной стороны, правительственная конфискация (в случае осуществления плана бегства за границу совместно с Н. А. Тучковой), а с другой – судебный иск первой жены, Н. П. Огарев
397
в июне 1849 г. устроил фиктивную продажу его. В письме от июля 1849 г. Грановский сообщал Герцену? «Именье Огарева (пензенское) куплено Сатиным и Павловым вместе. Долг его тебе они перевели на себя, что очень хорошо, ибо дела нашего бедного друга плохи. У него за продажею остального имения и уплатой долгов останется с небольшим 100 тыс. серебром». К этому времени долг Огарева Герцену, перешедший на Н. М. Сатина и Н. Ф. Павлова, составил 40 тыс. рублей (серебром). Эта сумма указана Герценом в составленном им в 1852 г. завещании (см. XXIV, прилож. № 9). В специальном документе от 24 июня 1849 г. подписанном Н. М Сатиным для оформления сделки по пензенскому имению, между прочим говорилось: «Я, нижеподписавшийся отставной коллежский регистратор Николай Михайлов сын Сатин ... состою должным коллежскому регистратору Николаю Платонову сыну Огареву шестьдесят тысяч пятьсот сорок пять рублей шестьдесят четыре копейки серебром, которые, по общему нашему согласию, положили мы уплачивать так: я, Сатин, обязался заплатить надворному советнику Александру Ивановичу Герцену или доверенному от него лицу, в счет должной ему господином Огаревым суммы, пятнадцать тысяч рублей серебром, а остальные сорок пять тысяч пятьсот сорок пять рублей шестьдесят четыре копейки серебром заплатить самому господину Огареву в течение десяти лет». В качестве свидетелей документ подписали Н. Г. Фролов, В. А. Милютин и Т. Н. Грановский (см. «Русские пропилеи», т. 4, М., 1917, стр. 93–94).
Теперь насчет дела, о котором ты мне пишешь. – В июньском письме Грановского говорится: «Ты не понял моей просьбы о деньгах см. письмо 80. Дело идет не об одном Корше, а о всех нас и возможности еще действовать. Все мы держимся на волоске; каждому предстоит или отставка или поездка в Вятку, а может и далее. Журналы едва существуют. Надобно дать публике книги, хорошие книги. Они легче проходят через цензуру ... На все эти éventualités случайности нужен капитал, к которому мы могли бы прибегать и который был бы всегда готов. Это дело общее и личное, наше. Но здесь нет места деликатности, и не Кетчер, а я говорил тебе о процентах ... Если с кем что случится важное, ему будет точас выдано что-нибудь, а главное – дано будет средство к литературным изданиям. Перевод путешествий и статистических сведений один в состоянии дать нам всем работу и деньги. Сверх того Фролов и я затеяли Всеобщую историю Кетчеру и Коршу также будет дело, да и каждому homme de bonne volonté благонамеренному человеку. Ты будешь получать 4 процента, т. е. банковые ... Сумма нужная – 10 000 серебром. – Повторяю: это не приятельская или дружеская услуга, а сделка, в которую не должна входить деликатность. Деньги твои не пропадут».
Как видно из комментируемого письма, Герцен согласился предоставить московским друзьям просимый заем. Однако деньги не были затребованы – ни Грановским, ни кем-либо другим.
...за его письмо... – Это письмо Н. А. Мельгунова неизвестно.
...я с ним провел недели три в Ницце... – В ноябре 1847 г.
..месяца два тому назад ~ получил от него письмо очень длинное и отвечал ему на него. – Оба эти письма неизвестны. О предсмертном письме Галахова Герцен упоминает в «Былом и думах» (IX, 120).
он ~ кланяется ~ Тучковым... – Имя Леопольдо Спини часто упоминается в переписке

Н. А. Герцен и Н. А. Огаревой.
...мы с ним примемся опять играть дуэты, которыми душили всех. — Видимо, Герцен намекает на возможность возобновления литературного сотрудничества со Спини, с которым он когда- то, по его собственному заявлению, совместно работал в редакции римской газеты «Ероса» (см. письмо 47).
...мои маленькие музыкальные пьески сделали чрезвычайный успех, разыгранные одним приятелем Рейхеля, скрипачом. —
398
Незадолго до того, как писались эти строки, Герцен вместе с знакомым Рейхеля Каппом занимался переводом на немецкий язык статей, составивших книгу «С того берега» (см. письмо 104). Об успехе книги в Швейцарии см. также письмо 113.
106. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 238—240.
...ускорить костромское дельце... — Имеется в виду заклад костромского имения (см. письма 73 и 78). Ко времени написания письма имение было уже секвестровано, о чем Герцен еще не знал.
...Дмитрий Павлович идет в отставку. — Д. П. Голохвастов вышел в отставку по болезни в сентябре 1849 г. В «Былом и думах» (IX, 199) Герцен указывает неточно причину и время его отставки, относя ее к 1848 г.
107. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано (небольшой отрывок в русском переводе): ЛН, т. 7—8, стр. 68 (как письмо к Г. Гервегу). Полностью, на языке оригинала и в русском переводе: ЛН, т. 64, стр. 39—40.
...Шарантон. — Лечебница для умалишенных в г. Шарантоне, невдалеке от Парижа.
...деньги, необходимые для залога. — Речь идет о залоге в 24 тысячи франков, которые Герцен по договоренности с Прудоном должен был внести для обеспечения издания новой газеты «Voix du Peuple». См. письмо 108 и комментарий к нему.
...пример Лолы Монтес ~ потеряет его раньше, чем я. — Авантюристка Лола Монтес, фаворитка баварского короля Людвига I, после отречения его от престола (в 1848 г.) вышла замуж за богатого английского офицера и переехала в Лондон. Родные офицера возбудили против нее судебное дело за двоемужество, так как ее первый муж был еще жив. Чтоб избежать тюремного заключения, Лола Монтес внесла за себя залог в 1000 фунтов стерлингов и скрылась в Испанию.
Здесь все увлечены журналистикой ~ о журналах, форматах... — Об этом Герцен рассказал в «Былом и думах» (X, 63—64).
Лже-Гафиз. — Герцен в конце 1840-х гг. зачитывался стихотворениями Гафиза, вышедшими незадолго до того во французском переводе, — см. письмо 56.
Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Черновик. Отрывки впервые опубликованы самим Герценом по-русски в ПЗ на 1859 г., стр. 141 — 142 — см. X, 192—193; полностью: ЛН, т. 62, стр. 492—495. Текст выдержек на русском языке, напечатанных в ПЗ, несколько отличается от соответствующего французского текста. Дата устанавливается по ответному письму Прудона.
В автографе после слова «s'abîme» (стр. 175, 19 строка снизу) вычеркнуто: pour [donner] faire place à un nouveau monde, dans lequel чтобы [дать] уступить место новому миру, в котором; после слов «des dernières
399
révolutions» (стр. 176, 2 строка) вычеркнуто: en Lombardie, comma en Allemagne в Ломбардии, как и в Германии.
Ответ на письмо Прудона от 23 августа 1849 г. (опубликовано в кн.: Raoul Labry. Herzen et Proudhon, Paris, 1928, p. 91—92). Выдержки из этого письма Прудона приведены Герценом в русском переводе в «Былом и думах» (X, 191 — 193).
...вексель для г-д Ротшильдов и подписанное соглашение... — Предпринимая издание газеты «Voix du Peuple», Прудон (по совету Н. И. Сазонова и К.-Э. Хоецкого) обратился за материальной помощью к Герцену. Выразив готовность внести за газету требуемый законом о печати залог в 24 тыс. франков, Герцен обусловил выдачу денег правом «помещать статьи свои и не свои ... заведовать всею иностранною частию, рекомендовать редакторов для нее, корреспондентов и пр., требовать для последних плату за помещенные статьи» (X, 191). Для получения Прудоном в Париже у Ротшильда 24 тыс. франков и посылался из Женевы упоминаемый здесь вексель. Соглашение было составлено в двух экземплярах. Приводим полностью этот документ (в русском переводе) по экземпляру, подписанному Прудоном (французский текст — см: Л V, 293—295 и т. XXX наст. изд.):
«Между нижеподписавшимся Александром Герценом, домовладельцем, проживающим в Париже на улице пропуск и П.-Ж. Прудоном, литератором и бывшим народным представителем, проживающим в Париже на улице Мазас, ныне находящимся в заключении в Консьержери, достигнута договоренность о следующем:
Нижеподписавшиеся имеют намерение сообща основать в Париже ежедневную газету под

названием „Voix du Peuple".
Для осуществления этого плана они заключили между собой следующее соглашение.
Ст. 1-я. Г-н Герцен обязывается в возможно кратчайший срок внести в казну 24 000 фр., требуемые законом в качестве залога за издание названной газеты.
Ст. 2-я. Во все время, пока означенная сумма будет оставаться как залог, в государственном казначействе, администрация газеты уплачивает г-ну Герцену процент за нее, в размере 5 годовых.
Ст. 3-я. Г-н Герцен обязывается, сверх того, не требовать возвращения ему денег ранее пяти лет, считая с нынешнего дня. Однако г-н Прудон вправе вернуть деньги и раньше этого срока, заявив о том за три месяца, а начисление процентов прекращается со дня уплаты капитала.
Ст. 4-я. Так как закон о газетных залогах требует, чтобы поручитель являлся собственником четвертой части залоговой суммы, то г. Герцену будет выдано формальное слово не разобрано; очевидно речь идет о свидетельстве или удостоверении о принадлежности ему трех четвертей залога, внесенного в казну, и в удостоверении будет указано, что его право подлежит удовлетворению преимущественно перед всяким другим.
Ст. 5-я. Общее заведование редакцией газеты „Voix du Peuple" предоставляется исключительно г-ну Прудону.
Ст. 6-я. Что касается редакционной части, то г-н Герцен оставляет за собою право доставлять, когда ему угодно, статьи по общей политике; эти статьи должны быть помещаемы в газете, за исключением тех случаев, когда их неуместность будет очевидною или когда их напечатание может повлечь за собою судебную кару. В решении этих вопросов обе стороны обязаны руководствоваться ст. 5-й.
Ст. 7-я. Г-н Прудон обязывается всемерно заботиться о названной газете и делать все зависящее от него для ее успеха.
Ст. 8-я. Предприятие, о котором идет речь, является по своей природе коммерческим, оно может потребовать сделок с третьими лицами; эти
400
сделки должны быть оформлены специальными договорами. Определение условий таких договоров предоставляется исключительно г-ну Прудону.
Ст. 9-я. Однако он теперь же принимает на себя обязательство употреблять доходы от предприятия единственно на распространение тех идей, выразителем которых будет газета, или — если то окажется возможным и своевременным — на учреждение банка, предназначенного организовать и развивать даровой кредит.
Ст 10-я. Так как г-н Герцен намерен участвовать в данном деле лишь на правах лица, финансирующего предприятие, то ему в возможно кратчайший срок будут даны гарантии, установленные ст. 4-й.
Об участии Герцена в издании «Voix du Peuple» рассказано в части пятой «Былого и дум» (X, 190—195). Дополнительные документальные данные см.: ЛН, т. 39—40, стр. 269—270; т. 62, стр. 490—506 и 522—545; настоящий том, письма 107, 110, 113, 114, 116, 117, 118, 119.
...Гора не пошла с народом ~ народ не пошел с Горой... — Речь идет об июньских событиях 1848 г. и о демонстрации 13 июня 1849 г.
Я печатаю в Цюрихе на немецком языке сочинение... — Первое немецкое издание «С того берега».
...напишу длинное письмо г-ну Эдмону относительно нашего плана. — Это письмо к К.- Э. Хоецкому неизвестно. Очевидно, речь идет о программе иностранного отдела «Voix du Peuple», которым, в отсутствие находившегося в Женеве Герцена, руководил Хоецкий.
...есть возможность иметь великолепных корреспондентов. — Рассказав в «Былом и думах» о своем авторском участии в газете «Voix du Peupie», Герцен о редакторской работе не упомянул. Считалось, что эта работа осталась вообще вне поля его деятельности, тем более что значительную часть времени существования газеты он провел вне Парижа, комментируемое письмо доказывает, что, подписав соглашение с Прудоном, Герцен сразу же принялся за организацию порученного ему отдела. См. также письмо 118.
...у нас есть уже один на примете в Гамбурге ~ Пинто... — В качестве корреспондентов газеты Герцен намечает деятелей немецкой и итальянской революций 1848 г. Из перечисленных им лиц известно участие в «Voix du Peuple» Маццини (две статьи за его подписью появились на страницах газеты) и Бамбергера (печатавшегося в ней под псевдонимом «Un Allemand»; ср. письмо 180). Сотрудничество остальных указанных Герценом корреспондентов не установлено (Статьи в «Voix du Peuple» часто публиковались без подписи).
Ответ Прудона от 15 сентября 1849 г. — ЛН, т. 62, стр. 497—500.
109. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 240.
...насчет костромского дела. — См. письма 73, 78 и 106.

...похлопотать насчет моего портрета... – См. письмо 22.
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано (как письмо Г. Гервегу) ЛН, т. 7–8, стр. 68 (отрывок в русском переводе). Полностью: ЛН, т. 64, стр. 40–41. Дата письма
401
определяется условно указанием на посланное 27 августа 1849 г. письмо к Прудону, на которое ко времени написания данного письма не поступило еще ответа (ответ Прудона датирован 15 сентября).
Письмо Э. Гервег, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...что-нибудь перевести... – Вероятно, Э. Гервег предложила Герцену перевести на английский язык письмо «К Г. Гервегу» (т. е. статью «Россия», вошедшую в немецкое издание «Vom ändern Ufer») (VI, 150–186).
...переводом с человеческого языка на ангельский... – Каламбур: «Engel» по-немецки «ангел»; «engelisch» – «ангельский» и «английский».
...доверенность я послал сегодня... – Доверенность на получение денег в банкирской конторе Джемса Ротшильда для внесения залога за «Voix du Peuple».
...он остался не совсем доволен моим письмом... – Речь идет о письме 108.
...сколько на выполнении конкордата – кто тут папа и кто Наполеон? – Герцен шутливо сравнивает свой договор с Прудоном с договором, заключенным между Наполеоном I и папой римским Пием VII в 1802 г. См. комментарии к письму 108.
111. Т. Н. и Е. Б. ГРАНОВСКИМ
Печатается по автографу (ЛБ). Подстрочное замечание Герцена опубликовано впервые: ОРГ, стр. 58. Полностью, с текстом письма Н. А. Герцен, публикуется впервые. Датируется на том основании, что: 1) А. И. и Н. А. Герцен упоминают о 26 августа (старого стиля) – дне именин Натальи Александровны – как о прошедшем; 2) 21 (9) сентября 1849 г. Герцен начал следующее письмо Т. Н. Грановскому.
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: Л V, 279–283, по копии, снятой А. Н. Пыпиным с подлинника. В автографе ряд зачеркнутых слов (собственные имена), поддающихся прочтению, а также таких, которые не могут быть прочтены. Судя по заключительным строкам письма и по началу следующего (№ 113), не только последнее, но и комментируемое письмо было, видимо, отправлено в Россию не по почте, а с оказией (начальная фраза: «Это писано с целью послать по почте», очевидно, была дописана позже). В связи с этим следует думать, что зачеркивания, встречающиеся в конце письма, написанном тогда, когда Герцен уже знал о представляющейся ему оказии, были произведены не Герценом, а лицом, у которого впоследствии хранилось данное письмо в России (может быть, из опасения обыска). Ответ на письмо Т. Н. Грановского от 6 сентября (25 августа) 1849 года (ЛН, т. 62, стр. 96–98).
...многое больно и грустно в том, что ты пишешь насчет Огарева. – Возобновляя свои прежние обвинения по адресу Огарева (см. комментарий к письму 105) и прибавляя к ним новые, Грановский писал Герцену: «Я не верю в счастье Natalie и в любовь Огарева. Это увлечение, источник которого – душевная праздность. Я слышал от него такие же страстные речи о Кобылиной и Салиас. И все это так недавно. А между тем он говорил о своих улучшениях по именью и не только разорялся, но давал разорять крестьян своих ... Не того ждали мы все от Огарева. Я не требую от него
402
занятий наукою, трудов каких-нибудь, а человеческого, благородного существования. За что же осуждена Natalie платить за поэтические прихоти Огарева ... Его легкомыслие доходило до жестокого эгоизма. Вот отчего у меня вырвались те слова, которые подали тебе повод к обвинению на меня. Я люблю Огарева не менее прежнего, но иначе, не так хорошо, не так легко».
Как я глубоко с тобою согласен, что если еще эти отношения снять, то это равняется большому куску мяса из груди. – В письме от 6 сентября (25 августа) 1849 г. Грановский писал о своем чувстве к Герцену и Огареву: «Почти с отчаянием заметил я тогда, что вы прикреплены к моей душе такими нитями, которые нельзя перерезать, не захватив живого мяса».
...Обер-Бернерланда... – района Швейцарии.
...продвинуться еще более на юг, ad instar Василью Петровичу... – т. е. в Испанию.
...nuovi tormenti, e nuovi tormentati... – новые мучения и новые мученики (итал.) – из «Божественной комедии» Данте («Ад», песня VI, стих 4).
...умстенды... – обстоятельства (от нем. Umstände).
...я сам по себе ~ Щей горшок, сам большой. – Ср. с этим стихотворные строки Пушкина: «Мои желания – покой, // Да щей горшок, да сам большой» («Отрывки из Путешествия Онегина»).
Вот тебе, Петр Григорич, и Гегель! – П. Г. Редкин был гегельянцем правого толка. Сейчас получил письмо от Огарева ~ он так юн, полон душевной деятельности;

едакую натуру, видно, не скоро сломаешь. — Речь идет, вероятно, о письме от 4 сентября (23 августа) 1849 г. (ЛН, т. 61, стр. 790—792), или о письме от 12 сентября (31 августа) 1849 г. (ЛН, т. 61, стр. 793 — 749).
Приложу к нему письмо... — Это письмо неизвестно.
...афинец, осиленный Силой... — Каламбур: Сила — один из 70 апостолов, епископ в Коринфе.
Я пишу только по части естественных наук ~ за дельного натуралиста... — О своей мнимой специализации по естественным наукам Герцен заявляет, конечно, лишь в расчете на возможную перлюстрацию письма. «Успехи», о которых в нарочито завуалированной форме Герцен информирует Грановского, связаны со статьями, составившими книгу «С того берега» (см. письма 113 и 114).
...очень много набралось матерьялу. Возьму свежий лист, а то сей, исписанный с паническим страхом, того недостоин. — Речь идет о другом, «свободном» письме, — уже без оглядки на перлюстрацию — которое Герцен решает написать, узнав о возможности использовать не почту, а оказию. Таковым явилось следующее письмо (113) — к московским друзьям от 27— 28 (15—16) сентября 1849 г.
...я не знал, как послать вам брошюрку — посылаю на первый случай 1 экземпляр... — Речь идет о книге «С того берега».
113. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в извлечениях «Современник», 1912, кн. IV, стр. 200—202; полностью: Л V, 285—292 — по копии, снятой А. Н. Пыпиным с подлинника.
Глупый день 13 июня... — Известное выступление демократических сил Парижа против реакционной политики президента Луи Наполеона. О своем участии в демонстрации 13 июня 1849 г. и о причинах ее неудачи Герцен говорит подробно в «Былом и думах» (X, 50—53).
403
...на другой день после отъезда моей жены явились ~ жандармы... — Обыск в доме у матери Герцена был произведен французской полицией после отъезда в Женеву не Н. А. Герцен, а
А. И. Герцена (Н. А. выехала в Женеву через две недели). Подробности об этом обыске см.
Рейхель, стр. 65. В «Былом и думах» Герцен избежал отмечаемой неточности, указав, что обыск был произведен «дня три после моего отъезда» (X, 54).
...что это за мир, который вдруг ждет спасения от венгров ~ с австрийским императором. — Накануне выступления 13 июня 1849 г. большинство деятелей мелкобуржуазной демократии связывало свои надежды с изменением всей обстановки в Европе под воздействием ожидаемых побед революционной Венгрии над австрийскими войсками; многие рассчитывали также на конфликт между Пруссией и Австрией из-за проблемы объединения Германии. Наконец, для всего лагеря буржуазной демократии было характерным упование на то, что уход с поста президента Луи Наполеона послужит залогом нового подъема революции и окажется достаточным для успешного осуществления ее задач.
...между тем, я вам прокричал первое «гись! гись!» после 15 мая 1848. — Герцен, будучи свидетелем событий 15 мая 1848 г., в тот же вечер говорил Анненкову и Боке, что «Республика ранена насмерть, ей остается теперь умереть». См. «Письмо девятое» из «Писем из Франции и Италии», датированное 10 июня 1848 г. (V, 132).
...если имя ее осталось, то это единственно исключительно оттого, что три претендента делят силы реакции... — Мысль Герцена, что республика во Франции после поражений пролетариата и демократии сохранялась лишь из-за соперничества трех монархических течений (легитимистов, орлеанистов, бонапартистов), полностью совпала с анализом обстановки после событий 13 июня 1849 г. у К. Маркса в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд., т. 7, стр. 77).
...вести о баденских расстреливаниях ~ месть прусского кастрата ~ швейцарцы бросали кусок хлеба... — В июне 1849 г. прусская карательная армия подавила последнюю волну революции в Германии — восстания в защиту имперской конституции в западной и южной Германии, центром которых были Баден и Пфальц. При карательных действиях пруссаков сотни солдат и офицеров баден-пфальцской повстанческой армии стали жертвами прусских военных судов, выносивших, как правило, смертные приговоры. Остатки войск повстанцев в июле 1849 г. перешли швейцарскую границу и были интернированы швейцарскими властями.
Одни римляне делают исключение ~ это было нашествие татар... — Герцен имеет в виду героическую оборону Римской республики, под руководством Гарибальди, от превосходящих сил французских интервентов, продолжавшуюся до начала июля 1849 г.
...игнорант... — невежда (от лат. ignorans).
...с генералом, знаменитым только пораженьями. — Герцен иронически именует так известного польского революционера Л. Мерославского, ставшего в июне 1849 г.

главнокомандующим баден-пфальцской армией. В 1848 г. Мерославский возглавлял польское национальное восстание в познанской области против Пруссии, потерпевшее поражение, а в марте 1849 г. неудачно действовал в качестве командующего мессинским фронтом в Сицилии при обороне острова от неаполитанских королевских войск.
Мир оппозиции ~ тот же падающий мир. — Подробно Герцен пишет об этом в статье «LVII год республики, единой и нераздельной» («С того берега»).
...Даниловские слова: «Банкротство! Безденежье! ~ слышнее и слышнее. — Здесь, как и в некоторых предыдущих письмах, Герцен повторяет ту ошибочную оценку экономического положения Франции в
404
1849 г., какой придерживалась большая часть демократической прессы и, в частности, прудоновская газета «Le peuple». В действительности уже в конце 1848 г. началось рассасывание экономического кризиса, хотя выход из него происходил неравномерно: одни отрасли промышленности (главным образом легкой) уже вступили в полосу оживления и подъема, тогда как другие пребывали еще в состоянии депрессии.
...virorum obscurorum... — темных людей (лат.) — сказано иронически. Герцен использует здесь название знаменитой книги Ульриха фон Гуттена «Письма темных людей».
...высший представитель социализма в Германии, Готшальк... — Готшальк был членом «Союза коммунистов», но оставался, в сущности, мелкобуржуазным социалистом. В период революции 1848 г. в Германии Маркс и Энгельс вели решительную борьбу против Готшалька, проповедовавшего рабочим смесь из оппортунистических и сектантских идей.
Даже есть из итальянцев... — О своих знакомствах в Женеве в 1849 г. с итальянскими революционерами-эмигрантами Герцен подробнее рассказал в «Былом и думах» (X, 65—82). В данном случае он имел в виду, вероятно, Саффи и Джакомо Медичи.
Я ссудил Прудона деньгами для издания нового журнала... — См. письмо 108.
...его война с дураком Лудвигом-Наполеоном ~ поэзия гнева и презрения. — 29 января 1849 г. президент и образованное им правительство монархиста О. Барро добились принятия Собранием решения о скором самороспуске и назначении новых парламентских выборов. После политического кризиса 29 января борьба демократического лагеря против монархической реакции весьма обострилась. В этот период Прудон опубликовал в своей газете «Le Peuple» крайне резкие статьи, обличавшие Луи Наполеона в антиконституционных действиях и заговоре против республики. За свои статьи Прудон был лишен депутатской неприкосновенности и привлечен к судебной ответственности. 28 марта судом присяжных он был приговорен к 3 годам тюремного заключения.
...за буржским процессом... — В марте 1849 г. в городе Бурже Верховный суд Франции судил Барбеса, Альбера, Бланки, Распайля, Собрие и других, привлеченных по делу о событиях 15 мая 1848 г.
...французский паркет. — Суд (parquet буквально означает пространство в зале суда между местом для судей и местом для адвокатов).
...в ассизах. — Ассизы (от франц. assises) — собрание судей, судебное заседание.
...«Delenda est Austria, delenda est Prussia»... — «Должна быть уничтожена Австрия, должна быть уничтожена Пруссия» — Герцен перефразирует известное изречение Катона «Karthago delenda est!» («Карфаген должен быть разрушен!»).
...в августе месяце была доставлена статейка ~ как я смотрю на сей вопрос. — См. «С того берега» — VI, 12—18.
...альманах «Les Réfugiés peints par eux-mêmes»... — Сборники «физиологических очерков» такого типа были весьма распространены в 1840-х годах и во Франции и в России — см., например, сборник «Les français, peints par eux-mêmes» (1839—1842), в которых участвовали Бальзак, Е. Сю, Ж. Жанен и др. Русским подражанием этому изданию явился сборник «Наши, списанные с натуры русскими» (1841).
...Ivan Golovine ~ он был здесь и уехал в Брюссель. — «Об И. Головине и его эмигрантской жизни Герцен рассказывает в «Былом и думах» (XI, 404—427).
Судьбу и историю Бакунина ~ Он себя вел геройски. — См. комментарий к письмам 80 и 81.
В подлой газете «Journal de Genève» ~ de la centralisation révolutionnaire. — Вероятно, Герцен имеет в виду следующую заметку в «Journal
405
de Genève» от 13 июля 1849 г.: «On annonce le retour a Genève de M. Heinzen et l'arrivée de M. et Mme Struve, de M. Herweg, de M. Hertzen et autres personnages plus ou moins marquantes de l'état major de la propagande révolutionnaire» «Сообщают о возвращении в Женеву г. Гейнцена и о приезде г. и г-жи Струве, г.

Гервега, г. Герцена и прочих более или менее примечательных лиц из генерального штаба революционной пропаганды»».
...как мужички тульские Алексея Степаныча? — Имеются в виду крепостные А. С. Хомякова. См. письмо 33.
Как богородица-троеручица покровом покрывает — Глинку? — Герцен иронизирует над писательницей А. П. Глинкой, написавшей ряд произведений житийного жанра (среди них — «Жизнь пресвятыя девы богородицы» М., 1840).
Читает ли государь сочинения Аксакова? — Арестованному в марте 1849 г. И. С. Аксакову управляющий III отделением ген. Л. Дубельт предложил написать записку с изложением своих взглядов. Записку эту читал Николай I (см. И. С. Аксаков и его письма, ч. 1, т. 2, М., 1888, стр. 147).
...«Les confessions d'un révolutionnaire» — Полное название книги Прудона: «Les confessions d'un révolutionnaire, pour servir à l'histoire de la révolution de Février». См. письмо 123.
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 42—44. Год написания определяется по связи с соседними письмами. На обороте автографа почтовый штемпель: «Genève, 5 octobre 49».
Письмо Э. Гервег, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...какую замечательную прогулку мы совершили в Шамуни... — Прогулка эта состоялась 1 октября 1849 г. См. ее описание в письме Н. А. Герцен к Э. Гервег — ЛН, т. 64, стр. 267.
...ненависть к мужчинам толкает его на любовь к женщинам... — Игра слов: по-французски «homme» означает и «человек» и «мужчина».
...на горе Анвер... — Игра слов: «en vers» («в стихах») и «Anvers» (название горы) по- французски звучат одинаково.
...ее покойный батюшка-козел не был букинистом... — Каламбур: по-французски «козел» — «bouc»; от этого слова Герцен в шутку производит слово «букинист».
Кстати, он чертовски сиплый, этот голос. — Герцен был крайне недоволен первыми номерами газеты «Voix du Peuple» — ср. далее письма 116, 118, 119.
Я написал Хоецкому, а Хоецкий написал мне... — Это письмо Герцена к Хоецкому неизвестно, так же как и ответ Хоецкого.
Я написал Сазонову... — Письмо Герцена Сазонову не сохранилось. Как Герцен указывает в «Былом и думах», он предложил Прудону передать Сазонову иностранную часть редакции «Voix du Peuple». «С его знанием четырех языков, литературы, политики, истории всех европейских народов, с его знанием партий он мог из этой части журнала сделать чудо для французов. Во внутренний распорядок иностранных новостей Прудон не входил, она была в моих руках, но я из Женевы ничего не мог сделать. Сазонов через месяц передал редакцию Хоецкому и расстался с журналом. „Я Прудона глубоко уважаю, — писал он мне в Женеву, — но двум таким личностям, как его и моя, нет места в одном журнале"» (X, 330). См. также комментарий к письму 119.
406
«Голос народа» ~ путь истинный ~ в Савойе. — Игра слов: «Voix» («Голос» в названии газеты «Voix du Peuple»), «voie» путь и вторая половина слова «Savoie» («Савойя») звучат по- французски одинаково.
...«Débats»... — Ежедневная парижская газета «Journal des Débats», орган орлеанистов.
...пробежали ли вы мои бедные листки... — По-видимому, речь идет о корректурных листах печатавшегося в это время в Цюрихе немецкого издания «С того берега».
...ах, будь они козьими! — Каламбур: французское слово «chèvrefeuille» («жимолость») в буквальном переводе означает «козий листок».
...я скоро вышлю вам письмо о России. — Речь идет о статье «Россия», напечатанной в первом, немецком издании «С того берега» в виде открытого письма «К Г. Гервегу».
...Гауг прислал нам одного турецкого итальянца... — О ком здесь говорится, установить не удалось.
115. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано, вместе с отправленным одновременно письмом Н. А. Герцен: НПГ, стр. 154—156.
Н. А. Герцен писала: «Глупо ты делала, что давно не написала просто о деньгах, будь умней вперед, а я была преспокойна за твой счет, потому что Александр писал Грановскому взять для тебя у кого». Последние пять слов были зачеркнуты Герценом и заменены следующими: «откуда взять, если кому нужно».
Все мыслящее, чувствующее здесь поражено горем... — Речь идет, очевидно, о настроениях политических эмигрантов, число которых в Швейцарии все возрастало.
я писал месяца полтора тому назад, что если вам нужно, где и как взять Грановскому. — См. письмо 105.

...как именно огаревский долг. — См. об этом комментарий к письму 105.
Мне писал Грановский... — См. письмо Грановского к Герцену от июля 1849 г. — «Звенья», т. VI, 1936, стр. 362—363.
«Море» Айвазовского ~ портреты... — Видимо, речь идет о картинах, купленных ранее Герценом у И. П. Галахова. О картине Айвазовского упоминается в письмах Ключареву (№№ 71, 73 и 152).
«Погоди немного, отдохнешь и ты» — Из стихотворения Лермонтова «Из Гёте» («Горные вершины спят во тьме ночной»).
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 45—46. Датируется по одновременно отправленному письму Саши Герцена от 10 октября, в котором он просил Э. Гервег скорее приехать в Женеву.
Там мы поселимся 1 ноября... — Герцены в Вето не переехали.
...он все же не должен бросать иностранную часть газеты... — См. письмо 118.
...все дело было только в том, чтобы получить залог. — См. письма 108 и 118.
407
117. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано (отрывок в русском переводе): ЛН, т. 7—8, стр. 68 (как письмо к Г. Гервегу). Полностью (на языке оригинала и в переводе): ЛН, т. 64, стр. 46.
...Гильмен... — поверенный и издатель Прудона. Альфред Даримон писал впоследствии в своих мемуарах по поводу предоставления Герценом залога в 24 000 франков для издания «Voix du Peuple»: «Добрая душа нашлась благодаря Шарлю-Эдмону. Он свел Гильмена с молодым русским — великим революционером и в то же время великим писателем. Герцен, которому удалось вырвать свое состояние из царских когтей, согласился открыть нам свой кошелек. Гильмен, отправившийся в Женеву договариваться с ним о займе 24 000 франков, рассказывает, что он никогда не встречал человека, который отдавал бы свои деньги с большим великодушием и изяществом. Можно было подумать, что услугу ему оказываем мы» (A. Darim o n. A travers une révolution. P. 1884, p. 180). Поездка Гильмена к Герцену в Женеву состоялась в середине августа 1849 г. («Correspondance de P.-J. Proudhon», t. III. P. 1875, p. 29. См. также ЛН, т. 39—40, стр. 269—270 и т. 62, стр. 536—540). По-видимому, именно во время этого свидания Герцен и дал Гильмену поручение финансового характера относительно своего парижского дома.
...стоило Ротшильду выпустить деньги из рук, как все исчезло. — См. письма 108 и 118.
118. К.-Э. ХОЕЦКОМУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 440—441.
...отчего же вы покинули иностранную редакцию? — Пребывание вне Франции не давало Герцену возможности непосредственно руководить иностранным отделом «Voix du Peuple». Его уполномоченными в Париже в первое время издания газеты были Н. И. Сазонов и Хоецкий (см. об этом в комментарии к письму 114). Сообщение Хоецкого о том, что он покинул иностранный отдел «Voix du Peuple», поэтому не могло не вызвать у Герцена недоумения. Хоецкий, впрочем, вскоре возвратился к исполнению своих обязанностей и работал в «Voix du Peuple» почти до последних дней издания газеты.
...впечатление, произведенное в Германии и Швейцарии, было очень неблагоприятным. — Герцен хотел превратить «Voix du Peuple» в боевой орган передовых революционных кругов (см. письмо 108). В проспекте, напечатанном в пробном номере «Voix du Peuple», было обещано, видимо по рекомендации Герцена, что внешняя политика будет обсуждаться в газете с большой широтой. «Во всех странах будут находиться специальные корреспонденты, и это позволит сообщать нашим читателям новости и давать оценку событий, которых нельзя будет найти ни в какой другой газете». Между тем и пробный номер, и следующие номера «Voix du Peuple» глубоко разочаровали Герцена. Иностранный отдел занял в газете совсем незаметное место. Вдобавок редакция, заполнявшая страницы газеты бесконечными стенограммами прений в Законодательном собрании и обзорами парижских газет, сплошь и рядом отвергала интересные и важные корреспонденции, которые присылались из-за границы. Материалы, печатавшиеся в газете, были серы и невыразительны. Герцен с огорчением пришел к мысли, что обращение к нему за помощью со стороны Прудона и его помощников было вызвано исключительно материальными соображениями. См. об этом также в письмах 114, 116, 117, 119.
408
Тотчас прикажите напечатать весь проспект или часть его с маленьким обращением. — О каком проспекте идет речь — не установлено.
Г-жа Гервег, вероятно, получила первую часть моей статьи о России... — Статья Герцена «La Russie», напечатанная в «Прибавлениях» к «Voix du Peuple», №№ 50, 57 и 71 от 18 и 26 ноября и 10 декабря 1849 г. (VI, 150—223), появилась под

рубрикой «Всеобщая политика. Солидарность народов», с пометой «Письмо второе». «Первое письмо», напечатанное в № 43 «Прибавлений» к «Voix du Peuple», принадлежало Хоецкому. Хоецкий (видимо, по прямому указанию Герцена) особенно акцентировал намерение «Voix du Peuple» подвергнуть преимущественному изучению Россию – «страну, находящуюся под ярмом Священного союза, древнюю и опасную крепость тирании, которая, занимая главенствующее положение в контрреволюции, займет поэтому первостепенное место в статьях „Voix du Peuple"». В той же статье Хоецкий добавлял, что, начиная с будущего понедельника, в газете начнется печатание труда о России, «которым занят сейчас один из наших друзей и в то же время знаменитый русский писатель» (т. е. Герцен). «„Voix du Peuple", – писал Хоецкий, – явится, таким образом, министерством иностранных дел французского социализма, трибуной, с которой народы Европы поочередно смогут освещать свое положение и вступать в братство и союз с французскими республиканцами против коалиции кабинетов, дипломатий и полиций контрреволюции».
Есть ли у вас кто-нибудь для ее перевода? – Кем была переведена статья Герцена на французский язык, не установлено. Многочисленные упоминания о ней см. в письмах Герцена, адресованных Э. Гервег.
...прилагаемое письмецо. – Вероятно, речь идет о недошедшем до нас письме Герцена к одному из сотрудников «Voix du Peuple».
119. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Carr, стр. 96–98. На обороте автографа почтовые штемпели: «Genève, 24 octobre 49», «Genève, 26 octobre». Штамп на конверте: «A. E. Rufenacht. Hôtel des Bergues. Genève».
Письмо Э. Гервег, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
Он написал мне... – Письма Буко к Герцену остаются неизвестными.
Я с большим удовольствием выдал бы доверенность г-ну Лограну... – Вероятно, в своем письме Э. Гервег, указывая на недобросовестность Буко, рекомендовала Герцену отстранить его от дел и передать их одному из редакторов «Voix du Peuple» – Лограну.
...к уходу Сазонова. – Н. И. Сазонов, горячо уговаривавший Герцена оказать денежную помощь Прудону для издания газеты «Voix du Peuple» и рассчитывавший деятельно сотрудничать в ней (см. ЛН, т. 62, стр. 522–540), вскоре оставил новую газету и перешел в «La Réforme». 15 ноября 1849 г. он писал Огареву: «Известный тебе субсидатор Герцен народного голоса „Voix du Peuple" пристроил меня к этой газете, где я работал сначала с увлечением, но поладить с патроном Прудоном и его дарю мондом Даримоном трудно, и думаю, что надо бросить эту компанию» (Л XIV, 134). См. комментарий к письму 114.
...его статью не приняли в пробный номер, который очень плохо вставили. – О какой статье Сазонова идет здесь речь – неизвестно. Пробный номер «Voix du Peuple» вышел в свет в Париже 25 сентября 1849 г.
...вы увидите Бамбергера ~ он не прочь посылать статьи. – Герцен познакомился со вскоре уехавшим в Англию Людвигом Бамбергером в Женеве. См. в воспоминаниях Бамбергера подробности о его встречах с Герценом
409
(L. Bamberger. Erinnerungen. Berlin, 1896). См. также Л V 297. Бамбергер в 1850 г. начал сотрудничать в «Voix du Peuple».
...письма Блинда и Телеки не печатаются за недостатком места... – В № 18 «Voix du Peuple» от 18 октября 1849 г. редакция сообщила о получении ею «Письма от Карла Блинда по поводу Л. Мерославского» и выразила сожаление, что отсутствие места мешает ей напечатать это письмо. Аналогичную заметку редакция опубликовала через два дня, 20 октября 1849 г. (в № 20), указав, что по той же причине не может быть напечатано письмо графа Телеки по поводу казни Батиани, и кратко изложила содержание письма.
...но положение его не из благоприятных. – Редактор «Voix du Peuple» Прудон находился в это время в тюрьме.
Посылаю вам пробный номер одной швейцарской газеты. – Вероятно, Герцен имеет в виду цюрихскую газету «Die demokratische Emigration», о предстоящем издании которой «Voix du Peuple» сообщала в № 27 от 27 октября 1849 г., перепечатав это известие из «Kölnische Zeitung». «Die demokratische Emigration» была органом немецких эмигрантов в Швейцарии.
...«Кто виноват?» Искандера ~ Она должна появиться у Брокгауза в переводе Вольфзона и войти в состав «Русских повестей». – Повесть Герцена «Кто виноват?» в немецком переводе
В. Вольфзона была издана в Лейпциге фирмой Ф.-А. Брокгауза в серии «Избранная библиотека иностранных классиков. Новеллисты России». Часть третья. На титульном листе обозначен 1851 г.
Нет ли там русского перевода «Одиссеи», вышедшего, кажется, в Карлсруэ? –

«Одиссея» Гомера в переводе В. А. Жуковского была впервые напечатана в Карлсруэ в 1849 г.
Наш друг Мёглинг был приговорен к смертной казни. Она отсрочена. — Участник Баденского восстания Теодор Мёглинг, захваченный прусскими войсками, был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии тюремным заключением.
120. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано (отрывок в русском переводе): ЛН, т. 7—8, стр. 68 (как письмо к Г. Гервегу); полностью (на языке оригинала): Сагг, стр. 98.
...последний отпечатанный лист моего письма. — Речь идет о напечатанном в «Прибавлениях» к «Voix du Peuple» французском переводе открытого письма «К Г. Гервегу». См. комментарий к письму 118.
...«Русские дела. 1849 год». — Изданная анонимно в Лейпциге брошюра «Russische Zustände» принадлежала перу Бакунина — как об этом вскоре Герцену сообщил Гервег (Л XIV, стр. 59. См. также VI, 516 и VII, 418).
...поместить его необходимо. — Это примечание в «Voix du Peuple» не появилось. Возможно, что Герцен в одном из не дошедших до нас писем отменил свое распоряжение.
В газете надобно сказать, что письмо к Гервегу написано русским, но без указания фамилии. — Статья «La Russie» появилась в «Voix du Peuple» за подписью «Un russe» («Русский»).
...он печатает сочинение на немецком языке, — нечто вроде философии революции. — Примечание о печатании «Vom ändern Ufer» в «Voix du Peuple» не появилось.
...на мое имущество наложено запрещение. — О запрещении, наложенном царским правительством на имущество и денежные средства Герцена, и о мерах, принятых им через Ротшильда для получения денег по векселю («билету») его матери, Герцен подробно рассказал в «Былом
410
и думах» (X, 132—150). См. также письмо 152 и комментарий к нему.
...письмо, адресованное мне гг. Ротшильдами... — Это письмо неизвестно.
...прошу его снять все примечание, где говорится о Тургеневе, Головине и пр. — Герцен имеет в виду содержавшуюся в немецком издании письма «К Г. Гервегу» («Vom ändern Ufer», 1850) характеристику написанных по-французски книг Н. И. Тургенева и И. Г. Головина о России (Это «примечание» см. в т. VI наст. изд., стр. 476—477.) Из публикации «Voix du Peuple» эти строки были исключены.
121. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 267. Приписка к недатированному письму Н. А. Герцен. Дата письма условно определяется по связи с соседними письмами.
122. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 53.
...назначив господина Опуля министром, не назначить другим министром гражданина Труазёфа, который присутствовал в качестве свидетеля в Версале и является мужем Элизы? — 31 октября 1849 г. Луи-Наполеон назначил генерала Альфонса д'Опуль (д'Опу) военным министром и по совместительству министром иностранных дел. Шутка Герцена вызвана тем, что фамилия Опуль в буквальном переводе с французского означает «почтенная курица», а фамилия мужа горничной Герценов Элизы — Труазёф в переводе с французского означает «три яйца». В Версале в это время проходил судебный процесс над участниками выступления 13 июня 1849 г.
Речь Дюфора, в которой он клевещет на Женеву, прочитана здесь с подлинным отвращением ~ перепечатать с небольшим примечанием... — Бывший министр внутренних дел Франции, смещенный 31 октября 1849 г., Арман-Жюль Дюфор утверждал, что скопление в Швейцарии большого числа французских революционных эмигрантов представляет опасность как для Швейцарии, так и для пограничных департаментов Франции. Он заявил также, что швейцарская радикальная партия использует это скопление эмигрантов-революционеров для нажима на консервативную партию. Пересланный Герценом ответ «Revue de Genève» на речь Дюфора появился в «Voix du Peuple» от 7 ноября 1849 г., № 38, без всяких комментариев от редакции. В нем разоблачался клеветнический характер выступления Дюфора, которому предъявлялось ответное обвинение в том, что речь его была инспирирована швейцарской консервативной партией.
...чтобы над моим письмом было проставлено «Лондон». — Указание на «Лондон» как на место, откуда прислана статья «La Russie», должно было, по мысли Герцена, сбить с толку агентов русского и французского правительств, которым он не хотел открывать пока ни своего авторства, ни местопребывания. Это указание на Лондон в «Voix du Peuple» было сделано в конце статьи, рядом с датой — 25 августа 1849 г. С той же целью Герцен обозначил «Кёльн» под своей статьей «Донозо Кортес» и

«Лондон» под «Письмом к Маццини».
...нужно написать несколько небольших статей о Женеве. — Сообщения и корреспонденции из Швейцарии, в связи с создавшимся там напряженным положением и угрозой оккупации страны войсками европейской реакции, печатались в «Voix du Peuple» почти ежедневно.
411
123. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 54—55. Год определяется содержанием письма, в котором есть ссылка на материалы, опубликованные в «Voix du Peuple» в ноябре 1849 г.
...так... так ~ не хватит времени... — Игра слов: по-французски «tant» («так») и «temps» («время») звучат одинаково.
...на rue du Cirque... — т. е. в Париж, где на rue du Cirque в доме № 9 жила Эмма Гервег.
Брошюра Прудона великолепна, последняя страница ~ исполнена самой высокой поэзии... — Речь идет о вышедшей в 1849 г. в Париже книге Прудона «Les confessions d'un révolutionnaire, pour servir à l'histoire de la révolution de Février» («Исповедь революционера, долженствующая служить для истории Февральской революции»). На Герцена не могла не произвести благоприятного впечатления резкая оценка Прудоном партий, предавших народ во время революции 1848 г., характеристика правительства Луи-Наполеона, «как вампира, нуждающегося в нашей крови», беспощадное осуждение реакции и восторженный гимн свободе как «последнему слову социальной философии». Заключительная (106) страница книги представляет собой торжественный дифирамб Иронии. Назвав ее «подлинной свободой», «владычицей истины», Прудон заключал: «Приди же, моя владычица: пролей на моих сограждан луч своего света; зажги в их душе искру своего ума, чтобы исповедь моя примирила их и чтобы эта неотвратимая революция совершилась спокойно и радостно».
А что вы скажете о № 36 (от 5 ноября)? — Речь идет о напечатанной в № 36 «Voix du Peuple» статье Прудона «Qu'est-ce que le gouvernement? Qu'est-ce que Dieu?» («Что такое правительство? Что такое бог?»), в которой Прудон, излагая основные положения своей книги «Исповедь революционера» и называя ее «Манифестом» «Voix du Peuple», провозглашал основные принципы, во имя которых ведет борьбу руководимая им газета: всеобщее голосование и социально-экономическая реформа, достигаемая особой организацией кредита.
...я серьезно советую поместить женевские новости. — Вероятно, речь идет о корреспонденции, помещенной 8 ноября 1849 г. в № 39 «Voix du Peuple» под рубрикой: «Иностранные известия. — Швейцария» — с указанием, что заметка получена от собственного корреспондента. Не исключена возможность, что она была написана и прислана самим Герценом. Приводим ее полностью, в переводе с французского: «Народное собрание, созванное для обсуждения предстоящих выборов в Государственный совет, имело место сегодня утром в Моляре. Стечение народу было огромное; Женева никогда не видела ничего подобного. Речи гг. Джемса Фази и Картере, президентов Верховного совета и муниципального совета, прерывались ежеминутно шумными рукоплесканиями. Победа прежнего либерального Государственного совета несомненна; это было провозглашено всеми. Был одобрен также и прямой протест, адресованный федеральному совету по поводу высказываний бывшего министра г. Дюфора, касавшихся Женевы».
124. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Письмо к Георгу появится также в «Italia del Popolo». — Итальянский перевод статьи Герцена под заглавием «La Russia» был напечатан в органе Маццини «Italia del Popolo», 1849, №№ 11 и 12.
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 241.
...два заемных письма г. Огарева... — Речь идет о возвращении погашенных векселей Огарева от 12 августа и 28 октября (ст. стиля) 1846 г. на 10 и 5 тыс. руб. (см. Л XIV, стр. 11).
...насчет моего долга ~ из недвижимого именья. — Получив известие, что его костромское имение конфисковано, Герцен намечает план его спасенья. Согласно этому плану (первоначально развитому 26 октября в письме к Эмме Гервег — см. № 120), предполагалось, что Герцен выдаст Л. И. Гааг вексель на сумму в 100—120 тыс. р. ассигнациями, который та предъявит к оплате в России через банкирский дом Ротшильда, с тем чтобы взыскание по этому векселю было обращено на принадлежащую Герцену недвижимость, т. е. на костромское имение. Об этом своем мнимом «долге» Л. И. Гааг Герцен, видимо, уже раньше писал Ключареву, но то письмо не сохранилось. Ни эта, ни другие попытки спасти костромское именье ни к чему не привели.
...заемные письма мои уже не представлены ли... — Узнав 26 (14) октября от Г. И. Ключарева о наложении запрещения на его имущество (см. письмо 120), Герцен

запрашивает, распространяются ли запретительные меры русского правительства на движимость (векселя).
Марья Каспаровна спрашивает о своих 2000 сер. ... — О деньгах, данных ею в долг Огареву (см. письмо 24).
125. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Впервые опубликовано вместе со следующим далее в автографе письмом Н. А. Герцен: НПГ, стр. 157.
Так как Марья Каспаровна должна эти деньги Луизе Ивановне... — Долг этот, вероятно, фиктивный: перевод на имя Л. И. Гааг за границу сумм, которые М. К. Эрн имела в России, мог иметь значение для Герцена в условиях борьбы его за спасение своего состояния, на которое русское правительство наложило запрещение.
126. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39—40, стр. 242.
...послал вам векселя и расписку... — См. письмо 124.
...собираюсь не на шутку зимовать в Лондоне... — В письме, посылаемом по почте и подвергающемся перлюстрации, Герцен мог говорить о Лондоне для отвода глаз (см. комментарий к письму 122). Во всяком случае, поездка в Лондон не состоялась.
Печатается по тексту книги: Moses Hess. Briefwechsel. Herausgegeben von Edmund Silberner, S-Gravenhage, 1959, S. 230, где опубликовано с автографа, хранящегося в «Институте социальной истории» в Амстердаме (ранее — в архиве германской социал- демократической партии в Берлине). Впервые опубликовано в книге: Irma G o i t e i n. Probleme
413
der Gesellschaft und des Staates bei Moses Hess. Leipzig, 1931, S. 157—158. В русском переводе: ЛН, т. 7—8, стр. 74.
...моей матери, которая живет в Цюрихе... — Летом 1849 г. в цюрихскую школу для глухонемых был помещен сын Герцена Коля. С ним поселилась в Цюрихе Л. И. Гааг.
...стихотворение Байрона «Тьма»? — См. о нем в части пятой «Былого и дум» (X, 122).
...дела от 13 июня... — О демонстрации в Париже 13 июня 1849 г. см. «Былое и думы» (X, 50— 53), а также письмо 113.
128. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 56—57.
...прошлое — ewig stumm... — Несколько видоизмененное выражение из стихотворения Шиллера «Spruch des Konfuzius». (В подлиннике: «Ewig still steht die Vergangenheit» — «Прошедшее вечно немо».)
Думаю, что 12 декабря вы увидите Георга. — Н. А. Герцен писала Э. Гервег в это время: «Паспорт Георга еще не прибыл. Как только Георг его получит, он отправится в Париж. Александр на днях едет в Цюрих, чтобы привести в порядок кое-какие дела. Затем, как только здоровье мне позволит, мы все уедем в Париж» (ЛН, т. 64, стр. 268), Документы Герцена и Гервега были отосланы в Берн для получения визы во французском посольстве. В конце ноября 1849 г. Э. Гервег сообщила мужу из Парижа, что французское министерство внутренних дел дало неблагоприятный отзыв на запрос о его политической благонадежности, в связи с его участием в баденском восстании и вследствие его «передовых взглядов». Аналогичный отзыв дал и префект полиции. По этой причине в визе на приезд в Париж Гервегу было отказано (см. Victor F^ u^. Le Poète Georges Herwegh. P. 1911, pp. 153—154).
...когда он был пятнадцатилетней девочкой... — Герцен часто упрекал Гервега в капризности и кокетстве.
...что я стал на одну треть беднее... — Герцен имел в виду возможную неудачу с получением денег по петербургскому «билету» Л. И. Гааг.
«Et libera nos»... — «И избавь нас» — из католической молитвы «Pater noster» («Отче наш»).
...переводчик моего письма... — Кто был переводчиком письма «К Г. Гервегу» на французский язык, не установлено.
129. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 57—58.
Когда Франклин был в Париже... — Герцен приводит далее начало письма Бенжамена Франклина от 2 апреля 1777 г. (см. «The works o£ Benjamin Franklin, with notes and a life of the author», Boston,1840, p. 248).
...шутку Вето... — Имеется в виду снятие дачи в Вето, на которую Герцены так и не переехали (см. письмо 116).
...швейцарцем... — Игра слов: по-французски «швейцарец» и «швейцар» обозначаются одним и тем же словом «suisse».

130. Т. А. АСТРАКОВОЙ (приписка)
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью- Йорк). Приписка к письму Н. А. Герцен. Впервые опубликована: НПГ, стр. 161 – 162, вместе с письмом Н. А. Герцен (стр. 158–161).
Наталья Александровна рассказывала в своем письме: «Письма из России – для нас событие, так редко получаем мы их и так важны они для нас .... Ровно пять месяцев, как мы в Женеве, я не говорила почти ни с одной женщиной, ни с кем не знакома, ни с кем! Всё и все
мне кажутся хуже того, что у меня дома. – Ты, может, посмеешься над этим, а оно так (да ты и не посмеешься!). Александр – что это за юная, свежая натура, светлый взгляд, светлое слово, живая жизнь – с ним держишься на такой вышине и в такой ширине – что все кажутся какими-то тяжелыми жуками, роющими землю. Потом с нами живет здесь Георг, изящнее, поэтичнее я не знаю натуры: и все мы так сжились, так спелись – я не могу себе представить существованья гармоничнее. Скоро оставим Женеву, хочется слышать Колю, он начинает говорить, сердце замирает при этой мысли; я так благодарна за него Луизе Ивановне и Машеньке, что не могу даже благодарить их. Пробывши у них несколько времени, не знаю, куда нас ветер занесет, ветры здесь дуют сильные. Я думаю, ветер прибьет нас куда-нибудь вместе с семейством Георга ... Напиши мне, что знаешь об Анненкове, если увидишь его, напомни ему нас, мы его любим и вспоминаем ... Наташа славная девчонка, ее даже и Александр любит ужасно».
...мое письмо Николаю Александровичу... – Это письмо к Н. А. Мельгунову неизвестно.
Рамку... – Вероятно, речь идет о проданной картине Айвазовского (см. комментарий к письму 115).
131. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 58–60. Дата письма уточняется его содержанием (см. ниже).
Сосед думает, что он далеко от нас?.. – 19 декабря 1849 г. Герцен с женой и детьми покинули Женеву и отправились в Цюрих, где жили в это время мать Герцена и его сын Коля, воспитывавшийся в училище глухонемых. Проводив их, Гервег вскоре уехал в Берн.
...стул... вот и вся соль мира сего... – Каламбур: по-французски «selle» («стул») и «sel» («соль») звучат одинаково.
...Л... – Этот значок (контур альпийской вершины Dent de Jaman) Н. А. Герцен в своей переписке с Гервегом употребляла как символ их взаимной любви (см. ЛН, т. 64, стр. 265).
Ландри из «Гнезда близнецов». – Именами героев незадолго до того вышедшей в свет повести Жорж Санд «La petite Fadette» («Маленькая Фадетта»), горячо любивших друг друга близнецов Сильвине и Ландри, называли друг друга Гервег и Герцен. К этому же сравнению прибегала и Н. А. Герцен. Между Гервегом и мечтательным, несколько женственным, слабохарактерным Сильвине, а также между Герценом и Ландри – юношей мужественным, самоотверженным, прямодушным и исполненным энергии – действительно было несомненное сходство. И Сильвине и Ландри в повести Жорж Санд влюблены были в Фадетту, именем которой часто называла себя в переписке с Гервегом Н. А. Герцен. Название «La Bessonnière» («Гнездо близнецов») носили дом и усадьба родителей Сильвине и Ландри.
Ответ Г. Гервега, без даты, начинающийся словами: «Мой милый близнец, у меня голова кругом идет...» – Л XIV, 34–35.
132. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 60–62. В автографе вместо: «paletot vert de grenouille» («пальто зеленовато-лягушечьего цвета») – ранее было: «paletot vert de pomme» («пальто яблочно-зеленого цвета»).
...экзамен, где должен был выступать Коля. – Экзамен в цюрихском училище глухонемых, где учился Коля Герцен. В этот свой приезд в Цюрих Герцен горячо благодарил директора училища Шибеля и делал ему «разные любезности» (X, 160).
...на высоко-свеже-снего-засыпанном Красногорье... – Герцен пародирует немецкие составные прилагательные, зачастую отличающиеся непривычной для иностранного уха длиной.
...на манер Ксенофонта... – Греческий философ Ксенофонт, находившийся на службе у персидского царя Кира, после смерти последнего и вероломного убийства персами греческих военачальников, стал во главе десяти тысяч греческих воинов и умело отступил с ними к Геллеспонту.
133. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 62–64. Год определяется по связи с соседними письмами.

Ответ на письмо Гервега без даты, начинающееся словами: «Мой милый оливпец, — у меня голова кругом идет...» (Л XIV, 34—35).
...оно более, чем прекрасно... — В своем письме Гервег писал: «Друг, единственный мой друг, какая пустота вокруг меня после вашего отъезда! Я точно под колоколом пневматического насоса: воздух понемногу уходит, и скоро нечем будет дышать. И вместе с тем ничего не ладится. Меня прекрасно устроили! Мы все разъезжаемся кто куда: жена — в Париж, вы — в Цюрих, я — в Берн, а мы все, все могли бы быть вместе! Но нет, — у человека точно зуд сделаться несчастным, более несчастным чем... К чёрту! Устраивайтесь скорее. Но не приезжайте в Берн. Я хочу один наслаждаться вами. Здесь с утра до ночи вам нечего будет делать, как только слушать парламентскую историю моего дорогого отечества ... Я был почти уверен, что получу сегодня письмо от вас. Оно вывело бы меня из состояния полного безразличия, в котором я нахожусь. Но его нет, и я дождусь его, чтобы подольше поспорить с вами. До завтра, дорогой, дорогой друг». (Здесь и далее письма Гервега цитируются в переводе с французского. Поскольку до сих пор известна лишь небольшая часть писем Гервега к Герцену 1849—50 гг. (всего девятнадцать) и почти все они не датированы и не могут быть с достаточной точностью приурочены к определенному моменту, указываемые здесь и далее соотношения между письмами Герцена и ответными письмами Гервега иногда носят условный характер.)
...читая ~ и анализируя... — Каламбур: по-французски: «en lisant» («читая») и «en analysant» («анализируя») звучат сходно.
...как вы — Симону Трирскому... — Гервег читал в Берне Симону Трирскому (Людвигу Симону из Трира) по корректурным листам отрывки из книги Герцена «Vom andern Ufer», подготавливаемой в это время в Цюрихе к печати (X, 253).
416
...«жалкое созданье». — «Chétive pécore» — выражение из басни Лафонтена Жа Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Bœuf» («Лягушка, желающая стать столь же большой, как бык»).
...о моем имении с одним лондонским банкиром... — Герцен, видимо, пытался продать или заложить за границей свое костромское имение, на которое был наложен секвестр.
...его спрашивали в Консьержери обо мне, о причинах ~ в Париже и совсем ненадежно. — Австрийский революционный эмигрант Карл Таузенау, с которым Герцен часто встречался в Париже, был арестован французскими властями и посажен в парижскую тюрьму Консьержери, а затем выслан в Англию. Во время допросов Таузенау французские следственные органы проявили интерес к личности Герцена. Это явилось результатом специального запроса русского посольства в Париже префекту парижской полиции Ребильо, согласившемуся предоставлять посольству сведения о русских эмигрантах, в частности о Герцене. 26 июня 1849 г. русский генеральный консул в Париже де Спис докладывал русскому поверенному в делах Н. Д. Киселеву о разговоре с Ребильо. «Герцен был назван посольству как человек, поддерживающий отношения с самыми передовыми демократами, приютивший на несколько недель Бакунина и имевший продолжительные сношения с Головиным, Эвербеком и Таузенау. Вследствие вашего указания я отправился к префекту полиции. Представив ему записку о Герцене, в которой я просил его установить за ним деятельное наблюдение, чтобы проверить, до какой степени были основательны обвинения против этого человека, я сказал ему в то же время, что осторожность повелевала не делать письменного приказания, если он найдет причины произвести у Герцена домашний обыск». В том же письме де Спис докладывал Киселеву о недавно произведенном у Герцена обыске и о результатах допроса Таузенау: «1. Когда прибыли в квартиру Герцена, жившего у матери, г. Луизы Гааг, в rue Chaillot, № 111, то узнали, что он уже несколько дней выехал в Женеву, откуда должен будет выехать в Пруссию. 2. Узнали устно от Таузенау (того самого, который пойман и отпущен с приказанием выехать в течение 4 дней с французской территории), что он вновь часто встречался с Бакуниным, Головиным и Эвербеком (который до сих пор еще заключен) У Герцена и имел непосредственные сношения с немецким комитетом в Париже» (Л V, 265— 266).
Был у цюрихца... — Вероятно, речь идет о цюрихском книгоиздателе, в типографии которого в 1849 г. печаталось «Vom ändern Ufer». Тираж этой книги был весной 1850 года перевезен в Гамбург, где издательской фирмой Hoffmann und Campe был припечатан к ней новый титул и обложка, на которых был обозначен Гамбург как место издания. См. об этом также в письмах 155, 161 и 188.
...ждет В вед енья... — Предполагалось, что Гервег напишет предисловие к «Vom ändern Ufer», но это не было осуществлено.
Я еще не знаю, беден я или богат... — Герцен имеет в виду неопределенность своих денежных дел в связи с запрещением, наложенным на вексель его матери и костромское именье.
134. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 64–65. На обороте почтовые штемпели: «Ornan, 25 decembre», «Bern, 27 Dezember», «Zürich, 29 Dezember 1849».
...мы уезжаем. – Герцен с матерью направлялись в Париж.
417
Целую вас от его имени, т. е. от имени города Безансона. – Каламбур. Слова «baise en son» («целую от него») и «Besançon» («Безансон») по-французски звучат одинаково.
135. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Сап, стр. 99.
Забытая шинель... Герцен забыл в Берне свою шинель. «Я не помню, чтоб я когда-нибудь страдал столько от холода, как в эту ночь», – писал он впоследствии в «Былом и думах» (X, 136).
Drin, drin... Drin ist nichts, nichts. – «Дрин, дрин... Внутри пусто, пусто». Игра слов: «drin» обозначает здесь звук льющейся жидкости и наречие «внутри».
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Сагг, стр. 99-101.
...Др. – Вероятно, речь идет о швейцарском политическом деятеле Шарле Дрюэ. Мюллер-Стрюбинг похищен Ж. Санд и живет у нее. – Г. Мюллер-Стрюбинг принимал вместе с Герценом участие в демонстрации 13 июня 1849 г. и подвергался опасности быть арестованным. В связи с этим Жорж Санд пригласила его в свое имение Ноган, где он жил до декабрьского переворота 1851 г.
...Гораса. – Сыну Гервега 28 декабря 1849 г. исполнилось шесть лет.
...Гаскеля... – Так в этом письме ошибочно называет Герцен петербургского банкира, представителя фирмы Ротшильда – Карла Гассера. Гассер требовал от имени Ротшильда оплаты векселя («билета») Л. И. Гааг в 106 тысяч рублей серебром.
...петербургский министр полиции... – Герцен имеет в виду шефа жандармов А. Ф. Орлова.
...моей госпоже – жене – супруге. – К этому месту в автографе Гервегом сделано примечание на французском языке: «Натали была в Цюрихе».
..Леонтины. – О Леонтине см. в «Былом и думах» (XI, 454–460) в комментариях к письму 171.
Жить в Париже невыносимо... – См. в «Былом и думах» характеристику «пущего полицейского бешенства», царившего в Париже во время пребывания там Герцена (X, 148– 150).
...ни вашими курульными креслами... – Курульным креслом в древнем Риме называлось покрытое слоновой костью складное кресло консулов, преторов и курульных эдилов. Герцен иронизирует здесь над роскошной мебелью Гервегов в их парижской квартире.
Кантон Во... – Имеется в виду переезд (несостоявшийся) на дачу в Вето в кантоне Во.
...письмо, которое Эмма мне написала... – Это письмо неизвестно.
137. САШЕ ГЕРЦЕНУ
...l'introduzione? – Речь идет о предисловии Гервега к «Vom ändern Ufer». См. комментарий к письму 133.
Печатается по тексту Л V, 365, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.
418
...кус... – Поцелуй (немецкое Kuß).
...данке... – Благодарю (немецкое danke).
...грус... – Привет (немецкое Gruß).
138. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано на языке подлинника: Carr, стр. 101 – 102. На первом листе автографа надпись по-французски
неустановленным почерком: «Очень важное!»
...там был всего только ее адрес. – Герцен жил в это время у Э. Гервег.
...лишены шишки совести. – Письма Гервега, которые имеет в виду Герцен, неизвестны. 4 января 1850 г. Гервег, применяя термины модной тогда френологии, также повторил, что у него нет «шишки совести», утверждая при этом, что у Герцена отсутствует «шишка постоянства» (Л XIV, 40).
Ответ Г. Гервега без даты, начинающийся словами: «Если вы палач, то я палач еще больший», ошибочно датированный М. К. Лемке февралем 1850 г. – Л XIV, 51–52.
139. САШЕ ГЕРЦЕНУ
Печатается по тексту Л V, 366, где опубликовано впервые, по автографу; нынешнее местонахождение автографа неизвестно.
1850

Ответ на письмо Гервега от 4 января 1850 г. (Л XIV, 37–40).
Ваше письмо подействовало на меня очень благотворно... – В своем письме Гервег писал: «...ваше письмо речь идет о письме 138 вовсе не произвело на меня того действия, которого вы боялись или хотели, – не знаю наверное. Оно вылилось прямо из вашего сердца; этого мне довольно, чтобы не сердиться на вас, и, протестуя против большей его части, я все-таки благодарю, что вы написали его, и обнимаю вас, как своего близнеца, если вообще могу иметь близнеца. Немного обиженный вначале, я потом стал улыбаться вашему учительскому тону и сказал себе, что вы так серьезны только потому, что поступили довольно легкомысленно по отношению ко мне и отдались первому тяжелому впечатлению. Говорите что вам угодно, мой реалист: жизнь не так проста, как вы думаете; в нее входит столько элементов, которых вы не принимаете во внимание в своей оценке. Демон анализа всегда толкает вас к тому, чтобы возможно скорее вывести формулу; даже дружба и любовь должны проходить через горнило вашей логики. Я не завидую этому вашему страшному таланту. На практике, я знаю, вы не уступаете мне ни в чем, вы даже в тысячу и тысячу раз превосходите меня, но в теории у меня более высокое понятие о дружбе. Да, я привязываюсь не только к своим друзьям, но к их недостаткам, которые могут огорчать меня совершенно так же, как и вас, но не потому, что они устанавливают различие между ними и
419
мною, а потому, что они для них самих служат источником столкновений и несчастий. Однако нет, так продолжать скучно. Хочешь все сказать и не скажешь ничего. Прикроем пока эти бездны жизни. О них гораздо удобнее поговорить» (Л XIV, 39).
...не отнимайте у меня права критиковать. – Отклик на слова Гервега в том же письме: «Нехорошо это стремление все выяснить, во всем разобраться. Хорошо вам, когда у вас голова всегда на том месте, где ей полагается быть. А я иногда теряю ее и тогда ничего не понимаю. Внешняя анархия проникает в меня самого: я думаю, что и с вами когда-нибудь будет то же. Есть еще цепи, которых вы не чувствуете и которые тогда захотите разбить ... Чего же вы, наконец, хотите? Я стряхнул с себя на некоторое время семейную пыль, но не потому, что не любил, а потому, что это гнусное установление есть лучшее средство, чтобы убить любовь даже к самому благородному, преданному и любящему в мире существу, к такой прекрасной и крупной натуре, как Эмма. Но знаете ли, что ваш урок пришелся не совсем кстати? Простое невнимание, которое я допустил, по простоте душевной, уже аттестуется, как „легкомысленная жестокость"» (там же, стр. 39–40).
И не пьется водочка // По этой причине. – Из песенки «Едет чиж на лодочке» («Чижик едет в лодочке»), которую, по словам И. Г. Головина, в это время любил напевать Герцен («Записки И. Головина», Лейпциг, 1859, стр. 125).
Я уже писал вам и повторяю: у всех нас клеймо на лбу». – Герцен, вероятно, имеет в виду свое предыдущее письмо.
...эсс-букет... – Название модных в середине XIX века духов.
...pro domo sua... – Латинское изречение, буквально означающее: «для своего дома», т. е. «для себя».
Как дошли вы до такого апофеоза малейшего своего желания ~ и до такого забвенья своих окружающих? – Ср. с характеристикой Гервега, данной в части пятой «Былого и дум» (X, 240– 241).
Вот причина, побудившая меня звать вас в Париж... – Отклик на слова Гервега в том же письме: «Что вы за человек? Все наши планы так и гибнут! В Париж! Но серьезно ли это? И неужели вы думаете, что я могу там оставаться? Нет, теперь я протестую».
Ответ Гервега без даты, начинающийся словами: «Пишу вам и не знаю еще о чем...» – Л XIV, 49–51. Возможно, что на это же письмо он ответил и недатированным письмом, начинающимся словами: «Дорогой Александр! Вы как раз дождались...» – Л XIV, 40–43.
141. САШЕ ГЕРЦЕНУ
Печатается по тексту Л V, 381, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.
...если мама тебя возьмет с собою. – Саша вместе с Н. А. Герцен приехал в Париж 26 января 1850 г.
142. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 76. В автографе описка в дате: «17 décembre» «17 декабря», легко исправляемая по содержанию письма: 17 декабря 1850 г. и Герцен и Гервег находились в Ницце.
Вероятно, ответ на недатированное письмо Гервега, начинающееся словами: «Все кончено! И я больше не скрываю этого от себя» (Л XIV, 47–49).
...от второго из ваших писем. – По-видимому, речь идет о письме без даты,

начинающемся словами: «Если вы палач, то я палач еще больший...» (Л XIV, 51–52).
...почему, когда вас обвиняют, критикуют, вы тотчас принимаетесь бросать обвинения другим? – В своем письме Гервег писал: «Все, решительно все рушится. Не будем себя обманывать. Даже мой метод сопротивления вашим вивисекциям должен этому способствовать. Вы сердитесь на беднягу, который смеется вместо того, чтобы плакать! Вы забыли, что мне скоро 33 года. Это возраст распятия, когда становишься уже неисправимым. Я не знаю, что делать, что сказать. Когда, точно врасплох, напали на улице, как защищаться? И все это вышло потому, что я осмелился запросить свободы, чтобы поскитаться несколько месяцев по белу свету, и потому, что одной женщине вздумалось нелепо ревновать, – женщине, которую я люблю, но которой никогда не прощу, что она своим поведением, которому нет имени, внесла смуту в мое последнее, самое высокое, самое благородное в моей жизни чувство. Дайте мне еще раз вашу руку! Я любил вас безмерно, и теперь с той же силой люблю вас. Но я чувствую, что вы ускользаете от меня, как и все теперь от меня ускользает. Прощайте, если того хотите, продолжая ссору, скорее легкомысленную, чем глубокую! Да, я думаю, что это просто сумасшествие заставляет нас разбивать друг другу сердца, подобно тому, как дети ломают игрушки. Какое будущее, о котором я мечтал вместе со всеми вами, теперь уходит! А кто виноват? И ты, Брут, перед которым я надеялся быть свободным, совершенно свободным в своих отношениях в границах возможного! Я уничтожен, и так как друзья хотят меня убить, я хочу сам попробовать сделать это, удалившись к равнодушным людям. Но нет! пусть жена даст мне еще год свободы, чтобы я сжился со своим горем и, если возможно, умер в каком-нибудь уголке земли! В ожидании этого можете считать меня настолько холодным, насколько вам угодно, но знайте, что я в отчаянии. Почва ускользает у меня из-под ног. Я дохожу до того, что призываю смерть как единственную свою избавительницу...» (стр. 48–49).
...кой перед кем... – Герцен имеет в виду Н. А. Герцен.
...Как вы и отчасти Натали ~ эти sui generis идеалистические, романтические теории... – В ответном письме Гервег заявлял об Н. А. Герцен: «Она единственное существо, которое умело примирять нас и понимать нас обоих еще тогда, когда мы взваливали друг на друга вину в нашем взаимном отчуждении, когда бог весть что легло между нами. Она же оставалась столь же трезвой, как была, и вы напрасно упрекаете меня, что я вовлекал ее в какой-то романтизм» (Л XIV, 54–55).
Ответ Г. Гервега, помеченный «суббота» и относящийся к 26 января – Л XIV, 53–56. М. К. Лемке ошибочно приурочил его к февралю 1850 г.
143. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 78–80.
Вероятно, ответ на письмо Гервега без даты, начинающееся словами: «Если вы палач, то я палач еще больший...» – и ошибочно датированное М. К. Лемке февралем 1850 г. (Л XIV, 51 – 52).
...во втором письме вы сказали нечто вроде того, что нехорошо щеголять своими чувствами. – Герцен имеет в виду следующие строки из названного выше письма Гервега: «Из простой истории, из одного каприза вы делаете выводы до бесконечности. Или черт толкает нас друг
421
друга погубить! Нет, дорогой мой, этого не будет. Я цепляюсь за вас, как за последнее благо, которое у меня осталось и которое я люблю Ах, как это прекрасно! Я хотел бы видеть, как вы плачете вместе, – и вы и моя жена! – видеть, как вам становится жаль самих себя. Это ведь тоже особое удовольствие – наслаждаться своим горем. По-видимому, мы поменялись ролями. В самом деле, какая, собственно, у вас причина так сильно огорчаться за мою жену? Короткие холодные письма? Может быть. Положение было чересчур глупо. К тому же состояние души, которое я разделяю с вами, и все причиняемые им заботы не оставляют иногда свободного времени для семейных сентиментальностей».
Мы говорили в Берне... – Описание «бернской встречи» Герцена и Гервега см. в «Былом и думах» (X, 253–254). См. также ЛН, т. 64, стр. 269–270.
...когда я писал вам свое первое письмо. – См. выше письмо 138.
Посылаю вам письмо Каппа. – Это письмо Ф. Каппа к Герцену неизвестно. Из дальнейших строк, а также из письма Каппа к Герцену от 19 февраля 1850 г. (см. в комментариях к письму 161) видно, что речь в нем шла о высылке на комиссию германским книгопродавцам части тиража «Vom ändern Ufer».
Отправьте же брошюру без предисловия, оно останется для второго издания. – Речь идет о предисловии к «Vom ändern Ufer», которое собирался написать, но так и не написал Гервег. Вероятно, в связи с задержкой предисловия отпечатанный тираж книги продолжал оставаться на складе в Цюрихе.
144. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН,

т. 64, стр. 81–82.
Ответ на письмо Гервега, помеченное «суббота», и, по-видимому, написанное 19 января 1850 г. (Л XlV, 40–43).
...мы остаемся, мы останемся тем, что мы есть, – мы друзья... близнецы. – Отклик на слова Гервега: «Вы заставляете меня пройти через жестокое испытание! О такой ли дружбе мы говорили и мечтали, о дружбе, которая должна быть несколько выше повседневной дружбы филистеров и других пресмыкающихся? ... Последнее убежище, которое мы думали найти в нашей близости, в нашей общей деятельности, в этом маленьком кругу, который я надеялся увидеть скоро в полном составе, – неужто все, все должно рушиться? О, изменник, дорогой изменник! ... Все ли еще я ваш близнец?..»
Ваше второе письмо меня очень огорчило... – См. выше комментарий к письму 143.
...вы совершенно не правы, утверждая будто она оказывала на меня воздействие... – Гервег писал в своем письме: «...я, несмотря на всю свою любовь, не смогу быть ничем для Эммы. Я умоляю ее оставить меня одного. Где? Я сам не знаю! Она причинила мне слишком много зла, она была слишком ко мне несправедлива, она слишком многое у меня отняла, и если только она одна в состоянии меня утешить, я предпочитаю оставаться на положении больного, подобно вам, и сам против себя свирепствовать...»
...«bufera mfernale»... – «Адский вихрь» (итал.) – выражение из «Ада» Данте.
...во всех письмах моей жены чувствовалась какая-то горечь ~ заставлявшая меня, в свою очередь, отвечать с горечью. – О своей переписке с женой в этот период Герцен рассказывает в «Былом и думах, цитируя некоторые из ее несохранившихся писем (X, 254–255).
422
Я предложил Натали приехать в Париж... – Это письмо Герцена неизвестно. Н. А. Герцен приехала в Париж 26 января 1850 г.
...прошу вас сопровождать ее до Мюльгаузена или даже дальше... – Предложенное Герценом свидание не состоялось.
...как у двух императоров в Тильзите, где присутствовал и король прусский. – Герцен имеет в виду историческое свидание Наполеона I и Александра I в Тильзите 25 июня 1807 г.
Вы правы, говоря, что достаточно часа беседы ... – Гервег писал в своем письме: «О! если бы я мог поговорить с вами! ... По-прежнему ненавидите ли вы разговор, который длится только два часа?»
Перестаньте дуться на Эмму... – Каламбур. Во французском подлиннике буквально: «бросьте ваш буддизм» («bouder» – «дуться»).
Не стыдно ли вам думать, что я остаюсь здесь Парижа ради... – Отклик на слова Гервега: «Вы как раз дождались, когда меня выгоняют из Парижа; чтобы самим туда переехать! Это недостойно вас, недостойно нашего прошлого. Вы хотели пробыть только 8 дней, самое большее, до получения ответа из Петербурга, но останетесь на 8 месяцев и, вообще, я предчувствую, всегда будете жить, если не в Париже, то там, где меня не будет».
...Егору Федоровичу Гервегу... – Герцен иногда называл Гервега (полное имя которого было Георг-Фридрих-Рудольф-Теодор-Андреас) на русский манер – то Егором (или Георгием) Васильевичем, то Егором Федоровичем.
Ответ Г. Гервега на это и предыдущее письмо, помеченный «суббота» и относящийся к 26 января 1850 г. – см. Л XIV, 53–56. М. К. Лемке ошибочно отнес это письмо Гервега к февралю 1850 г.
145. Г. Гервегу
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 84–86.
Рукопись повреждена: слово «raison» читается предположительно.
Ответ на письмо Гервега без даты, начинающееся словами: «Пишу вам и не знаю еще о чем...», ошибочно датированное М. К. Лемке февралем 1850 г. (Л XIV, 49-51).
Все испортила переписка... – В своем письме Гервег восклицал: «Вы спрашиваете, найдется ли у меня мужество, чтобы сделать опыт новой жизни? Вопрос очень для меня горький, и только безграничная любовь заставляет меня проглотить его. Да, вы – палач, и даже палач прошлых времен, который не довольствуется тем, что просто рубит голову, а вырывает жизнь мучительно долго, жилу за жилой ... Объясните же мне, что за фанатизм справедливости обуял вас?! И если вы так рассечете меня по частям, удастся ли вам вновь составить меня? Смотрите! Не заплачьте потом, как ребенок, который разбил игрушку, чтобы посмотреть, что у нее внутри. И зачем, зачем так все преувеличивать? К чему эти бесчисленные заключения, которые вы делаете в припадке своего логического бреда? К чему даже выслушивать все эти вымученные сочинительства и признания женщины, справедливо или несправедливо обиженной, вышедшей из себя? Милый, милый друг, зачем так свирепствовать против себя, меня и всех нас? Зачем толкать меня к гибели? – ибо

будущее без вас, знайте это, для меня бессмыслица».
...ваше второе письмо... — Письмо Гервега (без даты), цитируемое выше, в комментарии к письму 143.
Вот я и написал вам письмо. — Речь идет о письме 138.
423
Как могли вы сказать, что тут было чье-то воздействие, что это дело ее рук? — Герцен, вероятно, имеет в виду следующие строки из недатированного письма к нему Гервега (написанного около 22 января, накануне отъезда Н. А. Герцен из Цюриха, и начинающегося
словами: «Мой дорогой Ландри, Natalie едет завтра...»): «И из ссоры или недоразумения между мной и женой вы делаете повод для разлада между нами двумя? Этим самым вы сделали более серьезным то, что можно было уладить несколькими словами: ведь Эмма принимает ваши слова, как слова святого евангелия, — и вообще можно было бы сразу положить конец всяким излишним излияниям. Что же теперь делать? В душе у меня столько накопилось против Эммы, что я даже не в состояния принудить себя что-либо отвечать ей ... Да! Я серьезно сердит на Эмму: зачем она стала между нами? В эту минуту я ее просто ненавижу, столько же ненавижу, сколько люблю. Все зашаталось с тех пор, как вы виделись с нею» (Л XIV, 46—47).
...калигулийским... — Под эпитетом «калигулийский» Герцен и Гервег подразумевали, вероятно, необузданную жестокость — отличительное свойство римского императора Калигулы.
...Межуев... — Именем вялого и нерешительного персонажа из «Мертвых душ» Межуева (т. е. Мижуева) Герцен шутливо называл Гервега.
Но, давая мне такие поручения, вы только ухудшаете дело. — Герцен имеет в виду следующие строки из письма Гервега: «Вот мое решение. Если безумство, овладевшее вами и всеми нами, будет продолжаться, я попробую начать новую жизнь, я погребу себя в полном одиночестве. Приготовьте постепенно жену мою к этому решению, — оно весьма, весьма серьезно. Это будет, по крайней мере, на год! Она может делать, что ей угодно, после такого крушения я более неспособен жить в человеческом обществе».
...Каракаллой... — Римский император Каракалла отличался коварством и жестокостью. — В ответном письме Гервег заявлял: «Я не Каракалла, я не хочу подвергать сердце Эммы слишком долгому и мучительному испытанию» (Л XIV, 61).
...Ça ira! Il Ça ira! — Дело пойдет! Дело пойдет! — припев известной революционной песни санкюлотов.
...an der Sonne Klarheit ~ Licht... — «...к солнечному свету, к лунному сиянию» — из немецкой песенки для детей.
Ответ Г. Гервега без даты, начинающийся словами «Мой дорогой Александр! Я должен немного собраться с мыслями...» и ошибочно датированный М. К. Лемке мартом 1850 г. — Л XIV, 59—62.
146. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 86—87. Год определяется по связи с соседними письмами.
...узнаете от маменьки. — Вскоре после приезда Н. А. Герцен в Париж оттуда вернулась в Цюрих Л. И. Гааг.
424
...мою брошюру... — «Vom ändern Ufer».
Если уехал — то отошлите. Если остался — отдайте. — Русская надпись адресована, по- видимому, М. К. Эрн.
148. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 272. Приписка к письму Н. А. Герцен.
И, конечно, немножко ненавидят за ненавистные вещи. — Эта часть приписки Герцена относится к следующим словам письма Н. А. Герцен: «Да, я хорошо выполняю свою миссию, но не воображайте, что другие плохо говорят о вас, вы поняты и любимы больше, чем предполагаете, поверьте мне» (ЛН, т. 64, стр. 272). Под «другими» Наталья Александровна имела в виду Герцена.
Вместо избиения младенцев втроем, я вижу лишь избиение младенцами фараона... — Отклик на слова Гервега в одном из его недатированных писем от января 1850 г.: «Ваша жена скоро уедет из Цюриха в Париж), — тогда избиение младенцев будет еще лучше производить втроем» (Л XIV, 43). Гервег намекает на известную евангельскую легенду о иудейском царе Ироде Великом, истребившем в Вифлееме младенцев до двухлетнего возраста. Под невинным «младенцем» Гервег имел здесь в виду себя. «Трое» — Герцен, его жена и Эмма Гервег.
149. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 88—91.
Ответ на письмо Г. Гервега от 26 января 1850 г., помеченное «суббота» (Л XIV,

53–56) и ошибочно отнесенное М. К. Лемке к февралю 1850 г.
...смерть Голохвастова ~ удар по финансам. – Д. П. Голохвастов умер 28 декабря 1849 г., оставшись должен Герцену 30 000 рублей серебром. Долг был впоследствии полностью выплачен наследниками Голохвастова.
...в вашем последнем письме вы пресекаете все дальнейшие разговоры, давая вместо ответа заверения в глубокой любви... – В своем письме Гервег заявлял: «Я оставил неоконченным отрывок письма, которое послал вам дня четыре тому назад. После двух ваших записок мне казалось, что всякий спор и дальнейший анализ становятся излишними. Я даже почти жалею, что вступил на этот путь. За вас, такого, какой вы были и будете, я держусь и не выпущу вас, чего бы то ни стоило ... Боже мой, жизнь моя кажется мне полной только с тех пор, как я встретил вас. И если я пишу вам, то иногда это имеет такой вид, как будто я пишу девушке, в которую влюблен. Я мщу за ненависть, которую питаю к человечеству вообще и, в частности, к моим друзьям, – мужчинам и женщинам, которых я мучаю своей любовью ... Самым большим счастьем для меня было найти таких друзей, как вы, которым я нравился просто потому, что я существовал. Все остальные нисколько меня не интересуют. Поэтому после вас, после Эммы, после вашей жены, – я, может быть, с горя стану хорошим поэтом, но вместе с тем человеком столь... Нет! Останусь тем, чем был, навсегда. Вы сказали это. Я вас целую».
Вы пишете моей жене... – Письма Гервега к Н. А. Герцен не сохранились (за исключением одного – Л XIV, 36–37). По-видимому, они были перед смертью уничтожены ею.
425
Когда я цитировал вам пушкинских «Цыган»... – См. письмо 138. Ср. «Былое и думы» – X, 256.
Мы сами дети Египта, а не земли обетованной. – Герцен имеет в виду библейский рассказ о рабстве евреев в Египте, до исхода их в «землю обетованную».
Моя жена пишет вам об этом... – 1 февраля 1850 г. Н. А. Герцен писала Гервегу: «Я настолько нахожусь под впечатлением горя Эммы, что не могу ни благодарить вас за ваше очаровательное письмо, ни отвечать, как хотелось бы ... Сама Эмма приносит нам ваши письма. Представьте себе, что кто-нибудь, умирающий от жажды, смотрит на другого, держащего в руке стакан, полный воды... Какое впечатление произвела бы на вас эта картина?.. Судите же теперь, что должен испытывать тот, кто держит стакан... Эта пытка превышает мои силы. Я вижу возможность гармоничной жизни для нас четверых, но я не верю в эту гармонию .... Я понимаю, что ваша жизнь в Цюрихе невыносима, вырвитесь оттуда, чтоб испробовать одиночество или кружок друзей, прислушайтесь к вашему сердцу, проверьте, как следует, свои силы и разберитесь в самом себе, чтобы не нарушить воцарившийся мир, гоняясь за гармонией, которая исходить должна от нас же самих» (ЛН, т. 64, стр. 272).
.у Тихого океана. – Т. е. в Америке.
...на Высококрасногорье, в птичьем доме... – Буквальный шуточный перевод цюрихского адреса матери Герцена, у которой в это время жил Гервег.
Ответ Г. Гервега, без даты, начинающийся словами: «Мой дорогой Александр! Я еще не вполне облегчил свою душу» и ошибочно датированный М. К. Лемке 4 апреля 1850 г. – Л XIV, стр. 67–71.
150. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 91–93.
Ответ на письмо Гервега без даты, начинающееся словами: «Мой дорогой Александр! Я должен немного собраться с мыслями...» (Л XIV, 59–62).
Последние дни ясно показали, куда все идет. – Герцен пишет под впечатлением провокационных мероприятий французского правительства. Одним из них была демонстративная рубка так называемых «деревьев свободы», т. е. деревьев, посаженных на улицах и площадях Парижа вскоре после февральской революции 1848 г. и символизировавших победу народа над Июльской монархией. Рубка деревьев производилась с целью вызвать стихийное выступление народных масс и утопить его в крови.
Я перевел мой небольшой эпилог и перешлю его вам. – Статья Герцена «Эпилог 1849», написанная в Цюрихе 21 декабря 1849 г. и вошедшая впоследствии в русское издание «С того берега» (VI, 107–114), была переведена самим Герценом на немецкий язык и появилась почти одновременно в декабрьской книжке журнала «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» за 1850 г. и в «New-Yorker Abend-Zeitung».
...Капп уже издал письма... – «Briefe aus Italien und Frankreich (1848–1849)» Герцена, появившиеся в 1850 г. в Гамбурге в издании «Hoffmann und Campe».
За второе издание «С того берега» он предлагает 25 луидоров... – Второе издание «Vom andern Ufer» было запрещено цензурой и в свет не вышло. В своем письме

Гервег писал: «Я умираю от стыда, что книга
426
«Vom andern Ufer») выходит без моего предисловия, и настаиваю и умоляю, чтоб оно было во главе 2-го издания. Я придаю значение публичному засвидетельствованию наших глубоких симпатий и редкой дружбы».
Прудон во всей своей красе ~ хочет кончить жизнь подобно лебедю, испустив напоследок крик отчаяния. — Герцен, вероятно, пишет под впечатлением письма Прудона к редактору «Voix du Peuple» Альфреду Даримону от 15 января 1850 г. «Мы достаточно дискутировали, — писал Прудон, — реакция издевается над нами и готовится сокрушить республику; пора нам несколько видоизменить агитацию и угрозы. Если «Voix du Peuple», если республика не могут оставаться в подобных условиях, то следует выйти из этого положения возможно скорее или же погибнуть ... Нас изрубят саблями — именно этого я и требую. Прежде чем умереть, мы привьем, я надеюсь, всей стране яд восстания» («Correspondance de P.-J. Proudhon, t. III. P., 1875, pp. 83—84).
...«мане, текел». — «Мане, текел, фарес» («Исчислен, взвешен, разделен») — надпись, которая, по библейской легенде, была внезапно начертана на стене таинственной рукой во время пира у вавилонского царя Валтасара, предрекая близкую гибель ему и его царству.
Моя жена написала вам... — Выдержки из письма Н. А. Герцен от 4 февраля 1850 г., не предназначавшиеся для глаз Герцена, см.: ЛН, т. 64, стр. 273. Наталья Александровна, охваченная тревогой и растерянностью, уверяла Гервега в своей сильной любви к мужу. Она предупреждала Гервега, что если характер их отношений станет известен Герцену, — жизнь всех троих может завершиться страшной катастрофой. Горько упрекая Гервега за его упорное нежелание писать своей жене, она умоляла его уничтожить письма, которые ему посылала.
151. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 93—96.
Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...«non me tangere». — («noli me tangere») — «не прикасайся ко мне» (лат.). — Слова, по евангельскому преданию, сказанные воскресшим Христом Марии Магдалине. Об ответе Гервега см. в комментарии к письму 153.
152. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по тексту ЛН, т. 39—40, стр. 242—243, где опубликовано впервые с автографа, принадлежавшего Г. А. Волкову и в настоящее время утраченного.
«Северная пчела» говорит о кончине Дмитрия Павловича. — Смерть Д. И. Голохвастова была отмечена в «Северной пчеле» от 23 января 1850 г. («Некролог замечательных соотечественников, скончавшихся в 1849 г.»).
...приехал месяца на два сюда, чтоб полечиться... — Герцен скрывает подлинную цель своего приезда в Париж — спасение оставшегося в России состояния его матери.
...посланы ли деньги от них по требованию Ротшильда и Гассера... — См. об этом комментарий к письму 136, а также «Былое и думы» (X,
427
132—150), Л XIV, стр. 11 — 12 и последующие письма Герцена к матери и Г. Гервегу (т. XXIV наст. издания).
...ждем ~ присылки ~ от Павлова... Н. Ф. Павлов вместе с Н. М. Сатиным участвовал в фиктивной покупке у Огарева его имения Старое Акшино в июне 1849 года. Новые владельцы имения обязались выплачивать Герцену определенные суммы для погашения огаревского долга ему (см. письмо 105 и комментарий к нему). Обязательство это выполнялось ими крайне неаккуратно.
153. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 96—99. Год определяется по связи с соседними письмами. В автографе вместо: «Votre lettre» было: «Ma lettre».
Ответ на письмо Г. Гервега, помеченное: «4. Утро» и ошибочно отнесенное М. К. Лемке к апрелю 1850 г. (Л XIV, 67—71).
Ваше письмо от 4-го, дорогой Георг, искупает предыдущее... — Гервег писал в своем письме: «...непременно хочу с сегодняшнего дня, с этого момента, во что бы то ни стало, заключить окончательный, вечный мир, смыть все действительные и воображаемые пятна, которые могли испортить наши отношения; я хочу, чтобы все, чего нельзя назвать прекрасным, кануло в забвение, чтобы все стало опять таким, каким было в наши лучшие дни. А их было много у нас, признайтесь! Я хочу, когда снова увижу вас, когда бы это ни случилось, обнять вас, плача от радости и смеясь вместе с вами над всем нашим ребячеством и самообманом, на которые мы были способны в моменты — я не могу подобрать другого слова — чистейшего безумия...» (Л XIV, стр. 69—70).

Не писал ли я вам еще до приезда Натали, что хочу лишь одного: сжечь письма? — См. выше письмо 145.
...эта лавина должна была обрушиться... — Отклик на слова Гервега, писавшего по поводу их размолвки: «Не правда ли, это — история снежного кома, ставшего лавиной? Но не я один его катил, мы все взапуски катили его. Была минута — лавина было поглотила нас, но теперь она тает на солнце, и мы выбираемся из-под нее целыми и невредимыми!» (Л XIV, 70).
Я никогда не терял веру в вас... — В своем письме Гервег писал: «Верьте хоть немного в меня, в мою добрую волю, в мою любовь к Эмме! И проявите это доверие, подарив мне хоть немножечко терпения! Не требуйте, чтобы все решилось в один день, в один час! Не раздирайте моего сердца, вы и Natalie, постоянными рассказами о страданиях Эммы, которые невозможно прекратить так скоро, как хотело бы ваше великое, доброе и благородное сердце. Неужели вы думаете, что я страдаю меньше? Natalie знает, как я был совершенно растерзан поведением Эммы; я пробовал объясняться письмами, но ничего не вышло. Потом, по соглашению с Natalie, я прекратил переписку, которая только запутывала и затемняла, вместо того, чтобы осветить и рассеять тучи; Эмма же все возобновляла свои нападки... Что я мог сделать, как не замолчать?..» (там же, стр. 70).
Ваша душевная чистота (на которую вы ссылаетесь сегодня)... — В своем письме Гервег утверждал, что, адресуя свои письма к Герцену на имя Эммы, он тем самым показывал ей «чистоту, невинность своей души».
Помните, как он говорил Бертрану: «Я был несправедлив к нему, но... но... я его простил». — Бертран, как и Робер Макер (о нем см. в комментарии к письму 77), — мошенник, персонаж комедии Б. Антье и Ф. Леметра.
428
Конечно, я согласен перейти на ты... — В заключение своего письма Гервег писал: «Стянем еще крепче узы, нас соединяющие! Вы будете довольны мной. Хотите?.. Сегодня точно праздник для меня. — Хочешь ли ты? И на этом подпишем мир! Позвольте мне сказать снова опять это «ты», это «ты», мой старый друг. — И да будет так!»
...это не противоречит заповеди «Не убий». — Каламбур: во французском произношении «tu» (ты) и «tue» (убей) звучат одинаково.
Ответ Г. Гервега (на это и предыдущее письмо), без даты, начинающийся словами: «Дорогой Александр! Спасибо! Твое письмо доброе, как ты сам...», ошибочно датированный М. К. Лемке июнем 1850 г. — Л XIV, 80—85.
154. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 99 — 100.
...я отсылаю тебе твое письмо обратно... — В ответном письме Гервег писал: «Я не привык еще отсылать обратно письма своих друзей; я сохраняю ваше, хотя и не понимаю в нем ни одного слова. Без взаимности дружба невозможна. В течение двух месяцев я подвергаюсь с вашей стороны суровой цензуре моих действий и самых интимных отношений; я не сердился и не сержусь на тебя за это — дружба, как я ее понимаю, имеет огромные права. Я думал, что в конце концов ты сам почувствуешь, в какое тяжелое положение ты ставишь меня, присваивая себе роль моего «ментора» и постоянно принуждая меня выслушивать твои уроки. И вот ты сразу возмутился от первого же моего, пусть немного мефистофельского, замечания, хотя в нем нет ничего лично оскорбительного для тебя, потому что я обобщил и применил свои слова ко всем людям в прошлом, настоящем и будущем» (Л, XIV, 64).
Натали ~ не хочет отвечать. — См. ЛН, т. 64, стр. 274 — 276.
Ответ Г. Гервега без даты, начинающийся словами: «Ты уклоняешься от ответа на вопрос о делах...», ошибочно датированный М. К. Лемке мартом 1850 г. — Л XIV 63—64.
155. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Сагг, стр. 103 — 105.
Ответ на недатированное письмо Г. Гервега, начинающееся словами: «Дорогой Александр! Спасибо! Твое письмо доброе, как ты сам...», ошибочно отнесенное М. К. Лемке к июню 1850 г. (Л XIV, 80—85).
...«Нет, мы совсем не так необыкновенны, как я думал». — Герцен имеет в виду следующие строки письма Гервега от января 1850 г.: «Я всех нас считал более крупными, сильными и исключительными людьми, чем мы оказались на самом деле!» (Л XIV, 48).
...женщину-гелиофоба. — Вероятно, один из аттракционов, демонстрировавшихся в это время в Париже (гелиофоб — солнцененавистник).
Кто сказал, что я хочу уехать в Лондон? — В своем письме Гервег восклицал: «Ты едешь в Лондон; ты знаешь, что в материальном отношении это для меня невозможно. Ну что же, поезжай, и да здравствует свободная дружба, хотя я предпочитаю менее

свободную. Было время, когда ты стал бы колебаться, ехать ли тебе туда, куда я не могу или не хочу ехать!» (Л XIV, 84–85). Н. А. Герцен замечала в недатированном
письме к Гервегу, относящемся к этому времени: «Кто же это сказал вам, что мы едем в Лондон?.. Тот знает о нас больше, чем мы сами» (ЛН т. 64, стр. 276).
...как говорил Боткин, «пантеистического» отдыха... – Характеризуя в «Былом и думах» книжное отношение к жизни, царившее в московском гегельянском кружке 1840-х годов, Герцен писал: «Все в самом деле непосредственное, всякое простое чувство было возводимо в отвлеченные категории и возвращалось оттуда без капли живой крови, бледной, алгебраической тенью ... Человек, который шел гулять в Сокольники, шел для того, чтоб отдаваться пантеистическому чувству своего единства с космосом...» (IX, 20).
Личности, с которыми я здесь встречаюсь, кажутся мне младшими братишками Морица Рейхеля. – Герцен иронически сравнивает своих парижских знакомых с Морицем Рейхелем – малолетним сыном музыканта Адольфа Рейхеля от первого брака.
...один единственный человек, да и тот скоро станет достоянием истории. – Речь идет, несомненно, о П.-Ж. Прудоне. В примечании к статье «Донозо Кортес», напечатанной в № 167 «Voix du Peuple» от 18 марта 1850 г., Герцен писал: «Я знаю только одного французского писателя, который освободился от традиционных влияний, который не боится неопровержимых выводов логики и который не отступает ни перед какой истиной, предстоящей, как дедукция, – это Прудон» (VI, 529). Это примечание не попало в русские издания «С того берега». Слова Герцена, что Прудон «скоро станет достоянием истории», означают, вероятно, что реакционное французское правительство вскоре расправится с Прудоном.
...что вся эта отвратительная история вызвала здесь сенсацию. – Намек на ухудшение тюремного режима Прудона во время его заключения.
...четыре генерала посланы вершить судьбу и править Францией. – Приказом Луи-Наполеона пятьдесят департаментов Франции и девять военных округов были отданы в распоряжение четырех генералов (Кастеллана, Ростолана, Жемо и Шангарнье), которые в любой момент могли объявить Францию на военном положении.
Брошюра эта состарится во чреве матери. – Речь идет о «Vom andern Ufer». Отвечая на письмо, Гервег писал: «Книга ваша будет послана на этой неделе. Но нужно сначала пустить пробный шар. Теперь не так-то легко посылать книги из Швейцарии в Германию; во всяком случае, их надо посылать через Баварию, а не через Пруссию. Впрочем, окончательного ответа от Кампе (насчет «С того берега») еще нет. Если Капп послал вам его, то перешлите мне» (Л XIV, 56). 20 февраля он же сообщал Герцену: «Твоя брошюра будет послана на этой неделе (в твоем распоряжении останутся 200 экземпляров). Экземпляры для Парижа посланы. Эмма привезет тебе роскошные экземпляры. Я начинаю раздавать экземпляры критикам, газетам и проч., с одной и той же просьбой: не давать отзывов раньше, чем через две недели» (Л XIV, 59). Ср. комментарий к письмам 133, 161, 188.
Ответ на письмо Г. Гервега, без даты, начинающееся словами: «Да, да, да! Я снова об этом. Мир вымощен препятствиями...», ошибочно отнесенное М. К. Лемке к маю 1850 г. (Л XIV, 71 – 74).
430
Дорогой Улисс, Пенелопа отправляется к тебе ~ «Одиссею» нужно читать vice versa. – Герцен шутливо сообщает Гервегу о выезде к нему Эммы, которая, в противоположность героине гомеровской «Одиссеи», не оставалась дома в ожидании мужа, а сама отправилась к нему. Тетрога mutantur («времена меняются») – из латинской пословицы. Vice versa (лат.) – наоборот.
...немного сосредоточиться... – Гервег в своих письмах к Герцену неоднократно выражал желание «отдохнуть» некоторое время от жены, побыть одному.
...кунктатора... – человека медлительного (лат. cunctator). См. ниже письмо 185.
Сегодня воскресенье ~ Я восхищаюсь собою!.. – Смысл этих строк Н. А. Герцен неясен. Материалов, которые могли бы иметь какое-нибудь отношение к ней, в «Voix du Peuple» обнаружить не удалось.
...отправили вы, наконец, брошюру или нет... – См. комментарий к письмам 133 и 155.
Ответ Гервега (на это и предыдущее письмо), помеченный «среда» и относящийся к 20 февраля 1850 г. – Л XIV, 56–59.
157. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 106 – 109.
Ответ на письмо Гервега, без даты, начинающееся словами: «Ты уклоняешься от ответа на вопрос о делах...» (Л XIV, 63–64).
...первые строки твоего последнего письма... – См. выше комментарий к предыдущему письму.
В начале своего письма Гервег, пеняя на судьбу за задержку Герценов в Париже,

заявлял, что не верит ни во что в этом мире, даже в длительность их дружеских отношений: «Все превращается в прах, и то, что могло бы жить в любви и понимании, разбивается и рассеивается так же, как и то, что презирает и ненавидит друг друга» (Л XIV, 73).
...сейчас-то и начинается настоящий разгром... — Герцен пишет, очевидно, под впечатлением состоявшегося накануне решения о предоставлении четырем генералам чрезвычайно широких полномочий — см. выше комментарий к письму 155.
Итак, Колю преследуют... — В «Былом и думах» Герцен подробно рассказывает о том, как «старейшины города Цюриха», узнав, что Герцен является революционным эмигрантом, атеистом и автором книги «Vom ändern Ufer», решили «сбыть с рук» его сына Колю, проходившего курс в цюрихском училище глухонемых. О мерах, принятых Герценом в связи с этим, см. X, 160—163, письма 160 и 169 и комментарии к ним.
Одна только Англия из сочувствия ~ защищает еще республику, которая служит полицейским участком для всей Европы. — Газеты сообщали в это время, что Австрия и Пруссия стараются заручиться согласием Англии и Франции на оккупацию Швейцарии и концентрируют свои войска на швейцарских границах. Франция, по словам швейцарского корреспондента «National», согласилась на оккупацию, «одна Англия еще сопротивляется» («National» от 17 февраля 1850 г.). В тот день, когда Герцен писал комментируемое письмо, в прибавлениях к «Voix du Peuple» было напечатано международное обозрение, в котором также указывалось, что Англия выступает в защиту Швейцарии.
...два Китая любят друг друга... — «Двумя Китаями» Герцен называет Англию и Швейцарию. Ср. в «Былом и думах» (X, 94—95).
Капп справлялся у меня, где вы живете. — Это письмо Ф. Каппа неизвестно.
431
Выбор облаток мой. — Письмо, по-видимому, было заклеено облаткой с каким-либо символическим изображением, выбранной Н. А. Герцен.
158. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано на языке подлинника: Carr, стр. 105—106.
...«Сулуку», как говорит «Charivari». — Президент республики острова Гаити негр Сулук в 1849 г, провозгласил себя императором. Луи Бонапарта, открыто подготавливавшего государственный переворот, в насмешку часто называли поэтому «Сулуком». Карикатурами, направленными как против Сулука, так и против Луи Бонапарта, пестрели в это время страницы сатирического журнала «Charivari».
Прудона, после его статьи, бросили в Консьержери ~ и никто и не думает возмущаться этим. — Памфлет П.-Ж. Прудона «Vive l'empereur!» («Да здравствует император!»), появился в газете «Voix du Peuple» 5 февраля 1850 г., № 127 (см. о нем в «Былом и думах» — X, 194—195). Осужденный еще 20 марта 1849 г. на три года тюрьмы, Прудон пользовался правом свиданий, переписки и сотрудничества в периодической печати. Всего этого его лишили после появления памфлета. Герцен не совсем точен, утверждая, что никто не подымал голоса против мер, принятых в отношении арестованного Прудона: в ряде парижских газет, например, в «La Liberté», «La Réforme», «La Démocratie Pacifique», «L'Opinion Publique» были напечатаны по этому поводу протесты.
Я имею некоторое право просить разрешения оставаться во Франции... — Герцен имел на это право в качестве парижского домовладельца.
...Газена. — Hase (Газе) по-немецки — заяц.
159. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 112 — 113.
Любила (т. е. Эмма)... — Каламбур: по-французски «aima» (любила) и «Emma» (имя) звучит одинаково.
Портрет делается. — О каком портрете идет речь в этой шуточной записке, неясно.
160. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 113 — 114. Год определяется содержанием письма (см. ниже).
Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...мы открыли ему путь к славе... — 21 февраля 1850 г. в парижской газете «National» была напечатана написанная, вероятно, И. С. Тургеневым или с его слов Л. Виардо заметка о репрессивных мерах, принятых в Цюрихе против шестилетнего сына Герцена — Коли (см. ЛН, т. 63, стр. 801). Заметка вызвала неудовольствие Герцена, так как она, по-видимому, осложняла его отношения со швейцарскими властями, а также с дирекцией училища для глухонемых.
На следующий день, 22 февраля, в «Voix du Peuple» появилась заметка под названием «Contenti estote» (текст ее см. ЛН, т. 64, стр. 114), возможно,
432
принадлежавшая перу самого Герцена (на авторство Герцена указала редакция газеты

«National» в номере от 2 марта 1850 г. — см. комментарий к письму 169). Но конец этой заметки, написанный, вероятно, Хоецким, также не удовлетворил Герцена (см. письмо 169 и комментарий к нему). В заключительной части заметки в «Voix du Peuple» говорилось: «И Швейцария воображает, что она добьется чего-нибудь для себя такими подлыми уступками! что она выслужит прощение для демократии, унижая себя! — Бедная Швейцария! ее унизят в глазах всего мира и, когда вся симпатия к ней превратится в презрение, — ее захватят, ее упразднят. И почему же нет? — создается впечатление, что эта страна хочет быть у других народов не более как швейцаром, охраняющим вход у всех границ и не позволяющим войти тем, кто не нравится хозяевам — Радецким, королю Пруссии и т. п., и т. п.»
«Устыдившись гласности, — писал Герцен в «Былом и думах», — полиция сказала, что она не требует высылки, а только какую-то ничтожную сумму денег в обеспечение (caution), что ребенок не кто-нибудь другой, а он сам. Какое же обеспечение — несколько сот франков? А с другой стороны, если б у моей матери и у меня не было их, так ребенка выслали бы (я спрашивал их об этом через «Насиональ»)?» (X, 161). В «National» заметка, о которой упоминает Герцен, не появилась. Между тем в «Voix du Peuple», № 152 от 3 марта, в отделе «Иностранные известия» напечатана заметка, идентичность которой с упомянутой в «Былом и думах» весьма вероятна (текст ее — см. ЛН, т. 64, стр. 114).
...а я напечатаю здесь несколько великолепных строк по этому поводу. — См. ниже комментарий к письму 169.
161. Г. и Э. ГЕРВЕГАМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 115 — 116. Письмо написано на обороте письма Ф. Каппа к Герцену от 19 февраля 1850 г. (см. ниже). Год определяется по связи с соседними письмами. В автографе перед фамилиями Hoffmann und Campe зачеркнута фамилия Franck.
Я написал Каппу, что всецело полагаюсь на него... — Это письмо Герцена к Ф. Каппу неизвестно. О содержании его можно получить представление из письма Каппа от 19 февраля, на которое отвечал Герцен. Капп сообщал Герцену, что глава издательской фирмы «Hoffmann und Campe» Юлиус Кампе хочет получить весь тираж «Vom andern Ufer» (1 и 2 издания) за 200 талеров и что никаких денег ранее июня 1851 г. Герцен от него не получит. Не смея взять на себя окончательное решение, Капп просил Герцена определенно высказаться, хочет ли он передать Кампе свое сочинение для издания на комиссионных основаниях, или же он предпочтет уступить Кампе первое издание и право на следующее за 200 талеров, с тем чтобы все расходы по изданию легли на Кампе. Капп просил Герцена срочно ответить ему, так как 23 или 24 февраля он должен уехать в Америку и хотел бы успеть завершить столь затянувшиеся переговоры (полный текст письма Каппа см. в ЛН, т. 64, стр. 116). Ср. письмо 188 и комментарий к нему.
...но не богу д'Арленкура... — Герцен имеет в виду роялистскую брошюру виконта Шарля Виктора Прево д'Арленкура «Dieu le veut» («Бог хочет этого»); автор ратовал в ней за воцарение во Франции графа Шамбора (так называемого Генриха V). Брошюра появилась в Париже в 1848 г. и выдержала десятки изданий.
Я напишу сегодня Каппу. — Это письмо не сохранилось.
433
162. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые обликовано: Сап, стр. 106 — 107.
Ответ на письмо Г. Гервега, помеченное «среда» и, по-видимому, написанное 20 февраля 1850 г. (Л XIV, 56—59).
Дело с билетом... — Речь идет о векселе Л. И. Гааг в 106 тыс. р. серебром, предъявленном через Ротшильда ко взысканию в Петербурге. См. комментарий к письму 152.
...который хочет взяться за мое земельное дело... — Эта попытка спасти костромское имение Герцена, на которое правительством был наложен секвестр, потерпела неудачу.
Может быть, я поеду один на неделю в Лондон. — Поездка эта не состоялась.
...золотой молодежи, порхавшей вокруг Пенелопы ~ самой редакции... — Э. Гервег во время пребывания Герцена в Швейцарии являлась посредницей в сношениях его с редакцией «Voix du Peuple». Здесь, как и в других письмах (№№ 116, 117), Герцен выражает огорчение тем, что редакция газеты, получив от него 24 тыс. фр. для внесения залога, резко изменила отношение к нему. См. выше комментарий к письму 118.
...речь некоего Донато Кортеса ~ я хочу написать об этом несколько слов. — Еще в № 147 «Voix du Peuple» от 26 февраля 1850 г. в анонимной заметке без названия упоминалось о намерении напечатать в «Voix du Peuple» ответ Донозо Кортесу. Автором этой заметки, по-видимому, был сам Герцен, живо заинтересовавшийся выступлением Донозо Кортеса. Приводим выдержки из нее (в переводе с

французского): «Что
иногда удивляет нас в органах монархического гебертизма — это не их мнения (нам они слишком хорошо известны), — а наглость их полемики, гнусный цинизм их доносов. Им следовало бы брать пример с г. Донозо Кортеса, словоизвержения которого они приняли с таким сочувствием и который, однако, проповедуя контрреволюционные учения, умеет, по крайней мере, облекать их во фразы, которые честный человек может читать не краснея.
Г-н Донозо Кортес, которому, впрочем, мы ответим в одном из наших следующих номеров, полностью протестуя против свободы, не унижается до рыночного языка, до наглых личностей, просочившихся под охраной полицейской дубинки, до клевет, не щадящих ни узников, ни изгнанников. Разве нет там жандармов, чтобы бросить в карцер первых или травить вторых? ...
Можно ли спорить с листком, который в пятидесятый раз возвращается к „убийствам, совершенным Маццини" не называя ни одного. Эти пасквилянты очень хорошо знают, что Маццини не имел ни прямого, ни косвенного отношения к какому бы то ни было убийству, что он был совершенно непричастен к убийству Росси, что в Риме во время республики не было ни одной казни. Мы предлагаем им привести имена, представить нам достоверные подробности...»
Статья Герцена «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас и Юлиан, император римский» появилась в газете «Voix du Peuple» 18 марта 1850 г. в виде передовицы. Об истории ее написания Герцен рассказал в примечании к первому русскому изданию «С того берега» (VI, 142).
163. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 118 — 119.
Письмо Э. и Г. Гервегов, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
434
Это несчастное дело с билетом, в конце концов, превращает меня просто в умалишенного. —
Н. А. Герцен писала в тот же день Гервегу и его жене: «Из России снова пишут: „Ждать!" Это ужасно! Александр взбешен. Приготовим же, приготовим же пока пещеру, в которой можно будет скрыться! Георг, сделайте все, что от вас зависит, для Ниццы, или же поедем в Испанию, — это не менее прекрасно! Однако действуйте, действуйте, действуйте!!!» (ЛН, т. 64, стр. 277).
...обратиться к вюртембергскому министру. — Мать Герцена была вюртембергской подданной, и Герцен предполагал (в этом предположении его укрепил Джемс Ротшильд), что вмешательство вюртембергского министра иностранных дел в защиту интересов своей соотечественницы могло бы иметь влияние на исход тяжбы с русским правительством.
Эмма приглашает меня в Цюрих. — Это письмо Э. Гервег неизвестно. Причина приглашения, казавшегося странным Герцену, остается невыясненной.
164. Г. ГЕРВЕГУ (приписка)
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 276. Приписка к письму Н. А. Герцен.
Да, Тата плакала... — Текст приписки Герцена следует непосредственно за словами Н. А. Герцен: «Да что же это вы не напишете к Тате! Она плачет каждый раз, как приходят письма. Я сержусь».
165. Г. и Э. ГЕРВЕГАМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 119-122.
...до Марсова месяца... — Каламбур: «Mars» («Марс») и «mars» («март») по-французски пишутся и произносятся одинаково.
...разве только на полчаса. — Капп не видался с Герценом несколько месяцев. Он заехал в Париж по дороге в Америку.
...в Verlag Кампе (того, который не писал об открытии Америки Робинзоном)... — Герцен шутливо сопоставляет издателя Юлиуса Кампе с его однофамильцем И.-Г. Кампе (1746—1818), немецким педагогом и детским писателем, автором популярной в первой половине XIX века переделки «Робинзона Крузо» Дефо. Der Verlag — издательство (нем.).
...моего поверенного... — Г. И. Ключарева.
Судя по письмам моей матери... — Эти письма Л. И. Гааг к Герцену неизвестны.
Вы поступили с Абелем, как настоящий Каин... — Фамилия Абель звучит по-французски как библейское имя Авель. Авель, согласно библейской легенде, был убит своим братом Каином. Отзыв Герцена об Абеле см. в его письме к жене от 20 июня 1851 г. (т. XXIV наст. изд.).
...он ждет вас, как Геро ждалаЛеандра... — Согласно греческому мифу, Леандр, возлюбленный Геро, жрицы Афродиты, каждую ночь переплывал Геллеспонт, чтобы попасть к ней на свиданье.

Das Land wo die Zitronnen blühn. – Страна, где цветут лимоны (нем.). Стих из «Песни Миньоны» Гёте.
Свод небес зелено-бледный, // Скуку, холод... – Из стихотворения Пушкина «Город пышный, город бедный...», в котором описывается Петербург.
166. М. ГЕССУ
Печатается по фотокопии с автографа, находящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Автограф хранится в Международном
435
институте социальной истории (Амстердам) (ранее находился в архиве германской социал- демократической партии в Берлине). Впервые опубликовано на языке подлинника в книге: Irma G o it ein. Probleme der Gesellschaft und des Staates bei Moses Hess. Leipzig, 1931, S. 163– 166; в русском переводе: ЛН, т. 7–8, стр. 79–81.
Ответ на письмо М. Гесса от февраля 1850 г. (ЛН, т. 7–8, стр. 74 – 79). Касаясь книги «С того берега», Гесс в своем письме выражал желание «продолжить беседу», которую Герцен «так блестяще набросал» в тексте своей книги. Критикуя идейно-философские позиции, с которых Герцен судил о революции 1848 г. и причинах ее поражения, Гесс излагал свой взгляд на судьбы европейского социализма. Анализ этой критики Гесса см. во вводной статье к публикации переписки Герцена и Гесса (ЛН, т. 7–8, стр. 72 – 74).
Брошюра, о которой вы говорите... – Речь идет о книге «С того берега».
Капп опубликовал перевод моих писем об итальянской революции 1847 г. /.. – Имеются в виду «Письма с Via del Corso», опубликованные в 1850 г. на немецком языке в книге «Briefe aus Italien und Frankreich (1848–1849) von einem Russen, Verfasser des „Vom andern Ufer"», Hamburg, Hoffmann und Campe, 1850.
...они предвидели то время, когда Юстиниан закроет их школы... – При императоре Юстиниане усилились гонения христианской церкви против античной науки. В 529 г. был закрыт центр античной философии Афинская школа, и античную философию сменило христианское богословие.
...я буду польщен ~ напечатать его в вашей брошюре. – Очевидно, выражал намерение опубликовать в печати свою полемику с Герценом по поводу «С того берега». В опубликованных письмах Гесса к Герцену такое намерение не высказано, возможно, оно было сообщено в каком-то не дошедшем до нас письме.
Я написал ему ответ... – Ответ этот – статья Герцена «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский», (VI, 351–359).
На комментируемое письмо М. Гесс ответил четырьмя письмами от марта 1850 г. (см. ЛН, т. 7–8, стр. 81–89)
167. Г. и Э. ГЕРВЕГАМ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 123. Дата устанавливается по датированному письму к Гессу, отправленному в этот же день.
...перешли, пожалуйста, это письмо Гессу. – См. письмо 166.
...сегодня Шарль-Эдмон вдруг рассказал частично о твоих визионерских приключениях. – В № 153 «Voix du Peuple» от 4 марта была помещена заметка Хоецкого, в которой описывалась судьба ходатайства Гервега о выдаче ему визы для поездки в Париж. Герцен, играя словами, называет эту историю «визионерской» («визионер» – духовидец, мечтатель). Приведя мотивировку французского министра, утверждавшего, что Гервег – «иностранец, замешанный во все германские и швейцарские анархические интриги, член европейского революционного комитета, находится, более того, в тесных сношениях с французскими эмигрантами в Швейцарии и, вероятно, настаивает на допуске во Францию, чтобы деятельно участвовать в происках своей партии», Хоецкий отвечал: «Мы
436
заявляем с полным убежденней и пониманием, с совершенным знанием дела, что это обвинение является с начала до конца не чем иным, как сплетением лжи ... Мы объявляем властям, что поддержим перед судом справедливость наших утверждений и предлагаем правительству обосновать свои обвинения хоть сколько-нибудь правдоподобными доказательствами...»
Польза – вред большой, как говорил один профессор минералогии. – Так говорил профессор Московского университета Алексей Леонтьевич Ловецкий – см. об этом в части первой «Былого и дум» (VIII, 127). Герцен опасался, вероятно, что заметка Хоецкого еще более ухудшит отношение к Гервегу французского правительства.
...написать для французов ряд статей о немецкой философии... – Этот замысел не был осуществлен Герценом.
...написать против нелепостей Эм. Жирардена... – См. комментарий к письму 171.
...черкните несколько слов Якоби, не может ли он переслать tanto рош «С того берега» nach Moskau. – Иоганн Якоби был родом из Кенигсберга, находившегося невдалеке от русской границы и ставшего одним из главных пунктов по переправке

запрещенной литературы в Россию. — Tanto poco — немного (итал.); nach Moskau — в Москву (нем.)
...который лишил невинности ~ произнеся его имя в С.-Лазаре brisote. — С.-Лазар — парижская женская тюрьма и тюремная больница. «С.-Лазаром Мбос'ов» Герцен саркастически называет здесь газету «National», напечатавшую упомянутую в комментариях к письму 160 заметку о Коле Герцене. Слово «trisoc», очевидно, обозначающее «трехцветных социалистов», образовано по аналогии с имевшим широкое явление словом «démosoc» («демократические социалисты»). Иронической кличкой «trisoc» Герцен хотел, видимо, охарактеризовать позиции тех, кто, подобно редакции газеты «National», отстаивал трехцветное знамя в качестве символа послереволюционной Франции.
Капп сделал то же ~ собачьей злостью... — Это печатное выступление Ф. Каппа остается неизвестным.
169. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 125. Год определяется по связи с соседними письмами.
Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно,
...когда я увидел твое имя в присланной тобой газете. — Какая швейцарская газета была прислана Гервегом — неизвестно. В ней, видимо, были напечатаны материалы по поводу преследований, которым подвергали Колю Герцена цюрихские власти, и в этой связи упоминался Гервег. Возможно, что имеется в виду газета «La Suisse», в которой также шла речь о высылке из Швейцарии Коли Герцена (см. ЛН, т. 64, стр. 114).
...Виардо же с бестактностью буржуа упорно продолжает что-то доказывать... — О вероятной причастности Л. Виардо, постоянного сотрудника газеты «National», к первой заметке о Коле Герцене, ср. комментарии к письму 160.
Я напишу письмо г-ну Ши-белю. — Было ли написано это письмо директору цюрихского училища глухонемых, неизвестно. Герцен иронически выделил в самостоятельное слово конец фамилии Шибеля, означающий в переводе с французского «красавец» («bel»).
...дураки из нашей милейшей редакции ~ не разбавив риторикой. — Ср. комментарий к письму 160, где говорится о заметке в «Voix du Peuple», конец которой вызвал неудовольствие Герцена.
...как это Галер втянул нас в «АШапсв»... — Редактор женевской газеты «Alliance des Peuples» Галер напечатал в списке сотрудников своей газеты имена Герцена и Гервега, не получив на это их предварительного согласия.
...после вторичной неслыханной глупости «National»? — Герцен имеет в виду следующую заметку (вероятно, Луи Виардо), помещенную в «National» от 2 марта 1850 г.: «„La Suisse" опровергает сообщенную нами новость о высылке сына политического изгнанника — шестилетнего ребенка, находившегося в цюрихском учебном заведении.
Это опровержение „La Suisse" считает удобным представить нам, не собрав никакой предварительной информации. Мы позволяем себе не согласиться с этим опровержением.
Пусть же „La Suisse" сперва разузнает, а потом уже опровергает — это будет гораздо более логично. Что же касается нас — вот в чем можем мы ее заверить: рассказ, напечатанный в «National», был перепечатан (с несколькими небольшими уточнениями) в „Voix du Peuple". Кто же является автором этого сообщения, таким образом уточненного? Отец высланного ребенка. На каком документе он основывался? На письме самого директора цюрихского учебного заведения».
Герцен был потому недоволен заметкой, что она могла обострить его отношения с швейцарскими властями.
170. Э. ГЕРВЕГ (приписка)
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Приписка к письму Н. А. Герцен, адресованному Г. Гервегу. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 278.
Поскольку вы еще в Цюрихе, я также вам не пишу. — Э. Гервег возвратилась в Париж 13 марта (см. ниже письмо 176).
Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
Год назад я писал ~ приближение смерти». — Герцен, вероятно, имеет в виду статью ^1хешп0» («С того берега»), датированную 1 декабря 1848 г. (см. VI, 76), — хотя строки, точно совпадающей с приводимой здесь, там нет.
Последнее письмо Гассера... — Письмо к Ротшильду по поводу оплаты в Петербурге «билета» Л. И. Гааг.
...говорят, что Бакунин бежал из тюрьмы. — Слух оказался ложным.
...посылаю вам письмо, которое он мне сегодня прислал. — Это письмо Ф. Каппа к Герцену остается неизвестным, так же как письмо его к Ю. Кампе.

...во второе издание... — Второе издание «Vom ändern Ufer», не вышедшее в свет.

Эпилог переведен. — Речь идет об «Эпилоге 1849», переведенном на немецкий язык, возможно, Эммой Гервег.
...«Эмиль Жирарден и Иммануил Кант»... — Этот памфлет Герцена, по-видимому, закончен не был. От него не сохранилось ни одной строки. Ср. письма 166, 168 и 182.
...история с исторической визой твоего паспорта была напечатана. — См. комментарий к письму 167.
Кто же этот Делагод vice versa, который принимает меня за банкира... — Люсьен Делагод — журналист, соредактор газеты «La Réforme», разоблаченный в 1848 году агент французской тайной полиции, автор мемуаров «Рождение республики в феврале 1848 года», Париж, 1850 (см. о нем: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд., т. 7, стр. 281—283). Герцен сопоставляет с ним автора неизвестной нам статьи, назвавшего Герцена банкиром. К этому средству, употреблявшемуся с целью политической компрометации Герцена в глазах европейской демократии, его политические противники прибегали неоднократно. Vice versa — наоборот (лат.).
...он возвращается в Петербург... — И. С. Тургенев уехал из Парижа в Россию только 12/24 мая 1850 г.
Понял ли ты великолепное четверостишие Пушкина? — О какой цитате из Пушкина идет речь — неизвестно. По-видимому, Герцен привел ее в одном из не дошедших до нас писем к Гервегу.
Мы видели Леонтину и разговаривали с ней. — См. в письме Н. А. Герцен к Гервегу от 8 марта 1850 г. (ЛН, т. 64, стр. 278—279) описание этой встречи на маскараде с парижской гризеткой Леонтиной, о которой Герцен впоследствии с такой симпатией вспоминал в «Былом и думах» (XI, 453—460).
172. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 279. Приписка к письму Гораса Гервега, адресованному Э. Гервег.
Всюду спокойствие... — Речь идет о положении дел в Париже 10 марта 1850 г. — в день дополнительных выборов в Законодательное собрание, когда можно было ожидать народных волнений и всевозможных эксцессов.
До свиданья, rue de la Paix. — По-видимому, Герцен намекает на то, что в зависимости от исхода выборов его пребывание в Париже может быть насильственно сокращено (на rue de la Paix в это время жили Герцены).
173. КОЛЕ ГЕРЦЕНУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 279. Приписка к письму Гораса Гервега, адресованному Эмме Гервег.
Письмо Коли Герцена, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
174. Э. ГЕРВЕГ (приписка)
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Приписка к письму Н. А. Герцен. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 279. Дата определяется условно по высказанному Герценом предположению, что Э. Гервег уже выехала из Цюриха в Париж (как явствует из письма 176, в Париж она приехала 13 марта).
Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...наступила, быть может, последняя, самая решительная минута. — Герцен с тревогой ожидал результатов дополнительных выборов в Законодательное собрание.
«Умереть за родину». — Песня из драмы А. Дюма и О. Маке «Le Chevalier de la Maison Rouge» («Рыцарь из Красного дома»), музыка Варнэ (1848). Герцен неоднократно подчеркивал свою ненависть к этому мещанскому шовинистическому гимну, почти полностью вытеснившему в это время героическую «Марсельезу». См. выше комментарий к письму 83.
Верь мне ~ верная смерть... — Сложная игра слов: «foi» («вера»), «foie» («печень»), «fois» («раз») произносятся по-французски одинаково; «grâce» — «пощада», «foie gras» — «гусиная печенка», «gras» — «жирный».
...меня мучит зубная боль внутри и все происходящее вовне. — Каламбур: «mal de dent» («зубная боль») звучит по-французски так же, как «mal dedans» («боль внутри»).
...доктор из Дрездена. — Вероятно, речь идет об Августе Виллихе.
...Мне грустно — триста раз. — Французское слово «triste» («грустно») звучит сходно с русским словом «триста».
Покажи это мадемуазель Эрн, которая показывает тебе русский язык и позабудь о своих часах, — они очень спешат. — Игра слов: «montre» («часы») и «montre» («покажи», «показывает») пишется и произносится по-французски одинаково.
...здесь что-то так страшно со вчерашнего вечера.. — Герцен, вероятно, имеет в виду тревогу по поводу не объявленных еще результатов выборов.
...без Капорцев. — Капорцом Герцен в шутку называл Ф. Каппа.
...все ведь из Рымно через Арша в Бресла. — Смысл этих слов неясен.
176. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН,

т. 64, стр. 130 – 131.
Mut gefasst, und vorwärts, как говорил пятившийся назад Блюхер. – «Собравшись с духом, вперед». Прусский генерал Г.-Л. Блюхер, ведший боевые действия против Наполеона I, был прозван «фельдмаршалом Форверц» за часто повторявшееся им в бою восклицание: «Vorwärts!» Блюхеру во время своих военных кампаний неоднократно приходилось отступать.
...sarà che sarà... – будь что будет. Каламбур: итальянское sarà (будет) звучит как библейское имя Сарра.
...из trisoc'oe. – См. комментарий к письму 168.
О Зейлере говорят, что он подлец. – Резко отрицательные отзывы о С. Зейлере см. также в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса – К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, М. – Л., 1929, стр. 76, 115, 173.
177. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Сагг, стр. 108 – 109. Год написания определяется по связи с соседними письмами.
440
Письмо Г. Гервсга, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...когда писал тебе «Oggi o mai». – См. выше письмо 175.
...океаниды ~ «И да и нет»! – Цепь каламбуров, основанных на сопоставлении различных одинаково звучащих слов и имен. Идами у древних римлян назывался день в середине месяца (мартовские иды – 15 марта). Ида – название горных хребтов в Малой Азии и на Крите. Орлеаниды (орлеанисты) – сторонники реставрации во Франции Орлеанской династии. Сулукиды – сторонники Луи-Наполеона, которого политические противники насмешливо называли именем негритянского императора Сулука.
...Pulcinella... – Персонаж итальянского народного театра.
Зато с парижским народом я помирился... – Дополнительные выборы в Законодательное собрание, состоявшиеся 10 марта 1850 г., закончились крупным успехом республиканцев – особенно в Париже. Успех прогрессивных сил на выборах вскоре вызвал еще большее усиление правительственной реакции. См. комментарий к письму 179.
...посылаю приветствие по адресу Швейцарии из «Assemblée Nationale – эта корреспонденция писана русскими шпионами... – Герцен имеет в виду корреспонденцию, помещенную в № 74 реакционной парижской газеты «Assemblée Nationale» от 15 марта 1850 г., озаглавленную «Письмо из Лондона» и подписанную греческой буквой Q. В ней осуждалось «поведение швейцарских радикалов в отношении Европы», которые «в буквальном смысле гнутся в три погибели перед самыми мелкими изъявлениями желаний австрийской и прусской полиций», жестоко преследуя эмигрантов.
Мнение Герцена о том, что статья эта была написана «русскими шпионами», вероятно, основывалось на заключительных строках статьи, содержавших апологию России как защитницы «европейского порядка».
Был ли Швейцер в «Карле Мооре» швейцарцем? – Швейцер – герой драмы Ф. Шиллера «Разбойники», которую Герцен называет здесь по имени ее главного героя – Карла Моора.
...никто еще не знал, какой характер примут выборы. – Окончательные результаты выборов были напечатаны в газетах 14 марта.
Бамбергер пишет мне... – Это письмо Л. Бамбергера неизвестно.
. .Головин написал по-немецки критику на мою книгу... – Эта статья Головина о «С того берега», вероятно, напечатана не была.
Видел ли ты, что г-н Петри ответил в «Voix du Peup1e?» – 13 марта 1850 г. в № 162 «Voix du Peuple» появилось сообщение об изгнании из Цюриха некоторых участников Баденского восстания. Это приписывалось интригам депутата федерального собрания Швейцарии Гонзальва Петипьера, бывшего секретаря Луи Бонапарта. На следующий день, 14 марта, в «Voix du Peuple» появилось письмо Петипьера к редактору газеты, где он отрицал свое участие в репрессиях против эмигрантов и уверял, что полон сочувствия к изгнанникам и голосовал против этих мер. Фамилия Petit Pierre означает по-французски «маленький камень»: Petra – камень по-латински. Вероятно, Герцен в шутку или из конспиративных соображений передал его фамилию в латинском переводе. См. о Петри также в письмах 97 и 102.
178. Э. ГЕРВЕГ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 134.
Иды марта – 15 марта.
Можешь читать. – Эти слова, по-видимому, обращены к Н. А. Герцен.
...оба сказали «мат». – Подразумеваются результаты выборов 10 марта 1850 г. и ответные меры правительства: назначение реакционера П.-Ж. Бароша министром внутренних дел и принятие Законодательным собранием реакционнейшего закона о

передаче народного образования под контроль духовенства («Закон Фаллу»).
...прокурором предъявлено обвинение трем богатым негоциантам ~ разжигали ненависть против правительства. — 15 марта 1850 г. в ряде парижских газет, в том числе в «Voix du Peuple» и в «National», было напечатано обращение «К рабочим, коммерсантам и всем подлинным республиканцам-демократам», подписанное от имени «Комитета коммерсантов, фабрикантов и рабочих» председателем Комитета Фиге и секретарями — Кроче-Спинелли и Бретоном, которые заявляли, что правительство подготовило народу «адскую западню», и призывали всех отказаться от посещения Площади ратуши во время оглашения имен вновь избранных депутатов. На следующий же день прокурор Французской республики отдал приказ о привлечении к ответственности всех трех деятелей, подписавших обращение, — за «возбуждение ненависти и презрения к правительству республики» ^м. «Voix du Peuple» от 16 мая 1850 г., № 165).
Сегодня я получил «Письма из Италии», один экземпляр. — Имеется в виду издание «Briefe aus Italien und Frankreich», выпущенное фирмой «Hoffmann und Campe». Гофман написал мне письмо. — Это письмо главы издательской фирмы «Hoffmann und Campe» — Юлиуса Кампе, которого Герцен в шутку называет именем его давно умершего компаньона Гофмана, неизвестно.
Он сообщает, что некоторые «превосходные рецензии» «порадовали бы меня»... — Рецензии эти найти не удалось. В «Nordische Freie Presse» (Hamburg-Altona), № 296 от 8 марта 1850 г. был перепечатан большой отрывок из «Писем из Франции и Италии». Несколько позднее две большие рецензии на эту книгу появились в лейпцигской «Blätter für literarische Unterhaltung», 1850, №№ 133 и 219 от 4 июня и 12 сентября.
...что за царедворец этот Гофман... — Игра слов: «Hoffmann» (Гофман — имя) и «Hofmann» (царедворец) — по-немецки звучат одинаково.
Я по-прежнему хотел бы пристраивать свои сочинения у Кампе. — В подлиннике каламбур: «camper» («пристраивать») и «Campe» (фамилия издателя) по-французски звучат одинаково.
Он пишет ~ об этом. — Это письмо Ф. Каппа к Герцену неизвестно.
Вы понимаете, что это не Капфиг. — Каламбур: Герцен сопоставляет со словами «Kapp-filius» («Капп-сын») сходно звучащую фамилию французского журналиста и историка Жана-Ремона Капфига.
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано (небольшой отрывок): Сагг, стр. 88. Полностью: ЛН, т. 64, стр. 136—138. Год определяется содержанием письма.
Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
Спасибо за письмо Фальмерайера. — Это письмо Я.-Ф. Фальмерайера неизвестно. Вероятно, он излагал в нем свои впечатления от «Vom
443
andern Ufer». Еще 20 февраля 1850 г. Гервег писал Герцену: «Прилагаю к письму статью Фальмерайера, которая наделала иного шуму. Он живет в Сент-Галле, и я пошлю ему один экземпляр „С того берега". Вероятно, он сам напишет о нем в „Аугсбургской газете". Фейербах тоже на днях получит» (Л XIV, 59).
...упрекают меня за упоминание о Головине (!!!) — Упоминание об И. Г. Головине и Н. И. Тургеневе (ср. выше комментарий к письму 120) осталось в немецком издании «Vom andern Ufer», но было исключено самим Герценом еще до получения письма Грановского из французского перевода письма «К Г. Гервегу» («La Russie»).
...если не ошибаюсь, он был в числе осужденных за участие в заговоре 49-го года... — Герцен ошибался: А. Н. Островский никакого отношения к делу петрашевцев не имел.
...как голландская селедка ~ отчитать тебя. — Во французском тексте каламбур: «hareng» — «селедка»; «harenguer» — «отчитывать».
...«La Patrie» вчера заявила: «Мы благословляем меч, который истребит врагов общества». —
15 марта 1850 г. парижская реакционная газета, орган Луи Наполеона «La Patrie», призывавшая правительство, в ответ на выборы 10 марта, к немедленному принятию решительных мер, утверждала, что «опасного врага», «красные партии» следует физически уничтожить (см. изложение этой статьи с приведением обширных цитат в «Voix du Peuple» от
16 марта 1850 г., № 165).
Какого ты мнения о статье Бамбергера? — Речь идет о статье «Lettre sur l'unité allemande et le parlement d'Erfurth» («Письмо о германском единстве и эрфуртском парламенте»), напечатанной в прибавлениях к «Voix du Peuple» от 4 и 11 марта 1850 г., за подписью Un Allemand (Немец).
...цюрихцу можно заплатить после получения от Кампе. — Герцен рассчитывал получить от Юлиуса Кампе некоторую сумму за «Vom ändern Ufer». Из этих денег он должен был выплатить цюрихскому типографу-издателю, у которого печаталась книга,

стоимость набора и печати (ср. письмо 188).
181. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 138 – 140.
О я, злосчастный Атлас! – Начало стихотворения Г. Гейне (без названия) из «Книги песен».
...чёрт знает, какого шуму я наделал несколькими строками, теперь-то мы, несомненно, скоро увидимся... – Герцен напечатал накануне в «Voix du Peuple» статью «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский», которая, как он опасался, могла вызвать высылку его из Парижа.
...в тот же вечер все высказал. – Т. е. напечатал статью «Донозо Кортес...»
Один вечерний листок донес на меня... – Об этом доносе газеты «La Patrie» и его последствиях Герцен упоминает в подстрочном примечании к статье «Донозо Кортес...» в русском издании «С того берега» (см. VI, 142).
...абитуриентского свидетельства. – Здесь в смысле свидетельства на высылку.
В четверг премьера «Шарлотты Кордэ», трагедии Понсара. – Первое представление пьесы Ф. Понсара, одного из давнишних приятелей Гервега, «Шарлотта Кордэ», состоялось 23 марта 1850 г. в «Театре республики»
443
(«Théâtre de la République»). Автором рецензии на этот спектакль, опубликованный в «Voix du Peuple» 26 марта 1850 г., № 175, был Герцен – см. VI, 239–246 и 520–521.
182. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Сагг, стр. 109 – 110.
...vacuum horrendum площади Hôtel de Ville. – Под влиянием обращения Фиге, Кроче- Спинелли и Бретона (см. выше комментарии к письму 179), Призывавших народ не выходить на Площадь ратуши в день оглашения имен новых депутатов, чтобы не дать возможность правительству организовать задуманную им провокацию, население Парижа отказалось от традиционного торжества. Преступление, подготовленное правительством Луи-Наполеона, было сорвано. Vacuum horrendum – ужасающая пустота (лат.).
...до депортации... – Т. е. до массовых высылок.
...до фруктидоризации. – Намек на государственный переворот во Франции, совершенный 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г. и сопровождавшийся отстранением от власти и арестами депутатов Совета старейшин и Совета пятисот.
Шум, о котором я тебе вчера писал, – по-видимому, не имел никаких последствий. – Герцен имеет в виду высказанное в письме 181 опасение о возможности репрессий в связи с опубликованием статьи о Донозо Кортесе.
«Иммануил Кант и Эмиль Жирарден»... – Об этой неоконченной статье Герцена см. выше в письмах 166, 168 и 171.
...очень глупую брошюру Себастьяна Зейлера. – Речь идет о брошюре С. Зейлера (о котором см. в письмах 176 и 177) «Das Komplott von 13 Juni 1849, oder der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich. Ein Beitrag zur Geschichte der Gegenwart» («Заговор 13 июня 1849 г., или Последняя победа буржуазии во Франции. К истории современности»).
183. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Carr, стр. 111.
Письмо Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
Я начал вчера длинное письмо к тебе... – Это письмо неизвестно.
Я получил крохотную записку от Огарева ~ an Ort und Stelle». – Огарев, Н. М. Сатин и
А. А. Тучков были арестованы в конце февраля 1850 г. Арест этот явился одним из отголосков дела Петрашевского (см. об этом Л VI, 158–180). Записка, полученная Герценом (текст ее неизвестен), была, вероятно, написана Огаревым в то время, когда его везли в Петербург. An Ort und Stelle – на место (нем.).
...какой-то донос этой женщины. – Герцен ошибался, предполагая, что донос на Огарева был послан его первой женой М. Л. Огаревой. На самом деле одним из доносчиков явился ее отец – Л. Я. Рославлев.
...Грановский сообщил мне ~ имущество которого конфисковано. – Это письмо Грановского неизвестно.
И артистический клоп Воробьев ~ прокладывает себе путь к благополучию убийством. – Герцен, по-видимому, предполагал, что возлюбленный М. Л. Огаревой, известный художник- пейзажист С. М. Воробьев, принимал участие в интригах, направленных против Огарева.
444
..ведь Натали, не будучи его законной женой, не может поехать с ним. – Брак Н.

А. Тучковой с Огаревым был оформлен только в 1853 г., после смерти М. Л. Огаревой.
...Тучков подвергся преследованиям со стороны правительства «за то, что продал дочь». — Действительно, в доносах, поступивших в III отделение, в частности в доносе отца первой жены Огарева — Рославлева, было сформулировано обвинение в «продаже» Тучковым двух дочерей Огареву.
Опозорить старого заговорщика... — А. А. Тучков был членом Союза Благоденствия и привлекался к следствию по делу декабристов.
...расхлебывают кашу... — Во французском тексте: olla podrida — название испанского национального блюда.
Через месяц либо Византия, либо Атлантика. — В это время Герцен серьезно подумывал о том, чтобы покинуть Европу. Мысль о Константинополе, как о надежном убежище, возникла у Герцена, вероятно, в связи с тем, что турецкий султан осенью 1849 г. решительно отказался, несмотря на самые категорические требования Николая I, выдать ему польских эмигрантов, участников восстания 1830 — 1831 гг. и венгерской революции 1848 — 1849 гг. Не исключено, впрочем, и иное толкование: в этом месте своего письма Герцен мог намекать на возможность скорого превращения Франции либо в «демократическую Атлантику», т. е. Америку, либо в самодержавную Византию.
...русские проекты против печати... — 22 марта в парижских газетах был опубликован законопроект о продлении запрещения клубов и предвыборных собраний, об увеличении залогов и восстановлении гербового сбора («штемпеля») с газет. Проектом предусматривались всякого рода преследования, штрафы и пр. «Русским» Герцен называет этот законопроект потому, что он по характеру своему походил на мероприятия русского самодержавия.
...в тюрьме не Сатин, а бедная Натали. — Предположение Герцена о том, что арестован был не Сатин, а Н. А. Тучкова, не соответствовало действительности.
Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...беру, наконец, опять письмо Огарева... — О напугавшей Герценов записке Огарева — см. в предыдущем письме.
...первого попавшегося душегуба, и тот пришел... — «Душегубом» Н. А. Герцен называет врача.
...присланными вчера стихами... — Какие стихи были присланы Гервегом, не установлено.
Тебе отправлены 5 номеров газеты... — Герцен послал Гервегу экземпляры «Voix du Peuple» от 18 марта 1850 г., где была напечатана его статья «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский».
...все было распродано. — «Мой ответ на речь Донозо Кортеса, отпечатанный тысяч в 50 экземпляров, — писал впоследствии Герцен в „Былом и думах", — вышел весь, и когда я попросил через два-три дня себе несколько экземпляров, редакция принуждена была скупить их по книжным лавкам» (X, 194).
Вчера видел премьеру «Шарлотты Кордэ»... — Ср. оценку пьесы Понсара в этом письме и в написанной Герценом для «Voix du Peuple» рецензии (VI, 239—246), а также в следующем письме.
445
185. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: Сагг, стр. 112 — 113.
Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.
...через 10 дней весь облик Парижа изменится. — Герцен имеет в виду состоявшиеся 10 марта дополнительные выборы в Законодательное собрание. См. комментарий к письму 177.
Читал ли ты статью Прудона от 25 числа? — Имеется в виду статья Прудона «Философия 10 марта» («La Philosophie du 10 mars»), написанная в виде обращения к редакторам «Voix du Peuple». Начало ее было помещено в № 174 газеты от 25 марта 1850 г. Статья имела явно соглашательский характер. Отмечая, что победа прогрессивных сил 10 марта испугала правительство и что успех выборов, вызвав ряд репрессивных мер, превратился «в траур для свободы», Прудон заявлял, что не следует возбуждать конфликт между правительством и народом, и призывал к примирению пролетариата с буржуазией. В письме к одному из редакторов «Voix du Peuple», А. Даримону, от 14 февраля 1850 г. Прудон следующим образом изложил свое политическое кредо: «Что касается меня, я начну новую эволюцию ... Настал момент показать буржуазии то, что для нее имеется выгодного в социалистических идеях. Социализм с точки зрения буржуазных интересов — вот чем следует заниматься в настоящее время» («Correspondance de P.-J. Proudhon», t. III P., 1875, p. 97).
...возьми мое последнее письмо в Капповой брошюре и сопоставь с тем, что говорит он. — «Капповой брошюрой» Герцен называет первое немецкое издание «Писем из

Италии и Франции». Последнее письмо в нем — письмо 7-е (в русском издании 11-е). М. Гесс писал Герцену в марте 1850 г. по поводу статьи Прудона «10 марта»: «Частно, когда Прудон говорит о коммунальном хозяйстве как об истинной базе истинной республики, о национальном представительстве, о свободе школы, печати и науки, наконец о „смерти", которую принесла бы нам с собой новая революция, мне кажется, что я слышу отзвуки ваших собственных мыслей. Вы скорее отказались бы от вашей философии, чем от революции, тем более, что экономическая подоплека вашей философии еще не осознана вами. Другое дело Прудон, этот мелкий буржуа до мозга костей, революционные иллюзии которого тотчас же исчезают перед лицом действительной революции. Как все вольнолюбивые герои этого героического класса, он трепещет перед одною тенью революции, которую сам же вызывает ... „Смерть", которую Прудон предвидит в результате демократически-социалистической революции, есть смерть представляемого им класса и прежде всего смерть его самого как социалистического демократа» (ЛН, т. 7—8, стр. 89).

...лишь один-единственный листок поддержал его, — это «Napoléon». — В «Обзоре печати», опубликованном в «Voix du Peuple» от 23 марта 1850 г., № 172, приведены выдержки из различных газет по вопросу о законопроекте «против печати» (см. комментарий к письму 183). Вопреки мнению Герцена, не только орган Луи-Наполеона «Napoléon», но и некоторые другие реакционные издания отнеслись сочувственно к этому шагу правительства («Assemblée Nationale», «Pays» и др.)

...парагвайский деспотизм без доктора Франсиа. — В Парагвае с 1813 по 1840 г. диктатором да Франсиа был установлен террористический режим.

Публика приняла пьесу Понсара без всякого видимого отвращения... — Объявляя о втором представлении «Шарлотты Кордэ», «Voix du Peuple»

446

отмечала, что драма Понсара имела «большой успех литературный и большой успех денежый» (№ 174 от 25 марта 1850 г.).

...прочти сегодняшний фельетон в «Voix du Peuple» — Речь идет о рецензии Герцена на драму Понсара «Шарлотта Кордэ». См. VI, 239—246.

Дело моей матери ~ Аффр... — Каламбур: «l'affaire» («дело») и «L'Affer» (несколько измененное Аффр) по-французски звучат сходно.

Wahn sinnik — Слово, образованное на русский лад (суффикс «ик») от немецкого «Wahnsinn» (безумие).

...где был я Фабием Кунктатором? — Римского полководца Фабия прозвали «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательпую тактику в войне против Аннибала.

...после ламартиновской гвардии. — Мобильная (подвижная) гвардия была сформирована Временным правительством по декрету от 25 февраля 1848 г. См. о ней в письме 47.

Деревья приходят к Барошу с вопросом, можно ли без гербового сбора выпускать весной листки. — Эта карикатура Кама (А. де Ноэ), изображающая визит дерева к французскому министру внутренних дел, одному из инициаторов реакционного законопроекта о печати, появилась в № 83 «Charivari» от 24 марта 1850 г. См. ее воспроизведение в ЛН, т. 64, стр. 149.

Ты спрашиваешь меня о книге «Социальная космософия».й[2] — Речь идет о книге Анри Лекутюрье«La Cosmosophie, ou le Socialisme Universel» («Космософия, или Всеобщий социализм»), Paris, 1850. В № 161 «Voix du Peuple» от 12 марта 1850 г. появилось следующее сообщение: «Много говорят о предстоящем появлении книги, озаглавленной „Космософия, или Всеобщий социализм", которая должна получить огромный резонанс. Эта книга, по слухам, создает с математической точностью совершенно новую философию, перед которой исчезают ошибки и предрассудки, религиозные, политические и научные. Космософия, по- видимому, является не чем иным, как открытием Всеобщего объяснения, — тем вторым философским камнем, которого так долго и напрасно искали; ей, по-видимому, суждено стать кодексом общества».

Г-жа Дагу ~ опубликовала историю революции, где с жаром говорит о «наружных статях Ламартина... человека, испытанного в делах» и т. д. — Имеется в виду первый том сочинения графини д'Агу «Histoire de la Révolution de 1848» («История революции 1848 года»), Paris, 1850, вышедшей под ее псевдонимом Daniel Stern. Герцен имеет в виду следующие строки из этой книги: «Внешние формы господина де Ламартина находятся в полном соответствии с его идеями и его чувствами, органом которых он сделался. Он высок ростом, его позы спокойны, его профиль отличается большим благородством» (стр. 21).

«Исповедь». — Имеется в виду книга Прудона «Исповедь революционера, долженствующая служить истории Февральской революции». — О присылке этой книги Гервег напомнил Герцену в одном из своих недатированных писем (Л XIV, 67).

...в столицу цивилизации ~ когда она теряет и капитал, и цивилизацию. — Игра слов: по- французски «la capitale» — столица, «le capital» — капитал.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Л XXII, 126, без текста на конверте, с ошибочным указанием адресата (издателю А. Франку) и условной датой: 27 марта 1859–69 гг.. Год уточняется содержанием письма, которое, видимо, написано вскоре после отъезда в Америку Ф. Каппа (отъезд его приурочивается к началу марта 1850 г.,
447
см. выше письмо 165), в связи с чем Герцен и переслал принадлежавшие Ф. Каппу книги и бумаги его брату. В последующие годы Герцен 27 марта в столице Франции никогда не бывал. О том, что письмо послано из Парижа и в Париж, свидетельствует адрес, в котором отсутствует название города.

187. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 150 – 151.

Письмо Г. Гервега, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

Гофман прислал мне 730 франков. – Речь идет о Юлиусе Кампе. См. письмо 188.

Я получил также письмо от профессора Штара... – Это письмо А.-В. Штара к Герцену остается неизвестным.

Розингер... – Вероятно, швейцарский знакомый Герцена и Гервега. Можно предполагать, что это тот «добрейший в мире доктор Р., один из самых платонических и самых постоянных любовников революции, друг всех выходцев», о котором Герцен упоминает в «Былом и думах» (X, 60).

Ьпвое. – См. комментарий к письму 168.

188. Ю. КАМПЕ

Печатается по автографу (ГПБ). Впервые опубликовано, без указания адресата («К неизвестному»): Л VI, 691.

Содержание письма и его сопоставление с письмами Герцена к Гервегам, относящимися к печатанию «С того берега», позволяют с несомненностью установить, что адресатом его явился
глава гамбургского издательства «Hoffmann und Campe» – Юлиус Кампе, издавший в 1850 году «С того берега» и «Письма из Италии и Франции». О роли фирмы «Hoffmann und Campe» в издании книги «С того берега» см. письма 133, 155, 161.

...расходов по цюрхскому изданию они не покрывают... – Как указывает сам Герцен в письме 187, 200 талеров, присланных Кампе, были равноценны 730 франц. франкам.

...Капп посулил... – Переговоры с Кампе о печатании «С того берега» вел Ф. Капп.

...2-е издание будет все же легко осуществить. – Предполагавшееся второе издание «С того берега» не состоялось из-за запрещения, наложенного германской цензурой.

...«Эпилог» давным-давно уже окончен, я могу выслать его вам». – «Эпилог», датированный Герценом 21 декабря 1849 г., не был напечатан в Цюрихе и в первое издание «С того берега» не вошел.

...я напечатал статью, которая наделала порядочно bruit. – Вероятно, имеется в виду «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский».

Прием, который встретили обе мои брошюры о Германии... – Речь идет о «Письмах из Италии и Франции» и «С того берега». В авторском введении к книге «С того берега» Герцен писал: «В начале 1850 г. книга моя сделала много шума в Германии» (VI, 9).

...его книгу... – Вероятно, имеется в виду незадолго до того вышедшая и снискавшая широкую известность книга А. Штара Œin Jahr in Italien» Oldenbourg, 1847–1850).

...здесь «и не пахнет русским». – Ср. письмо 187.

448

Несколько месяцев назад я прочел, что у Котта появился (в переводе Вольфзона) мой роман под заглавием «Кто виноват?» Искандера. – Ср. письмо 119.

189. Г. ГЕРВЕГУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 151 – 153. На автографе проставлена, видимо рукой Г. Гервега, дата: 30 ноября. Она не может быть датой получения Гервегом письма, поскольку Герцен упоминает в своем письме о статье Прудона, напечатанной в Париже 29 марта 1850 г. Автограф поврежден. Слово «proposition» читается предположительно.

...на следующий день мы поспешили сообщить тебе совсем другое предположение... – Герцен имеет в виду письмо 184.

...эта ужасная женщина... – М. Л. Огарева, которая, по предположению Герцена, послала донос на мужа.

...купить фабрику... – Огарев в 1847 г. купил совместно с И. И. Маршевым бумажную фабрику, надолго связавшую его по рукам и ногам и в конце концов совсем его разорившую.

...у него была женщина, которая его любила, и какая женщина – ты ее не знал или мало знал. – Речь идет о Н. А. Тучковой. О встречах ее в Париже в 1848 г. с Гервегом см. в ее «Воспоминаниях», М., 1959, стр. 65.

...десять лет ссылки. — Эти сведения о результатах следствия над Огаревым, Сатиным и Тучковым оказались недостоверными. Все трое отделались легким наказанием, а 12 декабря 1850 г. «по маловажности их преступления» были освобождены даже от полицейского надзора.
Оба привлекаются не впервые... — Герцен имеет в виду привлечение Огарева в 1834 г. к делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» и А. А. Тучкова к следствию по делу о декабристах в 1826 г.
Предложение Ларошжаклена было вторым 21 января для легитимизма. — 26 марта 1850 г. депутат Национального собрания легитимист А.-О. Ларошжаклен выступил с предложением обратиться с запросом к народу, чтобы выяснить, чего народ хочет: монархии или республики. Встреченное смехом и негодующими выкриками большинства депутатов, это предложение было отвергнуто как незаконное и по форме и по содержанию. — Герцен сравнивает этот провал легитимистской вылазки с 21 января 1793 г. — днем казни Людовика XVI и Марии- Антуанетты.
...последнюю статью Прудона (от 29); он объединился с буржуазией, сейчас он предпринимает попытку потянуть за собой правительство... — Вторая статья из цикла «Философия 10 марта» Прудона, помещенная 29 марта в № 178 «Voix du Peuple». Прудон призывал в ней «всех республиканцев, друзей революции и своей родины» не допустить, «чтобы правительственное орудие, после того как оно выпадет из немощных рук реакции, вновь попало, как после февральских дней, в не менее немощные руки партии узурпаторов, не представляющей ни буржуазию, ни пролетариат». Призывая оба класса к взаимному примирению, он рекомендовал «сблизиться с государством пусть хоть для того, чтобы упрекать его». Заключительные слова этой статьи: «Действуйте же: ибо я говорю вам поистине, это не Катилина, это не банкрот у ваших дверей: это смерть!» были частично использованы Герценом в эпиграфе к «Omnia mea mecum porto» (VI, 115).
Суд над ним состоится 10 апреля. — 10 апреля должен был состояться суд над Прудоном и П. Лограном (Laugrand) за опубликование в «Voix du Peuple» статей «Да здравствует император!» и «События дня». Однако неожиданно было объявлено о том, что рассмотрение дела «Voix
du Peuple» отложено на неопределенный срок. Как объяснила «Voix du Peuple» в редакционной заметке, напечатанной в № 191 от 11 апреля, это мероприятие реакционных судебных органов явилось вновь придуманным способом зажать рот печати и не допустить ее самозащиты.
190. Г. ГЕРВЕГУ
Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в ВМ. Впервые опубликовано: ЛН, т. 64, стр. 153 — 155.
...«Tentamarre»... — Парижский юмористический журнал. Запрещению он не подвергся и просуществовал еще несколько десятилетий.
Гельвеция — Швейцария.
Я собираюсь написать маленькое добавление к моим диалогам ~ надо заняться наследством и наследниками — Приведенные здесь строки, являющиеся единственным сохранившимся свидетельством о первоначальном плане статьи «Omnia mea mecum porto» (датированной 3 апреля 1850 г.), в окончательный текст не попали. В дефинитивном тексте «Omnia mea mecum porto» встречаются некоторые соответствия; однако оптимистический характер, присущий публикуемому первоначальному плану «Пролога», был совершенно утрачен. Быть может, это произошло под влиянием писем Гервега (см. ЛН, т. 64, стр. 15).
...я дал ему рекомендательное. письмо к Линтону... — См. письмо Герцена к В. Линтону от 1 апреля 1850 г. (том XXIV наст. изд.).
...ехать сейчас умирать за Гарсиа в лапах Николая! — Гарсиа — девичья фамилия Полины Виардо, отправлявшейся на заграничные гастроли. В 1850 г. в Россию она не поехала. Герцен предполагал, что по приезде в Россию Тургенев будет арестован — за сношения с революционными кругами и пребывание в Париже во время революции 1848 г.
...чтобы узнать наверняка, гильотинирован он или нет. — Французская правительственная газета «Le Dix Décembre» сообщила 26 марта 1850 г., что саксонский король утвердил смертный приговор М. А. Бакунину и Рекелю и что им будут отрублены головы топором. Незадолго до того, в другой правительственной газете, «Le Napoléon», сообщалось, что Бакунину, Рекелю и Гейбнеру удалось бежать и что они находятся на пути во Францию. Смертный приговор был действительно вынесен Бакунину еще в январе 1850 г., но он не был приведен в исполнение, слух же о бегстве его оказался ложным.
ПРИЛОЖЕНИЯ
ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ
1. ВЕРЯЩЕЕ ПИСЬМО Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано по копии, снятой Н. Л. Бродским: ЛН, т. 39—40, стр. 235—236.

О переводе голохвастовского долга на имя Л. И. Гааг см. письма 71, 73, 78.
2. ВЕРЯЩЕЕ ПИСЬМО Г. И. КЛЮЧАРЕВУ
Печатается впервые, по писарской копии, засвидетельствованной в Московской гражданской палате (ЛБ). Местонахождение подлинника, с которого сделана копия, в настоящее время неизвестно. Герцен в «Былом и думах» писал, что доверенность на залог имения, посланная им из Парижа Ключареву, была уничтожена. В действительности она находилась тогда в делах III отделения. Копия вместе со всеми бумагами и письмами Герцена была представлена московским военным губернатором Закревским в III отделение. По рассмотрении дела об имуществе Герцена, в числе прочих документов, копия была возвращена Закревскому см. Дело III отделения, I экспедиция, № 239, ч. 10, 1834, лл. 109—112).
О закладе костромского имения см. в письмах к Г. И. Ключареву — 73, 78, 106, 109.
ДАРСТВЕННЫЕ И ДРУГИЕ НАДПИСИ, ПОМЕТЫ
1. Т. А. АСТРАКОВОЙ
Печатается по тексту: НПГ, стр. 6. Автограф хранится в архиве Колумбийского университета. Надпись сделана на бандероли. К какому именно письму она относится, не установлено. Герцен в шутку называет дом Т. А. Астраковой на Плющихе в Москве «бюро построения
дороги на луну» в связи с тем, что брат ее мужа, С. И. Астраков, талантливый механик- изобретатель, занимался проектированием специального устройства
451
для полета на луну (ср. в письме 11 от 10—12 июня 1847 г. о нем: «кондуктор дилижанса на луну»). В связи с этим надпись условно датируется 1847 годом.
2. М. К. ЭРН
Печатается по автографу (ПД). Впервые опубликовано: Л V, 185. В автографе к слову Ern помета рукой М. К. Рейхель «Моя бывшая фамилия, М. Р.».
Alla Madamigella... — Надпись сделана на итальянском языке. М. К. Рейхель рассказывает, что в Риме она «училась с Герценом по-итальянски» (Рейхель, стр. 54).
3. Е. Б. ГРАНОВСКОЙ
Печатается по автографу (ГИМ). Впервые опубликовано (и воспроизведено факсимильно): ЛН, т. 39-40, стр. 192-193.
В ~ галерее Капитолия... — «Посылаю вам еще ворох картин. Они плохи, но могут живо напомнить подробности некоторых сцен», — писал Герцен московским друзьям, посылая им с возвращавшимися из Парижа Тучковыми и М. Ф. Корш литературные новинки, политические карикатуры, картины и др. подарки (см. письмо 47). — Среди этих картин был, очевидно, и предназначавшийся для Е. Б. Грановской вид Капитолия.
...мы стояли с popolo Romano... — Во второй половине марта 1848 г. в Милане вспыхнуло восстание, вслед за которым Пиэмонт объявил войну Австрии. Известие это было встречено в Риме с огромным энтузиазмом вылившимся в открытые народные демонстрации. Герцен был их свидетелем и участником (см. об этом в «Западных арабесках» — «Былое и думы», часть пятая — X, 27—28).
Вместе с Герценом в демонстрации участвовали Н. А. Герцен, Н. А. и Е. А. Тучковы и М. К. Эрн.
О своем участии в римской демонстрации вспоминает и М. К. Рейхель: «Мы видели огромное народное шествие, и даже мы, женщины, шли за ними в капитоль» (Рейхель, стр. 55).
Печатается по автографу (ГИМ). Впервые опубликовано факсимильно при воспроизведении портрета Герцена: ЛН, т. 39—40, стр. 197.
452
СПИСОК НЕСОХРАНИВШИХСЯ И НЕНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ И ДЕЛОВЫХ БУМАГ А. И. ГЕРЦЕНА
Февраль 1847 — март 1850
1. Н. П. ОГАРЕВУ. Февраль 1847 г., до 18 (6) — с дороги, не доезжая Берлина. Упоминается в письме Огарева к Герцену от 25—26 (13—14) марта 1847 г. — ЛН, т. 61, стр. 754. Из двух несохранившихся писем Герцена с дороги Москва—Берлин одно условно приурочено к отрезку пути Москва — русско-прусская граница — см. т. XXII наст. изд., стр. 445, а данное письмо — к отрезку пути от русско-прусской границы до Берлина.
2 и 3. Н. П. ОГАРЕВУ. 18 (6) февраля — 7 марта (23) февраля 1847 г. Берлин. Два письма, одно с приписками Н. А. Герцен, М. Ф. Корш, Г. Мюллера-Стрюбинга. — О Берлинском музее, об античном искусстве и об искусстве древнего Востока. Огарев отвечал Герцену в письме от 25 — 26 (13—14) марта. 1847 г. (см. ЛН, т. 61, стр. 754—755). Датируется по времени пребывания Герцена в Берлине (см. письма 1 и 4 наст. тома).
4. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ. 22 (10) февраля — 7 марта (23 февраля) 1847 г. Берлин.

Н. А. Герцен писала 3 марта (19 февраля) 1847 г. Е. Б. Грановской: «Из Александрова письма, общего, ты увидишь все, что касается до Коли» (стр. 11 наст. тома). (В сохранившемся письме московским друзьям из Берлина (№ 1) Герцен лишь упомянул вскользь о предстоящем приглашении светил берлинской медицины: «...что они решат относительно Коли»).
Датируется отрезком времени между написанием письма 1 и днем отъезда Герцена из Берлина.
5. Е. И. ГЕРЦЕНУ. Февраль – март, до 13 (1) 1847 г. С дороги между Москвой и Кельном. Несколько писем. См. письмо Герцена к Г. И. Ключареву от 13 (1) марта 1847 г. (стр. 17 наст. тома).
6. Н. П. ОГАРЕВУ. Около 28 (16) марта 1847 г. Париж. О денежных делах. Упоминается в письме Герцена Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 18 наст. тома), а также в письмах Огарева Герцену от 2 мая (20 апреля) 1847 г. (ЛН, т. 61, стр. 758) и Грановскому от 8 мая (25 апреля) 1847 г. («Звенья», т. I, стр. 127).
7. Е. Ф. КОРШУ. Около 28 (16) марта 1847 г. Париж. О денежных делах. См. письмо Герцена Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 18 наст. тома).
453
8. Н. П. ОГАРЕВУ. Около 10 апреля (29 марта) 1847 г. Париж. Совместное с Н. А. Герцен. О парижских впечатлениях, Н. И. Сазонове, Г. Гервеге. Огарев отвечал Герцену 19–20 (7–8) июня 1847 г.: «...Желал бы лично видеть впечатление, которое на тебя производит тамошний мир. Мне кажется, что, несмотря на многое скорбное и удушливое, с которым ты необходимо должен был столкнуться, ты слишком немного обратил внимания на Staat in seiner politiko- oëkonomischen Entwickelung государство в его политико-экономическом развитии. Боюсь, чтоб Gesamtheit совокупность фактов и целость развития не скрылись перед тобою за теоретическими неудовольствиями» (ЛН, т. 61, стр. 762, 764). Датируется с учетом вероятного срока прохождения корреспонденции от Парижа до Акшина.
8а. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ ? Май 1847 г. Париж. О выдаче 200 рубл. ассигн. С. И. Астракову. См. письмо 10 (стр. 27). Датируется условно.
9. Н. П. ОГАРЕВУ. Начало июня 1847 г. Париж. Совместное с Н. А. Герцен. Огарев отвечал Герцену 8–9 июля (26–27 июня) 1847 г.: «...тебе, Герцен, спасибо за новости и очерк характеров» (ЛН, т. 61, 766–768).
10. И. И. ПАНАЕВУ. Май – середина июня 1847 г. Париж. О доставке Герцену номеров «Современника». См. письмо Герцена московским друзьям от 21 (9) июня 1847 г. (стр. 31 наст. тома). – Датируется условно – в связи с упоминанием о № 6 «Современника» за 1847 г.
11. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ. 4 июля (22 июня) 1847 г. Париж. О выдаче денег Т. А. Астраковой. Упоминается в письме Герцена к Т. А. Астраковой от того же числа (стр. 33 наст. тома).
12. Н. А. НЕКРАСОВУ. Середина августа 1847 г. Париж или Гавр. Н. А. Некрасов писал 14 августа 1847 г. (ст. стиля) А. В. Никитенко: «Кланяется Вам Герцен, от которого я получил вчера письмо. Он шлет нам на днях для „Современника" свои письма из Парижа» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. X, М., 1952, стр. 76).
13. И. И. ПАНАЕВУ. Середина августа 1847 г. Париж или Гавр. Об условиях печатания «Писем из Avenue Marigny» в «Современнике». Герцен писал В. П. Боткину 31 (19) декабря 1847 г.: «... я особенно просил Панаева кладеных выхолощенных писем не печатать» (стр. 51 наст. тома). Датируется условно по вероятному сроку отсылки «Писем из Avenue Marigny» в редакцию «Современника» в Петербург.
14. Н. П. ОГАРЕВУ. 16 (4) – 26 (14) августа 1847 г. Гавр. О финансовых делах – см. письмо к Г. И. Ключареву от 26 (14) августа 1847 г. (стр. 37 наст. тома). Огарев в письме от сентября 1847 г. сообщал Е. Ф. Коршу и Т. Н. Грановскому: «От Герцена письмо с брегов моря (т. е. из Гавра)» – (Сборник «Помощь голодающим», 1892, стр. 525). Датируется отрезком времени между приездом Герцена в Гавр и датой упомянутого письма к Г. И. Ключареву.
15. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ. Конец августа 1847 г. Гавр. Упоминается в письме Герцену к Т. А. Астраковой от 21 (9) сентября 1847 г. (стр. 41 наст. тома), в письме В. П. Боткина от 6 сентября (24 августа) 1847 г. из Москвы П. В. Анненкову («Анненков и его друзья», 1892, СПб., стр. 549). См. также письмо В. П. Боткина Герцену от 7 декабря (25 ноября) 1847 г. (ЛН, т. 62, стр. 40 и 42). Датируется на основании вероятного срока прохождения корреспонденции из Гавра в Москву.
16. К. Д. КАВЕЛИНУ. Около 2 сентября (21 августа) 1847 г. Гавр. В письме к Т. А. Астраковой от 21 (9) сентября 1847 г. Герцен сообщал: «...и к Кавелину писал, кажется, 2 сентября» (стр. 41 наст. тома).
454
17. В. П. БОТКИНУ. Начало июня – 10 октября (28 сентября) 1847 г. Париж или

Гавр. В. П. Боткин писал П. В. Анненкову 24 (12) октября 1847 г. из Москвы: «Легко было Герцену смеяться надо мной по поводу лицемерия французского общества и приводить, как доказательство этого лицемерия, слова прокурора и президента в процессе д'Эквильи...» («Анненков и его друзья», стр. 552). В известных письмах Герцена к В. П. Боткину, а также к московским друзьям и Астраковым нет подобного упрека по адресу В. П. Боткина в сочетании с примером из процесса д'Эквильи. Датируется отрезком времени от момента, когда Герцену стало известно отрицательное мнение В. П. Боткина о его оценках французской буржуазии (см. письмо 11 наст. тома) — вплоть до последней возможной даты.

18. Н. А. НЕКРАСОВУ. Середина августа — 20 (8) октября 1847 г. Гавр или Париж. — Н. А. Некрасов писал 21 октября 1847 г. (ст. стиля) А. В. Никитенко: «...посылаю Ваши и Куторгины корректуры Письма Герцена Речь идет о IV из «Писем из Avenue Marigny», появившемся в ноябрьском номере «Современника» за 1847 г.. Я решительно не знаю, что делать с этой статьей. Я имею письмо Герцена, в котором он пишет, что если его письма очень обрежет цензура, то не печатать их». (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. X, М., 1952, стр. 81). Датируется условно — отрезком времени между вероятным сроком отсылки Герценом в редакцию «Современника» «Писем из Avenue Marigny» и последним возможным сроком.

19. Т. Н. ГРАНОВСКОМУ. Около 10 октября (28 сентября) 1847 г. Париж. Упоминается в письме Герцена к Т. А. Астраковой от 15 (3) октября 1847 г. (стр. 42 наст. тома) и в письме В. П. Боткина П. В. Анненкову из Москвы от 24 (12) октября 1847 г. («Анненков и его друзья», стр. 553).

20. В. П. БОТКИНУ. 13 (1) ноября 1847 г. Ницца. Упоминается в письме Герцена к Е. Б. и Т. Н. Грановским, датируемом около 15 (3) ноября 1847 г. (стр. 44 наст. тома). См. также письмо В. П. Боткина к Герцену от 7 декабря (25 ноября) 1847 г. (ЛН, т. 62, стр. 41).

21. К. Д. КАВЕЛИНУ. 28 (16) октября — 22 (10) ноября 1847 г. Ницца. Упомирается в письме Герцена к В. П. Боткину от 31 (19) декабря 1847 г. (стр. 53 наст. тома). Датируется временем пребывания Герцена в Ницце.

22. Е. И. ГЕРЦЕНУ. Около 20 (8) ноября 1847 г. Ницца. Упоминается в письме Герцена к Г. И. Ключареву от 20 (8) ноября 1847 г. (стр. 44 наст. тома). Датируется по вероятному сроку прохождения корреспонденции из Москвы в Ниццу.

23. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ. 20 (8) ноября 1847 г. Ницца. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 45 наст. тома).

24. И. С. ТУРГЕНЕВУ. Конец октября — конец ноября 1847 г. С дороги Париж — Ницца и из Ниццы ?. Несколько писем. Упоминаются в письме Тургенева Белинскому от 26 (14) ноября 1847 г. из Парижа (И. С. Тургенев. Собр. соч. в 12 томах, т. 12, М., 1958, стр. 45). Датируются отрезком времени с отъезда Герцена из Парижа до последней возможной даты.

25. Доверенность на имя Г. И. Ключарева на размен двух билетов по 10 000 рубл. серебром. 11 декабря (29 ноября) 1847 г. Рим. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 49 наст. тома).

26 и 27. Н. П. ОГАРЕВУ. Два письма из Рима, одно — около 4 декабря (22 ноября) 1847 г., другое — позднее, но не позже 15 (3) декабря 1847 г. Упоминаются в письме Н. П. Огарева к Герцену от 7— 8 января 1848 г. (26—27 декабря 1847 г.) — ЛН, т. 61, стр. 772. Предложение Огареву купить за 175 тыс. руб. костромское именье. Датируются:

первое — по связи с письмом Герцена к Г. И. Ключареву от 4 декабря (22 ноября) 1847 г. (стр. 48—49 наст. тома); второе — ориентировочно на основании вероятных сроков прохождения корреспонденции из Рима в Акшено.

28. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ. Около 31 (19) января 1848 г., Рим. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (см. стр. 61 наст. тома).

29. Заявление в Опекунский совет в Москве. 12 февраля (31 января) 1848 г. Неаполь. Об утере денежных документов. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 62 наст. тома) и в «Письмах из Франции и Италии», письмо 7 (V, 115).

30. Заявление в Московскую сохранную казну. 12 февраля (31 января) 1848 г. Неаполь. Об утере денежных документов. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 63 наст. тома).

31. Заявление в Воспитательный дом в Москве. 13 — 14 (1—2) февраля 1848 г. Неаполь. Об утере денежных документов. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от 14 (2) февраля 1848 г. (стр. 63 наст. тома).

32. Объявление в неаполитанской газете. 13 — 14 (1—2) февраля 1848 г. Неаполь. Об утере денежных документов. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от 14 (2) февраля 1848 г. (стр. 64 наст. тома).

33. Объявление в римской газете. 13 — 14 (1—2) февраля 1848 г. Неаполь. Об

утере денежных документов. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от 14 (2) февраля 1848 г. (стр. 64 наст. тома).
34. П. В. АННЕНКОВУ. Середина февраля 1848 г. Неаполь. Об утере портфеля с денежными документами. Упоминается в письме к П. В. Анненкову от 5–6 марта (22–23 февраля) 1848 г. (стр. 66 наст. тома).
35. Русскому посольству в Неаполе. Середина февраля 1848 г. Неаполь. Об утере портфеля. Просьба о содействии в отыскании его (см. «Письма из Франции и Италии», письмо 7 – V, 117).
36. Расписка русскому посольству в Неаполе. Середина февраля 1848 г. Неаполь. О получении пропавшего портфеля. – Упоминается в «Письмах из Франции и Италии», письмо 7 (V, 118).
37. Заявление в Московскую сохранную казну. 19 (7) февраля 1848 г. Неаполь. О том, что утерянные денежные документы найдены. Упоминается в письме Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 65 наст. тома).
38. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ. 8 июня (27 мая) 1848 г. Париж. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 77 наст. тома).
39. В. П. БОТКИНУ. Конец июля 1848 г. Париж. Упоминается в письме В. П. Боткина к Герцену от 12 сентября (31 августа) 1848 г. Продолжение полемики с Боткиным о французской буржуазии – в связи с уроками Июньских дней. См. ЛН, т. 62, стр. 43–44. Датируется по вероятному сроку прохождения корреспонденции из Парижа в Москву.
40. Л. КАВЕНЬЯКУ. Конец июля 1848 г. Париж. «Я написал письмо к Каваньяку, спрашивая его, отчего полиция не возвращает моих бумаг и не говорит о том, что нашла в них...» («Былое и думы», часть пятая – X, 288).
41. Расписка парижской префектуре. Около 1 августа (20 июля) Париж. О получении обратно бумаг, отобранных при обыске в конце июня 1848 г. («Былое и думы», часть пятая – X, 289).
42. Г. И. КЛЮЧАРЕВУ ? Начало августа 1848 г. Париж. В письме к тому же адресату от 8 сентября (27 августа) 1848 г. говорится: «Я писал ... с Марьей Федоровной и просил вас в случае необходимости снабдить ее деньгами» (стр. 100 наст. тома). Датируется по времени отъезда М. Ф. Корш из Парижа в Россию.
43 М. Ф. КОРШ. Середина августа 1848 г. Париж. О письме к М. Ф. Корш в Берлин упоминается в письме к московским друзьям от 6 сентября (25 августа) 1848 г. (стр. 97 наст. тома). Датируется условно по возможному времени пребывания М. Ф. Корш в Берлине по пути из Парижа в Москву.
44. М. Ф.КОРШ. Конец августа 1848 г. Париж. О письме к М. Ф. Корш в Петербург упоминается в письме к московским друзьям от 6 сентября (25 августа) 1848 г. (стр. 97 наст. тома). Датируется условно по возможному времени пребывания М. Ф. Корш в Петербурге по пути из Парижа в Москву.
45. Н. П. ОГАРЕВУ. 8 сентября (27 августа) 1848 г. Париж. О денежных делах. Упоминания: в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 100 и 101 наст. тома); в письме к Г. И. Ключареву от 26 (14) октября 1848 г. (стр. 109 наст. тома); в письме к Н. П. Огареву от 17 (5) октября 1848 г. (стр. 106 наст. тома); в письме Н. П. Огарева к Герцену от 21 (9) октября 1848 г. (ЛН, т. 61, стр. 775).
46. Н. А. НЕКРАСОВУ. Начало августа – начало сентября 1848 г. Париж. Н. А. Некрасов писал 12 сентября 1848 г. (ст. стиля) И. С. Тургеневу: «Герцену поклон. Спасибо ему за его доброе письмо. Я плакал, читая «После грозы» – это чертовски хватает за душу» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. X, 1952, стр. 116). Датируется, исходя из того, что статья «После грозы» (а также, вероятно, и упоминаемое письмо Герцена к Некрасову) могла попасть из Парижа в Петербург либо с Тучковыми и М. Ф. Корш, выехавшими из Парижа в начале августа 1848 г., либо с П. В. Анненковым, выехавшим из Парижа в начале сентября 1848 г.
47. М. Ф. КОРШ. 13 (1) октября 1848 г. Париж. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 104 наст. тома).
48. Е. И. ГЕРЦЕНУ. Около 13 (1) октября 1848 г. Париж. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 105 наст. тома).
49. П. В. АННЕНКОВУ. Октябрь – начало ноября 1848 г. Париж. Упоминается в письме к тому же адресату от 6 декабря (24 ноября) 1848 г. (стр. 120–121 наст. тома). Датируется условно – с учетом времени отъезда Анненкова из Парижа и длительности прохождения корреспонденции из Парижа в Москву.
50. М. Ф. КОРШ. Начало декабря 1848 г. Париж. О заболевании Таты «тифозной горячкой». Упоминается в письме М. Ф. Корш к А. И. и Н. А. Герценам от 2 января 1849 г. (21 декабря 1848 г.) – ЦГАЛИ, ф. 2197, опись I, ед. хранения 102. Датируется временем заболевания Таты – ср. письма Герцена к Г. И. Ключареву от 4 декабря (22 ноября) 1848 г. (стр. 118 наст. тома) и к П. В. Анненкову от 6 декабря (24 ноября) 1848 г. (стр. 120 наст. тома).
51. Н. П. ОГАРЕВУ. 17 (5) октября – 21 (9) декабря 1848 г. Париж. О

финансовых делах. См. письмо Герцена к Г. И. Ключареву от 21 (9) декабря 1848 г. (стр. 121 наст. тома). Датируется отрезком времени между указанным письмом к Ключареву и предыдущим письмом к Огареву.
52. П. А. ЗАХАРЬИНУ 21 (9) декабря 1848 г. Париж. Упоминается в письме Герцена к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 121 наст. тома).
53. Н. П. ОГАРЕВУ. 21 (9) декабря 1848 г. Париж. Совместное с Н. А. Герцен. Высказывания по этико-философским вопросам; сообщение о заболевании Таты. См. письмо Н. П. Огарева Н. А. Тучковой от 15 – 16 (3–4) января 1849 г., в котором приведена, в частности, следующая выдержка из письма Герцена: «Знаешь, что я начинаю думать, в противоположность громким сентенциям, что именно отдельные
457
люди и бывают хороши, а человечество никуда не годно Вот отчего евангелие и говорит о ближнем, а не о сумме суммарум» («Русские пропилеи», т. 4, М., 1917, стр. 69–70). Письмо датируется на основании того, что оно было получено Огаревым в Акшине и, видимо, отправлено Герценом (в Париже) одновременно с письмом Н. А. Герцен к Н. А. Тучковой от 21 (9) декабря 1848 г. (см. там же, стр. 68, а также «Русские пропилеи», т. 1, М., 1915, стр. 254– 257).
54. Е. И. ГЕРЦЕНУ. Январь 1849 г. Париж. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от 12 февраля (31 января) 1849 г. (см. стр. 124 наст. тома). Датируется условно.
55. Н. П. ОГАРЕВУ. Конец января 1849 г. Париж. Совместное с Н. А. Герцен. «Длинное» письмо историко-философского содержания, в котором проводились параллели между современным положением Западной Европы и положением древнего мира в эпоху возникновения христианства. См. письмо Н. П. Огарева к Герцену от 16 (3) февраля 1849 г. (ЛН, т. 61, стр. 782). Упоминание о получении данного письма в Акшине см. в письме Н. П. Огарева и Н. А. Тучковой к Н. А. Герцен от 14 (2) февраля 1849 г. («Русские пропилеи», т. 4, М., 1917, стр. 81). Датируется ориентировочно по вероятному времени прохождения корреспонденции из Парижа в Акшено.
56. М. Ф. КОРШ. 12 февраля (31 января) 1849 г. Париж. Упоминается в письме Герцена к Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 125 наст. тома).
57. Е. И. ГЕРЦЕНУ. 21 (9) декабря 1848 г. – 15 (3) февраля 1849 г. Париж. Герцен писал 15 (3) февраля 1849 г. Г. И. Ключареву: «Я было писал к Егору Ивановичу насчет продажи их костромских крестьян, но решительно передумал. Это именье я ни за что не продам» (стр. 127 наст. тома). Датируется условно отрезком времени между упомянутым и предыдущим письмами к Г. И. Ключареву.
58. Н. П. ОГАРЕВУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ. Начало марта 1849 г. Париж. Совместное с Н. А. Герцен. Ответ на письмо Н. П. Огарева и Н. А. Тучковой от 14 (2) февраля 1849 г., в котором они сообщали о своей любви («Русские пропилеи», т. 4, стр. 81–83). См. ответное письмо Огарева из Петербурга от 17 (5) марта 1849 г. (ЛН, т. 61, стр. 787). Датируется по вероятному сроку прохождения корреспонденции из Парижа в Петербург.
59. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ ? 6 марта (22 февраля) 1849 г. Париж. Н. А. Герцен писала Т. А. Астраковой в письме от 4–9 марта (20–25 февраля) 1849 г.: «Александр посылает сегодня 6 марта письмо в Москву» (НПГ, стр. 148). В. П. Боткин писал П. В. Анненкову из Москвы 22 (10) марта 1849 г.: «...Герцен на днях писал, что он намеревается будущим летом воротиться и заняться хозяйством» («Анненков и его друзья», 1892, стр. 557).
60. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ. 9 марта (25 февраля) 1849 г. Париж. В письме Герцена к Т. А. Астраковой от того же числа говорится: «Отошлите приложенную записку» (стр. 128 наст. тома).
61. Сохранная записка на заемные письма Д. П. Голохвастова. 20 (8) марта 1849 г. Париж. – Упоминается в письме Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 129 наст. тома).
62. Доверенность Г. И. Ключареву на продажу тучковского дома Е. И. Герцену. 20 (8) марта 1849 г. Париж. – Упоминается в письме Г. И. Ключареву от того же числа (стр. 129 наст. тома).
63. Е. И. ГЕРЦЕНУ. Апрель 1849 г. Париж. – О том, чтобы деньги за тучковский дом Е. И. Герцен оставил у себя до особого распоряжения. Упоминается в письме Герцена к Т. Н. Грановскому от 12–14 мая (30 апреля – 2 мая) 1849 г. (стр. 137 наст. тома). Датируется условно –
458
исходя из вероятного срока оформления продажи тучковского дома и времени нахождения в пути письма Е. И. Герцена, на которое данное письмо является ответом.
64. Е. И. ГЕРЦЕНУ. Около 14 (2) мая 1849 г. Париж. О выплате (в счет долга по проданному дому) московским друзьям А. И. Герцена от 1000 до 1500 рублей ассигнациями – по их требованию. Упоминается в письме Герцена к Т. Н.

Грановскому от 12–14 мая (30 апреля – 2 мая) 1849 г. (стр. 138 наст. тома).
65. И. П. ГАЛАХОВУ. Май – 20 (8) июня 1849 г. Париж. Упоминается в письме Герцена к Т. Н. Грановскому от 2–5 августа (21–24 июля) 1849 г. (стр. 171 наст. тома), на основании которого и датируется.
66. Н. А. ГЕРЦЕН и Л. И. ГААГ. 22 (10) июня 1849 г. Женева. Упоминается в письмах к Н. А. Герцен от 22–23 (10–11) июня 1849 г. (стр. 146 наст. тома) и от 29 (17) июня 1849 г. (стр. 151 наст. тома).
67. Н. И. САЗОНОВУ. 1 июля (19 июня) 1849 г. Женева. О предоставлении Прудону 24 тыс. франков в качестве залога для издания «Voix du Peuple». В ответном письме от 3 июля (21 июня) 1849 г. Сазонов, говоря о том, что журнал целесообразнее издавать в Париже, а не в Женеве, писал: «Фази, я думаю, за это нисколько не рассердится, потому что он сам поймет, насколько журнал в Париже полезнее женевского журнала, даже им самим издаваемого». В этом же письме он замечал: «А о реакции и о разгаре реакции ты мне не говори – этот жар уже остыл...» (ЛН, т. 62, стр. 534, 536). См. также письмо Н. И. Сазонова к Герцену от 4 июля (22 июня) 1849 г. (ЛН, т. 62, стр. 536–538). Упоминание см. в письме Герцена к Н. А. Герцен и Г. Гервегу от 1 июля (19 июня) 1849 г. (стр. 155 наст. тома).
68. Н. П. ОГАРЕВУ. 2 июля (20 июня) 1849 г. Женева. Упоминания: в письме Герцена к Т. А. и
С. И. Астраковым от 1–2 июля (19–20 июня) 1849 г. (стр. 157 наст. тома) и в письме Н. А. Тучковой и Н. П. Огарева к Герценам от июля 1849 г. («Русские пропилеи», т. 4, стр. 99).
69. Н. И. САЗОНОВУ. 2–7 июля (20–25 июня) 1849 г. Женева. – «Длинное письмо», которое упоминается в письме Н. И. Сазонова к Герцену от 10 июля (28 июня) 1849 г. (ЛН, т. 62, стр. 538).
70. Н. И. САЗОНОВУ. 7 или 8 июля (25 или 26 июня) 1849 г. Женева. О предоставлении Прудону 24 тыс. франков в качестве залога для издания «Voix du Peuple». О возможном отъезде в Америку. См. письмо Н. И. Сазонова к Герцену от 10 июля (28 июня) 1849 г. – ЛН, т. 62, стр. 538.
71. Е. И. ГЕРЦЕНУ. 22 (10) июня – 12 июля (30 июня) 1849 г. Женева. О переезде из Парижа в Швейцарию. О заболевании Тургенева холерой в Париже. См. письмо Герцена Г. И. Ключареву от 12 июля (30 июня) 1849 г. (стр. 163 наст. тома) и письмо Т. Н. Грановского Герцену от июля 1849 г. («Звенья», т. VI, 1936, стр. 362).
72. М. Ф. КОРШ Т. Н. ГРАНОВСКОМУ?. 12 июля (30 июня) 1849 г. Женева. В письме к Г. И. Ключареву от того же числа Герцен просил его «...доставить приложенное письмо Марье Федоровне Корш...» (стр. 164 наст. тома). По существу же письмо, видимо, было предназначено для Т. Н. Грановского, который писал Герцену в письме, датируемом «июлем – августом 1849 г.»: «Марья Федоровна дала мне прочесть письмо твое, Герцен. От него зазвучали все романтические струны, какие есть в душе моей» (ЛН, т. 62, стр. 94). Это же письмо имел в виду Герцен, когда писал Т. Н. Грановскому 2 августа (21 июля) 1849 г.: «Вероятно ... вы получили мое письмо из Женевы ... Насчет его Огарева семейных дел я писал в прошлом письме» (стр. 169 наст. тома).
459
73. Н. И. САЗОНОВУ. 8 июля (26 июня) – 20 (8) июля 1849 г. Женева. – Н. И. Сазонов писал Герцену 22 (10) июля 1849 г.: «...из нескольких строк, приписанных тобою к письму Головина, я вижу, что ты еще не отвечал Прудону ... О какой ты акузации обвинении говоришь? ... Насчет его Головина фельетонов в «Presse» поговорю...» (ЛН, т. 62, стр. 539). Датируется отрезком времени между предыдущим письмом к Н. И. Сазонову и последним возможным сроком написания.
74. Е. И. ГЕРЦЕНУ. Около 9 августа (28 июля) 1849 г. Женева. О финансовых делах. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от 16 (4) августа 1849 г. (стр. 172 наст. тома), на основании которого и датируется.
75. Н. П. ОГАРЕВУ. 14 (2) августа 1849 г. Женева. Совместное с Н. А. Герцен. Историко-философские высказывания; о возможном приезде в Россию весной 1850 года; о приятеле
76. К.-Э. ХОЕЦКОМУ. Конец июля – первая половина августа 1849 г. Женева. О согласии внести залог для издания «Voix du Peuple». Упоминается в части пятой «Былого и дум» (X, 190). Датируется условно – на основании содержания и дат смежных писем на ту же тему.
77. Н. И. САЗОНОВУ. Конец июля – первая половина августа 1849 г. Женева. О согласии внести залог для издания «Voix du Peuple». Упоминается в части пятой «Былого и дум» (X, 184 и 190). Датируется условно – на основании содержания и дат смежных писем на ту же тему.
78. П. Ж. ПРУДОНУ. 19 (7) августа 1849 г. Женева. О согласии – на определенных условиях – внести залог для издания «Voix du Peuple» Прудон писал

Герцену 23 (11) августа 1849 г.: «Отвечая на ваше дружеское письмо от 19 текущего месяца, имею честь сообщить вам положения и условия нашего с вами договора относительно залога для «La Voix du Peuple», согласно проекту, который вы сами пожелали мне прислать. Не найдя в этом проекте ничего, кроме разумного и справедливого, я ограничился тем, что переписал его почти слово в слово (текст договора см. на стр. 399–400 наст. тома) ...; единичные изменения, которые я себе позволил внести, сделаны только для большей ясности... Итак, решено, что, под моим общим руководством вы принимаете участие в редактировании «La Voix du Peuple», что ваши статьи принимаются без всякого контроля, кроме того, к которому редактора газеты обязывают уважение к собственным принципам и страх перед законом... что же касается оценки внешних событий, мы всегда будем вынуждены обращаться к вам» (Raoul Labr y «Herzen et Prudhon», P., 1928, pp. 91–92). О содержании своего письма Прудону от 19 (7) августа 1849 г. Герцен писал в «Былом и думах» (X, 191).

79. К.-Э. ХОЕЦКОМУ. 19 (7) ? августа 1849 г. Женева. «Ультиматум» К.-Э. Хоецкому в связи с вопросом об участии Герцена в газете «Voix du Peuple». Упоминается в письме к Э. Гервег от 20 (8) августа 1849 г. (стр. 173 наст. тома), на основании которого и датируется. (Не исключено, что № 76 и № 79 представляют собой одно письмо).

80. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ. 15 (3) сентября 1849 г. Женева. Упоминается в письме к Г. И. Ключареву от этого числа: «Примите на себя труд переслать прилагаемое письмецо» (стр. 180 наст. тома). Есть основания предполагать, что в данном случае, как и в ряде предыдущих, поручение касалось письма, адресованного М. Ф. Корш, а через нее – Т. Н. Грановскому и другим московским друзьям Герцена.

460

81. Доверенность на получение 24 тыс. франков для внесения залога за «Voix du peuple». Первая половина сентября 1849 г. Женева. Упоминается в письме к Э. Гервег от той же даты (стр. 180 наст. тома).

82. Н. П. ОГАРЕВУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ. 24–26 (12 – 14) сентября 1849 г. Женева. Упоминается в письме от 21–26 (9–14) сентября 1849 г. Т. Н. Грановскому (стр. 186 наст. тома), на основании которого и датируется.

83. К.-Э. ХОЕЦКОМУ. Конец сентября 1849 г. Женева. Об иностранном отделе «Voix du Peuple». Упоминается в письме к Э. Гервег от 5 октября (23 сентября) 1849 г. (стр. 193 наст. тома), на основании которого и датируется, с учетом того, что пробный номер «Voix du Peuple» вышел 25 сентября 1849 г.

84. Н. И. САЗОНОВУ. Конец сентября 1849 г. Женева. Об иностранном отделе «Voix du Peuple». Упоминается в письме к Э. Гервег от 5 октября (23 сентября) 1849 г. (стр. 193 наст. тома), на основании которого и датируется, с учетом того, что пробный номер «Voix du Peuple» вышел 25 сентября 1849 г.

85. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ. 1 октября (20 сентября) 1849 г. Женева. Упоминается в приписке Герцена к письму Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой от 9 декабря (27 ноября) 1849 г. (стр. 214 наст. тома).

86. Е. И. ГЕРЦЕНУ. 9 августа (28 июля) – 9 октября (27 сентября) 1849 г. Женева. О денежных делах. Упоминается в письме к Т. А. Астраковой от 9 октября (27 сентября) 1849 г. (стр. 196 наст. тома). Датируется условно отрезком времени между предыдущим (несохранившимся) письмом к Е. И. Герцену и указанным письмом к Т. А. Астраковой.

87. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ. 20 (8) октября 1849 г. Женева. Упоминается в письме к К.-
Э. Хоецкому от 20 (8) октября 1849 г. (стр. 198 наст. тома), на основании которого и датируется.

88. Д. РОТШИЛЬДУ. Начало ноября 1849 г. Женева. О получении денег в Петербурге по «билету» Л. И. Гааг ? Упоминается в письме к Э. Гервег от 7 ноября (26 октября) 1849 г. (стр. 207 наст. тома).

89. Л. И. ГААГ. 20 (8) – 26 (14) ноября 1849 г. Женева. О высылке М. Гессу 60 франков. Упоминается в письме М. Гессу от 26 (14) ноября 1849 г. (стр. 210 наст. тома), на основании которого и датируется (условно).

90. Е. И. ГЕРЦЕНУ. Около 20 (8) декабря 1849 г. Цюрих. Упоминается в письме к Г. Гервегу от 21 (9) декабря 1849 г. (стр. 217 наст. тома), на основании которого и датируется (условно).

91. Н. А. ГЕРЦЕН. 9 января 1850 г. (28 декабря 1849 г.). Париж. См. «Былое и думы», часть пятая – X, 254.

92. Н. А. ГЕРЦЕН. Середина января 1850 г. Париж. Об отношении Н. А. Герцен к Г. Гервегу (см. «Былое и думы», часть пятая – X, 255). Датируется ориентировочно на том основании, что это письмо – ответ на письмо Н. А. Герцен, явившееся ответом на письмо А. И. Герцена от 9 января 1850 г. (28 декабря 1849 г.).

93. Н. А. ГЕРЦЕН. Около 20 января 1850 г. Париж. В письме к Г. Гервегу от

22 (10) января 1850 г. говорится: «Я предложил Натали приехать в Париж, притом одной — для меня это было необходимо» (стр. 240 наст. тома). Датируется условно.
94. Ф. КАППУ. 1—4 февраля (20—23 января) 1850 г. Париж. О материальных условиях выпуска второго издания «С того берега». Упоминается в письме к Г. Гервегу от 4 февраля (23 января) 1850 г. (стр. 252 наст. тома). Датируется ориентировочно — отрезком времени между указанным и предыдущим письмами к Г. Гервегу.
95. Ф. КАППУ. Около 21 (9) февраля 1850 г. Париж. Об отношениях с фирмой Гофман и Кампе в связи с изданием книги «С того берега».
461
Упоминается в письме к Г. Гервегу от того же числа (стр. 279 наст. тома).
96. М. К. ЭРН. 14 или 15 (2 или 3) марта 1850 г. Париж. О результатах выборов 10 марта (26 февраля) 1850 г. в Париже. Герцен писал 15 (3) марта 1849 г. Г. Гервегу: «...с парижским народом я помирился... прочти, что я пишу м-ль Эрн, и газетные вырезки» (стр. 301 наст. тома). Датируется с учетом того, что результаты выборов были официально объявлены в парижских газетах только 14 (2) марта 1850 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://herzenalexander.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!